

История иудейского народа по археологии Иосифа Флавия

митрополит Иосиф (Петровых)

Предисловие

«Ни один народ не погибал таким великим и достойным образом, как народ Иудейский».

(Де-Солси).

«История Еврейского народа – одна из прекраснейших, и я не жалею, что посвятил ей всю свою жизнь». (Э. Ренан)

Полный и обстоятельный указатель литературы, касающейся Иосифа Флавия, к нашему счастью, уже имеется, см. Schürer, Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Leipzig. 1901 г. (в 3 томах) I, 94–106 стр. Там же (4–31 и далее) названия трудов, авторы коих цитуются и служили пособиями для настоящего труда.

Предисловие

Какими мотивами вызывался к жизни настоящий труд, что он ставит своей особенной задачей, какое выполнение ее находит наиболее целесообразным? – вот вопросы, разъяснением которых, прежде всего – мы должны обеспечить этому труду право на существование и, поставив сразу же в определенные отношения к нему читателя, облегчить последнему ознакомление, надлежащее понимание, а – если бы потребовалось – и возможность такого или иного применения к делу.

В ряду источников Библейской науки, Археология Иосифа Флавия занимает, по справедливости, самое почтенное место, после Библии. Это – не просто источник, но – источник важнейший, без которого названная наука столь же, или почти столь же бессильна и немыслима, как без Библии. При той крайней скудости Иудейско-исторического материала вообще, каким разжалобилось для нас всесокрушающее время, иметь только Библию и не иметь Иосифа – для Иудейского историка едва неодинаково худо, как иметь только Иосифа и не иметь Библии.

Но это значение Археологического материала Иосифа для истории, помимо того, что оно много обуславливается лишь утратой других данного рода материалов, куплено крайне дорогой ценой. Понадобились до унизости рабские преклонения пред авторитетом Иосифа далеко недюжинных талантов (вроде некоторых Отцов и учителей Церкви), прежде чем ему воздана более должная заслуга. Нужны были, с другой стороны, до ослепления ярые отрицатели всяких заслуг Иосифа, прежде чем установилось равновесие до крайности противоречивых суждений о его значении. Настоящее время если и можно назвать весьма богатым многовековыми опытами в данных отношениях и, потому, более гарантированным от пристрастных в ту и другую сторону суждений о Иосифе, – за то не всегда это время настолько внимательно и осторожно в применении Иосифа, чтобы не повторять бессознательно ошибок увлечения там, где внимание и

осторожность привели уже и еще приводят к обнаружению массы материала малогодного, а то и совсем негодного, и, однако, с чрезмерными претензиями на годность (что в особенности должно поощрять осторожность историка). Западная литература – как обычно – неизмеримо богаче нашей отечественной критическими исследованиями и работами в области материала Иосифа; там громадное поле того материала, в котором Иосиф претендует на полное господство, изрыто, так сказать, плугом критицизма вдоль и поперек, и нет меры, поистине, обилию и ценности принесенных этим «подвигом науки» плодов... И вот – первое и вполне достаточное оправдание настоящего исследования об Иосифе, идущего на встречу насущной нужде отечественной литературы в столь важной области.

Всеми давно создается необходимость осторожного и критически оправданного отношения к Иосифу, но это сознание почти не шло дальше отдельных, часто попутных в каком-либо труде, иногда голословных замечаний по адресу Иосифа. Представить полное его обследование, в целом объеме его обширного материала, определить пригодность этого материала, забраковать негодное, установить важное – вот основная задача задуманного исследования, которое избавляло бы пользующегося Иосифом от необходимости всякий раз справляться с его компетентностью, всякий раз ставить вопрос о его добросовестности и достоверности там, где иногда достаточно одного простого указания на специальное исследование. Задача – само собою понятно – важная и ответственная, и мечтать об успешном и сразу законченном осуществлении ее – было бы большим самообольщением уже в виду того, что многие вопросы Иосифа допускают для своего обстоятельнейшего решения появление целых особых трудов, не меньших настоящего. Но на посильное удовлетворение ей – надежда есть, точно так же, как есть надежда на то, что предполагаемый труд не останется одиноким в своей области и вызовет когда-либо более энергичные силы к разработке поставленного вопроса.

Мы сказали, что задачей настоящего исследования поставлялось критическое и, по возможности, полное обследование Иудейско-исторического материала Археологии Иосифа, с целью сделать этот материал пригодным для применения в Библейско-исторической науке. Осуществление этой задачи повлекло нас неизбежно к маленькому компромиссу, из которого мы не пытались выйти, но который долгом считаем указать. Дело в том, что при данной формулировке наша тема получает центр всей тяжести во второй половине капитальнейшего труда Иосифа, и, сообразно с этим, должна была отвлекать на нее же и все наше внимание. Как известно всякому сколько-нибудь имевшему дело с Иосифом, значение его, как источника, в первой половине его труда, сводится почти к нулю, и только там, где кончается Библия, начинается его авторитет, возрастая до максимума к концу Иудейской Истории, где он является почти единственным вестником несчастных судеб этой Истории. Нам казалось, однако, и – полагаем, вполне справедливо – не столь удобным – начинать свой труд прямо там, где его значение несомненно и, бесспорно. С одной стороны – трудно и установить такой пункт, с которого

Иосиф начинает заслуживать особенного внимания со стороны историка; с другой – ведь для того, чтобы (или прежде чем) рассуждать о том, что заслуживает внимания в Иосифе, весьма важно показать и то, почему не все заслуживает этого внимания в первой половине его труда, и насколько, в каком, по крайней мере, отношении оно заслуживает. Помимо глубокого текстокритического интереса к Иосифу, возбуждаемого сопоставлением его с свящ. источником – Библией, помимо цельности и полноты исследования, экскурсия – и самая обстоятельная – в первую половину Иосифовой Археологии безусловно важна и необходима для суждения о нем, как историке, о его характере и отношении к источникам вообще, и т.п. Без достаточного ознакомления с первой частью Археологии, исследователь его второй части лишается самой надежной почвы и менее может ручаться за правильность своей точки зрения по отношению к Иосифу. Вот почему, первая часть нашего труда, имеющая, по-видимому, мало прямого отношения к его сущности, имеет не менее важное для нее значение, как и вторая.

Возможны три пути к осуществлению нашей задачи: указание одних недостатков работы Иосифа, по констатировании которых можно бы весь остальной материал рекомендовать всякому исследователю (путь отрицательный); указание одних достоинств, игнорируя недостатки, и предлагая лишь прямо *compendium* надежного материала (положительный); наконец – следование по пятам за Иосифом и проверка каждой его оригинальности, в связи с прагматической разработкой его материала. В первом случае, работа оставляет в сыром виде материал Иосифа и мало приносит положительной пользы исследователю; во втором – получает слишком мало авторитетности, при неизвестности той подпольно-критической процедуры, которая вырабатывает эту авторитетность; третий путь – наиболее естественный, плодотворный, убедительный, но и за то... наиболее сложный, трудный. При том громадном почти исключительном значении, какое представляет Иосиф в особенности для слепого периода, обзор его, как источника, и опыт прагматической его обработки, очевидно, равнозначителен написанию надлежащего слепого отдела Библейской истории, где от писателя действительно справедливо требовать выступления «во всеоружии ученой критики». Не находя, однако, совсем бесполезным делом выступление и более слабых сил на столь благодарном поприще, находя такое выступление неким *conditio sine qua non* выступления последующих более совершенных научных работ этого рода, мы приемлем смелость идти по третьему из указанных нами путей, и, сообразно с этим, располагаем свою работу таким образом:

Сначала мы даем общие сведения о Иосифе и его литературной деятельности (введение); затем – мы специально расследуем его Археологию, прагматически ведя ее изложение сначала в сопоставлении с Библией (часть I), потом в качестве продолжения Библии, от прекращения строгопоследовательного связного рассказа ее до возобновления его Ново-Заветными Писаниями (часть II), – наконец, в эпоху современную этим Писаниям, кончая последними событиями, подготовившими,

сопровождавшими и заключившими политическую гибель народа Израильского (часть III).

Подробнее – содержание I части определяется главами: Археология и Пятокнижие (I), Археология и Исторические книги (II), Археология об эпохе пленения (III).

II часть: Археология о Библейском пробеле от Неемии до Александра В. (IV), Археология об эпохе Маккавеев (V гл.), от Библии до Евангелия (VI).

III часть: Археология и Евангелие (VII), Археология о после-Евангельских событиях (VIII) и – Конец Истории Народа Божьего (IX).

Введение

I. Личность Иосифа Флавия и общий обзор его литературной деятельности

§ 1

Едва ли, кажется, можно указать где еще другого писателя, и положительное и отрицательное значение которого в известной научной отрасли в одно и то же время были бы столь соприуси и в такой степени одинаково громадны, как это находим в авторе «Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιλογία». – С одной стороны – нет и не может быть такого цельного представления истории Иудейского народа, которое бы обходилось вполне без услуг Иосифа Флавия; но с другой стороны – нельзя встретить ученого библиолога, который бы, имея дело с Иосифом, совершенно игнорировал и не ставил ему на вид его странное и непростительно небрежное отношение к столь достойному предмету, каков тот, по которому он, священник Иудейский, предпринял написать свой объемистый и богатейший по замыслу труд. К сожалению, для того, чтобы судить о Иосифе в этом отношении вполне уверенно и беспристрастно, мы не имеем достаточно объективных всесторонних сведений о его личности и характере, при немалой загадочности той и другого. Все, что мы знаем о нем, почти только то, что он сам рассказывает о себе в своей автобиографии и в истории войны Иудейской. Как ни односторонни и ни подозрительны эти сведения, мы не можем не воспользоваться ими хотя в общих чертах, так как без них немыслимо надлежащее изучение, понимание и правильная оценка его капитальных произведений, в целях нашего труда.

Иосиф родился в первый год царствования Римского Императора Калигулы¹ (37/38 по Р. Х.) в Иерусалиме.² Происхождения он был поистине, «не беззнатного». Его отец, Матфий, принадлежал к первой священнической чреде из 24-х, причем, род его был «знатнейшим» из всех, носивших имя этой чреды, колене. По матери был он кроме того и царской крови, так как один из его предков (Матфий) имел женою дочь первосвященника Ионафана, которого отец, – Маттафия, – был родоначальником владетельного дома «Асмонеев», долгое время соединявшего (со времен Симона, брата Ионафанова) и царское, и первосвященническое достоинство (до Ирода). В юности Иосиф получил блестящее раввинское воспитание, успехам которого весьма много должна была способствовать несомненная даровитость юноши, хотя не без основания называют «бесстыдным хвастовством» его замечание, что «еще в отроческом возрасте, почти на 14-м году, своим прилежанием к наукам и успехами в них приобрел он себе похвалу от всех в такой степени, что сами архиереи и первейшие граждане обращались к нему, когда что-нибудь о законе хотели узнать точнее» (περὶ τῶν νομίμων ἀκριβέστερον τι γινῶναι). Не ограничиваясь этим, любознательный 16-летний юноша проходит школу фарисеев, саддукеев и ессеев, составлявших тогда влиятельнейшие партии палестинского иудейства, и 3 года проводит в уединении у некоего пустынника «Вануса», довершив под его руководством дело своего развития нравственным усовершенствованием своей личности, в строгой уединенной жизни аскета. На 19-м году жизни мы видим его опять в партии фарисеев, к которой окончательно примкнул он, по влечению своей живой честолубивой,

жаждавшей деятельности, натуры и в виду громадного влияния в народе именно этой партии. К этому же времени, вероятнее всего, может быть отнесено и весьма широкое ознакомление его с современной греческой образованностью, благодаря которой, он особенно должен был прийти к мысли внести свою долю труда в ту область, где он обещал быть столь компетентным и плодотворным. Около 63-го года, то есть, почти одновременно с Апост. Павлом, на 26-м году жизни³, Иосиф путешествовал в Рим с ходатайством за освобождение некоторых близких ему священников, арестованных Феликсом, и заручившись, – при посредстве некоего иудеянина-актера, – сильной, протекшей в лице императрицы Пoppеи, достигает пред императором своей цели и возвращается опять в отечество. Вскоре после этого, загоралось восстание в Иудее, давно уже глухо бродившее в Палестине и имевшее своей целью – свержение ненавистного ига Рима (66 г. по Р. X.). Захваченный этим политическим движением, Иосиф по своей деятельной натуре не был в силах оставаться безучастным зрителем завязывавшейся в его отечестве трагедии, хотя укоренившиеся симпатии к Риму и чувство признательности за недавнюю милость некоторое время сдерживали порывы возбужденного патриотического чувства. Вскоре, однако, обстоятельства в союзе с его природными наклонностями, тщеславием и честолюбием – вынудили и его принять участие в движении, столько для того, чтобы управлять им, как и для того, чтобы не оставаться без всякого значения. К некоторому оправданию его, нельзя сказать о нем, чтобы лавры его в данном случае покупались слишком дешево. Положение его было столько же трудно, как важно полученное им назначение. Он должен был в качестве предводителя организовать восстание в Галилее, которая и более всего находилась в опасности пред первыми натисками Римской армии, и менее всего была надежна по состоянию умов и по слабости или неприспособленности и беззащитности укреплений.⁴ При всем этом, в Галилее удалось надолго задержать успехи пресловутого Римского оружия, и, несмотря на то, что Галилейские города один за другим переходили в руки Веспасиана, – горсть храбрецов, засевших в крепости Иотапате, противопоставила воинскому искусству и мужеству непобедимых Римских легионов самое отчаянное сопротивление. Наконец, когда пала и эта крепость, Иосиф открыто отдался Римлянам и, в качестве пленника, отведен был в лагерь Римский. Из первой встречи его с Веспасианом довольно характерна записанная им маленькая подробность, весьма важная для всей дальнейшей его судьбы, а вместе – и для характеристики нашего писателя. Среди криков толпы солдат, разъяренно требовавших смерти ведомого пленника, преодолевая смущение и робость, и с удивительной неподдельностью разыгрывая пред победителем роль пророка, он вдохновенно-приветственно предсказывает Веспасиану в скором времени наследие императорской власти.⁵ Было ли слишком властно-убедительно само по себе это пророчесственное приветствие, или слишком польщено было им так податливое на похвалы самолюбие будущего Кесаря, – только ласкательство это, во всяком случае, удачно рассчитавшего именно на самолюбие, возымело свое действие, и, в связи – как кажется – с другими

побуждениями победителей, не только спасло Иосифу жизнь, но и подготовило ему редкие почести. В качестве почетная пленника, он во все остальное течение Иудейской войны всюду сопровождает Веспасиана, оказывая ему, а потом сыну его – Титу, важные услуги в роли парламентаря при осаде Иерусалима. Когда Веспасиан сделался действительно императором, Иосиф получил полную свободу в качестве императорского вольноотпущенника, при чем усвоено было ему и фамильное прозвание Веспасиана «Флавий». При взятии Иерусалима, Тит позволил ему «взять, что он хотел», причем он взял «некоторые священные книги» и исходатайствовал освобождение многих знакомых ему пленников. Еще щедрее одарен был он по возвращении вместе с Титом в Рим. Веспасиан дал ему помещение в собственном своем прежнем дворце, право римского гражданства и назначил ему годовое содержание, подарив также участок земли в Иудее. Наконец, в самом Риме в честь Иосифа (и в признательность за литературные заслуги) была воздвигнута даже колонна с его статуей.⁶

Дорогой ценой должны были быть куплены и окупаться для Иосифа все эти милости «признательного» Рима. Его презирали все соотечественники, как жалкого перебежчика и продажного льстеца. Еще во время осады Иерусалима, его отец и братья, находившиеся в Иерусалиме, были казнены, быть может, ради одного только отмщения Иосифу, а может быть и по чувству небезосновательных подозрений насчет их благонадежности. Еще ранее, при сдаче Иотапаты, он пожертвовал для спасения своей жизни – последними своими товарищами, склонив их умереть добровольной смертью от руки друг друга по жребию и убедив указанного последним жребием своего убийцу перейти на сторону Римлян.⁷ Все это, не исключая и почетного прозвания «Флавий», клеймило его в глазах соотечественников, как низкого презренного труса, изменника и предателя отечества, и его последующая жизнь при дворе постоянно отравлялась происками и наветами ненавидевших его Иудеев, мешавших ему со спокойной совестью наслаждаться могущественным покровительством и почестями трех императоров – Веспасиана (до 79 г.), Тита (79–81) и Домициана (81–96). Об отношениях к Иосифу последующих императоров ничего неизвестно. Остается невыясненным также время его смерти; только то несомненно, что в первое десятилетие II-го века он был еще жив, так как его автобиография написана по смерти Агриппы II (βίος, 65), а этот умер в третий год Траяна (100 по Р. Х.).⁸

§ 2

Обзор в высшей степени важных и замечательных во многих отношениях трудов Иосифа⁹ мы открываем капитальнейшим из них не только в количественном, но и качественном отношении вообще, и для библиолога в особенности. Этот его труд, по собственному надписанию автора, носит название «Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία» и обнимает в XX книгах истории Иудейского народа от начала мира до разгара роковой войны против Римлян в 66 году. Разделение на XX книг принадлежит самому Иосифу.¹⁰ Первые X книг идут параллельно Библейской Истории, доводя ее до конца Вавилонского пленения; одиннадцатая повествует о судьбах Иудейства от Кира до Александра Великого; двенадцатая – продолжает это повествование от Александра В. († 323 до Р. Х.) до смерти Иуды Маккавея (161 г.); 13-я – до смерти Александры (69 г.); 14-я – до вступления на престол Ирода Великого (37 г.); 15, 16 и 17 – обнимают правление Ирода (37–1 г.); последние три – период от его смерти до 66 г. по Р. Х. Труд с некоторыми перерывами (предисл.) окончен в 13 году Домициана и на 56-м жизни Иосифа, следовательно – ⁹³/₉₄ по Р. Х.¹¹, и посвящен некоему Епафродиту, заявлявшему себя жизненным интересом к литературной деятельности Иосифа и много поощрявшего его на эту деятельность. Что весь труд на первом плане предназначался не для иудейских, а для греко-римских читателей и преимущественно служил той цели, чтобы дать верное обстоятельное изображение истории многострадального народа Иудейского, достаточно ясно не только из указаний самого Иосифа, но и из всего направления его Археологии.

Глубоко затрагиваясь теми нелепыми и гнусными баснями, которые невежество и насмешливый дух греков распространяли на счет евреев и дальше которых не шло знакомство с поучительнейшей историей этого народа, Иосиф целым рядом капитальных произведений, тесно примыкающих к его Археологии, старается дать более здравую пищу пробудившемуся интересу к истории его отечества и, путем более обстоятельного апологетического представления последней, так благовременно, на пороге Нового Завета, посвящает ученый греко-римский мир в предуготовительную историю домостроительства спасения человеческого, как бы предваряя влияние проповеди Апостола языков и разрыхляя почву, на которой тем легче должно было привиться Его семя...

В тесной связи с Археологией Иосифа состоит и должен быть рассматриваем другой капитальнейший его труд «Φλαβίου Ἰωσήπου Ἰουδαϊκῆς ἱστορίας περὶ ἀλώσεως (de bello judaico)». Это древнейшее и всего тщательнее¹² обработанное произведение Иосифа специально посвящено последним дням политической Иудеи, описывая с неподражаемым по тому времени талантом, живостью и одушевлением последнюю развязку той священной драмы, которая занимает XX книг его Археологии. Деление труда на VII книг принадлежит также самому Иосифу. Изложению главного предмета

предполагается очень обстоятельное введение, обнимающее всю первую книгу и половину второй. Первая книга отслеживает начальные столкновения Иудеи со своими врагами от времени Антиоха Епифана (175–164 до Р. Х.) и до смерти Ирода. Вторая, и так же сжато, как та, продолжает повествование до начала восстания (66 г.) и обнимает еще первый год войны (⁶⁶/₆₇). Третья книга описывает военные действия в Галилее (67 г.); 4-я – перенесение войны в Иудею до совершенного изолирования Иерусалима: 5-я и 6-я – осаду и разрушение города и храма; 7-я дает эпилог войны до уничтожения последних следов возмущения. Оконченный труд Иосиф преподносит Веспасиану (по поручению коего, вероятно, и писал) и Титу, получив одобрение от них, равно как и от царя Агриппы II и многих Римлян, от которых он, как участников войны, был польщен единогласным засвидетельствованием, что «представил вещи (события) правильно и достоверно» (κατὰ Ἀπίωνος, I, 9 и βίος, 65). Тит собственноручной подписью разрешил обнародование Иосифовых книг (β. 65). Агриппа писал 62 письма в засвидетельствование истинности повествования. Так как означенное сочинение Иосиф понес Веспасиану, то и написал, конечно, во время его правления (69–79 г.); но во всяком случае к концу его, так как этому труду предшествовали уже другие сочинения об иудейской войне (περὶ ἀλώσεως, прол. I; Ἀρχ. проοίμ. к. I).

В тесной связи с рассмотренным сочинением (в качестве как бы одной из его глав) стоит «Φλαβίου Ἰωσήπου βίος». Далеко отступая от того, чтобы действительно давать полное жизнеописание Иосифа, эта (автобиография) Иосифа останавливается почти исключительно на его деятельности, в качестве организатора и предводителя восстания в Галилее ⁶⁶/₆₇ г., до враждебного столкновения с Римлянами (VII-LIV гл.), и только в виде как бы введения и заключения к этой общей идее содержания присоединяются краткие биографические заметки в начале и конце сочинения (I-VI; LV-LVI). Судя по замечанию в конце Археологии, Иосиф имел тогда в намерении еще дать изображение войны и «наших несчастий» (след. Иудейской истории) до последних времен.¹³ Возможно, что его βίος и предназначалась быть именно этой прибавкой, как не без основания можно заключать уже по ее началу – с связующего δὲ (ἐμοὶ δὲ γένος ἐστὶν οὐκ ἄσχημον) и соответствующему концу: δοὶ δ' ἀποδεδώκως, χράτιστε ἀνδρῶν Ἐπαφρόδιτε, τὴν πᾶσαν τῆς ἀρχαιολογίας ἀναγραφὴν, ἐπὶ τοῦ παρόντος ἐνταῦθα καταπαύω τὸν λόγον. Посему-то, несомненно, и в рукописях βίος примыкает большей частью непосредственно к Археологии.¹⁴ Евсевий цитирует одно место из βίος с замечанием, что цитируемые слова ἐπ' αὐτοῦ τῆς ἀρχαιολογίας τοῦ τέλους.¹⁵ Впрочем, было бы большим заблуждением считать βίος за исполнение обещанного в конце Археологии предприятия. В то время, как Иосиф обещает там дать продолжение Иудейской Истории «до настоящего времени», в βίος мы находим нечто гораздо меньшее такого продолжения. Очевидно, эта автобиография явилась случайно в роли последнего, будучи вынуждена появлением описания Иудейской войны Иуста Тивериадского, который представила «настоящего» Иосифа, в звании организатора восстания в Галилее, что было, конечно, крайне невыгодно для фальсифицировавшегося

Иосифа в виду его позднейшего положения в Риме. Так как βίος уже предполагает смерть Агриппы II (β. 65), а этот умер, по Фотию¹⁶, в 3-й год Траяна (100 г.), то временем написания означенного труда (имея также в виду, что он должен быть написан непосредственно после Археологии) должно быть не раньше 100 г.

Несколько особняком от доселе рассмотренных трудов Иосифа стоит его не менее замечательное произведение «περὶ ἀρχαιότητος Ἰουδαίων κατὰ Ἀπίωνος», в 2 книгах.¹⁷ Сочинение не только, не единственно направлено против грамматика Апиона и его клевет на Иудейский народ, но и вообще против грубых предрассудков и ненавистнических представлений, под которыми Иудеи в то время слыли. Оно есть, таким образом, своего рода апология иудейства, весьма при том обстоятельная и уверенная констатирующая его высшую древность и преимущественнейшую целесообразность его религиозно-законодательного строя; то есть – апология того, что составляет основу содержания всей Археологии Иосифа, к которой, таким образом, примыкает отчасти и это произведение. Название «против Апиона», по-видимому, не первоначальное. Порфирий – de abstinencia IV, 11 – цитирует этот труд под названием πρὸς τοὺς Ἑλληνας. Древнейшие церковные писатели – Ориген, против Цельса I, 16; IV, 11; – Евсевий, Hist. eccl. III, 9, praer. ev. (ed. Gaisford) VIII, 7, 11; X, 6, 15 – знают это сочинение под названием περὶ τῆς τῶν Ἰουδαίων ἀρχαιότητος, а в cod. Peirescianus выписок Константина Порфирородного de virtutibus находим надпись – περὶ παντὸς ἧ κατὰ Ἑλλήνων – странное сочетание лжи и истины! Надпись contra Apionem встречаем впервые у Иеронима – epist. 70. ad Magnum oratorem, с. 3 – opp. ed. Vallarsi, J. 428, de viris illustribus, с. 13: adv. Iovinian. II, 14; в последнем месте выписывает он выше цитованное место Порфирия, но заменяет употребленное Порфирием название Иосифова труда более ему свойственным.¹⁸ Так как в этом труде Иосифа цитруется уже его Археология (I, 1 и 10), то, несомненно, он написан после нее, то есть после 93 года по Р. Х. и так же, как Археология (и βίος) посвящен Епафродиту (I, 1; II, 41). Главная цель труда – установить параллель между историеографией греков и историеографией народов восточных – евреев, вавилонян и египтян, и отстоять для этой последней преимущества древности и достоверности, и даже характер святыни. Кроме этой положительной цели и наряду с нею, труд – подобно Археологии – лишь отличным от нее методом и гораздо прямее – ниспровергает многоразличные предрассудки греческого общества касательно народа еврейского, его религии и истории, – предрассудки, имевшие свой источник то в грубых антипатиях черни, то в насмешливой легкости характера и жалком невежестве высших классов, проникшие и в тогдашнюю литературу. Метод полемики и аргументация Флавия во многих местах вызывают справедливые упреки за употребление, какое автор делает из своих источников касательно событий отдаленной древности, а также – когда писателей Ветхого Завета ставит на одну линию с непризнанными историками Вавилона и Мемфиса. Много полезен Иосиф и поучителен там, где он старается разрушать народные предрассудки греков посредством извлечений из светских авторов,

подтверждающих национальные предания евреев. Цитаты, правда, не восходит далее периода македонского и сделаны без большой критики; тем не менее они не бесполезны, как заимствованный из авторов, большей частью потерянных для нас.¹⁹ Интересна апология Моисея и его законодательства, предлагаемая второй книгой.

Кроме этих 4 трудов Иосифу приписывается некоторыми отцами церкви так называемая **4-я книга Маккавеев** или «περὶ αὐτοκράτορος λογισμοῦ». Духовное направление этого сочинения – иудейско-фарисейское с греческо-философской окраской – действительно близко напоминает другие труды Иосифа. Однако, усвоение этого труда ему имеет значение лишь гипотезы. То же самое должно сказать и о других, приписываемых Иосифу трудах.²⁰

В заключении Археологии говорит Иосиф, что он имел намерение писать κατὰ τὰς ἡμετέρας δόξας τῶν Ἰουδαίων ἐν τέσσαρσι βίβλοις περὶ θεοῦ καὶ τῆς οὐσίας αὐτοῦ καὶ περὶ τῶν νόμων, διὰ τί κατ' αὐτοὺς τὰ μὲν ἔξεστιν ἡμῖν ποιεῖν τὰ δὲ κεκώλυται. Он понимает здесь, по мнению Schürer'a, не различные труды, (как поняты некоторыми эти слова), но только один труд, который должен был сообщать о существе (бытия) Бога и о разумности Моисеева закона, подобно тому как Филоновское систематическое представление Моисеева законодательства.²¹ В первых книгах Археологии он также не раз указывает на этот им предначертанный труд.²² Но, кажется, это намерение его не приведено в исполнение.

II. Характеристика личности Иосифа, в связи с общей характеристикой его Археологии

§ 3

Достаточно полное и надлежащее уяснение личности И. Флавия (характеристика), без чего невозможно надлежаще-правильное отношение к его трудам (оценка их значения и пользование ими) и для чего совершенно недостаточно чисто-биографических сведений о нем, – достигается лишь как один из результатов самого изучения его трудов, совместно с этим изучением. Этим весьма удобно объясняется то неравновесие, которое долгое время господствовало в оценке исторического значения и авторитета Флавия, и которое в благоприятном для него случае следует объяснять именно односторонним знакомством с его положительными достоинствами, и, наоборот – в неблагоприятном – столь же односторонним вниманием к его отрицательным сторонам. В качестве «знаменитого историка Иудейского» в продолжение целого ряда веков Иосиф был, можно сказать, самым популярным автором после Библии.²³ Среди – или, по крайней мере, в близком соседстве с Отцами Церкви – Иосиф имел счастье занимать долгое время самое привилегированное место. У разных народов, на различных степенях цивилизации, он неизменно пользовался расположением народа и ученых, и репутация его, как историка, совсем не подвергалась критике, не смотря на значительную несоразмерность его заслуг в этом отношении с его литературными успехами. Высшее римское общество, для которого он собственно и писал, во главе с императорской фамилией, которой он так умел льстить, – не могли не быть в восторге от его трудов, как сообщавших сведения о предметах, почти неизвестных и, однако, столь интересных образованной публике и, притом, в столь увлекательной и игравшей на самых слабых струнах римлянина форме. О благоволении к Иосифу за его труды трех императоров мы уже знаем. Сам царь Агриппа²⁴ (истинный тип того иудейства, которое, не отступая вполне от веры предков, всеусиленно старалось приладить свой национальный характер к безразличной в области религии цивилизации) – этот государь, имевший все основания питать весьма глубокое, личное нерасположение к предводителю инсургентов галилейских, как будто забывает все свои неудовольствия и способствует успеху историка весьма лестными заверениями и рекомендательными свидетельствами. Не менее замечателен успех Иосифа среди христиан, для которых он имел значение как единственный писатель²⁵, впервые представивший всю Библейскую историю в одном ясном, последовательном и целостном рассказе, более или менее чуждом всего отвлеченного и малозанимательного, дававший незаменимое и существенно необходимое пополнение недостающего между Ветхим и Новым Заветом, а своим назидательным рассказом о падении иудеев и храма выдвигавший даже столь сильный довод за истину Евангелия. Какое, в самом деле, любопытное, неожиданное явление! Христос Спаситель пророчествует о «скорби великой, каковой не было и не может быть», имеющей прийти на Христоубийственный город. И не евангелисты, не апостолы, но тот самый, кто не хотел совершенно удостоить

своим вниманием хотя бы только как замечательнейшего из современников Иисуса, он же подтверждает невольно и наилучшим образом своим рассказом истину Его дивных предсказаний. Неудивительно, что ради уже этой «невольной» проповеди Иосифа церковные писатели увенчивали его столь щедрыми похвалами, ряд коих, начинаясь с апологетов II века²⁶, возрастал параллельно с обогащением патристической литературы и идет далеко за ее цветущие эпохи. Иероним усвояет Флавию почтенный титул «Тита Ливия» греков²⁷, и в каталоге церковных писателей ставит его на ряду с философом Сенекою, между Иоанном Богословом и Климентом Римским. Авторы последующих веков могли только повторять подобные суждения, имевшие всю силу авторитета, вплоть до средних веков, когда историческая наука – не менее других – подпала роковому рабству традиции и схоластицизма, и когда имя Иосифа, в силу простой привычки, должно было удерживать видное место между именами знаменитейших Отцов Церкви.

Наперекор подобным отношениям к Иосифу, к концу XVII века, когда наука стала ближе и непосредственнее знакомиться с Иосифом, этот почет его постиг ряд испытаний, из которых ему не всегда удавалось выходить победителем. Еще раз победоносно поднялся он в чересчур отважной попытке своих неумеренных почитателей – исправлять «Иосифом» трудные и хронологически-запутанные места Ветхозаветного текста.²⁸ Но это было уже, можно сказать, апогеем его славы, столь быстро начавшей падать и приближаться к своей норме, сколь быстро прежде возрастал, выходя за эту норму, его библейско-исторический авторитет.

Опыт критического отношения к Иосифу, впрочем, вовсе не явился неожиданной новостью – *ex abrupto*: он давался уже тем настроением его современников евреев, когда эти последние, мотивируя переход Иосифа на сторону Рима жалкой трусостью и низким предательством отечества, в самых достоинствах его трудов готовы были представлять его недостатки, перенося целиком свое недоброжелательство к Иосифу на все его сочинения. Поступая так в виду особенно крайне несимпатичных черт и тенденций Иосифа, так ярко отражавшихся в его сочинениях и доводящих до резкой чудовищности раболепство его пред Римлянами, указанные критики во всяком случае были не более неправы, чем те, кто в последующее время совершенно игнорировал эти его недостатки и, ради немногого, во всем готов был видеть одно хорошее. Что касается надлежащих отношений к Иосифу, то они не установлены должным образом до настоящего, можно сказать, времени. Если прежде он не совсем заслуженно пользовался чрезмерной популярности и авторитетом, то теперь он, кажется, слишком, и столько же притом незаслуженно, забыт и унижен. Отрешаясь от пристрастно-крайних – с одной стороны, и неумеренно-резких отношений к Иосифу – с другой, мы должны наблюдать возможно более близкое к норме равновесие между противоположными суждениями о характере и достоверности Иосифа, как писателя-историка, и с этими предосторожностями попытаемся дать общую характеристику его личности, без чего немыслима сколько-нибудь удовлетворительная характеристика его, как историка вообще и библейского в частности.

Известно, что резко бьющие глаза отрицательный черты характера, хотя бы и при немногочисленности, иногда дают не менее верное и глубокое проникновение личности, чем даже положительные ее обнаружения. Это в особенности оправдывается на Иосифе. Фарисейское тщеславие и беспредельное самообольщение – выдающиеся основные его черты.²⁹ Едва ли есть большая надобность здесь именно жалеть, что у нас нет другого исторического источника для проверки и обоснования наших подозрений и для выделения точной истины в рассказе Иосифа, испещренном беспрерывными похвалами, которые автор расточает себе при всяком удобном случае. Таково особенно его хвастовство, сразу бросающееся в глаза своей нескромностью, что он достиг величайшей учености еще 14-ти лет своей жизни, так что начальники священнического сословия и знатнейшие граждане приходили к нему за советами по поводу трудных мест закона. Стоит только, – замечает по этому поводу один из критиков Иосифа³⁰, – припомнить, каково было знание книжников иудейских в эту эпоху, чтобы понять все бесстыдство этого хвастовства! Сюда же должно отнести его сообщение, что он изучил одну за другой доктрины всех иудейско-религиозных партий, с целью избрать самую лучшую, между тем как дает о них понятие самое смутное, несовершенное и одностороннее. Наряду с таким чрезмерным самообольщением и тщеславием, тем резче бьет в глаза очевидное малодушие и низкий эгоизм его характера, обнаруженный им в качестве вождя восстания в Галилее (измена в пользу Рима). Несмотря на недостаток материала для уяснения внутренних побуждений возбудителя Галилеи, едва ли можно, кажется, слишком обидеть его предположением, что только заманчивая роль и самолюбивая уверенность да заразительность общего увлечения толкнули и его к знамени мятежа. По крайней мере, именно это обнаружилось в минуты его критического положения, когда, по собственному признанию³¹, он сам предпочел всему – удалиться с театра войны, и лишь силой вынужден был оставаться с верными своему первоначальному возвышенно-благородному намерению – своими сподвижниками. Но если можно еще не упрекать его за не сочувствие, кажется, уже самому началу восстания, равно как за излишнюю робость пред «шкурным расчетом» и за недостаток возвышенно-благородной решимости – лучше умереть вместе с другими, чем пережить горькие минуты смерти своего отечества, – если можно согласиться, что он не был бесчестным предателем отечества, как старается показать он в своей βίος: то все же его оригинальный переход к Римлянам и услужливое ласкательство их самолюбия были совершенно непростительны для самого заурядного израильтянина, и не могли иметь места без преступного равнодушия к гибели родного народа. Тем более, положительно нельзя оправдать его в том, что он на развалинах общественного благополучия соглашается созидать собственное, с легким сердцем и не без наглости уклоняясь от добровольной смерти, на которую сам же одушевлял других, и в жертву язычникам–палачам своего отечества приносит, затем, все жизненные надежды своего народа, посягая даже на Откровенные истины Слова Божьего³², того самого Слова, вверение которого Израильскому народу по справедливости вменено апостолом в столь высокую

заслугу и честь! Весьма возможно, что он дал Римлянам еще более веские доказательства своего постыдного раболепства³³, так как иначе не легко было бы допустить, чтобы столь проницательные и осторожные ко всяким военным изменам и коварным уловкам – вожди римские позволили себе стать в столь непосредственные и до некоторой степени подчиненные отношения к бывшему организатору восстания, без всякого подозрения и критики допуская пользоваться его советами, указаниями и услугами в дальнейшее течение войны. Мы не знаем, в чем могли состоять эти более веские доказательства преданности Иосифа Римлянам, только едва ли эти последние и сам Иосиф могли ограничиться слишком подозрительным пророчеством Веспасиану, высказанным в минуту критическую, когда для пленника не было других средств самозащиты, других надежд на уважение к своей жалкой жизни. Впрочем, для нас достаточно уже одного этого приключения, чтобы читать в нем всю мелочь души Иосифа, сосредоточивавшейся всецело кругом самой себя, и если способной на какие жертвы, то разве на те, которые обещали быть приятным курением и его мелочно-тщеславному самомнению. Не устояв в более благородных возвышенных чувствах солидарности с теми, для кого было насущной потребностью постоять за святыне заветы старины, за целостность и свободу отечества до последней капли крови, он выменял на эти чувства дешевое «почетное рабство» Риму, и с таким пафосом «распинается» за его доблести, готовый влечь за собою всех в ненасытное жерло этого «Молоха». И это было тоже немалое оскорбление им своего народа, что он искал заглушить свою преступную совесть совращением всех на свой жалкий путь и мог считать их способными на подражание столь низкому примеру.

Римофильство и римоугодничество Иосифа, сделавшееся в нем с момента перехода на сторону Рима как бы особой индивидуальной чертой его характера, не были лишь простым платонизмом, который мог читаться только между строк его сочинений. Положение Иосифа в Риме, – который заменял ему прежнее отечество, – предъявляло к нему слишком большие и требования, чтобы ограничиться упомянутым платонизмом. Его прошлое казалось слишком большей ошибкой пред настоящим, чтобы не рискнуть в оправдание милостей Рима самой истиной, подделывая, прежде всего под вкусы Рима все сколько-нибудь касающиеся его факты и замалчивая совершенно те, которые не поддавались этой подделке. И это не только в его βίος, которая специально предназначалась быть его апологией и даже не только в «Войне Иудейской», которая, представляясь компрометирующей его в глазах Римлян, нуждалась в особо-искусной маскировке событий, чтобы затушевать впечатление от участия в них Иосифа; но и везде, где только позволялось сколько-нибудь, в его Археологи, в которой он также обычно предпочитает совершенно молчать о таких вещах, простое изображение которых не могло быть достаточно подделало под вкус истого Римлянина, хотя бы устранение или такая подделка их бесцеремонно извращала «историю» в самом ее корне. Конечно, эта характеристическая слабость Иосифа обуславливалась не только обстоятельствами его личного положения в Риме, но и характером самой задачи, которая была ядром его литературной

деятельности, посвященной также защищению и восхвалению Иудейского народа³⁴ путем ознакомления с его славной древней историей. Однако, все же остается ненормальностью то, что угода Риму, его самолюбию и даже только предполагаемому впечатлению были для Иосифа святее истины, которая совершенно не нуждается в услугах в духе замалчиваний и извращений лично заинтересованного в том частного лица, способного на все крайние злоупотребления. Ведь вполне могло быть, например, что и историю своего народа Иосиф не игнорировал еще совершенно, с переходом к Риму, потому только, что не мог романизировать и индивидуальный специфизм своего Иудейского происхождения; во всяком случае, он, если не чрез силу мирился с этим специфизмом, как роковой неизбежностью, то и не с гордостью истого Иерусалимлянина обнаруживать свое иудейское самосознание. Нескрывание своего иудаизма, правда, он предпочитал неестественно фальшивому воображению и выдаванию себя за истого Римлянина, и, сообщал своей Археологии апологетическое назначение, мыслил себя искренно и всецело в числе апологетизируемых; за то с избытком вознаграждал он это смирение свое, с другой стороны. Хваля свой народ, он хвалил вместе с этим себя, и второе более, нежели первое, оставалось везде его главной тенденцией. И если недостойное употребление истины в целях служебных всему народу повело к наиболее чувствительным недочетам писательской заслуги нашего автора, то злоупотребление истиной в целях самоугождения было уже совсем преступлением, гнусным и вреднейшим для той же истины. В неспособности возвыситься до мысли о непреходящем значении истины, – опасаясь, конечно, более и прежде всего для себя неблагоприятного впечатления на читателей Римских от некоторых своеобразных тенденциозных особенностей истории своего народа, – Иосиф, нимало не задумываясь, прилагает и к ним обычный свой метод самозащиты, метод замалчивания и извращения всего, что только нуждалось в означенных средствах для того, чтобы не тревожить больных месть читающей публики. Насколько фальшь повествования при подобных уступках щепетильности Рима вредит впечатлению современных читателей Иосифа, можно судить по тому факту, что многие готовы были считать его даже полуязычником (*semipaganus*).³⁵ Как ни странно подобное обвинение, однако, промахи, подавшие для него повод, действительно настолько существенны и обычны в Иосифе, что образуют одну из самых характеристических черт Иосифовых произведений, особенно Археологии, как это увидим при подробном ее обзоре.

§ 4

Указанные общие характеристические слабости Иосифа, в связи с его двусмысленным положением в Риме и с характером руководившей его трудами задачи, образуют существеннейшее, что должно иметь прежде всего в виду при оценке исторической достоверности и значения нашего автора в Археологии, занимающей в его литературной производительности центральное место.

Важнейшее достоинство и значение этого труда Иосифа уже в том, что он впервые дал цельное, связное, последовательное представление всей Иудейской истории от начала мира до последних ее времен.³⁶ Что этот обширнейший труд на греческом наречии из всех, о каких вообще мы знаем, – богатейший по предмету изложения, оригинальнейший по характеру онтого, – был в то же время и целесообразнейшим обзором истоки иудейского народа, ясно подтверждается долговременной благосклонностью иудейских, языческих и христианских читателей, о которой в свою очередь столь выразительно говорят бесчисленные рукописи.³⁷ Редкое достоинство этого труда также то усерднейшее внимание, та тщательность и последовательность, с какими, на всем протяжении своего кропотливого исследования, автор выполняет заложенную в основе своего труда тенденцию. Он ставит своей задачей не только дать правильное цельное и связно-последовательное начертание истории своего народа языческим читателям (для которых на первом плане она предназначается), но внушить также уважение последних пред иудейским народом, его преимущественной древностью, самой его историей, столь светлой и совершенной в человеческом смысле, – наконец, самым его строем, законами и учреждениями, устраняющими всякую боязнь содружества с ним других народов.³⁸

Как ни верна сама по себе эта благодарная и возвышенная идея, и как ни заслуживала она полного уважения и внимания, тем не менее применение и раскрытие ее разделило общую судьбу всякого апологетического намерения, и породило наиболее нежелательные особенности-недостатки Иосифа, как историка, и именно в связи с неблагоприятными условиями его личного характера и положения. Эти недостатки: а) тенденциозность; б) не критичность; в) не прагматичность. Проследим эти важные дефекты в Иосифе.

а) При осуществлении Иосифом своей задачи, с указанной тенденцией, в руках его была сильная и надежная опора – Откровенное Слово Божие. Посему-то везде, где только чувствовалась необходимость этой опоры, Иосиф постоянно напоминает читателями что все, что он пишет, в таком именно виде находится в «священных книгах»³⁹, и что он «ничего не прибавил и не убавил». Если не ставить ему в вину того, что он «убавил» но имеющие специально исторического значения дидактические и другие в этом роде места и книги Св. Писания, то можно сказать, что историческая сущность В. Завета, действительно, довольно полно воспроизведена в его труде, так что лишь при самых кропотливых исследованиях нам удастся собрать небольшое

сравнительно количество подробностей библейского текста, не использованных Иосифом. Равным образом, почти прав он и в том случае, когда уверяет, что и «ничего не прибавил», так как, действительно, прибавления, какие он делал сверх прямого смысла передаваемого текста, не столь многочисленны, сравнительно с массой материала, какой давали одни книги Св. Писания. Но если количественная сторона прибавлений и убавлений Иосифа не так важна и велика, то никак нельзя сказать этого об их качественном значении, тем более что самый характер прибавленного и опущенного у Иосифа ни под каким видом не позволяет предположить в допущении их одной лишь случайности. Определенная цель их несомненна, и выступает ясно, когда мы принимаем к сведению, что объединяющей идеей всей вообще литературной деятельности Иосифа было желание возвысить свой народ в глазах греко-римского образованного мира⁴⁰, показав преимущественное достоинство его

в его истории, этом зеркале души всякого народа.⁴¹ Идея несомненно благородная и сама по себе верная, но в средствах ее оправдания, в пути, который избрал Иосиф к ее достижению, лежало роковое недоразумение, вытекавшее из рассмотренных выше условий характера и положения Иосифа. Вместо того, чтобы поднять читателей до той духовной высоты, на которой только и можно было воспринять возвышенный предмет его повествования, — он не находит ничего более лучшего, как спуститься до их ограниченных точек зрения и низвести свой возвышенный предмет до их узких, низменных воззрений и интересов. Если бы он «применял» только священный предмет к пониманию слушателей, для чего, впрочем, было у него слишком мало мудрости, — то это могло бы быть поставлено ему даже в заслугу. Но у него видим совершенно иное: он дает нам фальсификации идеальной истории⁴², — той истории, которая, — добросовестно и спокойно начертанная, глубоко и благоговейно прочувствованная и искренней любовью к истине согретая, — никогда не произвела бы в читателях, хотя бы и язычниках, тех предубеждений и антипатии, которых боялся в Откровенной Истории своего народа Иосиф. Именно эта боязнь обличает в нем человека поверхностного, шаткого в собственных убеждениях, неготового дать ответ всякому вопрошающему, плутовато-робкого иудея и узкого партикуляриста, не понимавшего — подобно большинству иудеев его времени — не усвоившего, не оценившего лучших универсальных сторон своих Откровенных сокровищ и их универсального предназначения. А между тем, на этом своем недоумении Иосиф зиждет весь «апологетизм» своей истории, обуславливая им и выбор материала, и такую, а не иную его обработку. Отсюда — ложно направленная **тенденциозность** археологического материала Иосифа, в которой мы должны отметить некоторые особенные черты. Это прежде всего — своеобразное отношение его к различным ветхозаветным чудесным происшествиям и знамениям, которые так или иначе могли казаться дискредитирующими иудейство в глазах Римлян. Насколько далеко заходит в подобных опасениях Иосиф, красноречиво свидетельствуют упреки, отчасти не безосновательные, которые были деланы ему за эту особенность. Полагали, что Иосиф не только не верил в чудо, но

даже – более или менее скрытно – насмехался над ними⁴³, и преимущественное большинство мест, доказывающих, по-видимому, обратное, имеет будто бы даже меньше значения. Уже Иудеи делали Иосифу подобные упреки.⁴⁴ Бесчисленное число раз раздавались они и всегда, варьируясь в самых разнообразных формах, до обвинений Иосифа в полуязычестве включительно.⁴⁵ Конечно, это крайности, достаточно опровергаемые неоднократными случаями вполне безупречных отношений Иосифа к чудесному в Библии; тем не менее упреков в данной области он несомненно заслуживает.

Стремление некоторым образом поспешать на помощь своим читателям в местах, представлявших для них видимые трудности вероятия, чтобы, таким образом, ради допускаявшего сомнению, не возбудить недоверия к достоверности целого и не погубить цели своего труда⁴⁶, – было, несомненно, немаловажным основанием для Иосифа во многих из тех случаев, когда он о некоторых чудесах ветхозаветных делает почти только одно робкое упоминание, или, если говорить о них, то с таким пояснением, которое выдвигало на вид как будто собственное его сомнение в их истине. Ὁ ἰώσηπος δεδοικότι ἔοικε καὶ εὐλαβοῦμένῳ ὥς μὴ προσκρούσειεν Ἑλλήσι.⁴⁷ Он заключает именно в таких случаях свою речь следующим выражением: περὶ μὲν οὖν ταύτων ὥς ἂν ἐκάστοις ἢ φίλον, οὕτω σκοπεῖτωσαν.⁴⁸ В этой оговорке (которой Иосиф как бы ясно хочет сказать: *relata refero*: я не хочу ни с кем спорить об истине), конечно, можно улавливать некоторый оттенок равнодушного допущения полного произвола в отношении к чудесам, на чем особенно могли быть основаны вышеприведенные упреки Иосифу; однако, преувеличенность подобных упреков здесь ясна уже из того, что подобные же оговорки, столь обычные и естественные в предназначенной для языческих читателей Археологии, не однажды встречаются при повествовании о необычайных событиях в книгах об иудейской войне, предназначавшихся первоначально для читателей иудейских.⁴⁹ С другой стороны, многие, менее опасными казавшиеся Иосифу, повествования чудесного передаются им без всякого прибавления, при простом указании их источника в священных книгах, достоверность которых – по «κατὰ Ἀπὼν. I, 8 – не подлежала сомнению. В нижеследующих примерах Gerlach⁵⁰ старается показать, как далеко не всегда подозрительные формулы Иосифа отражали его личное недоверие к повествуемому. В Арх. I, 3, 9 Иосиф говорит о долголетию первых людей и, в предупреждение ложного заключения читателей от нынешней продолжительности жизни к неправильности библейского повествования об этом предмете, замечает: μηδεὶς πρὸς τὸν νῦν βίον καὶ τὴν βραχύτητα τῶν ἐτῶν ἃ ζῶμεν συμβαλὼν τὸν τῶν παλαιῶν παλαιῶν ψευδῇ νομιζέτω τὰ περὶ ἐκεῖνων λεγόμενα.

Он приводит, затем, еще в подтверждение одного – свидетельства Манефона, Вироста и места многих греческих авторитетов. И если после всего этого, отразив всякие нападки относительно своего предмета, он присоединяет еще приведенное замечание, – очевидно, оно уже не могло являться выражением его собственного сомнения? Подобное же явление мы имеем, по

Gerlach'у, при рассказе Иосифа о переходе Израиля чрез Чермное море, который он, сверх усилия подтвердить достоверность события «стороной», чрез попутно-приводимое сравнение с переходом Александра В. чрез Памфилийское море⁵¹, сопровождает подобным замечанием.⁵² Только совершенным незнанием основ для этого сравнения мог объясняться упрек, который, напр., Ittig, proleg.⁵³ в данном случае делает Иосифу. Прежде всего ясно, замечает Gerlach, что само по себе это сравнение Иосифа не могло в сущности ослаблять факта; совершенно напротив, – подобно как во многих других случаях обращений Иосифа к языческой истории, здесь есть тенденция даже усилить чудесность – возвышением Памфилийского события к чудесно-Божественному действию (применительно к воззрениям греческих читателей) с одной стороны, – и установлением превосходства над ним Чермно-морского, с другой. И когда Иосиф, затем, заключает свой рассказ, по-видимому, допускающей подозрение по отношению к этому чуду формулой (περὶ μὲν οὖν τούτων ὡς ἕκαστῳ δοκεῖ διαλαμβάνετω), то, при ближайшем рассмотрении этого места в связи с предшествующим ходом мыслей Иосифа, оказывается, что его формула одинаково естественно вяжется – как с его передачей (или вообще с достоинством) повествования священных книг, так и с дилеммой – εἴτε κατὰ βούλησιν θεοῦ, εἴτε κατ' αὐτόματον, – которую Иосиф ставит для тех, кто желал бы как-либо уяснить себе возможность легендарного повествования о переходе Александра. Подобным образом, и во многих других случаях, вовсе нет надобности, как справедливо замечает Gerlach⁵⁴, трактовать, как знак личного равнодушия Иосифа, его оговорку – περὶ μὲν τούτων ἕκαστος ὡς αὐτῷ δοκεῖ σκοπεῖτω, – в чем особенно ясно можно убедиться из Ἀρχ. III, 11, 7. Упомянув вначале: καταγελάσειέν τις τῶν λεγόντων Μοῦσῃν λέπτῳ κεκακωμένων αὐτόν τε ἀπ' Αἰγύπτου φυγεῖν καὶ τῶν ἐκπεσάντων διὰ ταύτην τὴν αἰτίαν ἡγησάμενον εἰς τὴν Χαναanaίαν ἀγαγεῖν αὐτοῦς, – Иосиф дальше поясняет: δῆλον ὡς ταῦτα μὲν περὶ ἡμῶν λέγουσιν ὑπὸ βασκανίας προαγόμενοι. С какой неподдельно- естественной запальчивостью борется он против этого злонамеренного вымысла⁵⁵, и еще ли предоставляет суждение об этом желанию читателей!? Или еще: могла ли колебать подобная же его оговорка действительную цену Моисею и Даниилу, когда в Ἀρχ. IV, 6, 13 и X, 11, 7, после предпосланных им великих похвал, Иосиф eo ipso гарантирует своего читателя от иных ненадлежащих воззрений? Очевидно, стереотипная оговорка Иосифа во всех подобных случаях имела лишь то значение, что свидетельствовала наивозможное беспристрастие и желание устранить возможность всякого конфликта с судом читателей.

Наперекор, однако, приведенным доводам, – может быть, способным ослаблять несколько враждебное расположение к Иосифу, – никоим образом нельзя игнорировать выступающего во многих местах его Археологии явного намерения – прямо устранить чудо, или, по крайней мере, такой нерешительности, которая могла истекать только из рационалистического опасения показаться в своем рассказе слишком смешным и невероятным. Едва ли не при этом объяснении более всего – становится понятным то, что рядом с неустрашимым рассказом о чудесном разделении Чермного моря

Иосиф ставит факт, будто бы подобный, из истории Александра.⁵⁶ Моисей в пустыне делает воду удобной для питья после того, как заставляет вычерпать большую ее часть, убеждая Иудеев, что Бог дал бы им хорошую воду, если бы они сами протянули руку. Агарь, заблудившаяся в пустыне, находит пастухов, которые заботятся о ней. Ангел-истребитель (2Цар.19:35) превращается в язву, свирепствовавшую в лагере Сennaхирима; и множ. подобных мест, с явной тенденцией – объяснить чудо естественно и без соблазнов для читателя. Когда, с другой стороны, часть чудес пророков Илии и Елисея проходит молчанием, особенно вознесение первого; пребывание Ионы во чреве китовом упоминается почти с выражением сомнения; факт превращения Навуходоносора в звероподобное состояние обходится с ловкостью, поистине тонкою, и т.д.; то наличием всех подобного рода случаев изобличается разновидность той же тенденции – стремление обойтись естественным представлением хода событий, без элементов чудесности. Не в разрез этому, мы сознаем, что остается все-таки гораздо большее количество чудесного, которое Иосиф воспроизводит со всей точностью и даже иногда с преувеличениями⁵⁷; так, например, он приписывает дар слова всем животным до падения человека; тьму египетскую сгущает до той необычайности, что люди погибали, не будучи в состоянии дышать слишком плотным воздухом; волосы Авессалома так густы, что остригались каждые 8 дней; в сражениях, не довольствуясь весьма значительными цифрами текста, он допускает убивать неисчислимое множество врагов, и ни одного еврея. Наконец, везде, где такт требует показать достоверность пророчества, Иосиф подкрепляет сопровождающим его чудом, за естественное объяснение которого – весьма важно здесь отметить – Иосиф сам же прямо высказывает резкое порицание по адресу некоего ложного пророка: ἡρξάτο τὴν αὐτοῦ (Иеровоама) δόξαν ἀναλύειν κακοῦργῶν καὶ πιθανοῖς περὶ τῶν γεγενημένων χρώμενος λόγοις βλάπτειν αὐτῶν τὴν ἀλήθειαν. Вообще же, надо заметить здесь, что ни преувеличения, гораздо более характеризующие рассказ Иосифа, ни критическая осторожность, которой хотели объяснять его метод по отношению к чудесам и вообще «чудесному» Ветхозаветного Откровения, сами по себе не могли вызываться настроением и восприимчивостью его публики, которая, сколько бы ни была неверующей в религиозном смысле слова, едва ли конечно была такой относительно чудес.⁵⁸ А если так, то очевидно, что во всех тех недомолвках и извращениях, какие встречаются у нашего автора везде, где его источники говорят о вещах необычайных, многое должно быть отнесено и на долю несомненно присущего Иосифу духа рационализма, который тем успешнее способствовал выступить нашему писателю и в искусстве подделывания под вкусы прихотливых читателей.

То, чего требовало угождение вкусам и самолюбию читающей публики, не менее требовалось панегиристическими тенденциями Иосифа. Посему, увеличивая намеренно то, что было почетного для Иудейского народа, он тщательно изглаживал и ослаблял все, сколько-нибудь компрометировавшее его славу. Эта тенденция изобличается уже в настойчивых усилиях устранить от израильтян всякую даже тень упрека в религиозном непостоянстве и

наклонности к идолопоклонству. Он смело уничтожает следы последнего от начала до конца истории. Рахиль захватывает идолов своего отца не как предметы поклонения, потому что Иаков научил ее презирать подобное служение, но за тем, чтобы иметь средства угасить гнев Лавана на случай настижения беглецов. Медный змий не упоминается вовсе ни в истории Моисея, ни Езекии, равно как культ Молоха и золотой телец Аарона. В рассказе о переселении жителей Дана случай относительно истукана Михи замолчан; то же и случай с Гедеоном. Преступления народа Божьего, неотменно навлекавшие гнев Иеговы, подставляются не более, как только нарушениями закона нравственного, допускавшимися по пристрастию к земным благам; в тех случаях, где положительного идолопоклонства совершенно невозможно игнорировать, Иосиф ловко обращает его в род религиозного индифферентизма, или слагает всю ответственность, вместо целого народа, лишь на нескольких отдельных лиц. И все это еще пред идолопоклонниками, для которых, конечно, не могло быть большого соблазна в том, что евреи уподоблялись им. Подобную же скромность, обнаруживает Иосиф в местах, где текст поведал факты грустные, или, по крайней мере, странные для читателей иноземных. Так, он обходит молчанием кровосмешение Иуды и Фамари, в котором вся история дома Давидова (Руф.4:18); слегка касается кровосмешения Лота, с чудовищными подробностями оригинального рассказа, и опускает весьма существенные черты в инциденте Вениамитян (Суд.19). Не сам Самуил налагает руку на Агага, и казнь этого царя – простая месть, ничего общего не имевшая с действиями религиозными; изгнание Агари в передаче Иосифа нимало не унижает достоинства Авраамова; об убийстве Моисеем египтянина умалчивается; блудница Раав у него честная содержательница гостиницы; краеобрезания филистимцев, истребованные Саулом за свою дочь у Давида, преувеличиваются в 600 голов врагов, из опасения быть слишком оскорбительным для слуха читателей, оставаясь верным оригиналу. Верх бесцеремонности в злоупотреблениях данного рода⁵⁹ представляет измышление, что законодатель запретил Иудеям осмеивать или охищать богов других народов. Наконец, сюда же должно отнести также его усиленные старания выгородить свой народ в знаменитом его последнем восстании за свою свободу, причем все это восстание представляется делом отдельных фанатиков, увлекших народ. Все эти и подобные уклонения, положительно произвольные, менее всего можно объяснять каким-либо влиянием критического⁶⁰ начала; они обязаны единственно случайной прихоти нашего писателя, обращавшего внимание прежде всего и более всего на впечатление, какое его рассказ должен произвести на читателя, и менее всего на то, чтобы оставаться при этом строго верным непреложной истине факта, неприкосновенного в особенности для историка. С точки зрения патриота, Иосиф, конечно, быть может, имел некоторые оправдания, но, – как историк, он здесь совершенно не извинителен, и даже оскорбителен для Откровенной истины, достигая ее целей обратным ей самой началом (ложью). Тем более – эта Иосифова тенденциозно-святотатственная продажность свящ. истины, в

интересах мелочного самолюбия (хотя бы то и национального и даже религиозного, и тем более ради угождения самолюбию других), должна неприятно действовать на нас, имеющих совершенно обратный (безгранично благородный) и глубоко-поучительный пример в Боговдохновенных писателях новозаветных. Чуждые всяких эксплуатаций истины, крепкие верою в ее самобытную силу, они не замалчивают ни одной мрачной черты в обстоятельствах хотя бы своей личной жизни, точно нарочно даже громче вопиют и резко подчеркивают в особенности те места, из которых все могли видеть их человеческие слабости, заблуждения и несовершенства (евангелисты о себе и о друг друге; Ап. Павел о себе и о Петре, и т.п.). И, при всем этом, нужно ли и доказывать их полное превосходство пред мелочным тщославием и специфически-характерными приемами плутовато-изворотливого «жидка»?

Рядом со стремлением панегиризировать чудесные или и просто так или иначе выдающиеся события, сглаживая все сколько-нибудь компрометирующие их стороны, – тенденциозность Иосифова изложения истории сказывается в проведении мысли о значительной и даже преимущественной образованности, так сказать, интеллектуальной и вообще духовной гегемонии народа еврейского с самых древних времен до позднейших. В этих интересах вся древняя история представляется в соответствующем славном свете. Уже Адам, родоначальник еврейской истории, достоин замечания в этом отношении. Не столько силою Божественного вдохновения, сколько именно благодаря своей мудрости, он предсказывает двоякую гибель мира – первый раз от огня, и другой от воды, и изобретает многие важные вещи и истины, будучи в особенности выдающимся астрономом. Чтобы увековечить эти изобретения, Сифиты делают 2 столба, кирпичный и каменный, с астрономическими надписями в тех соображениях, что если кирпичный не уцелеет от воды, то каменный способен выдержать испытание даже и огня. (Последний из этих столбов, каменный, по уверению Иосифа, и «доныне» в Сирийской земле). Идя дальше, мы замечаем, что вообще наиболее замечательные деятели, около которых группируются важнейшие события ветхозаветной истории, представляются Иосифом более или менее крупными учеными силами. Самое долголетие патриархов и первых людей вообще объясняется, кроме других причин, «тщательным упражнением в звездочетной и землемерной науке». Авраам выступает в ореоле особенной мудрости и просвещенности. Его украшают высокие знания, особливый дар слова и прозорливость, редко ошибавшаяся. Когда все единогласно признают его мудрым, он решается исправить и улучшить мнения о Боге, и первый отваживается объявить, что один Бог – создатель и управитель всего. Сам он доходит до всего этого путем философского рассматривания природы, ее случайностей и перемен воды, воздуха, солнца и т.п. Цель поездки в Египет Авраама – своего рода научная, помимо голода. Авраам путешествует туда, желая «на месте» исследовать мнения тамошних жрецов о богах – с тем, чтобы, если их убеждения окажутся лучше, – последовать им, если же хуже, – их обратить. В самом Египте Авраам открывает ряд диспутов с египетскими

мудрецами и одерживает над ними блистательную победу. Далеко по Египту разносится слава его, как первоклассного оратора и выдающегося мудреца. Он знакомит мудрецов египетских с наукой числения и основами звездозакония, что в Египте ранее было неизвестно и перешло лишь от халдеев (чрез Авраама), от которых усвоили, затем, эту мудрость и греки. Та же (образовательная) тенденция проведена в повествовании о величайшем законодателе Моисее, самые условия жизни которого (в Египте) давали этому удачайшее применение, благодаря также его беспримерному значению в качестве «средоточия» Ветхого Завета. Уже само Свящ. Писание вызывало на это применение, когда намекало на воспитание Моисея во всей мудрости египетской. Подобно сему, по изображению Иосифа, Моисей «разумом своим превосходил всех смертных, сколько бы их прежде ни было..., имел удивительный дар слова, особенно когда говорил к народу.⁶¹ «Знал укрощать страсти свои так, что казалось будто бы ни одной в нем не было, и самые имена их были известны ему лишь по зрению в других. Быль такой военачальник, что мог считаться между первейшими, и пророк, каковой едва ли более из смертных восстанет, так что его изречения почитались изречениями самого Бога». В другом месте Моисей представляется также автором каких-то шестистопных стихов (не записанных в священных книгах), которые он прочитал народу, и содержанием коих было предсказание о будущих событиях, и донине в точности исполняющееся. То же усвоится Давиду, автору стихов пятистопных и трехстопных. Но особенным ореолом мудрости окружается, конечно, величайший из ветхозаветных мудрецов – Соломон. «Разум и премудрость, которыми одарил Бог Соломона, были столь велики, что превосходил он ими всех прежде его бывших смертных: и не только имел он преимущество пред Египтянами, которые почитаются мудрейшими из всех; но и доказал самым опытом, что их глубокие знания весьма далеко отстояли от его премудрости». В своих сочинениях «о всех видах растений от иссопа даже до кедра», в притчах «о всех животных⁶², обитающих на земле, в водах и летающих по воздуху», он «о природе каждого рассуждал, как философ, и показал, что обладал в том превосходным знанием». Довольно добавить к сему, что он был родоначальником «науки изгнания бесов», как составивший врачевательные формулы, действие которых Иосиф видел сам в некоем из своих соотчичей...⁶³ Наконец, желание – сделать свой народ достойным в данном отношении внимания греко-римского образованного общества выражается (не совсем удачно) в характерном стремлении представить тогдашние иудейские толки в виде «философских»⁶⁴ партий или школ, навязывая им разработку проблем свободы и бессмертия и полагал в основу для их различия модное тогда учение о судьбе. Если где, то в особенности здесь Иосиф и должен был дать волю своим усилиям показать, что иудейство не только не отстало от образованнейших наций того времени, но представляло своеобразные задатки всего лучшего, что хотела и могла дать древняя образованность. Таким-то образом, фарисеи являются у него умеренными сторонниками учения о судьбе, допускающими учение о некоторой свободе воли, бессмертии души и

будущем воздаянии; ессеи – строгими поборниками мысли о ее всемогущей власти, олицетворяемой в лице Бога⁶⁵, и по жизни – истинными пифагорейцами, отличавшимися также особенными естественнонаучными знаниями и искусством врачевания⁶⁶; саддукеи, в противоположность тем и другим, выступают противниками учения о судьбе, совершенными эпикурейцами, отрицавшими самую возможность существования души по разлучении с телом. К числу основателей «философских» толков относит Иосиф даже известного вождя восстания иудейского, Иуду Галилеянина, выставляя отличительной чертой его «учения» (сближаемого с фарисейством) крайнюю любовь к свободе, и почитание Бога «единым властителем своим и правителем», причем – практическим результатом его догмы в последователях было то, что они «ни за что считают потерять жизнь, только бы не назвать кого из людей своим господином». Но более всего и основательнее, пожалуй, всего рассматриваемая мысль проводится в особом сочинении Иосифа «против Апиона». Если в Археологии Иосиф не без натяжек или, по крайней мере, не столь непринужденно оттеняет в более или менее подходящих местах излюбленную тенденцию об особенной образованности, искони присущей его народу, то в указанном сочинении он – с талантом специалиста в этой области – дает не мало общих мест, не просто только подтверждающих занимавшую его мысль, но и достаточно прочно обоснованных и засвидетельствованных. Сопоставляя здесь литературу и мудрость в древнейших ее проблесках с еще более древнейшей литературой еврейского народа, по справедливости, бывшей светом во тьме, Иосиф – если и не умело поступал в частностях, то не был неправ в общем; так что, если и вменять ему что в вину и недостаток, так не столько тенденцию выставить везде преимущество еврейского народа в интеллектуальном отношении, сколько не совсем удачное проведение этой тенденции в частных ее применениях.

б) Далеко важнее и крупнее другая важная особенность и вместе недостаток Иосифа; это его крайняя по местам **некритичность**, – недостаток, отчасти общий у него со всеми другими историками древности. Недостаток критики и беспристрастия, – при слишком свободной переработке, какой Иосиф подвергал священный текст и при крайнем легковерии его к менее важным и авторитетным источникам, – в особенности резко обнаруживается в первой половине его Археологии, обнимающей первые 11 книг, тем более, что в качестве главного и почти исключительного источника при написании этих книг для него могло быть вполне достаточно канонических книг Библии, между тем как использованные им побочные источники (особенно предание) во многих местах прямо исключают главный, состоя с ним в непримиримом противоречии. Как истый фарисей, «излиха ревнитель» отеческих преданий, он не только наравне с Библией, но едва ли не выше ее ставит умствования традиционного характера, веками наслоившиеся в безобразную кучу всевозможных нелепостей, о каких дают достаточное понятие перлы пресловутой раввинистической литературы; и из этих-то мутных источников и так безразборчиво черпал наш автор свои «исторические» сообщения, свидетельствуя все таковые «согласием» с Откровенной истиной.

Насколько подобным заявлениям можно придавать значения, остается судить уже потому, что этого «согласия» у него мало даже там, где он заведомо воспроизводит священный текст. Благоговейное величие и непорочная откровенность последнего с его неподражаемой простотой и краткостью у него совершенно исчезают, взамен чего блещет какая-то «философическая аффектация стиля»⁶⁷, в духе классическо-греческой популярной литературы, с произвольным уродованием фактов бесчисленными украшениями и высокопарными рассуждениями, столь странно звучащими для всякого, способного ценить ясность и краткость библейского текста. Таковы – неудачный перифраз слов Творца к прародителям, разговор Бога и Каина, рассуждения Авраама с Исааком на горе Мориа; речь Рувима к братьям, намеревавшимся убить Иосифа; молитва Моисея пред вступлением в Чермное море и весь ряд речей, влагаемых в уста этого пророка, чтобы придать ему блеск в глазах публики, оценивавшей величие людей не иначе, как успехами на трибуне. Вплетая все эти многословные отступления в изложении фактов и, особенно, вводя в свой рассказ бесчисленные заимствования из народных и раввинических преданий, переполняющих особенно первую половину его Археологии, Иосиф пользуется ими не только там, где их было бы можно еще так или иначе оправдать отсутствием более определенных важных указаний священного текста, и – дававшей себя чувствовать – необходимостью восполнить недостающее или неточное в свящ. тексте; но совершенно напротив – все эти подробности и заимствования только до неузнаваемости искажают смысл имеющегося в оригинале сообщения, и пропускаются Иосифом не только без всякой критической оценки и рассуждения, но и без всякой в них надобности. Вполне возможно при этом, что, удовлетворяясь худшим материалом раввинистов и предпочитая их умствования объективной истине Слова Божьего, Иосиф почти не имел пред глазами совершенно своего канонического источника, или как будто чересчур доверял своей памяти, одинаково почерпая из нее не только то, что некогда было усвоено им непосредственно от Библии, но и то, чем он был обязан ходившим тогда – и частью записанным, частью еще устным – раввинистическому и народному преданиям. Этим ошибкам памяти, наряду с рассеянностью и поверхностным невдумчивым припоминанием, безразборчивому и небрежному употреблению своих источников можно приписывать многие из тех уклонений Иосифа от священного текста, которые вообще были бы невозможны для писателя, прежде всего имевшего пред глазами авторитетнейший источник и сознававшего всю его важность и превосходство.

Не ослабляют высказанный нами упрек Иосифу в недостатке критицизма несколько случаев, когда он исправляет, например, свидетельства, приводимые им, по поводу известных событий, из некоторых внебиблейских авторов, особенно во II половине Археологии. Наиболее яркие из этих случаев выступают в отзывах Иосифа о Николае Дамаскине, который служил для него главным источником при написании истории Ирода. Как друг последнего, упомянутый историк, разумеется, не мог быть совершенно беспристрастным

описателем истории своего патрона, тем более, если эта история писалась во время жизни последнего и при его более или менее живом и близком участии, напр., чрез посвящение в тайны своих мемуаров, существование каких известно было Иосифу⁶⁸ и отражается во многих местах Иродовой истории⁶⁹, и т.п. Обращая внимание на это, Иосиф сам не раз изобличает лесь, говорившую устами Иродова наперсника и извращавшую действительный смысл событий в его царствование, что, таким образом, предполагает само собой критику на весь труд Николая, который οὐ γὰρ ἱστορίαν τοῖς ἄλλοις ἀλλ' ὑποουρίαν τῷ βασιλεῖ ταύτην ἐποίητο. С подобной именно оговоркой Иосиф ссылается, например, на свидетельство Николая, в повествовании о том, как Ирод, по примеру Гиркана, хотел вскрыть Давидову гробницу ради ее сокровищ. Иосиф с неудовольствием⁷⁰ обращает внимание на то, что Николай, «славившийся в то время своими летописаниями», однако, ничего не говорит о неудачах хождения Ирода в гробницу, хотя и упоминает о поставленном от царя здании, которое, по мнению Иосифа, Ирод воздвиг (при входе в Давидову гробницу) именно для умилоствления Бога, убившего пламенем двоих Иродовых телохранителей, в момент приближения к гробнице. Причину этого молчания Иосиф здесь же объясняет льстивостью Николая, знавшего, что повествование об этом приключении не много принесло бы царю чести, каковую скромность – добавляет Иосиф с иронией – «наблюдает он (Николай) и в других случаях⁷¹; ибо, как жил он в правление Ирода, то и писал только о том, чем царю угодить мог, касаясь исключительно тех дел, которые могли служить к славе его имени; напротив, самые явные его беззакония или описывал другими красками или старался по возможности замалчивать». В качестве образчика приводится старание Николая обставить благовидными предложениями жестокость Ирода над Мариаммой и детьми ее, – оклеветанием царицы в бесстыдной неверности и мстительных злоумышлениях ее детей по отношению к Ироду. Угодничеством Ироду объясняет Иосиф показание Николая, производившего род Ирода от знатных Иудеев, возвратившихся из Вавилонского плена – ταῦτα δὲ λέγει χαρίζομενος Ἡρώδῃ⁷² ..., и вообще на каждом шагу дает понять, что он далеко не был чужд, и в весьма значительной степени, критической осторожности к этому «заказному» историографу и «придворному льстецу» Ирода. Довольно характерна также поправка⁷³, вносимая Иосифом в свидетельство «отца истории» Геродота, ошибочно приписывавшего⁷⁴ поход на Египетского царя при Езекии царю Ефиопскому, вместо⁷⁵ Ассирийского (Сеннахирима), или критика на замечание историка Полибия о **намерении** Антиоха ограбить Артемидино капище, как причине его несчастной гибели, которую сам Иосиф находит более целесообразным объяснить **совершившимся фактом** грабежа, учиненного упомянутым царем Иерусалимскому храму. Не говоря, затем, об особенно многих и более, или менее прекрасных критических замечаниях, дополнениях и исправлениях различных свидетельств древних историков, касавшихся так или иначе Иудейской истории, – переполняющих наилучший в этом отношении труд Иосифа «против Апиона», мы не можем игнорировать и в Археологии его других фактов более или менее критической самостоятельности Иосифа при

своде внебиблейских авторов, – между которыми, надо заметить, он имел не только беспристрастных, спокойных описателей старины, но и немало завзятых и общепризнанных недоброжелателей Иудейства, – по отношению к коим он, конечно, уже не мог быть слеп и чересчур доверчив.

Но все эти факты, свидетельствующее в отдельных частностях о том, что Иосиф далеко не всегда был пассивным, несамостоятельным историком-компилятором, – в общем, не препятствуют поддержать упрек Иосифу за слабость критики и научного беспристрастия, заставляющую невольно заподозривать Иосифа даже там, где, быть может, он и не заслуживает подобных подозрений. Его критика к тому же страдает узкой односторонностью и крайней невыдержанностью, и случайностью, необходимо являвшимися из того, что это была не критика в целях выяснения чистой истины, а лишь критика в целях обоснования предвзятой мысли. Задавшись целью – представить историю своего народа во вкусе греко-римского образованного общества и в возможно лучшем ее свете, он считал возможным и законным для этой цели все – и замалчивание невыгодного, и выдумка благоприятствовавшего, – не только исправление ошибочных показаний внешних свидетельств, но и безразборчивая, огульная свалка в одну кучу традиционных басен, по отношению к которым необходимость критики и недоверия иногда прямо подсказывается чувством самого неприятия читателя. Мы должны, впрочем, сказать и более того. Не только в прямо подозрительном и традиционном материале не мог разбираться тщательно Иосиф, но даже и в тех самых сторонних сообщениях, доверие к которым сам же основательно и с особенным ударением подрывал резкой их критикой в общем. Когда мы читаем, напр., его историю Ирода, которую он приводит по Николаю Дамаскину, основательно заподозренному им в угодничестве Ироду, то поражаемся странной двусмысленностью его отзывов об этом деспоте. Мы не знаем положительно, чему верить в устах одного и того же Иосифа, тому ли, что Ирод «всегда считал за долг свой каким бы то ни было образом облегчать несчастье подданных своих», и «отечески заботился об их благосостоянии»⁷⁶; или – тому, что был для них «неумолимым» тираном⁷⁷, в то время как «даже чужим»⁷⁸ свободно по своему великодушию прощал всякие обиды», и что от народа же награбленные сокровища он «открывал народу в дни всенародных испытаний (голода и т.п.) не столько⁷⁹ из желания помочь им, сколько для того, чтобы укротить их ненависть; – тому ли, что это был действительно «государь достойного удивления великодушия и мужества в несчастьях, заслуживший великое почтение от всех своими храбрыми деяниями, щедростью и благотворительностью»⁸⁰; или это было воплощение зверства и кровожадности, которое только терпеливо «сносил народ, негодуя на его дела, клонившиеся единственно к уничтожению их закона и повреждении нравов»⁸¹; – тому ли, наконец, верить, что это был несчастный по определению самой судьбы семьянин, игрушка рока, во всем остальном ему благоприятствовавшего⁸²; или – жестокий и бесчувственный отец, который столько был властолюбив и славожаждущ, что никого не хотел иметь своим товарищем, – неистовый сумасшедший маниакан, не считавший себя

безопасным даже от исчадий чрева своего?⁸³... Объяснить все подобные противоречия помогает сам Иосиф, то рабски и незаметно следовавший придворному историографу и льстецу Ирода – Николаю Дамаскину, и даже сам выступавший в роли апологета⁸⁴, – то как будто вдруг спохватившийся и обрушивающийся на обоих со столь же неумолимой, сколько и не несправедливой критикой, которой недоставало у него в других случаях, не менее нуждавшихся в критическом представлении и оценке. Если, таким образом, Иосиф с трудом мог пользоваться оружием критики даже там, где враг его не скрывал себя от него, то нечего и говорить, что он плохо умел пользоваться этим оружием и там, где он этого врага не подозревал и даже прямо мыслил в числе друзей своих (иудейские предания, клонившиеся к прославлению иудейства). Но особенно характерно выражается отсутствие критицизма и просто даже писательской самостоятельности Иосифа во многих местах какого-то полусознательного списывания и дословного копирования самых, по-видимому, неуместных подробностей подлинника. Таковы – его странные и наталкивающие лишь на постоянные недоразумения – «отсылки» к «другим» местам его сочинения, в которых он будто бы уже рассматривал или еще рассмотрит прерываемое им повествование, и которые оказываются просто заимствованными из первоисточника и нигде более не имеющими у Иосифа своих параллелей.⁸⁵ Масса подобных случаев, правда, не приносит особенного ущерба самому повествованию; однако, характерна в том отношении, что рисует крайнюю поспешность Иосифа, недостаток сосредоточенности, внимания и сознательности в изыскании и обработке собираемого материала, неизбежно допускающие возможность других, более важных и крупных ошибок.

Все это, вместе взятое, показывающее крайнюю небрежность и неспособность Иосифа вообще здраво-критически относиться к своему материалу, делает весь его труд недостаточно удовлетворяющим – научным требованиям и особенно затрудняет пользование им в целях библейско-исторической науки.

в) Наконец, еще один (третий) существенный и для библейского историка особенно важный недостаток Иосифа – это **непрагматичность** его исследования. Этим упреком отказывается Иосифу не только в способности быть критическим историком, умеющим разобраться в своих материалах, но и в способности быть просто историком, разбирающимся в фактах и умеющим группировать их по законам исторического повествования не только в последовательности и естественности, но и в строго-логической (прагматической) связи и зависимости. Особенно ясно этот недостаток Иосифа выступает в его описании войны Иудейской, к которой он не сумел или не хотел подойти с наиболее естественной стороны и, останавливаясь лишь на казовой стороне дела, совсем не углубляется в истинную сущность и развитие событий, подготовивших восстание, и во все, что составляет «дух» истории, и, так сказать, самую историю. Единственное, в чем ему нельзя отказать в данном случае, – это, по крайней мере, заметное желание и стремление, сообразно с планом своего труда, разрозненные отрывочные сообщения

первоисточного материала обращать в повествование последовательное, упорядоченное. Но дальше этого наш автор не идет, потому, между прочим, что он и не мог идти, будучи историком, так сказать, более по профессии, чем по призванию, независимо от того, что он был при этом еще историком и тенденциозным. Уже потому, что он не мог дать беспристрастно критической истории израильтян, рассматривающей факты с точки зрения их достоверности и их объективной важности, он не мог дать и философского или прагматического обсуждения фактов, развития идей и учреждений. Нельзя не сознаться, что и ныне еще, после стольких веков, едва поставляется главной задачей историка подобное обсуждение, нередко оставаясь при одних попытках такой идеальной истории; тем более это требование предъявлять к Иосифу было бы большой несправедливостью. И за то уже ему нельзя не быть благодарным, что он пришел к мысли представить полный обзор истории Иудейского народа с самого начала рождения человечества до последних времен, восполнив те пробелы, которые представлял текст священных исторических книг, опускавший нередко не только связующие или следовавшие непосредственно события, но даже целые эпохи, на протяжении целых веков. Правда, и Иосиф делает это восполнение не всегда и не столь удовлетворительно, благодаря своему некритическому отношению к материалам, и по не зависящему от него недостатку самых этих материалов; при всем том, остается, однако, еще многое, что можно по справедливости считать великой заслугой Иосифа, без чего Библейская история и более или менее целостный обзор судеб Иудейства обойтись совершенно не может.

Отдавая эту дань справедливости по отношению к Иосифу, мы не можем оставить без внимания высказанный ему только что упрек. Все мог бы простить ему библейский историк – и некритичность его исследований, поскольку этот недостаток выходил из неспособности вообще древних быть критиками, и тенденциозность его Археологии, поскольку она внушалась не столь низменными и притязательно несправедливыми намерениями, – и даже непрагматичность чисто историческую можно бы вполне игнорировать в трудах Иосифа, снисходя к его личной неспособности быть прагматиком и предъявляя вообще к нему не иные требования, как и к прочим историкам и писателям древности. Лишь нельзя простить Иосифу совершенно непрагматичности его, как строгого Иудея, история которого, как вся вообще жизнь – так же немыслимы без идеи Мессии, как тело без души, и который, однако, на протяжении всей своей обширнейшей Археологии, совершенно не уделит ей места. Между тем эта идея – душа всего Ветхого Завета, основа всей деятельности величайшего из уважаемых Иосифом ветхозаветных мужей Моисея, смысл всей Иудейской истории, которая без этой идеи для нас совершенно непонятна, неестественна и даже прямо неразумна. Это самое чувствуется как нельзя лучше – и на опыте Иосифа представить **такую** историю, в совершенном отрешении от Мессии. Достаточно сказать, что он повел к совершенному игнорированию преобразовательной стороны Ветхого Завета и деятельности пророков, которая, при своей кипучей жизненности, несомненно имела важное историческое значение. Это последнее

обстоятельство значительно усугубляет рассматриваемый недостаток Иосифа, подтверждая преступную подкладку его непрагматичности. Ведь он игнорирует указанные важные стороны своей истории вовсе не потому, что для него важна была лишь историческая сторона дела (как защищают некоторые Иосифа), а гораздо более по апологетически-тенденциозным целям своего труда, побуждавшим его замалчивать все, наводящее на мысли об ожидании Иудеями Мессии-Избавителя, – только ради того, чтобы не повредить Иудеям во мнении Римлян, и не показать народ имеющим какие бы то ни было политические надежды помимо Рима. Для этого, конечно, было достаточно – вовсе не жертвуя Мессией – показать самую несостоятельность «политических» надежд в миссии Мессии, что так открыто и ясно в глаза самому Риму высказал Сам Мессия (на суде Пилата) и доказывали Апостолы. И менее всего был законен для сего путь, избранный Иосифом – путь отречения не только от ложных представлений Мессии, но и от Самого Мессии. И это только в угоду Риму, в обмен на его дешевые похвалы и лавры! Легко представить, какой вид должна была принять история Израиля в освещении **такого** автора. Мы не находим, конечно, у него ни одной мысли о том, как постепенно воспитывался Израиль в обетовании об Икупителе, как постепенно величавый образ Его прояснялся в сознании падшего человеческого рода, как вообще Бог открывал Себя человечеству, влек его к Себе и животильной мыслью Избавителя растворял все горести и страдания в его судьбах, на всех стадиях исторического развития. Нам скажут – это требование не совсем законно предъявлять к Иудею, сознание которого не просвещено христианским воззрением на эти вещи и не нашло удовлетворения, осуществления своих заветных чаяний? Но что вообще в данном случае немыслимо было иное понимание и представление дела, более или менее близкое к высказанному нами, это прекрасно подтверждается тем недовольством, которое на тех же самых основаниях и по тем же побуждениям высказывали Иосифу уже сами Иудеи, его современники, называя его предателем Иудейства и отступником, причем, переход Иосифа на сторону Рима, очевидно, являлся лишь поводом, а вовсе не основанием для такой аттестации Иудейского апологета; яснее говоря – таким основанием были сочинения Иосифа, для которых не существовало единственной надежды Иудеев – Мессии. Самый «переход» к Риму был, так сказать, уже «последним словом» его отступничества от заветных чаяний своего народа, «резюме» его отречения от всяких результатов Иудейской многострадальной истории, – отречения, сказавшиеся в его Археологии уже там, где он со столь легким равнодушием, приводя речь Бога к падшим прародителям, совершенно молчит об утешительном обетовании Избавителя, Которого человечество приглашалось ждать от Семени жены и в Котором было столь великое побуждение к наречению матери всех смертных именем «жизнь». Это же замалчивание Мессианских мест, это же отречение от Мессианских надежд красной нитью проходит по всему обширному исследованию Иосифа. Отвлекая Мессианскую идею от всех Иудейских учреждений, законов, вообще от всех воплощавших ее особенностей Иудейской истории, он выставляет все

это в виде, как можно менее отталкивающим своею исключительностью, тем более их кажущуюся тенденциозностью и специфизмом, поскольку все это привязывалось к ожиданию Иудеями «их» Мессии.

Наряду с указанной отрешенностью Иудейской истории от ее жизненной и глубочайшей идеи, извращающей совершенно истинный смысл и дух этой истории, которую упомянутая идея только и делает общечеловеческо-библейской, нельзя не высказать и другой упрек Иосифу, относящийся к его непрагматичности в начертании им собственной истории. Такова его неуместная подробность там, где она совершенно могла не входить в его задачу, и наоборот, – ничем не оправдываемая краткость там, где от него были все основания и права – ожидать и требовать обстоятельных и компетентно-ценных указаний или сведений. Между тем, помимо того, что он нередко оказывался не в состоянии заполнять многолетние пробелы своей истории ничем существенно новым и критически безупречным, кроме ходячих легенд и саг на пространстве этих пробелов, – он не в состоянии был и вообще не постарался уделить побольше внимания тем, более важным сторонам, по которым известные эпохи Иудейской истории заслуживали преимущественного интереса. В особенности ясно это на примере совершенного отсутствия связи между эпохой Ездры с Неемией и временем Маккавеев. Большую пустоту между этими эпохами (440–175 г.) Иосиф заполняет всего почти только парой плохо выверенных и установленных событий, и оставляет в совершенной неразработанности сырой материал книг Маккавейских, обнимающих время величайшего кризиса, который оживляет весь этот период, и, воскресив еще раз религиозно-национальное самосознание Иудейского общества, вложил это самосознание в определенные рамки, со всеми характеристическими особенностями и чертами возрожденная после-пленного Иудейства.

Сказанного достаточно, чтобы видеть, как вообще Иосиф мало был способен и старался обращать внимание на духовные движения своего народа и под фактами материальными открывать и изучать работу идей, являвшихся результатом прошедшего и подготавливавших собою работу самого отдаленного будущего. Он не сумел представить нам развития и окончательного сформирования стремлений и духа Иудейства, что играло столь важную роль особенно в периоде между завоеваниями Александра и разрушением Иерусалима, хотя и силится показать происхождение и обоснование позднейшего Иудейства посредством довольно добросовестного анализа законодательства Пятокнижия.

Эта слабость истинного философского освещения Иудейской истории и, в частности, отдельных ее эпох, из коих каждая обладает своим особым, ей только свойственным характером, являясь вместе, как естественный необходимый результат всего предыдущего и достаточное основание последующего, – в соединении с двумя преждеуказанными и рассмотренными недостатками (тенденциозность, некритичность) вообще совершенно не позволяет отрекомендовать Археологию Иосифа в ее «целом» в качестве надежного и везде одинаково ценного материала или источника Иудейско-

Библейской истории, и заставляет по необходимости ограничивать ее значение для этой истории лишь отдельными частностями, не лишенными, впрочем, не только особенного интереса, но, по местам, и более или менее крупных научных достоинств.

III. Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία Ἰοσιφά со стороны ее источников

§ 5

При исследовании текста и при оценке исторической достоверности и значения Иосифа первостепенное значение имеет вопрос об источниках, из которых черпал наш автор. Здесь интересны для нас должны быть в особенности две стороны этого вопроса: **качество** этих источников самих по себе и определенное **отношение** к ним Иосифа, долженствующее быть не менее меркою значения его для Библейской истории.

а) Главный и важнейший источник Иосифа, разумеется, есть **Библия**, обсуждение качеств которой, поскольку содержание ее составляют «слова Божьи», – собственно говоря, в весьма ограниченной мере подлежит компетенции человека. Отношение Иосифа к этому источнику, не только свободное, но и чересчур произвольное, мы уже видели и еще увидим. Здесь мы должны рассмотреть прежде всего весьма важную и спорную проблему относительно того, в каком виде пользовался Иосиф Библией, т.е. читал ли он ее в оригинальном еврейском тексте, или ином каком, наприм., греческом только, как полагают⁸⁶ некоторые? Как ни странна, по-видимому, уже самая возможность такого вопроса для иудейского священника, прошедшего всю раввинскую мудрость своего времени и «еще 14-летним юношею» способного беседовать с приходившими к нему архиереями и книжниками о труднейших местах закона, – однако, мы должны поставить и решить этот вопрос, важный и сам по себе и для тех употреблений, какие из сего могут быть сделаны. Важности вопроса соответствует его трудность для определенного решения. Это видно уже из того, что исторически данный вопрос разрешали в смысле то благоприятном для Иосифа, то далеко не благоприятном. С одной стороны, его упрекали лишь за недосмотры и важные погрешности против обычного еврейского текста, с другой – предполагали, что у него должен был быть экземпляр оригинального текста более исправный, чем наш, и склонны были даже исправлять этот последний текст по датам Иосифа. Наконец, третьи оспаривали у него малейшее знание еврейского языка и, на основании некоторых мест, несогласных с этим знанием, прямо утверждали, что Иосиф пользовался лишь переводом LXX, что решительно подтверждалось, по-видимому, и многочисленными случаями очевидной зависимости Иосифа именно от этого перевода. Мы должны рассмотреть те и другие места и оценить их сравнительную доказательную силу.

Между значительным числом мест, обнаруживающих в нашем историке, по-видимому, незнание еврейского языка, иногда незнание прямо поразительное, – обращают на себя внимание его опыты изъяснения имен лиц, мест, обрядов, и т.п. Примеров данного рода так много, что нет возможности приводить всех их. Большая часть этих изъяснений небезосновательно отвергаются здоровой критикой, как несообразные с отчетливым знанием свойств, форм и законов организма еврейской речи и вообще с филологией. Правда, эта несообразность сама по себе, могла доказывать только, что Иосиф не был филолог, и не имел научного,

исторического и этимологического знания своего родного языка; но не более. А понятно – в этом отношении его так же несправедливо обвинять в невежестве относительно своего языка, как несправедливо обвинять в незнании языков греческого и латинского – Цицерона, Геродота и др. классических писателей, столь же небезупречных с точки зрения строгофилологических требований. В доказательство крайнего невежества в области еврейского языка особенно указывают на место передачи им Исх.16:15, где Иосиф безрассудно смешивает слово **ID** с **PD** (иврит, извините, не уверен, проверьте, пожалуйста. Стр. пдф.26, ориг. 40)!!! комментируя данное место Арх. III, 1, § 6 таким образом: «τὸ γὰρ μὲν 'περώτησις κατὰ τὴν ἡμετέραν διάλεκτον, τί τοῦτ'ἐστὶν ἀνακρίνουδα». Между тем, **ID** вовсе не вопросительная частица, означающая «что?», – от которой будто бы, по Иосифу, и произошло название манна⁸⁷ (**ID** собств. **дар**, от **PD** == **ID**). Еврейский язык знает вопросительную частицу **PD**, от которой Иосиф не мог, сообразно своим намерениям, истолковать слово «манна». Вот почему и **LXX** опускают самое имя «манны» и говорят просто «что такое? – потому что они не знали, что это было». В оригинале же данное место, введшее в заблуждение Иосифа, читается так: «Израильтяне сказали: это от **ID** ибо они не знали, что такое (== **PD**) это было?». Но менее характерный пример имеем в Арх. II, 4, где Потифара, которого Моисей называет в Быт.37:36 **ד'חבון רש** – «начальник телохранителей», Иосиф низводит «в ἀρχιμάγειρον, ἐπὶ τῶν φαραώθου μαγείρων τοῦ βασιλέως». Хотя **PD** может действительно означать повара (соб. закалатель), как это имеем в (1Цар.9:23 и 24) **или PD** – поварику, как (1Цар.8:13), однако, здесь (Быт.40:3) Потифар особенно выразительно называется высшим начальником телохранителей **לח-בב רחב** и нет никакого повода изменять его в начальника поваров.⁸⁸ Подобное недоразумение представляет Арх. III, 12, 3, где Иосиф, толкуя слово **לבי** τοῦ Ἰωβήλου прибавляет: ἐλευθερίαν δὲ σημαίνει τοῦνομα, и в **V** кн. 1, 2 – слово **ללא** Γάλαλα поясняет: σημαίνει δὲ τοῦτο ἐλευθέριον ὄνομα; – или еще – имя первенца Иакова – Рувим изменяет в **Ρούβηλον**, производя это, несогласно с **Быт.**, от **PD** == видеть и **ЛХ** == Бог видит⁸⁹ или, наконец, о камне, который еврейский кодекс называет просто **1) PD** **лх** (Цар.7:12) – некоторый камень, один камень, – Иосиф прибавляет **ισχυρόν, σύμβολον τῆς παρὰ τοῦ Θεοῦ γενομένης αὐτοῖς, κατὰ τῶν ἐχθρῶν ἰσχύος**.

Немало можно привести, затем, случаев, когда на познаниях Иосифа по части древнего еврейского языка, познаниях несомненных, отражалось влияние халдейского наречия, многораспространенного во времена Иосифа; так это видим в толковании рек, обтекавших Эдем, и особенно в Арх. III, 7, 2, где Иосиф, называя «лен» по-халдейски, выражается: **χεθὸν γὰρ, τὸ λίνον ἡμεῖς καλοῦμεν** (халд. **חנן** евр. **לש** лен)⁹⁰, и т.п. – Указывают, затем, еще в подтверждение мысли о незнании Иосифом еврейского языка на его суждения о поэзии своего народа, когда он говорит именно, что прощальная песнь Моисея написана гекзаметрами; или – что Давид писал псалмы триметрами и пентаметрами.⁹¹ При всех усилиях установить законы еврейского стихосложения на основании этих указаний, мы ничего не достигаем, и остается лишь прийти к тому исходу, что Иосиф в данном месте просто хотел

произвести впечатление на греков, переводя на их воззрения значение литературы своего народа, и вовсе не изобличает этим своего невежества в знании еврейского стихосложения. Напротив, само это знание особенно и могло давать ему основания характеризовать его применительно к пониманию своих языческих читателей. Ведь если еврейскому стихосложению и могла быть неизвестна просодическая мера, – стопы, правильно размеренные и симметрически расположенные, то ему нельзя, во всяком случае, отказать в особой ритмике и своеобразной музыкальной мере, по смыслу или по созвучию, – делающей эти стихи весьма удобными для вокального и инструментального выполнения. Это-то все и могло естественно побуждать Иосифа говорить о метре, и метре разнообразном, чтобы дать, хотя отчасти, понятие о своеобразных красотах своего стихосложения, не иначе доступных суждению греков, как в аналогии, хотя бы в действительности и не существовавшей, между стихосложением еврейским и классическо-греческим и римским.

Наконец, можно указать несколько мест, в которых, хотя Иосиф одинаково грешит не только против еврейского текста, но и LXX, тем не менее, по-видимому, дает все основания думать, что причина этих погрешностей лежит именно в незнакомстве с еврейским текстом Библии. Таков рассказ в истории потопа о возвращении ворона в «ковчег», между тем как оригинальный текст, а за ним и LXX, говорят, что воронь в самый ковчег не возвращался. Еще поразительнее подобная филологическая ошибка в рассказе о принесении Авелем жертвы из молока, опять вопреки оригиналу и LXX, хотя нет особенной надобности относить здесь возможность ошибки⁹² к самому Иосифу, в виду того, что в этой странности проводится, несомненно, заимствованная из предания тенденция. Более важным представляется довод, что Иосиф, если бы имел основательный навык в чтении еврейского текста, едва ли бы говорил⁹³ о «царе островов» там, где в оригинальном тексте и LXX стоит «цари хеттейские», составлявшие, как известно, древнее племя хананейское. Не могли, замечают, смешать Иосиф, имея пред собою текст еврейский, этих Хеттеев (חֵתִי) с חֵתִיב или חֵתִיב – имя, которым в Ветхом Завете обозначаются острова Средиземного моря и их обитатели, если у него не было пред собой еще другого чтения, отличного от нашего?...

Не имея ничего против отмеченного недоразумения, жертвой которого мог стать любой из современных знатоков еврейского языка и не относя подобных недоразумений на счет незнакомства с языком, мы находим благовременным пригласить читателя: *audiatur et altera pars!* Исключительно ли вынуждаем был Иосиф пользоваться переводом LXX и предполагается ли степенью и характером несомненной зависимости Иосифа от LXX с необходимостью – незнакомство его с текстом оригинальным? – Зависимость Иосифа от LXX, а не от еврейского текста, действительно, несравненно многочисленнее и очевиднее – настолько, что, наприм., при книгах Ездры и Есфирь Иосиф пользуется также теми добавлениями, которые имеются лишь в LXX.⁹⁴ Однако, не это, конечно, должно иметь решающее в данном случае значение. Наряду со множеством мест, где переводчик имел в своем распоряжении

большее разнообразие выражений, для передачи мысли оригинала, и где Иосиф несомненно предпочитал придерживаться выражения LXX, есть не менее значительное количество гебраизмов, употребление коих автором, столь заботящимся вообще о точности стиля, более чем необъяснимо без предположения, что он, сам того не сознавая, подчинялся впечатлению от текста, непрерывно им перелистываемого. Не могут служить возражением против этого такие примеры⁹⁵, когда Иосиф, прямо следуя LXX, расходился, быть может, вовсе не подозревая этого, с еврейским оригиналом: так как, с другой стороны, имеется на лицо не мало и таких мест, где он прямо согласен с текстом еврейским и именно вопреки LXX, как в именах собственных, так и в вариантах. Вот несколько характерных в этом отношении примеров. Быт.1:1 – Иосиф имеет с еврейским מְבָרַךְ – ἔκτισεν, а не с LXX – ἐποίησεν. Быт.2:7 – еврейский текст выражается знаменательно, что Бог вдунул Адаму ,פִּי לַחַיִּי между тем как греческий текст утрачивает⁹⁶ этот знаменательный оттенок, имевший в виду отметить, по мнению толкователей, разнообразие и богатство духовных способностей человека, выражаясь не столь характерно – πνοήν ζωής (spiraculum vitae). Восстанавливая ближе эту важную особенность еврейского оригинала, Иосиф говорит: καὶ πνεῦμα ἐνέκεν αὐτῷ καὶ ψυχὴν. Самое обыкновение, затем, Иосифа – толковать собственные имена еврейские и бесчисленные другие еврейские термины (Адам, Исса – Ева, – Авель, Фисон, Геон, Диглаф, Евфрат, Суббота, Вавилон, Фалек)⁹⁷ и т.д.) по-гречески, что совершенно отсутствует иногда в LXX, указывает на его правоспособность быть по мере необходимости таким толкователем. То, далее, обстоятельство, что в переводо-греческих собственных именах он столь часто следует отличному от LXX произношению и допускает проводить в них своеобразные мнения, и что вообще стиль Иосифа от дикции перевода греческого по местам до того уклоняется, что совершенно не позволяет мириться с мыслью, чтобы Иосиф воспроизводил текст LXX, – не свидетельствует ли также о неединственной зависимости Иосифа от LXX. По крайней мере, не видно ни откуда, чтобы Иосиф, если и не вообще не зависел от LXX, то знал иную какую часть Ветхого Завета, кроме Пятикнижия и, естественно, – книг, оригинальным языком коих изначала был греческий. Наконец, очевидное следование еврейскому тексту, а не переводу LXX, положительно ясно из Арх. IX, 11, где Иосиф сокращенно воспроизводит пророчество Наума. Из этого последнего места, между прочим, наиболее ясно обнаруживается, что кодекс еврейский, употребленный Иосифом, во всяком случае не мало отличается от обычного. Исходя из указаний в самом Иосифе, собранных ученым Nodio⁹⁸, в которых зависимость Иосифа от этого кодекса не подлежит пререкам, Whistonus именно думал, что у Иосифа был под руками кодекс, наиболее точный, – тот самый, который сохранялся в храме, и, по свидетельству самого Иосифа⁹⁹, спасен им при разрушении храма. Наконец, в пользу того мнения, что Иосиф, хотя и пользуется переводом LXX, должен был, однако, иметь знакомство и пользоваться также и оригиналом, не может не иметь значения простое соображение об обстоятельствах самой жизни его и из условий вообще самого дела. Он был священник и, как таковой

уже, не мог не получить достаточное, хотя по своему времени, образование в раввинской мудрости, тщательнейшим образом должен был, по крайней мере, усвоить основы иудейства, тем более в такое время, когда, по его словам, и «ценили только тех, кто обладал глубоким знанием законов и умел толковать священное писание», – это и вполне естественно, при ощущавшемся тогда особенном и всеобщем подъеме иудейского самосознания, в связи с мыслью о близости predetermined конца времен до Мессии. И, если Иосиф хотя «отчасти» не лгал, что сами архиереи и знатные лица приходили к нему за разрешением недоумений по поводу труднейших мест закона (нельзя же было дойти до такой бесстыдной лжи в то время, когда все современники Иосифа могли уличить его в ней), – то ужели бы эти совопросники удовлетворялись им настолько и могли прощать ему столь крупный пробить в умственно-религиозном кругозоре иудея, и, при том, священника, как незнание «священного языка»? – Мы положительно затрудняемся допустить эту нелепость, не только по отношению к Иосифу, но вообще к значительнейшей части тогдашних палестинских иудеев, настолько еще не доеллинизовавшихся, что еврейский кодекс Библии с арамейскими таргумами на него постоянно продолжал быть в общественном и частном употреблении. Более того: Иосиф как раз жил в то время, когда в строго-палестинском иудействе возобновилась сильная реакция, с одной стороны – против всего иноземного, на почве которой сначала выросла вековая борьба с идумейской династией, а потом и война с Римом, – а с другой – реакция, в частности, даже и против перевода LXX, впоследствии с замешанным недоброжелательством к христианству. Уже Иосиф сам ясно дает понять, что не мог свободно объясниться и писать достаточно безупречно на греческом языке, без особых на то сотрудников, как, например, в – κατὰ Ἀπὸνως, I, 9, а также Ἀρχ. X, 10 (II, 162); в последнем случае Иосиф одной из заслуг своих в деятельности писателя ставит именно переложения еврейских литературных сокровищ на греческий язык. И если разговорным, отечественным языком Иосифа был арамейский, на котором он написал даже целый большой труд, то ничто не дает нам права слишком преувеличивать разность между языком пророков и арамейским наречием, которая вообще не более той, какая существует между первоначальным языком – и более развитым, совершенным, или какая, например, между древне-славянским языком и русским. Если так, то в особенности такому ненедаровитому и, во всяком случае, любознательному и усидчивому писателю, как Иосиф, едва ли стоило большого и непреодолимого труда – при основательном разумении арамейского наречия – усвоить и более первоначальный по отношению к нему еврейский¹⁰⁰, настолько, по крайней мере, чтобы быть в состоянии справляться с оригинальным текстом своего главного источника¹⁰¹, при том в одной только и наиболее простейшей его части, так как для Археологии ему служили более всего исторические книги, стиль которых, конечно, гораздо меньше мог представлять затруднений, чем пророки и учительные книги Ветхого Завета. Что касается того обстоятельства, почему при несомненном знакомстве с еврейским языком Иосиф предпочитает ему LXX, то мотивы

этого не представляют никакой загадочности в виду того, что Иосиф пишет свой труд для греко-римлян, которые могли сверять его, в случае надобности, лишь с этим для них доступным и для них предназначенным текстом.

Из того обстоятельства, что Иосиф, несомненно, зная еврейский оригинальный язык и ведя свой рассказ в Археологии в более или менее близкой параллели с LXX¹⁰², допускает значительные разности с тем и другим текстом, возможны два ближайшие и важные для нас следствия. Или следует принять, что Иосиф пользовался кодексом еврейским отличным от новейшего, если в чтении и повествовании (особенно в указании времен и основ хронологии) чрезвычайно отклоняется от известного нам еврейского текста; или надо допустить крайне небрежное, безразборчивое обращение Иосифа со свящ. источниками, совершенно непростительное для священника, которому подлежало служение в храме и самое достоинство которого предполагает само собой тщательнейшее воспитание с малолетства в еврейской, особенно священной литературе. История вопроса показывает примеры того и другого суждения касательно Иосифа. В частности, своими исчислениями хронологическими, где есть возможность сопоставлять их с известными из Свящ. Писания, Иосиф столько непостоянен и легковверен, что ученые согласно заподозривают в данном отношении его авторитет. Некоторые обличают в Иосифе прямо великую и нестерпимую страсть лжи, другие – небрежность, третьи – обман и натяжки, и т.п. Всеми вообще согласно констатируется¹⁰³, что Иосиф, каким бы текстом ни пользовался – все равно, – часто далеко от него отстает, прибавляет и опускает по произволу слова и аккомодирует текст своими выдумками. Унижая, таким образом, Откровенное Божье Слово пред своими мнениями, он не останавливается и пред тем, чтобы выдавать их за это самое Слово, заботясь единственно лишь о приятности своего рассказа Римскому уху, а не о соблюдении истины Писания. Все это тщательно должно быть принимаемо во внимание при оценке критической достоверности нашего автора и значения его для священной истории со стороны его главнейшего источника. Лишь под условием величайшей осторожности и всестороннего критического обсуждения, и проверки, историк может пользоваться теми или другими указаниями Иосифа, особенно там, где он отстает от того или другого текста, или восполняет его пробелы, делая всякого рода дополнения и распространения. Немногие случаи, в которых преимущество текста Иосифа пред современным библейским несомненно, не должны здесь давать соблазны к увлечениям, как это мы видели в неразумной крайности исправлять Библейский текст по Иосифу¹⁰⁴ вместо того, чтобы последним ввести в границы, из которых этот святотатственно-дерзкий торгаш Словом Божиим неразумно вышел.

б) Другим источником Иосифа, после Слова Божьего, – не менее богато им исчерпанным, было то, что мы назовем вообще «**преданием**», разумея, однако, под ним не только традиционное понимание текста Ветхозаветного, но и все те, устные и письменные комментарии к священному тексту, которые во времени Иосифа и особенно непосредственно после него стали группироваться во всевозможные литературные памятники историко-

экзегетического, законодательного и нравоучительного характера. Большинство этих памятников дали ученые труды раввинов, состоявшие преимущественно в научной обработке текста Св. Писания и составившие, целую обильную, так называемую, раввинистическую литературу.¹⁰⁵ Имея в самом священном кодексе прецедент подобной работы (книги Паралипоменон), раввинистическая обработка старалась преследовать две важнейшие задачи: с одной стороны, она старалась комбинировать, сводить и сопоставлять, а где нужно, соглашать, истолковывать основоположительные истины Ветхого Завета, или специально – дать полное, систематическое начертание закона, как правового материала, лежавшего в основе организации иудейства; с другой стороны, она старалась распространить и вообще более связно и полно представить, дальше развить Св. Историю и религиозно-нравственные истины иудейства, восполняя пробелы между событиями, и усиливаясь их располагать более прагматически, а не отрывочно. Плодом первого рода деятельности явилась Галаха (גלחא собственно – что выходит и во что-либо распространяется)¹⁰⁶, систематизирующая традиционное право; плодом второй – Гагада (גאגדה или גאגה) или легенды (на почве религиозных и этических представлений). Хотя почти вся до нас дошедшая раввинистическая литература простирается по началам своего возникновения не далее последнего десятилетия II столетия до Христа, однако фиксированные в ней предания источниками своими идут далеко вглубь до Христа, разветвляясь с течением времени на отдельные вариации. Возможно, что Иосиф был увлекаем то теми, то другими, вообще несколькими сразу разветвлениями этих преданий и именно прежде, чем многие из них окончательно застывали в том или другом виде раввинической литературы, заканчивавшейся и популяризовавшейся далеко не сразу, а мало по малу. Это надо иметь в виду при констатировании того факта, что громадное большинство заимствований Иосифа находятся в Гагаде, и гагадических обработках отделов Ветхого Завета (какова, напр., «книга Юбилеев», комментирующая повествования книги Бытия и т.п.). Это же мы будем иметь в виду, предлагая несколько сведений о главных отделах или группах раввинической литературы, к которым после мы будем приурочивать те или другие особенности Иосифова повествования и достоинством которых, в большинстве случаев слабым, будет измеряться историческое значение Иосифа со стороны этих источников.

Мы отметили два рода научной обработки священного текста, объединяющиеся под общими заголовками Галаха и Гагада. Начало образования первой точно не может быть определено. Она представляется частью в тесных приложениях к тексту Писания, следовательно – в форме комментариев к нему, частью – в систематическом порядке расположенных трактатов, в которых правовой материал группируется по предмету. Труды последнего рода скоро стали преобладать, породив целую отдельную, так называемую, Талмудическую литературу, главные разновидности коей суть: 1) Мишна; 2) Тозефта; 3) Иерусалимский и 4) Вавилонский Талмуды. Мишна – משינא דעיתרשׁיס¹⁰⁷, повторение, устное учение закона, в отличие от

письменной Торы, есть свод галахических комментариев или трактатов (до 60), окончательная редакция которых приписывается ученому раввину Iuda ha-Nasi, или ha-Kadosch, в конце II столетия по Рожд. Хр. Речь Мишны еврейская; содержание – почти только галахическое, за исключением двух трактатов и нескольких незначительных заключений к остальным. Тозефта (תוספתא – additamentum), как показывает самое название, есть нечто иное, как дополнение Мишны, и писана по плану ее (хотя число трактатов меньше – 59 вместо 63). По характеру обработки источника есть отличие от Мишны: в Тозефте текст цитируется нередко первоначальнее и значительно полнее. Точно также гагадический элемент в Тозефте много сильнее, чем в Мишне.¹⁰⁸ Иерусалимский, правильнее – Палестинский Талмуд (תלמוד – учение) есть юристическая кодификация на основе Мишны, текст которой, будучи расширяем с неослабным рвением в III и IV стол. в школах Палестинских, (особенно в Тивериаде), наряду с все более и более разнообразившимися казуистическими тонкостями в IV стол. по Р. Хр., и образовал названный Талмуд. Кроме Галахи, составляющей главное его содержание, здесь находится также богатый гагадический материал. Число трактатов – 39. Вавилонский Талмуд¹⁰⁹ представляет из себя подобную же обработку Мишны в духе Вавилонской школы, закончившуюся, вероятно, к VI веку по Р. Х. По количеству трактатов, он короче Палестинского – 36^{1/2} в. 39 – и гагадический элемент в нем еще богаче распространен, нежели в Палестинском. Кроме этих родов и форм раввинистической литературы, мы отметим еще два, известные под общими понятиями – Midraschim и Targumim. В Мишне и обоих Талмудах иудейское право (галаха) кодифицируется в более или менее систематическом порядке. Другие образцы раввинических письменных трудов примыкают тесно к основному тексту, шаг за шагом его комментируя. Эти комментарии¹¹⁰ или Мидрашим (מדרש) частью галахического, частью гагадического содержания; причем – в древнейших (Mechilta, Siphra, Siphre) преобладает Галаха; юнейшие (Rabboth и следующие) почти исключительно гагадические. Те по возрасту и содержанию более близки к Мишне; эти принадлежат к позднему времени и представляют из себя простые осадки предлагавшихся в синагогах поучительных назиданий. Речь всех этих Midraschim – еврейская. Таргумим или арамейские переложения Ветхого Завета фиксируют традиционное понимание текста Писания, давая не строго дословное, но парафрастическое изложение. Из числа таких таргумим особенно важно упомянуть таргумы Onkelos'a¹¹¹ к Пятокнижию, многие места которых часто, приводятся в Вавилонском Талмуде и Midraschim; – Ионафана на пророков (ученик Гиллеля, I десятил. нашей эры); приписываемые ему таргумы вообще суть переложения Nebiim, следовательно – обнимают, кроме собственно пророков, и исторические книги Ветхого Завета, отличаясь от таргумов Онкелоса большей парафрастичностью и сложностью, – часто цитируются в Талмуде и Midraschim. Наконец, таргумы Псевдо-Ионафана и Jeruschalmi к Пятокнижию, простирающиеся не на все Пятокнижие, как у Онкелоса, а лишь на избранные стихи и отрывочные слова. Время их

окончательной редакции может быть отчасти определено по упоминанию дочери и жены Магомета.

Отмечая все эти образы раввинистической литературы, мы, повторяем, далеки от того, чтобы находить в них первичные источники Иосифа и констатировать вообще какую бы то ни было зависимость его от них. Уже не позволяет делать этого самое время их появления: многие, и при том сравнительно более древние из них, составились и отредактированы во II и III стол. по Р. Х.; следовательно, далеко позднее Иосифа.¹¹² Но для нас важны эти образцы по многим весьма ценным указаниям в том именно отношении, что дают руководящие нити для того, чтобы вернее выслеживать истинные первоначальные источники Иосифа, дают близкую и определенную цитацию многим его своеобразно-анонимным сообщениям и различиям от священного текста. Мы узнаем, как то, или другое мнение Иосиф непосредственно черпал из того же самого популярного источника, из которого составлялись со временем упомянутые письменные сборники. Мы получаем возможность судить, во всяком случае, каковы те источники, достоинством которых обуславливается историческая достоверность Иосифа и определяется ценность большинства сообщаемых им сведений. Даже там, где не легко устанавливается связь Иосифа с известными ныне раввинистическими работами, мы имеем, по крайней мере, достаточные основания и права считать Иосифа в данных случаях выразителем и отразителем господствовавших воззрений и пониманий Свящ. Истории, хотя этим еще более затрудняется определение того, насколько он, так сказать, самобытен и насколько здесь или там достоверен, или легковверен. Что касается исторического значения вообще раввинистической литературы, помогающей выяснять и локализовать большинство оригинальностей Иосифа, то в указанном отношении она не всегда способна выдерживать даже более умеренную критику: большинство этих раввинических продуктов до такой степени — плоды благочестивой фантазии и иудейско-казуистических тенденций и традиций, что нередко безопаснее и легче бывает целиком отвергать и игнорировать их, нежели успеть отделить в них вполне безупречные, ценные и во всяком случае немногие блестящие основательно-научного и разумно-осмысленного экзегеза. Тому же самому суду и по тем же основаниям должны подлежать, конечно, и сообщения Иосифа, поскольку таковые покоились на совершенно некритичных и субъективных началах иудейско-народного и раввинического, устного и письменного предания.¹¹³

в) В качестве третьего важнейшего в историческом отношении источника, после священного текста и традиционно устных и письменных пониманий и распространений его, служила для Иосифа **светская литература** того времени, преимущественно, конечно, исторического характера. Здесь прежде всего мы должны отметить в высшей степени богатую эрудицию Иосифа, обширное знакомство его с указанной литературой, собранной для его великой цели со столь редким и едва мыслимым по тому времени старанием со всех, можно сказать, углов и захолуствий тогдашнего образованного мира. Поистине, с трудолюбием муравья и терпением пчелы собирал он от известных в его

время исторических трудов все, что имело какое-либо отношение к иудейской истории, все стараясь так или иначе вплести в свой труд или хоть, по крайней мере, не оставить без упоминания. Достоинство и заслуга Иосифа в этом отношении таковы, что значительно покрывают многие недостатки его и вообще способны внушать высокое уважение к его старанию – дать целесообразное собрание и сопоставление наиболее видных и ученых сил того времени.

Что касается вообще побочного материала, доставляемого для иудейской истории светской литературой и дополнявшего Иосифу первоисточный материал библейских писателей, то этот побочный материал крайне скуден, фрагментарен и малонадежен. Все значение его сводится почти только к небольшому запасу попутных заметок, касающихся событий, так или иначе близких до Иудеи, совсем не дающих в общем чего-либо целостного. Значительнейшее количество этого запаса сохранено для нас у Иосифа в его весьма важном труде κατὰ Ἀπὼνος, и отчасти в Археологии и восходит до самых ранних периодов Библейской истории. В первом из указанных трудов Иосифа находим выдержки или только упоминания целой армии литературных светил древности; таковы: I, 2 – **Кадм, Акузилай, Ферекид, Пифагор, Фалес**; I, 3 – **Гелланик, Акузилай, Гезиод, Ефор, Тимей, Геродот, Антитох, Филист, Каллий, Фукидид**; I, 12 – Геродот, Фукидид, Ефор; I, 14 – **Манефон** (и 15), Геродот; I, 17 и 21 – **"Тиряне" – Дий**; I, 18 – **Менандр**; I, 19 и 20 – **Вирост – "Халдеяне"**; I, 20 – **"Финикиане"** (и 21)– **Филострат, Мегасфен, Вирост**; I, 22 – Пифагор, **Гермипп, Феофраст**, Геродот, **Херил, Клеарх, Гекатей, Кастор, Агафархид**; I, 23 – Гекатей, **Иероним, Феофил, Феодот, Мнасей, Аристофан, Гермоген, Евгемер, Конон, Зопирион** («и др. мож. быть премногих» замечает Иосиф), **Димитрий Фалерейский, Филон II, Евподем**; I, 24 – **Феопомп, Поликрат**, Тимей; I, 26, 27 и д. – Манефон; I, 32–33 – **Херемон**; I, 33 – Манефон; I, 34 – **Лисимах**. Во II-й книге, 1 – Манефон, Херемон, **Аппион Грамматик** (множество раз); II, 2 – Манефон, Лисимах, **Молон, Аппион**; II, 3 – Аппион; II, 4 – Аппион, Гекатей; II, 5 – Аппион; II, 7 – **Посидоний** и **Аполлоний Молонов, Поливий Мегалополитанский, Страбон, Николай Дамаскин, Тимаген, Кастор и Аполлодор**; II, 14 – Аполлоний Молонов, Лисимах; II, 15 – **Гомер**; II, 16 – Пифагор, **Анаксагор** и **Платон**; II, 36 – Аполлоний Молонов (и 37), Платон. Что касается собственно Археологии, то в одной первой половине ее (период до-Маккавейский I-XI кн.) цитуются следующие писатели, среди коих находим и новые имена: Вирост, (I, 3, 6; 3, 9; 7, 2; X, 1, 4; 2, 2; 11, 1), Иероним (I, 3, 6; 3, 9), Мнасей (I, 3, 6), Николай Дамаскин (I, 3, 6; 3, 9; 7, 2; VII, 5, 2), **Гестией** (I, 3, 9; 4, 3), Гезиод (I, 3, 9), Мегасфен, **Диоклес** и Филострат (X, 11, 1), Гомер (VII, 3, 2), Менандр (VIII, 5, 3; 13, 2; IX, 14, 2), Дий (VIII, 5, 3); Манефон (I, 3, 9), **Мох** (I, 3, 9), Гекатей (I, 3, 9; 7, 2), Гелланик (I, 3, 9), Акузилай (I, 3, 9), Ефор (I, 3, 9), **Сивилла** (I, 4, 3), **Малх по Александру Полигистору** (I, 15), Геродот (VIII, 6, 2; 10, 2–3; X, 1, 4); во второй половине (XI-XX) – «другие писатели» (XI, 8, 1), Агафархид (XII, 1), Гекатей Авдерит (XII, 2, 4); **Аристей** (XII, 2, 11), Николай Дамаскин (XII, 3, 2; XIII, 8, 4; 12, 6; XIV, 1, 3; 4, 3; 6, 4; XVI, 7, 1) Поливий (XII,

3, 2; 9, 1), **Тит Ливий** (XIV, 4, 3), **Гипсикрат** («у Страбона» – XIV, 8, 3), Страбон (XIII, 10, 4; 11, 3; 12, 6; XIV, 3, 1; 4, 3; 6, 4; 7, 2; 8, 3; XV, 1, 2); он же из Тимагена (XIII, 11, 3), Тимаген (XIII, 12, 5), **Иродовы записки** (XV, 6, 3 – причем им противопоставляются **"другие"**).¹¹⁴ Из всего множества исчисленных здесь светил древности (из них Кадм, Ферекид, Пифагор, Фалес, Тимей, Феопомп, Гермипп, Антиох, Филист, Каллий, Фукидид, Поликрат, Анаксагор, Платон, – не имеют к нам никакого отношения и упоминаются Иосифом¹¹⁵ лишь случайно) более известны нам и сохраняют кое-какую важность при разборе Археологии лишь весьма немногие. Таковы:

Бероз (Βηρώσος) – один из наиболее часто цитируемых им историков¹¹⁶, вавилонский жрец, обработавший (на греческом яз.) около 265 г. до Хр. древнейшую **историю Вавилонян, Ассириян и Мидян, (Βαβυλωνιακὰ или χαλδαϊκὰ**, в 3 книгах) по памятникам и сказаниям, но с крайними преувеличениями в летосчислении и росписях царских династий. Собрание его фрагментов (25), находящееся в высшей степени полезном труде Carolus Müllerus'a (Fragmenta historicorum Graecorum, I, II, III и IV, Paris. MDCCC XLVIII. Berosus Chaldeus II, 495–510), сделано отчасти из сочинений Иосифа, отчасти из Климента Александрийского, Евсевия, Юлия Африкана и Синкелла (более важные и обширные), из коих ни один, по мнению Müllerus'a, не пользовался Берозом из первых рук¹¹⁷, что, конечно, не может не затруднять при суждении о достоинстве и достоверности фрагментов столь древнего автора. В частности эти фрагменты, но только не лишены интереса, но и могут служить к весьма полезным применениям для историка.

Несколько лучше Бероза, уцелел современник его **Манефон**¹¹⁸, египетский жрец 1/2 III в. до Р. Х., (в правление Птолемея Лага и Филадельфа) автор **истории Египта**¹¹⁹, в объеме 30 фараоновских династий, – труда, составленного главным образом по храмовым записям, неточно и без большого знания. Фрагменты его (85), собранные у Müllerus'a (II, 511–616), извлечены преимущественно – из Иосифа, Африкана, Евсевия, Синкелла и др., и, не отличаясь согласием и определенностью¹²⁰, не мало теряют и в своем авторитете; тем не менее, они имеют свою важность (особенно у Иосифа) сколько для хронологии, так и для обстоятельнейшего проникновения в исторический ход происшествий в Египте за время пребывания там Израильян.

Слепец-Гомер (ок. 950 г.), глаголемый творец известных поэм о героях Трои (Илиада и Одиссея), не имеющих никакого отношения к Библейской истории, и упоминаемый Иосифом лишь как ручатель давности наименования города Иевусеев Салимою (Арх. VII, 3, 2 λέγεται...), и в доказательство не совсем удачной мысли, что "древним Грекам самое имя закона не было известно", почему Гомер нигде его и не употребляет (Кат. Ἀπὸν. II, 15).

Гезиод – (ок. 850 г.), автор Феогонии, мифической ерунды «о начале мира и происхождении богов», дидактическо-гражданственной поэмы «Труды и дни» (вроде нашего Домостроя), и подобной Феогонии оды «Эойе», составной частью которой (самая ода утрачена) считается дошедшая до нас описательная пьеса «Щит Геракла», – очевидно – можете дать слишком мало

материала для Библейского историка, и Иосиф ссылается на него лишь только как на подтверждающего, что «древнее по 1000 лет живали» (I, 3, 9); другое упоминание Гезиода в катὰ Ἀπὼνος I, 3 – имеет ввиду сообщить только о «многом» исправлении его Акузилаем.

Гекатей (Милетский, около 510 г.) может быть считаем, так сказать, «отцом отца истории», ибо он был ему (Геродоту) прямым предшественником, собрав в своих дальних путешествиях по Египту, Азии, Италии и др. странам массу материала, вошедшего потом в его «описание земель и народов». Иосиф приводит его в числе других свидетелей долголетия первых людей, (I, 3, 9). Фрагменты его у Müllerus'a (I, 1–31), в количестве 380 – крайне отрывисты, и не всегда содержательны.

Гелланик (Митиленский, ок. 450 г.), автор громкого труда – «истории человеческого рода» до похода Аргонатов и др. сочинений, от коих Müllerus'ом собрано до 179 фрагментов (I, 45–69). Кроме ссылки на Гелланика в рассказе о долголетии патриархов (Арх. I, 3, 9), Иосиф упоминает, в (катὰ Ἀπὼνος I, 3), этого автора, подобно Гезиоду, только мимоходом, отмечая несогласие его генеалогии с Акузилаевой.

Этот **Акузилай** (Аргосский) из той же плеяды когда-то известных логографов, утраченных за исключением немногих отрывков, из коих на долю Акузилая приходится всего 31 (Müll. I, 100–103). Иосифом призывается во свидетели долголетия первых людей (I, 3, 9), и в катὰ Ἀπὼνος почти только упоминается по имени.

Более можно сказать о **Геродоте** Галикарнасском (484–408), «отце истории», 9 книг «повествований» которого (главным образом о борьбе Греков с Персами), лучше других уцелевшая, служат подтверждением похвалы древних, сказывавших, что «устаами Геродота сами музы говорили». В одном из трех обращений Иосифа к Геродоту в Археологии (VIII, 6, 2), он доказывает им свою мысль о наименовании Египетских царей Фараонами; в двух других исправляет его погрешности, допущенные в постановке вместо «Сусака» Сезостриса (2 раза Арх. VIII, 10, 2–3) и в наименовании царя Ассирийского – Ефиопским (X, 1, 4). В согласии с двумя последними случаями, находится упоминание о Геродоте в катὰ Ἀπὼνος I, 3, что его «все во лжи изобличают», хотя это не мешает самому Иосифу далее (I, 12) пользоваться Геродотом в доказательство сравнительной юности и недавней безвестности Рима (по сравнению с восточными народами, от коих другие, в том числе в Риме, заимствовали семена своей культуры), а также находить в нем, едва, впрочем, уловимые самим Иосифом, следы упоминания об Иудеях (I, 22) – честь, которую Иосиф обращает в преимущество и похвалу их перед Римом.

Гекатей, Авдеритский, современник царей Александра и Птолемея Лага (IV века) автор, по словам Иосифа, целого труда «о жизни Авраама» (Арх. I, 7, 2) и другого труда «об Иудеях» (катὰ Ἀπ. I, 22), – служит для Иосифа достоверным ручателем расположения царя Александра к Иудеям за их набожность (катὰ Ἀп. I, 22), честность и верность (катὰ Ἀп. II, 4), а также подтверждением того, что Богодарованный Иудейский закон свят и неприкосновенен, и в силу этого именно своего свойства оставался

неупоминаемым и непроизносимым «нечистыми устами» стихотворцев и историков (Арх. XII, 2, 4). Из (21) фрагментов, собранных Müllerus'ом (II, 384–393; 393–396) под именем этого автора, узнаем, и из доводов самого Müllerus'a убеждаемся¹²¹, что приписываемый Иосифом Гекатею περὶ Ἰουδαίων βιβλίον¹²² и βιβλίον περὶ Ἀβράμου¹²³, или, как у Климента Александрийского – τὸ κατ' Ἀβραμὸν καὶ τοὺς Αἰγυπτίους¹²⁴, (а, следовательно, и сделанные Иосифом выдержки), составлявшие при том, вероятно, один и тот же труд, на самом деле должны принадлежать – какому-либо другому автору (ψευδοέκτατος), а не этому, более философу, чем историку.

Ефор (Эолидский, род. ок. 405 г.)¹²⁵ замечательный историк первой поры македонского могущества, старший современник Филиппа и Александра, автор первой всеобщей истории от завоевания Трои до Свящ. войн (345 г.), хотя, при этом, плохой критик и баснослов. Последнее обстоятельство, при более разумной осторожности, не помешало сослужить Ефору свою громадную службу для трудов своих наилучших преемников и светил истории, каковы были Полибий, особенно Страбон, Диодор, Плутарх, Плиний, Гарпократ, и немало других. 165 отрывков этого автора у Müllerus'a (I, 234–277) дают достаточное понятие о заслугах этого автора. Впрочем, Иосиф нашел возможным сделать очевидное его применение для своего труда только всего в одном случае, – в подтверждение факта долголетия (I, 3, 9), если не считать простого упоминания имени Ефора в κατὰ Ἀπιδῶνος I, 3 – с замечанием, что он исправляет Гелланика, а его самого – Тимей.

Иероним (Египетский), ὁ τὴν ἀρχαιολογίαν τὴν Φοινικὴν συγγραψάμενος, упоминается Иосифом в Арх. I, 3, 6 при рассказе о судьбе ковчега и в Арх. I, 3, 9 – в подтверждение долголетия. Почти только и можно сказать об этом авторе, которого нельзя смешивать с двумя другими того же имени, из коих один.¹²⁶ –

Иероним Кардийский, автор истории τῶν διαδόχων, преемников Александра, известен также Иосифу, который называет его современником Гекатею, другом царя Антигона и наместником Сирии (кат. Ал.). Впрочем, этой своей известностью и упоминанием у Иосифа Иероним обязан исключительно отрицательными сторонами его трудов, в которых Иосиф с понятным неудовольствием констатирует умышленное умолчание об Иудеях, точно недостойных хотя какого-нибудь упоминания. Последнее избавляет и нас от ошибки возлагать на этого автора излишние надежды и ждать от уцелевших (13) его отрывков (Müll. fragm. II, 450–460) полезного материала, хотя таковой и нашел себе место у авторитетнейших общеисториков древности.

Менандр Ефесский (IV-III в.), упоминаемый Иосифом в 4 местах, причем 2 раза (VIII, 5, 3; IX, 14, 2) он называется переводчиком летописаний Тирян с финикийского на греческий язык, и описателем дел царей Тирских (кат. Ал. I, 18; Арх. VIII, 13, 2). Имеющиеся у Иосифа сведения об этом Менандре и выдержки из него – почти все, что известно об этом авторе, и, если нет особенных оснований заподозривать подлинность приводимых Иосифом из него свидетельств (о тирских современниках царей еврейских, – о сношениях царя Соломона с Хирамом VIII, 5, 3; упоминание бездождия, бывшего при

Итувале Тирском, т.е. при Ахаве Израильском, – VIII, 13, 2; о нападении Салманассара царя Ассирийского, по ниспровержении Израильского царства, на Сирию и Финикию – IX, 14, 2; о Хираме и его преемниках катὰ Ἀπ. I, 18.)¹²⁷, то нельзя не придавать им свою важность.

В той же области, как и Менандр, снискали себе известность работами Тиряне **Мох** и **Дий, Гестией** и **Мнасей**. Первый известен как автор истории своего отечества на финикийском языке, переведенной на греческий, по Евсевию (pr. ev. X, 11) – Ἀσιτικός, и у Иосифа прямо упоминается всего раз в рассказе о долголетию (I, 3, 9); **второй**, оставивший также «финикийскую историю», пользовавшуюся наибольшим уважением (кат. Ἀп. I, 17), подобно Менандру, приводится у Иосифа при описании сношений Соломона с Хирамом (Арх. VIII, 5, 3); **третий**, между другими своими трудами, 50 отрывков от коих имеются у Müllerus'a (III, 149–158), оставил, по Скалигеру, также финикийскую историю, которой, как кажется, и обязан Мнасей своим упоминанием у Иосифа в рассказе о ковчеге (I, 3, 6) и о древности еврейского народа (кат. Ἀп. I, 23); наконец, о **четвертом**, упоминаемом Иосифом 2 раза, в рассказе о долголетию (I, 3, 9) и заметке о Вавилоне и Сennaаре (I, 4, 3), почти ничего более неизвестно, кроме того, что он относится также к «описателям дел Финикиан», наряду с Мохом и Иеронимом (I, 4, 3).

Мегасфен – ὁ συγγραφεὺς ὁ Σελεύκῳ τῷ Νικάτορι, συμβεβηκώς, (Clem. Alex. p. 132, Sylb.) ум. в 281 г. до Р. Х.) – автор труда под названием Ἰνδικά, давшего не мало материала Страбону, который, впрочем, в общем не очень высоко ценит его (Strabo, II, p. 70). Фрагменты (43) этого автора (Müll., II, 397–439) указывают на значительный размер его труда (фрагменты имеются из III книг), из коего Иосифом заимствовано упоминание о Навуходоносоре (X, 11, 1; и кат. Ἀп. I, 20). В общем, однако, походы Навуходоносора, приписываемые ему Мегасфеном, чистейший миф, см. Movers, Die Prönzier, II, p. 454.

Диоклес и **Филострат**, упоминаемые Иосифом в Археологии вслед за Мегасфеном, и также один только раз, при рассказе о Навуходоносоре (упоминание Филострата по тому же поводу в катὰ Ἀп. I, 20) – известны: первый, между прочим, как автор «Περδихά» и «περὶ ἡρώων» (Иосиф – Арх. X, 11, I – τῶν περδικῶν (ἁποικιῶν), к которым преимущественно относятся (срв. Müller, fr. III, 78) их уцелевшие фрагменты (числом 6, Müll. III, 74–79); второй трудился над «Ἰνδικαὶ καὶ Φοινικαὶ ἱστορίαι» – труд, о котором мы не нашли данных сказать что-либо подробнее.

Наконец, более других и можно, и следует сказать об **Александрѣ Полигисторе** (время его процветания Müllerus относит к 82–60 г.г.), который был своего рода «Müllerus'ом его времени и которому «наше» время и «наш» Müllerus, и также **Евсевий** (праер. ev. III, 17 и д.) обязаны сохранением значительного числа отрывков, близко касающихся самого предмета Библейской истории (περὶ Ἰουδαίων, frag. Müll. III, 3–24) и принадлежащих отчасти самому Александру¹²⁸, отчасти авторам, в остальном по большей части бесследно утраченным; таковы – Евполем (περὶ Ἀβραάμ), Артапан, Молон, Филон, Клеодем или Малх (все о том же), Димитрий (περὶ τοῦ Ἰακώβ), Феодот (о том же), Артапан (περὶ Ἰωσήφ), Филон (о том же), Аристей (περὶ τοῦ

Ἰώβ), Евподем (περὶ Μωσέως), Артапан (περὶ Μωσέως), Димитрий (περὶ Μωσέως), Евподем (περὶ Δαβὶδ καὶ Σολομῶνος), Феофил, Тимохар, Ксенофонт, Филон (о разных вещах), Евподем (περὶ Ἱερεμίου τοῦ προφήτου), а также Бероз (χαλδαϊκά), и ὁ τῶν τραγῳδιῶν ποιητής («ἐξαγωγή») – Ezechiel. Хотя Иосиф только один раз дает понять прямо, что Александр Полигистор был в его руках, упоминая, что слова Клеодема или Малха в 'Αρχ. I, 15 – он приводит по Александру Полигистору, – однако, нет никаких особенных оснований утруждать себя сомнениями в справедливости того предположения, что этому же самому источнику Иосиф был обязан во многих и других случаях, прежде всего в тех, где он называет поименно тех же авторов, которых находим у неупомянутого им Александра (таковы, кроме ясно указываемого в Археологии I, 15 Клеодема или Малха, в κατὰ Ἀπιδῶνος Феофил, Феодот, Филон и Евподем I, 23, Молон (Аполлоний) II, 7, 14, 36 и 37; и может быть еще другие, в числе коих, вероятно, и Бероз); а затем, и в негласных заимствованиях или переделках этих авторов, что, например, ясно в Иосифовой истории Моисея.¹²⁹ Из исчисленных авторов об Аристее, Артапане, Клеодеме, Димитрии и Евподеме – установлено, что это были Иудеи – эллинисты, которых всех разумеет Иосиф под «собственными нашей земли летописаниями» ('Αρχ. VIII, 6, 2) и к которым, по Клименту Александрийскому, относится также Филон: Φίλωνος καὶ Ἀριστοβούλου Ἰωσήπου τε καὶ Λημητρίου καὶ Εὐπολέμου Ἰουδαίων συγγραφέων (Euseb. Hist. Eccl. VI, 13 и из него Hieronym. de vir. ill. II, p. 865, ed. Veron.). Об остальных, каковы – Тимохар, Феофил¹³⁰, Ксенофонт, Аполлоний – Молон¹³¹, и Феодот – известно мало.¹³² Что касается самых материй, по поводу которых Иосиф нашел нужным указать на авторов из этой серии Александра Полигистора, то таковыми материями служат – древность рода Иудейского, в числе «премногих» удостоверятелей чего упоминаются Феофил и Феодот, Филон II и Евподем (κατὰ Ἀπ. I, 23), и обличаемая Иосифом невежественная вражда против него, за которую с особенным порицанием упоминается Аполлоний Молон (κατὰ Ἀπιδῶν. 7, 14, 36 и 37), – материи, как видно, или слишком общего характера, или слишком отрицательного. Положительное же влияние авторов Александра П. на Иосифа, несомненное и значительное, но от него скрываемое, обнаруживается только путем тщательнейшего его анализа. В 152 отрывках всех этих авторов у Müllerus'a (III, 206–244), между баснословием à la Artapan можно находить не мало и более пригодного для практических применений материала, и изучение его – далеко ни бесплодная трата времени (3–24 fr).

Сверх этих авторов, ясно упоминаемых Иосифом в Археологии, заслуживают внимания, упоминаемые им в κατὰ Ἀπιδῶνος. –

Аполлодор (II, 7), как один из повествователей об Антиохе, грабителе храма Иудейского; в числе его 247 отрывков, Müll. I, 428–469, и в особенности в его βιβλιοθήκη (Müll. I, 104–179) можно находить и еще кое-какие данные по части нашего предмета.

Димитрий, мало известный теперь автор, о котором Иосиф, однако, вместе с Филоном II¹³³ и Евподемом, говорит¹³⁴, что они «меньше всего отступили от истины в историографии древнего рода нашего» (I, 23).

Клеарх, (ученик Аристотеля, перипатетик) с его весьма достоверным свидетельством об Иудеях (I, 22), повторенным, кроме Иосифа, также у Евсевия (р. е. 5, р. 409) и Климента (Strom. I, р. 130, 20 ed. Sylb.), и имеющимся в числе 82 отрывков у Müllerus'a (II, 302–327).

Лисимах, один из враждебнейших Иудейству писателей, которому не столько можно в чем-либо следовать, сколько во всем зазирать, что делает и Иосиф (ложное освещение Египетского исхода Евреев I, 34; неверные даты по части Еврейской хронологии и статистики, II, 2 и кривотолкование установлений Моисея, см. в числе 26 отрывков этого автора у Müllerus III, 334–342).

Аппион (Египтянин), с еще худшей репутацией, написавший *ιστορίαν κατ' ἔθνος καὶ ἄλλα τιν'*¹³⁵, куда должно отнести и его τὰ κατὰ Ἰουδαίων, вызвавшее специальное опровержение Иосифа (главные заблуждения – в хронологии и статистике, в упоминании о Моисее, скинии, субботе и Синайском законодательстве, и вообще по истории Иудеев, II, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13).

Херемон, 30 г. до Хр., Александриец, усвояющий себе Αἰγυπτιακὴν ἱστορίαν¹³⁶, заслуживший – подобно Апиону, Лисимаху, Аполлонию Молону – столь же неблагоприятные отзывы Иосифа своим баснословием о Моисее и Иосифе (I, 32 и 33; срв. II, 1), и

Агафархид, Книдидийский (II-I в.) хотя и упрекаемый Иосифом за отнесение строго соблюдавшегося Иудеями субботнего покоя к «суевериям» и «глупым предрассудкам», однако – заслуживают внимания ради того, что не погрешает против истины сущностью дела – удостоверением примерной верности закону и благочестия Иудеев (κατὰ Ἀπὶωνος¹³⁷ I, 22, и Ἀρχ. XII, 1).

Здесь же должны быть отмечены почти вовсе неизвестные **Херил**, **Аристофан**, **Гермоген**, **Евгемер**, **Конон**, **Зопирион** (I, 23) и **Феофраст** (I, 22)¹³⁸, упоминаемые Иосифом в числе «других премногих» свидетелей древности и небызызвестности Иудейского народа (I, 23) и наконец, **Кастор** с его весьма важной хронологической заметкой о сражении Птолемея Лага с Дмитрием Полиоркетом при Газе (170 Олимп. и в 11-й год по смерти Александра В. I, 22) и подобной же заметкой об ограблении храма Иерусалимского Антиохом (II, 7).

Если присоединить сюда еще **Николая Дамаскина**¹³⁹, который, впрочем, более, относится ко II части нашего труда, где и будет обстоятельнее представлен, вместе с относящимися туда же остальными – **Тимагеном**, **Посидонием**, **Полибием**, **Страбоном** (κατὰ Ἀπὶων. II, 7) и другими, – то мы, таким образом, восстановим почти весь запас материала, какой давала Иосифу для первой половины его труда историографическая производительность древнего мира. Неизвестно сейчас, насколько собственно были содержательны¹⁴⁰ или скудны, в сущности, эти материалы в то сравнительно счастливое время, когда писал свою историю Иосиф. Несомненно только, что и он из всех исчисленных им авторов едва ли хотя половину их имел пред глазами в полноте и подлинности; добрую половину их он мог знать только по имени, и помнить и записать про них и из них лишь то

немногое, что (и на том спасибо!) мы имеем теперь в его трудах. Особенно заметно сказывается недостаточность светско-исторического материала во второй половине его Археологии, где ему приходилось восполнять внебиблейскими авторами более или менее крупные пробелы священо-исторического рассказа и создавать самостоятельно последовательность нити прерванного повествования Библии.

Само по себе довольно внушительное разнообразие и солидность Иосифовых источников много теряет также своего значения от поспешности, нерадивости, безразборчивости и произвола¹⁴¹, с какими он обычно для себя – утилизирует их. Особенно бросаются в глаза эти его недостатки в обработке последних книг (XVIII-XX), порой похожей на ветренное собрание материалов более, чем на историческое повествование. Отсюда, между прочим, несоразмерность¹⁴² Иосифа в различных отделах, неодинаковое достоинство по источникам, при одинаково рабской зависимости его от всех их.

г) Особый род внебиблейских источников Иосифа предполагает история первосвященников, на которую он обращает особенное внимание, воспроизводя с правдоподобной и уверенной точностью. Из его показания дается непрерывный ряд первосвященников от Александра Великого до разрушения храма Титом, и подводится общий итог всему 2000-летнему периоду существования первосвященства (XX, 11, 2). Следует думать, что здесь ему, по крайней мере, за позднейшее время оказывали услуги **священнические родословные записи**, в которых справедливо усматривается великая ценность и свидетельствуется великое попечение к их сохранению.¹⁴³ По-видимому, нет никаких оснований заподозривать этот источник Иосифа и возможность ненадлежащих отношений к нему, как в других случаях. Если где, то здесь он, как священник (и, при том, в недалекой линии от первосвященнической), в особенности был человек компетентный, вращавшийся, так сказать, в своей специальности, тем более, что существование упомянутых священнических записей и самая тщательная ревность о правильности их ведения, в связи с наблюдениями за правильностью священнических наследий, подтверждаются и другими памятниками, в том числе и каноническими¹⁴⁴, и, при том, не только для рода священнического, но и вообще для влиятельных и просто мало-мальски знатных родов, для которых сколько-нибудь были важны родовые преимущества.¹⁴⁵ Разница, и при том довольно значительная, в показании числа первосвященников у Иосифа и в Вавилонском Талмуде несколько разбивает, правда, наши надежды на отвечающее самой действительности однообразие порядка и числа членов первосвященнического поколения, – впрочем, так, что большинство шансов на истину, очевидно, на стороне Иосифа. Так, В. Joma 9a Вавилонского Талмуда насчитывает за время второго храма 300 первосвященников, в то время, как Иосиф до разрушения 2-го храма от Аарона знает всего 83 (XX, 10, 2–5), из коих 13 занимают время от Аарона до создания Соломонова храма, 18 время его существования и остальные 52 время 2-го храма с промежутками. Число 80 дает для последней категории первосвященников и Иерусалимский Талмуд, но уже Asaria dei Rossi

и за ним Герцфельд не без основания считают это показание гиперболичным, оправдывая, таким образом, в принципе наше доверие к дате Иосифа. В пользу последнего, по нашему мнению, кроме большей сообразности с выводами из отдельных указаний Священного Писания, может быть бесполезно следующее соображение. Распределяя согласно с Талмудом на 2000-летний период (хотя на самом деле нужно бы здесь взять гораздо меньший период) 300 первосвященников, получаем в среднем выводе для служения каждого из них всего 6–7 лет, – цифра крайне недостаточная, если принять во внимание, что служение первосвященническое, как наследственное, в большинстве случаев должно было равняться числу лет зрелого возраста, каковое, по меньшей мере, нельзя считать менее 20–30 лет средним числом; а к этому именно показанию ближе всего и подходит дата Иосифа, распределяющая на 2.000 лет 83 первосвященника, почему именно только на стороне Иосифа, а не Талмуда и можно смело полагать истину. Однако, и это преимущество Иосифа не должно слишком обольщать нас, в виду не всегда удачных попыток, какие допускает Иосиф и здесь для приноровления своих показаний к синхронизмам историков языческих.¹⁴⁶

д) Немаловажную ценность между источниками Иосифа имеют **указы и отрывки документов**, которые он весьма часто включает в свое повествование.¹⁴⁷ Многие из них, особенно касающиеся прав Иудеев на свободное отправление религии, относятся ко времени Цезаря и Августа и, вероятно, найдены Иосифом все в великом архиве Капитолия.¹⁴⁸ Конечно, в этом архиве могла находиться только часть сообщаемых Иосифом документов, вероятно, только римские и именно сенато-консульские.

Что касается, затем, грамот и постановлений мало-азиатских городов¹⁴⁹, то копии их, без сомнения, были собраны Иосифом в различных местах Малой Азии, отчасти также, вероятно, в Палестине и даже Риме. Благодаря живым сношениям между Иудейскими общинами городов, Иосиф легко мог достать все эти копии с рассыпанных по разным местам актов. К сожалению, самая группировка этих важных документов произведена Иосифом с большим нерадением: иногда это только фрагменты, выкроенные по вкусу и сообразно целям Иосифа.¹⁵⁰ Так как в подлинности самых актов в общем никто более не сомневается¹⁵¹, то остается лишь констатировать это и пожалеть, что столь важные источники для истории Иудейства времен после пленных сохранены и увековечены для нас с меньшим старанием, нежели какого они заслуживали.

е) Наконец, немало можно открывать в трудах Иосифа таких сообщений и сведений, для которых он мог быть, так сказать, только **самоисточником**. Обращая внимание на этот важный элемент в Археологическом материале Иосифа, мы должны, однако, иметь в виду прежде всего трудность и даже невозможность полного изолирования его от всего, что есть «не своего» у Иосифа, как ни ценно было бы для критиков и ценителей этого автора подобное изолирование. На долю личных соображений и сведений Иосифа приходится, таким образом, без особенного риска относить многое, параллель чему до сих пор при всех усилиях не удастся установить в предшествовавшей и современной Иосифу литературе, хотя надежду и на это вера в науку

никогда не позволяет считать тщетною. Но, конечно, как бы ясно ни доказывалась компилятивность, – как бы полно ни раскрывалась незначительная самостоятельность труда Иосифа, в нем всегда будут оставаться места, для которых единственным источником и, так сказать, первовиновником мог быть и был сам он, и никто более. Не придавая большого значения сюда отчасти относящимся – мелким дополнениям, пояснениям и парафрастическим украшениям текста, мы укажем особенно из этой области на обстоятельные, точные и, в большинстве случаев, вполне надежные топографические указания Иосифа. Как истый уроженец Палестины, избороздивший этот небольшой, занимаемый его отчиною, священный уголок земли «вдоль и поперек», – ознакомившийся «на месте» со всеми ее достопримечательностями, особенностями и вообще тогдашней физиономией, (столько же разделяющей участь всего, что не в силах выдерживать всесокрушающего влияния времени), Иосиф дает множество ценных сообщений по топографии Св. Земли, – сообщений, которых нередко совсем невозможно добыть теперь и без которых во многих случаях слишком трудно обходиться историку. Насколько, поэтому, бесспорна и незаменима заслуга Иосифа в данном отношении, ясно, само собой.

Обобщая все сказанное до сих пор об источниках Иосифа, а также принимая во внимание характеристику его личности и Археологии, мы воспроизведем и резюмируем наиболее важные пункты этого отдела.

I. В качестве главного источника для древнейшего времени (до Неемии – 440 г. до Р. Х.) служили ***Иосифу почти исключительно канонические книги Ветхого Завета***. Таким образом, здесь Иосиф интересен для Библейского историка не столько, как источник – относительно говоря – первоначальный, потому что сам пользуется Библией, как источником, – сколько представляет для нас только в том интерес, как ***отображался*** в представлениях его и ближайшего к его временам иудейства этот ***священный источник***. Критический обзор и оценка Иосифа, как источника, в этой части может совпадать отчасти с критическим отношением к его первоисточнику, поскольку, разумеется, таковое было бы согласно с достоинством Откровенного Слова Божьего; но, с другой стороны, – такое отношение абсолютно законно и существенно необходимо там, где Иосиф примешивает к истине этого Слова Божьего ***вне-Откровенные элементы и свои соображения***, с какой бы целью это ни делалось, с апологетической, или экзегетической и прагматической.

II. В точках соприкосновения своей отечественной истории с историей других народов и в местах, требующих дополнения, особенно в пробелах Библейского повествования, служит Иосифу историческая литература внебиблейских авторов и другие исторические памятники (мемуары, акты и т.п.). В виду того, что многие из этих памятников безвозвратно утрачены в настоящее время, Иосиф получает для нас по многим местам значение ***источника первоначального*** и, вместе, более трудного для обсуждения, в виду его ненадежности по личным чертам характера и др. особнным условиям, сопровождавшим его работу.

Относительно самой **обработки** Иосифом Библейской истории обнаруживается и еще определеннее имеет обнаружиться следующее:

а) в апологетических интересах, или на основании господствующих традиций в духе раввинической литературы, история Иудейского народа у Иосифа подвергается значительному преобразованию, выступая в более светлом приукрашенном виде; б) для последней, между прочим, цели служат Иосифу древнейшие гагадические комментарии к священному тексту, влияние которых особенно сильно в истории патриархов и Моисея; в) в понимании осново-положительной стороны иудейства (законы, постановления) преобладает влияние Палестинской галахи (прим. II т. 195 и д. Schürer); г) в духе изложения Библейской истории легко различаются следы двоякого Библейского экзегеса: одни – чисто палестино-вавилонского происхождения (с аллегорическим оттенком), другие, выросшие на чужой почве, представляют иудейско-эллинистическое смешение греческих и древне-еврейских форм и воззрений (несомненно эллинистического происхождения, Bloch, 22–23); д) в своих заимствованиях из внебиблейских источников Иосиф проявляет крайнее легковерие, тенденциозность и недостаток критицизма; – вообще – в расположении и при обработке своего материала – недостаток прагматизма, естественности и полноты представления предмета; о) наконец, полное устранение Мессиянского элемента и недостаток внимания к развитию и состоянию внутренней жизни иудейства (в ее основах даже) делает труд Иосифа для Библейского историка имеющим значение лишь внешне-историческое и, следовательно, одностороннее, и не в его «целом», а лишь в отдельных исторических сообщениях и чертах, которые, впрочем, после тщательной обработки способны давать более или менее ценные вклады в сокровищницу Библейско-исторической науки.

I. Археология и Библия (I-XI кн.)

Глава I. Археология и Пятокнижие

Весь обширный труд Археологии Иосифа легко и естественно распадается по источникам и другим особенностям изложения, а, вместе, и по значению, на две равные половины. Первая обнимает первые одиннадцать книг (I-XI, 6 включительно), идущие в близкой и по местам совершенно ровной параллели с каноническими источниками Ветхого Завета. Вторая, начиная с одиннадцатой книги, с которой канонические книги Библии перестают оказывать помощь Иосифу, доводит историю Ветхого Израиля, на основании других источников, до самого конца ее (70 г. по Р.). В частности, первые 4 книги Археологии, образуя важнейший и интереснейший отдел I половины, соответствуют Пятокнижью Моисея, начинаясь с творения мира и кончаясь смертью Моисея. 6 следующих книг идут параллельно дальнейшим книгам Библии, отчасти отражая текст LXX, отчасти еврейский, и именно: Иис. Нав. == Арх. V, 1 и 2, 1–5; кн. Судей == от 2, 6 до 8 гл. конец; V, 9 излагает историю Руфи; две первые книги Царств служат материалом для Арх. V, 10–VII, 14, 3; две другие, с подробностями обеих Паралипоменон, и дополнениями чрез прор. Наума (IX, 11, 3), Иеремии (X, 7 и д.) и Ионы (IX, 10, 1–3) занимают Арх. VII, 14, 8–X, 9 конец. Арх. X, 10 до конца соответствует книге Даниила; наконец, XI, 1–6 гл. передает события книг Ездры, Неемии и Есфирь. Вторая половина Археологии продолжает прерванное Библией повествование о судьбах иудейства в эпохи Птолмеев и Селевкидов, когда начался ряд греческих историков (XII), две целых книги (XIII–XIV) посвящает династии Асмонеев, три (XV–XVII) – одному царствованию Ирода Великого; наконец, в трех последних (XVIII–XX) обозреваются события от смерти Ирода до управления последнего прокуратора Гессия Флора.

В виду того, что обозреть ближе и полнее все характеристические и более или менее важные для нас особенности повествования Иосифа невозможно иначе, как шаг за шагом следуя за ним в его тексте, мы в дальнейшем именно таким образом стараемся дать более обстоятельный ответ на интересующий нас вопрос. При воспроизведении всех особенностей Иосифа мы указываем попутно и источники, к основам которых так или иначе могут быть приурочиваемы эти особенности, где связь их более или менее поддается выяснению. Самое же достоинство этих особенностей при этом становится ясным само собой после тех общих сведений об источниках, характере и условиях авторитетности Иосифа, которые мы уже предложили.

По самому характеру своего труда, Иосиф должен был исключительное внимание обратить на исторические священные книги, открывающиеся Богооткровенным и недоступным самому человеческому уму – описанием начал бытия, – и на историю Ветхозаветного человечества, частное Израиля, с самого ее зарождения, совпадающего с началом бытия мира. Естественно было, открывая эти таинственные начальные страницы истории мира и человечества, считаться с недоуменным вопросом, кто же мог знать самое рождение мира, его, так сказать, первые шаги, его детство и вообще

первоисторию? Да и относительно современности? – кто или что может быть ручательством, что все это изображается совершенно точно и соответственно действительности и самой истине. Иосиф достаточно разъясняет это в классическом месте κατὰ Ἀπιδῶνος, I о «каноне», к защите достоверности Иудейской истории, как она предана в священных книгах. Эти книги Иосиф упоминает с особенным высшим почтением, называя их ιερὰ βιβλοῖ, ιερὰ βιβλία, ιερὰ γράμματα, ιερῶν γραφῶν βιβλοῖ. Высшую достоверность сих Писаний устанавливает он из того, что не всякий человек в состоянии быть сочинителем истории, но это было лишь свойством пророков, которые знали первоисторию (τὰ ἀνωτάτω καὶ τὰ παλαιότατα) чрез Божественное внушение, благодаря которому только и современные происшествия (τὰ κατ' αὐτοὺς) изображены ими ясно и точно, соответственно действительности (ὡς ἐγένετο). Итак, Боговдохновенность пророков¹⁵² вернейшее ручательство за достоверность всего, что вошло в канон. Хотя это должно быть прежде всего ограничено книгами Моисея, который нарочито и с особенной выразительностью называется пророком (προφήτης οἷος οὐκ ἄλλος, Ἀρχ. IV, 8, 49), и собственно пророческими книгами – ם'א'ב ם'רנ'ח , но и книги Царств не незаслуженно носят то же почтенное титуло ιερὰς βιβλους (Ἀρχ. V, 1, 17), и, наконец, в том же месте κατὰ Ἀπιδῶνος, о всем периоде между Моисеем и Артаксерксом вообще отмечается ясно, что «следовавшие по Моисее пророки (οἱ μετὰ Μ. προφῆται) описали истории их времени в 13 книгах».¹⁵³ В противоположность сему замечанию о характере и священном авторитете пророческой литературы, Иосиф замечает, что «со времен Артаксеркса написанные книги» не имеют уже той достоверности и значения – διὰ τὸ μὴ γενέσθαι τὴν τῶν προφητῶν ἀκριβῆ διαδοχὴν.

Усвоив пророкам непосредственное научение, и воздействие на них Духа Божьего Иосиф простирает это воздействие на все, что говорят пророки или пишут, причем терминологически это действие Божественного Духа совершенно отчетливо ἐπίπνοια (inspiration) внушение, вдохновение. Описательные выражения, коими он варьирует способы этого вдохновения или состояние его, показывают, что он имел довольно зрелое представление об инспирационных действиях Божественного Духа. Вот эти знаменательные выражения: τὸ θεῖον αὐτῷ συμπάρεστι (X, 11, 3), ὁμιλεῖν τῷ θεῷ (X, 11, 7; περὶ ἀλώσ. I, 2, 7), ἐνθεος γενόμενος (IX, 3, 1; περὶ ἀλ. III, 8, 3), ἔχων τὸ θεῖον (X, 11, 5), εἶναι ἐν θείᾳ σμῶ (περὶ ἀλ. II, 13, 4; 22, 1), τὸ τοῦ θεοῦ πνεῦμα λαμβάνει τίνα (Ἀρχ. IV, 6, 5), πρὸς τίνα μεταβαίνει τὸ θεῖον (VI, 8, 2), τὸ θεῖόν τι διαλέγεται (VIII, 13, 3).¹⁵⁴ В истории пророка Валаама Иосиф сохранил нам, далее, ценные указания относительно того, в каких отношениях субъективная сторона человеческого духа находилась с объективной инспирацией Духа Божественного. Место это надо прямо назвать классическим, и мы воспользуемся им для окончательного выяснения Иосифовой теории инспирации (пророческого вдохновения) и для определения ее значения в вопросе о Ветхозаветном каноне. В Ἀρχ. IV, 6, 5 он пишет: ὁ μὲν (Валаам) τοιαῦτα ἐπεθείαζεν οὐκ ὦν ἐν αὐτῷ, τῷ δὲ θεῷ πνευμάτι πρὸς αὐτὰ κεκινημένος... ὧ Βάλακε, φησὶ δοκεῖς ἐφ' ἡμῖν (не о Валааме, конечно, но вообще о пророках) εἶναι τι περὶ τῶν τοιούτων σιγᾶν ἢ λέγειν, ὅταν ἡμᾶς τὸ τοῦ

θεοῦ λάβη πνεῖμα; φωνὰς γὰρ ὥς βούλεται τοῦτο καὶ λόγους ονόεν ἡμῶν εἰδότην ἀφίησιν... ἦν τε μοί δι' εὐχῆς μηδὲν ἀδικῆσαι σου τὴν ἐπιθυμίαν, κρείττων δὲ ὁ θεὸς ὧν ἐγὼ χαρίζεσθαι διεγνώκειν, παντελῶς γὰρ ἀσθενεῖς οἱ προγινώσκοντες περὶ τῶν ἀνθρωπειῶν παρ' ἑαυτῶν λαμβάνοντες, ὥστε μὴ ταῦθ' ἄπερ ὑπαγορεύει τὸ θεῖον λέγειν, βιάζεσθαι δὲ τὴν ἐκείνου βούλησιν οὐδὲν γὰρ ἐν ἡμῖν ἔτι φθάσαντος εἰσελθεῖν ἐκείνον ἡμέτερον. – Таким образом, по убеждению Иосифа, в состоянии вдохновения и воздействия Духа Божьего, пророки сами по себе остаются совершенно недеятельными, и не состоит ни в какой зависимости от их ума и воли – то, что они возвещали: Дух Божий давал им «звуки и слова» (φωνὰς καὶ λόγους), которые они и «вынуждались» произносить, как его «орган», без того даже, чтобы они это знали и сознавали (насилие). Отсюда, понятно, что слова пророка в самом тесном смысле истинные Божьи слова (Арх. IV, 8, 49) и ὅτι ἄν φθέγγετο δοκεῖν αὐτοῦ λέγοντος ἀχροῶσθαι τοῦ θεοῦ – презирующий слова пророка презирует Само Божество (περὶ ἀλώσ. IV, 6, 3). Мы имеем здесь, таким образом, теорию «вербального» и «реального» вдохновения в строжайшем смысле (вложение в уста пророка слов и выражений), что ко времени Иосифа было господствующим воззрением на действия Божественного Духа в пророках.¹⁵⁵

Нет надобности обстоятельно доказывать крайность этой теории инспирации, повторенную даже новейшими учеными. Из принудительной силы этой инспирации, разительные образцы чего можно видеть не только в Валааме, но и других пророках, как то: Иеремии, Ионе, и др., – вовсе еще не следует, чтобы принудительна была самая «фраза» вдохновляемого, при полном безучастии лучших субъективных дарований и способностей духа человеческого. Очевидно, и выводы, к которым, на основании своей теории, приходит Иосиф в рассуждении о степени достоверности своего основанного на пророческом каноне повествования, должны быть принимаемы с соответствующими ограничениями. Таково, между прочим мнение, что в книгах Ветхого Завета не может быть безусловно никаких несовершенств, противоречий или отступлений от истины.¹⁵⁶ Как бы то ни было, озарение или просвещение Божественным сознанием человеческого обеспечило пророкам и писателям способность и силу – пассивно, или более или менее активно, безразлично – не только в точности предсказывать будущее от Лица Божьего, но и проникать глубже настоящее, равно как обнимать вдохновенным взором и все прошедшее, в особенности в его связи с настоящим и будущим – ἃ δεῖ γενέσθαι προλέγειν (Арх. X, 8, 3; 6, 2); – τὰ μέλλοντα προφητεύειν (IX, 11, 3; X, 2, 2, срв. IX, 13, 3: προφήτης παρ' οὗ πάντ' ἀκριβῶς τὰ μέλλοντα ἐπυνθάνετο), – проκηρύττειν (X, 5, 1), проθεσπίζειν (там же), δηλοῦν (X, 10, 4), φράζειν παρὰ τοῦ θεοῦ (X, 7, 6), и т.п.

Этим обеспечивается достоверность и Моисеева повествования о рождении мира и то «толкование» естества или «бытия», которое дает вдохновенный Бытописатель вслед за рассказом о непостижимом и недоступном человеческому наблюдению – семидневном образовании вселенной. Его рассказ – не философская концепция о началах вещей, а история в собственном смысле слова; с другой стороны – эти, сообщаемые

им, исторические и разные другие сведения – не прагматическая обработка какого-либо сырого материала, данного природой или трудами рук человеческих, а само Откровение Высшего Разума, Откровение Того Самого Верховного Существа, Которое вначале сотворило этот мир и руководит его судьбами и всем существованием...

Сопоставляя это суждение с основным взглядом Иосифа на сущность и характер вдохновения пророков писателей и его отношением к последним, мы находим, однако, у него сильный контраст слова и дела, представляющий практическое изобличение несовершенства его теории. В то время, как смертный человек, по-видимому, должен был бы дорожить если не каждой буквой Откровенной Мысли Божьей, то, по крайней мере, ее точностью, смыслом и всеми оттенками, избегая всячески неосторожного толкования и малейшего извращения этой Божественной Мысли, – мы находим на каждом шагу Иосифа подобные конфликты и диссонансы, нередко столь странные и резкие для критика, что он ничего не может придумать в их объяснение и оправдание¹⁵⁷ у Иосифа, кроме как только объявляя последнего небрежнейшим, невежественнейшим и неблагонамереннейшим из экзегетов Слова Божьего, тем более преступным и неизвинительным, что он был из числа тех, кому **«вверена была Слова Божия»**, и кого, таким образом, в особенности касался упрек: **«оставльше заповедь Божию, держите предания человеческая (Мк.7:8)», «предания старец (5 ст.)», «учаще учением заповедем человеческим (7 ст.)»**, прельщаясь и **«прельщая философию и тщетною лестию, по преданию человеческому..., а не по Христе (Кол.2:8)»**, – кто, наконец, сам же себя за это и осуждает, приводя с отчетливейшим пониманием все основания для веры в неприкосновенное достоинство священных книг, и нарушая эту неприкосновенность чуждыми элементами всякого рода, зачастую совершенно-противоречащими прямому и непосредственному смыслу Слова Божьего и самому даже духу Божественной истины.

Впрочем, все это будет лучше видно на самом деле.

§ 7. Первые люди

Арх. I, 1–6, 4; Быт. I–XI гл.

Толкуя наименование первого человека , (אָדָם) Иосиф объясняет происхождение и значение этого наименования тем, что земля, из которой был создан Адам (אָדָם от אָדָם – с твердой флексией, – что значит «красный»), была – в «нерастленном» своем состоянии – «красного» цвета. Талмудический экзегес дает это же самое толкование, допуская, при этом, создание Адама именно из «земли горы Мориа». То обстоятельство, что Адам восхищался и «удивлялся» при виде животных, соединенных парами, Иосиф прямо выставляет не **поводом** только к созданию помощницы Адаму, по как бы **причиной** и самым **началом** происхождения женщины, очевидно, отражая иудейские воззрения на последнюю и не проникая, во всяком случае, глубже в планы Божественных действий. По толковании Св. Отцов, предшествовавшее созданию жены действие Божье заранее рассчитано было на то, чтобы дать Адаму восчувствовать самому необходимость для него подобного ему спутника жизни, мысль о создании какового нисколько не являлась в зависимости от самого человека... В описании местоположения рая Иосиф обнаруживает попытку ближе и точнее определить это местоположение, – едва ли, впрочем, удачно. Напаяющая сад река, по Иосифу¹⁵⁸, окружает «всю землю», делясь на 4 части: Фисон (означающий πληθύν – полноту == евр. פִּשׁוֹן или פִּשׁוֹן – расширяться, толстеть, полнеть), который чрез Индию течет в море (Индийское) и у Греков называется Γαγγής (Ганг); – по Быт.2:11 – «обтекает всю землю Хавила, ту, где золото». Две другие реки (Евфрат и Тигр), текущие в Чермное море, носят имена: одна – Фора (от פָּרָה произращать, плодоносить, Hif. размножать, откуда פֶּרֶךְ – плод, рассеяние, размножение, или от פָּרָה – первое значение – пускать почки, цвести, откуда פָּרֹחַ – цветок): имя другой реки – Диглаф (от דָּגַל быть шатким, зыбким), халдейское слово, означающее совсем не то, что по недосмотру, вероятно, говорит Иосиф: «в тесноте скорый»; Библия – «Хиддекель, протекает пред Ассирией». Именем Фора или Phrath – Евфрат назван и в Талмуде, так как воды его были обильны и «выгодны», или по более точному выражению другого места¹⁵⁹ «судоходны». Наконец, четвертая река – Геон (текущий от востока) – проходить чрез Египет, и есть именно Νεῖλον (Нил) Греков; – Библия: «Гихон, обтекающий всю землю Куш». Из этого указания рек, понятно, странно представить, каким образом «напаяющая сад река» окружает «всю землю», делясь на 4 части (εἰς τέσσαρα μέρη σχίζεται); не легко отыскать и такое место, по распределению течения этих рек, где соединение их могло бы давать бассейн одной реки, напаявшей сад. Очевидно, и Иосиф не дает ничего для разрешения этого важнейшего вопроса первоистории о точном местоположении рая, каковой вопрос неразрешимый объявляет вообще геология, не простирая результатов своих исследований по этому вопросу далее гипотезы о геологическом перевороте, значительно изменившем течение и распределение рек, а, следовательно,

навсегда уничтожившем и следы для определения точного местоположения рая.

Весьма оригинально в представлении о блаженстве первого человека и состоянии вселенной до его падения мнение, что «все животные в то время имели один язык или способ для сообщения друг другу своих мыслей» (собств. – ὁμοφρονοῦντων δὲ κατ' ἐκεῖνο καιροῦ τῶν ζώων ἀπάντων). Отсюда, следует само собою и то далее, что змий, «всегда обращавшийся с Адамом и женою и позавидовавший их благополучию», сам мог явиться активным обольстителем прародительницы, а не пассивным лишь орудием диавола, для своих целей лишь воспользовавшегося указанною способностью змия – быть понятным для человека. Это же воззрение на первоначальную способность выражения своих мыслей, общую всем животным, свойственно древнейшим из Midraschim.¹⁶⁰ Книга Юбилеев, старейшая из этого рода литературы (в I полов. I века по Р. Х.), или λεπτὴ γένεσις, – τὰ λεπτὰ τῆς γενέσεως, – λεπτογένεσις, ἢ τοῦ Μωϋσέως ἀποκάλυψις, – μικρογένεσις, – дает ясное указание на это в следующем характерном месте: «и в тот день заключились уста всех зверей и скотов и птиц и всего, что ходит (на ногах), что движется, – так что они не могли более говорить: ибо они говорили прежде друг с другом одними устами и одною речью».¹⁶¹

Характерны в истории грехопадения некоторые добавления Иосифа, изобличающие вообще его крайне несовершенное понимание и извращение обстоятельств этого события. Таковы воззрения, что древо познания было «причиной (т.е. обладало силой – ὁξύτης καὶ διανοίας ὑπῆρχεν) разума и проницательности» (т.е. само по себе), и что «одевшись листьями смоковницы, Адам и Ева считали себя счастливейшими, найдя то, чего прежде не имели» (ὥς ὧν πρότερον ἐσπάνιζον εὐρόντες, собственно – «в чем прежде не нуждались»). Парафраз воззвания Бога к падшим прародителям лишен той величавой простоты и разящей самое сердце грешника священной серьезности, какой дышит речь подлинника. В наказаниях за грех Иосиф более строг по отношению к змию. Бог лишает его голоса¹⁶², вливает в язык его яд, объявляет врагом человеческого рода, повелевает раздроблять его голову, а для удобства этого отнимает у него другую человекоподобную способность – ноги, низводя в разряд пресмыкающихся. Наказание поддавшихся обольщению ограничивалось ослаблением производительной силы земли – для мужа и болезненностью деторождения – для жены; мысль о наказании смертью отодвигается на задний план и «изгнание» из «рая сладости» обходится простой заметкой, что Бог «переселил» грешников «в другое место». Таким образом, утешительное Мессианское обетование о поражении змиевой главы Семенем Жены, – обетование, в котором заключено столько великой будущности и жизненных надежд человечества, и без которого эта величественная священная драма, развертывающаяся на страницах Библейского повествования, отрывается от всякой завязки и лишается всякого глубокого смысла, – едва достаивается жалкого намека в измышленном «повелении» «людям» «раздроблять» главу змия.

Не мало характерных особенностей дает история первого человекоубийства. Прежде всего, предпочтение жертвы добродетельного Авеля объясняется, с точки зрения чисто-фарисейского формализма, самым «веществом» жертвы. Абель приносит произведения, свободно полученные от природы¹⁶³, тогда как алчный и досужий Каин, «первый выдумавший орать землю», жертвовал, таким образом, «изобретения человека скупого, произведенные насильно»... Убив Авеля, Каин скрывает труп его. Бог спрашивает Каина об Авеле, как будто не в силу Своего всеведения, а потому лишь, что Абель давно перестал являться пред Его Лицом, тогда как прежде они всегда являлись вместе. Когда, затем, Каин жертвой преклоняет Бога к милосердию, «дабы не всю жестокость гнева Своего оказал над ним», Бог смягчает наказание, но проклинает род Каина до 7-го поколения, изгнав его с женою. Мысль о покаянии Каина встречается в Midraschim; что касается наказания до 7-го рода, то Иосифом оно повторено и преданием обосновано на выражении 24-го стиха IV главы, где говорится о седмичном отмщении за Каина (ср. ст. 15) и семьдесят раз седмичном за Ламеха, – в соответствии чему Ламеху, далее, усвоится 77 сыновей (Jos. ib. 2, 2), как Каину – 7.¹⁶⁴ Каин, боясь зверей, высказывается в своей робости Богу. Бог успокаивает и, положив знамение для распознавания убийцы, повелевает удалиться от Его лица. Рассказ о боязни зверей напоминает распространенную сагу, читаемую, между прочим, в Midrasch: «R. Jehuda говорит: звери, птицы и прочие животные собрались взыскать кровь Авеля. Но Бог сказал им: вот Я определяю: всяк, кто убьет Каина, будет сам убит. Пришел первозданный змий взыскать кровь Авеля; но Бог говорить ему: вот Я назначаю: всяк, кто убьет Каина, повинен смерти! ». Очевидно, эти приведенные места Midraschim стоят с мыслью Иосифа в тесном сродстве.

Дальнейшая¹⁶⁵ судьба Каина у Иосифа воспроизводится с большими подробностями. Каин обходит много земель, строит город Наиду (Быт.: «поселился в земле Нод»). Наказание не исправило, а, наоборот, ожесточило его: он весь погрузился в грубый материализм. Наряду с другими пороками – сладострастием, насильями, грабительством, роскошью и т.п., Иосиф вменяет ему в погрешность также изобретение мер и весов¹⁶⁶, и даже то, что он первый поставил полям пределы и обнес стеной город (Енохию). Характеристика благочестия Сифова представляет близкое сходство у Иосифа с раввиническими толкованиями (Сиф, как «пионер» набожности и добродетели, упражнявшийся во всех родах добродетельности, – R. Simon; Jalk. J, § 42. Pirke R. Elieser), что дает основание предположить, что и вышеприведенная характеристика Каина должна возводиться к тому же источнику. Знаменательно выражение Иосифа о рождении у Адама «многих других сыновей и дочерей», являющееся не простой фразой, механически занесенной из Библии, а обнаруживающее характерную параллель с вышеупомянутой λεπτὴ γένεσις. Synkellos (в под. месте) подтверждает это таким образом: γεγόνασι δὲ τῷ Ἀδὰμ καὶ ἄλλοι υἱοί, ὡς ἡ λεπτὴ γένεσις περιέχει, ἐννέα μετὰ τοῦς τρεῖς τούτους, ὡς εἶναι αὐτῷ δύο μὲν θυγατέρας ἄρρενας δὲ δεκάδυο и т.д. (срв. Иосиф: γίνονται μὲν οὖν ἡϊδες αὐτῷ ἄλλοι τε πλείους, καὶ

Σῆθος' ἀλλὰ περὶ μὲν τῶν ἄλλων μῆχρὸν ἅν' εἰη λέγειν).¹⁶⁷ Мысль о чрезвычайности чадородия Адама Иосиф изощряется пояснить странной ссылкой на сладострастие прародителя, восчувствовавшего 230 лет от роду «великое к рождению (детей) вождеделение» (особенно по убиении Авеля и с потерей Каина). Столь же фантастично и гагадично в жизнеописании Адама упоминание о предсказании им двоякой гибели мира – один раз от огня, и другой – от воды.¹⁶⁸

Подобно своим родоначальникам характеризуются их дальнейшие потомки. Между тем как Каиниты отличаются склонностью к войне и разбоям всякого рода, бешенству и обидам, потомство Сифа украшается благонравием и добродетелями своего родоначальника, в соответствие чему и жизнь их отличалась полным внешним благополучием: они жили, не видев во всю жизнь никакого несчастья и, будучи изобретателями звездочетной науки, сделали много важных и полезных открытий.¹⁶⁹ Припоминая вышеприведенное Адамово предсказание о двукратной гибели мира, Сифиты принимают заблаговременно меры для увековечения своих ценных открытий и изобретений, и воздвигают в Сирийской земле два столба – кирпичный и каменный с надписями (звездочетными), один из которых (каменный), по словам Иосифа, можно видеть там и «доныне». Поверие это, с значительными, впрочем, изменениями нашло себе место также в книге Юбилеев. Здесь в 8 главе читаем, как Каинан, сын Арфаксадов, наученный от отца письму, отправился отыскать место, где бы можно было воздвигнуть город. И вот он находит надпись, начертанную на камне «прародителем» (Иосиф точнее обозначает в нем Сифа), – поведавшую ему, что была прежде наука, которой занимались его предки, изучив пути солнца, луны и звезд, и все знамения неба.¹⁷⁰ Очевидно, в рассказе Иосифа можно видеть вариацию или отражение этого традиционного, и в его время, вероятно, еще ни вылившегося в окончательную форму – гагадического сказания.

Через 7 веков частное отступление от Бога и прав человечества, по заразительному почину Каина и его потомков, переходит в общечеловеческое развращение, чтобы не сказать более: сами «Ангелы Божьи» (Быт. «сыны Божьи»), по толкованию Иосифа, ниспадают до противоестественного сожительства с дочерьми сынов человеческих, которые производят от них и детей. Сверхчеловеческие элементы последних не замедлили проявиться в необыкновенной силе и дерзости, побудившей их не остановиться даже пред тем, что хотели некогда сделать у Греков гиганты. Среди такого-то общего развращения, при утрате лучших достоинств человека, выступает и светлой личностью своей приятно выделяется праведный Ной. Как впоследствии Талмуд, Иосиф усваивает этому праведнику роль проповедника, возбуждавшего своими увещаниями развращенных современников к покаянию и обращению к Богу, хотя все эти увещания не только были бесполезны для ожесточенных грешников, но и опасны стали для самого Ноя, вынужденного в конце концов спасти свою жизнь бегством.¹⁷¹ При таком положении дел, Бог «сокращает» жизнь человеческую до 120 лет и страшным бедствием, изменившим всю землю на вид моря, обрекает на казнь неисправных и непослушных, сохранив

надежду будущего человечества (благочестивого Ноя с семейством) в ковчеге.¹⁷² В истории потопа было предметом оживленных споров высказанное в заметке Иосифа мнение, что этот мировой переворот имел место во второй месяц (ἐν μηνὶ δευτέρῳ), называемый у Македонян Дием, у Евреев – Марсонан-(Marcheschwan), по году, установленному в Египте, – первый месяц которого, т.о., был Тишри. Моисей, по Иосифу, сделал уже потом, в увековечение воспоминания о выходе из Египта и для посвящения новых плодов, первым месяцем введенного им, так сказать, церковного года – месяц Ниссан, оставив, впрочем, прежний порядок счета месяцев для года гражданского без отменения. Таким образом, известная Талмудическая контroversия о первом месяце потопного года у Иосифа разрешается довольно просто чрез пояснение, что это мог быть лишь Тишри, начало гражданского года, а не Ниссан – начало церковного, служивший лишь со времени Моисея точкой отправления для определения времени празднований народных и других торжественных событий; мысль Иосифа, очевидно, та, что в обозначении потопного месяца Моисей имел в виду именно их прежний порядок – гражданский, а не позднейший – церковный. Вторым месяцем, месяцем потопа будет, в таком случае, Marcheschwan, следующий за Тишри. Из раввинов, склонявшихся к обратному предположению, известен, между прочим, R. Josua, по которому¹⁷³ «второй» месяц года потопного был Ijar (следующий за Ниссаном, 1-м месяцем церковного года), около 17-го числа которого бывает заход Плейяд. R. Elieser назначает месяц Marcheschwan, в половине которого Плейяды господствовали. Сопоставляя эти оба мнения, Талмуд не столь определенно¹⁷⁴ замечает: «в обычае Израиля – относить дожди потопные, как R. Elieser, к месяцу Marcheschwan, обычай других относить начало потопа, по указанию R. Josua, на месяц Ijar».

Что касается, затем, года, в который от Адама имело место это страшное бедствие (потоп), то определение его должно затронуть всю хронологическую систему Иосифа, в которой он определяет возраст мира и протяжение его отдельных эпох. Но прежде, чем воспользоваться этим случаем, чтобы коснуться хронологии Иосифа, мы постараемся не прерывать нити наших рассуждений о потопе и докончим о нем Иосифовы показания. Когда голубица, выпущенная Ноем в третий раз, возвращается с маслиной и «грязными ногами», Ной убеждается в достаточной убыли воды и решается выйти из ковчега в месте, названном Армянами «выход». Иосиф делает попытку подтвердить историчность самого повествования ссылкой на то, что в его время Армяне нашли на месте остановки ковчега и его остатки¹⁷⁵, а, затем, опирается на упоминания о потопе писателей варварских, как-то: Иеронима, Мнасея, Николая Дамаскина, (96 кн. выдержка) и Вироста Халдеянина, при чем, по свидетельству последнего, ковчег остановился в горах Курдистана (πρὸς τῷ ὄρει τῶν Κοῦρδισαίων), на южной границе Армении; с этим мнением согласны переводы Сирский и Халдейский, переводящие слово ʾṯṯḫ словом ʾṯṯṛ. Все эти свидетельства, однако, не могут быть названы надежными. Один простой взгляд на тексты, приводимые Иосифом, уже показывает, что эти авторы или говорят совершенно о другом, или повторяют те же предания

евреев, более или менее отрывочный, или в том виде, как они начали распространяться в мире языческом, с эпохи слияния народов и идей, подготовленного веком Александра. Едва ли также достоверна и естественна усвояемая Иосифом Ноем боязнь новых потопов¹⁷⁶, причем самая жертва праведника является не столько выражением благодарности Богу за Его милосердие, сколько имела характер умиловительной (жертвы) молитвы о предотвращении впредь подобных, смущавших душу Ноя бедствий. Речь Бога к Ноем является прямым ответом на эти именно его опасения, и успокаивает его на счет возможности новых бедствий в тех же размерах. Согласно с Иосифом, на подобных же основаниях (умиловление), Ной приносить жертву по Tanchuma (p. 6, ed. Venedig. 1605), где приводится, между прочим, следующий разговор между Богом и Ноем: Ной говорить к Богу: «Господи мира! ужели наведешь Ты еще потоп на мир?» – Бог отвечает ему: «нет! Я обещаю, что больше не наведу потоп на мир!». Таким образом, здесь, как у Иосифа, благодарственный характер жертвы отодвигается на второй план, или даже и совсем устраняется. Тотчас по остановке ковчега, три сына Ноя – Сим, Хам¹⁷⁷ и Иафет первые осмеливаются сойти с гор на поля и убеждают то же сделать и других, одержимых еще боязнью нового потопы. Центром обитания нового человечества становится поле Сennaар, скоро оказавшееся тесным для своих насельников. Зло, вкоренившееся в природу человека, не дремало и вызывало при этой тесноте печальные раздоры и ссоры при собирании плодов. При таком положении дел, Бог повелевает юной человеческой семье расселиться, что встречено было, однако, неповиновением от неосознавания самой пользы этого расселения. После вторичного повеления, не замедлившего воспоследовать со стороны Бога, непослушание переходить в сознательное упорство, поощряемое нечестивой мыслью, что человечество живет, отнюдь не по Божественной благодати Повелевающего, и что этот последний расселяет их лишь для того, чтобы удобнее теснить рассеянных. Не удовлетворяясь, так сказать, оборонительным положением, непокорно-дерзкое человечество, в лице нечестивого потомства Хамова, переходит скоро в наступательное. Подстрекаемое Нимвродом¹⁷⁸, внуком Хама, совмещавшим в своей личности все отрицательные черты последнего до крайних размеров, племя Хамово начинает строить башню, чтобы потоп не мог более покрывать всей земли, и чтобы этим дерзким вызовом «отомстить» вместе и погибель предков. Иосиф говорить, при этом, об обширности башни, множестве работников, прочности сооружения, воздвигавшегося из выжженного кирпича, скрепляемого чрезвычайно клейкой материей. В доказательство или подтверждение исторической достоверности сообщенного события, Иосиф ссылается на изречение Сивиллы о Вавилоне и смешении языков, а также приводит выдержку из Гестия, упоминавшего о Сennaаре. Являющееся наказанием за дерзкое предприятие – рассеяние народов Иосиф рассматривает и с выгодной стороны, видя в этом рассеянии руководство Бога, заботившегося о более равномерном заселении земли («чтобы все наполнилось»). Таким образом, благодаря рассеянию, потомки Иафета (число детей которого Иосиф принимает согласно с еврейским – 7, а не греческим

текстом – 8 с Елисей) занимают пространство земли от гор Тавра и Амана в Азии до реки Танаидос, в Европе до Гадиры; племя Хама располагается по Сирийской территории от гор Амана и Ливана до океана. Сим насаждает свое племя в Азии от Евфрата до Индийского океана. Как кажется, не без оснований в Слове Божьем, которое как будто не совсем безнамеренно присоединяем к имени Сима титула «отца всех сынов Еверовых», Иосиф производит впервые выступающее имя носителей Обетованного Семени – «Евреи»¹⁷⁹ – от патриарха Евера.¹⁸⁰ Упомянув, затем, о смерти Аррана, гробницу которого показывают в Уре Халдейском «доныне» и объясняя уход Фарры в Харран Месопотамский смертью любимого сына, Иосиф вступает в эпоху славнейших мужей своей истории, олицетворявших собою веру, надежду и любовь Израиля к Своему Иегове. Это были – Авраам, Исаак и Иаков, знаменательная троица ветхозаветных патриархов, достопамятными именами которых украсилось Самое «Имя» Божье («Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова»), проименовав в них Троичную глубину необъятного Божественного Существа.

§ 8. Хронологическая система Иосифа

Уместно остановиться здесь на уяснении хронологических основ Иосифа и вообще значения его в вопросе о библейском летосчислении. Хронологически вопрос вообще один из наиболее слабо разработанных в Ветхозаветной истории, притом, строго говоря, безнадежных по самому существу дела. Все успехи по изысканию настоящего счисления от «начала времен», кажется, осуждены лишь на констатирование различий счислений по той или другой системе, представлял более тексто-критический, нежели чисто-хронологический интерес.¹⁸¹ И наука здесь более, чем где-либо, бессильна установить единство и разработаться в массе противоречивых сведений. Одним из наиболее важных существенных затруднений для хронолога здесь является отсутствие одной определенной эры, то есть – счисления годов от одного определенного, точно установленного исходного пункта. У евреев это отсутствие так же заметно, как у всех других народов, хотя их наиболее отчетливые сведения о начале мира, по-видимому, давали надлежащий пункт для такой эры. На самом деле, и у них видим несколько таких эр, которые, будучи удовлетворительны сами по себе, дают при сопоставлении с другими далеко не легко соединимые величины. Мир в данном случае можно бы уподобить подростку, утратившему всех близких ему лиц, которые могли бы точно сообщить ему число лет его жизни до того пункта, когда он сам мог вести счет своих лет, – и измеряющему возраст свой лишь по темным догадкам и отрывочным сообщениям, и, притом, отдельными промежутками, а не в целом. Образующееся отсюда неудобство в особенности сказывается в точках соприкосновения еврейской эры с другими, особенно с христианской, в виду того, что еврейский год на первых порах был год лунный и уравнение его с нашим солнечным в высшей степени трудно за отсутствием сведений о более точной организации принятого евреями года и за отсутствием уже этой самой организации.¹⁸² Не легко также уравнение вообще различных эр, начинающихся с самых различных пунктов (1 Ниссана-еврейская эра; Октябрь 312 по Сентябрь 311 г. Селевкидская и т.д.). В довершение всего приходится считаться со смешением всех эр хронологами даже своего времени, разительный образец чего может дать книга Маккавейская, считающая годы эры Селевкидовой при счете месяцев по календарю еврейскому.

Вся хронология священноиудейская для большого удобства делится обыкновенно на несколько периодов, как например: 1) от сотворения мира до потопа; 2) от потопа до исхода из Египта; 3) от исхода из Египта до закладки Соломонова храма; 4) от закладки храма до разрушения его при Седекии, и 5) от последнего года Седекии до окончательного разрушения храма Титом. Для исчисления этих периодов в частности и в их общем существует несколько хронологических систем, значительно разнящихся одна от другой, причем эта разность происходит, главным образом, от несогласия в счислении лет первого периода. В ряду означенных систем, хронологическую систему Иосифа некоторые склонны наделять особенными достоинствами ради того,

что в ней Иосиф один из ветхозаветных писателей дает хронологию **всего** времени.¹⁸³ Кроме него, отдельные хронологические указания дают (помимо Библейского текста) – Евподем, оба Филона (старший и младший) и Апостолы. Мы увидим, однако, сейчас, как общая цифра хронологических выкладок Иосифа далеко не всегда строго соответствует своим слагаемым, и как эти последние не всегда удобно мирятся с тем, чтобы поступиться своею неумолимою точностью и неизменностью, ради бóльшего совпадет с общей суммой. Увидим, как, несмотря на целостность и единство хронологической системы Иосифа, мало можно быть доверчивым к ней, прельщаясь кажушимися удобствами и целесообразностью этой системы, если имеющей какое-либо значение, так (разве) лишь сравнительное.

В основе исчисления возраста мира лежит необычайное долголетие патриархов, понимаемое, однако, крайне разнообразно, за отсутствием точно определенной и строго выдержанной, астрономически неизменной единицы времени. В убеждениях Иосифа непоколебимым является одно: что долголетие патриархов было действительно необычайно и беспримерно для всех последующих времен и поколений. Кроме свидетельств многих писателей древности, как Манефон Египетский, Вирост Халдеянин, Мох, Гестией и Иероним Финикийские, Гезиод, Гекатей, Гелланик, Акузилай, Ефор и Николай, – говорящие о продолжительности жизни до 1000 лет¹⁸⁴, – Иосиф придумывает в оправдание долголетия отчасти довольно естественный, а потом и небезкурьезные основания или причины долголетия первобытной жизни. В числе первого рода причин или оснований им справедливо приводится безраздельная, животворная и прежде всего свойственная и необходимая всякой человеческой жизни любовь к Богу, – свежесть и большая целость и неповрежденность нового создания, – а также пища здоровая, умеренная, и вообще – жизнь сообразная с природой, в лучшем смысле этого слова. Сюда же у Иосифа присоединяется, затем, и «тщательное в звездочетной и землемерной науке упражнение»¹⁸⁵, – пожалуй, могущее быть относимо к сообразной с природой жизни, и если не способствовавшее прямо, то, по крайней мере, не мешавшее долголетию. Но что касается, затем, точной хронологии всего этого периода и дальнейших, то – несходная в общем и частях – ни с новейшим еврейским текстом, ни с греческим, ни даже с самаританским, как полагал Whiston¹⁸⁶, эта хронология носит у Иосифа столь непримиримые неправильности и разногласия, что едва можно окончательно резюмировать мнение его о возрасте мира. Несогласие Иосифа с кодексом не только еврейским, но и Александрийско-греческим и самаританским, обнаруживается уже в том, когда продолжительность первой эпохи мировой жизни (до потопа) он исчисляет в 2256 (2656) лет (2262 греч., и 1656 еврейский текст). Незначительная разница по сравнению с греческим текстом произошла лишь от того, что лета Ламеха до рождения от него Ноя взяты не по-греческому, а по-еврейскому подлиннику (182 вм. 188 л.). В исчислении лет после потопа продолжается то же отличие от LXX, несколько большее от еврейско-самаританского кодекса, но еще большее от древнееврейского, которым пользуются иудеи. От всех отступает он, когда год рождения

Арфаксада относит не ко второму году после потопа, а к 12-му. Vossius склоняется на сторону этого показания Иосифа и пытается исправить по нему показания других текстов Св. Писания, мотивируя законность этого тем, что будто бы нелепо допустить рождение трех сыновей Симовых (Елам, Ассир, Арфаксад) в течение едва 3-х лет (в ковчеге было всего 8 душ)¹⁸⁷, в особенности если принять согласно с греческим, что Иафет был старший Сим и, женившись ранее, должен был или мог, по крайней мере, увеличить число обитателей ковчеге до «деяти», чтобы менее неожиданным и менее несообразным могло быть встречено уже на 2-м году после потопа рождение Симова первенца. Но, конечно, все это лишь кажущиеся основательными догадки, и оспаривать иное возможное положение дел, согласно с Библейским показанием времени, они не дают еще никакого права. Сим мог именно жениться в один год со старшим братом, и даже ранее его. Этот последний мог оставаться некоторое (в данном случае более, чем Сим, продолжительное) время бездетным и не предупредить своего младшего брата рождением сына. Во всяком случае, кажущееся, хотя бы и большее, удобство не всегда дает неоспоримые права отвергать во имя этого удобства то, что может казаться менее удобным, если только нет при этом прямой нелепости и ясных свидетельств против. Отступает, затем, Иосиф в послепотопное¹⁸⁸ время в год рождения Фарры, отца Авраамова, относя таковой на 120-й Нахора, а не 79-й, как в кодексе греческом и самаританском, или 29-й, как имеет кодекс Иудейский, и в годах Исаака, указывая на 5 лет более – 185. Общая сумма лет, получаемая для периода от потопа до переселения Иакова в Египет, – 1362 по греческому тексту, 582 по еврейскому и 1283 по Иосифу. Излишек греческого в 79 лет по сравнению с Иосифом образуется от излишков Иосифа в показаниях года рождения Арфаксада (++ 10, в 12 году после потопа вместо 2-го) и Фарры (++ 41, на 120-м, а не 79 году Нахора), с одной стороны, (++ 51), – а с другой – опущением совершенно Каинана (согласно с еврейским текстом), отодвигающего Арфаксада от Салы еще на 130 лет; итого – ++ 51 – 130 == --79 лет. Если, затем, к сумме двух первых периодов прибавим 215 лет, протекшие от переселения Иакова в Египет до исхода евреев из оного, то получаем, по Иосифу, – 3754 года, протекшие от сотворения мира до исхода, – сумма, к которой приближаются более или менее почти все древнейшие писатели, как иудейские, так и за ними следовавшие.¹⁸⁹ Промежуток между исходом из Египта и закладкой храма, определяемый Иосифом в 592 года¹⁹⁰, а по первому впечатлению от Св. Писания в 480 лет¹⁹¹, стараются примирить с священным текстом тем, что излишек 112 лет распределяют на шестикратное рабство Израиля под игом врагов между судьями. С этим согласуется как будто и дата Апостола (Деян.13:20), который от «κλῆρουχίᾳ» до смерти Илия полагает 450 лет; присоединяя к 480 годам 40 лет Моисея ++ 26 Иисуса ++ 32 Самуила и Саула ++ 40 Давида и ++ 4 первые года Соломона до закладки, получаем == 592 года (480 ++ 112). Но этот период на самом деле значительно более. В нем мы должны считать после 40 лет Моисея – 27, а не 26 Иисуса, ++ 3 года безначалия ++ 8 л. под игом Хусарсафема ++ 450 до смерти Илия ++ 40

Самуила ++ 40 Саула ++ 40 Давида ++ 4 года Соломона до закладки, что все дает для второго периода == 652 года, т.е. на 60 лет более принятого Иосифом счисления. Прикладывая этот период к прежним, Иосиф насчитывает до начала храма (Арх. VIII, 3) от создания Адама 3102 года (евр. 3105), или – в частности – 1020 (евр. 1022 == 430 ++ 592 и 1082 == 430 ++ 652) лет от переселения Авраама в Хананею и 1440 лет от потопа – цифры, отчасти согласные то с еврейским счислением, то несогласные даже и с параллельными местами самого Иосифа.

Для наглядности прилагаем здесь сравнительную хронологическую таблицу по трем главнейшим летосчислениям.

Греческий текст Счисление Иосифа Флавия Еврейский текст

Адам жил до рождения сына	Лет. 230	От сотв. мира	Лет. 230	От сотв. мира	Лет. 130	От сотв. мира
Сиф	205	435	205	435	105	235
Энос	190	625	190	625	90	325
Каинан	170	795	170	795	70	395
Малелеил	165	960	165	960	65	460
Иаред	162	1122	162	1122	162	622
Энох	165	1287	165	1287	65	687
Мафусал	187	1474	187	1474	187	874
Ламех	188	1662	182	1656	182	1056
Ной	502	2164	502	2158	502	1558
Всемирный потоп	98	2262	98	2256	98	1656
Сим	2	2264	12	2268	2	1658
Арфаксад	135	2399	135	2403	35	1693
Каинан	130	2529	–	–	–	–
Сала	130	2659	130	2533	30	1723
Евер	134	2793	134	2667	34	1757
Фалек	130	2923	130	2797	30	1787
Рагав	132	3055	130	2927	32	1819
Серух	130	3185	132	3059	30	1849
Нахор	79	3264	120	3179	29	1878
Фарра	70	3334	70	3249	70	1948
Авраам	100	3434	100	3349	100	2048
Исаак	60	3494	60	3409	60	2108
Иаков до Египта	130	3624	130	3539	130	2238
Иаков до смерти	17	3641	17	3556	17	2255
Иосиф до смерти	54	3695	54	3610	54	2309
Моисей (рожд.)	64	3759	64	3674	64	2373
Моисей – Исход	80	3839	80	3754	80	2453
Закладка храма (4-й г. Сол.)	652	4492	(? 3102 г. от с. 592 м.).	4346	(652–8105)	480 2933
Раздел. царств	36	4528	36	4382	36	2969

Пересел. X кол. (7-й г. Езек.)	261 4789	240 л.? 7 м. 7 д.	261 3230
Пересел Иудеев (3-й г. Иоак.)	112 4901	1301/2 ? л.	112 3342
Конец Иудейского Царства чрез	20 4921		20 3362
От плена до Христа. (70 ++ 205 ++ 9 ++ 120 ++ 60 ++ 79607 5508 ++ 64)		? 4492	? 3761

Вот еще несколько примеров противоречий Иосифа в отдельных периодах летосчисления. В главе V лета Израильского пребывания в Египте, по смерти Иосифа, исчисляются в 400 лет; в следующей же VI главе время выхода Израиля из Египта падает, по Иосифу, на 215 год после переселения Иакова в Египет. Далее, VIII кн. 2 гл. от исхода из Египта до основания храма Иосиф, вынуждаемый отчасти священными кодексами, как еврейским, так и греческим, полагает 592 года (XX, 10 -- 612 лет; κατὰ Ἀπὶ ὧνος, II, 2; ср. также Арх. V, 1, 29; VI, 13, 5): но сам же он этот счет скоро извращает, когда от сотворения мира до построения храма полагает ἔτη πρὶ οὐχί λια καὶ ἑκατὸν καὶ δύο – 3102 года, которые не могут быть составлены с предшествующим числом, разве как допустив насилие тексту. Еще более подобных неточностей и досадных противоречий в исчислениях следующих периодов. Так, время царствования царей поколоения Давидова, включая 20 лет (а по Арх. VI, кон. – 40: ср. Арх. X, 8) Сауловых, у него определяется в 514 лет (XI, 4 -- 520), 6 мес. и 10 дней¹⁹² (21 царь); затем – сожжение храма в 11 год Седекии (X, 8) приходилось чрез 470 лет 6 мес. и 10 дней от его создания, или чрез 1062 г. 6 мес. и 10 дней от исхода из Египта, чрез 1950 л. 6 мес. и 10 дней от потопа и, наконец, чрез 3530 л. 6 мес. и 10 дней от Адама; от разделения царств до переселения 10 колен в 7-й год Езекии, в 9-й Осии, проходит 240 лет 7 мес. 7 дней, от исхода же из Египта – 947 лет: – почти все своеобразные и противоречивые цифры, **совершенно разрушающие Иосифово счисление в предшествующих периодах.** Для наглядности этого, достаточно указать, что в то время как от Адама до закладки храма Иосиф насчитывает 3953 года, – от Адама до сожжения храма у него всего 3530¹/₂ лет: явное противоречие. Тоже самое кн. X, гл. 2, где от сотворения мира до разрушения первого храма полагается 3513 лет 6 мес. и 10 дней, чем самым допускается, что храм существовал, за отнятием 3102 лет от сотворения мира до постройки, – только около 411 лет, между тем как, по его же свидетельству, храм стоял ἄφ' οὗ κατεσκεύασθη всего 470 лет, 6 мес. и 10 дней; впрочем, и это число оказывается, однако, как раз на 40 лет больше числа, какое дается сложением годов правления отдельных царей, а именно: 37 лет Соломона после создания храма ++ 261 год от отпадения X колен до разрушения Самарии ++ 132¹/₂ г. от разрушения Самарии до последнего года Седекии – всего == 430¹/₂ лет. Лишние 40 лет, очевидно, у Иосифа должны быть взяты из числа лет правления Соломона по Арх. VIII, 7, 8, где указывается не 40, а 80 лет, нигде,

впрочем, не оправдываемых.¹⁹³ Но, с другой стороны, цифра 470^{1/2} лет для периода от закладки храма до разрушения его при Седекии (Арх. X, 8, 5) более удобно мирится с дальнейшими датами Иосифа. Прибавляя к ней 708^{1/2} лет, составляющих период от последнего года Седекии до разрушения Иерусалима Титом, получаем для указанного периода 1179 лет. Точность этой цифры Иосифа, а, вместе, и ее происхождение помогает оправдать сопоставление с Евполомом, которому несомненно следовал здесь Иосиф и у которого период от исхода до разрушения храма получается тождественны с Иосифовским (1580 л. до 12-го года Птолемея Фисконя след. 158 г. до Р. Х. ++ эти 158 л. ++ 70 по Р. Х. до разрушения храма == Иосифовским 629 от исхода до закладки храма ++ 470^{1/2} до последнего года Седекии ++ 708^{1/2} до разрушения храма Титом¹⁹⁴ == в том и другом случае 1808 лет). Но это сходство, – надо, впрочем, сказать, – создается, как и везде, лишь искусственно, чрез подбор цифр, нередко для одного и того же события дающих три и более различных показаний. Еще характернейший пример подобной путаницы дает сопоставление следующих мест: 1) περὶ ἀλώσεως, VI, 4, 8 полагает Иосиф от 2-го года Кира до разрушения Иерусалима Титом (70 г.) – 639 лет, почему 2-й год Кира будет падать на 569 год до Р. Х.; 2) Арх. XX, 10 – считает он от возвращения из плена (1-й год Кира) до Антиоха V Евпатора (164–162 г.) – 414 л.; 3) Арх. XIII, 11, 1 – от возвращения из плена (1-й год Кира) до Аристовула I (105–104 г.) – 481 год. Таким образом, приводя все это к одному знаменателю, получаем, что указ Кира падает то на 570, то на 578, то на 586 лет, когда на самом деле это было в 537 г.

Общая сумма лет от Адама до разрушения Иерусалима при Тите, если принять ее более устойчивые цифры, равна, по Иосифу, (3754 ++ 629 ++ 1179) == 5562 года, или – до Рождества Христова (5562 -- 70) == 4492 года, т.е. на 8–15 лет менее общепринятого христианского летосчисления (LXX – 5500–5508 л.; евр. 3761 и 3984 Vulg.). Впрочем, сколь мало имеет прав на предпочтение эта цифра пред другими летосчислениями, достаточно ясно из тех колебаний, с какими она выводится из разноречивых до крайности показаний в отдельности, примирение коих в самом Иосифе может составить предмет специального исследования...¹⁹⁵ К той же самой раздвоенности приводят даты Иосифа, когда мы делаем попытку параллелизовать их с датами современных или ближайших внебиблейских событий, каково, напр., основание Карфагена, о котором известны несколько показаний.¹⁹⁶ В объяснение всех этих – общих и частных неточностей и неправильностей счисления Иосифа вполне справедливо предположение о недостаточно-критическом отношении Иосифа к своим источникам: он корректировал свое счисление на основании разных книг, отрывков и комментариев, не только священного, но и светского характера, причем, следуя различным хронологическим системам, он нередко выписывал просто слова авторов без особого разбора и должного внимания, что само собой не могло не ввести его в противоречия столь частые. Насколько происходившая отсюда «разношерстность» хронологических сообщений Иосифа часта и значительна, заметно даже при беглом чтении Иосифа, особенно во второй половине его

Археологии, где хронология его вообще подвергалась более или менее сильной конкуренции со стороны эллинистических дат по хронологии того времени. И поддаваясь этой конкуренции, Иосиф не заботится совершенно даже о том, чтобы переводить, ради единства хронологических счислений, условные и чисто национальные единицы времени на общеприемлемые, – на такие, которые прямо указывали бы в известной дате возраст мира, а не отрывки от отдельных малоизвестных условных точек отправления. А так как этих условных счислений было несколько, и, не установлен был их параллелизм, то Иосиф, как бы не преодолевая встречавшиеся ему затруднения, и ведет счет то по Олимпиадам, то по эре Селевкидов, то даже по римской эре от основания Рима, во многих случаях без затруднения помогая констатировать зависимость свою от того или другого источника уже по приемам своего летосчисления (через перескакивание от одного источника к другому и при рабской зависимости от каждого из них). Возможно также, – как доказал на основании различных мест Флавия Wieseler (*Chronologische Synopse*), – что трудность и запутанность хронологии Иосифа по местам много обуславливается его манерой считать годы от Ниссана до Ниссана и мелкие части года, при его окончании и начала, считать за полный год, вследствие чего выходит, например, что 34 года от 1-го июня – июля 717 года падают на те же числа, что и 37 лет от 714 г. (между 1-м числом Ниссана 750 и 1-м Ниссана 751 г.). Наконец, многие из хронологических ошибок и противоречий Иосифа должны быть приписаны невниманию, поспешности и невежеству переписчиков, как видно из несогласия во многих местах латинского и греческого перевода Иосифа и несогласия рукописей одного и того же перевода. Из всего этого ясно, что попытка определить какое-либо одно первоначальное счисление, которому мог следовать Иосиф, когда – без насилия тексту – он не приближался ни к одному из известных нам кодексов, – совершенно напрасна и неуместна. Тем более, все натяжки старавшихся согласить хронологию Иосифа с греческим LXX кодексом, как Isaacus Vossius, Paul Pezronus и Eduard Bernardus, или с Самаританским, подобно Whiston'у, – должны быть признаны произвольными и бесполезными для своей цели. И еще более: верхом невежества и дерзости должны были отличаться те, которые заподозривали, на основании показаний Иосифа, авторитет свящ. текстов Библейских и произвольными числами Иосифа пытались заменять и исправлять везде числа свящ. первоисточника.

§ 9. Троица Патриархов (Авраам, Исаак, Иаков)

Арх. I, 6, 5–II, 8; Быт. 11 кон.–50

Жизнь Авраама¹⁹⁷ до призвания в изображении Иосифа носит галгадически-грубый и невероятный характер. Простой, хотя богатый номад, кочующий с места на место по требованию своих огромных стад, прекращается у него в замечательнейшего природного философа и ученого, каких не могла выставить древняя страна мудрецов, страна пирамид, сфинксов и выдающихся научных сведений, и открытий (Египет). Личность Авраама¹⁹⁸ украшают «высокие знания», особый «дар слова» и «редко ошибавшаяся прозорливость». В философских спекуляциях его богатого ума зарождается вся вера будущего человечества во «единого» Бога. Авраам сам приходит к этому монотеизму, чрез рассмотрение природы и размышления по поводу разного рода случайностей и перемен воды, солнца и т.п. Степень достоверности и научности подобного объяснения, которое повторяет Midrasch, не выдерживает критики пред судом ученых исследователей древнейших религий, каковы – Creuzer, Spiegel, U. Strauss, Lauth, Lenormand, Rougé, Макс Мюллер и др.¹⁹⁹, которые согласно приходят к заключению, что **монотеизм предшествовал политеизму** и не мог, следовательно, никоим образом выработаться из последнего, – не говоря уже о том, что в данном случае едва ли требуется вообще какое-либо объяснение монотеистических убеждений Авраама, дед которого – Нахор застал в живых благочестивого Евера, а этот, в свою очередь, самого Ноя, подражателей благочестия которого можно было видеть, кроме Авраама, среди современников его – Мельхиседек и др. В том же ненаучном духе развиваются Иосифом обстоятельства дальнейшей жизни патриарха. Когда все признают его мудрым, он решается выступить публично с целью исправить и улучшить господствовавшее мнение о Боге, и первый отваживается объявить, что «один» должен быть Бог, Создатель и Управитель всего. Проповедь философа, однако, не встречает сочувствия среди невежественных Халдеев: они восстают на него за его реформаторские идеи, и этот-то конфликт астрологической веры Халдеев и учения Авраама, сопряженный с опасностью жизни последнего, вызывает, по Иосифу, (и Талмуду – Sabbath 156 a; Nedarim 32 a, Быт. г. с. 44, 38) вмешательство Божественной помощи верующему Аврааму, приглашенному от Бога тотчас же удалиться в Харран. Так извращается самый смысл Аврамова призвания, составившего эпоху в истории домостроительства и откровения Бога человечеству.

Но вынужденный удалиться от Халдеев, Авраам неугомонен. Хотя неизвестно, пытался ли он просветить своими сведениями Халдеев, и каково принимали они его проповедь, – но только целью поездки его в Египет – кроме голода – было еще желание узнать мнения тамошних жрецов о богах их, и, если эти мнения лучше, им последовать, а если хуже – их обратить. В описании результатов этого путешествия, совершенно подобным же образом мотивируемого у Артапана (в сохранным у Евсевия месте pr. ev. IX, 18), не

видно, впрочем, ясно, достиг ли Авраам последней цели. По-видимому, вся «победа» Авраама, о которой говорить Иосиф, в диспутах его с египетскими мудрецами состояла в том лишь, что приобрела Аврааму «славу», как оратора и премудрого «убедительного» мужа. Ознакомление мудрецов Египетских, благодаря Аврааму, с наукой числения и правилами звездозакония не входило в его главные изначальные цели, с какими предпринято было путешествие. Быть может, безуспешность в достижении главной цели вознаграждает себя просвещением мудрецов египетских не имеющими непосредственного отношения к религии – научными сведениями по математике и астрологии, раньше неизвестными в Египте, но перешедшими туда чрез Авраама от Халдеев и потом к Грекам.²⁰⁰ Случаи в Египте с Саррой заключает в рассказе Иосифа несколько характеристических черт и особенностей. Прежде всего любопытно объяснение Иосифом того, каким образом Сарра была сестра «Авраама» (т.е. собственно Лота). В *Babyl. Exeges. (Synhedrion, 69b)* это доказывается путем такой комбинации: сначала Сарра отождествляется с упоминаемой (Быт.11:20) – Jiskah; отсюда оставалось только заключить, что Нахор, отец этой Иски, и Нахор, отец Лота (Быт.11:31), – одно и то же: это делает и Иосиф, устанавливая братство Сарры и Лота, вопреки, впрочем, ясному выражению Библии, что Сарра была, действительно, сестра Авраама, только от другой матери, но от одного отца (Быт.20:12). Едва ли, далее, может быть принято предположение Иосифа, что Лот был усыновлен Авраамом, сомневающимся о рождении детей от Сарры, в виду (Быт.15:2)... Авраам не ошибся, предвидя опасность для Сарры в стране Египтян, весьма страстных к женщинам. Фараон сам²⁰¹ желает видеть Сарру, лишь только вызывающей и ласкавший чувственность слух о необыкновенной красоте чужестранки достиг его двора. Неопределенное упоминание Библии о «тяжких ударах», поразивших дом Фараона и самого его за Сарру, Иосиф распространяет и поясняет, указывая на мор и возмущения, постигшие вдруг его резиденцию. Жрецы толкуют причины несчастья, и ход дела под влиянием их круто изменяется: Сарра возвращается Аврааму, который получает также богатые дары и позволение иметь обращение с мудрецами Египетскими, после чего собственно и начинается уже ряд его диспутов с ними.

Покончив свои дела в Египте, Авраам возвращается в землю Ханаанскую, и местом обитания своего избирает Хеврон – город «7-ю годами старейший Египетской Танаиды»; – а разлучившийся с ним Лот избирает себе для жительства город Содом. Вскоре после этого, Содомлян и, вместе с ними, Лота постигает несчастье, которое им нанесли союзные цари Ханаанские («Ассирияне» у Иосифа). Любопытно, что, узнав о плене Лота в числе других Содомлян, Авраам жалеет не только племянника, но и Содомлян, соседей своих и «приятелей» (φίλων ὄντων καὶ γειτνώντων). Отправившись на выручку пленников, Авраам настигает врагов (Библия. «преследует до») у Дана, который Иосиф называет «другим Иордановым источником» (ἵστως γὰρ ἡ ἐτέρα τοῦ Ἰορδάνου πρὸς αὐτοῦ εἴται πηγή). Это замечание, брошенное вскользь, настолько важно, что нельзя и его обойти молчанием. Дело в том, что этот «Дан», по недоразумению, принимают за город, называвшийся до завоевания

земли Обетованной «Лаисом» (Нав.19:47; Суд.18:27–29), и уже по завоевании переименованный в Дан или Лаис-Дан. Благодаря такому недоразумению, усматривают в данном месте кн. Бытия важный анахронизм, дающий основание думать, что здесь имеется дело с интерполяцией, т.е. одной из предполагаемых вставок в книгу Бытия позднейшего происхождения. В самом деле, как могло появиться упоминание о Дане во времена Моисея, когда этот город еще не носил такого названия, когда нет никаких следов существования еще другого города с этим именем, и за тождество их ручается, кроме тождества имен, еще и одинаковость местоположения – в северной части Ханаанской земли? – Очевидно, говорят, указанное место в книге Бытия должно быть позднейшей вставкой, и не могло принадлежать автору Пятокнижия. Своим замечанием о названии одного из потоков Иордана «Даном», Иосиф разрушает это соображение интерполяционистов. Правда, Гезекий²⁰² пытается возразить, что и Иорданскому рукаву имя Дана дано после того, как Даниты поселились здесь и дали имя городу Лаису Дан. Но возражение это нам не кажется основательным. В самом имени р. Иордан слышится звук «Дан», а между тем, Иорданом река называлась всегда с тех пор, как знает об этой реке история. Имя это значит, между прочим, – спуск, поток Дана (דַּן соб. от דָּן нисходить с горы, стремиться вниз), как объясняет это Talmud Bechor. 55 a²⁰³ во внимание к месту его истока – דָּן и такое название уже, конечно, дано ему не вследствие поселения тут колена Данова, так как под этим названием река была всегда известна, еще за долго до взятия Лаиса Данитами, – а но имени одной из Ливанских гор (Дан), при подошве которой получал свое течение поток.²⁰⁴ Есть основания предполагать, что кроме рукава реки Иордана и горы, откуда брал свое начало этот рукав, имя Дан носил и лежащий здесь же город, упоминаемый впоследствии под именем Дана-Яана, в отличие от Дан-Лаиса (2Цар.2:4, 6, ср. 15). Как бы то ни было, только интерполяционисты после разъяснения Иосифа лишаются одного из сильнейших доводов своих в пользу гипотезы об интерполяции в данном, по крайней мере, месте Моисеева повествования.

Внезапность и быстрота нападения Авраама на сонных и утомленных врагов (Библ. «ночью») решила дело в пользу Авраама и – со славой храброго вождя – доставила ему богатую добычу, в том числе и возвращение пленников. Мельхиседек (– «царь праведный», почему и «священником был поставлен») царь города Салима (после названного Иерусалимом), благословив Авраама, щедро угощает и награждает победителя с его храброй дружиной, причем Авраам выступает застольным оратором, прерывал пир хвалебною и благодарственною речью Богу.

В истории гибели нечестивых городов Иосиф описывает ближе пороки Содомы; это – гордость богатством, взаимные притеснения и озлобления, непочтение к Богу²⁰⁵, гнушение странноприимством и злоупотребление дружбой (грех Содомский). С определением Божиим о наказании нечестивых в близкой связи стоит история явления Бога Аврааму в виде 3 странников. Вопреки (Быт.18:8) Ангелы, принятые и угощаемые Авраамом в качестве иностранцев, не едят и даже не «показывают» лишь «вид», что делают это²⁰⁶,

но объявляют прямо, что они «уже ели» и без излишних обиняков приступаю к делу, спрашивая Авраама: где жена твоя? Услышав об обещании сына, появляется и Сарра, завязывая спор с Ангелами; тогда они открывают себя, объявив, что один из них послан возвестить о сыне, и два другие – для исполнения Божественного приговора над нечестивыми городами. Талмуд, согласный в данном месте с Иосифом, усвояет небесным посланникам и имена: Михаил, Гавриил и Рафаил, причем о Михаиле говорится, что он был послан возвестить обетование Сарре, – о Рафаиле – освятить (heilen, исцелить) Авраама, и о Гаврииле – наказать Содом (Bab. Mezia 86 b). То, далее, обстоятельство, что к Содому идет и Михаил, объясняется тем, что он предназначен был также спасти Лота (ib.). Печалась о страшной участи, грозившей городам несчастных туземцев, Авраам ходатайствует за них, ради могущих быть там праведников, и когда Бог говорит, что там нет «ни одного», Авраам уступает. Лот принимает Ангелов, как «отличавшийся страннопримством и ревностным подражанием» добродетели Авраамовой (περὶ τοὺς ξένους φιλόανθρωπος καὶ μαθητὴς τῆς τοῦ Ἀβραάμου χρηστότητος), что отмечает также Midrasch в Быт. г. с. 50. Воспроизводя, затем, народное поверье относительно одной человекообразной колонны на берегах Мертвого моря, Иосиф заявляет, что он «сам видел» столп, в который превратилась жена Лотова в наказание за «любопытство», с каким она «взирала» на поражение града, ибо «столп этот, добавляет он, еще и **поныне** там находится». Самое место пораженных городов, по представлению Иосифа, (Арх. I, 9) образовало Асфальтовое озеро или Мертвое море, занимающее собою, впрочем, только часть (περὶ ἁλώσ. IV, 8, 4) Содомской долины, остающейся в другой своей части и доныне (лишь) «испепеленной и сожженной». В засвидетельствование этого можно напомнить, что действительно многие путешественники констатировали существование развалин, напоминающих городские, не только на дне моря, но и вдоль южного берега.²⁰⁷

В истории жертвоприношения Исаака Иосиф проявляет обычные усилия – более подробно и жизненно комментировать неприкрашенный священный текст. Не без намерения старается он предварительно охарактеризовать великое добронравие отрока с целью усилить впечатление от тяжести испытания Авраамова и величия его веры и послушания. Авраам таит от жены и рабов свое намерение, чтобы они не помешали ему принести необычайную жертву. В свою очередь, чтобы не встретить препятствия и со стороны обреченного в жертву Исаака, который, будучи тогда 25 лет, мог сделать это не без успеха, Авраам, тотчас же по возложении дров на жертвенник, обращается с пространной речью к любимому сыну и отечески-нежно убеждает его послужить жертвой Богу, чтобы, переселившись в небесные Его обители, быть попечителем и старости своего отца (!). Ответом на это является полная покорность Исаака, и Авраам уже заносит руку, как вдруг голос Божий останавливает его в решительную минуту, объясняя Свое необычайное требование испытанием Авраама, насколько он достоин оказанных ему от Бога благодеяний. В заключение всей этой истории, принеся Богу, вместо

Исаака, овна, счастливые – отец и сын в избытке чувств радости обнимают друг друга.

Немало подробностей того же рода представляет история женитьбы Исаака. Заключая договор с рабом, Авраам имеет в намерении взять за Исаака именно Ревекку, внуку брата своего Нахора. При этом, в обряде принесения клятвы, призывая Бога во свидетели, руки кладут друг другу «под стегна» оба – и Авраам и раб (срв. Быт.14:2 и 9). После многих трудов, лишений и опасностей, с коими сопряжен был переход чрез Месопотамию (зимой – болота грязные, летом – безводность, а также разбойники), раб приходит в г. Харран. В условной молитве раба к Богу о напоении и «верблюдов» предназначаемою невестою Исаака у Иосифа не говорится, между тем эта не совсем обычная и случайная любезность, по-видимому, представляется «гвоздем» всего события, своего рода *conditio sine qua non* предназначения и обнаружения Исааковой невесты. Не согласно, затем, с Библией, – где раб прямо обращается с просьбой напиться к Ревекке, – у Иосифа выводятся на сцену, с целью лучше оттенить любезность и доброту Ревекки – еще другие девицы, отказывающиеся исполнить просьбу раба, и только уже потом подошедшая Ревекка, не без наивной прелести речи усовещивает своих подруг и с ласковой услугой поит жаждущего. Раб высказывает ей свою признательность в пожеланиях, узнает ее имя и род, тут же щедро одаряет ее (Быт.14:30) и, наконец, напрашивается на ночлег, потому, будто бы, – что нет безопаснее места, где он мог бы положить находящиеся у него женские украшения и разные драгоценности (Быт. – Ревекка сама предлагает рабу ночлег, XXIV, 25). В ответ на это, когда раб обещает даже заплатить за постой, Ревекка добродушно упрекает его за подозрение в скупости и страсти к наживе, и поспешно бежит к Лавану просить позволения ввести гостя в дом (срв. 30 ст.). Не безразлично то, далее, что речь о цели своего прибытия раб говорит (вопреки: Библии, 33 ст.) после, а не перед началом обеда; последнее более «идет» к сознанию рабом важности и первостепенного значения своего предприятия...

Итак, Ревекка становится женой Исаака. Не без удивления читаем мы в истории их брачной жизни – беспокойство Исаака о своей забеременевшей супруге и – молитву к Богу о ней, вместо чего – в Библии находим лишь печаль о ее неплодстве и молитву о разрешении одного. Ошибочно и то, что Иосиф относит эту беременность ко времени «после кончины Авраамовой» (Арх. I, 18, 1)²⁰⁸, как видно из того, что рождение Иакова произошло на 60 году Исаака (Быт.25:26), когда Авраам, следовательно, был еще жив (срв.25:7; 21:5; 25:20 и ранее). Едва ли также согласно, с истиной и характером Исаака, что он не принимал никаких мер предостеречь подросшего Исава, в виду его нежелательных браков с Хананеянками, и молчал, чтобы не досаждал ему внушениями, хотя был против его браков. Уже то обстоятельство, что третьей женой, какова была дочь Измаила – Васеммафа, Исав хотел нарочито угодить родителям, как заявляет и Иосиф (Быт.28:8–9), наводит на мысль, что оба – Исаак и Ревекка не ограничивались лишь поощрительным молчанием, в виду неблагоприятного образа действий своего первенца. Несколько прямых

противоречий Слову Божьему дает история благословения Иакова Исааком. Прежде всего, вместо 2 козленков, которых, по Библии, закалает Ревекка, чтобы приготовить снедь Иакову и воспользоваться кожей животных для своей цели, у Иосифа говорится лишь об одном. Между тем как, по Библии, Ревекка облагает руки и шею Иакова кожей козлят и, кроме того, одевает его в одежду Исава, – сам Иаков, по Флавию, обвертывает себе руки козлячьей кожей. Исаак молится во время обеда, вопреки совершенно естественному и более подходящему поводу, указываемому Библией, после обеда; и самая молитва в передаче Иосифа терпит существенное изменение. Не надлежало указанное место и время молитвы обуславливать противоречие Иосифа в дальнейшем. Едва только оканчивает свою молитву патриарх, как является с ловитвы Исава, а это прибытие, очевидно, не могло быть во время самого обеда, между которым помещается молитва, ибо в таком случае и затея Иакова не могла быть осуществлена. Несогласно с Библией и то, что в момент обнаружения обмана Исаак пребывает в молчании (27:33 – вместо многозначительного «вострепетал весьма великим трепетом» – «ужасеся ужасом» и т.д.), и на требования Исава благословить – отвечает, что все молитвы истощил на Иакова, причем Иосиф не передает трогательных подробностей состояния души Исава.

В истории путешествия Иакова в Харран для взятия себе жены оттуда (ср. Быт.27:42–43 и д.) останавливает на себе внимание прежде всего объяснение того обстоятельства, почему Иаков, находясь близ города, остается ночевать в поле; личная его ненависть к иноземцам (брезгование), по осторожному замечанию Иосифа, заставляла его предпочесть общению с ними поле Вефильское, хотя Talm. Bab. (Berachoth, 27; Synhedrin 55 a, Chulin 58), Midrasch rabah Быт. § 68 и jalkut I § 117 – более резко выставляют эти основания, которых не мог выставить Иосиф пред своими греко-римскими читателями. Много библейской простоты и естественности теряет рассказ Иосифа о встрече Иакова с Рахилью. С пастухами у колодца Иаков встречает несколько юношей и девиц, и желая, чтобы они его напоили, вступает с ними в разговор. Пастухи «представляют» Иакова Рахили, и этот, затем, отрекомендовывается молодой девице несколько не хуже, чем это сделали бы самые элегантные кавалеры нашего времени. Несколько менее выдержанно действует Рахиль. «Ребячески радуясь» прибавлению нового члена общества, она прямо предлагает ему нескромный вопрос: кто он таков и зачем здесь? – тотчас же, впрочем, кокетливо маскируя свою неловкость желанием, чтобы он «объявлением причины своего прибытия доставил им удовольствие». Ответом на это уже влюбившегося Иакова является беседа с Рахилью о родстве, в заключение которой со слезами обнимает Иакова, и сама ведет его к Лавану, вопреки Библии, где Иаков, прослезившись, целует Рахиль, объявляя свое родство, а Рахиль бежит, затем, и объявляет все это отцу. Узнав о причинах прихода Иакова, Лаван соглашается на брак, хотя заявляет, что ему не весьма-то нравится и даже жалко отпустить «дочь» свою в Хананею. Таков соглашается в свою очередь 7 лет прослужить родственнику, чтобы показать опыт своей добродетели и лучше дать распознать свои качества. Но по

истечении положенного времени, Лаван велит после брачного пира возлечь на ложе Иакова – Лии, с которой тот и проводит ночь, обманутый вином и ночной темнотой. В объяснение причин, побудивших Рахиль взять идолов своего отца при бегстве из его дому, Иосиф говорит, что она именно надеялась чрез оных испросить прощение раздраженного родителя, в случае, если они будут им настигнуты в пути, но сделала это отнюдь не по идолопоклонническим наклонностям, будучи научена Иаковом, что таким богам не должно воздавать почтения. Лаван узнает о побеге на другой (Библ. «на третий») день, и, настигнув в погоне беглецов, упрекает Иакова, который оправдывается любовью к отечеству, вложенной во всех Богом, а жен своих оправдывает столь естественной и еще более могучей любовью к мужу и детям. Станным, при этом, остается, что Рахиль, как вынуждает ход предшествующего, не умилоствует разгневанного родителя украденными идолами, и подозрение наше на счет идолопоклоннических наклонностей Рахили в этом поступке даже усиливается усвоением Лавану соображений, что его дочь «в состоянии свойственных женскому полу нечистот», действительно, к идолам бы не прикоснулась.

Встреча с Исавом дает повод Иосифу охарактеризовать Иакова, как искусного тонкого дипломата, умеющего свое малодушие и неискренность прикрывать хитростью. Послы, отправляемые на встречу Исава с дарами, редкими по цене, намеренно расставляются на огромное расстояние, чтобы внушить мысль о бóльшем могуществе Иакова, и научаются произносить заискивающие, радующие Исава речи. Трогательных подробностей самой «встречи» братьев Иосиф не сохранил. В особенности, в его рассказе странно как-то читать, что приготовившийся к сражению Иаков приказал своим женам со служанками и детьми идти особливо и издали смотреть на сражение мужей. Нельзя не отметить также далеко неслучайное – извращение в знаменательном происшествии в ту ночь с Иаковом. Необычайность Привидения, являвшегося ему с вызовом на борьбу, дает Иосифу смелость говорить лишь о преодолении Иаковом «Ангела Божьего», и, сообразно с этим, но вопреки истине, самое имя «Израиль» толковать как «Ангела Божьего преодолевший» (θεῖον ἄγγελον νενικηκέναι).²⁰⁹

Передавая печальное происшествие²¹⁰ с Диной, Иосиф не считает нужным упомянуть об обрезании Сихемитян, не останавливаясь пред выдумыванием менее важных подробностей, что Симеон и Левий нападают на врагов «ночью» и благодаря их «опьянению» (Библ.34:25). Нет возможности проверить немаловажное правдоподобное сообщение Иосифа, что Ребекку возвратившийся Иаков не застал в живых (Биб.35:28 – «еще живу сущу отцу»).²¹¹

Вторая книга Археологии Иосифа Флавия, после краткого предисловия, переносит читателя в многочисленную патриархально-простую по быту семью престарелого Иакова, в ее законченном развитии. Дети его способны к рукоделию и всякого рода трудам и одарены преострыми разумом. Отмечается особенная любовь Иакова к первенцу Рахилиному – Иосифу за необычайную красоту тела и отменные дарования души (благоразумие) – Библ. «яко сын в

старости ему бе» (37:3). Сверх нашего ожидания под впечатлением Библии, эта любовь настолько последовательна, что Иаков не только не журит сновидца (Библ. «и побранил его отец его»...) за нескромное бравирование тенденциозным сном пред родителями и братьями, но даже «радуется» второму сну Иосифа и знаменательно толкует его, не подозревая, по-видимому, и ненависти братьев.²¹² В истории продажи Иосифа обращают на себя внимание подробный увещания Рувима к братьям, сговаривавшимся покончить с Иосифом. Когда братья неохотно внимают его увещаниям Рувим, по крайней мере, советует бросить отрока в ров, а не налагать рук, и сам спускает туда по веревке Иосифа, намереваясь освободить его оттуда при наступлении удобного случая. Подойдя ко рву с этим намерением и не найдя там заключенного, Рувим плачет, но, узнав судьбу, постигшую Иосифа, успокаивается и он. В дальнейшей судьбе Иосифа характерно упоминание, что Пентефрий учит его свободным наукам. Не без особенного любопытства читается, затем, описание происшествия, героиней которого была жена Пентефрия. Флавий значительно облегчает допущение возможности ее необычайно опасного для Иосифа замысла упоминанием, что это было в день праздника, когда все отлучились на праздничные торжества и только распаленная страстью жена Пентефрия предпочитает всему столь удобный случай, притворившись больной и надеясь наедине с Иосифом удобнее склонить его на преступную связь с нею.²¹³ На тему: «лязи со мною!» – Флавий предлагает целую главу в духе нехудшего из современных романов и, в высшей степени, увлекает читателя непоколебимо-здравыми и благородно-прямыми убеждениями целомудренного Иосифа. Нельзя отрицать подлой естественности влагаемых Флавием в уста этой женщины сладострастных речей, коими она умоляет Иосифа, при столь сильных доводах и убеждениях, то угрозами, то опять ласками и даже слезами – столь всемогущими женскими слезами! Между тем, как в этих ее покушениях на столп целомудрия раскрывается целая психология отверженной любви, – психология, до какой едва изощрился бы лучший из современных романов подобного сюжета, Иосиф неподражаемо-прекрасно пытается охладить пыл своей неотразимой обольстительницы, отвечая на ее навязчивость возбуждением благоговения к святости брака, нравам супружества, и угрожая, в свою очередь, мучениями совести, разочарования и страха пред возможностью огласки, если бы распаленная уединением ее безумная страсть была удовлетворена. В этих и подобных сопротивлениях особенно величаво выступает возвышенный нравственный образ юного пленника страстной вакханки, насилию которой – при столь располагавших удобствах – с таким достоинством он нашел сил объявить, что «власть свою над ним она больше будет иметь, сохранив свою непорочность, нежели в обратном случае» и что «похвальнее полагаться на явную справедливость, нежели на тайное беззаконие». Когда, наконец, Иосиф наносит поражение в последнем решительном усилии сломить его благородное упорство, обольстительница громко кричит, боясь, что он все равно сам выдаст теперь её – «и печалюсь о своем бесчестии и мстя вместе». Благородство Иосифа выдерживается им до последнего удивительного конца.

Он не оправдывается пред сбежавшими на крики госпожи людьми и молчаливо отдается в их руки, поручая все Богу... Надзиратель тюрьмы, куда, затем, попадает невинная жертва целомудрия, скоро полюбил юного узника за его прилежание, верность и красоту, снял оковы и улучшил его содержание. По удачном истолковании сна хлебодара, которому предрек он повешение «на кресте», и виночерпия, Иосиф скоро находит случай услужить подобным же образом самому Фараону, забывшему однажды толкование²¹⁴ виденных им снов, и таким путем обеспечивает себе блестящее будущее – звание «домоправителя Фараонова», поставленного «над всей землей Египетской».

В качестве причин, обуславливавших наступивший вскоре после этого голод, Флавий приводит то, что «не разливался Нил» и не было дождя. Нельзя, впрочем, не видеть, что не разлитие Нила само по себе было не столько обуславливавшей причиной, сколько обстоятельством, сопровождавшим голод, и, во всяком случае, одно это – недостаточное и неприменимое объяснение для голода в Ханаане, голода столь продолжительного, мыслимого лишь при целом ряде разнородных причин. Деятельность Иосифа на пользу Египта в тяжкие голодные годы и его мудрая предусмотрительность и распорядительность в деле облегчения бедствия скоро достигают слуха его родной семьи, не подозревавшей необычайной метаморфозы своего члена, виной которой оказались сами братья с их крайней ненавистью к Иосифу. Оказавшись лицом к лицу с пришедшими к нему за хлебом братьями, Иосиф тотчас узнает их, (как объясняет согласно с Флавием Талмуд)²¹⁵ потому, что он оставил их теми же бородатыми мужчинами; те же не узнают его, потому что в последний раз видели его еще безбородым юношей, каковым он теперь уже не был, и, притом, предстоял им теперь в столь необычайном величестве. Прежде, чем открыто объявить о себе, Иосиф интересуется выведать от братьев их теперешнее настроение, желая вместе и подготовить их более к принятию необычайной перемены; посему на время сдерживает стремительные порывы братской любви и притворно заподозривает братьев в шпионстве. «Не может быть, – возражает он, между прочим, на заявление их, что они – братья, – не может быть, чтобы простого состояния человек столько воспитал детей и столько лицом приятных, когда и цари редко могут похвалиться таким счастьем!»... Вызов достигает цели: Рувим подробно распространяется Иосифу о доме, удовлетворяя (искусно замаскированное ловким маневром) нетерпеливое желание Иосифа и рассеивая его подозрения... Возвратившись домой и чрез некоторое время вынуждаемые предпринять вторичное путешествие в Египет, братья ведут продолжительную борьбу с отцом, упорно отказывавшимся пустить с ними Вениамина, которого их обязал представить Иосиф. Иуда держит подробную речь, истощаясь в доводах о необходимости отправиться Вениамину. Такого рода доводы группируются в следующих 5 пунктах: 1) без Божьей воли ничего не состоится и определенному свыше человек не в силах противиться; 2) несчастья могут постигнуть Вениамина и дома; 3) необходимость вынуждает отправиться за хлебом, чтобы не умереть с голода, между тем отправление Вениамина *conditio sine qua non* этого предприятия; 4) несправедливо для

отеческой любви жертвовать ради одного сына другим, когда есть все надежды сохранить обоих (Симеон был оставлен заложником); наконец, 5) Иуда ручается собою за целостность и благополучие Вениамина и добивается согласия отца на временную разлуку с любимым сыном. Предчувствия Иакова отчасти оправдались тяжелым происшествием с Вениамином в Египте. Желая испытать братьев, будут ли они помогать Вениамину, если бы попытаться удержать его за обвинение в тяжком поступке, или оставят его, отказавшись от всякого в нем участия, Иосиф велит незаметно вложить чашу в мешок Вениамина. Испытание²¹⁶ дало блестящие и на этот раз выгодные для братьев результаты. Когда обыск, встреченный ими с неудовольствием и преждевременным торжеством, навлек на Вениамина тяжкое подозрение и страшную ответственность (воровство), братья как один человек встают на защиту обвиняемого, и не смея прямо отрицать способность его на подобные поступки, в виду искусно подделанных улик, стараются (в весьма пространной речи Иуды) «выговорить все могущее утолить гнев на них» и, в то же время, проникаясь горячей любовью и жалостью к отцу, смирением, раскаянием и самоотвержением, единодушно обнаруживают готовность отдать свою жизнь ради Вениамина. Трогательность картины усиляется, при этом, у Флавия сообщением, что все братья после этой речи (Быт.44:14) «в слезах» падают Иосифу в ноги. Пространный ответ последнего подробно раскрывает перед нами кроткую, всепрощающую, возвышенную душу Иосифа, для которого теперь не оставалось никакого сомнения в том, что потрясение, причиненное ими отцу, достаточно облагородило их и научило быть достойными сынами Израиля... Весть об обретении в живых – навсегда, казалось, потерянного сына достигает Иакова и действует на него различно, по Библии и у Флавия. В то время, как в первом случае Иаков естественно едва верит счастью Иосифа, борясь между сомнением и надеждою, у Флавия Иаков «ничего из объявленного ему не почел достойным сомнения, рассуждая, как о Божественном всемогуществе, так и о Его к себе милости». При всем том, вполне естественна боязнь, овладевающая Иаковом при отходе в Египет, чтобы не потерпеть наказания, оказавшись в данном случае противником Божественной воли, в виду возможности, что ради плодоносия Египта дети его останутся там навсегда, – а также боязнь умереть прежде свидания с любимым сыном. Тревожимый всеми этими размышлениями, Иаков погружается в сон, после жертвы у кладезя клятвенного²¹⁷, причем двукратное видение ночью, сопровождавшееся весьма величественной и трогательной речью Бога, укрепляет его решимость – отправиться на свидание с сыном, что он, затем, и делает в сопровождении всего своего рода, возросшего до 70 человек, имена коих Флавий считает нужным привести «для уличения тех, кто думает, что мы не из Месопотамии, а из Египта именем происхождение». Свидание с Иосифом отличалось такою трогательностью, что Иаков, по выражению Флавия, «едва не испустил дух». Представленное царю, семейство Иакова приобретает тотчас же благоволение в очах могущественного повелителя Египта. Царь спрашивает, между прочим, Иосифа (Библ. «братьев»), какой род жизни им более угоден, и когда Иосиф

высказывается за скотоводство, из опасения, что распределенные по разным званиям братья оставят без присмотра своего престарелого родителя, а также – соперничая с Египтянами в одинаковых промыслах, менее будут у них в терпимости и любви, – царь позволяет Иосифу поселиться в Илиополе (земля Гесем), где пасли стада и пастухи царские. Таким образом, Промысл Божий указал новое место для развития носителя идеи Обетованного Искупителя. Действие великой Божественной драмы переносится в страну древнего Египта, страну чудес, великих открытий и замечательных научных сведений.

§ 10. «Ходатай» Завета Ветхого (Моисей)

Арх. II, 9–IV; кн. Исход, Левит, Числа, Второзаконие

Внимание читателей Иосифа обращается на политически и исторически важнейшего мужа, каковым, по справедливости, могли славиться Иудеи. Это был – Моисей. Уже в предисловии своей Археологии Иосиф выставлял главным своим намерением обнародование плодов мудрости этого великого Иудейского законодателя для всеобщего сведения. Самое то, что предшествует повествованию о величайшем вожде Израиля (творение мира и пр.), с точки зрения Иосифа должно служить преимущественно тому, чтобы показать глубокие основания на уважение к имени законодателя, давшего историю Еврейского народа, столь доступную по своей древности для всякого рода вымыслов, без всяких мифологических примесей (πρόσης καθάρων τὸν περὶ αὐτοῦ φιλάξας λόγον τῆς παρ' ἄλλοις ἀσχήμονος μυθολογίας (проοίμ. 3)). К несчастью, то, чем великий Бытописатель по справедливости мог гордиться, не было свойством и достоинством Его биографов. Ни одна Библейская личность не загромождена столь безобразной грудой всевозможных басен, как личность Моисея.²¹⁸ Ясный тому образец – биография Иосифова. Вот что повествует она нам: Египтяне, представляя из себя народ изнеженный и нерадивый, преданный страстям, а особливо корыстолюбию, недолго были радушными гостеприимцами поселившихся среди них Евреев. Быстрое размножение последних и обогащение скоро заставляет их завидовать Израилю и даже подозревать в возрастании их могущества грядущую гибель Египтян, особенно в виду более чем тугой ассимиляции, какой, сверх чаяния Египтян, едва поддавался этот пришлый элемент. К большему усилению этого ревнивого настроения и подозрения, всеокрушающая сила времени изглаживает память Иосифа, тем более, когда и царство перешло в другой род²¹⁹, признательность которого к Иосифу не находила никакой почвы. В результате всего этого является систематическое изнурение Израильтян непосильной работой, из видов коей Иосиф упоминает – отведение рек во многие каналы, вероятно, для орошения безводных местностей и для лучшего урегулирования благодетельных для Египта Нильских разливов, – обнесение стенами городов, обведение их валами для удержания разрушительных стремлений воды во время наводнений, строение пирамид²²⁰ и тому подобные «понуждения – учиться разным художествам и к понесению трудов вырабатывать привычку». Так было 400 лет. С обеих сторон до крайностей обострилось стремление превзойти ревностью: Египтяне старались чрезмерными работами изморить Израильтян; эти же последние – успешными выполнениями всех их затей истощили в конце концов всякую изобретательность своих поработителей. Одно знаменательное обстоятельство подготовило крутой и на этот раз решительный кризис в судьбах Израиля. Некоторый священно-книжник прорицатель предсказывает рождение знаменитого и славного Еврея – отрока, который унизит Египтян и возвысит Израильтян. Это окончательно дискредитировало Евреев в глазах

Египтян и обрекло – было их на верную гибель. Встревоженный Царь издает повеление бросать мальчиков в реку, и в случае непослушания истреблять весь род. На обязанности египетских повивальных бабок возложено было строго наблюдать о приближении времени родов евреек и, непременно присутствуя при каждом процессе рождения, способствовать властям приводить в исполнение бесчеловечные повеления, под страхом тяжкой ответственности за ослушание и нерадение. При таких-то тяжелых обстоятельствах Амрам (Αμράμης), муж между иудеями знаменитый, и Иохаведа, жена его (Ιωαχεβέλη), – готовятся стать отцом и матерью великого Моисея. Естественно и весьма понятно великое беспокойство Амрама о своем племени и о беременной жене, и горячая молитва к Богу о помощи и милосердии. Ответом на эту мольбу является видение во сне, убеждавшее – не отчаиваться, напоминавшее о благодеяниях Аврааму, его размножении, Промысле над Иаковом и Иосифом, и, наконец, предвещавшее, что отрок, рождения которого Египтяне боятся, родится именно от него, будет укрыт и чудесно воспитан, освободит Евреев и облечет брата священством для всего племени. Проснувшись, Амрам все это сообщает Иохаведе, и недавняя тревога четы сменяется смущением от полноты счастья и боязнью лишиться оно. Легкие роды матери Моисея и необычайная красота новорожденного поддерживают высокие надежды, хотя не совсем освобождают от опасений. Чтобы не выдать как-либо столь важной тайны и не подвергнуть опасности мальчика, убив которого царь мог сделать тщетными Божественные обещания, Амрам решается лучше препоручить его спасение в волю Божью, веруя, что Бог всеми способами будет промышлять о безопасности любезного Ему младенца и осуществит на нем истину Своих слов. С этой надеждой Моисей полагается в осмолённый «бумажный ковчежец» (на подобие люльки), в котором он, пущенный **по реке**, и **плыл**, между тем как Мариам²²¹ шла за ним и следила по другой стороне берега (по Библии, корзинка найдена среди тростника). Сообразно с этой особенностью изменяются обстоятельства обретения Моисея. Дочь Фараона, которой Иосиф дает и имя – Θερμουθίς²²², прохаживаясь по берегу реки, видит плывущий ковчежец²²³ и велит умеющим плавать²²⁴ принести ей. Младенец оказался великого роста и необычайной красоты, и миловидности, заставляющей удивляться Фермуфу. Это удивление еще более возрастает, когда Фермуефа велит покормить младенца грудью, и он упорно и с очевидностью для всех отвращался от грудей египтянок. На выручку является (как бы по случаю подросшая к месту происшествия) Мариам, высказывающая в виде стороннего, но уверенного предположения, что мальчик будет сосать только от какой-нибудь из жен еврейских, от одной из которых он – несомненно – и родился, и в качестве, пробы приводить мать, на воспитание которой, по решению царевны, и отдается, затем, Моисей, усыновленный неплодной Фермуфой (за неимением собственных детей). Трех лет от роду мальчик был уже удивительного роста и необычайно красив. Когда его несли на руках, то встречные, бросая даже важные дела, наслаждались его лицезрением и с большим трудом от него отрывались. Приведенный, по окончании грудного возраста, к Фермуфе, Моисей рекомендуется ею с нежно-

материнским самодовольством отцу в преемники и дается на руки к царю. Этот, лаская, полагает на него корону; но Моисей сбросил и топтал ее. Случившейся тут священнокнижник тотчас указал на Моисея, как будущего разрушителя Египта и требовал не медленно убить его, но Фермуфа отняла младенца, да и сам царь (по Божьему внушению) не благоволил этому требованию. Египтяне, однако, весьма беспокоились загадочным отроком. Евреи надеялись.

Такова история рождения и воспитания Моисея. Всякий видит, как сильно Библейский элемент затушевывается здесь примесями сказочного, гиперболического. В интересах нашей задачи весьма важно показать теперь, каким источникам мог быть обязан в данном случае Иосиф, выступающий везде, как переводчик и толкователь еврейских сочинений, а не фантазер только и выдумщик фельетонных басен по вкусу публики; – а также – в какой связи стояли эти предания вообще с воззрениями иудейства. Чтобы лучше выяснить то и другое, Ranke²²⁵ сопоставляет в своей истории сведения Иосифа о Моисее с повествованием другого иудейского писателя и известнейшего современника Иосифова – Филона: περὶ βίου Μωϋσέως ὁτὲρ ἐστὶν περὶ θεολογίας καὶ προφητείας (Opp. ed. Mangey, II, 80 и д.) и другими иудейскими преданиями. Мы воспользуемся результатами этого сопоставления, дополнив оное другими данными для суждения о материале Иосифа в настоящем случае и для уяснения связи его с последующими преданиями о Моисее.

Оба указанных автора развивают Библейское повествование в близком согласии между собой, когда, кроме создания городов, к чему, по Св. Писанию, обязывались Израильтяне, им усвояется также проведение каналов.²²⁶ В остальном, значительно отступая друг от друга, Иосиф и Филон, однако же, не раз сближаются между собой и дают не мало общих точек соприкосновения, уясняющих область литературных произведений, в которой вращались эти авторы. Как мало исторически данного в сущности эта область давала по сравнению с Библейским повествованием (Исх.1:1–14; 2:23–25 (где за время 430 лет только упоминаются 3 обстоятельства – «восстал новый царь... не знавший Иосифа... угнетавший Израильтян"...) можно судить потому, что больше этого не мог сказать ничего особенного и Иосиф, кроме того, что под новым царем (1:8) подразумевал (вместе с Rab'ом (Sôta, 11a)) новую династию (2:9), что, впрочем, по 1 S. 517 ff. и самой египетской историей не подтверждается, да и сам Иосиф после в книгах κατὰ Ἀπὼνος заставляет отвергать это.²²⁷ Толчок к нечестивому распоряжению об убийстве еврейских мальчиков Иосиф полагает в пророчестве некоего египетского ἱεροῦραμатеύς'α о том, что из среды Израильтян явится в мир мальчик, имеющий поколебать могущество Египтян и возвысить Еврейское.²²⁸ Параллель этому находим в Synhedrin 101 b; Sôta 12 a, Исх. г. с. 1, Jalk. I, 164; но в Schemoth Rabba, содержащей гагады к кн. Исход, это передается еще подробнее. Иосиф не сообщает, на чем собственно основывалось роковое пророчество. В упомянутом источнике это узнаем из усвоения астрологам следующей речи Фараону: по звездам они определили, что в это время

должен придти в мир Освободитель Евреев, и что имеющая родить его мать уже чревоносит его; они не могли, впрочем, узнать, из Евреев он будет, или от Египтян, – почему и царь издает решение убивать всех новорожденных мальчиков, не только Еврейских, но и Египетских. Последних, впрочем, отстояли Египтяне, ссылаясь на невозможность, несообразность того, чтобы когда-либо Египетские родители дали талого мальчика (защитника и избавителя Евреев). Предание повторяется часто в этих или подобных формах: один из древнейших авторитетов Rabbi Josua ben Chananja (младший современник Иосифа, 2 полов. I стол.) связывает его с повествованием Талмуда.²²⁹ Среди Иудеев оно пользуется большим уважением. Кроме звезд, предание нередко прибегает к сонным видениям для обоснования пророчества: на них именно ссылаются Таргумы псевдо-Ионафана, Хроника Моисея (у Benedetti) и по ней Sepher hajjaschar (XII л.) и Jalkut Simeon Haddarschan'a (I пол. XIII ст.), затем – Schalscheleth Hakkaballa Gedalia (конц. XV ст.), и др.²³⁰ – В этих преданиях о намерении Фараона избивать всех даже Египетских новорожденных – ни слова.²³¹ Мысль о предвозвещении родителей Моисея в виду его рождения дает Mechilta, древнейший галахо-гагадический комментарий к кн. Исход (ed. Weiss, p. 52), а о безболезненности этого рождения – кроме Babyl. Exegese в Sôta, 12 а – повторяет и мусульманское предание, говоря о свободе Иохаведы во все течение беременности от всяких тягостей, коим обычно подвержены беременные женщины. Этой безболезненностью рождения у Иосифа объясняется и тайна оно́го (διὰ τὸ μὴ βίαίᾳς αὐτῇ προσπεσεῖν τὰς ἀλγυδόνας).²³² В дополнение Иосифа, Филон, затем, сообщает, что фараон только и имел одну дочь, которая по причине своего неплодства²³³ – очень скорбела в виду опасности, что царство перейдет к врагам. Вот почему, увидев на берегу реки миловидного подкидыша, царевна проникается к нему любовью, как к собственному сыну.²³⁴ Как в первотексте, и у Иосифа, так и у Филона – дитя возвращается к сосцам собственной матери; однако, выводится это из того собственно, что не было бы полезно тотчас же вводить дитя в царский город. Имя дочери фараона Филон не знает, равно как нет у него ничего о плывущей корзинке и отказе дитяти принимать чужую грудь. За то это находим в качестве экзегетического толкования на (Исх.2:7) в соответствующем месте Талмуда. Приведя предложение сестры Моисея привести ему кормилицу из Евреек и отвечая на недоумение, почему именно от Евреек прямо?, – Талмуд поясняет это, с одной стороны, как выше, отказом Моисея принимать грудь Египтянок (многих)²³⁵; с другой – этот отказ мотивируется тем, что уста, предназначенные говорить с Богом, не должны были принимать нечистой пищи.²³⁶ Сообщение Иосифа о высоком умственном развитии и необыкновенной красоте 3-летнего Моисея имеет Midrasch в Jalkut, I, 166, и почти в тех же самых выражениях Tanchuma на (Исх.2:7). «Моисей, – говорится в Midrasch Schemoth Rabba, – был так красив, что всякий хотел его видеть, и, кто встречался ему, не мог с ним рассаться».²³⁷ Точно также – о повержении Моисеем короны имеет Tanchuma (Talmud, тракт, Sôta – 57 с. § 7. Plaut, с. 12 а. 4.); сообщение этого последнего источника почти без всякого

изменения или с самыми незначительными вариациями вошло в позднейшие иудейские и мусульманские сказания.²³⁸

Очевидно, таким образом, большинство рассмотренных особенностей Иосифа должно быть отнесено к разряду вообще экзегетических наслоений, бывших ходячими в его время, и получавших после такое или иное закрепление в письмени. Значительная связь с Филоном помогает, при этом, отличить в Иосифе прилаживаемые к основе первотекста 2 самостоятельных предания, из которых одно может быть трактуемо, как Александрийское, другое – как Палестинское, выразившиеся каждое в особенных прибавлениях. Иосиф, как Палестинец, более баснословен; Иосиф, как Филонист, более близок к тексту. Особенная характерная черта Иосифова повествования в отличие от Филона и первотекста – это своеобразная политическая комбинация, рассматривающая личность и деятельность Моисея с точки зрения предопределения его к ниспровержению могущества и господства Египта над Евреями.

Та же благочестивая фантазия, которая не хотела ограничиваться краткими и негромкими сообщениями Библии о рождении и воспитании великого вождя Израиля, не мирилась также с сухой сжатостью свящ. повествования об обстоятельствах жизни законодателя до призвания Богом к великому его служению. Сюжетом саги, старавшейся восполнить пробелы свящ. текста в данном случае, является само по себе невероятное событие – война Моисея с Эфиопами, промышлявшими разбоем и грабежами на окраинах Египта. Отправленное на них войско Египетское терпит поражение, и враги, опустошая страну, дошли до Мемфиса и приблизились к морю. Тогда Египтяне прибегают к гаданиям; Бог указал призвать на помощь «Еврея», для чего царь вытребовал Моисея, скрывавшегося от своих врагов, и его именно решил сделать военачальником, на что тот и согласился, после того как царевна обеспечила безопасность его присягой и поукорила жрецов, желавших его гибели. Впрочем, отправляя Моисея на столь опасное, хотя и славное, воинское предприятие, Египтяне напутствуют его в поход не столько желанием избавления от Эфиопов, сколько надеждой, что он неизбежно должен пасть в битве, и тем самым положить конец их тревогам, какие поселял Моисей издавна в сердцах всех. Другой надеждой жили, между тем, Евреи. Они хотели верить, что Моисей именно победит, и освободит их потом от владычества Египтян. С такими-то напутствиями – злорадства и благопожеланий, храбрый вождь ведет навстречу врагу порученное ему Египетское войско. Ловкая проницательность и находчивость весьма облегчают Моисею действительные опасности предприятия. Область, чрез которую Моисей должен был проходить со своим войском, изобиловала множеством ядовитых гадов и опасных птиц, от которых Моисей отчасти очистил себе путь посредством ибисов²³⁹, взятых в бумажных коробках, отчасти обошел с войском более опасные места берегом, не углубляясь во внутренние области. Благодаря такой находчивости и проворству, ему удалось напасть на Эфиопов совершенно врасплох. Моисей опустошает, затем, страну их и осаждает самую столицу – Саву, которая, будучи окружена Нилом и

реками Астап и Астоворра, уже поэтому представляла из себя неприступную крепость, а кроме того обнесена была и крепкими стенами. Во время осады этой крепости, Моисей своим мужеством и красотой производит столь сильное впечатление на Фарвису, дочь Эфиопского царя, что она предлагает герою руку, после чего естественно следует и сдача города. Моисей возвращается с молодой супругой в Египет, где, однако, вместо радости об избавлении от врагов, его встречает лишь злоба не только Египтян, но и самого царя. Движимые ненавистью к юному столь счастливому герою, и опасениями, что он на высоте такой славы умыслить что-либо ко вреду их, они еще настойчивее прежнего возвышают голос за его убийство, и сам царь, наущенный жрецами, начинает желать этого. Спасая себя, Моисей вынуждается бежать тайно, а пройдя чрез пустыню непроходимую (так как дороги стерегли) и голодную, нашел себе убежище в Маданском городе на берегу Черного моря, – названном по одному из сынов Авраама-Хеттуриных – Мадан. На этом событии сага сливается с Библейским повествованием и кончает свою оригинальность, давая нам повод остановиться на ее обсуждении.

Ясно, прежде всего, что сага эта имеет весьма мало непосредственной связи с вышеприведенными. Талмуд и древнейшие Midraschim не знают ничего об этом военном подвиге Моисея, или имеют противоположное²⁴⁰ – поход Моисея в качестве вождя Эфиопов на Египет. Сирийский Scholion на Исход передает подобное повествование, но представляет в нем фараонов не в согласии с показаниями Иосифа в сочинении κατὰ Ἀπὸνως; позднейшее раввинское предание привязывает нечто подобное к словам (Числ.12:1), где говорится об Эфиоплянке, жене Моисея. Древнейшие толкователи разумели под этой Эфиоплянкой Сепфору. Иначе обстоит дело в Таргумах псевдо-Ионафана, где цитированный текст Библии парафразируется так: «Мариам и Аарон произнесли против Моисея худое слово, ради эфиопской жены, которую Эфиопы дали Моисею в жены, когда он пред Фараоном обратил их в бегство». Более подробное повествование об этом находим в трактате Haggaschar, Jalkut Simeon. Haddarschan и в сочинении de vita et morte Mosis (изд. Fabricius, p. 11 ff). В общем все-таки сага, несомненно, не чужда отпечатков древности и носит обычные черты древних героических саг, герой которых совершенно безупречен и многославен. При этом, Иосиф не первый из приводящих ее в таком виде. Весьма похожее изображение геройских подвигов Моисея читается в фрагментах Артапана²⁴¹, который приводится также известным церковным писателем (Евсевий), и время жизни которого относится ко II стол. (до Р. Х.), ибо у Александра Полигистора, жившего в I пол. I стол. до нашей эры фрагменты Артапана уже цитируются.²⁴² Таким образом, уже задолго до Иосифа древние повествования (как кажется, – возросшие на почве Египта), знали Моисея, как героя войны, причем, в позднейших сагах, вращавшихся в области отношений между иудеями и египетскими туземцами, как они выступали при Птолемеях, и материя саг приняла полу-египетскую окраску. Главные моменты сообщаемого Артапаном геройского дела Моисеева, (тенденцизировавшего, быть может, просто превосходство тогдашнего Египта

над Эфиопией в гражданственности), в их отношении к Иосифу – таковы: Моисей, как и у Иосифа, выставляется против Эфиопов также – в намерении вернее его погубить; затем, как здесь, так и там инициатива войны усваивается Эфиопам, учинившим нападение на Египет. Моисей побеждает, конечно, Эфиопов и теснит их настолько, что они принимают от него даже обрезание. Этим-то именно он возбуждает зависть приближенных фараона и, рискуя жизнью, утекает в Madian. Побочные обстоятельства, концентрирующиеся около этого главного, в рассматриваемом источнике более самобытны и отличны от Иосифа. Прежде всего, царевна-мать Моисея у Артапана носит, как выше упомянуто, другое имя – Merris. Война по Артапану ведется в течение довольно продолжительного времени – 10 лет, и повесть об ибисах является в связи с другим весьма чудесным повествованием об аписе. У Артапана является, кроме того, в мифической форме и самый главный момент истории Моисея – призвание к освобождению Израиля. Madianit'ский царь отдает свою дочь за Моисея и хочет начать войну с Египтом в намерении доставить господство над ним своему зятю. Моисей сначала сопротивляется, но потом, после особого чудесного явления, сам возбуждается к этому предприятию в намерении освободить Израиля. Явление Моисея к Фараону обставляется сопровождавшими его miraкулезными событиями: темница, где был заключен Аарон отворяется сама собой; то же самое происходит с воротами дворца, когда к ним подходит Моисей; – когда, затем, этот прошептал на ухо Фараону Имя Божье, царь повергается на землю, не в силах будучи выговорить слова; священник, дерзнувший записать это Имя Божье, поражается судорогой, и т.п. Иосиф, который уже имел в данном случае более достоверный и достаточно подробный источник в Слове Божьем, не пользуется последнего рода дополнениями, не совсем согласными с прежде от него приведенными. Во всяком случае, как можно видеть из предыдущего, богатый материал Моисеевских саг, вращавшихся в сфере народных преданий, усвоенных также позднейшим иудейством и зародившимся исламом, так или иначе находим лежащим у Иосифа в основных своих чертах, более или менее независимых от свящ. текста. Нет недостатка и в прямых противоречиях свящ. источнику. Так, при побеге Моисея в Мадиян, Иосиф молчит об убийстве, Египтянина, чему дает повод и место по Исходе. Вместо этого события поводом к побегу выставляется зависть и недоброжелательство к юному победителю врагов Египта. В описании встречи и столкновения Моисея у городского колодца с пастухами и пастушками, дочерьми Рагуила (Иофор), Иосиф допускает немаловажную ошибку по сравнению с первотекстом: дочери Иофоровы, похвальные отцом за чувствительность, просят наградить Моисея, между тем как по Библии – отец укоряет дочерей за непризнательность к рыцарскому подвигу Моисея и предлагает отблагодарить чужестранца, дав ему приют у себя в качестве гостя.

Обстоятельства призвания Моисея и первые моменты его деятельности, для освобождения угнетенного Израиля, в общем сравнительно менее далеки от первоисточной чистоты Библейского повествования, хотя в частности поражает взор та же странная смесь истины с искажением и грубыми

украшениями ее. Однажды Моисей – так повествует Иосиф – угнал стада к Синаю (Библ. Хорив), самой высокой горе страны, удобной для скота по обилию и нетронутости травы, ибо пастухи не смели ходить сюда со стадами – по поверию, что Сам Бог обитает на этой горе.²⁴³ Огонь на увиденной им здесь горящей «ежевике», не вредил ни мало «зелени» и «цветов», и не палил «ветвей с плодами», хотя и весьма пылал.²⁴⁴ Этот же огонь, испуская глас, называет Моисея по имени и укоряет его за неприличие в свящ. месте (обувь). Следует, затем, обстоятельная речь Бога к Моисею и такой же ответ последнего. Артапан допускает огню возникать непосредственно из земли, и когда Моисей в испуге предпринимает попытку бежать, из земли же раздается Божественный голос, повелевающий осуществить на деле задуманное предприятие против Египтян и выведет народа, по освобождении, в его древнюю отчизну. Моисей Иосифа не только не отступает назад, но даже укоряется за то, что подвергает себя близкой опасности; голос, который он слышит, ободряет его на освобождение своего народа из Египта. Вообще, значительно отдаляясь от рассказа Артапана, Иосиф носит черты самобытности и близости к свящ. тексту, обнаруживая по местам обычное нерадение к точной передаче последнего. Так, глубокознаменательное повествование первоисточника о том, что Моисей – чтобы знать и поведать, в чье поручение он имеет говорить с народом, дерзновенно ходатайствует об открытии Его Имени, – у Иосифа теряет свою важность. Правда, Моисей молится после об открытии Божьего Имени, «которое не было прежде людям открыто» и которое Иосиф уклоняется повторять, ибо это ему не поручено (ὁ θεὸς αὐτῷ σημαίνει τὴν ἑαυτοῦ προσήγορίαν... περὶ ἧς οὐ μοὶ θέμις εἰπεῖν, II, 12, 4); но этого просит он из простой любознательности, хотя не греховой, и с благородными побуждениями – чтобы «знать, как он должен призывать Его при жертве». В Jalkut (I, 171, 208; срв. Tanchuma, p. 7b) данная мысль еще яснее изображается так: – Моисей говорит Богу: «Господи мира! даруй мне – познать Твое высокое и священное Имя, чтобы я мог призывать Тебя по этому Имени и быть от Тебя услышанным!»... Одним из важных результатов явления купины Иосиф полагает, затем, то, что Моисей с этой поры не имел никакого сомнения о Божественных чудесах и шел с твердой верой в успех своей высокой миссии.

«Старейшины» встречают Моисея, известившись о его прибытии; – по Библии – только «Аарон», и затем уже они собирают старейшин. Сначала последние не верят Моисею (Библ.: относится это к «сынам Израилевым» Исх.6:9; срв. 4:30–31), пока не видели чудес. В числе оснований, которыми Моисей старается, затем, мотивировать законность своих требований к (недавно вошедшему на престол) царю, прежде всего выставляется заслуга Моисея в деле с Эфиопами, и только уже потом Моисей опирается на явление Бога при Синае и порученный ему дар чудотворений. Царь сначала смеется, а потом, – когда Моисей старается убедить его чудесами, – и гневается, называл Моисея нечестивым, беглецом из-под неволи Египтян, который теперь возмущает и народ своею хитростью и чародейством. Когда, таким образом, миссия Моисея встречает столь сильный отпор даже после того, как Моисей

проделал «премудростью и всемогуществом Божиим» порученные ему чудеса, начинается ряд казней или чудесных знамений в Египетской земле, описание коих у Иосифа нельзя обойти молчанием, в виду некоторых любопытных, хотя не везде достаточно удовлетворительных подробностей. Так, в описании **первой** казни «вода не только кровавый цвет усвоила, но и в пожелавших оную пить производила великие мучения и болезни».²⁴⁵ Для Евреев, однако, она была сладка и приятна по-прежнему (срв. Исх.7:18–21). Более того: позднейшими Израильтянами эта сагальная черта была еще более расширена в том смысле, что Евреи продавали Египтянам сохранявшуюся в их руках свежей – воду, и она оставалась при таких операциях совершенно свободной от порчи.²⁴⁶ Это самое находим впоследствии в мусульманском предании, по которому также «вся вода превратилась в кровь – только не в руках Израильтян». Наряду с этим находим в древнейших сагах и то уклонение, что Нил, вместо того, чтобы сделаться кровавым, затопляет землю.²⁴⁷ В числе результатов этой казни у Иосифа уже здесь находим оговорку, что Фараон позволил было идти Евреям, но, по миновании казни, изменил своему слову (ср. Исх.7:22). **Второй** казнью были жабы, которые, умирая и сгнивая в воде, заражали ее кровью своею, повсюду распространяя невыносимый смрад (иначе Исх.8:14). Фараон опять «отпускает» Евреев (Исх.8:8 – «обещает» лишь, но не «позволяет» прямо), и вновь упорствует, когда казнь миновала. Характерно описание **третьей** казни, которая, по Иосифу, состояла в том, что из тел Египтян начало выходить бесчисленное множество паразитов, от которых «злые зле погибали», и ни омываниями, ни врачебными мастями не было возможности искоренить их. Упомянутого здесь Иосифом требования Фараонова – при позволении Евреям идти – оставить жен и детей – совершенно не знает в данном месте Библия (Исх.10:10–11). В **четвертой** казни «песьи мухи» превращаются в каких-то «гадов», никогда прежде невиданных в Египте, из-за которых земледельцы бросают даже свои поля; избегавшие этих чудовищ животные (рабочие) были умерщвлены свирепствовавшей тогда болезнью, которая, по Библии, составила особую ужасную **пятую** казнь (морозная язва), истребившую весь скот египетский. Фараон, по Иосифу, под влиянием этих казней соглашается отпустить, предлагая оставить, по крайней мере, детей; иначе передает это Библия, по которой Фараон сначала просит Израильтян о принесении жертвы в «сей» земле, потом соглашается и на отпуск в пустыню «на 3 дня пути», но, по миновании казни, наконец, опять упорствует. Кстати заметить здесь, что только на 4-ой казни (песьи мухи) Господь, по Библии, обещает (8:22) «отделить в тот день землю Гесем, на которой пребывает народ Мой», и, при этом, выразительно указывает на это Фараону, как на «знамение» величества и непреложной воли Иеговы, вознамерившегося выделить и изолировать совершенно Свой народ, выведя оный из Египта (срв.9:4, 7). У Иосифа, как мы видели, это выделение Израиля выразительно подчеркивается уже при обращении воды в кровь. **Шестую** казнь составляли «strupy гнусные» на телах Египтян (δεῦρας αὐτοῖς ἐξηλκοῦντο τὰ σώματα), дополнением к чему была та же порча внутренностей (τῶν ἐντὸς διαφθειρομένων). Град **седьмой** казни,

никогда прежде невиданный в Египте, истребил все плоды. После **восьмой** казни (саранча) Фараон упорствует, – от злости, а не от безумия добавляет Иосиф, но об изгнании пред этою казнью Моисея – не говорится. С другой стороны, пред этой казнью (Исх.10:10), а не пред 6-ю, было место упомянуть о согласии Фараона на отпуск одних мужчин – с оставлением жен и детей, равно как после 9-й, а не после 8-й казни, Иосиф должен был поместить на настойчивое требование Фараона оставить хотя имения – спокойный, но столь же настойчиво – непреклонный ответ Моисея: «Евреям от стяжаний своих надлежит принести жертву Богу!». После тщетных разглагольствований, в каких проходило долгое время, и, притом, еще с вышеупомянутым оскорблением Моисея (изгнание), надвигается **девятая** казнь – новая грозная попытка сломить упорство Фараона. Непроницаемая страшная тьма заволакивает землю Египетскую; густота воздуха, затмевая зрение, затрудняла также дыхание; многие умирали; все вообще трепетали, что делает понятным в особенности упоминаемая Библией страшная буря, свирепствовавшая над омраченным Египтом. Еще раз Моисей является к Фараону с грозным упреком: «доколе воле Божьей противиться будешь?»... и на угрозы Фараона казнью в свою очередь грозит, что сам он «с знатнейшими Египтянами будет просить Евреев скорее уйти из Египта. Наступает решительная минута, пред которой Фараон не мог устоять, и Моисей, получив приказание иметь Евреев готовыми к выступлению из Египта, располагает их по коленам, сосредоточив в одном месте. Так называемая **десятая** казнь была уже заранее предрешена в своих результатах, и влияние ее на Фараона уже не могло иметь решающего значения. По словам Иосифа, сами Египтяне в эту страшную ночь прибегали к царю с требованиями не удерживать Евреев (Исх.10:7 еще пред 8-ю казнью), а также и этих последних понуждали, давая дары, чтобы только скорее вышли (Библ.12:35 – «испросили Евреи, по слову Моисея», 11:2). Таким образом, Израиль «обобрал» Египтян (Исх.12:36) их «дружественными подарками» (δῶροις ἐτίμων... κατὰ ὑπερβολὴν πρὸς αὐτοὺς συνήθειαν (14 кон.).²⁴⁸

Так, среди всеобщего плача страны, Израильтяне выходят из-под неволи Египтян, понуждаемые ими, сначала не без раскаяния их в худом обращении с Евреями, а потом с сожалением о потере столь выгодных и неутомимых работников. Путь выходцев лежал чрез Летопольскую пустыню, «где был построен потом Вавилон, когда Камбиз опустошал Египет». Шли поспешно и кратчайшими дорогами, так что на третий день были у Веелсефонта при Чермном море. Во все это время пропитанием путникам служили захваченные ими из Египта в сыром виде хлебы, которых хватило на 30 дней²⁴⁹, благодаря размеренности запаса «по нужде». В «память оной скудости, добавляет сюда Иосиф, мы празднуем в течение 8 дней праздник, называемый «опресноков», – объяснение, совершенно новое и с Библейским несогласное (13:7–8). Определяя число вышедших из Египта по числу способных быть воинами – 600.000, Иосиф не делает упоминания о «разноплеменных», которые вышли из Египта вместе с Евреями (Исх.12:38), и под которыми Филон хочет разуметь детей от смешанных браков (отец-израильтянин), или даже чистокровных

Египетских туземцев, которые после чудес гнева Божьего соединились с Израильтянами. Время выхода Иосиф точнее определяет: месяца Ксанфика (Макед. $\mu\upsilon\nu\acute{\iota}\ \xi\alpha\nu\theta\iota\kappa\acute{\omega}$), или Фармуфи (Егип. $\varphi\alpha\rho\mu\upsilon\phi\iota$) и Ниссана (евр. נִסָּאן), в 430 году (Исх.12:41, срв. 12:1) по пришествии в Хананею Авраама и в 215 по переселении Иакова в Египет, на 80 году Моисея († 120 лет, Втор.34:7) и 83-м Аарона²⁵⁰; последнее число, вероятно, обязано соображению Иосифа о старшинстве Аарона, и, на основании Писания, не может быть точно установлено. Точно также 215 лет, полагаемый Иосифом для времени от переселения Иакова в Египет до выхода из него и, заимствованный, по мнению Bloch'a, из Димитрия, не могут быть выведены из собственных хронологических воззрений Иосифа. В самом деле, по (Арх.1, 18, 1) Иаков родился после смерти Авраама, то есть – по (Быт.12:4; 25:7), – по крайней мере, чрез 100 лет после его переселения. Прибавляя сюда 130 лет возраста Иакова до Египта, получаем 230 лет для периода от переселения Авраама в Ханаан до переселения Иакова. Если так, то остающаяся разность 430 – 230 == 200 (а не 215) лет и должна, по Иосифу, означать время от переселения Иакова до выхода из Египта. Ошибка объясняется тем²⁵¹, что Иосиф неправильно относить рождение Иакова ко времени «после кончины Авраама», тогда как это рождение совпадает со 160 годом жизни Авраама, жившего, следовательно, еще 15 лет после рождения Иакова (Быт.21:5; 25:7; 25:20). Таким образом, первая половина упомянутых 430 лет (– 215) должна слагаться из следующих цифр – 25 лет Авраама от переселения до рождения Исаака ++ 60 лет жизни сего до Иакова ++ 130 лет последнего до Египта == 215. Что касается 215 лет для второй половины периода, то – кроме вычитания из 430 – оно создалось, по мнению Freudenthal'a, у Димитрия путем следующей, отчасти точной, отчасти вымышленной комбинации: 17 лет жизни Иакова в Египте ++ 40 лет Каафы до рождения Амрама ++ 78 Амрама до рождения Моисея ++ 80 лет сего последнего при выходе из Египта == 215. О более или менее близком соответствии самой действительности этой цифры можно судить лишь по отдельным и очень неясным местам Св. Писания, полагающие рождение Моисея, Аарона и Корея с Дафаном и Авироном в 4-м поколении от Иакова, и из других подобных мест.²⁵²

Поспешность, с какой Израильтяне побеспокоились очистить Египет, не преминула оправдать себя со стороны Фараона и Египтян, скоро раскаявшихся, что выпустили из рук такую добычу. Приписывая недавние бедствия Моисееву чародейству, царь замыслил догнать и отбить Израильтян, сильных, по его мнению, лишь под чарами Моисея. Тем легче казалось ему и Египтянам это предприятие, когда они надеялись, что дело имеет быть теперь не в Египте, где Бог мог казнить за Свой удерживаемый народ. Немало также подвигала Египтян мысль о несомненных результатах нападения на безоружных и утомленных путников. Итак, путем расспросов встречников о Евреях, Египтяне гнались по пятам за ними на своих колесницах, не смотря на трудность пути даже для прохожих. Моисей для того, между прочим, и повел здесь народ, чтобы на случай погони Египтян погубить их за «нарушение договора». Побуждало его на это и желание избегнуть Палестинцев, бывших в

давней вражде с Евреями. Наконец, того же требовала и необходимость зайти к Синаю, где, по воле Божьей, должно было состояться общенародное жертвоприношение. Кроме упоминаемых Библией 600 колесниц, Иосиф насчитывает в войске Фараона до 50.000 конницы и 200.000 пехоты. Неудивительно, что такая масса, заняв все дороги, могла без труда запереть Израильян между горами и морем, благодаря в особенности крутой непроходимой горе, вдававшейся в море и совершенно заграждавшей путь к побегу, после того как единственный выход из этой ловушки, в какой оказались Евреи, был также загражден станом Египетским. В таком-то безвыходном положении, когда по недостатку хлеба и осаду было вести невозможно, и бежать было некуда, и даже не было оружия, хотя не было также и недостатка в охоте к сражению, – среди Евреев поднимается не только ропот на Моисея, но даже намерение побить его и добровольно отдаться Египтянам. Плач и рыдание жен и детей усиливали панику от безвыходности положения, в какое их поставили – горы, море и неприятель. Тогда, став в среду мятущегося народа, Моисей говорит одушевленную речь, обнадеживая помощью Иеговы, изведшего из Египта. В качестве особенного средства к поднятию павшего духа Евреев, Моисей ссылается на уверенность, что Бог «для того, между прочим, и сделал так, чтобы сверх всякого чаяния («нашего и врагов») извести из сих трудностей, явив силу Свою и попечение; ибо Он, кому являет Свою милость, не подает помощи в случаях маловажных, но тогда, когда, по человеческому соображению, не усматривается никакой надежды на лучшее... И горы, когда захочет Бог, сделаются для вас гладкими путями, и море станет землею (γένοιτο... καὶ ὕψὶς τὸ πέλαιος)!» – пророчесвенно восклицает вдохновенный вождь. Между тем, Египтяне, хотя замечают приготовления Евреев к побегу, однако, в надежде на их безвыходность, спокойно предпочитают (будучи утомлены) расположиться на отдых и отложить нападение до другого дня. Тем временем Моисей долго молится Богу на берегу, вызывая Его на засвидетельствование Своего присутствия, и, затем, ударяет по морю жезлом, отчего оно «отступает назад»²⁵³ и «уйдя само в себя»²⁵⁴, оставляет для прохода Евреев «обнаженную землю».²⁵⁵ Моисей первый «входит в море»²⁵⁶, видя его «отступившим» от своего места. Шли все поспешно, так что Египтяне, по выражению Иосифа, сочли их безумными, но потом и сами тронулись, хотя «долго мешкали, надевая оружие». Это самое и погубило их. Море, понуждаемо будучи ветрами, потопило Египтян, наполнившись опять, между тем как не успело захватить Евреев. Разразившийся, при этом, сильный ливень с ужасным громом и молнией, беспрестанно прорезывавшей нависшую внезапно над морем непроглядную мглу²⁵⁷, довершил бедствие. Из Египтян все погибли, так что некому было и уведомить о несчастье. В веселии и похвальных песнях о гибели врага Израильяне проводят, затем, всю ночь; и Моисей сочинил особую похвальную и благодарственную Богу «песнь в шестистопных стихах». В заключение всего, Иосиф убеждает «не удивляться» величию и необычности описанного им чуда, опираясь на свое согласие с свящ. книгами и на аналогичное повествование языческой истории о том, как «не в давние времена» море

Памфилийское подобным же образом отступило назад пред полками Александра Македонского, позволив им чрез себя, за неимением другой дороги, пройти, чтобы опровергнуть, по определению Божьему, персидское владычество, (παρέσχεν τὴν δι' αὐτοῦ καταλύσαι τὴν Περσῶν ἡγεμονίαν), о чем свидетельствуют «все писатели Александровых дел»²⁵⁸... Говоря о тенденциозности, как одном из важных недостатков Иосифа, мы уже имели случай высказать несколько суждений по поводу приведенного сейчас места. Здесь мы отметим лишь несколько частных характеристических черт в рассказе Иосифа, которые, если не столь очевидно извращают прямой смысл свящ. текста и унижают его пред вымыслом «писателей Александровых дел», то все же делают передачу этого Библейского повествования недостаточной, и сопоставление его с каким-то легендарным чудом при Александре – не совсем уместным. Если справедливо, что истина не должна и не может бояться сама себя, и ее прямое изложение²⁵⁹ лучшая ее защита, то Иосиф вообще не несправедливо подлежит упрекам за более, чем следует, робкие, сдержанные отношения к своей истине. Одним из наглядных подтверждений этого, между прочим, служить приведенное повествование, недостаточно выступающее в передаче Иосифа своими наиболее разительными и необычайными сторонами. Там, где единственно ясным представлением дела было то, что «воды (моря) стояли стеной справа и слева» (14:22, 29), в то время как между этими водными стенами, по обнаженному грунту земли, шли Израильтяне, – у Иосифа весьма непонятным образом море лишь «отступает назад» от ударяющего жезла, и «вбирается само в себя», т.е. «оскудевает» в своих водах настолько, насколько оставлялась этим возможность прохода чрез него, хотя бы даже в брод. Это могло быть, таким образом, по Иосифу, чем-то в роде как бы внезапного обмеления или просто несвоевременного «отлива», которым успел воспользоваться Моисей, и опоздали – Египтяне. Что во всяком случае приведенная неотчетливость и двусмысленность выражение Иосифа не были случайными и безнамеренными для этого писателя, нельзя не подтвердить в данном месте тем, что он не упоминает весьма необычайного указания Бытописателя, которое, однако, предпочтительнее всего²⁶⁰ другого здесь заслуживало упоминания; это – перестановка сопровождавшего Израильтян Ангела и облачного столба, который шел пред Израильтянами, но потом стал позади их, покрыв Египтян тьмою (Исх.14:19–20). Подобные уклонения от большей чудесности в чуде во многих местах образуют характеристическую особенность его передачи свящ. повествования, которое он во всем старался сделать более вероятным: прием – не из одобрительных для историка и не из достойных истины, к защите которой придумывается!... Что касается того сообщения Иосифа, что оружие погибших Египтян чрез бурю и силу ветра подогнало к лагерю Израильтян, и Моисей, со свойственной ему чуткостью к действиям Божественного Провидения, внушил народу вооружиться этим оружием; то упоминание об этом находим уже у Димитрия, написавшего свой труд по Иудейской истории во времена Птолемея IV (220–204). Возбуждал вопрос, каким образом Евреи оказались владевшими оружием (первая битва их), когда они вышли без оного (ἄνοπλοι ἐξελθόντες),

Димитрий находит вероятным, что они воспользовались оружием потопленных волнами моря Египтян.²⁶¹ Во всяком случае предание это довольно самостоятельно, и в Библейском повествовании прямых оснований для себя не имеет. Самая мысль о том, что Израильтяне вышли из Египта безоружными, основывается на двусмысленном еврейском выражении (Исх.13:18) – ׀ִשְׁלֵלִים, которое может значить не только «вооруженных», как переводят это Лютер и де-Ветте (accincti, armati; – LXX: πέμπτη δὲ γενεᾷ – в пятом роде), но и идущих «в соединенных отделениях», или «плотной толпой». LXX переводят это совершенно своеобразно; но что Евреи при выходе из Египта не имели оружия, упоминается также у трагика Ezechiel'a, В. 210: αὐτοὶ δ' ἄνοπλοι πάντες (срв. Иосиф II, 15, 3: χρατήσεῖν ῥαδίως αὐτῶν ὑπέλαβον, ἀνόπλων τὲ ὄντων). По мнению Bloch'a, Иосиф в данном случае именно воспроизводит догадку Димитрия, сделав ее вероятностью самой действительностью (Арх. II, 15, 3, – ἀνόπλων τὲ ὄντων и ib. 4 – ὀπλωντε ὀπανίζοντες).²⁶² Впрочем, то же самое и еще полнее видим вошедшим в Midr. Jalkut I, 239 и 254 (срв. также Jalkut, II, 833 и Rab. Hohelied 1, 11), где далее перечисляется, что именно в числе орудий нашли Евреи на берегу: 600 фараоновых колесниц, а также много разных украшений и дорогих камней, потонувших вместе с Египтянами и выплывших к берегу.²⁶³

Воспев хвалебные песни Богу на месте гибели своего врага и запасшись его оружием, Израильтяне идут далее; так как путь их лежал по безводной пустынной местности, то они запасают, между прочим, с собою и воду.²⁶⁴ Конечно, этого запаса не могло хватить надолго, и вскоре же путники вынуждены были приняться за «копание колодцев», что было сопряжено с крайним трудом, в виду твердости грунта, и мало оплачивалось утешительными результатами, вследствие горькости вкуса воды и, притом, в ничтожном количестве.²⁶⁵ Теми же свойствами обладали и источники, которые попадались им изредка на пути, и у одного из которых («Мар» – горечь) Израильтяне, наконец, остановились в безутешности и изнеможении, тем более, когда лазутчики, отправленные на разведки, сообщили, что дальше вода еще в меньшем количестве и горчее прежнего. Уныние народа в таких трудных обстоятельствах в особенности усиливалось воплями малодушных жен и детей, ослаблявших даже мужественных воинов.²⁶⁶ Способ, которым Моисей успокоил начинавшее быть опасным для него смятение и помог народу в столь затруднительном положении, заслуживает нарочитого обсуждения. Взяв валявшееся у его ног кусок дерева, говорит Иосиф, (λαβὼν ἀπὸ τοῦ ἄδρος τὸ ἄκρον ἐν ποδὶν ἐρρίμενης), Моисей расколол его на двое и бросил в источник; затем, он уверяет Евреев, что Бог, исполняя его моление, обещал дать им воду, лишь бы они не потяготились получить ее. И когда Евреи спрашивают, что же надобно делать для изменения воды, Моисей велит нескольким из предстоявших силачей быстро вычерпывать воду, и, сим приведенная в движение, она дала свежую приятную струю. Очевидно, здесь, как и в рассказе о чудесном переходе через Чермное море, мы имеем дело с стремлением – весьма неуместным, впрочем, – Иосифа не сколько умалить и игнорировать чудо, столько представить его более вероятным и, по

возможности, менее странным. Крайняя неотчетливость в понимании значения вещественного посредства, употребленного при изменении вкуса воды – в данном случае ясное подтверждение того, насколько более можно было проигрывать подобным методом Иосифа, нежели выигрывать. В то время, как это изменение должно быть всецело усвояемо Божественной силе, благоволившей дать этому дереву преобразовательное значение по отношению к дереву крестному, Иосиф совершенно без нужды пользуется упоминанием вещественного посредства, которое без всякого ущерба делу в его изображении может быть выкинуто; причем, достаточно будет ограничиться тем, совершенно естественным объяснением чудесного изменения вкуса горькой воды, которое Иосиф дает в приказании Моисея её вычерпать и привести в движение.

Неизвестно доподлинно, на каком основании²⁶⁷ Иосифом забраковывается 70 финиковых деревьев и 12 источников, найденных Евреями при остановке в Елиме (Исх.15:27); деревья эти были, по словам Иосифа, плохие; воды мало, и мутная, вредная. Отсюда ропот, даже готовность побить вождя камнями. Войдя в бунтующую толпу, Моисей, со свойственной ему властью слова, говорит речь, в которой, упрекая за забвение благодеяний, внушает, что в данном случае (как и всегда) только – желая искусить добродетель, терпение и память прежних чудес в народе («будут ли ими утешать себя»), Бог искушает их. Чтобы еще сильнее подействовать на Евреев в этом направлении, Моисей напоминает о чудесах при выходе из Египта, причем Иосиф влагает, между прочим, в его уста следующую не беззнаменательную для нас мысль: «Бог коснит дать помощь – для испытания вашего мужества и того, настолько ли способны вы к благородному наслаждению свободой, чтобы ради нее понести терпеливо недостаток пищи и питья» и другие трудности, и испытания (ἐπὶ πείρᾳ τῆς ἀνδρείας αὐτὸ καὶ τῆς περὶ τῆν ἐλευθερίαν ἥδονῆς). Мысль эта замечательна в том именно отношении, что обнаруживает в Иосифе достаточное глубоко-верное понимание тех высоких целей, без каких, действительно, эти блуждания Израильян по пустыням были совершенно излишним и незаслуженным мучением. Понятно, почему только такая установка надлежащего понимания пустынных приключений Израиля особенно могла подействовать и на народ, почувствовавший после речи Моисея глубокое раскаяние. Между тем, Моисей встает на возвышенное место и произносит горячую молитву, ходатайствуя за народ, который «по свойственной всем смертным слабости обыкновенно в несчастьях бывает строптив и к увещаниям непреклонен». Веселое лицо Моисея после этой молитвы (удостоенной милостивого ответа со стороны Бога) еще более одушевляет народ, особенно когда Моисей нисходит в его среду и обещает скорую помощь. Помощь эта не замедлила явиться в виде «крастелей» (ἄρτούων) – особый род птиц, водящихся во множестве при Аравитском заливе и дающих весьма вкусное блюдо. **Перелетая** чрез море и **утомившись** от дальнего путешествия, эти «крастели» опустились в стане Евреев и, без труда ловимые, надолго восполнили их недостаток в пище. Как ни невинна, по-видимому, здесь попытка Иосифа натурализовать этот случай

чудесного насыщения перепелами, тем не менее нельзя не поставить ему в вину игнорирования той важной стороны данного события, но какой оно должно было служить для Израильян очевидным и нарочитым знамением Промыслительной силы Иеговы: «узнаете, что Я – Господь Бог ваш!» (Исх.16:12). Если сопоставить, затем, повествование Иосифа с относящимся сюда же событием книги (Чис.11), то найдем, что Иосиф выпускает еще одну характеристическую особенность, в религиозном отношении весьма достопримечательную, с которой не мирились его тенденциозные намерения касательно Моисея и народа Израильского. В (Числ.11) именно рассказывается, как Моисей, став на сторону народа, Самому Иегове делает нечто в роде упрека за то, что, поставляя народ в трудное положение; делает и для Моисея несносной всю тяжесть ответственности. Тогда Иегова разделяет от Духа, Который до того почивал на одном Моисее, сонму старейшин, и двое из них тотчас же начинают являть себя, как пророки. Извещенный об этом, Моисей торжественно восклицает: «о, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!» (11:29). Вместо всего этого, у Иосифа Моисей говорит ропщущему народу: «Бог и я никогда не перестанем пещись о вас!» (Θεὸς καὶ ἐγώ... οὐκ ἄν ἀποσταίημεν ὑπὲρ ὑμῶν (III, 1, 3). Таким образом, грех народа против Бога здесь умягчается до греха против Моисея, и «упрек» последнего по отношению к Иегове стушевывается в своего рода «извинение», какое представляет Моисей народу от лица своего и Божьего: недовольство самого пророка Божественным водительством и своею ролью над жестоковыйным народом (точнее сказать – недостаточное проникновение глубин того и другого) обходятся молчанием, вместо того, чтобы здесь-то и дать понять Моисея, оправдать Бога и уразуметь народ. Неподражаемо – прекрасный материал для всего этого и побуждение Иосиф мог найти именно в игнорируемой ним главе книги Числа, где Моисей с таким дерзновением и трогательным участием к своему народу взывает: «для чего Ты мучишь раба Твоего?... Я один не могу нести всего народа сего... Когда Ты так поступаешь, лучше умертви меня..., чтобы мне не видеть бедствия моего» (XI, 11, 14, 15 ст.).

В непродолжительном времени после насыщения перепелами, Бог ущедряет народ Свой ниспосланием другой пищи, еще более чудесной. Во время молитвы, на воздетые к небу руки Моисея вдруг падает «роса», прилипая к его рукам. Догадываясь о ее назначении, Моисей сначала отвеживает сам, потом сообщает и народу, ибо все почитали ее за снег (такое было время). И только когда Моисей снова пред всеми вкушает этой снегообразной пищи, вкушают и все. Определяя точнее вид манны, Иосиф говорит, что она походила на некоторое благовонное растение (βδέλλα), величиной с Кориандрово семя (Исх.16:31). О вкусе ее можно судить по тому, что она, по его словам, весьма нравилась Евреям, будучи подобна меду. Повеление Моисея – собирать манну в пределах ограниченного количества (по гомору на человека – $\frac{3}{10}$ меры ассарона) Иосиф объясняет тем побуждением, чтобы сильнейшие не затрудняли собирание манны маломощным. Любопытно замечание Иосифа, что «манна, во всей той стране ниспадает и поныне так

же, как и тогда». (ἔτι δὲ οὖν ἔεται πᾶς ἐκεῖνος ὁ τόπος, καθάπερ καὶ τότε...) Если Иосиф не разумел здесь какого-либо исключительно-чудесного случая, вроде оповещенного недавно газетными известиями (Сент. 1898 г., выпадение манны в Урмии во время страшного голода), то приведенная оговорка его, очевидно, должна изобличать в нем лишь странно-непоследовательного рационалиста, подобно современным, приравнивавшая Библейскую манну к тамарисковой, и это после того, как о необыкновенных свойствах ее он так ясно и уверенно говорил (ежедневное регулярное ниспадение манны в течение целых десятков лет подряд, ее невыпадение по дням покоя, порча в количествах свыше надлежащей меры и т.п.).

Характерно и по местам несколько даже наивно описание происшествия в стане при Рафидине. Моисей здесь едва уклонился от нападения народа, недовольного опять недостатком воды. Когда Моисей возвещает в успокоение народу, что Бог из камня пошлет им воду, народ изумляется, думая, что его, утомленного и изнуренного, еще заставят бить камень. Но Моисей ударяет жезлом, и извлекает великое изобилие самой чистейшей воды, при одном виде которой удивленные евреи почувствовали в себе утоление жажды (!). Как дар Божий, вода эта имела сладкий и приятный вкус, и, в благодарность за нее, принесены были тотчас же «жертвы благодарения». «О сем повествуют, добавляет Иосиф, св. книги, в Иерусалиме хранимые, что Бог подлинно все сделал так».

Приближаясь к земле Ханаанской и готовясь из необитаемых пустынь перейти в населенные местности, Евреи скоро должны были столкнуться с их воинственными и задорными обитателями. Правда, большинство из них чувствовали вначале страх пред Израилем, внушенный известиями о последнем, уже дошедшими до них после гибели Фараона со всем войском в волнах Чермного моря (Исх.15:14–15), но этот же самый страх, чем он был больше, вызывал и лежал в основе тем большего отчаянного и сопротивления, потому что затрагивал столь могучий инстинкт самосохранения. Общность угрожавшего от Евреев несчастья сплотила доселе разбредшиеся туземные племена, которые успели быстро обменяться переговорами и посольствами и порушили учинить общее нападение на выходцев из Египта.²⁶⁸ Иосиф называет зачинщиками в этом деле Амаликитян, обитателей Говолиты и Петры, храбрейших из всех своих соседей, – которые придумали для своих союзников самый зажигательный, но в то же время и небезосновательный мотив для вооруженного нападения. Они выставляли именно на вид, что выходцы из Египта, усилясь более войском и именем и ободрясь их медлительностью, все равно нападут сами, и лучше предупредить это, чем положиться «на-авось», чтобы потом раскаиваться в непредусмотрительности и излишнем доверии к неведомым пришельцам. Для Моисея это было предметом неожиданности и печали; тем более смутились сами Евреи, мало подготовленные к такой борьбе, и изнуренные опасностями пути. Тем не менее, Моисей скоро нашелся. Он подкреплял всех упованием на Бога, доселе с очевидностью являвшего им во всем Свою помощь; напоминал, что «брань» с голодом, жаждой и морем была гораздо хуже и

труднее: наконец, собрал начальников и в короткое время одушевил их так, что они сами просили вести их не врагов. Моисей выбрал Иисуса Ефремлянина – мужа, по словам Иосифа храброго, трудолюбивого, красноречивого, мудрого, находчивого, набожного, послушного Моисею, – и поставил его во главе сформировавшегося войска, в состав коего вошли все способные к войне, за исключением слабых, служивших, впрочем, для прикрытия жен, детей и стана. Ночь прошла в приготовлениях. Моисей, не спал, уча Иисуса, и уже рано утром на другой день был на ногах, одушевляя его и других начальников. В этих-то чрезмерных заботах Моисея, сопровождавшихся истощением сил, Иосиф не без некоторой правдоподобности видит объяснение того, почему во время наступившей затем битвы руки молящегося Моисея опускались и требовали поддержки, причем у Иосифа сам же Моисей и просит об этой поддержке стоявших возле него Аарона и Ора. В числе последствий битвы, окончившейся в пользу Евреев, были: богатая добыча, страх на всех врагов, а главное – значительный подъем народного духа и прилежания к трудам. На другой день, сняв одежду с трупов и собрав оружие, Моисей разделил добычу и особенно отличившихся удостоил награды, отметив, между прочим, преимущественную храбрость Иисуса Навина. При этом, было также констатировано, что из Евреев во время битвы не погиб ни один, в то время как из неприятелей множество. В заключение Моисей предрекает (Исх.17:14) истребление Амалика за нападение на утружденных путников, каковое нападет, по Библии (но несогласно с Иосифом), сопровождалось «избиением всех ослабевших» в резерве, откуда следует заключить, что вероломные Амаликитяне обошли с тылу Еврейское войско, прежде чем оно заметило это и, нанеся ему здесь не малый урон, завязало с ним бой (Втор.25:17–19: «помни, как поступил с тобою Амалик... как он... избил сзади тебя всех ослабевших"..., и т.д.). Так состоялась эта первая брань со врагами, после которой Евреи уже шли дальше в виде «легковооруженного», постоянного готового к бою войска.

Вскоре после этих событий, слух о мужестве Моисея и храбрости его народа привлек Иофора, тестя Моисеева, который привел к нему его жену и детей, вначале взятых Моисеем с собою при отправлении в Египет, но потом (Исх.18:2) с пути возвращенных им обратно, после встречи с Аароном и известия о гонении на детей в стране, куда шел Моисей. Так объясняет это Mechilta и Midrasch Jalkut, I, 174; Иосиф не говорит ни о возвращении Сепфоры с пути, ни о поводах к этому возвращению, устанавливая между повествованиями – (Исх.4:20; 18:2) неразрешимое противоречие. Во время пира, которым Моисей ознаменовал это радостное для него событие, ликующий народ хвалил своего вождя, к каковым похвалам присоединяется и сам Иофор. Иосиф допускает выражать это участие Иофора в народном празднике весьма характерным, образом, повествуя, что в то время, как народ пировал, Аарон и Иофор со жрецами своими пели похвальные песни. Передав, затем, мудрый совет Иофора Моисею относительно судебных разбирательств народа, Иосиф восхваляет чистосердечие Моисея, не скрывшего в своих писаниях имени мудрого советника, а также – приличие

последнего, решившегося предложить свой мудрый совет Моисею уже по отшествии народа, чтобы не уронить его авторитета даже сколько-нибудь в глазах этого народа, который не хотел быть доволен никаким другим судом, кроме Моисеева.

Описанное только что происшествие имело место «неподалеку от купины, не сгоревшей от пламени», то есть вблизи одной из первых целей путешествия, вблизи той священной горы, к которой, как к брачному алтарю, Иегова, как любящий жених, вел Свой народ, как любимую невесту, – чтобы здесь обменяться первыми залогами верности и заключить с нею Свой завет. Эта священная гора – Синай – была высочайшая из всех гор той страны, на которую (гору), по словам Иосифа, «не только «восходить», но и «взирать», не отяготив зрения, нельзя было». Замечательно, что она искони окружалась ореолом особой таинственности и благоговейного ужаса, по поверию, что Сам Бог живет на ней. У этой-то горы Евреи теперь, по повелению Моисея, и расположились станом, веселясь и пируя, – однако, в телесной чистоте, воздержании от жен и молитве, употребляя лучшую пищу и нося праздничную одежду. По прошествии 3 дней такого времяпровождения, Моисей восходит на гору, объявляя об этом народу; под вечер третьего дня (Исх.19:16 – ко утру) – до захода – вдруг облак обнял весь стан (Биб. лишь «гору»), хотя около стана было ясно, а над Евреями буря и «дождь» (по Библии, сего не видно), громы и молнии, как «знаки» того, что Бог «внимал» милосердно беседовавшему с Ним Моисею. Между тем, народ, не вынося этих грозных явлений природы, «забирался в шатры» и весьма трепетал, боясь не только за себя, но и за «Моисея», который возвратился, впрочем, совершенно здоровым, имея веселый и величественный вид, после чего и буря от его прибытия тотчас прекратилась. Приготовив, затем, народ пространной речью о величестве дел Божьих, явленных Евреям, и об обетованиях им, Моисей ведет народ пред Лицом Божиим, чтобы выслушать заповеди, которые «в человеческих устах утратили бы свою важность». На основании Библии, нужно добавить к этому, что Моисей и Аарон, по повелению Божьему, восходят на самую гору (19:24) и остаются там все время, пока небесный голос во всеуслышание («не было никого, кто бы не все ясно слышал») изрекал Божественные заповеди. Вопреки ясному свидетельству Слова Божьего о том, что эти заповеди начертаны были на скрижалях Десницей Божьей, у Иосифа находим неточное выражение, что «Моисей оставил их написанными на 2 скрижалях». Приступая к изложению этих заповедей для своих читателей – язычников, Иосиф кокетливо отказывается предлагать их во всей точности, называя это «непозволенным», и едва только решается передать их общее содержание. Тем более странно его неосторожное замечание, что в следующие дни, толпясь у Моисеева шатра, народ просит у «него» и другие от Бога законы, почему Моисей «в угодность» им и «установил» оные (сам?), – неточный парафраз (Исх.20:19).²⁶⁹

Вторичное удаление Моисея на гору и замедление его там дало повод к весьма печальному происшествию, о котором, впрочем, Иосиф повествует очень глухо и необстоятельно. Не зная причин этого замедления («не вемы,

что бысть ему», XXXII, 1), народ терялся в догадках и из всех зол бóльшим несчастьем для себя считал Моисееву мнимую гибель. Одни (враги Моисея) говорили при этом, что Моисея звери съели; другие, что он переселен к Богу. Все горевали, но уходить не смели, так как Моисей велел ждать. Что было в результате этих томительных ожиданий и желания найти последним тот или другой решительный исход, Иосиф совершенно не говорит, – очевидно, щадя затронуть повествованием о золотом тельце уважение к Аарону, а в то же время и всему народу, только что принятому в завет с Богом и верность Божественным заповедям. Замечательно, что и все позднейшие иудейские саги, хотя приводят это позорное событие, однако, не называют Аарона виновником и вводителем безбожия.²⁷⁰ В таком именно виде эта сага перешла также и в мусульманские предания. Не давая об идоле – тельце даже никакого намека, Иосиф прямо разрешает томление народа тем, что, наконец, Моисей приходит и объявляет народу волю Божью о Скинии и других Божественных заповедях. При этом, само собой неизбежно, Иосифу приходится «лгать» в том, когда он заставляет Моисея не «разбивать» в гнев Богоначертанные письма, столь дерзко попранные нечестием народа, а, напротив, «показывает» народу оные, «начертанные перстом Божиим» – по **пяти** на каждой из двух скрижалей, как распределяются они, между прочим, по Палестинскому Талмуду (Chananja Achi's и R. Josua) и по 2^{1/2} на каждой стороне, как впоследствии добавляет Иосиф, повествуя о помещении их во Св. Святых Скинии.

В числе других заповедей и постановлений Иеговы, предложенных Им Своему избранному народу, Моисей приносит планы и все детальные подробности касательно устройства Скинии, «по образу, виденному им на горе». Мы не будем приводить здесь этих подробностей устройства, которое, по Иосифу, почти ни в чем существенно не уклоняется от описанного в (Исх.37–40), и представляет, более археологический интерес; для нас любопытнее обратить внимание на то своеобразное символизирование Скинии, – как в общем ее устройстве, так и в отдельных частях и принадлежностях – какое находим у Иосифа. Прежде всего, трехчастное деление Скинии представляет, по нему, «вид вселенной», причем третья часть – Св. Святых знаменовала «небо», две другие, предназначавшиеся для священников и народа – «землю» и «море». Иосиф видит намерение Скиностроителей изобразить во Святом Святых небо уже во внешнем виде его и украшениях. Завеса, покрывающая эту часть Скинии, была испещрена, по его свидетельству, всем тем, что только могло сделать ее прекраснейшею, и приводила красотой своего великолепнейшего украшения в восхищение всех, издали к ней подходивших. Украшения ее состояли преимущественно из цветов всех родов, земель приносимых, которые такой издавали блеск, что смотрящим на них казалось, что они взирали как бы на самое небо.²⁷¹ То же намерение «онебообразить» Скинию выразилось в описании Херувимских изваяний ковчега; знакомя читателей с этими Херувимами, Иосиф говорит, что это были «создания летающие» и «такого вида», какого «никто из смертных не видал: но Моисей говорил, что снял эти подобию с лиц, виденных им у

Престола Божьего». При описании остальных частей Скинии Иосиф везде, где только было можно, оправдывал свое общее положение, что «всякая вещь Скинии была подобием какой-либо вещи во вселенной».²⁷² Таково описание светильника²⁷³, который, по Иосифу, составлялся, – по числу знаков, планетами обтекаемых, из 70 кружков, крин, чашечек и яблок; стебель же делился на столько ветвей, сколько планет с солнцем (семь) и т.п.²⁷⁴ Четырехцветный вид и состав завес знаменовал свойства стихий: виссон – землю, откуда лен; багряница – море (ибо цвет ее из крови морских раковин); синета – воздух; червлень – огонь. Подобное же знаменование усвоится веществу священнических одежд. В полотняной материи первосвященнической ризы знаменуется образ земли; синета, коею вышита она, напоминала небо воздушное; грановитые яблоки – молнии; звон колоколец – гром; ефод (епоид) с 4 цветами – образ всей вселенной; золото на нем, – **по моему мнению**, говорит Иосиф, – означает свет, освещающий все творения; нагрудник посреди епоида – образ земли посреди мира; пояс – океан около земли; два сардоникса вместо застежек – солнце и луну; 12 камней²⁷⁵ – 12 месяцев (то же – 12 хлебов) или небесных знаков Зодиака; шапка из синеты – подобие неба, иначе она не могла бы, – **кажется**, догадывается Иосиф, – носить на себе и Имени Божьего. Многие из этих толкований и описаний, символизирующих Скинию, кроме Иосифа, можно видеть у Филона²⁷⁶, и в особенности в аллегорическом Мидраш'е, который был общим источником обоих упомянутых авторов; наконец, многое здесь, кажется, обязано и личному Иосифову мнению («по моему мнению») и его не совсем надежному «кажется». Посему-то, при сходстве с Филоном есть и несколько различных до противоположности толкований, и так как оба Иосиф и Филон были в известном смысле официальными выразителями современных им иудейско-религиозных воззрений, то понятна затруднительность установки здесь желательного единства. Так, символизирование порфύры у Иосифа вопреки Филону, – ὑάκινθος'а у Филона вопреки Иосифу, – лампы у Филона вопреки Иосифу, – ефода и наперсника у Иосифа вопреки Филону; гранаты (ρόσκόι) означают по Иосифу молнии, у Филона – воду; колокольцы по Иосифу – гром, по Филону – гармонию и взаимодействие земли и воды; наконец, символизирование пояса находим только у Иосифа, и не видим вовсе у Филона, и т.п.

Обстоятельства избрания Аарона к служению при Скинии носят в передаче Иосифа одно характеристическое замечание, параллель которому проводит Мидраш.²⁷⁷ Передавая народу в пространной речи волю Божью о возложении первосвященнического достоинства на Аарона, как «достойнейшего за свою добродетель» – носит этот священный сан, – Моисей указывает на добродетели Аарона, исчисляет все случаи выражения его любви к народу, напоминает опасности, для народа понесенные, – и когда слушатели с рукоплесканием приветствуют это Божественное избрание, – Моисей, как бы предвидя, что права Аарона на это высокое достоинство скоро подвергнутся оспариванию, заявляет, что он «сам, из одного самолюбия, не отказался бы принять на себя должность первосвященника, если бы это от его зависело

воли». Упомянутое параллельное место Мидраш'а представляет это интересное настроение Моисея в такой форме: «когда Господь пожелал назначить первосвященника, Моисей подумал, что на него именно и падет Божественный выбор: но Господь сказал ему: иди и назначь Мне первосвященника... брата твоего Аарона!». При таком представлении дела выяснение отношения Моисея к Аарону, как первосвященнику, и последнего к первому, конечно, значительно затрудняется; даже тем глухим замечанием, что Скиния заменила для Моисея гору Синай, где он получал Божественные ответы, эти отношения как будто настолько запутываются, что ставят Моисея с его исключительным беспримерным служением в своего рода подчиненные отношения к Аарону, ограничивая его служение лишь тем, что Моисей век сии учреждения, касающиеся до благоустройства жизни, правила и законы «предписал вдохновением Божиим». Залог или признак согласия действия первосвященника с Божественной волей и, в частности, невозможности давать ложные пророчества – Иосиф представляет в своеобразной традиции²⁷⁸ о чудесном блеске камней первосвященника. Один из этих камней (сардоникс), служившей застежкой на правом плече, (а во время войны все 12 в предвещание победы) всегда блистал (что замечали не только Евреи, но и иноверцы), когда Бог внимал молитвам, и блеск этот был виден весьма далеко.²⁷⁹ Стараясь устранить по поводу этого всякие возражения, Иосиф говорит, что это было не свойством камня, а именно «чудом», которое «поистине, заслуживает удивления всякого, кто только не хочет чрез презрение веры носить на себе имени человека премудрого». Упоминание о том, что блеск камней прекратился за 200 лет до того времени, как Иосиф начал писать свою историю, – очевидная параллель Талмуду, где читаем, что «с кончиной последнего из пророков престала сила Урим и Туммим».²⁸⁰

На 7-й месяце от начала здания отделки Скинии и всех ее принадлежностей была закончена²⁸¹, и приступлено было к ее освящению. В знамение этого освящения Господь благоволил явить видимо – чудом – Свое присутствие в посвященном Ему Святилище. Среди ясного неба, Скинию вдруг осенил непроницаемый зрением тонкий мрак, из которого капала также приятная роса. По окончании всех торжеств, не забыты были (наградами) и художники – строители этой святыни народа Божьего, во главе коих стоял Веселефил (Βεσέληλος καὶ Ἑλίας), удостоившийся особенных почестей и похвал за свое искусство.²⁸² В 8-й день по освящении Скинии назначен был праздник и для всего народа, омрачившийся печальной участью сынов Аарона – Надава и Авиуда. Самую смерть их Иосиф приписывает тому же огню, который чудесно исшел на подобие молнии, чтобы поглотить все, возложенное от народа на жертвенник; вину же их, повлекшую эту смерть, видит в том, что они возложили жертвы «не такие, какие были Моисеем предписаны», а «какие употреблялись прежде», – причем, огонь, устремившийся на них, так начал опалить их лица²⁸³ и груди, что «никто не моль угасить оно».

Отметим несколько особенностей Иосифова повествования о содержании и характере Моисеевых законов, которые он предлагает для ознакомления своих читателей с их глубиной и осмысленностью. Он открывает, при этом,

особенную целесообразность этих законов в стремлении их к строгой чистоте и внешней безупречности, и не прочь утилизировать эту строгость даже с апологетической целью. Так, например, возмущаясь ложными баснями, что Моисей убежал из Египта пораженный проказой, вместе со многими другими больными, коих он привел с собой в Ханаан, Иосиф обличает эту «достойную посмеяния нелепость» тем, что Моисей никогда бы в таком случае не издал столь строгих законов относительно прокаженных, тем более, что «нечистота сия имеется между многими народами», и даже почитается у них за честь, не препятствуя допущению к знатным должностям. Со стороны изложения законов, Иосиф не точен в передаче закона о родильницах, когда запрещает вход в храм и прикосновение ко святыне до 50 дней, в случае рождения младенца мужского пола, и до 100 – женского (Библ. 40 и 80). Столь же неточно передается закон о жертве ревнования. Поставя жену у врат святилища и сняв с ее головы покрывало, жрец чертит на пергаменте «Имя Божье» (Числ.5:23 – «заклинания»). Заклинания произносит, по Иосифу, сама жена, а не жрец, как (Числ.5:19), после чего священник, опять-таки смывая с пергамента «Имя Божье» (Библ. «клятвы» 5:28) водой, вливает ее в чашу и, смешав с прахом, взятым с полу храма, дает пить ревнуемой жене. Заповедь относительно устройства кущей у Иосифа замечательна по толкованию знаменования этого обычая согласно с Midrasch (Tanchuma а. а. О.), где применительно к (Ис.4:6) кущи берутся как символ защиты от дневного зноя и зимнего ненастья, а не как воспоминание обитания в кущах по выходе, в духе объяснения (Лев.23:43). – Закон о воспрещении для первосвященника брака с содержательницей гостиницы, о чем Библия не говорит, объясняется неточным переводом у Иосифа слова פְּזִיז (соб. блудница), как находим это также в халдейском переводе Библии (Суд.11:1, 16:1; 1Цар.3:16; Иезек.23:44) и у Иосифа еще в других местах в том же смысле (Арх.V, 1–2, 7; срв. Zipser, κατὰ Ἀπὼνος Ἰώσ. Wien. 1871, р. 29). С характерными дополнениями передан у Иосифа закон о народоправлении. В подлежащем месте (Втор.16:18) – не указывается числа «судей-надзирателей», коих должен был поставить Израиль «по коленам своим, чтобы они судили народ судом праведным». Иосиф частнее формулирует этот закон.²⁸⁴ Прежде всего, «по коленам своим» у него заменяется «во всяком городе»; начальниками должны быть мужи «отменной добродетели и праводушия»; наконец, указывается точное число их – 7 в каждом городе, и при них нарочито избираемые (ὑπερέται) 2 левита. Во время царского периода, как известно, эти начальники городов зависели от царя (3Цар.22:26; 2Пар.18:25).²⁸⁵ Обосновка того, почему не должны быть принимаемы обвинения и свидетельские показания женщины (легкомыслие и дерзновенность их пола) та же самая дается в Талмуде.²⁸⁶ Характерно, затем, постановление о наказаниях за преступления не уголовного характера в том именно отношении, что число ударов назначается 40 без одного (39), а не ровно 40 (Втор.25:3), что находим также в Талмуде.²⁸⁷ Закон о разводе в передаче Иосифа носит несомненные следы позднейших раввинских толкований в духе Гиллеля²⁸⁸, когда допускает «не мало причин», дающих основание к разводу. Наименование скопцов убийцами детей своих,

истребителями причины их бытия – повторяется в Талмуде²⁸⁹; на основании запрещения женщине одевать мужскую одежду и наоборот, Иосиф внушает особенную осторожность делать это «во время войны», смешивая Библейское запрещение (Втор.22:5) с раввиническим толкованием одного, вошедшим в Талмуд.²⁹⁰ Наконец, замечательно приводимое в числе законов Моисея будто бы постановление о неприкосновенности чужих богов. Мысль эта не только чужда, но и противна Св. Писанию (Исх.33:24; Втор.12:2–3; Иер.10:2 и д.). Вот формулировка этого выдуманного закона: «никто да не злословит богов, почитаемых за таковых другими городами; и никто да не похищает вещей священных у других народов, и не трогает дара, какому-либо богу посвященного"... (Арх.4, 8). Нет никакого сомнения, что столь бесцеремонное Богохульное навязывание Моисею такого закона обязано мелкому угодничеству Иосифа пред идолопоклонниками Римлянами, и служит ярким образчиком того, как мало задумывался Иосиф над всем, что могло, хотя только в воображении, компрометировать его пред своими благодетелями...

В исчислении воинства, к чему обратился Моисей по приведении в порядок законов и в чем представилась надобность в виду неизбежной войны, Иосиф – вообще не точный показатель цифр – дает число воинов 603.650 (Числ.1:46 – 603.550), равно как не согласен с Библией и в показании числа левитов и священников, коих, по нему, (включая всех младенцев мужского пола) насчитано было 23.880 человек (Числ.3:39 – 22.000 – с младенцами «от месяца единого и выше»; срв. Чис.3:43–40).

После продолжительной стоянки при горе Синае, во время которой Израиль получил посвящение в народ Божий, оставалось всего несколько дней пути, чтобы невеста Иеговы была введена и в предназначенный ей чертог – Обетованную землю. К несчастью, эта «близость» на сей раз оказалась слишком «далекой». В последнем стане в виду земли Обетованной Моисей произносит речь, предлагая в качестве общего решения – послать соглядатаев (по Чис.13:2 их повелевает послать Сам Бог), из достойных и способных к тому мужей. Посланные, возвратившись, приносят опечалившее всех известие, что овладение страной должно быть сопряжено с невероятными трудностями, благодаря тому, что в ней повсюду будет необходимо иметь дело с глубокими реками, непроходимыми горами, стенами, валами и др. естественными и искусственными преградами. Это неприятное известие, много преувеличенное, было поводом к крайнему возмущению против Моисея, едва не стоившему жизни этому многострадальному вождю жестокого народа. Поистине, можно согласиться с Иосифом, что Моисей «едва ли бы мог укротить это возмущение тысячей народа «один», если бы не был с ним Сам Бог, и не сотворил слова его убедительными для народа»; только в таком случае это было бы «неудивительно», как выражается Иосиф. Возмущение, однако, улеглось несовершенно, после грозного суда Иеговы; недовольство с Моисея было перенесено и на современное положение вещей, и зародилось желание употребить отчаянную попытку вторгнуться в неведомую землю. Но было уже поздно: недоверие к Иегове после всех Его чудес и милостей было слишком оскорбительно для величества Божьего,

чтобы осуждение на 40-летнее странствование вне земли Обетованной измалодушествовавшего в рабстве Египту народа – было жестоким и бесцельным наказанием. Тем грешнее была эта попытка, что внушалась не раскаянием к Богу, а нечестивым соображением решившихся на битву с Хананеями, что Бог не ради Моисея давал и дает помощь, но «как по общему Промыслу, так и ради добродетелей предков». Попытка, как знаем из Библии, совершенно не удалась, и оставалось лишь покориться суровой необходимости. Впрочем, неискренность этой покорности вскоре не замедлила обнаружиться еще раз в страшном посягательстве на достоинство Богоучрежденного Ааронова первосвященства, а вместе с тем, разумеется, и на Самого Верховного Вождя народа. Предводителем восстания выступает Корей, родовитый и богатый Еврей²⁹¹, "красноречивый угождатель народа», родственник Моисею, но богаче его, и потому не чуждый зависти его влиянию в родном народе. Он говорил, между прочим, что Моисей ищет только своей славы²⁹², и самовольно сделал Аарона первосвященником²⁹³, достигая везде своих эгоистических целей лишь хитростью и коварством, притворно представляясь набожным и доброжелателем народа. В качестве кандидатов на первосвященство, Корей выставил или себя, как старейшего Моисея и достойнейшего в роде его, или Дафана и Авирона (и Фалаю)²⁹⁴, старейших представителей старейшего колена Рувимова. Возмущение, при видимой состоятельности и даже уважительности этих доводов, а также под впечатлением недавнего недовольства Моисеем, грозило крайней заразительностью и бедой, и Моисей (способный ко всем делам, к правлению же народа как бы нарочито произведенный природой) еще раз должен был доказать свои Божественные полномочия и всю корректность своего поведения в настоящем опасном случае. Речь, влагаемая Иосифом в уста Моисея по этому поводу, весьма хорошо рисует нам Моисея с этой именно стороны. Не богатство, не знатность, не родство с Моисеем Аарона дало ему право на священство, а единственно – Божье повеление: он себе роднее, чем брат, но себя не поставил... В заключение речи Моисей предлагает придти обиженным кандидатам первосвященства со своими кадилницами, каковое предложение, как самое справедливое и бесприязнательное, встречает общенародное одобрение; но именно эта-то справедливость и помешала сознавшим себя не совсем справедливыми – воспользоваться ею для доказательства своей (не)правоты. Впрочем, нашлось все-таки до 250 человеку явившихся со своими кадилницами. Замечательны намеки Иосифа на то, что бунтовщики опасались насилия со стороны Моисея за свой протест и распорядились даже поставить рабов к своим кушам для отбития этого насилия (при куше Дафана). Но на стороне Моисея была сама правда, и она избрала другой путь для своего засвидетельствования, которое ни в каком случае не было жестоким и чрезмерным. Как же поступает Моисей? Он обращается с пространной молитвой к Богу, воздвигнувшему его от стад Иофоровых, и слагает с себя всю ответственность за происшедшее и имеющее совершиться по Его суду. «Я наслаждался, – говорит этот, действительно, кроткий и мудрый, – невинно, но жестоко оскорбленный вождь,

– жизнью спокойной... по Твоей воли и по милости Рагуила, тестя моего; однако, оставив все то благополучие, поверг себя в напасти для сего народа... Итак, покажи Сам, что Ты все руководишь Твоим Промыслом..., – что ничто не делается само собой, или по слепому случаю, но все по Твоему произволению!"... Ответ неба на этот вызов угоднейшего из сынов земли нам известен; Иосиф передает его в общем согласно с Библией, за исключением разве того, что на память о возмущении Моисей повелевает Ааронову сыну, Елеазару, повесить кадилальники бунтовщиков у алтаря медного, тогда как (Чис.16:39,40) – имеет немного иначе: «скажи Елеазару... пусть он соберет кадилальники... и пусть разобьют их в листы для покрытия жертвенника, ибо..., они (как принесенные пред Лицом Господа) сделались освященными».

Корень недовольства, однако, успел пустить слишком глубокие ростки в народе и нашел в нем много благоприятной почвы, чтобы этим дело и окончилось. К несчастью, случилось так, что народ самое наказание виновных обратил в повод к усилению бунта. Народ, увлекаемый жалобами пощаженных (в первое поражение) из бунтовщиков, имел дерзость еще раз оскорбить Моисея, а более – Бога, подумав, что Бог все творит «в угоду» или «из пристрастия» к нему, Моисею, и что самый гнев Божий, возгоревшийся над ними, вызван не столько беззаконием провинившихся, сколько представлениями обидевшегося Моисея, – что те бунтовщики, далее, погибли, т.о., за свою ревность к Богопочитанию и закону, и что Моисей, следовательно, лишил жизни наилучших личностей только с тем, чтобы впредь действовать решительнее и безопаснее. Сюда присоединялась и родня убитых, требуя усмирения гордости зазнавшегося Моисея. Это уже было слишком, и новое страшное посещение гнева Божьего, на этот раз уже без вызова Моисея, пронеслось над неразумными протестантами, чего Иосиф, впрочем, не упоминает (Библия)²⁹⁵ – погибших 14.700. В описании собрания народного, состоявшегося по этому делу, у Иосифа замечательно указание на «терпеливое выслушивание» Моисеем слов народа, высказавшегося пред ним в своем недовольстве, – еще раз рисующее величественно-властную и добродетельную душу этого замечательнейшего демагога. В истории с жезлами, долженствовавшими засвидетельствовать раз навсегда Богоизбранность и неприкосновенные права Аарона, Иосифу надлежало бы точнее выразить мысль, что повеление об этих жезлах исходило от Самого Бога (Моисей **сказал**, чтобы принесли жезлы; ср. с этим Чис.17:1–6).

Важные, затем, особенности представляет рассказ Иосифа о смерти Аарона (в 1-ю луну Екаторвеон – афинск., Лой – макед. и Савва – евр. месяц.). Вопреки Библейскому повествованию и согласным с ним позднейшим сагам иудейским, как в Rabbot, Jalkut и Midrasch о смерти Аарона (Petirat Aharon), – где сам Моисей снимает с умирающего Аарона его первосвященнические облачения и возлагает их, затем, на сына его Елеазара, – по сообщению Иосифа, напротив, сам же Аарон слагает эти облачения и вместе со священными полномочиями передает их Елеазару.

Довольно значительный промежуток времени, обнимающий период 40-летнего странствования Евреев по пустыни, не изобилующий и в Библии теми

поучительными эпизодами, как время непосредственно предшествовавшего странствования, не отличается и у Иосифа более или менее обстоятельными сведениями: очевидно, и он не нашел ничего, что бы несколько могло заполнить у него этот пробел и пролить свет на судьбы народа Божьего за это немалое время, как переносил он возложенное на него испытание и насколько оправдал себя после всех прежних слабостей и несовершенств. Об этом молчании Библии приходится весьма пожалеть и лишь теоретическими соображениями взвесить все значение этого испытания для Израильского народа, несомненно огромное особенно в воспитательном отношении. Пустынная жизнь была именно его школой, в которой Израиль, эта возлюбленная избранница и невеста Иеговы, – сделавшаяся таковой из презренной и мучимой служанки Египта, – после обручения своего с Ним на небостремительной вершине Синая, как обручальном алтаре, – должна была дать ему опыты своей верности, преданности и способности нести с достоинством свое высокое звание.²⁹⁶ Это именно имеется в виду пророческой речью (Иер.2:2–3): «вспоминаю Я о добродетели юности твоей, о любви твоего невестинства, когда ты последовала за Мною в пустыню, неизвестную землю... Свят Израиль Господу!»... Священное Писание предлагает, и другой прекрасный образ для уяснения подобных близких отношений Иеговы к Своему народу. Израиль – перворожденный сын Иеговы, рожденный под болями египетского рабства, и, силой Божественного величества, изведенный из Египта, как бы из материнской утробы, в которой он зрел, как зародыш, обогащаясь всеми потенциями, кои впоследствии должны были явить в нем могучий телом и духом народ. Побывав в стране высшей культуры того времени, Израильяне научились весьма многому, и в своем естественном развитии поднялись на несравненно высшую ступень, возвысив соответствующим образом и естественный базис для развития к новой и высшей ступени Божественного Откровения, для вступления в теснейший завет или союз с Богом. Научившись быть отличнейшими ткачами, резчиками из драгоценных и всяких металлов (лить, ковать и т.п.), а важнее всего – ознакомившись со всею высшею тогда культурою, восприяв ее плодотворные потенции, Израильяне поистине доказали, что то, что обещано было Аврааму: «изыдут со имением многим», – осуществилось гораздо в высшем смысле, чем обогащение только серебряными и золотыми сосудами (Исх.12:35)... Но освятив, затем, этот взлелеянный во утробе Египта народ и посвятив его при Синае в «царство священников», в св. народ, народ «собственный», Иегова не мог ограничиться этим. Его питомец требовал воспитателя своей юности, воспитателя именно сообразно своему званию, который бы преодолел естественные неспособности его юности, упразднил детское непостоянство, заставил его опознать свои немощи и свободу избрания Иеговы. А для этого Он (Иегова) должен был явить Себя Своему первенцу не просто как любящий Отец, истинный Владыка, Избавитель во всех нуждах и Защитник во всех напастях, – но и как истинный Воспитатель, строгий Учитель, взыскивающий всякое заблуждение и исправляющий оное. Подобным образом, и по отношению к нему, как невесте и новобрачной,

Иегова должен был явить Себя, не просто как нужный друг, готовый на всякую покровительственную любовь к Избраннице, но также – и как взыскательный, строгий супруг, ищущий верности и любви, соответствующей Его достоинству, – ревнивый к малейшим ее ошибкам, карающий всякую неверность и обман, воспитывающий в царской невесте соответствующие царские же и чувства, путем разнообразных испытаний и искушений, всевозможных нужд и скорбей, которые, давая место очевиднейшим проявлениям Его любви, наилучшим образом могли обеспечивать к Нему и тем большую верность. Так, время пустынной жизни Израильского народа было преимущественно временем воспитания и учения, испытания и укрепления, исправлена и очищена (Втор.8:2 «виждь все пути»... и т.д.).

Чтобы сделать Израиля совершенно свободным от специфически египетской закваски, т.е. тех нежелательных явлений в образе жизни, которые он не мог не усвоить наравне со всем истинно добрым и полезным, и утвердить его в новой, «заветной» жизни, которая ему, по лично-природным основам, была более сродна и присуща, – чтобы искоренить в нем несовместные с чувствами истинной свободы – слабодушнические терния, всеянные продолжительным рабством, и возрастить, усилить его в свободный, самобытный, могучий собственным сознанием народ: – ведет Иегова Израиля в пустыню. Здесь, как в уютном месте, должен, он – один на один – со Своим Господом свести более близкое знакомство, вступить безраздельно всю свою жизнь в новые с Ним отношения; здесь, в нуждах, недостатках, опасностях, ошибках пустынной жизни познать и прочувствовать милость и верность Иеговы, свою собственную неустойчивость и естественную окаменелость сердца. Все это, конечно, могло быть и было бы достигнуто путем более кратковременного воспитания и исправления, если бы то, что согласовалось с волею и намерениями Божьими и покоилось на «законных» надеждах на «избранный» народ, – чрез преступление последнего и суд Иеговы, не потребовало удлинить время воспитания, испытания и очищения. Так, из 2 лет пустынной жизни, которых было достаточно для первоначальной цели, являются 40, необходимых для цели вновь поставленной. И что это 40-летнее странствование по пустыне не было бесплодно, а напротив – послужило хорошей школой для воспитания народа Божьего, ясно из последующей истории Израиля.²⁹⁷ Уже лагерь в долине Моав достаточно показал, что подросшее поколение переросло зачерствелую, испорченную рабством и маловерующую душу народа. Еще яснее это видно из времен Иисуса. Здесь мы видим в лице Израиля совсем другой, молодой, свежий, сильный и послушный вере народ с такой чистотой, глубиной и устойчивостью теократического чувства, каких мы не находим позднее в такой гармонии и целостности.

Замечательно, что взгляда на пустынную жизнь Израиля с ее опасностями, лишениями и приключениями, как на воспитательную школу его, вызвавшую к жизни его свободный и многоспособный дух, не чужд был уже Иосиф. Мы видели это в том месте, где Иосиф, влагая в уста Моисею речь по случаю народного возмущения в Елиме, заставляет его Евреям сказать: «Бог,

– желая искушить вашу добродетель, терпение и память прежних чудес, будете ли ими утешать себя, – испытует вас несчастиями... И если Он коснит дать помощь вам, то для испытания вашего мужества, и того, настолько ли способны вы к благородному наслаждению свободой, чтобы ради нее понести терпеливо недостаток в пище и питии, и другие трудности, и лишения. То же самое подтверждается воззрениями Иосифа на историю народного возмущения после гибели Корея, Дафана и Авирона. Иосиф видит причину этого мятежа (что вероятно также и для других) в недеятельности (ἀπραξίας) Евреев, а отсюда и унынии (ἀπορίας) или всеобщем упадке народного духа. Моисей, достаточный знаток своего народа, оказывался и наилучшим воспитателем его, наилучшим руководителем его во всех случаях, где нужно было поддерживать достоинство этого народного духа, дать последнему надлежащую пищу и развитие, без чего избыток его обновлявшихся сил направлялся к нежелательным и ненормальным проявлениям. Чутко прислушиваясь к этим нуждам и движениям своего народа, он решается, например, не сносить обиды и презрения Сигона царя Аморрейского, грозивших повлиять на народ в худшую сторону, и сам вопрошает Бога о позволении напасть на врага, каковой и побеждается, конечно, не потому только, что на просторе пустыни и среди ее опасностей в Евреях воспитались (ср. Суд.20:16) искуснейшие пращники, легкие и отважные храбрецы, в каких едва ли был недостаток и на стороне их противников. Эта первая победа после 40-летнего бездействия, и в самом преддверии земли Обетованной, показала в своем роде выразительнейший итог именно долголетней выработки народного духа (в школе продолжительного терпения и упражнения в перенесении всякого рода трудов, лишений и опасностей), – духа, возвысившегося теперь до той жизненной самобытности, без какой Израиль не мог быть вполне благополучен даже в земле, текущей молоком и медом. В избытке и напряжении всех сил и способностей своих к самостоятельному развитию начал свободной общественности – подходит Израиль к Иерихону, этому «окну» в Обетованную землю, и на виду ее в самой горячей и чистой благодарности приносит Иегове жертву и устраивает пир на прощанье воспитавшей его суровой пустыне и в привет Обетованному наследию, для которого, наконец, он созрел вполне, и теперь готовился в него вступить. Впрочем, еще раз и наиболее ясно должна была обнаружиться необходимость верности Иеговы, как условия нравственной мощи народа Божьего; еще одна язва его должна была быть опознана, выведена наружу и исцелена прежде, чем ввести народ в землю, где всякая неверность его Иегове не должна была иметь места. Эту нравственно-очистительную роль можно признать в печальной истории Валаама, характеристическою чертою которой является безучастие во грехе лучших сил народа Божьего (Чис.25:6 и др.).

Между особенностями Иосифа в передаче означенной истории прежде всего обращает внимание – наименование Валаама «славнейшим того времени волхвом» (μάντις, прорицатель по внешним или другим признакам в отличие от προφήτης, пророк в собств. смысле), хотя Иосиф не чужд, впрочем, и того, чтобы видеть в нем настоящего пророка, злоупотребившего своим

пророческим даром. Некоторое отличие от Библии и – вместе – не столь произвольное дополнение²⁹⁸ ее представляет то, что Иосифов Валаам, не имея ничего против навлечения проклятия Божьего на Израиля в угоду Мадияму, «сам» же и предлагает царю перенести «kathedram» этого пророчества на другое место (Библия – «Валак»). Дальнейшее поведение Валаама вполне подтверждает это соображение Иосифа, хотя Валаам по Библии и не столь, по-видимому, развязно предрасположен к проклятию народа Божьего, при всем желании угодить Валаку (упреки последнему за перемену места). С точки зрения Иосифа более понятен пагубный совет Валаама, которым он услужил Валаку, и ввел Израиля в блуждение, лишившее его благословения Божьего. Иосиф обстоятельнее излагает этот совет, а равно и то, каким образом он был приведен в исполнение. В Свящ. Писании (Чис.31:16; срн. 25:1, 2) лишь в Апокалипсисе Иоанна совет этот приводится более подробно: Βαλαάμ, ὃς ἐδίδασκε τὸν Βαλὰκ βαλεῖν σκάνδαλον ἐν ὧπιον τῶν υἱῶν Ἰσραήλ, φαγεῖν εἰδωλόθута καὶ πορνεῦσαι. Иосиф придает ему и надлежащую мотивировку, указывая, что Валаам именно рассчитывал в данном случае склонить Израиля к отпадению от Бога своего (что, действительно, потом и случилось чрез посредство Мадиянитских женщин), так как тогда только и возможно было одоление Израильтян. В частнейших подробностях самой истории Мадиянитского происшествия Иосиф близок к повествованию Талмуда, который, впрочем, имеет и свои характерные особенности. Так, Мадиянитянки должны были вблизи лагеря Израильтян предложить на продажу по низкой цене холсты²⁹⁹, которые эти очень любили. В числе средств к соращению указывается также и предложение вина.³⁰⁰ Весьма сродни также повествование Иосифа с представлением дела, по Chronicon Samaritanum³⁰¹; многое, несомненно, должно быть отнесено на долю собственной производительности Иосифа, как, например, бойкая речь к Еврейским юношам оболстительниц – Мадияниток, делающая более понятным, что стали преступать законы даже и знатнейшие из народа (Чис.25:4). Речь Моисея, обращенная к собранию народа по данному поводу, и рассчитанная на покаянные чувства, – наряду с обычным риторизмом, включает нелишнее указание на жизнь Израильтян в пустыне: «не то должно почитать прямым мужеством, – говорил, между прочим, Моисей, – чтобы брать верх над властью законов, а то, чтобы укрощать пагубные вождения... Весьма непристойно, что они, **жив целомудренно в пустыне**, – теперь, будучи, в довольстве дают послабление страстям и «соблюденное в скудости» во время изобилия «теряют». Встретив дерзкое сопротивление и запальчивое препирательство Замврия³⁰², в глазах всего народа нагло и демонстративно предававшегося низкому пороку, против которого возвышал свой голос Моисей, – последний, боясь нового возмущения, решается «стерпеть» на этот раз наносимую ему обиду и «распускает собрание, не сказав слова». Тем отважнее и ярче выступает мужественная ревность (при этом бездействии³⁰³ вождя) – Финееса и «других» упоминаемых Иосифом «юношей», возревновавших о чести и величестве Иеговы, оскорбляемого низким плотоугодием развратников. В результатах победы, одержанной над

Мадиянцами, по определению суда Божьего – за увлечение к нечестию, – Иосиф уклоняется от Библии прежде всего в том, что у него победители оставляют в живых «только девиц», а по Библии – всех «женщин и детей», из числа коих уже после Моисей (разгневанный за недостаточное отмщение отклонителям от Господа в угождение Фегору) повелел избить «всех детей мужеского пола и всех женщин, познавших мужа»; неточно передается и число волов, взятых в добычу (вместо 72.000) – 52.000; ослов – 60.000 (вместо 61.000).

По непреложному определению суда Божьего в пределы земли Обетованной не должен был войти и сам Моисей. Поэтому, приближение народа Божьего к этой земле (к моменту вступления в нее) было, очевидно, приближением и последних минут жизни и деятельности великого вождя. Впрочем, кончина этого «друга Божьего»³⁰⁴ в самом «наказании» носила черты великого предпочтения, какого только мог быть удостоен от Бога человек, удостоившийся еще при жизни лицом к лицу беседовать с Ним. Иосиф сообщает своему повествованию об этой кончине еще более трогательности, чем его первоисточник, хотя и уступает ему в большей естественности и простоте изложения. Библейская поучительная песнь Моисея, которую он предложил народу пред своею смертью, у Иосифа обращается в целую ораторскую речь, в которой, однако, не остается и следа от величественных созерцаний, коими дышит оригинал песни. Он допускает Моисея приветствовать свою народную дружину не более, как только «соратников» – συοτράτιωται. В основание своих притязаний на полное доверие и послушание предсмертным заветам Моисей не только ссылается на свое предводительство, но и на то, что вообще человеческой душе свойственно пред смертью «со всякою добродетелью поддерживать дружество» – διὰ τὸ τὰς ψυχὰς ἐπὶ τελευτῇ ὑνόμενας μετ' ἀρετῆς πάσης ὀμιλεῖν. Для вернейшего обеспечения себе счастья и благополучия, он увещевает народ быть стражами и послушными исполнителями закона, какой он дал им по воле Божьей. Поскольку они сделают это, могут рассчитывать и на попечение о них Бога. Лучшими советниками оставляет им Елеазара первосвященника, Иисуса, старейшин и начальников колен (ἢ τε γερουσία καὶ τὰ τέλη τῶν φιλῶν). Он увещевает их также лучше обходиться с будущим вождем, чем с ним, который бóльшим опасностям и оскорблениям подвергался от своего народа, чем от врагов. Если же они будут непослушны, то данную им землю снова потеряют, рассеянные по всей вселенной: καὶ σκεδασθέντες διὰ τῆς οἰκουμένης, πᾶσαν ἐμπλήσετε τὴν γῆν καὶ θάλασσαν τῆς αὐτῶν δουλείας (IV, 8, 2). Последнее весьма понятно в устах Иосифа, отображающего в данном случае свое собственное время и современные ему судьбы Израиля, причем, упоминаемая им здесь οἰκουμένη – очевидно – «orbis terrarum» Римлян.³⁰⁵ Тронутый общим плачем, Моисей и сам проливает слезы, хотя часто повторяет, что смерть – неизбежное подчинение повелению Божьему и закону природы. Затем, благодаря Бога за все, он всех просит оставить его, кроме Елеазара, Иисуса и старейшин, в сопровождении коих он восходит на гору Ἀβαρεῖς близ Иерихона.³⁰⁶ Здесь отпускает он также и старейшин, продолжая некоторое

время оставаться на глазах их и народа; наконец, объятый нечаянно сшедшим на него облаком, он, обнимая Иисуса и Елеазара, пропадает в ущелье: νέφους αἰφνίδιον ὑπὲρ αὐτοῦ σάντος, ἀφανίζεται κατὰ τινος φάραγγος.³⁰⁷ Иосиф утверждает более решительно, что хотя сам Моисей написал в священных книгах о своей смерти, – однако, он сделал это только из предосторожности, чтобы никто не сказал, что ради его добродетелей он восхищен к Богу: δεῖσας μὴ δι' ὑπερβολὴν τῆς περὶ αὐτὸν ἀρετῆς πρὸς τὸ θεῖον αὐτὸν ἀποχωρῆσαι τολμήσωσιν εἰπεῖν (IV, 8, 48).³⁰⁸ Самая мысль о неумирании Моисея позднее, вместе с другими преданиями об обстоятельствах отшествия его к Богу, вошла в Талмуд, где, между прочим, о Моисее прямо говорится, что в действительности он не умирал: «шесть было, коими не овладел ангел смерти: Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Аарон и Мариам» – читаем в тр. Baba Bathra.³⁰⁹ В других апокрифических иудейских писаниях от I столетия нашей эры³¹⁰ передаются споры доброго и злого ангелов о теле Моисея и о вознесении пророка на небо. Об участии ангела при погребении Моисея говорится также в тр. Sôta, в гемаре которого читаем³¹¹: docetur, quod Mosis exanime corpus impositum fuerat laciniis vestium divinae majestatis. Ministrantes angeli accinebant.³¹² Mischnah этого же трактата гласит³¹³: "кто выше почтен, как Моисей, которого похоронил³¹⁴ совершенно единолично Сам Бог». В некотором третьем месте трактата то же самое передается в виде «мнения некоторых», что Моисей не умирал: sunt qui dicant Mosem non mortuum.³¹⁵ О погребении ангелами, как об «известном» в предшествующих писаниях, передает таргум псевдо-Ионафана.³¹⁶ В таргуме к (Пс.68:19) и к величественной песни с. I, В. 5 есть речь о ascensio ad firmamentum. В Jalkut говорится: «Моисей не умер, но живет в своем звании».³¹⁷ Посредствующий момент взятия Моисея указывается в следующем интересном выражении: «не убийственные руки ангела смерти, – Мой поцелуй восхищает у тебя эту жизнь!».³¹⁸ Rabboth и Midrasch предпосылают этому моменту целый разговор между Моисеем, Богом, добрым и злым ангелами, причем, Бог призывает душу Моисея к Себе такими словами: «Я вознесу тебя в высшее небо, под Мой бессмертный трон с Серафимами и Херувимами!»...

В заключение своего описания смерти Моисея, Иосиф останавливает еще раз внимание читателя на этой исключительной личности и произносит прочувствованный панегирик. Это был «муж, который разумом превосходил всех смертных, сколько их прежде ни было..., имел удивительный дар слова, особенно когда говорил к народу. Знал укрощать страсти свои так, что казалось – будто ни одной в нем не было, и самые имена их были известны ему лишь по зрению в других. Был такой военачальник, что мог считаться между первейшими, и пророк, каковой едва ли более из смертных восстанет³¹⁹, так что его изречения могли почитаться изречениями (Самого Бога"... Продолжительность плача, коим Израиль почтил своего законодателя и вождя, указывается несогласно с Библией – 40 дней (30 дней. Втор.34:8).

Глава II. Археология и исторические книги

§ 11. Иисус Навин и Судьи

Арх. V–VI, 3: кн. Иисуса Навина, Судей, Руфь, 1Цар. 1–8

Предводимые Иисусом Навином³²⁰, Израильтяне вскоре после смерти Моисея подходят к границе земли Обетованной. По опыту предшествующего раза, они считают нужным опять послать соглядатаев; на этот, впрочем, раз не столько для того, кажется, – чтобы осмотреть «всю» землю и достать сведения о ее общем состоянии и богатстве, пригодности, – сколько для того, чтобы вывести настроение жителей и в чисто-стратегических целях добыть материал для начертания плана военных действий. Похождения этих соглядатаев передаются Иосифом со значительными особенностями. Так Раав, представляющаяся у него просто «содержательницей гостиницы» (Биб. «блудница»), говорит, между прочим, соглядатаям, давая им приют, что ей было знамение от Бога о предстоящей ее согражданам пагубе. Вместо «верви червленной», долженствовавшей служить для Иудеев при взятии города условным знаком неприкосновенности дома Раави, Иосиф говорит об «одежде червленной», и о повешении ее говорить не «у окна», а «на вратах» (πρὸς τὰν θύρῶν ἀνатеínaσθαι φοινικίδας). Весьма неточно и тенденциозно представлена также история чудесного перехода Евреев чрез Иордан. Река лишь «обмелела», а «не разделялась», как в Библии, таким образом, чтобы нижняя часть реки стекла вся, а верхняя остановилась стеною и оставалась в таком состоянии «дондеже скончаша все люди преходяще Иордан». Что Иосиф именно чужд подобного Библейского представления дела в настоящем случае, ясно из того во 1-х, что у него весь народ разделенный по коленам, «шел через реку, имея в середине жен и детей, чтобы быстрота реки их не уносила» (δεδιώς περὶ αὐτῶν μὴ βιάσθαι ἐν ὑπὸ τοῦ ρεύματος); во 2-х, по вступлении в священную реку Ковчега Завета, вода, по выражению Иосифа, лишь «умалилась» настолько, что «самый песок показался, который, не будучи возмущаем затихшим течением реки, лежал на дне неподвижно»; таким-то образом, у него «все смело начали чрез реку переправляться, узрев в ней тот путь, который Бог обещал для них сделать»; наконец, в 3-х, когда народ весь вышел на берег и священники из реки вышли (ἐξήεσαν οἱ ἱερεῖς), она возымела «прежнее свое стремление» и, когда опять умножилась водами (ἡύξετο), вновь свойственную ей глубину получила (τὸ ἴδιον ἀπελάμβανε μέγεθος). Таким образом, в передаче Иосифом чудесного разделения Иордана все сводилось лишь к временному «оскудению», обмелению Иордана, – чем Иосиф – как и в истории перехода через Чермное море – рассчитывал на большее доверие своих языческих читателей, избегая также наводить их на размышления, неблагоприятные с точки зрения общего духа его сочинения. Все, что не особенно грозило этой опасностью, он старается, по крайней мере, представить более естественным, – не замалчивает совершенно и не извращает настолько, чтобы с намеками на чудесность не оставалось считаться. Дальнейшие характерные образчики данного рода мы увидим сейчас же в его описании завоевания земли Обетованной. Так, камнеобразный

град, решивший Гаваонское сражение к пользу Израильтян³²¹, обращается у него просто в град, крупнейший обыкновенного (χαλάζης катафорᾶ μείζονος τῆς συνήθους), и чудесное продолжение дня («Бог продлил день») едва упоминается с простой отсылкой к «писанию, соблюдаемому в хранилищах храма».³²²

Время Судей Иосиф более склонен, кажется, относить к числу мрачных страниц Библейской Истории. Это было время упадка общенародного духа и нравственности, и – вместе – временем бедствий, за которыми, впрочем, Иосиф не «прежде всего» признает воспитательное значение в том смысле, в каком это дается многими местами Библии. «Израиль... сделал Хананеев данниками, но... не изгнал их (Суд.1:28); Господь попустил это, «чтобы искушать ими Израиля, станут ли они держаться пути Господня и ходить по нему, как держались отцы их, или нет (2:22)». К стыду Израиля опасения, оправдались: они «служили богам их (поощаженных народов – 6 ст.), и сделали... злое пред очами Господа, и забыли Господа Бога Своего» (7 ст.). «И воспылал гнев Господень на Израиля, и предал их в руки... и служили сыны Израилевы... восемь лет» (8 ст.). «Тогда возопили... к Господу, и воздвигнул Господь спасителя сынов Израилевых, который спас их» (9 ст.), и т.п. несколько раз. Иосиф более «человекообразно» понимает эту трагедию на основе измены Иегове, и в числе причин бедствий Израиля полагает «обогащение, расслабление, роскошь и сладострастие Израиля, и – пожалуй – нечто в роде «отвычки» воевать после предпочтения войны с Хананеями простому данничеству их; – причины, как видим, шаблонные, если можно так выразиться, обуславливающие вообще ослабление устоев и падение всех политических и гражданских обществ, но в данном случае далеко недостаточные. Указывает также Иосиф и объективные причины бедствий Израиля, ссылаясь на «исполинов», которые, по причине «чрезвычайной огромности тела и вида от других людей весьма отменного», представляли «страшное, для глаза зрелище» и кости которых, показываемые «доныне», дают понятие об их величине, превосходящее «всякое вероятие». – Общий ход периода Судей передается Иосифом в лучшем сравнительно порядке и связности, чем отрывочный и разбросанный материал Библии в пределах этого периода. Характерных отступлений от самого смысла Библейского повествования в этом отделе, равно и в следующем, значительно меньше и не так они унизительны для репутации Иосифа, как Библейского повествователя; но они важны иногда, как попытки, хотя не везде удачные – яснее представлять неясное, и отчетливее распределять неупорядоченное и разбросанное в тех местах Библейского повествования, где не входило в его интересы распространяться и останавливаться на чем-либо более и ближе, чем оно нашло нужным. Иосиф не везде мирится с этим, и не удерживается пред соблазном историка – все видеть размещенным на своем месте, так чтобы получался один цельный, связный и последовательный рассказ (хотя и ему не везде удастся сделать это с желательным успехом).

Стремление к бóльшей последовательности изложения материала книги Судей заметно уже в том, когда он прежде всего помещает в начале этого

периода событие (Суд.19–21 – повествование о позорном преступлении Вениамитян). Нравственный упадок Израиля в этом повествовании Иосифа, по сравнению с Библией, выступает менее ярко и характерно. Вениамиты просят лишь «жену» левита ради ее красоты, между тем как Библия, по-видимому, позволяет предположить здесь более глубокое нравственное развращение Гивян, когда допускает их изъявлять свои гнусные требования в такой форме: «выведи человека, вошедшего в дом твой: мы познаем его» (19:23; срв. Быт.19:5). Подобный же намек на развитие среди Гивян гнусного Содомского греха дается в дальнейшем увещании хозяина дома, этого второго Лота, который решительно возвышает голос против столь гнусного замысла и самоотверженно предлагает на удовлетворение скотской похоти развратников свою дочь – девицу и наложницу гостя, лишь бы только они «с человеком сим» не делали этого «безумия» (24 ст., ср. Лота – Быт.19:8). Хотя то обстоятельство, что далее – по Иосифу – Гивяне силой берут жену и уводят к себе, а по Библии – старец выводит им ее и они ругаются над нею, – как будто говорит в пользу Иосифова мнения о первоначальных замыслах Гивян (только овладеть женщиной), однако, не может быть ничего невероятного и в том, что развратники, не заводя дальнейшего скандала, пользуются попавшеюся так легко в их руки добычею, и, быть может, удовлетворенные ее молодостью и красотой, оставляют в покой «до времени» жертву своего первого требования, а потом, когда нечистая страсть улеглась чрез естественное пресыщение, не было надобности в ином скотоподобном ее удовлетворении. Об отсоветовании войны некоторыми отдельными голосами, протестовавшими против «такой» формы наказания провинившихся Гивян, Иосиф не говорит; не согласен с Библией он также в показании числа воевавших и убитых: – число Вениамитян 25.600, в том числе 500 ободесноручных (Биб. 700). Наконец, без особенных оснований и нужды Иосиф изменяет ход событий, имевших место после грозной расправы с Вениамитянами. Как известно, такая расправа сопровождалась клятвой остальных колен Израильских не отдавать дочерей своих в замужество за Вениамитян. Как ни поспешна и ни неразумна была такая клятва, высказанная в гневном состоянии, – она, хотя и повергла всех в сожаление о Вениамитянах (Суд.21:15), – однако, не возбуждала и мысли о возможности ее нарушения, в виду ее необдуманности. Но если в то время клятвoprеступление в глазах Израиля было гнусно даже в призраке проекта, то Иосиф не сменяется навязать тем временам позднейшие воззрения своего времени. Прежде появления мысли о казуистическом обходе клятвы дозволением Вениамитянам похищать девиц для замужества, Иосиф выставляет «многих» советников, которые, будучи воззрений на клятву именно Иосифовского времени, советуют «не уважать» оной в данном случае, как происшедшей от гнева, а не от рассуждения, – что клятвoprеступление тогда не заслуживает казни, когда случается **по нужде**, но тогда, когда происходит от коварства и злобы. Подобные суждения о клятве и клятвoprеступлении – повторяем – были невозможны в то отдаленное время (быть может «Иеффая» можно выставить красноречивейшим образчиком этого), хотя должны быть названы современными и вполне симпатичными фарисею-Иосифу.³²³

Новое выражение стремлений Иосифа сгруппировать отрывочный и перемешанный материал книги Судей в более связное и рассортированное по своим частям целое можно видеть в том, что он с большою целесообразностью относит к началу изложения периода сообщаемое в кн. (Суд.18) любопытное (и несколько даже странное для конца периода) обстоятельство, что «в те дни колено Даново искало себе удела между коленами Израилевыми» (Суд.18:1). Русский перевод Библии пытается стусевать эту странность вставкой пред словом «удела» – **полного**, представляя дело так, что Данитяне не заняли полного или сполна своего удела в самом начале раздела, и именно потому, что такого полного удела ему не выпало. Совершенно неясна, почему колено Даново могло быть так обделено при самом разделе, – или даже если предположить, что оно не заняло только **сполна** свой удел, а лишь **часть** его, – неясно, отчего это могло произойти и впоследствии заставить даже «искать» себе удела, «где бы поселиться». Весьма правдоподобно и просто объясняется это у Иосифа, который уверяет, что Данитян вытеснили именно из их удела Хананеи, пощаженные при самом заселении удела в первый раздел вопреки повелению Божьему, и теперь служившее в руках Божьих орудием к уврачеванию Израиля. Параллельные места Библии настолько не противоречат приведенному добавлению и разъяснению Иосифа, что дают право считать их согласными в общем с его представлением дела, вполне объясняющие не столь понятную на первый взгляд заметку об искании удела после раздела.

Не в виду какого-либо важного ущерба делу, а просто в подтверждение нелишней раз, или ради иллюстрации того, как мало точен и не стеснителен Иосиф в показании чисел, мы не хотим пропустить без внимания неверности цифр Иосифа в истории Адони-Везека и при исчислении войска Иавина. Несогласно с (Суд.1:7) – Адони-Везек проделывает свои варварские операции (отсечение рук) над 72 побежденными им царями; в указанном месте Библии, быть может, и ради круглоты цифры упоминается лишь о 70. Сюда кстати можно присоединить указание на 30 сыновей Таира вместо 32 – (Суд.10), и время продолжительности его судейства 22 – вместо 23 Библии. Что касается войск Иавина, то кроме и вместо 900 колесниц, два раза указываемых в Библии (Суд.4:3, 13), Иосиф усиливает армию этого царька Асоры до 10.000 конницы, 3.000 колесниц и 300.000 пехоты – цифры мало вероятные и не имеющие прямых оснований в Библии. Из деталей битвы с таким войском Иосиф отмечает сильный дождь и град с ветром, которые, поражая в лице врага, много способствовали поражению его слабейшими Израильтянами. Песнь Деворы (5:4, 20) дает лишь весьма отдаленный намек на это явление; самое же описание сражения не представляет даже и такого намека. Небезлюбопытна подробность, что «молоко», которым Иаиль напоила Сисару (Суд.4:19), было кислое (γάλα διεφθόρος), обладающее (у верблюдиц) опьяняющими свойствами (Арх.V, 5, 4) и доныне представляющее наиболее распространенный напиток Арабов.³²⁴

Воспроизводя биографические сведения о Гедеоне, до призвания к общественному служению в роли судьи, Иосиф говорит о нем, как о «знатном»

человеке. Прямых данных на это мы не находим в Библии; даже на основании (Суд.6:15) есть возможность, по-видимому, утверждать обратное. Нет, впрочем, никаких препятствий допустить и то, что приведенное место Библии – как мог толковать Иосиф – имело в виду собственно малолетность Гедеонова колена и невнушительную юность призываемого к столь ответственному служению. Имя наложницы Гедеона – Друма – (Суд. 8:31 не названа) Иосиф знает, вероятно, из предания. В числе результатов его победы над Мадиянителями указывается на множество добычи – золота, серебра, одежд, верблюдов и прочего скота.

Любопытно понимание исполнения знаменитого Иеффаяева обета, данного им пред отправлением в поход на Аммонитян. Это, как известно, одно из наиболее трудных и неудоборешимых мест для толкования, разделяющее лучших экзегетов всех времен на два непримиримых и соразмерно сильных лагеря. Иосиф примыкает к тому мнению, что дочь Иеффая действительно, по прошествии 2 месяцев, была заклана отцом во всесожжение. Конечно, он, хотя и находит неизбежным такой, а не иной исход для несчастного отца, – однако, не одобряет самого его поступка. Иеффай закалает свою дочь «не рассуждая, что такое жертвоприношение и законами не позволено, и Богу не угодно, и, притом, не размыслив, как будут о нем судить другие, когда услышат о столь **странном**³²⁵ его поступке».

В жизнеописании Сампсона прежде всего отличает Иосифа от Библии замечание о необыкновенной красоте супруги Маноя и **ревности** его к ней. По некоторым чертам весьма курьезной и уместной только разве для Шекспировского Отелло. Таково недоверие и подозрительность Маноя в отношении к супруге, когда она сообщает, ему о явлении Ангелоподобного мужа, принесшего ей радостную весть о рождении от нее многообещающего младенца. Маной, который – по Библии – просто молится Богу, чтобы посланник Его снова удостоил их своего посещения и научил именно, что им делать с имеющим родиться младенцем, – у Иосифа устраивает целую сцену ревности своей супруге, подозревая ее ни более, ни менее как в преступной связи с показавшимся ей «ангелоподобным» незнакомцем, – правда, готовый сделать снисхождение своей супруге в том смысле, что она, сама того не подозревая, могла быть жестоко обманута и поругана каким-то хитрым злым человеком, принявшим на себя личину Божественного посланника, а отчасти готов был подозревать супругу и в заведомом извинении своего падения, в виду неизбежных результатов одного, разными благовидными выдумками. Это, кажется, побудило Иосифа заставить и **супругу** Маноя молиться о вторичном явлении Ангела, и именно с целью – рассеять его напрасные и тяжелые для невинной супруги подозрения, между тем как в Библии говорится лишь о молитве **Маноя** и совсем другого характера. Тенденции Иосифа ближе отвечало и то, что он заставляет Ангела явиться **ему**, вместо чего Библия говорит, что ангел является опять к жене же, которая тотчас и бежать за своим мужем, ведя его к вновь явившемуся незнакомцу. Сверх наших ожиданий, в беседе с последним, Маной, повторяя то, с какою целью он желал вторичного явления вестника, – ничем, однако, не выдает своих подозрений на счет

верности своей супруги. Советы вестника в первое явление о том, как им вести себя ради имеющего родиться от них необыкновенного младенца, – Иосиф, кажется, по недосмотру перепутывает, когда говорит, что вина и сикера не должен был **он** (Маной или Сампсон) пить, по Библии – и **она**, хотя в дальнейшем (§ 4) Иосиф сам невольно согласует это, когда говорит, что **она** «наблюдала все заповеданное ей от Ангела». В описании деятельности Сампсона заслуживает внимания только замечание Иосифа, что «избив врагов ослиной челюстью, Сампсон возгордился» (ср. Суд.15:16–18), и за это-то именно он вразумляется жаждой, от которой избавляется, принеся раскаяние в своей самонадеянности. Личность Сампсона Иосиф признает «по справедливости» достойною уважения «как за невероятную силу и великодушие, так и за **ненависть к врагам** своим» (τῆς ὀρυῆς πρὸς τοὺς πολεμίους). Его любовное обхождение с развращенной женщиной, он убеждает, при этом, приписать свойственной всем людям слабости, и в общем оставляет за ним право называться весьма добродетельными. Замечание, что причиной или началом его несчастий было отступление от законов отечества своего к обычаям иноплеменников, имеет свою параллель в Sôta, где обращается внимание также на то, что Газа была местом и его легкомыслия, и его наказания.

В истории Руфи Иосиф дает неверные, или – лучше – неточные хронологические указания во времени смерти Елимелеха и его сыновей (Руф.1:4) в связи с предшествующим 3 стихом как будто не оставляет никакого сомнения в том, что Елимелех умер раньше, чем осиротевшие его сыновья взяли себе жен, с которыми жили около 10 лет, и чрез эти-то 10 лет после смерти Елимелеха они умирают, оставляя мать совершенно бездетной с ее снохами в чужой земле. Иосиф не гонится за особенной точностью в данном случае, и говорит, что по прошествии 10 лет жизни в Моавитской земле **все они** умерли в **скором** один после другого времени. Из обстоятельств жизни Нозмини по возвращении в родной край с Руфью Иосиф намекает на тяжелую подробность, что вдова и ее сноха (то же вдова) на первых порах были вынуждены жить доброхотными даяниями добрых соседей, а также подчеркивает любвеобильную заботливость Нозмини о своей снохе, которой она оставляет кушанье, принесенное им соседями, и в свою очередь – подобные же отношения и снохи к своей свекрови, которой Руфь целиком оставляет крупу, полученную от Вооза (ср. Руф.2:18).

В не совсем точной параллели с Библией, где Елкана, после разрешения неплодства жены своей Анны Самуилом, имеет от нее еще 3 сыновей и 2 дочерей, – Иосиф говорит о рождении «еще других сыновей и 3 дочерей». Цель водворения Самуила при скинии Иосиф определеннее старается указать, поясняя, что, – препоручив отрока первосвященнику Или, Анна посвятила его «в звание пророка», каковое он и начал отправлять по достижении 12-летнего возраста. Весьма важны в историческом отношении сведения об Или, бывшем в то время первосвященником. В лице его первый из потомков Ифамара, младшего сына Ааронова, получил первосвященство, после линии – Елеазар, Финеес, Авиезер, Вокий и Озис. Новая первосвященническая

линия, прервавшая, неизвестно почему, линию Елеазара, старшего Ааронова сына, и перешедшая в линию младшего, – открывшись Илием, после Иосифа (Озис?), шла в его племени до времен Соломона³²⁶ который за участие Авиафара в деле Адонии опять возвратил эту высокую честь Елеазаровым потомкам в лице Садока³²⁷, поставленного царем вместо Авиафара (3Ц.2:35). Удаление последнего (3Ц.2:27) от священства Господня писатель Царств (1Ц.2:31–35; 3Ц.2:26, 27, 35; Арх.VIII, I, 3) рассматривает как исполнение слов Господа, объявленных в наказание дому Илия в Силоме.

Четырехмесячный плен Кивота Божьего (1Ц.6:1 – 7 месяцев) неодинаково передается у Иосифа и в Библейском повествовании. Мучительные наросты, коими поразила Азотян, а затем и других, отяготевшая рука Господня за пленение великой Израилевой святыни, превращаются у Иосифа в холеровидную болезнь – резь в кишках, причинявшую лютейшие страдания, рвоту и мучительнейшую смерть. Так было в 5 городах, из коих Аккарон и Газа Библией упоминаются лишь в параллельном месте (1Ц.6:17) в специально же трактуемой об этом части повествования Библия следит за судьбой Ковчега лишь в 3 городах – Азоте, Гефе и Аскалоне. И только по исчислению даров, принесенных в жертву повинности Господу, а также из (6:16) узнаем, что Кивот Завета побывал кроме вышеупомянутых городов еще в Газе и Аккароне, и из последнего именно города был препровожден в пределы Израильские в Вефсамис. При этом, гибель 50.070 Вефсамитян (1Ц.6:10) за недостаточно благоговейное обхождение с великой святыней Иосиф ограничивает почему-то всего 70-ю³²⁸; и не за «заглядывание в Ковчег» по побуждениям праздного греховного любопытства, а за прикосновение «не в священном сане» эти несчастные караются, пораженные от Бога молнией.

§ 12. «Цари» народа «Божьего»

Арх. VI, 4–X, 8; книги Царств, Паралипоменон и Пророческие

Ко второй половине правления Самуилова, когда в этом помогали ему 2 его сына, сидевшие – один в Вефиле, другой в Вирсавии (1Ц.8:2 как будто **оба** в Вирсавии), – относится событие, имевшее первостепенное значение для всей последующей истории Израильского народа; это – перемена теократического образа правления в строгом смысле на – так сказать – антропократический, соблюдая параллель выражений. Важности этой перемены не вполне сознает Иосиф, и не вполне понимает Самуила в его противодействии затее народа, представляя его огорченным и обиженным представлениями и притязаниями народа не в виду измены Иегове, Который Один имел право называться и быть Царем Израиля, не за недоверие к Его Промыслу, не за бесчестие, наносимое Его правлению этой просьбой, – а просто потому, что Самуил «по природе» не мог сносить царского владычества, и напротив – имел склонность к «правлению вельможей», т.е. аристократическому, думая, что под оным общество удобнее может приходить в цветущее состояние. Именно поэтому он даже не ел, ни пил и всю ночь тревожился, угрожаемый перспективою – не Боголепное променять на человеческое, а лишь лучшее на то, что было – если и не худшее – то не столь, по его мнению, и лучшее. В соответствии этому, и упорство народа доказывало не то, как глубоко пали Израильтяне, увлекаясь эфемерным величием земных царей и ради этой эфемерности желая видеть их на месте Иеговы, а то лишь, как «трудно оставить предрассудок, особливо, когда кто в оном утвердился по долгом умствовании». Здесь, таким образом, Иосиф еще раз доказывает нам, что смысла этого нового движения в народе Божьем и его преступности он (Иосиф) совершенно не понимал, или не хотел провести этого понимания.

В обстоятельствах воцарения Саула Иосиф перемешивает условный порядок встреч, который должны были, по слову Самуила, удостоверить Саула в Божественном избрании его на царство. На первом месте (Библия на **втором**) он предсказывает встречу трех мужей, из коих один несет хлебы (τρεῖς ἄρτους), другой – козлице (ἑρίφον – одно; Библ. «трех козлят»), и третий – мех вина. На втором месте Иосиф полагает стоящую в Библии на первом – встречу (у Рахилина гроба) человека (Библия – «двух») с вестью о целости ослиц. Иосиф знает, затем, имя (Авинар) родственника (Библ. «дяди»), к которому Саул со своим слугой заходят, возвращаясь домой после предсказаний Самуила, причем, на пытливые расспросы его Саул не говорил ничего о царстве «опасаясь человеческого непостоянства и зависти». Несколько иными побуждениями у Иосифа руководится этот царь-юноша, скрываясь в обозе своих избирателей. Саул именно делал это («как я думаю», выражается Иосиф), не желая показать, что охотно приступает к царству (скромность, не чуждая, впрочем, иезуитства). К прискорбию, при первых же успехах оружия Саулова были сочтены и дни его царствования.³²⁹ Обладая

более многочисленным войском – 400.000 да Иуды 30.000 (Библ. 1Ц.15:4 – 200.000 ++ 10.000) против неприятельских 300.000 пехоты, 30.000 колесниц и 6.000 конницы (Библ.13:5 – 30.000 колесниц и 6.000 конницы и множество народа «как песок»), Саул разбивает³³⁰ объявивших ему войну Филистимлян, но не побеждает себя послушанием Богу, и оставляет в живых царя Филистимского³³¹ (который и был собственно одним из главных виновников бедствий Евреев), предпочитши Божьей воле «краснолицие неярителя» (15:9). Замечательна речь, коею Самуил укоряет Саула за недостаточное выполнение возложенного на него Божественного поручения. На благовидное оправдание победителя – сберечь лучшее из скота и добычи для жертвоприношения Господу, Самуил, между прочим, возражает Саулу: «можешь ли же помышлять теперь, чтобы Он милостивым оком воззрит на твое жертвоприношение, которое состоит из даров, определенных Им к погублению? Разве за равное считаешь – «заклать Ему в жертву» и «погубить» оные?... Знай же, что не тогда Бог презираем бывает, когда не приносится Ему жертва, но тогда, когда кто глаголам Его являет себя непослушным!»... При этом, Самуил «повелевает» лишить жизни Агага, между тем как, по Библии, он тут же «собственноручно» закалает его (15:33). – Преслушание Саулом воли Божьей юридически лишило его способности быть «царем по сердцу и воле Божьей», и вынудило Самуила искать нового кандидата на царское достоинство, какового Бог и указал ему в лице одного из сынов Иессея – Давида.

В обстоятельствах помазания этого юного отрока на царство, Иосиф упоминает подробность, что, возлив елей на Давида, Самуил «на ухо» объяснил ему, что это значит, увещавал любить и почитать истину, и **повиноваться** Богу, обещая за то благополучное царствование и славу, победу на врагов и потомство. Подобно тому, как и Саул, Давид, по получении Духа Божьего чрез Самуила, «пророчествует». Что касается Саула, то уныние его, происходившее от отступления Духа Божьего, у Иосифа скорее представляется простой болезнью, и именно **врачи** (Биб. «слуги») рекомендуют или «прописывают» ему от этой болезни – гусли, которыми выпала честь «лечить» царя Давиду, отчасти за его искусную игру на этом инструменте, отчасти по-особому устройству Промысла Божьего, предуготовлявшего Давида в преемники Саулу. Победа над Голиафом, одержанная безоружным Давидом сверх всякого ожидания, была первым деятельным шагом его к трону, так как явила очевидные знаки благоволения Божьего к юному храбрецу и приобрела ему славу среди войска и народа, особенно в виду необычайной силы и роста великана, противоборца Давидова: рост его был 4 локтя с пядью (Биб. «шесть локоть и пядь»). Вооружение этого гиганта требовало сопровождения «многих» оруженосцев (хотя Библия, по-видимому, признает достаточными «одного»). Результаты неожиданно – славной победы Давида над этим чудовищем Иосиф полагает для Филистимлян – в падении 30.000 и вдвое большем количестве раненых: для Голиафа – отнесение головы его в шатер Давида и посвящение оружия Богу (Библия хотя наоборот – «главу Голиафа принес, во Иерусалим, а оружие

положил в шатре своем, – 1Ц.17:54, – однако, 21:9 не только не противно мнению Иосифа, но и прямо подтверждает оное); – для Давида – возвышение из оруженосцев в тысяченачальники (в надежде, впрочем, на гибель его в войске, чего желать стал теперь Саул, считавший себя небезопасным от Давида). Опасное поручение, рассчитанное на поражение Давида, – доставить в угоду безумной ревности царя 100 краенеобрезаний Филистимских, Иосиф увеличивает количественно, но смягчает в качественном отношении, поправляя их на «600 голов» неприятельских (1Ц.18:27; 2Ц.3:14 – «200 краенеобрезаний принес Давид», хотя требовалось 100, усугубляя свою готовность жертвовать ради царя), – которые Давид и добывает со слугами своими «при помощи Бошей». – Непонятный на первый взгляд и столь странный способ, которым Мелхола выручает Давида в неминуемой опасности от подосланных Саулом убийц, у Иосифа выступает яснее в своей целесообразности и верности (1Ц.19:13: отпустив Давида, Мелхола взяла статую и положила на постель, а в изголовье ее положила козью кожу, и покрыла одеждой, а подосланным от Саула убийцам сказала: «он болен!». Тогда Саул велел даже принести его к себе на постели, чтобы убить его. И пришли слуги, и вот на постели статуя, а в изголовье ее – козья кожа). Проникая ближе в намерения находчивой Мелхолы, Иосиф разъясняет, «что козья печень», положенная ею «под одеяло», «трепетанием своим приподнимая последнее, придавала вид тяжело-дышащего человека», и эта иллюзия, удачно придуманная (если бы только отделенная от животного печень действительно могла обладать такими свойствами!) на случаи недоверия слуг и царя к сообщению, что Давид болен, помогла ввести в заблуждение убийц и самого царя, а тем самым и выиграть по возможности то время, какое нужно было для того, чтобы Давид успел «замести» все следы своего побега. Любопытна подробность, что Ионафан, защищая друга своего пред отцом, просит и себя отпустить к Давиду, осуществление чего, однако, невидно из дальнейшего, да едва ли и самая эта просьба была возможна на деле. Зайдя по пути в Номву к Ахимелеху первосвященнику, Давид берет у него меч Галиафов, посвященный им в Скинии, о чем в подлежащем месте Библии не было упомянуто, но не вопреки ей отмечено Иосифом. Несчастное происшествие с Ахимелехом, безвинно зачисленным в число соучастников Давида после этого посещения им Скинии, передано своеобразно. Но точны, разумеется, разговоры Саула с Вениамитянами, упрекнутыми в укрывательстве козней Давида и Ахимелеха, хотя основательны доводы последнего, старавшегося оправдать себя в приеме Давида незнанием его действительного положения и высоким почетом, каким доселе был отличаем этот вернейший из рабов и зять царя. Вместо цифры 85 еврейского оригинала и 305 греческого для обозначения количества избитых Саулом после этого дознания священников, Иосиф показывает 300, добавляя, что в настоящем варварском повелении Саула можно усматривать исполнение кары Божьей над домом Илия, что Библией усваивается лишь событие окончательного отнятия первосвященства от дома Илиина (при Соломоне) и возвращения оно снова Елеазаровой линии (см. выше; 3Цар.2:27, 35).

В то время, как Давид пользовался гостеприимством Анхуса, царя филистимского, и укрывался у него от Саула, умер Самуил, эта наиболее светлая личность за весь период Судей (по Иосифу: «казалось, самой природой был произведен для защиты истины и для добра всякому»). Это было, по Иосифу, через 30 лет после смерти Илия, причем, указанные годы слагаются у него из 12-летнего единоличного правления народом в звании судьи после Илия, и 18-летнего с Саулом, т.е., следовательно, смерть Самуила предварила 22-мя годами смерть Саула, царствовавшего 40 лет (2Ц.2:10; Деян.13:21). Последнее обстоятельство, между прочим, довольно понятным делает то, что Аэндорянка, вызывавшая, по просьбе Саула, старца, умершего 22 года назад, не знала и не сама собою узнала вызванного. Впрочем, она не знала или не узнала также и Саула, пока не известилась об этом – неизвестно как – от Самуила. Самое искусство (τέχνη) волшебницы Иосиф понимает выше каких-либо обыкновенных гаданий, термилируя его словом «μαντεύεσθαι» (LXX называют эту волшебницу ἐγγαστριμῖθος, гадающая по внутренностям), и расточает ей усердные похвалы за «отменное добролюбие ее души». Рассказав, затем, поражение и гибель Саула, Иосиф останавливается и на его замечательной личности, как это имеет обыкновение делать везде, подводя итоги всем более или менее замечательным в истории своего народа мужам. В Сауле он отмечает особенными похвалами мужество, благоразумие и истинное геройство сего царя, проявившиеся, между прочим, в том, что он, хотя знал о гибели своей и своего семейства, однако, из любви к собственной жизни не хотел продать врагам своего отечества (воинства) и опорочить величия царского.³³²

После трагической кончины первого царя Израильского³³³, двоецарствие продолжалось недолго (2 года). На стороне Давида (1034–994 г.) стоял пока только дом Иудин. Но вскоре же, и тот же Авенир, который вначале склонил было всех остальных Евреев пристать к Иевосфею, преемнику Саулову, увещевает потом всех признать царем Давида, достигая цели в обоих случаях – благодаря репутации мужа, благоразумного и весьма любимого народом, что, действительно, одно только и могло дать такой успех действиям одного человека (2Ц.2:8–9; 3:12 и д.). Вот почему понятно и то, как искренняя и глубокая была скорбь Давида, громко плакавшего над гробом этого влиятельного вельможи, когда его сразила предательская рука Иоава, под предлогом отмщения за брата Азаила, убитого Авениром (2Ц.3:27), а на самом деле для того, чтобы избавиться от столь опасного соперника в военачальстве и предпочтительной чести у своего государя. В лице убитого Давид оплакивал одного из тех славных своих сподвижников, ради коих много покоилась на Давида особенная любовь и приверженность всего народа; хотя в глазах последнего и теперь Давид ничего не потерял, а даже выиграл, проявив такое трогательное участие к убитому не по вине самого царя.³³⁴ Еще более обнаружил благородство и возвышенность своей истинно-царской натуры Давид при известии об убиении Иевосфея³³⁵, удерживавшего большую часть неповиновавшегося еще Давиду народа. «Злодеи! – восклицает Давид цареубийцам (имена их у Иосифа – Ванаоф и Фанн; Библ. – Рихав и Баана,

2Цар.4:2, 5, 9), – думали ли вы, что я переменялся и готов жаловать уже ныне преступников, – что содеянное вами беззаконие сочту оказанным мне благодеянием?!"... Само собой разумеется, что убийцы понесли достодолжную казнь. Верный своему, крайне странному обычаю – искажать цифры, Иосиф дает неточное исчисление воинов, пришедших в Хеврон передать Давиду царство Саулово по слову Господню (1Пар.12:23). Из сынов Левииных он указывает 4.700, вместо 4.600 Библии, к которым сверх того здесь еще присоединяется 3.700 пришедших с Иоддаем, князем от племени Ааронова; число Вениамитян – 4.000 (Библия 3.000 и еще «стражи»); из колена Иссахарова 200 представителей – προῦνωσκοντες τὰ μέλλοντα, при ополчении в 20.000 (Библ. 200 ὑνῶσκοντες σύνεσιν εἰς τοὺς καιροὺς, ὑνῶσκοντες τί ποιήσει Ἰσραὴλ εἰς τὰς ἀρχὰς αὐτῶν и вся братия их); Неффалимовцев – при 1.000 вождях бесчисленное множество народа (при таком же количестве вождей – по Библии – указывается 37.000 армии этого колена); наконец, неточность в исчислении войска колена Данова 27.000, вместо 28.600 Библии. В обстоятельствах осады будущего града Давидова – Сионской крепости Иевусеев примечательна маленькая подробность Иосифова повествования, указывающая, что насмешке над попыткой Давида завоевать крепость, считавшуюся неприступной, придано было Иевусеями более резкое и остроумное выражение. Иевусеи именно на самом деле выставили на стене слепых, хромых и увечных, послав сказать, что даже эти последние не допустить взять город (срв. 2Цар.5:6), выражая этим и свое крайнее презрение к Евреям, и чрезмерную надежду на неприступные твердыни своей крепости. Тем блистательнее, следовательно, было и проявилось геройство и храбрость войск Давида, когда не устояла пред ними даже и такая твердыня, как Сион, которым Иевусеи обладали 515 лет³³⁶, считая от Иисуса Навина. Существование этого города было небызвестно Гомеру, который, по словам Иосифа, знал его в свое время под именем Солимь.

В описании дальнейшей деятельности Давида следует отметить несколько случаев, показывающих, что Иосиф не чужд подражания или вообще сходства с книгой Паралипоменон в проведении иерархических тенденций, составляющих значительную особенность названной книги.³³⁷ Когда, по завоевании Иерусалима, Филистимляне, сплотившись, согласились противиться Давиду, то известно, что он – по (2Цар.5:19) – вопрошал Бога, должно ли ему выйти на врагов. Хотя этот случай не повторяется более, но Иосиф пользуется им, чтобы отметить, что Давид ничего не отваживался делать без пророчества или повеления Божьего. С другой стороны, царь у него не сам, не лично направляет вопрос к Богу, но допускает делать это, как чрез посредствующую инстанцию, – первосвященника (ἐκέλευσε τὸν ἀρχιερεᾶ τί δοκεῖ τῷ θεῷ, καὶ ποῦ ἀπὸν ἔσται τὸ τῆς μάχης τέλος, προλέγειν αὐτῷ, VII, 4, 1). Другой случай, подобный первому по выдержанности иерархических тенденций, видим в повествовании о смерти Озы, умирающего от простреления руки к падавшему ковчегу. Остававшееся недостаточно вразумительным в первоизвестии (2Цар.6:6–7) Иосиф поясняет, согласно с позднейшим повествованием (1Пар.15:12–15), чрез прибавку, что Оза был не священник

(Арх. III, 4, 2: ὅτι μὴ ὢν ἱερεὺς ἤψατο ταύτης (τῆς κιβωτοῦ). В тех же видах Гефеанин (2Цар.6:11), а также (1Пар.14:13), – у которого был оставлен³³⁸ на время ковчег, после неприятного приключения с Озой, превращается у Иосифа в благочестивого человека левитского происхождения (ἀνδρὸς δίκαιου... λεβίτου τὸ γένος, VII, 4, 2). Иосиф, далее, допускает переносить ковчег в резиденцию Давида чрез священников, о чем книги Царств не знают. За то Паралипоменон дает нечто более характерное, отказывая Озе не только в священническом, но по-видимому даже и в левитском достоинстве: Давид собирает сынов Аарона и множество левитов, и говорит им, что несчастье, причиненное ковчегом, только потому произошло, что его касались «не левиты»; но теперь не должен никто касаться ковчег, кроме, как только левиты, ибо это определено так Богом (1Пар.15:2–3; 12:14, 15).

В исчислении и поименовании детей Давида Иосиф очень своеобразен и не дает также никаких критериев для обсуждения законности и приемлемости этого своеобразия, тем более, что – как известно – и сама Библия в данном случае не устанавливает чего-либо неизменного – общего. Мы имеем несколько мест, приводящих число и имена сынов Давида, которые, очень небезлюбопытны в одной параллели между собою и с датой Иосифа.

Дети Давида, родившиеся в Хевроне:

2Цар.3:2–5		1Пар.3:1–4		Арх. VII, 3, 3	
1	Амнон (от Ахиноамы)	1	Амнон (от Ахиноамы)	1	Амнон (от Ахины)
2	Далуия (от Авигеи)	2	Далуия (от Авигеи)	2	Даниил (от Авигеи)
3	Авессалом (от Маахи)	3	Авессалом (от Маахи)	3	Авессалом (от Маханы)
4	Адония (от Аггифы)	4	Адония (от Аггифы)	4	Адония (от Аггиты)
5	Сафатия (от Авиталы)	5	Сафатия (от Авиталы)	5	Герфеса
6	Иефераам (от Эглы)	6	Ифреам (от Аглаи)	6	Гала

Дети Давида, родившиеся в Иерусалиме:

<u>2Цар.5:14–15</u> евр. по LXX				<u>161Пар.3:5</u> и д. евр. по LXX				Арх. VII, 3, 3	
1	Самуа	1	Самаа	1	Симеа	1	Самаа (от Вир-	1	Амас
2	Совав		Совав		Совав		Совав (са-		Емнос
3	Нафан		Нафан		Нафан		Нафан (ви		Еван
4	Соломон		Соломон		Соломон		Соломон (и		Нафан
5	Ивехар	5	Иеваар	5	Ивехар	5	Иеваар	5	Соломон
6	Елисуа		Нафиг		Елисама		Елисама		Иевар
7	Елфалет		Иафие		Елифалет		Елифалетф		Елиив

8	Ногах		Елисама	Ногах	Ногe	Фална
9	Нефек		Елиада	Нефек	Нефег	Иннафив
10	Иафия	10	Елифалет	10Иафия	10Иафие	10Иенае
11	Елисама	11	Елисуе	Елисама	Елисама	Елифале
12	Елидае			12Елидае	12Елиада	12Фамарь (дочь)
13	Елифалейф			Елифелет	Елифалат	
			14	Фамарь (дочь)	14Фамарь (дочь)	

Из приведенной таблицы наглядно видна прежде всего крайняя неоднородность³³⁹ и даже неравночисленность семьи Давида по различным датам.

Затем, принимая во внимание, что в (1Пар.3:9) писатель, приведя имена сначала Хевронских – 6, а затем остальных 13 детей Давида, заключает все следующим образом: «вот все сыновья Давида, кроме сыновей от наложниц»; – мы должны констатировать, что все упомянутые дети Давида были «законны», и что кроме них были у него еще и «незаконные» дети (отсюда следует также, что законных жен у Давида было несколько (срв. 2Цар.5:18) ибо все из Хевронских 6 детей его родились ему от 6 разных матерей, и сама Библия, называя этих детей законными, не включает, очевидно, их матерей в число Давидовых наложниц. Что касается Иосифа, то – при крайней своеобразности – он, вероятно, и менее достоверен, чем Библия. Его Иерусалимская Давидова семья представляет из себя какую-то выборку из общего числа детей Давидовых, коих, набрав числом 11, он 9 называет законными и 2 приписывает наложницам.

Отметим несколько неточностей в истории междоусобной войны Давида с Авессаломом.³⁴⁰ Сообщник Амнона в совершении им гнусного кровосмешения с сестрой Авессалома, причинившего потом целый ряд неприятностей Давиду, назван Ἰωνάθης (2Цар.13:3 – Ионадав). Не совсем мирится, затем, с самим Иосифом и Библией его показание, что Давид имел при сражении с Авессаломом – 4.000 воинов. Если принять во внимание, что Иосиф приписывает победу Давида большей силе его и искусству, с другой стороны – число павших в этой битве (по 2Цар.18:7 и по Иосифу – 20.000 чел.); то мы должны принять одно из двух: или неточность и недостаточность цифры Иосифа в исчислении воинов Давида, или – необходимость объяснить победу Давида не превосходством в силе, а каким-либо другим, как напр., нравственным, заключавшимся в правоте его дела и небесной помощи; могло иметь значение здесь и искусство, относимое Иосифом на сторону Давида, наряду с силой. Новое уклонение от Иосифа в показании цифры обнаруживается в числе вельмож Давидовых – 38 (Библ. 37 – 2Цар.23:89; срв. 1Пар.12:26–47, а также 11 ст., 15 и 25) и особенно – в обещаемой Иоавом за убийство Авессалома награде (2Цар.18:11–12). Приведенное место Царств имеет так: «и сказал Иоав человеку, донесшему...: вот ты видел, зачем же ты не поверг его там на землю? Я дал бы тебе 10 сиклей серебра и один пояс (Иосиф – впятеро больше – πεντήκοντα σίκλους). И отвечал тот Иоаву: если бы

положили на руки мои и 1.000 сиклей (Иосиф вдвое – διςχιλίους)...., и тогда я не поднял бы руки на царского сына», и т.д. Небезлюбопытно при описании кончины Авессалома упоминание о мраморном столбе Авессалома, в 2 стадиях от Иерусалима. Этот столб и был тем «памятником в царской долине», которым Авессалом хотел увековечить свое имя, и где, вероятно, желал быть погребенным (2Цар.18:18).

Важные особенности представляет повествование Иосифа в обстоятельствах переписи народа, затеянной Давидом в тщеславных целях и накликавшей новый гнев Божий на увлечение царя. Грех переписи, по Иосифу, состоял прежде всего в забвении заповеди Моисея, предрекшего в свое время, чтоб при исчислении народа за каждого человека принесено было по $\frac{1}{2}$ сиклю Господу (Исх.30:12). Известно, далее, что Иоав (1Цар.21:6) при исполнении повеления царя не исчислил левитов и Вениамитян, потому, как говорит Библия, что «не хотел», ибо ему не угодна была эта царская затея. Иосиф иначе толкует указанное упущение Иоава: этот последний, по Иосифу, лишь «не успел» сосчитать Вениамитян, а Левиино колено вынужден был и вовсе оставить, в виду того, что царь уже раскаялся. В итогах Иоавовой переписи Иосиф по обыкновению не точен, как неточна, впрочем, в соответствующих параллельных местах и сама Библия. Вот параллели, по которым очевидны все эти неточности:

2Цар.24:9

1Пар.21:5

Иосиф

800.000	Израильтян,	Всех	Израильтян	тысяча	тысяч	и	900.000	всех
способных		к	100.000	обнаж.	меч;	Иудеев	–Израильтян,	могущих
оружию, и	500.000	470.000	(LXX –	480.000)	обнаж.	носить	оружие;	400.000
Иудеев		меч					колена	Иудина

Характер суждений Иосифа относительно мотивов, коими руководился царь при избрании казней, предложенных ему в наказание, обличает казуистический метод Вавилоно-Палестинской школы, которой, несомненно, следовал в данном месте Иосиф (Jalk. II, 165).³⁴¹ Не голод избирает царь, ибо было бы несправедливо, когда он не имел бы нужды в хлебе, а народ голодал; – не войну, ибо и она также для него лично безопасна, но – мор, как общее и царям и подданным бедствие, которое всем равно опасно. Что касается Иосифова описания язвы, то оно не лишено у него фантастичности: «различным умирали образом, – читаем у него, – и никто не мог определить рода смертоносной болезни... Иные нечаянно... с болезнями и мучением испускали дух; другие страдали дольше, не поддаваясь лечению. Иные, лишаемые зренья, рыдали; иные, погребая своих, сами лишались жизни"... О гумне Орны (Ὁρυνᾶ), являющегося в числе особенных Давидовых обожателей (ἐν τοῖς μάλιστα Δαυΐδου) из пощаженных им при завоевании Иерусалима Иевусеян, Иосиф замечает, что оно было расположено на том самом месте, где Авраам хотел заклать Исаака, и где Давид нашел поэтому особенно приличным воздвигнуть жертвенник Иегове.³⁴² О том, что видение Ангела с обнаженным мечем имело место «над гумном» Орны, и что, между прочим, и *это* было основанием для построения здесь жертвенника, Иосиф не сообщает хотя и упоминает об означенном видении; при этом, также он

допускает покупать гумно не за 600 сиклей золота, как (1Пар.21:25), а лишь за 50 сиклей серебра, как 2Цар.24:24.

Начало храма, который задумал построить потом здесь Давид, но который определено воздвигнуть Соломону, положено, однако, было уже при Давиде. Прежде всего, он старался облегчить нелегкую задачу своего сына заблаговременным подбором рабочих и заготовкой всего необходимого для сооружения храма – материала. По кликнутому кличу, собралось к месту строения 180.000 пришельцев, из коих 80.000 сделаны были каменотесцами, 3.500 приставниками и остальные каменоносцами.³⁴³ Масса золота, серебра, меди, железа и др. материалов заготовлено было Давидом для будущего храма: 10.000 талантов золота и 100.000 серебра³⁴⁴, а также множество меди, железа, дерева, мрамора и разных камней.³⁴⁵ Желая более одушевить самого Соломона и расположить старейшин к усерднейшей ему помощи, Давид говорит тому и другим – одушевленные речи, призывая употребить все силы и усердие в высокой почести строителей храма Божьего. Сверх всего этого, Давид собирает штат левитов (до 23.000)³⁴⁶ для прислуживания в будущем храме, и делает потомков Моисея стражами Божьих сокровищ и даров царских. Самые чертежи храма составлены были при Давиде и вручены от него Соломону при предсмертной к нему речи. Давид же завязал сношения и с Хирамом, царем Тирским, расположив его к дружескому пособию Соломону и к одолжению кедровых деревьев для воздвигаемого храма. Обеспечив, таким образом, успех будущего славного подвига своего сына, Давид спокойно отходит из этого мира. Характеристика, которую дает ему Иосиф (по своему обычаю) – сказав о его смерти, отмечает его как мужа «превосходных качеств», одаренного «всеми доблестями, потребными царю»: «мужественнее всех», первый в битвах подвергался опасности, и «не столько властью, сколько личным примером, поощряя к храбрости»; «в управлении весьма рассудителен и проницателен»; «целомудрен, кроток, милостив к несчастным, справедлив и человеколюбив, исключая касающегося до Урии»; «богатство оставил такое, какое ни один царь, не только Еврейский, но и всякий». Иллюстрируя баснословные размеры этого богатства, положенного Соломоном в гробницу почившего, Иосиф приводит два анекдотичных известия о раскрытии означенных сокровищ: по первому из них³⁴⁷, через 1.300 лет первосвященник Ирган, осаждаемый Антиохом Благочестивым, сыном Димитриевым, – между прочим, появился от осады, вскрыв одно из отделения Давидовой гробницы и воспользовавшись 3.000 талантами, чтобы откупиться ими от Антиоха. Подобное же похищение из «другого отделения» повторил Ирод, взяв «несметные сокровища». Но «они еще не достигали самых гробов царских, искусно скрытых хоронившими» – добавляет» Иосиф, повторяя народное предание о погребенных с Давидом³⁴⁸ несметных сокровищах.

Преемник Давида, славный и могущественный Соломон³⁴⁹ выступает, в повествовании Иосифа под ореолом особенного, беспримерного величия, благодаря, между прочим, одной черте в характеристике этого «превосходившего разумом и мудростью всех смертных» («даже Египтян») царя, – черте, баснословной не по существу, а по условиям ее проявлений:

разумеет – чудотворность, приписываемую Соломону в изгнании злых духов, что Иосиф также называет «наукой», открытой Соломону свыше для пользы и врачевания людей (παρέσχε δ' αὐτῷ μαθεῖν ο' θεὸς ὅς καὶ τὴν κατὰ τῶν δαιμόνων τέχνην εἰς ὠφελείαν καὶ θεραπείαν τοῖς ἀνθρώποις). Владея этой наукой, Соломон сочинил, как повествует Иосиф, «обаяния», коими «умягчаются жестокости болезней», оставил «способы заклинаний», чрез которые «связываются и изгоняются бесы так, что никогда опять туда же возвратиться не могут». Но особенно странно то сообщение Иосифа, что «этот род врачевания» и «доныне у нас в великой силе» (καὶ αὕτη μέχρι νῦν παρ' ἡμῖν ἡ θεραπεία πλείστον ἰσχύει). «Я сам видел, – свидетельствует он, – одного из моих соотечичей, именем Елеазара, в присутствии самого Веспасиана и сынов его, также при многих тысяченачальниках и воинах, исцелявшего страждущих злыми духами». Вот «способ его врачевания: прилагал он к ноздрям беснующегося перстень, в печати коего врезана была часть показанного Соломоном корня, обоняние которого и извлекало из ноздрей беса. Потом, когда беснующийся упал на землю, заклинал злого духа, чтобы никогда в человека того не возвращался, при каковом заклинании произносил имя Соломоново и прочитывал составленные от него заклинательные формулы». Наконец, желая уверить предстоящих лучше в силе своего искусства, экспериментатор «ставил неподалеку от беснующегося стакан или другой сосуд, наполненный водой, и повелевал бесу, чтобы он, исходя из человека, опрокинул его и тем ясно доказал, что он действительно оставил человека». И как это на самом деле исполнялось, то «все предстоящие увидали, сколь велика была Соломонова премудрость», возвеличение которой так мало нуждалось в подобных нелепостях, – вероятно, представляющих грубейшее извращение³⁵⁰ христианских чудес того времени, свидетелем коих, действительно, мог быть Иосиф (см. особенно любопытные в этом случае места – Деян.15:12; 19:12–17; 16:18).

Более свободен Иосиф от подобных вымыслов и увлечений в самом описании царствования Соломона, хотя и здесь мы должны назвать несколько преувеличенную прежде всего ссылку его на ту ревность к истине какую хотел видеть в себе он. Так, приведя письма Соломона к Хираму Тирскому и ответ последнего (3Цар.5; 2Пар.2), Иосиф уверяет, что экземпляры сих писем находятся и «доныне» в целости, хранясь не только в «наших книгах», но и «у самих Тирян», приглашая каждого справиться о сем в Тире у «хранителей государственных летописей». Тут же он пользуется случаем заверить своих читателей, что во всем имеет твердое намерение писать одну истину, а не примешивать в свои писания для увлекательности их правдоподобные вымыслы, увещывая верить без всякого дальнейшего расследования; напротив, он просит не прежде соглашаться «с нами», как после того когда истина ясно будет установлена и подтверждена непоколебимыми доводами. После всего, что мы знаем уже об Иосифе, самоуверенность его в данном случае подлежит обычному обузданию и осторожному применению.

Случайно, или намеренно, утверждаясь, быть может, на других каких-либо данных, Иосиф иначе передает сведения о главном архитекторе храмовых

украшений, выпisanном Соломоном из Тира от Хирама и одного имени с этим последним. Этот Хирам³⁵¹ (архитектор) – по Иосифу – (и согласно, впрочем, с 3Цар.7:14) по матери «происходил от колена Неффалимова³⁵², отца же имел Израильтянина Урию.³⁵³ На построение храма всего употреблено 7 лет, тогда как дворец Соломона³⁵⁴, заказанный царем себе после храма, потребовал для своей окончательной отделки 13 лет. Чтобы не казалась странной и унижающей Соломона такая несоразмерность, Иосиф, как впоследствии основывавшийся на нем Jizchaki в его комментариях к (1Цар.7:1), – объясняет это тем, что храм строился с большим тщанием и помощью Божьей, чем дворец, в постройке которого Соломон стал уже значительно ленивее или более утомлен, и материалы для которого не были заготовлены и обделаны заранее, как для храма. Таким образом, сравнительная скороспешность постройки дома Божьего пред домом царским обращается более к похвале царя, употребившего на достойное жилища Божьего здание всю свою энергию и тщательность. Сверх щедрых даров и любезностей, коими обменялись много помогший Соломону в деле создания храма Хирам и царь Израильский, Иосиф, основываясь на свидетельстве историков Менандра Ефесского и Дия, сообщает анекдотичное соперничество этих царей в мудрости и остроумии путем загадывания трудных и требовавших большой проницательности ума – задач.³⁵⁵ Почин в этой диалектической игре, по-видимому, дал **Хирам**, который «послал» Соломону несколько притчей и задач с просьбой об их изъяснении. По свидетельству упомянутого историка Дия, **Соломон** «прислал» Хираму загадки, прося себе таковых же для решения, при условии для обеих сторон штрафа за не решение. Хотя Соломон таким образом заставил Хирама заплатить себе великую сумму денег, но и сам потом вынужден был возратить немалый штраф, «умедлив» решить предложенные ему задачи. – Вторая половина царствования этого мудрого царя омрачена была неразумным отступлением его от истинного Бога и служением богам чуждым, в угоду своим женам, коих было у него «до тысячи» (с наложницами) и «большею частью» из иноплеменниц. Продолжительность всего царствования Соломонова указывается Иосифом в подлежащем месте вдвое большая по сравнению с (3Цар.11:42; 2Пар.9:30), т.е. не 40, а 80 лет, при продолжительности жизни – 94 года.

Нарушение истинного Богопочтения, послужив первостепенной причиной раскола в Еврейском государстве, со времени Соломона пускает глубокие корни в избранный народ, и не раз угрожая впоследствии целостности и чистоте истинного Богопочтения и служения Иегове, развивается и идет бок о бок с последним. Особенно много этому содействует на самых первых порах отчуждение большей части Израиля от Иерусалима, как религиозного центра, само собой вызывавшее необходимость искусственной замены его и искусственные направления вековых тяготений Израиля к одному такому центру. Так как религиозные потребности Израиля долгое время жили в нем и питались совместно с политическими, и внезапное отграничение первых не могло не угрожать парализованием вторых, то, естественно, уже в силу своих интересов первый царь «Израильский» (Иеровоам I)³⁵⁶ должен был явиться и

первым посягателем на вековые традиции народа, – первым инициатором попытки основать и религиозную жизнь независимую от всякой связи с Иерусалимом с его религиозно-жизненными преимуществами. Иеровоам был – поэтому – первым отступником от религиозного патриотизма своего народа и первым проповедником национально-Израильского, так сказать, (официально-государственного) идолопоклонства. Первый шаг к этому нечестию искусно замаскировался для Израильянина простым желанием «отметить» присутствие вездесущего Божества и приурочить служение Ему к определенным для того нарочито пунктам. В этом духе Иеровоам и предлагает свою речь народу, нуждавшемуся в объяснении и наставлении касательно нового и необычайного вида Богопочитания. Он успел блестяще осуществить свою затею, и следы его влияния на религиозное отчуждение Израиля («поклонение тельцу») идут далеко вглубь, до окончательного ниспровержения царства Израильского. – Иосиф знает имя (Иадон) «человека Божьего», приходившего из Иудеи обличить грех Израиля и напомнить ему о его истинном назначении. Несчастное происшествие с этим Иадоном на возвратном пути в Иудею передается у Иосифа несколько яснее и – как кажется – весьма близко к истине. Обманом увлекший Иудейского пророка в свой дом и заставивший его нарушить повеление Божье вкушением хлеба – некий «пророк – старец» (3Цар.13:11) был лишь на самом деле нечестивый старец – *πονηρὸς ψευδοπροφήτης*, которого Иеровоам имел в великом почтении за то, что он всегда предвозвещал ему приятное. Во время жертвоприношения Иеровоамова он лежал на одре своем по причине дряхлости, и лишь поэтому не мог быть деятельным участником нечестия и очевидцем Вефильского происшествия, узнавая о нем из вторых рук (через сыновей). Но что же заставляет этого дряхлого старика при первом известии о вдохновенном пришельце забыть свою дряхлость, потребовать себе осла и пуститься в погоню, чтобы вернуть странника и объявить ему противное первоначальному Божье повеление – вкусить в его доме хлеба? Действительное откровение Божье? Содружество и безотчетное, но понятное влечение к носившему одно с ним звание пророка? – Нет. Этот «лживец», как называет его Иосиф³⁵⁷ (срв. 3Цар.13:18), делает все то потому лишь, что опасался, как бы сей иностранец, не пришел в бóльшее у царя уважение нежели в каком находился он. Обман (последствия коего во всяком случае ожидалось не в пользу обманутого) удастся, и пророк терпит наказание. Любопытно, что у Иосифа «слово Господне» об этом наказании было не «к пророку, воротившему его» (3Цар.13:20), а к «самому» Иадону во время самой трапезы является Господь и объявляет ему наказание. Мотивом, по которому затем «льстец», похоронив пророка, заповедывает и себя похоронить вместе с ним, было желание – трудностью различить «их» кости – предохранить «свои» от поругания, которое предсказал пророк, что действительно впоследствии (через 361 год по Иосифу) и исполнилось (4Цар.23:18). Между тем, не останавливаясь на полпути, лжепророк, нимало немедля, принимает меры к восстановлению своего престижа пред царем. Он приходит к нему и, объявляя «безумцем» (*ἀνόητος*) приходившего предсказателя, убеждает царя не

смущаться его предсказаниями. На возражение царя, что чудесное приключение с жертвенником и его рукою, по-видимому, не оставляют сомнения в том, что это был истинный пророк, старец успевает уверить его, что рука его просто «отерпла» (ὑαρχήσειε) от тяжести возлагаемых жертв, и потом, отдохнув несколько, сама собою возвратилась в прежнее состояние; что касается расседения жертвенника, то и это произошло просто от множества жертв, на нем лежавших; наконец, возвестив ему несчастную смерть пророка, выставлял ее как ясное доказательство того, что он не был Божий пророк. Сими и подобными коварствами, льстец успел разуверить царя и вернуть его на прежний путь и даже путь еще большего отвращения сердца от Бога и добродетели и ожесточения во зле и всяких пороках. Этим-то объясняется безуспешность миссии пророка и быстрый переход Иеровоама от нечестия к раскаянию и потом к еще большему нечестию.

Не лучше обстояло дело и в Иудейской половине народа Божьего, на самых же первых порах ее обособления от Израильской. «Во всем благоприятствующее счастье», более всего приводящее к развращению и огрубению сердечному, уклонило Ровоама³⁵⁸, по примеру своего отца³⁵⁹, от Бога, а вслед за ним и его подданных, которые, по Иосифу, уже ради того предавались нечестью, чтобы – ревнуя по добродетели – не причинять тем царю неприятности. Наказанием нечестия было нападение Сусакима³⁶⁰, царя Египетского, разграбившего Иерусалим, при чем в числе добычи Иосиф указывает золотые колчаны, полученные Давидом «от царя Софины» и посвященные им Богу (срв. 3Цар.14:26).

В дальнейшем повествовании судеб народа Божьего Иосиф вообще настолько солидарен с каноническими источниками, и менее опрометчив в разного рода побочных сообщениях (может быть за их отсутствием), что весь остальной отдел первой половины (VIII-XI кн. Археологии) дает сравнительно менее всего характеристичных и значительных отступлений Иосифа от своего главного первоисточника. Обращения к преданиям становятся очень редкими и маловажными. Их место – и не без достоинства – начинают занимать внебиблейские и уже чистоисторические свидетельства о тех особенно событиях из истории народа Еврейского, которые были более или менее близко соприкосновенны с историей других народов. Таково, между прочим, только что приведенное свидетельство о Сусакиме или, в дополнение к повествованию о событиях в земле Израильской, заимствование из Менандра, упоминающего о годовой засухе при Итувале³⁶¹, царе Тирском, современнике Ахава³⁶², – то есть, о той засухе, которая предсказана и отвращена молитвой Илии. Нисколько не столь важных особенностей встречаем в истории жертвоприношения этого пророка при состязании со жрецами Ваала. Прежде всего, удобно и не без пользы принять можно сообщение Иосифа, что отец Иезавели, жены Ахавовой, соединял с царским званием сан верховного жреца Ваалова и отличался, как и вся его фамилия, особенным языческим фанатизмом и жестокостью, овладев Тирским тронem чрез убийство своего предшественника – Фаллеса.³⁶³ Это объясняет нам ее мстительный, нетерпимый, развращенный характер и пагубное влияние на подчинявшегося

ей слепо мужа, а равно подобные же качества дочери ее Гофолии, обнаруженный в Царстве Иудейском... Опыт состязания жертвоприношениями между Ильей и жрецами, по Иосифу, предпринимается вначале, по-видимому, на одном и том же жертвеннике и с одним и тем же тельцом при том условии, чтобы признавать истинным Богом того, по молитве Которому огонь поглотит лежащую жертву. После неудачного опыта жрецов, Илия, по выражению Иосифа, сам приступает к закланию жертвы, дав приблизиться народу, чтобы устранить всякую возможность подозрений в тайном подкладывании огня. Впрочем, Илия, ради большого величия чуда, строит для принесения жертвы свой жертвенник и закалает другого тельца, усугубив в глазах народа предосторожности на случай подозрений в обмане. Обличив и задержав, после чуда, ложных пророков, Илия отвел их, как читаем в Библии, потоку Киссону и заколол их там (3Цар.18:40). Иосиф говорит вместо этого только, что они были пойманы и закланы народом по увещанию Илии (συλλαβόντες δ' αὐτῶν καὶ τοῖς προφήταις, ἀπέκτειναν Ἰλίου τοῦτο παραινέσαντος). Убежищем, которое избрал потом бежавший от гнева Иезавели пророк, Иосиф называет гору Синай, вместо Библейского Хорива, хотя обе эти горы находятся по близости одна от другой и одинаково носили название «горы Божьей» (3Цар.19:8). Любопытную особенность допускает, затем, Иосиф в передаче известного происшествия с пророками пред отправлением Ахава – в союзе с Иосафатом царем Иудейским³⁶⁴ – на войну с Сиринами. Оказывается, что Седекия, один из ложных пророков, льстиво напутствовавших Ахава предсказаниями победы, «ударяет» оппонировавшего им Михея, со следующим вызывающим заверением к царю: «пусть – ежели он истинен и имеет Духа Божьего – когда я ударю его по ланите, иссушит руку мою, как сделал Иадон с Иеровоамом!», – и, не претерпев ничего подобного, успевает разуверить царя в доверии к пророчеству Михея, чем самым и ускоряет его на гибель, не умедлившую постигнуть Ахава, не смотря на переоблачение царей, которым они замысловато надеялись воспрепятствовать исполнению Михеева пророчества.

Событие 4Цар.1:9–15 (взятие под стражу Илии) Иосиф старается представить более понятно и обстоятельно. Первые два посланника царицы, отправленные за пророком, погибают не по какому-либо капризу и насилию пророка, а за свою дерзость, так как осмелились прямо повелевать ему с суровым видом – отдаться им, и угрожали в противном случае принудить его к тому силою. Только тронутый учтивостью и смиренной просьбой исполнявшего свой долг более корректно третьего сотника, Илия соглашается оставить свое убежище и идет к царю. Вместо описания последних земных минут этого пророка Иосиф весьма глухо только упоминает, что он «был взят от среды людей, и никто даже до сего времени не знает о его кончине» (ἐξ ἀνθρώπων ἡφανίσθη καὶ οὐδεὶς ἔγνω μέχρις τοῦ σήμερον αὐτοῦ τὴν τελευτήν). «О сем Илии», поясняет Иосиф, да «еще об Енохе», жившем до потопа, упоминается в св. книгах только, что «их не стало» (ὅτι γεγόνασιν ἀφανεῖς), а о «смерти» их «никто ничего не знает».

В истории пророческого служения Елисея, преемника Илии (его μαθητὴς καὶ διάκονος, Арх.VIII, 13, 7), примечательно сообщение Иосифа³⁶⁵, что «одна из жен сынов пророческих», жаловавшаяся после смерти мужа на крайнюю бедность и притеснения заимодавцев, была никто иная, как «жена того Овидия (3Цар.18:3 и 4 – Авдий), управителя Ахавова дома, который укрывал в свое время пророков, обреченных на смерть Иезавелью, и впал даже в долги, доставая деньги от заимодавцев для пропитания 100 из этих пророков. Этим в особенности вдовица располагает пророка сжалиться над ее состоянием и оказать ей помощь и защиту от жестоких заимодавцев, отбিরавших у нее за долги мужа обоих детей, каковая просьба ее и удовлетворяется чудесным умножением елея. Несколько особенностей представляют у Иосифа также события, имевшие место при смертном одре Елисея и при гробнице его. После упоминания о троекратном стрелянии из лука Иоасом, нет упоминания о биении стрелами по земле (4Цар.13:18, 19), и для символического толкования повелеваемого пророком действия является достаточным первый эксперимент. Что касается чуда над костями пророка, то оно передано у Иосифа в значительно извращенном виде. Событие это, происшедшее – по его словам – «вскоре»³⁶⁶ после самого погребения (отличавшегося – кстати – по Иосифу «особенной пышностью»), состояло в том, что «разбойники», умертвив человека, бросили его в Елисееву гробницу, и, как скоро убитый соприкоснулся телу пророка, немедленно ожил (срв. 4Цар.13:20–21). Нельзя оставить без упоминания несколько подробностей в истории столкновения Иоаса Израильского³⁶⁷ и Амасии Иудейского.³⁶⁸ Библия очень глухо касается повода, из-за которого возникло это столкновение. Она упоминает только, что Амасия, возгордевшись успехами своего оружия над Идумеянами, послал к Иоасу Израильскому сказать: «выходи, повидаемся лично!» (4Цар.14:8; 2Пар.25:17). Только уже из ответного послания Иоаса мы начинаем понимать, что эта просьба имела характер более определенного вызова. Иосиф, разумеется, не мог ограничиваться подобными «намекami». Он говорит об особом «писании» Амасии к Иоасу, где без всяких обиняков повелевалось последнему, чтобы он со всем своим народом подчинился державе его, представляя, что и прежде Израильтяне были подданными предков его Давида и Соломона, и угрожая в случае неповиновения – принуждением силой оружия. Здесь, таким образом, ясно выступает одна из попыток Иудейских царей возратить под свою державу отторгнутую часть народа, – попыток, неоднократно повторявшихся в период после разделения царства, но ни разу не осуществленных хотя бы на короткое только время. Такова неприложность суда Божьего в судьбах царств и народов! Самое столкновение упомянутых царей, происшедшее при Вефсамисе Иудейском, Иосиф передает неточно. По нему – неожиданный страх напал на воинов царя Иудейского («такой, какой ниспосылается обыкновенно от Бога на тех одних, кого в гнев Своем Он наказать хочет»), – и овладел ими настолько, что еще прежде начатия битвы они обратились в беспорядочное бегство (4Цар.14:12; 2Пар.25:22 – «и были разбиты Иудеи Израильтянами и разбежались каждый в шатер свой»). Не безуспешно старается пояснить Иосиф и то, каким образом

Иоас получил, затем, столь легкий, по-видимому, доступ к воротам св. города. По его сообщению, Иоас, захватив Амасию, оставленного воинами своими, «угрожал ему смертью», если он не повелит Иерусалимлянам отворить городские ворота, и этим действительно достиг цели, к счастью ограничившись только некоторым дебошем и грабежом городских сокровищ и оставив самого Амасию и граждан в покое.

Довольно обстоятельно приводит Иосиф историю пророка Ионы, жившего и действовавшего при Иеровоаме (II) Израильском³⁶⁹ – государе, с одной стороны, нечестивом «явном презрителе законов», которого Иосиф называет «великим врагом собственного своего народа», а с другой – «славном завоевателе, по пророчеству Ионы восстановившем пределы своего царства до границ древней Иисусо-Навиновской Хананеи, чрез покорение Сириан (сочетание – из редких в Библейской Истории). В объяснение мотивов, побудивших Иону пророка удалиться от лица Божьего в Иоппию и, затем, Тарс – вопреки повелению Божьему ехать во владение царя Нина (Ниневию) и возвестить последнему о скором лишении престола, – Иосиф представляет естественную «боязнь» столь щекотливого поручения. Впрочем, в приводимой им проповеди Ионы он весьма ослабляет эту щекотливость, заставляя возглашать пророка лишь то, что жителям Ниневии «угрожает опасность лишиться скоро владычества своего над Азией». Трогательного повествования о покаянии Ниневитян, во главе с царем, подавшим с высоты своего величия столь поучительный пример, Иосиф почему-то избегает, и последствий проповеди пророка вообще не касается совершенно.

Любопытно сообщение о святотатственном поступке Озии, так называемого «прокаженного» (Азария).³⁷⁰ По свидетельству Иосифа, он намеревался совершить каждение «в великий праздник, отправляемый торжественно всем народом», и притом – «возложив на себя священную одежду», что весьма, конечно, усугубляло дерзость его поступка, особенно в виду того еще, что на настоятельные требования первосвященника и жрецов выйти из святилища – он в гневе угрожал всем смертью. Поражение проказой, по Иосифу, сопровождалось другими знаменами гнева Божьего на его кощунство, а именно – произошло великое землетрясение³⁷¹, расселся храм и яркий луч «как бы солнца» блеснул в очи Озии, вслед за чем он немедленно и покрылся проказой; в то же самое время, как это происходило в храме, за городом на запад от него «отторглась» половина горы и, катясь к востоку на протяжении 4 стадий, позасыпала на своем пути сады царские. Как прокаженный, он «один только», по выражению Иосифа, погребен был в садах своих³⁷², прожив несколько времени «вне града» и сдав царство сыну своему Иоафаму.³⁷³ Сей последний царь изображается Иосифом, как воплощение всех добродетелей, и царских и просто человеческих, и отличался могуществом и благополучием царствования. Ко времени этого царствования Иосиф приурочивает пророческую деятельность Наума, предсказавшего падение Ниневии, каковое осуществилось чрез 115 лет. Сын и преемник Иоафама – Ахаз³⁷⁴ настолько отличался крайним нечестием, насколько отец его утешал всех ревностью об истинном Богопочитании и благочестии. Иосиф

еще более гнусным изображает его нечестие, когда говорит, что этот беззаконник даже «заклал, по обычаю Хананеев, во всесоужение (ὀλοκαύτωσε) сына своего».³⁷⁵ – Если так глубоко погрязали в нечестии цари Иудейские, несмотря на близость Иерусалима и храма с их святынями, то не трудно судить, насколько глубже должны были погрязать в нечестии цари Израильские со своим народом, удаленные от всего того, чем «жил» истый Иудей и без чего он мало чем отличался от язычников своего времени. Но таковы были уже судьбы Израиля, что его благополучие теснейшим образом связано было с верностью Иегове; оттого, когда никакие временные наказания и вразумления, никакие увещания пророков не оказывали положительного влияния на религиозно-нравственное исправление народа Божьего, Бог лишает его свободы, и порабощает игу необрезанных. Как более отвращенное от Бога, Царство Израильское скорее и падает; и орудием этого падения выступает Салманассар, царь Ассирийский (727–722), любопытное сообщение о коем заимствует Иосиф из Менандра, касающегося событий, вызванных появлением и подвигами Салманассара собственно в соседних Палестине областях. Заметка о предусмотрительном поступке Салманассара, выселившего Евреев с родины и поселившего на их месте другие народности, дает Иосифу повод сделать важную историческую справку о происхождении Самарян. Иосиф называет их общим именем «Хуфеи» (в раввинической литературе ח'פ'י), как назывались они на природном языке евреев до его времени потому, что переведены были из Хуфы, Персидской области, орошаемой рекой того же имени.³⁷⁶ Наученные присланными из плена Израильскими «священниками»³⁷⁷ закону и обрядам, они стали проявлять особенную ревность к новому Богопочитанию, не охладевшую ко временам Иосифа. В последующее время эта ревность мало-помалу сделалась неразлучной с усвоенным Самарянами убеждением в своем близком пламенном сходстве с Иудеями, – убеждением, отчасти оправдывавшимся последующей историей Самарянства. Иосиф склонен, по-видимому, отрицать всякое действительное родство Самарян с Иудеями (...«они, когда видят Иудеев в несчастии, говорят тогда **правду**, что они никакого с ними сродства не имеют», XI, 8, 6); тем не менее, настоящая правда их действительной близости и сродства с Иудеями ясна и под его пером. Помимо самых обстоятельств их поселения на месте Самарии, мы сошлемся на неоднократные сообщения Иосифа (в особенности в эпоху Гаризинского храма), что «всякий Иерусалимлянин, делавшийся виновным или в съедании языческих снедей, или в нарушении субботы или уличенный в другом каком подобном преступлении, обыкновенно убегал к Сикимитам», оправдывая себя несправедливым, осуждением на родине, и, вступая здесь в супружество, привносил, таким образом, свою еврейскую кровь в этот отпрыск еврейства. Конечно, этим еще не все разрешается в вопросе о преимущественной принадлежности Самарян к тому или другому племени. И они были до некоторой степени правы, когда, по замечанию Иосифа, сами о своем происхождении говорили различно, всегда сообразуясь со временем и обстоятельствами. «Если видели Иудеев в благополучии, то называли себя их

сродниками, говоря, что происходят от Иосифа (чрез его детей Ефрема и Манассию), и потому одно с ними имеют начало. Когда же усматривали их в худых обстоятельствах, то говорили, что ни мало к ним не принадлежат, ни по родству, ни по другому какому союзу, и называли себя «переведенцами» из другого народа». Факты последнего рода мы видим в истории Маккавейского периода, а в подтверждение первого и привязанности Самарян к Богопочитанию по закону Моисееву – достаточно указать на Евангельскую Самарянку, ближайшую современницу нашего Иосифа.

Немного пережило Иудейское Царство своего соплеменного соседа – Царство Израильское. Спустя 8 лет после взятия Самарии³⁷⁸, Ассирийский царь – Сеннахирим, а по новейшим исследователям ассирийских надписей это был уже Sargon (722–705)³⁷⁹, внес войну и в пределы Иудеи, положив начало и ее политическому разрушению. Попытка задобрить неугомонного завоевателя сокровищами царских хранилищ и храма (4Цар.18:15), даже после клятвенного обещания его не трогать Иудеи, не удалась. Хитрый Ассириец сам отошел от Иерусалима воевать Египет и Эфиопию, но оставил здесь 3 вождей своих с поручением завоевать св. город. Переговоры Рапсака, одного из этих вождей, с придворным царя Иудейского не лишены особенностей. Езекия³⁸⁰ отказывается сам выйти на эти переговоры из боязни быть убитым. Елиаким, объяснявшийся с Рапсаком, требует от сего вождя не говорить по-еврейски – из боязни, чтобы народ не пришел в робость от его прещений. В самой речи Рапсака, а равно и посланиях Сеннахирима, Иосиф искусно игнорирует хулы на Бога Израилева, а равно и огорчения царя, порожденные этими хулами, заставляя царя сокрушаться и возмущаться не столько безумным кощунством неприятеля, сколько скорбеть о своей беспомощности пред дерзостью и силою врага. Новую особенность открываем мы в утешении пророка Исаии, которое он предложил царю от Имени Божьего после его скорбной молитвы к хулимому Богу. В этом утешении не достает именно у Иосифа знамения (4Цар.19:29), состоявшего в двукратной жатве³⁸¹ без сеяния; наконец, ангел – истребитель Сеннахиримова войска заменяется просто смертоносной язвой (λοίμῃ ὀσσοῦ), свирепствовавшей в лагере неприятеля, в каковом бедствии и застал свое войско Сеннахирим, возвращавшийся с неудавшейся войны против Египтян и уводивший теперь свои войска на родину. Историческое существование этого Сеннахирима³⁸² с его военными похождениями Иосиф подтверждает весьма важным свидетельством Геродота (II кн. его истории), а также Вироста Халдейского, к сожалению, утраченным в тексте Иосифа.³⁸³ Небесполезно воспользоваться маленьким пояснением Иосифа к болезни Езекии. Крайняя скорбь при известии пророка Исаии, по-видимому, не столь уместная в таком благочестивом муже, каков Езекия, хорошо объясняется у Иосифа тем, что он не имел детей и, умирая, не мог оставить наследника своему престолу³⁸⁴; отсюда скорбь о смерти прежде всего была для него скорбью о безчадии, этом величайшим несчастьем для ветхозаветного праведника; понятно, что и молитва о помиловании заключала не иное что, как надежду и моление о даровании чада, каковым и был Манасия, родившийся года через 3 после

выздоровления.³⁸⁵ Такая молитва, внушенная не страхом смерти и не сожалением о покидаемых благах царствования, была, без сомнения, угодна Богу, и в ответном слове Своем чрез Исаию Он обещает больному не только выздоровление, но и рождение «чад законных». В жестоких приступах болезни эта весть казалась для Езекии вероятною и надежною только после какого-нибудь чудесного знамения и, по предложению Исаии, (а у Иосифа – и по просьбе Езекии) это знамение дается в отступлении солнечной тени на 10 ступеней. В описании посольства Вавилонского царя к Езекии Иосиф не упоминает о выражениях соболезнования по поводу дошедших слухов о его недуге (4Цар.20:12), но придает этому посольству другие намерения – расположить Езекию ко вступлению с собою в союз и дружество, как представляется, в виду опасности от Мидян, разоривших около этого времени Ассирийское царство.

Вторая половина царствования Манассии³⁸⁶, преемника Езекии, была, почти можно сказать, последней вспышкой умиравшего Иудейского царства. Пришло время и ему разделить судьбу царства Израильского. Это и началось со времени несчастной кончины Иосии (640–609), одного из благочестивейших царей Иудейских.³⁸⁷ Исполнителем судеб Божьих над несчастными остатками величия избранного народа Божьего является Навуходоносор, царь Вавилонский (604–561), сменивший самодержавное владычество над Азией Египетского Нехао (II-го 612–596). Иосиф несколько обстоятельнее передает, быстрое возвышение этого нового владыки тогдашнего Азиатского мира и первые приступы его к Иудее, фактически находившейся под данничеством Египта. Библия говорит только: «во дни (в 4-й год, Иер.25:1) его (Иоакима)³⁸⁸ выступил Навуходоносор, царь Вавилонский, и сделался Иоаким подвластным ему на три года, но потом отложился от него» (4Цар.14:1; 2Пар.36:5). Этому предшествовали, по Иосифу, следующие события. Усилившийся в Вавилоне Навуходоносор замышляет предпринять поход против (единственного тогда соперника своему величию) Египетского Нехао, владевшего всей Сирией, и осаждает (606 г.) город Кархавису (на Евфрате). Нехао, двинувшийся на него с сильным войском, терпит поражение и теряет всю Сирию, за исключением пока Иудеи. Спустя 3 года (8-й Иоакима) он вторгается и в Иудею, и под угрозой нанесения войны требует от Иоакима дани. Мир покупается золотом, и положенная дань платится три года. Перестал же Иоаким платить ее после того³⁸⁹, как услышал, что Египтяне, оправившись после первого поражения, идут снова на Вавилон, – и, следовательно, в надежде на их защиту, хотя вопреки уверениям прор. Иеремии в тщетности этой надежды. К несчастью, Египтяне, не осмелились выступить против Навуходоносора, и Иоаким остался в беззащитности расплачиваться за свою измену. В это самое время Иеремия «жег сердца» глаголом своей пламенной проповеди. Иосиф передает в общем правильно относящуюся к этому времени деятельность пророка, погрешая в том лишь, что написанные им грозные прещения Иеговы (свиток книжный Иер.36:1 и д.) заставляет читать пред народом самого Иеремию, а не Варуха (5–6 ст.), которому на самом деле поручил обнародовать свой свиток – заключенный Иеремия (5 ст.). Судьба этого свитка передается несколько

иначе: выслушав его содержание, царь распаляется гневом и, разодрав своими руками, бросает в огонь (Иер.36:23: царь, по мере того как прочитывались 3–4 столбца свитка, отрезывал их ножичком и бросал на жаровню). Исполнение предсказания пророка о несчастной участи царя очевиднее у Иосифа, чем у Иеремии 37:30: царь, устранившись предсказаний пророков, когда вышел против него Навуходоносор (602–601, впустил его в город без всякого сопротивления, надеясь этой покорностью расположить к себе своего сюзерена. Последний, однако, не оправдал, как и следовало ожидать, этих расчетливых упований Иудейского царя – изменника, но умертвил несколько сильных и доброзрачных Иерусалимлян, а потом и самого царя³⁹⁰, повергнув тело его вне города без погребения (ерв. Иер.37:30) и воцарив на его место сына его – Иоахима (Иехонию). Кратковременность царствования сего последнего (3 мес. и 10 дней) Иосиф объясняет беспокойством относительно него, чтобы в отмщение за обиду, нанесенную ему убиением отца, он не вздумал отложиться от Вавилонской державы. Посему-то Навуходоносор счел нужным предупредить его измену, лишив престола, и отвел его со всеми сколько-нибудь влиятельными лицами с собою в Вавилон, а над разграбленным Иерусалимом оставил царем брата его Матфанию, переименованного при этом Седекией.³⁹¹ Это был один из нечестивейших государей в списке царей Иудейских. Два великих пророка – Иезекииль (из Вавилона) и Иеремия в самом Иерусалиме напрасно громили его своими увещаниями и угрозами, которые он презирал в особенности по причине их кажущегося противоречия. Оба они были согласны в предсказании, что город падет, и Седекия отведен будет пленником³⁹²; но в то время, как Иезекииль говорил, что Седекия не увидит Вавилона (Иез.12:13), – Иеремия утверждал, что он отведен будет Вавилонским царем в этот город во узах (Иер.34:3: «и глаза твои увидят глаза царя Вавилонского..., и пойдешь в Вавилон...»). Уличая пророков в этом кажущемся разногласии, Седекия не хотел, разумеется, верить и тому, в чем они один другому не противоречили, хотя оба предсказания «сполна» и удивительным образом соосуществились: ибо когда Седекия, после 8-летнего союза с Вавилоном стал обнаруживать тяготение к Египту, Вавилонский царь, сняв на время осаду Иерусалима, чтобы разделиться с союзником Седекии, обложил опять город и после 18-месячной³⁹³ осады взял его (588 г.), а Седекию попытавшегося было со своим домом бежать ночью из города, ослепил и отвел с собой в Вавилон. Таким образом, Седекия, с одной стороны, был, действительно, не только отведен к царю Вавилонскому, но и видел его в лицо (до ослепления), как предрекал Иеремия, но с другой – и приведенный в Вавилон – «не видел» его, согласно пророчеству Иезекииля. В числе отведенных потом Навузарданом знатнейших представителей Иудейства, большей частью казненных, Иосиф упоминает первосвященника Иосадока, (сына убитого Навуходоносором Сераии), который и продолжил в плену линию первосвященства, надолго лишенного существеннейших прерогатив своего звания. Основываясь, вероятно, на священнических записях, Иосиф припоминает, при этом, имена всех первосвященников Иудейско-Царского периода, начиная с Садока: Ахимас,

Азария, Иорам, Иисус, Аксиорам, Фидей, Судей, Иул, Иофам, Урия, Нириа, Одей, Салдум, Елкия, Сарей, и Иосадок, отведенный в плен.

Глава III. Археология – об эпохе пленения

§ 13. Навуходоносор и его преемники. Даниил

Арх.Х, 9–11 гл.; кн. 4Цар., Иер., Иез., Даниила

Судьбы Иудейского народа, с падением его политической самостоятельности, сливаются с судьбами его завоевателей, несколько раз меняясь вместе с ними. Недостаток целостности и связности священо-библейского повествования об этих судьбах отчасти восполняется у Иосифа, который, впрочем, также не всегда удачно старается ближе связать и обстоятельнее заполнить промежутки между отдельными отрывочными сообщениями Библии о судьбах Еврейства. Таково изложение событий после удаления оставленных Навуходоносором в Иудее евреев в Египет, вопреки увещаниям пророка Иеремии, предсказывавшего большие бедствия за это удаление. Иосиф показывает, как и когда в действительности осуществилось это предсказание (Иер.42:15 и д.). Дело было именно так. Спустя около 5 лет по разорении Иерусалима (23-ий Навуходоносорова царствования)³⁹⁴, Навуходоносор предпринял со своим воинством поход в Коїлѐ – Сирию и, овладев ею, нанеся, жестокое поражение Аммонитянам и Моавитянам, занимавшим отчасти области по дороге из Вавилонских областей в Египет. Это дало также возможность завоевателю раз навсегда нанести удар Египту, царя которого он убил, поставив на его место другого, и, отходя, захватил с собой всех Иудеев, эмигрировавших из Иудеи сюда после убийства кроткого, благородного, честного и человеколюбивого (по Иосифу – Арх.Х, 9 гл. §§ 1–3) Годолии, наместника Навуходоносорова. Это пленение евреев Иосиф относит к так называемому «второму переселению» евреев за Евфрат, принимая первым отведение 10 израильских колен Ассириянами в царствование Осии, а вторым – переселение, произведенное Навуходоносором³⁹⁵, отведшим с собой остальные 2 колена, по разорении Иерусалима. Остававшаяся при этом незаселенною (2Пар.36:21) Иудея в течении 70 лет пребывала в запустении, до 1-го года Кира.

Несколько характерных особенностей Иосиф дает в изложении истории Даниила и его друзей. Странно прежде всего толкуются у него мотивы предпочтения отроками простой пищи царскому столу. Иосиф избегает упоминать, что это внушалось опасениями **оскверниться**, а считает достаточным сказать, что Даниилу и его друзьям просто **«нравился такой простой образ жизни»**.³⁹⁶ Не менее странным на наш взгляд представляется и то, что он лишь этим «простым образом жизни» объясняет выдающиеся способности отроков и их отличные успехи в еврейских и халдейских науках. Не совсем правильно передается, затем, воспроизведение Даниилом Навуходоносорова сна, когда усвоятся именно виденному им истукану «голени и ноги железные» (Дан.2:33 «голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные»), что отразилось потом и на толковании сновидения. Обращает на себя внимание в этом толковании «нежелание» Иосифа открывать значение отторгнувшегося от горы камня, каковое нежелание, очевидно, объяснялось более, чем только намерением автора

писать о прошедшем лишь, а не о будущем, как оговаривается он³⁹⁷... Изумленный необыкновенною проницательностью и толкованиями Даниила, царь падает ниц пред ним, как пред Богом³⁹⁸, и велит «почтить его божеским жертвоприношением».³⁹⁹ Более того: он «нарек его именем собственного бога» (τὴν προσήγορίων αὐτῷ τοῦ ἰδίου θεοῦ θέμενος)⁴⁰⁰ и возвел его и друзей в высшие при своем дворе должности, что и навлекло потом на них ненависть других Халдеев – вельмож, несколько раз пытавшихся известить конкурентов своих пред царем.

Весьма ценные исторические сведения заимствует об этом Навуходоносоре⁴⁰¹ Иосиф из историка Вироста Халдейского (III кн. «Халдейской Истории»). Ranke вообще не находит возможным затрудняться принять известия об этом времени, сохранившиеся только у Иосифа, в особенности после (и в виду) того, что некоторые из его сообщений, считавшихся до сих пор не особенно заслуживавшими доверия, – например, нападение Навуходоносора на Египет, – блестяще подтвердились чрез один новооткрытый памятник.⁴⁰² Это дает основания без особенного риска назвать достоверными и другие многие его своеобразности, в которых (особенно в следующих отделах Археологии) он обнаруживает далеко не бесплодные иногда усилия – комбинировать Иудейское предание с историческими сведениями, представлявшими дело несколько иначе или более обстоятельно и точно. Именно таково заимствование из Вироста, проливающее свет на отрывочно – краткие упоминания Библии о Навуходоносоре. Когда Набополассар⁴⁰³ – повествуется у Иосифа – услышал, что поставленный им над Египтом, Коилῆ – Сирией и Финикией сатрап отложился от него, то, сам не в состоянии будучи вести войну по старости, отправил с отрядом воинства против сего мятежника своего юного сына Навуходоносора. Этот юный Навуходоносор, вступив в сражение с мятежником, победил его и все отторгнутые было им страны вновь возвратил под свою державу. Тем временем отец его, захворав опасно, скончался в Вавилоне, после 21 года царствования (625–604). Посему, Навуходоносор – сын, узнав в скором времени о кончине отца и приведя в порядок в Египте все дела, поручил некоторым из друзей своих привести в Вавилон воинство и обоз с добычею и пленниками, состоявшими из Иудеев, Финикиян, Сириян и Египтян, а сам, избрав кратчайший путь чрез пустыню, поспешил туда с меньшей частью избранных воинов, чтобы вступить на престол, который оберегали для него Халдеи, ожидая его прибытия. Таким-то образом, Навуходоносор и сделался полновластным государем огромных, доставшихся ему после отца, владений, процарствовав – согласно, между прочим, Птолемеевскому канону⁴⁰⁴ – 43 года (604–561). Упоминаемый в (4Цар.25:27) – Евилмеродах (561–560), оказавший многие милости Иехонии, был сын его.⁴⁰⁵ Любопытно сопоставить здесь между собой и Иосифом несколько библейско-хронологических дат об этом Навуходоносоре, занимающем вообще почтенное место в Библии. Первый год (606–605) его воцарения (и начало Вавилонского плена) падает на 4-й год Иоакима Иудейского (сына Иосии – Иер.25:1). 10-й год Седекии совпадает с 18-м Навуходоносора (Иер.32:1). В 11-й год Седекии взят Иерусалим

(Иер.39:2) – в 19-й Навуходоносора⁴⁰⁶ (4Цар.25:2–8; срв. Иер.52:12, 30). Переселение Иехонии, совпадающее с 1-м годом воцарения Седекии, было в 8-й год Навуходоносора (срв. 4Цар.24:12; Иер.52:28 == 2Езд.1:45). Наконец, 37-й год по переселении Иехонии был годом воцарения Евилмеродаха, сына Навуходоносора (4Цар.25:27; Иер.52:31), и годом смерти последнего. Если возьмем 6 (слишком) лет Иоакима (протекшие от 1-го года Навуходоносора до последнего года Иоакима) ++ 37 лет плена Иехонии (куда входят также 11 лет Седекии), получим как раз ту цифру, которой, измеряется, по Иосифу, время царствования Навуходоносора – 43 слишком года. Отдельные совпадения, указываемые при этом священными книгами, как видим, вполне точны и безупречны, и хорошо подтверждают общее.

После Навуходоносора (604–561) книга Даниила приводит прямо события из царствования Валтассара, игнорируя явный и заметно значительный промежуток, успевающий предать некоторому забвению громкую славу и величие Даниила (V, 11, 13). По Иосифу, этот промежуток восполняется упоминанием о 18-летнем царствовании Евилмеродаха, сына Навуходоносорова⁴⁰⁷, 40-летнем – Ниглисара, сына Евилмеродахова⁴⁰⁸ и 9-месячном – Лавосордаха⁴⁰⁹, который был непосредственным предшественником, но Иосифу, Валтассару, называвшемуся у Вавилонян – Навоандилом.⁴¹⁰ На 17 году этого Навоандила окончилось, по Иосифу, поколение царей, происходивших от Навуходоносора, и прекратило свое существовало Вавилонское царство (539 г.). Но если, таким образом, Валтассар не был непосредственным и даже только ближайшим преемником Навуходоносора, то как примирить это с неоднократным наименованием Навуходоносора «отцом» Валтассара, в выраженьях (Дан.5:11, 18, 22): «Навуходоносор, отец твой»... «отцу твоему Навуходоносору»... «и ты, сын его, Валтассар??». И если эти выражения означают только вообще потомственно-родственное преемство Валтассара по отношению к своему прапрадеду⁴¹¹, то все-таки не слишком ли большой промежуток (почти 60 лет) для того, чтобы судьба Даниила осталась на это время без более значительных изменений, чем только некоторое простое забвение, в какое он успевает прийти (V, 13)? – Иосиф не дает ничего для разрешения этих недоумений. А между тем, на основании его счислений выходит, что жизнь, например, Даниила должна была достигать не столь вероятной цифры – не менее 130 лет. Уже отроком он взят был ко двору Навуходоносора в 1-й год его царствования; присоединяя к отроческим летам – положим, 10 – лета перечисленных Иосифом царей 43 ++ 18 ++ 40 ++ 1 ++ 17 ++ 2 года, по крайней мере, Дария – получаем 131 год, – показание, правда, ненесогласное с Иудейским и христианским преданием о «глубокой старости» Даниила (см. житие пророка), но при всем том немало невероятное уже в виду того, что оно далеко превышает 70-летнее счисление пребывания народа Израильского в Вавилонском плену. И действительно – обращаясь к другим хронологам, находим, что Евилмеродах царствовал не 18, а всего 2 года (561–559)⁴¹², – Ниглиссар не 40, а всего 4 (559–556); наконец, Иосиф ошибочно ставить на место настоящего преемника Лавосордахова – именно Набонида, царствовавшего 17 лет (555–539), прямо Валтассара,

царствовавшего уже после Набонида и всего 2 собственно года с небольшим, а не 17. Объясняется это зависимостью Иосифа от Вироста, который, действительно, называет последнего государя Вавилона Набонидом⁴¹³ и говорит, что Вавилон взят Киром в 18 год его царствования. Желая следовать дате туземного историка и в то же время примирить ее с Библейским повествованием о Валтассаре, как «последнем» царе Вавилонском, Иосиф – нет ничего странного – счел имя Набонида тождественным с Валтассаром (авилонское название коего, по Иосифу, было также Навоандил, срав. Набонид) и приписал ему 17-летнее царствование, не зная других выходов из своего затруднения. А между тем, это затруднение решается очень просто. Валтассар был сын Набонида, который еще при жизни своей назначил его своим соправителем. Пред самой осадой Вавилона Киром, Набонид с войском занимал позицию вне своей столицы (срав. Иерем.51:31), которая оставалась под защитой Валтассара, и взятие ее последовало, действительно, в 17 год Набонида, погибшего вне своей столицы⁴¹⁴, и во 2-й или 3-й год соправительства ему Валтассара, единолично правившего Вавилоном в момент его взятия.⁴¹⁵ Сопоставляя все это, находим для промежутка от смерти Навуходоносора до падения Вавилона при Валтассаре всего около 25 лет – период, устраняющий все вышеприведенные противоречия и неясности Иосифова счисления; в частности, причисляя к начальному году Вавилонского плена (1-й Навуходоносора – 4-й Иоакима) 43 года Навуходоносора ++ 2 Евилмеродаха ++ 4 Ниглиссара ++ около 1 года (9 месяцев) Лавосордаха ++ 17 Набонида ++ 2 Валтассара⁴¹⁶ ++ 1-й год единоличного правления Кира, получаем как раз 70 лет, коими и измеряется продолжительность Вавилонского плена.

На развалинах Вавилонского царства, прекратившего свое существование при Валтассаре (и Набониде), Даниилу суждено было увидеть предсказанное им царство Мидян и Персов. Новые господа его окружали его особенным почтением, а Дарий – к великой зависти прочих вельмож – метил его даже в наследники своего царства (VI, 3). Не без особенностей передает Иосиф злоумышление против счастливого Даниила этих его завистников, добившихся осуждения его на ввержение в ров львиный. При обнаружении неврежденности вверженного, враги Данииловы, не соглашаясь приписать сего Божьему Промыслу о Данииле, уверяют царя, что это последовало от пресыщения львов пищей. Дарий повелевает тогда бросить ко львам множество мяса, и, по пресыщении их, повторит опыт Даниилов с оклеветавшими праведника, которые тотчас же и были растерзаны львами все с величайшей жадностью, не смотря на пресыщение. Из дальнейшей истории Даниила Иосиф упоминает, о построении им в Мидийской столице – Экбатанах какой-то удивительной башни, которая «и доныне» остается в той своей целости и красоте⁴¹⁷, коими отличалась в день окончания своего. Служа усыпальницей Мидийских, Персидских и Парфянских царей, эта башня состояла под постоянным наблюдением и охраной одного из священников Иудейских. Передает Иосиф и «видения» Данииловы, не безнамеренно, конечно, обходя обстоятельное рассмотрение 70 седмиц, с их толкованиями.⁴¹⁸

§ 14. Кир. Возрождение Иудейства. Ездра и Неемия

Арх. XI. 1–5 гл.; кн. Ездры и Неемии

Великий Евангелист времен Ветхозаветных и неподражаемый вдохновенный живописатель отдаленнейших эпох будущего, Пророк Божий Исаия за сто слишком долгих и темных лет назвал имя, достойное украшать, новую эру человечества. Имя это – **Кир**... Он явился, и предначертанное пророком положение мира к его времени – события оправдали неожиданно быстро. Сломив сопротивление греческих городов, Кир тотчас устремился на Вавилонию. В 3-й день месяца Marcheschwan'a (== нашему Ноябрью) 539 г. Вавилон принял в свои стены кротчайшего из завоевателей, который доказал себя настолько великодушным, что не причинил никакого зла бывшему Вавилонскому повелителю Набониду и предоставил ему в качестве резиденции целую область Карманию.⁴¹⁹ Восприняв, затем, скипетр царей Вавилонских⁴²⁰, новый повелитель Востока с настоящим достоинством умного политика старался показать в своем лице достойного преемника царей Вавилонских, и в принцип правления своего их наследием поставил продолжение Вавилонской монархии. Характернейшее подтверждение и выражение этого можно видеть уже в отношениях Кира к Вавилонскому язычеству, когда, напр., он, как истый царь Вавилонский, охотно допускает, чтобы жрецы Вавилонских богов увековечивали его на своих надписях в обычных восхваляющих фразах, как верного почитателя их и щедрого попечителя их культа.

Но в одном отношении Кир, во всяком случае поставил себя иначе, чем его Вавилонские предшественники: он позволяет пленным Иудеям возвратиться в землю отцов, при столь свойственном этому могущественному и кроткому царю предоставлении всяческого содействия возвращаемым. Этот величайший во всей Ветхозаветной Истории акт царского великодушия санкционирован в особом царском указе, который во все времена был предметом особенного внимания историков. Указ этот обязан своим происхождением, по Иосифу, непосредственному ознакомлению царя с пророчеством Исаии⁴²¹, предрекшего о сем за «210» лет прежде взятия Вавилона и за 140 до разорения храма (Ис.44:28; 45; срв. Иер.25:12; 29:10, а также 2Пар.36). Цифра это более, чем вдвое преувеличивает настоящую дату времени.⁴²² Самый указ Кира, изданный в первый же год (537-й) его единовластия, бывший 70-м и последним плена Израильского, у Иосифа приводится вообще более кратко и отрывочно; едва ли, впрочем, совершенно подлинно передан он и в свящ. тексте, как то можно заключать уже на основании выражения (1Езд.1:1), что Кир повелел объявить по всему царству своему – словесно и письменно (2Пар.26:22), т.е. с известной свободой сообщения, подобно, например, допущенной в (1Езд.6:3 или 5:14–15, а также 2Езд.6:24 и д.). Впрочем, нет ничего недостоверного и в том, что и при известной свободе сообщения была одна неизменно-официальная форма указа, более или менее близкая к приводимой свящ. текстом и хранившаяся в

книгохранилищах Экбатанского дворца (1Езд.6:1–2; 2Езд.6:23). Замечательно маленькое, но весьма характерное различие, выступающее в эдикте Кира о восстановлении храма – между канонической и неканонической книгами Ездры и отношение к этому различию Иосифа. По первому из указанных источников Кир говорит в своем эдикте: «все царства земли дал мне Иегова, Бог Небесный, и Он повелел мне воздвигнуть Ему дом в Иерусалиме"... , где, таким образом, Иегова является как бы Богом самих Персов. Апокрифический текст Ездры дает несколько другое изложение: «Бог Израиля, (Который есть) Высочайший Бог, поставил меня царем вселенной и повелел мне воздвигнуть Ему дом в Иерусалиме"... Между этими обеими версиями Иосиф мог впасть в понятное затруднение. С одной стороны, ему могло казаться не совсем правильным обозначить Иегову, прямо как Бога Персов (ὁ Θεὸς τοῦ οὐρανοῦ); обращаясь, затем, к апокрифическому Ездры, он должен был подобным же образом ослабить выражение «Господь Всевышний» (ὁ Κύριος ἑξοχώτατος) и допускает Кира назвать Бога ὁ Θεὸς ὁ μέγιστος, о Котором он «удостоверился», что это «Тот Самый, Которому поклоняется народ Израильский». Употребляя этот характерный и любопытный компромисс между 2 текстами, Иосиф не совсем выдумывает: он следует первоначальному смыслу своего текста в общем, но считает при этом необходимым модифицировать его по своему собственному соображению и применительно к персидским воззрениям, для коих было столь обычно в титуле персидского царя выражение μέγας βασιλεύς (отсюда – ὁ Θεὸς ὁ μέγιστος).⁴²³ Но спрашивается еще, есть ли очевидная настоятельнейшая нужда в таком или подобном компромиссе, за который высказываются и новейшие историки, и так ли трудно на самом деле допустить подлинность хотя бы и канонического текста указа, как это старается подвергнуть сомнению, напр., Stade? «Как Перс, он (т.е. Кир) – читаем у Stade – оставался, конечно, верен религии своих отцов, и не имел каких-либо особенных поводов думать о ней иначе, чем Перс». Нам кажется, однако, это возражение, по справедливости, мало уместным. В наш век, богатый смелыми гипотезами и опрометчивыми до вздорности увлечениями «критикой» всего, что не нравится предубежденному, а не непосредственному чувству, да будет позволено допустить (без того, конечно, чтобы это кого к чему обязывало), почему «указ Кирова» подобно нынешним манифестам не мог быть составлен по поручению Кира одним из Евреев-министров и подписан Киром? Для **язычника** не должно ли было быть почти безусловно все равно, что бы и какому бы богу ни приписывалось читаемое в указе! При чем тут во всяком случае измена религии, и велика ли в самом деле беда издать или подписать **такой** указ **язычнику**! Это совсем не то ведь, что подписаться какому-нибудь Марку Ефесскому под Флорентийскими постановлениями. Если в государстве христианского Самодержца, не без Его, конечно, прямого ведома и узаконения, возможны, например, и вполне разумны особые формы присяги для еврея, магометанина и т.д., где присягающий ставит себя пред лицом Иеговы или Аллаха, кроме которых ему позволяется не знать ничего более, – то не вижу никакого препятствия допустить **нечто подобное**, в умнейшем из языческих Самодержцев. Пусть нам не говорят о современных

свободе совести и религиозной терпимости. В языческом государстве совершенно те же практические результаты могли даваться присущим язычеству религиозным равнодушием и, так сказать, языческим космополитизмом.

Но признавая во всяком случае безусловной необходимости заподозривать, по крайней мере, большую или меньшую подлинность и возможность канонической вариации указа **по существу**, мы не имеем, конечно, ничего против положения, что и она так же не точно, может быть, передает настоящую официальную форму указа Кира (если только одна таковая существовала), как и другие вариации. И ни сличение этих вариаций, ни самая остроумная композиция их никогда не дадут вполне неоспоримого права выдавать за более вероятное или подлинное то, форму чего могло бы помочь окончательно установить лишь какое-либо неожиданно-новое археологическое открытие. Что касается письма Кирова к Сирийским наместникам, то – выдуманно ли оно в своей форме самим Иосифом, как соглашаются некоторые, полагая материалом для него сообщение (2Езд.6:24, 27 и д.) о повелении Кира строить храм, или нет, только – оно носит следы крайней порчи во многих отношениях⁴²⁴, и представляет не мало неточностей в сопоставлении с указаниями библейскими. – Число возвратившихся (постепенно) Иудеев Иосиф указывает 42.462 человека (по другим спискам 42.360, как 2Езд.5:41; 1Езд.2:64 и Неем.7:66), причем «многие» предпочли, однако, остаться и в Вавилоне, не желая лишаться своих благоприобретенных имений.⁴²⁵ В качестве комментария к этому «многие» служит несколько далее то сообщение Иосифа (то же и Talmud), что «10 колен и доныне обитают за Евфратом (коих множества невозможно исчислить)» и только «два, живущие в Азии и Европе, поступил под власть Римлян». Надлежит отметить здесь также неточность Иосифа в перечислении сосудах, вывезенных переселенцами из Вавилона: сходясь с указаниями библейскими лишь в общей сумме, Флавий представляет значительные отклонения в частностях, как видно из сравнения его показаний с (1Езд.1:9–11).

Вскоре после закладки храма, Кир скончался во время борьбы с воинственным племенем Массагетов (529 г.)⁴²⁶, и постройка храма задерживается происками и вмешательством Самарян, коих не успевает разобрать Кир. Письмо, которое по (1Езд.4:7 и 2Езд.2:16, 30) – адресуется от подкупленных ими Сирийских начальников «Артаксерксу» с доносом на неблагоприятный будто бы образ действий строителей, Иосиф усвоит Камбизу⁴²⁷, сыну Кира (529–522), и его же именем помечает ответ доносчикам, содержащий приказ задержать дело строения. Объясняется это различие имен очень просто, если принять во внимание, с одной стороны, что интриги против реставраторов храма начались уже в последние годы Кира, – а с другой, при очевидной невероятности того, чтобы о храме могла быть речь при Артаксерксе (465–424), царствовавшем много позднее Дария (521–485), при котором храм, и по Ездre, был уже кончен, – Иосифу несомненно в данном случае ближе известен был ряд царей Персидских, на основании других более компетентных источников.⁴²⁸ Посему то, он, рабски подражая хотя бы

апокрифическому Ездры в других случаях, «здесь» считает, однако, необходимым не только не повторять ошибки источника, но и исправить ее. В данном случае мы имеем, таким образом, один из благодарных результатов труда Иосифа – проверять показания Иудейской исторической литературы в точках соприкосновения ее с историей и литературой других народов.

Правда, являясь более достоверным по сравнению с Ездрой, представление Иосифа столь же оспаривается в своей достоверности в виду других данных, заставляющих некоторых исследователей, как например Stade, совершенно изменить представление дела не только не в пользу Ездры, но также и Иосифа. Stade не без основания отмечает довольно заметную беспорядочность показаний Ездры IV гл. о движении храмовых работ. По смыслу этих показаний, во 2-й месяц II-го года по возвращении из плена Иудеев, Зоровавель и Иисус совершили торжественную закладку храма и положили начало храмовых работ. Едва, однако, услышали об этом «враги Иуды и Вениамина» (т.е. прежние обитатели и соседи страны, еще точнее – Самаряне), как тотчас же предъявили требование, чтобы и им было удалено участие в храмоздании. Зоровавель и Иисус, с прочими главами поколений Израилевых, наотрез в этом им отказали. «И стал» тогда «народ земли той (мы уже знаем, кто это) ослаблять руки народа Иудейского и препятствовать ему в строении», и «подкупали против них советников», успевая задерживать предприятие Иудеев «во все дни Кира до воцарения Дария». Для иллюстрации этих происков у (Езд.4:6) упоминается о составленном врагами Иудеев в начале царствования «Агашвероша» (?Ксеркс I, 485–405) обвинительном письме на жителей Иудеи и Иерусалима.; затем, упоминается подобное же другое письмо, отправленное Артаксерксу (?465–424) тремя персидскими чиновниками, – и, наконец, приводится содержание докладной записки, отправленной Артаксерксу же Рехумом советником и Шимшаем писцом, в прямой результат каковой записки полагается соответствующее царское распоряжение, в силу которого доносчика немедленно пошли в Иерусалим к Иудеям, и сильной вооруженной рукой остановили их работу. Какую именно работу? – следует из дальнейшего – «тогда остановилась работа при Доме Божьем, который в Иерусалиме, и остановка сия продолжалась до второго года царствования Дария»... (1Езд.4:24). Не странно ли, что стройка храма, по этому источнику, должна была остановиться в силу указа Артаксеркса, царствовавшего, как мы сказали, значительно позже, с 465–425 г., что интриги с целью остановки работ по храму действовали даже при Ксерксе, тоже – царствовавшем лишь с 485–465 г., после чего во 2-й год Дария, т.е. в 520-й, **ранее** Ксеркса на целых 35 лет, а Артаксеркса на 55, было дано позволение на продолжение храмовых работ, законченных совершенно к 6-му году того же Дария (516 г. до Р.). Желая избежать именно столь невозможного нарушения всех данных истории, Иосиф (а за ним и многие другие) и допускает замену в этом повествовании Артаксеркса именем не названного в Ветхом Завете преемника Кирова – Камбиза, полагая вместе с тем, конечно, что дальнейшим тормозом храмовых работ до Дария выступал, вместо Ездриных Агашвероша и Артаксеркса, следовавших за Камбизом

Лжесмердис. Несогласно с этим, Stade, – констатируя знаменательное обстоятельство, что приводимая Ездрой докладная записка Рехума и Шимшая Артаксерксу ни одним намеком не упоминает о построении **храма**, но лишь о постройке **городских стен**, что действительно, происходило в царствование Артаксеркса (во дни Ездры и Неемии), когда храм был уже **давно готов**, – во-вторых, прицепляясь к очевидному промаху повествования Ездры и принимая в основу подлинно-исторических представлений дела более авторитетные свидетельства пророков Аггея и Захарии, современников самой постройки, – совершенно дискредитирует упомянутую попытку Иосифа и предлагает оригинально-смелое изменение представлений всей истории храмоздания. В самом деле, у пр. Аггея находим о постройке храма следующее:

1. «Во вторы год царя Дария, в шестой месяц, в первый день месяца было слово Господне чрез Аггея пророка к Зоровавелю, сыну Салафиилеву, правителю Иудеи, и к Иисусу, сыну Иоседекову, великому Иерею:

2. Так сказал Господь Саваоф: народ сей говорит: не пришло еще время, не время строить Дом Господень.

3. И было слово Господне чрез Аггея пророка:

4. А вам самим – время жить в домах ваших украшенных, тогда как Дом сей в запустении?

5. Посему ныне так говорит Господь Саваоф: обратите сердце ваше на пути ваши.

6. Вы сеете много, а собираете мало; едите, но не в сытость, пьете, но не напиваетесь; одеваетесь, а не согреваетесь; зарабатывающий плату зарабатывает для дырявого кошелька.

7. Так говорить Господь Саваоф: обратите сердце ваше на пути ваши.

8. Взойдите на гору, и носите дерева, и стройте храм, и Я буду благоволить к нему, и прославлюсь, говорит Господь.

9. Ожидаете многого, а выходит мало; и что принесете домой, то Я развею, – за что? говорит Господь Саваоф: за Мой Дом, Который в запустении, тогда как вы бежите, каждый к своему дому.

10. Посему-то небо заключилось, и не дает вам росы, и земля не дает своих произведений.

11. И Я призвал засуху на землю, на горы, на хлеб, на виноградный сок, на елей и на все, что производит земля, и на человека, и на скот, и на всякий ручной труд».

Из этого раннейшего пророчества Аггея выступает **по-видимому**, а по Stade – **несомненно**, что во дни, когда оно было произнесено (в 1 день шестого месяца 2-го года Дария, т.е. 520 до Р.), храм лежал еще в совершенном запустении. Народ был того мнения, что еще «не время» приниматься за храм. Основанием к этому могло выставляться то, что народ терпел крайнюю нужду, продолжительные засухи повели к неурожаям, и колонистам было не до того. Но пророк прямо противоположного мнения: засуха и голод с их следствиями трактуются им прямо как ниспосланное Богом наказание за то, что переселенцы прежде и более всего заботились о своих домах, нежели о Божьем. Он пользуется посему праздником новомесячия,

собравшим на свое торжество весь народ в Иерусалим, чтобы пробудить совсем нерадивых и изобличить их несостоятельную уклончивость. И его слова возымели желанное действие. Общество трогается справедливостью пророческих укоров, и исполняется решимости тотчас же поспешить начать храм:

14. «И возбудил Господь – читаем далее – дух Зоровавеля, сына Салафиилева, правителя Иудеи, и дух Иисуса, сына Иоседекова, великого Иерея, и дух всего остатка народа, и они пришли, и стали производить работы в Доме Господа Саваофа, Бога Своего,

15. В двадцать четвертый день шестого месяца, во второй год царя Дария».

Таково в своей непосредственности свидетельство пр. Аггея о начатии храмовых работ. Полагая необходимым и достаточным временем три месяца для производства **предварительных** работ по расчистке и уборке места стройки, Stade принимает первую из дат пророка Аггея (24-й день 6-го месяца) за начало **этих** именно работ, а указываемую в 10 ст. II гл. (24 день 9-го месяца) за окончание их и, вместе, за тот день, к которому сделалась возможна и совершена действительно **торжественная закладка** храма, давшая повод пророку обещать от Имени Божьего благоприятную перемену в положении общества (II, 15). В то время, как раньше, «когда еще не был положен камень на камень в храме Господнем», они изнывали под лишениями от засух и неурожаев, – теперь, обнадеживает пророк, «от 24 дня 9-го месяца, **от того дня, когда основан был храм Господень**, обратите сердце наше: есть ли еще в житницах семена? Доселе не виноградная лоза, ни смоковница, ни гранатовое дерево, ни маслина не давали плода; **а от сего дня Я благословлю их!**» (II, 18–19).

Против справедливости всех этих соображений Stade, мастерски сцепленных незыблемым авторитетом пророческих показаний, по-видимому, трудно возражать. Но в таком случае, что же мы должны сказать по поводу очевидно противоречащего этим соображениям повествования Ездры, в котором, и по отделении всех чуждых позднейших наслоений, остается неизменным тот смысл, что **закладка храма совершена Зоровавелем и Иисусом во 2-й месяц 2-го года** по прибытии в Иерусалим (1Езд.3:8), что работы, начавшиеся тогда же, в силу тех или иных препятствий, **стояли до 2-го года Дария** (IV, 24), после чего уже **возобновились** снова и **доведены до конца в шестой год Дария** (VI, 15)?

Естественным и вероятнейшим средством примирить оба противоречивые и оба канонические повествования было бы предположение, что настоящая первоначальная закладка храма обстоила действительно тогда и так, как и когда показывает Ездра, и что показания Аггея не противоречат ему постольку, поскольку имеют в виду «вновь начатие» храмовой постройки, возбужденное и освобожденное от угрожавшего этому делу равнодушия пророком. Поправка Иосифа в таком случае несомненно имела бы свое оправдание, по крайней мере, относительно **имени** царя, вызвавшего так или иначе остановку постройки.

Однако, Stade подвергает этот компромисс непримиримой критике, предпочитая утверждаться на непререкаемом авторитете другого современника Аггея, (пр. Зах.4:9–6:12 и д.) последнего он выводит, что пророк знает только как будто об одном основании храма Зоровавелем, причем стройка подвигается вначале очень туго, но Захария пророчествует, что Зоровавель счастливо доведет её до конца. «Великая» гора трудностей обратится ему равниною; он положит завершительный камень; **его руки положили основание** Дому Божьему, они и **окончат** его. Никакого следа не находим здесь того, чтобы стройка свыше 10 лет стояла в препятствиях. В дальнейшем 10 стихе IV гл. правда намечается возможность такого препятствия в предубежденном равнодушии к сравнительной ничтожности успехов проекта такой необычайной важности; но о самом сбытии вообще подобных возможностей нет и намек, что, однако, было бы здесь весьма кстати. Отдаленное подтверждение этой же мысли Stade находит в (Зах.1:16), где приводится изречение Господа чрез пророка, последовавшее 24 дня 11-го месяца (Шебат == Февраль, 519 года) 2-го года Дария (срв. I, 7 ст.), следовательно, спустя как раз два месяца после указываемого Аггеем дня закладки: «Я обращаюсь к Иерусалиму с милосердием; в нем соорудится Дом Мой, говорит Господь Саваоф, и землемерная вервь протянется по Иерусалиму», и т.д.

После всех этих свидетельств современных пророков, Stade убеждается в невозможности предположений, чтобы работы, возбужденные пророками, были лишь вновь начатием храмовой постройки, и принимает за несомненное, что переселенцы на первых порах удовлетворялись тем лишь, что воздвигли жертвенник всесожжений (Езд.3:1–4,5; срв. Аг.2:12 и др.). Этим удовлетворялась главная настоятельная потребность, и делалось возможным законосообразное принесение ежедневных и установленных по разным другим случаям жертв. Что же касается начатия самого храма, то отсрочка такового могла казаться даже целесообразною, в ожидании окончательного упрочения организации священства, тем более, что в исполнении обещаний Кира – способствовать постройке храма царскими суммами – наступило какое-то непонятное замедление. Затруднения от этих обманутых расчетов усугубились после того, как ряд неурожаев и засух исчерпал остатки денежных фондов, крайне истощившихся по возведении жилищ. Тут-то и уместными представлялись вышеприведенный отговорки, что вообще время не наступило для начатия храма, если Иегова, как свидетельствовали продолжительные неурожаи, все еще гневен на Свой народ, и, не смотря на возвращение, отказывает ему в Своем благословении. Таким образом, резюме мыслей Stade можно представить в таком виде:

а) По возвращении Иудеев из плена ими был первоначально устроен только один жертвенник (1Езд.3:1–2 срв. 6 ст.).

б) Самый храм начат лишь по увещаниям пророков Аггея и Захарии, во 2-й год Дария (Аг.1:1, 15; 2:1, 10, 15, 18, 20; Зах.1:1 и д.).

в) Никакой **остановки** работ не было, было лишь **полное равнодушие** к **начатию** этих работ у самих переселенцев, правда отчасти извиняемое

затруднительными обстоятельствами времени, как то: засуха, неурожай, голод, обнищание, и т.п.

г) Никакие интриги «врагов Иуды и Вениамина» здесь не имеют места: им место лишь впоследствии, во дни Артаксеркса, при построении стен и укреплении города.

д) Ссылки Ездры на жалобы врагов Иудеи и Иерусалима царям Агашверошу и Артаксерксу, и распоряжение последнего об остановке работ, равно как донос ему Рехума и Шимшая, попали в дело о храме лишь по недоразумению составителя книги, и должны быть приняты во внимание лишь в представлении последующей истории Иерусалима.

Все эти соображения Stade, отрицательным путем добытые из неудачно приобщенных к делу о постройке ссылок Ездры на интриги врагов во времена Агашвероша и Артаксеркса, и положительным – из ясных свидетельств современников-пророков, – вынуждают нас, в видах столько же оправдания Иосифа, сколько вообще выяснения правильного представления хода постройки храма – попытаться скомбинировать более или менее ясные, точные и неопровержимые свидетельства библейских первоисточников в одно согласное целое, проверяя этими данными и оригинальное представление дела Stade. То прежде всего совершенно верно, что возвратившиеся из плена Иудеи на первых порах спешат пока лишь обзавестись жертвенником. Ясные и подробные свидетельства об этом Ездры (см. а) не допускают возражения. Но хотя это возобновление жертвенника и восстановление обычных жертвоприношений состоялось (к 7-му месяцу 1-го года) в то время, когда «храму Господню еще не было положено основание» (1Езд.3:6), однако, **подготовительная работа уже кипела:** каменотесы и плотники стали получать серебро за свои работы, Тиряне и Сидоняне – хлеб, вино и елей за доставку строевого леса из Ливанских рощ. Далее, ясно указано и **начатие** и самое **время начатия** храма, в словах 8-го стиха 3 гл.: **«во второй год** по приходе своем к Дому Божьему в Иерусалим, во второй месяц, Зоровавель, сын Салафиилов, и Иисус, сын Иоседеков, и прочие братья их, священники и левиты, и все пришедшие из плена в Иерусалим, **положили качало**, и поставили левитов от 20 лет и выше для надзора за работами Дома Господня». Таким образом, далее, над начавшимися работами был учрежден уже и подобающий надзор (8 и 9 ст.). Народ ликовал от радости, что «положено основание Дома Господня» (11 ст.); старики плакали «при основании этого храма пред глазами их» представляя «прежний храм». Нельзя **смешивать** этой скорби при основании храма с вполне возможным **повторением** оной по его окончании. Итак, по Ездры храм **начат** во второй год по переселении. Если теперь он «вновь начинается» еще и во второй год Дария, по Аггею, то нет никакого основания видеть в этих показаниях вопиющее **противоречие** уже потому, что нет основания навязывать сообщаемым в них событиям **тождества**, а, значит, и необходимость, в силу этого насильно навязанного тождества-противоречия, отвергать одно представление дела в пользу другого, совершенно случайна и ненеизбежна. Правда, может смущать здесь не мало веская аргументация Stade, который,

как мы отчасти показали, на незыблемом основании Библии же отвергает всякую возможность уловить в словах Аггея мысль о **ВНОВЬ НАЧАТИИ** храма по его возбуждениям, после более или менее продолжительной остановки работ. Но это собственно еще не есть решительное устранение вообще всяких выходов из затруднения. Все зависит от того, как понимать это **ВНОВЬ НАЧАТИЕ** храмовой стройки и самые намерения повествующего о нем пророка. То справедливо, что Аггей до возбуждения храмовых работ в его время не позволяет как будто подразумевать совершенно этих работ, ни их начатия, ни их остановки, когда, например, выражается о предшествующем времени, как о таком, «когда еще не был положен камень на камень в храме Господнем» (II, 15 ст., срв. 18 ст.), но нельзя пренебрегать прежде всего тем, что пророки (Аггей и Захария) и не имели намерений давать обстоятельную историю постройки, и вращались только около одного определенного современного момента ее, причем для того, чтобы охарактеризовать наступление этого момента, как «начало» работ, одинаково годилось не только совершенное отсутствие таких работ ранее, но и остановка их или замедление на одном из тех моментов, когда начатый храм мог ничем не отличаться от груды развалин.⁴²⁹ Самая продолжительность этой остановки около 10 лет в таком случае давала бы право назвать возбуждение работ «основанием» или «началом» храма. Итак, второе положение, не находящее для себя серьезных препятствий таково, что начатая при Кире постройка храма замедлилась или остановилась и совершенно – на продолжительное время. Причиной этого могли быть столько же препятствия и затруднения, указываемые у Аггея, сколько и те, которые, лишь в скомканном виде, приведены Ездрой, и в которых мы скоро разберемся. Пророческие свидетельства не только не препятствовали бы допустить их, но и могут давать им косвенные подтверждения. Так, например, на эти именно препятствия могла указывать та «великая гора перед Зоровавелем», не смотря на которую Захария обещает ему (IV, 7 и д.) благополучное доведение до конца работ его рукою.

Если даты Аггея и Захарии, что по их пророческим речам во имя Бога Израилева храм был «начат» во 2-й год Дария, повторяет также арамейский источник Ездры (IEзд.5:1 и д.), то и он делает это без того, чтобы исключать со всею очевидностью возможность работ и раньше. Сопоставление того и другого повествования о работах по постройке храма со 2-го года Дария приводит к убеждению, что каждое из них значительно дополняет другое, и оба в общем рисуют довольно обстоятельную и ясную картину этой последней фазы в истории стройки. По повествованию Ездры, (V, 3 и д.) едва только Зоровавель и Иисус, подкрепляемые пророками Божиими, начали строить Дом Божий в Иерусалиме, как Фафнай, сатрап западно-евфратских провинций, в сопровождении других персидских чиновников, прибыл в Иерусалим и запросил, кто дал позволение к стройке, и кто дерзнул предпринять ее? Общество тогда же увидело знамение особого Божественного попечения в том, что сатрап не приостановил, однако, продолжения стройки, и только счел нужным проверить показания и полномочия строителей особым исходатайствованием царского подтверждения. Знаменательно здесь то, что

Фафнай, при прибытии в Иерусалим, – конечно, возможно поспешно, застаёт постройку храма **в полном ходу**, и в самом образе запроса к строителям вкладывает непосредственно бросившийся ему в глаза факт, что строители были лишь **продолжателями ранее их начатой** уже работы: «кто дал вам разрешение строить Дом сей и **доделывать** стены сии?», спрашивает он. Не менее знаменательно, что, давая свои показания Фафнаю, старейшины не только ссылаются на великодушие и милости Кира, но и напоминают, как факт, **беспроволочную тогда же закладку** Дома Божьего, который «с тех пор доселе строится, и еще не кончен», выражаются они (V, 16). Стараясь примирить это показание со своей тенденцией, не допускающей никакого продолжения прерванных работ, Stade изощряется сделать это очень ловким предположением об особой расчетливости Иудеев, в интересах которых было именно представить дело начатым не по возбуждению пророков и своевольно, а как продолжение начала, опиравшаяся гораздо ранее на царский авторитет. Однако, к чему же, спрашивается, Иудеи стали бы взводить на себя эту и ненужную и опасную напраслину, когда царский авторитет всегда оставался за ними, и когда напраслина эта на месте могла быть уличена торжественно свидетелями и современниками, среди которых сейчас же для указанного уличения не преминули бы предъявить свои услуги) враги и явные недоброжелатели Иудейского предприятия, упоминаемые Ездрой (IV, 1 и д.). Очевидно, мы имеем здесь совершенно ясный и достаточно авторитетный довод в пользу того представления дела, которое, несогласно с Stade, допускало бы замедление и остановку работ за время между Кирием и Дарием.

Нам остается, таким образом, еще лишь разобраться в тех, бесспорно, запутанных и скомканных показаниях IV главы Ездры о препятствиях стройки, ради которых вся эта глава забраковывается у Stade.

Не подлежит сомнению, прежде всего, что составитель Ездры (IV, 6 и 7 ст. и д.) по недоразумению впутывает в рассказ об интригах по делу храма имени царей Агашвероша и Артаксеркса. Если это недоразумение объяснить тем, что повествователь смешал, не отличая, интриги по поводу **стен** с интригами в деле **храма**, то ошибка его должна быть исправлена тем, что весь этот отдел IV главы, с 6 по 23 стих, должен быть изъят отсюда и отнесен к дальнейшим повествованиям из времен поименованных царей. Связь речи от этой операции несколько не страдает; мы будем читать в этом случае: «услышали враги Иуды и Вениамина, что возвратившиеся из плена строят храм... и пришли... и сказали им: будем и мы строить"...; и сказал им Зоровавель...: «мы одни будем строить..., как повелел нам царь Кир, царь Персидский; и стал народ земли той ослаблять руки народа Иудейского, и препятствовать ему в строении; и подкупали против них советников, чтобы разрушить предприятие их, во все дни Кира, царя Персидского, и до царствования Дария, царя Персидского»; затем, прямо 24 стих: «тогда (или «так») остановилась работа при Доме Божьем, который в Иерусалиме; и остановка сия продолжалась до второго года царствования Дария, царя Персидского». Нет ничего естественнее этого представления дела: мы не будем иметь в нем лишь несущественных иллюстраций того, как именно «народ земли той» достигал

через «советников» разрушения и замедления предприятия Иудеев, во все дни Кира и до Дария. Изъятый же отдел в своем месте не потеряет ценности именно в качестве важных иллюстраций того, как враги «жителей Иудеи и Иерусалима» возбуждали против них (впоследствии) Агашвероша и Артаксеркса, употребляя для этого доносы и подкупы, только не с целью препятствий **уже оконченному** храму, а с целью разрушения **дальнейших попыток** Иудеев снабдить свой город и **стенами**, без которых был небезопасен и город, и храм. В пользу такой реставрации IV главы Ездры говорило бы самое то, что докладная записка «Артаксерксу» Рехума и Шимшая, за которой у Ездры следует сообщение об остановке храма, ни одним намеком не упоминает о постройке храма, но лишь доносит о постройке стен, что действительно происходило в царствование Артаксеркса.

Если же, далее, вышеуказанное недоразумение составителя книги Ездры, вытекающее из стихов 6–23 IV главы, особенно в сопоставлении с предшествующим и последующим (5 и 24 стихи) объяснять на счет того, что он перепутал, лишь имена царей, помещая, однако, совершенно подходящие к данному месту факты, то единственно возможная и целесообразная поправка допущенной ошибки должна быть сделана, очевидно, в духе Иосифа Флавия, заменившего Артаксеркса во всей этой истории именем Камбиза.⁴³⁰ То указанное нами обстоятельство, что в доносе Рехума обходится совершенно упоминание о восстановлении храма, в таком случае заставляло бы или отдать предпочтение изложению этого доноса по апокрифическому Ездры (2Езд.2:17–24), где в числе других побуждений доноса сохраняется ясное указание и на «начатие» **храма** (18 и 20 ст.), как делает между прочим Иосиф, или же – предположит в данном случае особую уловку со стороны доносчиков, в прямых интересах которых было даже нарочно обойти упоминание о постройке храма уже потому, что они не могли не знать царских (Кировых) дозволений этого, и, таким образом, при этой-то неуязвимости Иудеев, естественно они должны были налегать более, если не исключительно, на то, что вернее возбуждало бы против Иудеев подозрительного и далеко не столь достойного такого отца, как Кир, сына, то есть, именно на построение стен, – на то, что выходцы Иудеи, прибывшие в Иерусалим, «отстраивают этот мятежный и негодный город» (1Езд.4:12), издавна заявивший себя отпадениями (ст. 15), за которым, между прочим, был и разрушен, и повторение которых грозит теперь для царя не меньше, не больше как совершенной потерей «владений за рекой» (16 ст.). Самая эта мысль доноса, пытающаяся раздуть дозволенное дело воссоздания храма в громкое и опасное злоупотребление воссоздания стен, могла быть, при этом, не пустой выдумкой и извращением факта, а иметь и долю правды в том, что самый проект, местоположение и др. условия воссоздания Иудейского святилища придавали ему неизбежно характер не совсем обычного предприятия, один фундамент которого на скалисто-обрывистой и крайне неровной горе должен был переходить во многих местах именно в грозные стены⁴³¹, на что, между прочим, прямо указывают Самаряне и у Иосифа во втором своем доносе Дарию (Арх.ХI, 4, 6).

Трудно сказать, которому из двух возможных объяснений дела, приведенных нами, следует отдать предпочтение: каждое имеет доводы за и против, и каждое не чуждо своих слабостей. Бесспорно, одно, что остановка в работах по храму до 2-го года Дария **была**, и обуславливалась как всевозможными помехами со вне, со стороны врагов и недоброжелателей Иудейского общества, так и внутренними причинами, указываемыми у пр. Аггея, – коими были – материальное и моральное поражение энергии строителей вследствие засух, неурожаев, голода и разорения, постигших беззащитное и плохоорганизованное общество переселенцев.

Продолжительность остановки строения храма (1Езд.4:24 и 2Ездр.2:31) «до второго года царствования Дария, царя персидского» измеряется, по Иосифу, количеством около 9 лет⁴³², если Камбиз царствовал 6 лет.⁴³³ Преемником его, – впрочем, после некоторого промежутка, когда престол был в похищении у мага Лжесмердиса (522 г.)⁴³⁴, – сделался Дарий Гистасп (521–485), который, по словам Иосифа (срв. 2Ездр.4:43 и д.), еще простым гражданином дал обет, по достижении престола, возвратить все, взятое из Иерусалима и еще остававшееся в Вавилоне, и при котором Зоровавель, вернувшийся из св. города вскоре по воцарении Дария, как издревле дружественный новому царю, был взыскан его милостями и причислен к царским телохранителям. Обязанное последнему назначению участие этого Зоровавеля в решении загадок, послужившее впоследствии много успеху возобновления начатого храма, передаваемое весьма согласно с апокрифическим Ездрой, имеет ту особенность, что не царь, по Библии, а стражи сами себе дают загадки, и только впоследствии заинтересовывая и царя, склоняют его на покровительственное третейство в своем споре. Вся вообще повесть много напоминает Зенд-Авесту, где однажды ставится вопрос, какие суть 5 наиболее достойных желания вещей? Подобный вопрос выставляется в апокрифе Ездры телохранителями царя – что всего сильнее? Они называют – вино, царя, женщину, причем высказавшийся за последнюю напоследок устанавливает, что сильнее всего – истина. Царь Дарий, которому предлагается это на обсуждение, назначает награду тому, кто высказался за превосходство истины, – очевидно, потому, что это была мысль Зенд-Авесты, столь удачно израилизированная рассматриваемым апокрифом. Высказавшийся так – Зоровавель, счастливая победа которого в этом споре дает ему прекрасный повод «напомнить» обеты Дария и исходатайствовать у него также, вместо награды, беспрепятственное возобновление приостановленной постройки храма. Чрезвычайная доброта царя в ответ на эту просьбу и дарование им полной свободы относительно просимого расположили на этот раз к переселению новые громадные массы остававшихся в плену, хотя цифры Иосифа в данном случае крайне сбивчивы и ненадежны, так что установить из них что-либо определенное и общее с первоисточником его нет никакой возможности.

Что касается собственно исторической ценности всего этого апокрифического рассказа о Зоровавеле, выдаваемого Иосифом за чистую истину, то вообще в нем исторически достоверного мало находит уже Митр.

Филарет, считая излишним сказать об этой повести более того, что она «показывает греческое перо!». Потому-то, без сомнения, ее почтил особенным вниманием и Иосиф, вообще ведущий рассказ об этой эпохе в более первоначальном согласии с Ездрой каноническим, и только местами допускающий справки с апокрифическим, доходящие прямо до рабской зависимости, как между прочим и в только что приведенном рассказе о Зоровавеле.⁴³⁵

Едва только возобновилась постройка храма «во второй год Дария (1Езд.4:24; Арх.ХI, 2), как прежние враги Иудеев снова выступают со своими происками. Когда сомнительные и ненужные услуги их в деле строения были благоразумно отклонены, они заинтриговали против Иудеев опять Сирийского и Финикийского наместников – Сисина и Саравасана⁴³⁶, которые тотчас же поспешили ближе вмешаться в дело и, отобрав на месте показания Иудеев о законности и чистоте их намерений, обратились с запросом обо всем к царю.⁴³⁷ К счастью, – несмотря на то, что Самаряне и сами не умедлили подать донос на Иудеев, обвиняя их в том, что укрепляют город и придают храму вид скорее крепости, чем святилища, и запугивая царя избитыми опасениями, – Дарий вполне добросовестно и трезво взглянул на это дело и обращенный к нему запрос своих вельмож. В результате является предписание царя всячески содействовать предприятию Иудеев, связь которого с указом Кира совершенно подтвердилась, и которое на этот раз в течение 7 лет и было окончено (516 г. до Р.) «в девятый» год Дария – по сообщению Иосифа, а по (1Езд.6:15) в «шестой»⁴³⁸, по «воле Бога Израилева и по воле Кира и Дария и Артаксеркса царей Персидских», как читаем в (1Езд.6:14), и «сообразно велению Господа Бога и по желанию царей *Кира и Дария*», как точнее поправляется это у Иосифа.

Восстановление Иерусалима и храма сопровождалось также учреждением особого рода правления в Иудей, во главе которого стояли первосвященники (priesterstaat). Они держали в своих руках (чрез верховный совет – *υερουσια*) верховную власть до Асмонеев, в роде которых, нераздельно от первосвященства, восстановилась еще раз национальная царская власть. На первых порах, впрочем, значение первосвященника, ряд которых открывается Иисусом, в особенности рядом с представителем рода Давидова Зоровавелем, занимало, очевидно, второстепенное место. Зоровавель выступает прямо, у (Аг.1:1), в звании «правителя Иудеи», сильное основание к чему давало то, что он поставлен был персидским «наместником» страны. Вообще же, национальным главой переселенцев, в строгом смысле слова не был ни Зоровавель, ни он и Иисус вместе. Нельзя не замечать этого уже из самого реестра переселенцев, которые, по неслучайно-осторожному выражению источника, характеризуются как «пришедшие с Зоровавелем, Иисусом, Неемией, Азарией, Раамией, Нахманием, Мардохеем, Билшаном, Мисферефом, Бигваем, Нехумом, Вааною (Езд.2:2; Неем.7:7). Что ни Зоровавель, ни Иисус не отличены здесь никаким особым титулом, нельзя не назвать важным; ясно отсюда, что эти 12 имели равное значение, и все вместе, уже в Вавилонии, стояли во главе возвращавшихся. Это были главы

колен, влиятельнейших Иудейских родов, которые, представляя вместе аристократическую коллегию, сообща организовали дело переселения. Подле этой коллегии, как показывает история Ездры, стояло еще «народное собрание». Это, таким образом, поясняет и подтверждает мысль Иосифа, что в Иерусалиме был введен «полуаристократический, полуолигархический строй правления». При этой естественности возвращения именно к такому древнесемитическому устройству правления, после устранения царства, вполне понятно также, что представитель рода Давидова, которого украшала слава прошедшего и возвеличивали пророческие картины будущего, назван во главе этих 12, и рядом за ним представитель рода священнического – Садокяннин, самостоятельно от царства олицетворявший жизненное значение и целостность важнейших заветов нации. Такой порядок вещей являлся прямым следствием протекших фаз государственной и религиозной жизни народа. Зоровавель и Иисус являются здесь, однако, только еще как первые между равными. Совершенно вне заметного влияния их оперирует коллегия 12 старейшин, вырабатывавшие основы всей внутренней жизни общества и радевшая непосредственно об охранении их целостности. Эти «старейшины» или «старцы Иудеев» беспрестанно выступают наиболее действующими лицами в кн. Ездры. К ним обращается персидский сатрап с запросом относительно полномочий на построение храма – (Езд.5:5 и д.); к ним направляется подтверждение Дарием этих полномочий – (6:7); они представляются главными строителями храма – (6:14); и с ними же, наконец, – а не с первосвященником, например, – сносятся впоследствии Ездра и Неемия. В частности, относительно первосвященника устанавливается, что при самом возвращении Иудеев и ко времени составления реестров Иисус даже еще и не был официально признанным первосвященником, как это видно из (Неем.8:65), где не доказавших своего священнического происхождения особыми родословными предписывалось, по наставлению наместника, иметь под сомнением и отлучением «доколе не восстанет великий первосвященник с уримом и туммимом», который только и мог решить безапелляционно вопрос об оправдании их притязаний. Что касается, затем, значения Зоровавеля в обществе, то оно как-то ступсывается вообще до темного вопроса, состояло ли светское представительство общества после него в лице дальнейших потомков Давидова дома. При несомненном отсутствии светского сильного средоточия власти, первосвященничество незаметно усвояло на счет его значительнейшую силу влияния и представительства, независимо от способности выполнять новые трудные задачи, какие выдвигало в изобилии время, пока, наконец, не произошло упомянутое слияние прав духовной и светской власти в фамилии Асмонеев, окончательно приведшее фамилию Давида в забвение.

Благосклонное отношение Персидских властей, благоприятствовавшее возрождению Иудейства, тем более знаменательно при неустанных усилиях Самарян подорвать к Иудеям расположение царя и вообще всячески вредить им. Разоблачение их неугомонных интриг Иосиф производит с особой тщательностью, останавливаясь на них несколько раз. Между прочим, они,

«опираясь на родство свое с Персами, как происходившие из страны Персидской», ни за что не хотели допустить, чтобы из их податей покрывались расходы Евреев на жертвоприношения и поддержание храма, что повелевалось точным указом царя. Нельзя не видеть в этом вполне естественного и – позволим себе сказать – достаточно законного образа действий Самарян, которых, конечно, нельзя осуждать вслед за Иосифом за то только, что они не хотели участвовать материальными средствами в том, участие в чем другими выражениями их усердия было отвергнуто.⁴³⁹ Менее возвышенный образ действий нельзя не приписать, поэтому, именно Евреям, которые не оставили без внимания этого поступка Самарян, и отправили к Дарию особое посольство с жалобой на них. Иосиф приводит и указ, воспоследовавший от царя с повторением своих повелений по этому поводу, который, если и подлиннен, то ничего не дает для удовлетворения непосредственного чувства, не отказывающего здесь Самарянам в некоторой правоте их образа действий.

То же благосклонное отношение к Иудеям оказывал сын и преемник Дария, которого называет Иосиф Ксерксом (Арх. XI, 5, § 1; Есф. I, 1, 485–465)⁴⁴⁰, приписывая ему унаследованное от отца своего «благочестие и почтение Богу». При этом Ксерксе, а по другим⁴⁴¹ при сыне его Артаксерксе Макрохейре (465–425), сформирован был Ездрой (459–458), бывшим для оставшихся в Вавилоне тем-то вроде исправляющего должность первосвященника⁴⁴² за свою праведность, вес в глазах царя и ученость, – новый отряд переселенцев, напутствованный, как и прежде, милостями и указом царя, подлинник какового указа, по словам Иосифа, Ездра удержал при себе, прочитав своим Иудейским согражданам в Вавилоне, а копии разослал по Мидии всем остальным единомышленникам. Так как поручение, данное Ездры, было временное – «чтобы обозреть Иудею и Иерусалим (1Езд.7:14), доставить туда серебро и золото, пожертвованное царем и советниками его Богу Израилеву (15 ст.), поставить правителей и судей» и т. д. (25 ст.), – то очень вероятно, что, отвезя дары для храма, восстановив чистоту браков и назначив начальников и судей над Иудеей, Ездра возвратился опять в Персию. В согласии с этим будет то, что между 8 и 20 годами правления Артаксеркса нет никаких следов пребывания Ездры в Иудее, и только в 20-й год Артаксеркса мы видим его опять в Иерусалиме вместе с Неемией. Если так, то принятое предположение, что Ездра был правителем Иудеи до самого прибытия туда Неемии, должно быть, очевидно, отвергнуто, основанием для чего служит также то уже обстоятельство, что чистота браков, восстановленная им, так скоро нарушается опять, и то, что в книге Неемии об Ездры не упоминается до самого восстановления Иерусалимских стен (Неем.8:1). Таким образом, нужно думать, что Ездра прибыл во второй раз в Иерусалим уже после Неемии. О последней судьбе Ездры, неизвестной по Библии, Иосиф говорит только, что, достигнув глубокой старости и снискав себе от всех великое уважение, он скончался в Иерусалиме, где и погребен. Впрочем, некоторые еврейские предания говорят, что он умер (и погребен) в Персии, и именно на границе ее, на Нижнем Тигре, при возвращении из

Иерусалима к царю Артаксерксу. В упомянутой местности показывалась и гробница его имени (в южной Вавилонии).⁴⁴³

В истории Неемии, которую, по мнению Bloch'a, Иосиф передает по утерянному концу апокрифического Ездры, исторически неточно и измышленно-искусственно обставляется ознакомление Неемии с бедственным состоянием Иерусалима и просьба к царю.⁴⁴⁴ Неемия, прогуливаясь за городом Сузами (Неем.1:1 «Я находился в Сузах»), встречает идущих в город иноземцев, разговаривающих на еврейском языке (Неем.1:2 «и пришел Ханани... и спросил я их») и, подойдя к ним, спрашивает и узнает о судьбе св. города и жителей. Между тем, как под впечатлением от этих слухов он предается слезной скорби и долго медлит у городских ворот, к нему подбегают напомнить, что царь уже собирается сесть за стол. Это побуждает Неемию – виночерпия так поспешить к отправлению своей должности, что он забывает или не успевает даже совершить обычного омовения, и является к царю с внешностью печально-настроенного человека. Насколько все это искусственно сближено, достаточно видно из того, что **первое** (ознакомление с состоянием Иерусалима) было – по книге самого Неемии – в месяце Кислеве (I, 1 ст.), а **второе** – (беседа с царем) в месяце Нисане (II, 1), т.е. спустя по крайней мере 4 месяца, а отправление в Иерусалим – по Иосифу – снарядилось лишь к 25 году Артаксеркса (Лонгимана или Макрохейра 465–425; Неем.2:1; 1:1 в 20-й год, т.е. в 445 г.). Новые переселенцы⁴⁴⁵, по прибытии на место, разделившись на отряды и распределив по частям работы, быстро восстановили стены города и dokonчили все, что до сих пор оставалось неустроенного. Немалого труда стоило, при этом, Неемии заселить обстроенный город священниками и левитами, изыскать им достаточные средства на содержание, а также убедить селиться в нем и других Иудеев. При тех тяжелых обстоятельствах, в каких долго был Иерусалим, – его развалины и горные напоминания о былом величии представляли слишком мало привлекательности для хотевшего забыться Иудея, – и только энергичный и практичный Неемия мог взять «в руки» и так успешно осуществить великое дело окончательного возрождения злосчастной Иудейской столицы. Возвращался ли, затем, Неемия по устройению всех дел снова к царю, согласно своему обещанию (Неем.2:6), и сколь долго оставался он в Иерусалиме (принято полагать около 12 лет), а также – где и когда скончался, Иосиф не знает ничего, кроме того только, что он «скончался, достигнув глубокой старости».

§ 15. Есфирь

Арх. XI, гл. 6; кн. Есфирь

Передав историю Ездры и Неемии, без особенных отличий со своим первотекстом, Иосиф снова переносится к судьбам остававшихся в плену Иудеев и повествует о послужившем содержанием книги Есфирь страшном бедствии, едва не уничтожившем самое имя Израильского народа из поднебесной. Это было, по его представлению, в царствование сына Ксеркса – «Асвира», известного у Греков под именем «Артаксеркса».⁴⁴⁶ Самые обстоятельства дела передаются Иосифом в общем согласно с греческой книгой Есфири, не без некоторых, однако, более или менее важных дополнений (по местам внушавшихся, может быть, требованием бóльшей живости речи). Так, нежелание царицы Астинь (Οὐάστη) предстать царю в присутствии его гостей Иосиф объясняет благородным намерением ее не нарушать почтения к персидским законам, которые полагали вообще неприличным женщине быть в собрании посторонних мужчин. Это, однако, едва ли точно. Кроме самой книги Есфирь (5:4, 8, 12 и др.) это противоречит свидетельству Геродота (5:18) и Плутарха (Conjug. praescript. XVIII), что законные жены персидских царей могли разделять с ними обеденный стол, по окончании которого они обыкновенно удалялись и вместо них являлись наложницы. Быть может, здесь ключ к разгадке поведения царицы: она получает приказание явиться к царю, когда «сердце его развеселилось от вина», т.е. уже **к концу** пира, и отказалась пойти потому, что не считали себя в числе *κοιριδίαί γυναῖκες* (Herodot), которым теперь благовременно было быть с царем, то есть, значит, не столько или не только из уважения к персидскими законам, но и к «себе», как женщине, для которой по собственному внутреннему чувству было отвратительно и опасно для ее чести (пример подобной опасности был у ней на глазах в происшествии с одной из ее предшественниц при приблизительно таких же условиях) явиться в подгулявшей компании. Впрочем, сама книга Есфирь излагает дело несколько своеобразно, по-видимому, и от Геродота, когда говорит, что Астинь имела свой особый пир на женской половине царского дворца, и специально для женщин. А стало быть и присутствие ее на царском обеде, хотя бы в качестве законной жены, не имело места, да и отказ получает более смысла, в виду (1:11) ст., где царь призывает ее, как еще «невиданную» гостями, и именно, чтобы «показать» красоту ее. В таком случае, отказ все равно мог внушаться столько же верностью персидским законам и обычаям, сколько и даже еще более – настроением самой царицы. После неоднократных настояний царя и отказов царицы, царь в гневе немедленно распускает гостей и при посредстве 7 советников своих, которым «поручено истолкование законов», осуждает ее на удаление и лишение царского звания. Искание заместительницы осужденной внушается не вакантностью места первой царицы, а чрезмерностью любви к Астини и желанием друзей царя – подыскав ему новую лучшую жену, заставить его забыть свою страсть к прежней, так как

царь все таки очень жалел ее, и, не имея возможности отменить над нею свой суд, весьма печалился... Местожительство Есфири до брака с царем, Иосиф указывает в Вавилоне (Есф.2:5 – Сузы), откуда потом ради Есфири переселяется и Мардохей, чтобы жить подле своей любимой воспитанницы. Установление закона, запрещавшего являться к царю без его зова «когда он восседал на троне (ὁπηνίκα ἐπὶ τοῦ θρόνου καθέζοιτο) – (Есф.4:11) «во внутренний двор» – Иосиф приписывает самому этому царю. Мардохей узнает о заговор против царя чрез «Варнаваза», Иудея, слугу одного из заговорщиков. Не наградив Мардохея за его верность и услугу «ничем» (сознательно?), царь просто велит своим секретарям внести имя Мардохея в «летописи», Мардохею же отдает только приказ – «находиться при дворе в числе преданнейших царских придворных». Аман, любимец царский, с которым столкнулся впоследствии Мардохей, был по LXX⁴⁴⁷ «Македонянин» (Есф.9:24), а по Иосифу и Таргумам – «Амаликитянин» (Арх.ХІ, 6, § 6), имевший природную вражду к Иудеям, истребителям его предков. Этим, быть может, достаточно объясняется поведение Мардохея, не поклонявшегося Аману («по своей мудрости и в виду запрещения своего закона»), и жестокость расправы, к которой намеревался прибегнуть Аман, увидев в настоящем случае прекрасный повод к отмщению и удовлетворению своей закоренелой племенной к Иудеям вражды. Чтобы вернее расположить царя не в пользу оклеветанного пред ним народа, Аман обещает внести за его истребление 40.000 талантов серебра (Есф.3:9–10.000) – огромная сумма, которая, вероятно, ценностью своею соответствовала (10.000 тал. == 25.300.000 р.) стоимости для государства числа намеченных жертв – рабов⁴⁴⁸, в том числе и получаемых с них налогов. Временем приведения в исполнение указа, данного царем ради Амана («второго нашего отца» – Библ. и Иосиф), назначалось 14-е число 12-го месяца (Adar'a) текущего года (Есф.3:13 – 13-е число). В поручении царя, данном Аману относительно награждения Мардохея, обращает на себя внимание, негодующий укор последнего, принявшего намерение Амана (поставленного в столь странное положение) за насмешку: «сквернейший из людей! глумиться ли тебе еще нужно несчастьем нашим!? «... возражает он Аману на приглашение скинуть вретище кающегося и печального человека и облечься в порфиру и прочие знаки царственного достоинства для триумфального шествия. Только после того как Мардохей был «заверен» в отсутствии здесь каких бы то ни было насмешек (что красноречивее всего доказывалось, без сомнения, далеко не насмешливым самым видом столь жестоко посмеянного самолюбца Амана), он соглашается на предложенную ему почесть... Предусмотрительно драматично заставляет Иосиф одного из евнухов Есфири «Савухада» (Есф.7:9 – Харбона), приходивших от нее к Аману с приглашением на пир, справляться у раба Аманова о назначении увиденной им на Амановом дворе виселица (для Мардохея), чтобы впоследствии отсюда производить заметку об этом разгневанному царю, ускорившую гибель несчастного. В новом указе царя, имевшем целью исправить ошибку прежнего, примечательны несколько указаний первоисточника на Македонское происхождение Амана,

(Македонянин), хотя Иосиф остается при своем выражении, что он был «Амаликитянин». В остальном Иосиф без всяких существенных особенностей согласен со своим подлинником и не представляет, посему, ничего особенно важного для его дополнения.

II. Археология – продолжение Библии (XI-XVII кн.)

Глава IV. Археология – о Библейском пробеле от Неемии до Маккавеев

§ 16. От Неемии до Александра Великого

Арх. XI, 7–8, 2.

О судьбах Иудейского общества за столетие между Неемией и нападением Александра Великого на Персидское Царство, одновременно с чем вся передняя Азия вступила в фазу нового развития, мы ничего не знаем из Ветхого Завета. Точно также и исторические предания других народов не дают нам ничего за этот пред-греческий период истории Израиля. В последней, очевидно, не представлялось ничего такого, что могло бы возбудить интерес или хотя случайно, как достичь до начинающего становиться все более и более плодовитым пера языческих историков. Это относится также к самому столь проницательному «Отцу Истории» (Геродоту), жившему около этого времени, который, однако, уже дошел до возможности проникать в историю народов, живших в непосредственной близости с Иудеей.

До нас дошли всего два, совершенно изолированные как в своем течении, так и в своем значении, и ни разу более не отмечаемые совершенно – события из этого столетия между Неемией и Александром. Первое из этих событий, о котором мы узнаем из Иосифа (Арх. XI, 7, 1), касается любопытного вторжения Персидского наместника в культическую самостоятельность общества. Случай этот Флавий полагает в правление Артаксеркса II, т.е. Мнемона, время царствования которого падает на 404–358 гг. (по другим 404–361).⁴⁴⁹ Дело в следующем. По смерти первосвященника «Иуды», под коим Иосиф разумеет, очевидно, Иоиада, сына и преемника Елиашина (как у Неем. 12:10 и д.), первосвященником стал Иоханан (= Иоанн).⁴⁵⁰ У этого Иоханана был брат Иисус, которому будучи другом обещал первосвященство Вагос, военачальник Артаксеркса II. Опираясь на это обещание, Иисус затевает однажды ссору в самом храме со своим соперником – братом, и этот в припадке гнева лишает его жизни. Возмущенный столь неслыханным преступлением и самоуправством, Вагос немедленно заявляется в Иерусалим и, осыпая Иудеев укоризнами, входит прямо в храм, презрительно отвечая на все протесты Иудеев, что он «конечно, чище того трупа, который лежит в их храме!». Семь лет после этого Вагос мстит всевозможными притеснениями за смерть Иисуса, одним из каковых притеснений была, между прочим, наложенная в виде штрафа подать за каждого жертвенного агнца, в размере 50 драхм. Историчность этого происшествия, так как оно, не смотря на свои позорные стороны, сообщается из-под Иудейского пера, и к тому же еще членом самого здесь непосредственно заинтересованного священнического сословия, – историки полагают выше всякого сомнения. Самый факт осквернения храма Вагосом Иосиф рассматривает, как наказание Божье за беззаконие, совершенное во храме и, при том, первосвященником.

Второе, относящееся к данному же времени, событие имеется в несколько темном и отдаленном сообщении. По заметкам, сохраненным у Евсевия⁴⁵¹, Орозия⁴⁵² и Колина⁴⁵³ об этом событии, сущность дела состояла, можно думать, в том, что в восстании финикийских городов в союзе с Кипром и

Египтом против Артаксеркса Охус'а (358–338 г.; по др. 361–336) приняли участие также и Иудеи, в особенности обитатели города Иерихона (Hiericus), который посему и подвергся разрушению, причем Артаксеркс увел пленниками многих Иудеев, поселив их в отдаленной Иркании⁴⁵⁴ (при Каспийском море).

Ко времени первосвященника Иаддая, не столь основательно считаемого современником Александра Македонского, и к последним десятилетиям пред выступлением этого Наполеона древности, Иосиф относит еще событие, последствием которого явился знаменитый Самарянский раскол. Надо заметить здесь, что самое место, удаляемое этому событию Иосифом, оспаривается, со стороны своей хронологической точности, важными недоразумениями, констатируемыми, между прочим, у Stade. По смыслу сообщения Иосифа (Арх. XI, 8, 2), брат первосвященника Иаддая, именем Манассия, имел слабость жениться на дочери Самарийского наместника (Никасе), Самарянина родом, именем Санаваллета, надеявшегося своим согласием на этот брак войти в благосклонность всего Иудейского народа. Расчеты оказались не совсем-то верными. Подстрекаемый ропотом Иерусалимских старейшин на брак брата первосвященнического с иноплеменницей, получавшей от того некоторое сопричастие священству, и, видя в этом браке большой соблазн и повод вообще к бракам с иноплеменными, первосвященник объявил своему брату, что он должен или развестись со своей женой или навсегда оставить алтарь. Тогда, оскорбляясь этими, хотя и вполне справедливыми требованиями, Манассия удаляется к своему тестю, и посвящает его в трагизм своего положения – из-за горячей любви к его дочери и нежелания развестись с нею – лишиться священнического достоинства. Тронутый этим, Санаваллет обещает ему свою поддержку и предлагает даже быть при нем первосвященником и верховным духовным главой всех Самарян, обещая с позволения Дария соорудить на горе Гаризим и храм, подобный Иерусалимскому. Лишь только слухи об этом стали достигать Иерусалима, как и другие священники и вообще Израильтяне, женатые на иноплеменницах, стали переходить к Санаваллету, который, угождая зятю, охотно принимал всех и снабжал даже деньгами и именьями. Благоприятные обстоятельства времени, дали возможность Санаваллету привести в исполнение обещания, данные зятю, хотя и не чрез Дария, как первоначально предполагалось, так как он к этому времени начал терять свою силу и должен был войти своими владениями в состав монархии нового всесветного завоевателя – Александра Македонского. К нему-то, по представлению Иосифа, когда все обстоятельства сложились так, что не оставалось сомнения в многообещавшем превосходстве Александра, и обратился Санаваллет с просьбами о санкционировании своих проектов, выставляя на вид то, что это разделит Иудеев на 2 лагеря и облегчит планы монарха относительно завоевания Иудеи. Согласие, не обещавшее никаких особенных затруднений и беспокойств, было дано: и вот – храм, отдельный от Иерусалимского и с отдельным первосвященником, быстро возник на горе Гаризим⁴⁵⁵ и положено, таким образом, начало самостоятельному Самаринскому культу. Иаков в своей непосредственности рассказ Иосифа об

обстоятельствах и времени окончательного обособления Самарянского общества.

При всей естественности отдельных подробностей этого происшествия, оно представляет не мало данных, заставляющих признать его бóльшую уместность в значительно раннейшее время, нежели как это представляет Иосиф. Прежде всего Иаддай первосвященник был не брат, а племянник Манассии.⁴⁵⁶ Ошибочно также сближает в своем повествовании и не различает Иосиф Дария Нота (424–404) и Дария Кодомана (336–330), отстоявших друг от друга почти на целое столетие. Отсюда, у него Санаваллет, который по небезосновательным догадкам некоторых⁴⁵⁷ мог жить лишь до 404 г. (полагая его за одно лицо с упоминаемым у Неемии) при Дарии Ноте, достигает даже эпохи Александра. Поскольку, далее, можно заключать о состоянии Иудейского общества вообще ко времени Александра, есть немалая неестественность в том, чтобы тогда в нем еще была возможность спора о смешанных браках. Таковому главным образом место только во время Ездры и Неемии, и по всем признакам рассказ Иосифа есть как раз то самое, что указывается у (Неем.13:28), его намеком на **одного** из сыновей Иоиады (сына первосвященника Елиашива), **который** уступил слабости сделаться зятем Санаваллета, Хоронита, и которого посему Неемия «прогнал от себя». Это было бы, справедливо замечает Stade, странное совпадение, если бы это происшествие с точно такими же обстоятельствами повторилось позднее на 100 лет, при Александре, и чтобы предполагаемый тесть нового греховодника носил именно тогда редкое в Палестине имя Санаваллета. Если так, то по косвенным подтверждениям самого Иосифа, Самарянское общество должно было прочно организовать задолго до времени Александра, и Иосиф, очевидно, находился в хронологическом заблуждении, отодвинув происходившие за время Неемии события к эпохе Александра. Что тот, современный Неемии, и упоминаемый им без названия имени, зять Санаваллета мог называться действительно указываемым, у Иосифа именем Манассии, вполне возможно; и это был в таком случае не внук Иоиады, а сын его, внук Елиашива.

Справедливость такого именно понимания рассказа Иосифа подтверждается тем еще, что его заметка о том, что многие священники последовали Манассии в переходе к Санаваллету, лучше всего уясняет темное место (Неем.13:29). Здесь, после того как Неемия делает заметку, что он «прогнал от себя» без всяких разглагольствий первосвященнического внука, Санаваллатова зятя, он заключает: «вспомяни им, Боже мой, что **они опорочили** священство и завет священнический левитский!». Вполне справедливо замечание Stade, что чрез смешанный брак **одного** члена первосвященнической фамилии священство еще не могло быть опорочено; тот, кого это прямо касалось, делался чрез то лишь неспособным к священству. Между тем, здесь выразительно констатируется, что произошло **опорочение** священства и **разрушение** завета священнического и левитского, – очевидно, тем, что священники и левиты отдались на служение Самаряно-раскольническому культу и отвергли свое Иерусалимское священство. Если же

так, то, очевидно, в этих словах Неемии таится указание (конечно, только темное) на происшедшее уже возникновение Гаризимского культа. Можно нененравдоподобно и именно в пользу высказанного мнения объяснить самое то, почему это указание и не могло быть иным, как только **темным** в самом деле, событие было не только очень прискорбное, но также и крайне скандальное, поскольку в нем замешивался «цвет Иудейства», до первосвященнической фамилии включительно. Посему-то Неемия не останавливается надолго на этих печальных воспоминаниях, как он подобным же образом коротенькими фразами обходить все интриги и борьбы, который он должен был перетерпеть прежде, чем нарушение порядка, подтвержденного присягою присягой общества, опять загладилось его восстановлением.

Как бы то ни было, относится ли начало Самарянского раскола ко времени наместничества Неемии, самая постройка храма Гаризимского, как вообще окончательная организация Самарянского культа – должна была последовать несколько позднее, и не без связи с внутренним усилением Иерусалимского общества, после реформ Нееми. Главные массы населения древних областей Ефрема и Манассии должны были сомкнуться в новом Гаризимском культе (который едва ли, конечно, мог равняться в притягательной силе с подле возрождавшимся Иерусалимом) только после того, как окончательно обнаружилось, что в Иерусалиме со своими религиозными потребностями они отнюдь не могут находить себе желанного приюта.

§ 17. Александр Македонский в Иудее

Арх. XI, 8 гл., 2–7

Обстоятельства падения Персидского владычества в Палестине и одновременного с этим наступления владычества Греческого скрываются в легендарно-образном повествовании Иосифа о походе Александра В. на Иерусалим, возбуждающем немало противоречивых толков о достоверности и возможности повествуемого события. Непосредственная суть дела здесь такова (принимая во внимание Иосифа и поверяя его, где есть возможность, другими классиками – историками Александра, каковы особенно Курций, Арриан, Иустин, Плутарх, Диодор и др.)⁴⁵⁸ Унаследовав Македонский престол, после смерти своего отца – Филиппа, Александр переправляется через Геллеспонт и, одержав при Гранике (334 г.) победу над полководцами Дария, пытавшимися остановить успехи юного завоевателя, быстро покоряет Лидию, Ионию, Карию, Памфилию. Между тем, Дарий, узнав о поражении своего отряда, спешит сам с многочисленной армией навстречу неприятелю и, застав его уже в Киликии, вступает в сражение. На этом сражении, для него решительно неудачном, он теряет массу войска, а также лишается матери, жены и детей, попавших в плен неприятелям, и сам бежит в глубь Персии. Тогда Александр, по открытому ему пути, быстро достигает Сирии, овладевает Дамаском, Сидоном и осаждает Тир.⁴⁵⁹ Отсюда он, по повествованию Курция (IV, 10) «чтобы при осаде одного города время напрасно не тратилось, – поручив устройство насыпи до города Пердикке и Кратеру, сам с легким войском ходил в **Аравию**.⁴⁶⁰ В дополнение к этому у Арриана находим, что осадные постройки Александра были сожжены, и насыпь, которую он с поистине Александровской настойчивостью вел до городского острова чрез вечно бушевавший морской пролив на протяжении 4 стадий (около 1 версты), обвалена прежде этого похода на Аравлян, и что он отъезжал туда на время, пока подспеют новые машины и корабли, пробыв в своей отлучке 11 дней. Быть может, здесь именно место тому сообщению Иосифа, что Александр посылает к Иудейскому первосвященнику требование прислать подкрепление и провианта для армии, приглашая его в союз с собою взамен Дария и обещая от того многие выгоды. Но первосвященник, ссылаясь на присягу в верности Дарию, отказал Александру, чем привел его в большое негодование. После 7-месячной осады взяв Тир (Диодор. XVII, 46; Курц. IV, 20, 4, 19; Плутарх, Ал. 24, Арриан. II, 24, 6) и через 2 – Газу⁴⁶¹, Александр двинулся на Иерусалим (332 г.), которому, таким образом, грозило величайшее бедствие. Первосвященник Гаддай весьма обеспокоился и установил общенародные моления об избавлении от опасности и о вразумлении, как поступить в столь критическую минуту. Тогда в сонном видении Бог повелевает ему открыть ворота приближающемуся неприятелю, устроить торжественную встречу завоевателю, при участии всего народа в белых одеждах и всего священного сословия в соответствующих облачениях, во главе с первосвященником. Эта процессия, действительно, могла произвести весьма умиротворяющее

впечатление на Александра, так что, к изумлению, всех, он не только не выразил негодования своего непокорству первосвященника, но сам преклонился пред величием Божиим и первый приветствовал первосвященника. С удивлением и как бы недовольством и разочарованием Парменион спрашивает царя, – что за причина, что, до сих пор сам принимавший от всех поклонения, он теперь так унижает себя пред Иудейским жрецом? Тогда царь поясняет, что поклонялся он не первосвященнику, а Богу, Которому этот служит в сем великом звании и Который показал ему некогда во сне точно такого мужа, обещая споспешествовать ему в покорении Персидского царства. После этого Александр идет за первосвященником в город и храм, приносит жертву, по указаниям первосвященника, и знакомится в преподнесенной ему Данииловой книге с пророчеством о том, что «некто» из Греков ниспровергнет Персидское царство. Тронутый всем этим, Александр исполняет просьбы первосвященника – о дозволении Иудеям жить по своим законам, о свободе от податей в субботные годы и распространении также этих привилегий на Мидийских и Вавилонских Иудеев.⁴⁶² В это же вредит и Иудеи, очарованные великодушием Александра, доказали свое полное к нему расположение, охотно принимая его предложение – вступать в ряды его войск и участвовать в его походах и завоеваниях.⁴⁶³

Таковы подробности, сохраненные у Иосифа о бесспорно великом по значению событии – замене Персидского владычества Греческим. То, что дает право здесь большинству историков⁴⁶⁴ заподозривать обычную легенду, и даже отвергать вообще в какой бы ни было форме факт посещения Александром св. города сводится главным образом к маловероятной прикрашенности рассказа самого по себе⁴⁶⁵ и констатированию подозрительного факта молчания об этом событии других многочисленных историографов знаменитого завоевателя⁴⁶⁶, кроме Иосифа, Иудейского⁴⁶⁷ историка. Но что касается первого обстоятельства, то очевидная хотя бы прикрашенность рассказа сама по себе дает, конечно, еще мало права к оспариванию действительности события, могущего лежать в основе повествования, а с другой стороны – рядом с молчанием языческих писателей об этом событии стоят не безавторитетные, хотя не столь ясные свидетельства Иустина, Курция⁴⁶⁸ и др., говорящих о посещении Александром по взятии Тира «многих городов», отказавшихся покоряться ему⁴⁶⁹, и о встрече Александра⁴⁷⁰ «многими царями Востока, имевшими на своих головах **повязки**». Если присоединить сюда сообщение того же Курция⁴⁷¹ о личной расправе Александра с Самарянами за убийство его наместника Андромаха, а также факт существования привилегий, более или менее тождественных упоминаемым при рассказе о посещении Александром Иерусалима, долгое время и при его преемниках⁴⁷², не говоря уже о Талмуде⁴⁷³ и Абульфедде⁴⁷⁴, где все рассказываемое Иосифом приводится почти вполне, – то с большой вероятностью можно будет согласиться, что в основе прикрашенного Иосифовского рассказа лежит несомненно подлинное историческое зерно, отрицать которое ради этих прикрас вовсе не значит восстанавливать истину.⁴⁷⁵ Правда, по некоторым исследователям, самого Иаддая в это время уже не

было в живых; однако, ничего нет невозможного предположить, что, если это и так, мы имеем дело во всяком случае скорее с неточностью имени, нежели с заведомо ложным показанием и выдумкой факта, сгруппированного неудачно около имени Иаддая. К тому же сами по себе исследования, пытающиеся доказать не существование Иаддая во времена Александра (336–323), не отличаются неоспоримостью и окончательной установленностью и, во всяком случае, ничуть не, более доказательны, чем Иудейское предавав, полагающее смерть Иаддая до 327 года.⁴⁷⁶ Что касается, далее, и того возражения некоторых историков, как между прочим Hitzig'a, что «заставляя Александра знакомиться с пророчеством о нем Даниила, Иосиф забывал или не знал, что оно появилось в свет 160 лет спустя», и, следовательно, не могло быть читаемо Александром, а также даты Riehm'a, относящей написание книги Даниила к 167 г. до Р. Х., так то и другое свидетельство значительно ослабляют свою силу при предположении, что хотя бы вообще пророчества Даниила в том виде, как они есть, и появились позднее, однако, материал или содержание их несомненно должны были существовать и храниться со времен пророка, и указываемое Hitzig'ом и Riehm'ом время может обозначать лишь момент **окончательной редакции** записей Данииловых пророчеств, а никак **не первое появление** в свет для каких бы то ни было целей.⁴⁷⁷

Достоверность самого факта посещения Иерусалима Александром, независимо от тех или иных подробностей⁴⁷⁸, не может подлежать почти никакому сомнению. Невозможно допустить, чтобы, подле таких блестящих и неизбежных осад, как Тира, Газы и др., мог оставаться неприкосновенным и незамеченным Иерусалим, (который на первых же шагах своего расцветания в послевоенную эпоху способен был возбуждать зависть и опасения окрестных народов). По словам Ranke (¹/₂, 185), мы имеем о «событии» овладения Иерусалимом Александра лишь «позднейшее левитически прикрашенное повествование», которое, впрочем, «отлично от совершенной выдумки», и ради этого заслуживает уважения. Есть немаловажные внутренние и внешние черты, которые, быть может, лучше всяких доводов за и против свидетельствуют истину – из числа вообще тех в истории, которые не допускают до себя ни достаточно сильной защиты, ни достаточно основательной критики и отвержения. Иерусалим состоял в крайне натянутых отношениях с персидским сатрапом Самарии, в результате которых последний, нарушая ревностные заботы поселенцев о чистоте рода, воздвиг, святилище на Гаризиме, и этого достаточно, чтобы объяснить легкость подчинения Иудеи оружию Александра. Весьма знаменательно также и совершенно в духе истины и верности всему, что нам известно о еврействе, самое поведение первосвященника, дающего на требование Александра о сдаче столь политично – выгодный и неделанно правдоподобный уклончивый ответ, в котором так естественно-искусно выразилась и обоюдоострая верность прежнему владычеству, и подкупающая осторожность пред новым, при столь тонком, психологически вполне правдоподобном, заискивании, не отрезающем себе путей отступления и в то же время активно уходящем так далеко в предположение неизбежности измены. Совершенно отвечало далее

и системе Александра то, чтобы оказывать благоволение тем, кто ему подчинялся, когда он пощадил Иерусалим и позволил Иудеям, как Грекам, в Ионии жить по своим древним обычаям. Наконец, для полной установки факта посещения Иерусалима Александром довольно, что Иерусалим лежал ему как раз на пути в Египет, и что Александр был также признанным обладателем и Палестины – в момент, когда он вступал в Египет. Было бы, очевидно, слишком странно, чтобы он обошел своим вниманием такой важный пункт, лежавший ему на самом пути, и что бы он мог быть признан завоевателем Палестины, без подчинения своему оружию самого ее центра.

§ 18. Перевод LXX

Арх. XII, 1–2 гл.

Судьбы Иудеи в ближайшее время после смерти Александра (ссоры диадохов) Иосиф передает очень необстоятельно, как и вообще весь этот период до выступления Маккавеев носит в его передаче характер недостаточно или искусственно связанных отрывочных несущественных заметок. Внутреннего строя жизни Иудеи, тех движений, которые должны были явиться в результате знаменитых реформ Ездры и заслуг Неемии, которые породил, например, Самарянский раскол, или которые подготовили великое дело перевода LXX, бывшего началом поворота к новой цивилизации, Иосиф совсем был неспособен касаться, и останавливаясь на истории, между прочим, последнего события, считает совершенно достаточным *raison d'être* его простую любознательность Птолемея и честолюбие, не видя другой, более глубокой действенной почвы для этого – в назревшей потребности такого перевода для Иудейского, а, в месте, и всего древнего мира.

Появлению перевода LXX предшествовали, по рассказу Иосифа, следующие обстоятельства, не имевшие, впрочем, значения важных обуславливающих факторов для этого события.

По смерти Александра, его огромная монархия распалась на части, поделенная между его полководцами (Антигон получает Азию, Селевк – Вавилонию, Лисимах – земли у Геллеспонта, Кассандр – Македонию, Птоломей Лаг⁴⁷⁹ – Египет.⁴⁸⁰ Все они, однако, не чужды были стремлений к единовластию, и беспрестанно отвоевывались друг от друга, разоряя свои области. Особенно пострадала от этих распрей отошедшая к Птолемею Лагу Сирия, которая (в роли арены воинских междоусобий) приведена была в такое состояние, которое совершенно не соответствовало прозвищу Птолемея – Σωτήρ – спаситель.⁴⁸¹ В одно же время с Сирией овладел он и Иерусалимом, войдя в него обманным образом в день субботний, под предлогом принесения в храм жертвоприношений, и допустим, не мало строгостей над гражданами. Достоверность самого факта захвата Иерусалима Птолемеем⁴⁸² Иосиф подтверждает ссылкой на свидетельство Агафархида Книдийца, который с правдоподобной иронией изумлялся пред беспримерной пассивностью Иудеев в момент взятия города, и знал, что это объяснялось их «неуместным и бесцельным «суеверием» (чествование субботы), ради коего они предпочли подчинение «столь суровому деспоту».

Не ограничившись объявлением города завоеванным, Птоломей отвел с собою «множество» пленников из Иудеи, окрестностей Иерусалима и Самарии⁴⁸³; впрочем, этот плен имел, по крайней мере, впоследствии – мало общего с действительным позором и рабством: утилизируя строгие воззрения Иудеев на клятвы и верность своим обязательствам, Птоломей уравнивает их в правах с Македонянами, связывает присягою в верности не только себе, но и своим потомкам, и так подкупает их своей щедростью, что и другие Иудеи добровольно целыми массами начинают переселяться в Египет. В этих

отношениях к Иудеям и в его усилиях поддерживать со своей стороны переселенческое движение Иудейства на почву Египта, не было по существу ничего невозможного. Иудейские колонисты своим своеобразно-возвышенным духовным развитием представляли весьма удобное звено для связи между природными Египтянами и владетельными Греками. С первыми они разделяли, между прочим, обычаи обрезания, различение животных на чистых и нечистых, и вообще строгое понимание жизни; со вторыми – соответствующе выгодно – стояли на одинаковой высоте просвещенной веры в единство и духовность Божества, не говоря уже о торговле, в которой по ловкости они могли служить образцом не только для Египтян, но и предприимчивых Греков. Как бы то ни было, при Птолемеи I мы встречаем в Египте (Александрии) уже целые колонии Иудеев, в совершенной равноправности с Македонянами, преимущественно несшими государственную и гарнизонную службу. Приближаясь, таким образом, к рубежу своего предопределенного конца времен, за которым готовился ему и всему человечеству новый дар неба в благодатном обновлении жизни, Израиль, оторванный еще раз от родной своей почвы, пересаживается с нее вновь на почву Египта, и на этот раз одним из важнейших плодов такой пересадки было всесветное обнародование заветных достояний народа Божьего на общедоступном тогда и пользовавшемся вездесущими правами гражданства – греческом языке. Вышел некогда этот народ Божий с «имением многим» из Египта – обогащенный всеми потенциями, кои впоследствии явили в нем могучий телом и духом народ, со всеми плодотворными семенами высшей тогда культуры, которая подняв его естественное развитие на несравненно высшую ступень, возвысила соответствующим образом и естественный базис для развития к новой и высшей ступени Божественного Откровения, для вступления в теснейший завет или общение с Богом; теперь опять (этот народ) входит в Египет, чтобы заплатить ему взаимно еще большим имением, которым обладал сам – сокровищами своей Богодарованной и обожествляюще-живительной письменности. Таково, между прочим, значение перевода LXX, которое, впрочем, во всей своей необъятности едва может быть даже и измерено. Из многосторонних значений этого перевода LXX мы должны обратить внимание на одну, важнейшую для нас сторону дела – установить его как **событие, исторический факт**, добытый критикой из литературного памятника сомнительной благонадежности – известного письма Аристеев, давшего Иосифу материал для сказания о переводе LXX и долгое время пользовавшегося незаслуженным доверием. Мы не будем приводить здесь полного содержания и разбора этого памятника, обстоятельное критическое обследование которого дано в специальных трудах – (магистерском, и докторском) почившего недавно профессора М. Д. Академии И.Н. Корсунского.⁴⁸⁴ Мы установим лишь важнейшие выводы, на какие дает полное право указанный литературно-исторический памятник, не только сам по себе, но и по многим твердо привязанным к нему соображениям, дающим возможность отделить в нем все наиболее важное и более или менее бесспорное, исторически и критически установленное. Таковы – сообщения о

месте или почве перевода LXX, о **времени** его, и о **количестве** переведенного на первых порах.

Несомненность происхождения перевода именно на почве Египетской не без основания видят в изобилии в нем слов местного (египетского) происхождения, в особом характере изложения греческой речи перевода и, наконец, в некоторых внутренних свойствах, указывающих на задатки философического склада мысли переводчиков, каковыми могли быть, таким образом, если не чистокровные ученые Александрийцы⁴⁸⁵, то, по крайней мере, значительно оегиптизовавшиеся Палестинцы. Что такими переводчиками, далее, мало могли быть природные и нарочито вызванные в Египет Палестинцы, подтверждает слабость эллинизации Палестинских Иудеев около того времени, особенно книжников, среди которых вообще затрудняются видеть достаточное количество хороших знатоков греческого языка, надлежаще способных быть переводчиками Пятокнижия.⁴⁸⁶ Может быть, не на это ли безучастие Палестинских ученых в переводе указывает то обстоятельство, что предание Иудейское, имеющееся в древнейших частях Талмуда, ни одним словом не обмолвляется о Палестинском происхождение переводчиков, при разных случаях упоминания и повествования о переводе LXX, а говорит лишь при этом о Египте, Александрии, царе Птолеме, и т.п. Может быть, в целях косвенного подтверждения той же мысли годилась бы та вскользь брошенная подробность в свидетельстве Аристия, что на ряду с вызванными из Палестины переводчиками, прикосновенными к делу оказываются и еще какие-то «Александрийские старейшие толковники» (τῶν ἐριμνέων οἱ πρεσβύτεροι), которые были в числе одобрявших перевод LXX по окончании последнего, как бы его редакторами. Так или иначе, остается принять за наиболее твердо установленное, что почвою, на которой возросло и взлелеяно великое дело перевода LXX, был Египет, и с большой вероятностью переводчиками были **оегиптизовавшиеся Иудеи**, которые в последующее время с большим успехом выступают на поприще всех родов тогдашней литературы, не исключая научно-философской.

Можно, затем, не отказать свидетельству Аристия в соответствии самой действительности и там, где время происхождения перевода указывается именно при Птолеме II Филадельфе⁴⁸⁷ (284–247) и при первосвященнике Елеазаре⁴⁸⁸ (287–255). Эпоха первого как нельзя более позволяла и обуславливала это. В 280 году Птолемей подчинил своему влиянию всю Финикию и Палестину вплоть до самого оплота всего этого края – города Дамаска. Иудеи тем спокойнее отнеслись к этому, что Птолемей сохранил по отношению к ним мудрую и великодушную политику своего отца, и старался привлекать их многими льготами и милостями. Благодаря всему этому, Иудейская колония в Египте должна была к его именно времени возрасти до того значения, которое всего более требовало и обуславливало, чтобы Иудеи перевели закон свой с еврейского на греческий язык. В какой бы степени ни признавать прикрашенным рассказ о рачительных заботах Птолемея в деле перевода, нельзя отрицать факта, легшего в основу этого сказания – о переводе Пятокнижия именно ко времени этот царя и не без его сочувствия.

Помимо свидетельства об этом ближайших ко времени Филадельфа Иудеев – Аристовула, Филона и Флавия, то же подтверждается совершенным отсутствием всяких указаний на более раннее и вообще на другое какое-либо время этого перевода. Переводчик книги Сираха «прибывший в Египет на 38 году при царе Евергете»⁴⁸⁹, т.е. по более точным определениям при Птолеме III – Евергете, преемнике Филадельфа⁴⁹⁰ (247–221), находить переведенными с еврейского на греческий уже не только «Закон» (Пятокнижие), но и «Пророчества и остальные книги Св. Писания (ὁ νόμος καὶ αἱ προφητεῖαι καὶ τὰ λοιπὰ τῶν βιβλίων). Таким образом, в вопросе о времени происхождения перевода – по крайней мере, Пятокнижия, – и не может быть другого решения, как согласное с показанием Аристия. Замечание одного из новейших английских ученых, что «происхождение перевода LXX покрыто мраком неизвестности», очевидно, может иметь силу лишь в применении к обстоятельствам этого происхождения, а не времени оно. В последнем отношении обладает всею силою, в качестве вполне научного и точно устанавливаемого, положение ученого Московского Святителя Филарета, по которому «начало перевода LXX должно восходить несомненно далеко за 200 лет до Р. Хр.». Более узкими пределами для возникновения перевода Пятокнижия в Александрии есть основания считать время между 2980–220 годами, когда замечается повсюду особенное движение в целях раскрытия греческо-образованному миру сокровищ Израильского религиозного развития, – движение, толчок к которому должен был дать именно перевод еврейских священных книг. В сущность и ход этого движения, которое даже на самых первых порах едва ли исчерпывалось мыслью и осуществлением перевода, стоило бы вникнуть поглубже и исследовать по- обстоятельнее: по крайней мере, здесь мы должны отвергнуть всякое серьезное значение мысли, чтобы перевод LXX мог быть обязан своим происхождением единственно славолубивым намерениям египетского монарха, поддерживавшего престиж своих книгохранилищ; почти столь же мало можно удовлетворяться и тем часто высказываемым соображением, что перевод внушался назревшей потребностью **самих** (прежде всего египетских) **Иудеев**, все более и более проникавшихся неотразимым влиянием эллинизирующей цивилизации, при постоянных сношениях с народами этой цивилизации начинавших чувствовать на своей речи невольное преобладание и потребность общего разговорного языка. Более всего этого, Иудейство могло придти к мысли о переводе в целях поведения и сообщения миру мудрости Израиля, в ответ на усилившиеся искания этой мудрости Эллинами. Можно сказать, что нужда в переводе священных книг еврейских была и для последних, и что не только Иудеями, но и Эллинами этот перевод должен был приветствоваться, как желанное явление, богатое ответами на насущные запросы души и сердца («Эллины премудрости ищут»)⁴⁹¹. Допускать, что перевод вызывался чисто религиозными нуждами Египетского Иудейства, затруднявшегося будто бы читать и понимать свободно еврейский язык, слишком отважно, не менее чем видеть в благосклонном внимании эллинского мира к переводу еврейских книг – намерения Греков присоединиться собственно к Иудейству. Сильный мотив

указанного движения должно указать еще раз в апологетических нуждах Иудеев, которые около этого времени начинают становиться все более и более заманчивой мишенью для досужих перьев эллинского остроумия и насмешек, в противовес благоприятствовавшим условиям их внешнего положения, часто возвышавшегося до способности быть предметом зависти даже самих хозяев страны. То обстоятельство, что, по выходе в свет перевода, он предпочтительно употребляется писавшими на греческом языке Иудеями, также немало свидетельствует о значении его именно для языческого читающего мира, в круг писаний, предназначавшихся которому, сами они ввели перевод, как главное средство уяснения и возвышения достоинства Иудейства. Уже письмо Аристия не оставляет никакого сомнения для мысли, что перевод делался и был нужен не столько для говоривших по-гречески Иудеев, сколько для не понимавших по-еврейски Греков. Что первые еще не настолько нуждались лично для себя в греческом переводе своих священных книг, ясно можно судить потому, что и в Палестине в обыденной жизни уже давным-давно не употреблялась собственно еврейская речь, и, однако, до сих пор еще не чувствовалось настоящей нужды в писанном арамейском переводе Библии. И вообще большинство тогдашних Иудейско-Александрийских Греческих писаний меньше имели в виду Иудейское общество, нежели собственно греческий мир, и все усилия их почти всецело направлялись к одному – показать Грекам высшую просвещенность и мудрость Иудейского народа. Посему-то и сочувствие, которое этот перевод закона встретил среди не Иудейского общества, имело следствием богатую литературу о превосходстве Иудейского закона, послужившую побуждением к продолжению раз начатого переводного труда.

В свидетельстве Аристия немало дано ясных и не возбуждающих несогласия указаний, что на первых порах перевод ограничился книгами Пятикнижия. Общая мысль всего свидетельства, что Птоломей повелел перевести Иудейский **закон** на греческий язык». То же самое можно видеть, как бы в намеке, из докладной записки Димитрия библиотекаря царю о «недостатке» книг, содержащих в себе "**закон**" Иудейский, и предложении – чрез выпрошенных у Иудейского первосвященника старцев искусных в знании "**закона**" – получить исправный **его** (закона) перевод; – из письма к первосвященнику Елеазару о намерении для Иудеев **закон** их с еврейского переложить на греческий язык; в просьбе – прислать лиц искусных в знании **законов** и могущих исправно перевести **оние**; – в молитвенном пожелании первосвященника о благопоспешении намерению царя в «переводе **закона** и послании старцев вместе с **законом**; в представлении послов царю с пергаменами, на которых золотыми буквами начертаны были **законы**, и в благодарности царя Богу, как Творцу принесенных **законов**; переведенный **закон** читается, затем, вслух Иудеев и знатнейших особ и вызывает изумление пред премудростью Законодавца. Наконец, имеется относительно сего ясное и определенное свидетельство Иосифа в предисловии к Археологии, где он прямо заявляет, что Птоломей «не все наше получил Писание, но вручили ему один только **закон** посылаемые для истолкования оного в Александрию» (οὐδέ

γὰρ πᾶσαν ἐκεῖνος ἔφθη λαβεῖν τὴν ἀναγραφὴν, ἀλλ' αὐτὰ μόνα τὰ τοῦ νόμου παρέδοσαν οἱ πεμφθίντες ἐπὶ τὴν ἐξήγησιν πρὸς τὴν Ἀλεξανδρεῖαν). Кроме Иосифа, не без значения здесь свидетельство о том же Талмуда, где читаем (в трактате Megilla): «traditio est, ut dicit R. Judah, quod quum permiserunt (magistri nostri) legem in Graecum conscribi, permiserunt id tantum libro legis, atque inde ortum est opus Ptolomaei regis».⁴⁹²

Были ли переведены при Филадельфе же и теми же ли переводчиками другие книги Свищ. Писания, и вообще, когда они переведены и кем, из Аристеева свидетельства вывести невозможно. Как бы то ни было, несомненное сочувствие не Иудейского общества к первому опыту перевода еврейских книг и обстоятельства самого времени, во всяком случае, должны были сообщить продолжению этого дела быстрый и полный успех. Вся еврейская литература должна была сделаться Грекам доступной, и работа с этими полями должна была продолжаться, во всяком случае, до последней четверти II столетия до Хр. (150–125), и именно как работа не одного лица, и далее не одного только ученого кружка, но многосложная и многотрудная работа, может быть, более полуторых веков.

Что касается более частных подробностей Аристеева свидетельства, как-то: дарование полной свободы евреям, сопровождавшего дело перевода; ходатайства за них пред царем Аристеем и ответов царя, а также указов последнего по этому делу, – содержания переписки его с первосвященником, обмана дарами, обстановки, при которой веден был перевод, – ученых разговоров старцев с царем, и т.п., то все это имеет второстепенное значение и без ущерба делу игнорируется, как исторически неподлинное и неудовероятное. Заметно, что уже сам Иосиф не критически относился ко многим из подобных подробностей Аристеева сказания, отсекая по возможности все, имеющее мало очевидно – исторического характера, и стараясь, с другой стороны, выставить более точные исторические основания для всего, что сообщается у Аристеем без достаточной ясности и определенности. Таковы – в дополнение к простому указанию личности, сообщение Иосифа о первосвященнике Елеазаре, как брате известного первосвященника Симона Праведного, сына Онии, и т.п.

Глава V. Археология об эпохе Маккавеев

§ 19. Состояние Иудеи в пред-Маккавейское время (по 175 г.)

Арх. XII, 3–5 гл.; Полибий и др. историки

Несомненность благосклонных отношений Птолемея Филадельфа к Иудеям, быть может, действительно стоявших в такой или иной связи с историей перевода LXX, хотя бы и не в духе Аристеева сказания, во всяком случае, настолько очевидна и исторически засвидетельствована, что для Иосифа она, по справедливости, служит точкой отправления для изображения дальнейших судеб Иудейства. Иосиф обращает внимание на то, что не только в страна Птолемея, но и в других государствах того времени Иудеи были отличаемы особенным и именно благосклонным к себе вниманием правителей. Характерным выражением этой благосклонности было дарование Иудеям прав гражданства. По ясному указанию Иосифа, начало этих прав (*jus civitatis*) для Иудеев положили именно Азиатские государи, у коих они нанимались в военную службу. Так, Селевк Никанор пожаловал этим правом многих Иудеев в построенных им в Азии и нижней Сирии городах, и даже в самой столице своей Антиохии. Права эти не были фиктивным только отличием, но фактически уравнивали Иудея во всех преимуществах Грека и Македонянина, причем допускались далее некоторые важные приспособления их к Иудейским исключительным воззрениям. Такова, напр., узаконенная Селевком для Иудеев замена или выкуп обычных податей с граждан Селевкидских городов, причем вместо **елея**, из которого должны были, между прочим, состоять эти подати, Иудеям позволялось откупаться деньгами, ввиду их щепетильного отношения к иноземному елею. Это преимущество не потеряли Иудеи также в Римское время после кровавого исхода Иудейской войны, когда отягощение бременем податей вошло в систему. Еще замечательнее привилегия, оказывавшаяся Иудейским борцам в общественных школах (гимназиях). В силу указанных предубеждений предпочитая умаиваться собственным своим маслом, вместо казенного, Иудеи получали за последнее деньги в определенной сумме, соответствовавшей стоимости масла. Любопытен и вполне правдоподобен рассказ Иосифа о том, как однажды Антиохийцы подняли вопрос о лишении Иудеев этого последнего преимущества в виду наступавшей Иудейской войны: сам областеначальник Сирийский Мукиан⁴⁹³ – не допустил, однако, этого сделать. В позднейшее время делали подобные же попытки к лишению Иудеев вообще всех прав гражданства Александрийцы и Антиохийцы при Веспасиане и Тите, и Ионяне при Марке Агриппе (сподвижник Октавиана Августа, с 23 г. до Р. Х. правитель Сирии), по свидетельству другого историка Николая Дамаскина, и всякий раз, однако, права Иудеев оставались неприкосновенными, несмотря даже на то, что Веспасиан, например, имел и сильнейшие побуждения нарушить их за крайнее сопротивление Иудеев и ради привлечения симпатий двух сильных народов, просивших его о том.⁴⁹⁴ Особенно много жаловал Иудеев правами гражданства (римского) Юлий Цезарь, побуждаемый к тому весьма важными услугами, оказанными ему со стороны Иудеев во время Египетской войны.⁴⁹⁵

Так или иначе, во всяком случае – с правами граждан в последующее время мы видим весьма значительное число Иудеев и целых Иудейских общин, рассеянных по различным областям Греции и Малой Азии⁴⁹⁶; и нет ничего невозможного в том, что эти права были отчасти отголоском той благосклонности к Иудеям, пример которой дал гуманнейший век Птоломеев, заявивших свои симпатии к Иудейству, между прочим, просвещенным содействием переводу LXX.

При первом приближении и прикосновении к Маккавейскому периоду приходится обыкновенно констатировать неизменный печальный факт – нарушение стройного течения свящ. первоисточника весьма крупным пробелом в несколько столетий (от Неемии до Антиоха Епифана, 440–175 г.), – нарушение, создающее крайне невыгодное положение для историка, лишенного всякой возможности соединить сколько-нибудь прочным узлом концы порванной нити Библейского рассказа. Правда, мы могли находить некоторую видимость способности заполнить означенный пробел в попытке Иосифа Фл., однако, эта попытка не идет дальше воспроизведения пары легендарных событий – рассказ об Александре Великом и история перевода LXX, крайне слабых в своих деталях пред строгой исторической критикой, а главное – заполняющих только лишь ничтожную часть всего громадного пробела. Подобная же попытка в Маккавейских книгах также ограничивается лишь самыми незначительными и, притом, исторически слабыми или слишком конспективными повествованиями. Так, между прочим, начало I Маккавейской книги гласит:

1. «После того, как Александр, сын Филиппа, Македонянин, который вышел из земли Киттим, поразила Дария, царя Персидского и Мидийского, и воцарился вместо его прежде над Элладой,

2. Он произвел много войн, и овладел многими укрепленными местами, и убивал царей земли.

3. И пришел до пределов земли, и взял добычу от множества народов; и умолкла земля пред ним, и он возвысился, и вознеслось сердце его.

4. Он собрал весьма сильное войско, и господствовал над областями и народами и властителями, и они сделались его данниками.

5. После того он слег в постель, и почувствовав, что умирает.

6. Призвал знатных из слуг своих, которые были воспитаны с ним от юности, и разделил им свое царство еще при жизни своей (*?как известно из истории Александра, никакого дележа при своей смерти он не производил*).
Далее:

7. Александр царствовал 12 лет, и умер.

8. И владычествовали слуги его каждый в своем месте.

9. И по смерти его все они возложили на себя венцы, а после них и сыновья их в течение многих лет, и умножали зло на земле.

10. И вышел от них корень греха – Антиох Епифан, сын царя Антиоха, который был заложником в Риме, и воцарился в 137 году царства Эллинского» и т.д.

В добавление к этому, слишком конспективному и быстрому переходу к судьбам Палестинского Иудейства после Неемии, отчасти на основании Иосифа, отчасти из других источников, есть возможности представить дело в следующем более обстоятельном виде, впрочем, так же лишь со времени смерти Александра.

Упомянутый Селевк Никанор (ὁ Νικάτωρ), один из замечательнейших полководцев великого Александра, был, между прочим, основателем особого Сиро-Македонского царства, в состав которого в 312 году вошел (после 10-летней войны) Вавилон, а также многие страны по побережьям Средиземного моря. Объединивший, таким образом, большую часть всемирной монархии Александра, Селевк открывает собою могущественную эру Селевкидов, с судьбами которой долго связывались судьбы Иудейства, в продолжение, между прочим, всего периода Маккавеев. Время владычества Селевкидов Сирией и Палестиной дало одну из наиболее оживленных и плодотворных эпох Иудейства, когда реакция обезличению «инославием», возбужденная достаточно осмыслившимся и окрепшим ново-Иудейством, не только выдержала блестяще множество нахлынувших бедствий, но и успела на время воскресить счастливые времена благочестивых царей Иудейских. Так как история Иудейства за весь этот период не может быть совершенно изолирована от истории Селевкидов, тесно переплетаясь с нею, то мы должны в дальнейшем уступить невозможности достаточно обстоятельно и полно представить первую так, чтобы не вдаваться в тоже время и во вторую. А так как, далее, и история Селевкидов есть в значительной степени история соперничества с Птоломеями, то и судьбы последних должны давать нам материал для представления судеб Иудеи. Наряду с I и II книгами Маккавейскими незаменимую услугу в данном случае оказывает Иосиф, без сообщений которого источники для истории Селевкидов оказываются крайне неполными и разбитыми.⁴⁹⁷ Впрочем, нельзя сказать, чтобы и Иосиф оказывался здесь достаточно удовлетворяющим желательной полноте и обстоятельности исследования этого периода. По своей некритичности он заслуживает менее веры, чем даже II Маккавейская книга, а тем более I, которая по относительной достоверности и обстоятельности должна занять 1-е место, в представлении истории всего этого периода.

Неполнота Иосифа заметно сказывается при первой же попытке его восполнить недостающее в повествовании книг Маккавейских. О первом из Селевкидов – Селевке Никаноре (302–282) он сообщает лишь о даровании им прав Иудеям в своих городах.⁴⁹⁸ О его преемнике Антиохе I Сотере (282–262) он не знает ничего.⁴⁹⁹ Об Антиохе II, сыне I и внуке Селевка⁵⁰⁰ (261–246), прозванном от Греков Θεός, знаем из Иосифа лишь то, что он также жаловал Иудеев правами гражданства. Мы ничего не знаем, далее, по Иосифу, о государях этой династии – даже по имени, узнаваемому уже из других рук – о сыне Антиоха II, Селевке II Каллинике (до 225 г.) и его старшем сыне – Селевке III Керавне, царствовавшем до 223 года. Минувя всех их, Иосиф прямо переходит к истории славнейшего из Селевкидов, брата Селевка III, Антиоха

III Великого (223–187), с которого начинается уже падение самой династии, благодаря разделению на несколько соперничавших ветвей.⁵⁰¹

Отчасти на основании Полибия⁵⁰², отчасти из других отрывочных свидетельств памятников древности, узнаем, что до Антиоха III имели место следующие важные государственные перевороты, значительно уясняющие политику означенного Антиоха.

Птоломей II Филадельф, в войне с Антиохом II Θεός'ом, распространил свое владычество до береговой черты Малой Азии, покорил большую часть Мало-Азийских островов и уже замышлял упрочиться во Фракии. Покорность Антиоха остановила дело миром. Он должен был при этом уволить свою супругу Лаодикею и жениться на дочери Птолемея, Веренике. Но едва только не стало Птолемея Филадельфа, скончавшегося в 247 г., как Антиох II отнял от Египта снова Ефес, взял здесь опять отвергнутую супругу Лаодикею, между тем как египтянку, Веренику, бросил с ее сыном в Антиохии. Побуждаемая этим непостоянством своего супруга, Лаодикея уговорила его провозгласить наследником престола своего старшего сына Селевка и, затем, не нуждаясь более в нем, умертвила его. То же сделала она потом и с его другой супругой, Вереникой, которая сначала хотела защищаться, но должна была уступить и вероломно умерщвлена вместе с сыном и всей ее прислугой. Последнее повело, между прочим, к войне брата Вереники, Птолемея III Евергета, против сына Лаодикеи, Селевка II Каллиника. Война эта, веденная на суше и на море, после решительной, тяжелой и для Египта всецело победоносной битвы, кончилась 10-летним перемирием, надолго обеспечившим покой обеих стран и неприкосновенность владений Египта. Для Иудеи время царствования Птолемея III Евергета (247–222), особенно последние годы – вообще ознаменовались значительными бедствиями. Бедствия эти начались с открытием войны Птолемея с Антиохом, войско которого, внеся впервые меч войны на еврейскую почву, со времени начала господства Птолемеев⁵⁰³, **Божьей карой** свирепствовало над страной. К довершению бедствий, Иудеи стали подвергаться крайним стеснениям со стороны Самарян, которые, постоянно вторгаясь в пределы страны, опустошали жатву, уводили в плен и продавали людей. Как кажется, это разорение страны особенно могло обуславливать то обстоятельство, что первосвященник Ония II отказался посылать царю обычную дань в 20 талантов серебра. Иосиф объясняет это также крайним корыстолюбием первосвященника, хотя на это имеется справедливое возражение, что система собирания податей представляла в древности сама по себе достаточно пищи любостяжания; посему, не лишено силы и третье объяснение, что образ действий первосвященника мог вызываться религиозными мотивами, в силу которых первосвященник находил недостойным делом приносить за свой народ знаки принадлежности какому-либо другому господину, кроме Иеговы, хотя здесь остается непонятным возникновение этих опасений столько времени не имевших места при уплате дани еще персидским владыкам. В данном случае это тем более было бы не тактично, что греческое правительство и так уже сделало снисхождение евреям, в противоположность персидскому, предоставив их собственной

власти сбор и отсылку дани, что сопровождалось упразднением чужеземного царского наместника подле первосвященника, на которого возлагались его обязанности. Как бы то ни было, Ония не уплатил дани, и возбудил сильный гнев Птолемея (III Евергета), грозившего занять страну своими воинами. Неизвестно, к чему повела бы эта угроза, не оказавшая никакого действия на непреклонного первосвященника, если бы посредником между ним и царем не выступил его племянник (срв. Jastrow, 159 стр.) Иосиф, сын Товии. Этот пылкий юноша с негодованием упрекает первосвященника за легкомысленное подвержение своего народа такой опасности, и, когда Ония готов был скорее отказаться от первосвященства, нежели ходатайствовать, по требованию Иосифа, пред царем об отсрочке дани, племянник сам вызывается исполнить долг своего дяди, в качестве его уполномоченного. Заручившись благорасположением царского посланника, Иосиф подготовил себе необыкновенно радушный прием царя и царицы, успел оставить за собою отдававшими на откуп сбор государственных податей со всех Иудейских провинций, не смотря на сильную конкуренцию своих недоброжелательных соперников, быстро собрал причитавшиеся недоимки, и, улещая царя и весь двор его богатыми подарками, целых 22 года беспрепятственно обирал народ, нажив громадное состояние. Справедливо полагают, что слова «мытарь» и «грешник» должны были стать синонимами в это именно время, когда тесное совмещение этих свойств в Иосифе целые поколения воспитывало народ в мыслях о их неразрывности.

С выступлением на престоле Сирийском Антиоха III Великого бедствия Иудеи возрастают до последней степени приведением ее снова на военное положение, благодаря силе и отваге, которые почувствовал Антиох, чтобы снова помериться ими с Египтом. Тайная измена Феодота⁵⁰⁴, египетского наместника Коїлї-Сирии и Финикии, уже готова была открыть Антиоху все пути, когда новый египетский царь Птоломей Филопатор проник замыслы своего наместника и послал для смены и устранения его другого сатрапа Николая. Для Антиоха это дало прямой сигнал к войне. Феодот заперся в Птолемаиде и Тире, и звал отсюда Антиоха на помощь. Последний не замедлил, и, таким образом, успел принять из рук египетского изменника не только Сирийскую Селевкию, занятую египетским гарнизоном, хотя составлявшую собственный портовый город Антиохии, но также сильный Тир и Птолемаиду, важный ключ к долине Иезреель; менее крепкие оплоты Финикии с трудом могли быть защищаемы египетскими гарнизонами, и быстро переходили в руки Антиоха. Птоломей попытался отстоять свои права уступками, и осенью 219 года склонил Антиоха на 4-месячное перемирие, за которым обещал и мирные переговоры. Это помогло Птолемею выиграть время и значительно усилиться, так что, когда Антиох потребовал мирной уступки Коїлї-Сирии (между Ливаном и Анти-Ливаном) и Финикии, как искони законно принадлежавших Селевкидам⁵⁰⁵, Птоломей опротестовал это условие, и война возгоралась снова. Главные военные силы египтян столкнулись с Антиохом лишь весной 217 года, когда Антиох успел достаточно упрочиться во многих городах Финикийского побережья. Спускаясь, затем, на встречу врага, он дошел даже

до Рафии (южнее Газы) и здесь произошло решительное сражение, в котором участвовало до 70.000 египетского войска съ 70 ливийскими слонами, впервые здесь употребленными в битву. Все множество сирийского войска не названо; во всяком случае, это, по числу своих 120 способнейших индийских боевых, слонов должно было значительно превосходить египетские силы. Во время сражения ливийские слоны египтян, оказалось, не могли выносить вида и рычания индийских и привели своим бегством левый фланг египетского войска в замешательство. Но тем более воодушевились остальные части египетской армии: Антиох все-таки был разбит, и 40 его индийских слонов попали в руки египтян. После этого Птоломей получил возможность снова настоять на перемирии и продиктовать самые условия последовавшего затем мира. К счастью для Антиоха, беспечный победитель сам томился этой войной, и удовлетворился заключением мира лишь на основах прежнего положения страны – *in statu quo* (Полив. V, 67, 68, 82 и д. – 87).

Вслед за этой победой над Антиохом, Птоломей захотел, между прочим, показать себя и как победитель Иерусалима. Вступив в город, он по примеру своего предшественника, Евергета, принес в храме жертву, делая это или из любопытства, а то и из мести за слишком дружественный прием Сирийского царя, а, может быть, даже из простого желания показать себя выше первосвященника.⁵⁰⁶

Рафийский мир между Птоломеем и Антиохом скоро, однако, расстроился после нового победоносного захвата Иудеи Антиохом. Птоломей, между тем, умер в 205 году, оставив наследником своим 5-летнего Птолемея Епифана. Это не помешало снова возгореться войне, сопровождавшейся обычными бедствиями Иудеи, бывшей по своему местоположению между враждовавшими и ареною их военных действий и своего рода яблоком раздора. За все продолжение этой войны с Египтом, веденной Антиохом с двумя Птолемеями, на долю Иудеи выпадало страдать одинаково, в случаях как его победы, так и его поражения. Египетскими силами теперь руководил полководец царя, Скопас, который, впрочем, отстоять Иудею от Антиоха уже не смог. Нанеся у источников Иордана (при Панеасе, 198 г.) решительное поражение Скопасу, Антиох упрочил за собой всю *Κοιλῆ*-Сирию, Самарию и Иудею.⁵⁰⁷ Услуги, которые оказали ему при этом Иудеи, встречая его дружеским приемом и помогая его войскам провиантом, в отместку как бы за недавние обиды Филопатора, послужили основанием многих милостей Иудеям: Антиох заселил вновь и обновил их столицу, полуразрушенную и полуоставленную жителями, возвратил свободу и имущества взятым в рабство, предоставил всем Иудеям право жить и управляться по собственным обычаям, назначил щедрые приношения для ежедневных богослужений храма, самый храм заново отремонтировать на свои средства, и освободил от всяких сборов служащих при нем⁵⁰⁸; наконец, издал особый указ (срв. Гольцман, 23), запрещающей доступ в храм для иноплеменников и держание нечистых по Иудейскому закону животных в городе и вблизи храма.⁵⁰⁹ Подобное же благоволение Антиох готов был распространять и на всех Иудеев своего царства, как это видно из письма его Зевксиду⁵¹⁰, где он предлагает

этому областеначальнику заселить Иудеями (Вавилонскими и Месопотамскими) Лидийские и Фригийские области и установить для привлечения переселенцев всевозможные льготы и привилегии.

Безмятежное владение вновь покоренными странами продолжалось, однако, недолго. На Восток уже надвигался с Запада грозный призрак Рима, побуждавший оба эллинистические царства сплотиться в одну силу, способную оказать надлежащее сопротивление. Необходимость этого единства особенно давала себя чувствовать после того, как Македония уже пала под оружием Рима. Антиох тотчас же завязывает особенно дружеские отношения с Египтом и для лучшего упрочения мира между обоими государствами выдает свою дочь Клеопатру за подросткового Птолемея Епифана⁵¹¹, подарив в качестве приданого за свою дочь право пользования ½ податей с только что отвоеванных от Египта Коилѣ-Сирии, Финикии и Палестины. Такой дележ участков во владении на первых порах служил, пожалуй, лишь к возвышению благосостояния Иудеев, для которых вместо одной благоприятствовавшей царской династии теперь стало две. Косвенное подтверждение и отголосок, между прочим, милостей Антиоха Иудеям находят не без основания в похвалах Сираха первосвященнику Симону, сыну Онии, что «он улучшил при жизни своей Дом Божий, и в течение дней своих обновил храм. Им была поднята до двойной высоты ограды высота стен святилища; в его дни был вылит из меди резервуар, по размерам своим широкий, как море; он оберегал свой народ от падения и укрепил свой город против осады». Нет сомнения, что все эти деяния Симона должны были иметь связь с приведенными выше щедротами Антиоха, относящимися как раз к этому времени.

Призрак Рима, между тем, начинал оправдывать относительно себя все опасения. Антиох живо столкнулся своими интересами с интересами Рима и не задумался даже ввязаться в войну с ним, которая, конечно, и кончилась для него очень несчастно. По тяжким мирным условиям 189 г. до Р. Х., от него отходили к Риму все Мало-Азиатские владения вплоть до Таврийского хребта, с уплатой тяжелой военной контрибуции и с обязательством полного разоружения западной границы, смежной с Римом. Это навсегда сломило Сирийское могущество, и наследник Антиоха, умершего через 2 года после сего, Селевк Филопатор, едва был в состоянии выплачивать Риму наложенную контрибуцию. Вполне естественно, что столь стесненные обстоятельства не могли не отразиться и на благосостоянии Палестины. Крайняя денежная нужда заставила Селевка отправить притеснителя и на «красу своего царства», т.е. Иудею. Таким притеснителем был Илиодор, явившийся по поручению царя в Иерусалим с тем, чтобы взять храмовую сокровищницу. Иудеи, однако, не допустили такой крайности и дали посланнику царскому столь энергичный отпор, что возвратившись к царю, он докладывал ему: «если ты имеешь какого врага и противника себе, то пошли туда его"...», давая понять, что для врага не может быть лучшего наказания.⁵¹²

Неизвестно, как повлияла эта неудача на дальнейшую политику Селевка в отношении к Иудеям; только до означенного инцидента эта политика не шла в

разрез с политикой великодушного предшественника Селевка. И Иосиф и II Маккавейская книга отмчают Селевка в числе царей, которые уважали св. город и чтили его святилище отличными дарами; в частности, о Селевке особо замечает писатель (2Мак.3:3), что он давал из своих доходов на все издержки, потребные для жертвенного служения. Едва ли мы будем далеки от правды, если скажем, что посольство Илиодора Селевком за храмовой казной, по доносу о ее чрезмерных богатствах, означало не только его желание покрыть ими его личные нужды⁵¹³, но и вместе прекращение его прежних щедрот храму, а может быть еще и другие стеснения, после того как посланный царский потерпел такое фиаско. Положительно известно во всяком случае то, что именно царствование этого слабого и невлиятельного Селевка, бывшего не в силах оправиться после поражения отца, ознаменовалось внутренними смутами в Иудее, главными героями каковых были сыновья умершего к тому времени главного сборщика податей Иосифа. Старшие из сыновей пошли настоящей войной на младшего Гиркана, и вовлекли в эту борьбу весь народ, разделившийся на 2 партии. Отчаяннейший головорез и проныра, весь в своего отца, от случайной связи которого, кстати, он и произошел, этот Гиркан еще при жизни отца успел всем насолить, и теперь вооружались против него не только его братья, но и большая часть народа, и даже первосвященник Симон. Жажда полного простора и удалства заставила Гиркана удалиться из пределов Иудеи по ту сторону Иордана, где он со свойственным ему проворством, быстро устроил нечто в роде маленького государства, с собственной столицей, украшенной великолепным дворцом и укреплениями, и 7 лет царствовал здесь настоящим царем, промышляя грабежами и набегами на арабские владения. Лишь после смерти Селевка, когда на престол вступил (176 г.) брат его Антиох Епифан, Гиркан почувствовал, что пришло время, когда ему должно будет расплатиться за свои подвиги. Антиох, которого тянуло завладеть большими богатствами Гиркана не менее, чем восстановить порядок в государстве, позвал его на суд. Не видя возможности ускользнуть, во всяком случае, от рук Антиоха, обладавшего сильным войском, Гиркан решил лучше кончить жизнь самоубийством, которое помогло Антиоху без труда овладеть всем его состоянием и восстановить покой страны.

Около этого же времени произошли важные перемены и в Египте. После скончавшегося Птолемея V Епифана (181 г.) остались 2 юные сына – Филометор VI⁵¹⁴ (181–171 и 164–146) и Фискон VII (171–164 и 146–117) – обстоятельство, которое также фактически возвышало могущество Антиоха и обуславливало роль, в какой он выступают в дальнейшей истории вообще и в отношениях к Иудеям в частности.

Наконец, мы должны дать здесь место также обсуждению важного события, помещаемого Иосифом в указанное время, а последующими историками относимого на более раннее. Мы разумеем возбуждение сношений Иудейского народа со Спартанцами, подтверждаемое (1Мак.12:19,23), и связанное с именами первосвященника Онии и царя Спарты – Арея. Дело, как оно представляется по I Макк. кн., состояло в том, что царь Лакедемонский Арей (правильная форма Ἀρεῦς), основываясь на «некотором древнем

писании», из коего явствовало, что Иудеи и Лакедемоняне «одного» рода (и именно Авраамова), прислал бывшему тогда первосвященником Онии посольство с заверениями своих братских чувств к Иудейскому народу, и, обещая со своей стороны ревность о благе его, как своим собственном, приглашал к «дружественно-братским отношениям». Почти не подвергаясь оспариванию со стороны своей **историчности**, этот факт сношений Онии и Арея выдвигает едва преодолимые затруднения при попытках усвоить описываемому событию его надлежащее **место**. Дело в том, что известны в истории 3 Онии и 3 Арея, при чем указываемое, между прочим, Иосифом преемство этих Оний, после Симона, совершенно тождественно в 2 случаях, как ясно из следующего:

Ония (I), сын Иаддая,

Симон (I) Прав., сын **Онии I**.

Елеазар, брат Симона (20 лет, срв. Jastrow, 157).

Манассия, дядя –

Ония II, сын **Симона** Прав.

Симон II, сын этого Онии и

Ония III, сын Симона II (Schürer, I, 139, пр. 3; Riehm, 635).

Если, таким образом, игнорировать брата и дядю между Симоном I и Онией II, его сыном, то преемство будет совершенно тождественное в обоих случаях: Ония (I), Симон (I), Ония (II); Ония (II), Симон (II), Ония (III), – и везде – отец и сын.⁵¹⁵ Столь же мало разрешима путаница между 3 Ареями. Доподлинно известны два царя Спарты под данным именем – Areus I, царствовавший (по Диодору XX, 29) с 309–265 г. до Р., и Areus II, царствовавший около 255 г. до Р., но уже 8-летним мальчиком умерший (Pausan. III, 66). Так как Ония II едва ли был современник Арея II, то, по мнению Schürer'a⁵¹⁶, остается считать таковыми Арея I и Онию I; в таком случае является совершенно ложной комбинация Иосифа⁵¹⁷, который отодвигает послание ко времени Онии III. Переписка будет падать, следовательно, на время диадохов, когда Спартанцы в борьбе с Антигоном и его сыном Димитрием Полиоркетом естественно могли задаваться мыслью подготовить своим противникам затруднение чрез агитацию на Востоке. Другое место соглашается дать описываемому событию Hitzig.⁵¹⁸ Принимая для времени царствования Арея I (согласно Диодору XX, 29) 309–265 г. до Р. и относя время первосвященника Онии I к 342–315 г., он устанавливает прежде всего, что упомянутые лица не могли быть современниками и, следовательно, действующими лицами в сношениях Иудеи со Спартою. Не могли, затем, быть таковыми современниками Арею I два других Онии, из коих II-й первосвященствовал с 247–222 г., а Ония III – около 175 г. Не совпадают, наконец, по мнению Hitzig'a, ни с одним из этих Оний и лета других Спартанских Ареев, из коих Арей II умер 18-летним мальчиком⁵¹⁹, а Арей III – современник Онии III, как находит Hitzig, известен как посланник лишь, но не царь.⁵²⁰ Все это заставляет Hitzig'a⁵²¹ искать еще другого царя Арея, которого он и находит в Ликий⁵²², указывая и год сношений 242-й, падающий, действительно, на первосвященство Онии II (247–222). Впрочем, другие

показания, относящие время Онии I к 323–300, делают совершенно возможным и то, что именно он был современник Арея I, и, следовательно, не выступает никакого препятствия признать их действующими лицами сношений, полагая таковые в период между 309–300 г., как Schürer, или точнее, в 302 г. до Р. Хр., как устанавливается у Riehm'a.⁵²³ Со своей стороны, оставляя в силе некоторые доводы Hitzig'a, мы не находим ничего невозможного в том, что описываемые сношения могли происходить действительно во времена Онии III, как указывает Иосиф, и современного ему Арея III, причем, возражению Hitzig'a, что Арей III не был царь, но только посланник, придется в таком случае оставить относительное значение при соображении, что посланничество само по себе никогда не могло быть каким-то неумолимым препятствием к тому достоинству, которое должен был иметь Спартанский представитель для сношений с Иудейским первосвященником, в особенности если допустить, что в качестве «наследника престола» Арей мог некогда нести и ответственные посольские полномочия. Замечание (1Мак.12:10), что «прошло много времени» от первого сношения до второго при Ионафане, – напрасно считает Hitzig (и, по-видимому, Schürer) имеющим силу для того, чтобы отвергать время сношений при Онии III, так как это замечание ни в каком случае не должно служить здесь возражением по своей неопределенности, которая могла означать и десятки лет, и несколько годов, и даже только несколько месяцев, смотря по тому, с каким нетерпением и интересом могли ожидать ответа обменивавшиеся дружественными посольствами. Читая сообщение об этом любопытнейшем происшествии у Иосифа, нельзя не констатировать его особенного старания быть в установлении хронологической даты события наилучше понятным, определенным, недвусмысленным, точным. Может быть, и в этом его усилии нельзя пренебрегать возможности того, что он сознавал необходимость употребить его и располагал средствами на то более свежими, чем имеющиеся ныне в наших руках?!

Ближайшие последствия этого упомянутого события, если только они были, в источниках не сообщаются. В подлежащем месте (1Мак.12:10), правда, приводится ответное послание Иудеев, отправленное Лакедемонянам чрез «немало» времени после сего, причем послы и послание приняты были с честью и радостью, но в то же время здесь же помещается и извинение, что «прежде не признали мы вас сродниками нашими». Флавий Иосиф о судьбе этого ответного послания упоминает лишь, что оно принято было Лакедемонянами «благосклонно», и с новой «ответной грамотой о непреложной дружбе». Как кажется, тяжелые обстоятельства, коим подпала Иудея вскоре после сего, со вступлением на Сирийский престол Антиоха Епифана (175–164) жестокого гонителя Иудеев, не дали времени и простора для полного и широкого осуществления идеи сношений.

Как бы то ни было, несомненность самого факта столь любопытных сношений должна быть установлена, и одно из убедительнейших подтверждений этой несомненности в последующее время можно видеть в

обстоятельств, что экс-первосвященник Иасон в Лакедемоне именно искал убежища от своих преследователей.⁵²⁴

Что же касается оснований для самой мысли родства Иудеев и Спартанцев, то после напрасных поисков этого в библейских родословиях мы должны искать их в греческих сказаниях о происхождении Спартанцев от Финикиян.⁵²⁵ А каким образом эта мысль могла прийтись по сердцу евреям, можно объяснить давно известною нам страстью этого народа считать еврейство источником всякого развития.

§ 20. Бедствия веры и свободы Иудеев (175–165 г.)

Арх. XII, 5 гл.; 1Мак. 1 гл.; 2Мак. 3–7 гл.

События, служившие введением в полную героизма и возвышенных проявлений народного духа эпоху Маккавеев, заслуживают в изложении у Иосифа желал многого.⁵²⁶ Он не передает ничего о предшествующей воцарению судьбе Антиоха Епифана, значительно уясняющей его государственную политику. Судьба эта вообще значительно предопределяла все его положение на потрясенном троне Седевкидов. После известного постыдного мира, заключенного отцом его с Римлянами в 189 г. до Р., юный царевич вместе с другими знатными юношами попал в число заложников в Рим. Это помогло ему, кстати, получить здесь воспитание, вполне приличное его будущему предназначению, и завести связи с молодой знатью мощно расцветавшего мирового города. Когда в 176 г. до Р. Антиох III умер, и на престол вступил Селевк IV Филопатор, старший брат Антиоха Епифана, последний тотчас же был вызван к Сирийскому двору, а на его место отправился 11-летний сын Селевка, Димитрий. Но еще прежде, чем Антиох дошел до Сирии, его встретило известие о гибели его царственного брата, убитого в Антиохии придворным Илиодором, быть может тем самым, что приезжал в Иерусалим за храмовой казной, и уехал ни с чем. Убийца не успел, однако, упрочиться на захваченном им престол, так как пал, в свою очередь, от руки сторонников Антиоха, обеспечивших ему, таким образом, возможность вступить тотчас по прибытии домой в свои права. Догадываются не без основания, что во всех этих переворотах немало участия падает на долю сложных планов Римлян, которые гораздо более, чем своей силой, успевали добиваться своих выгод искусственно вызываемыми революциями. Так или иначе, новый царь не замедлил применить в своем положении все, чего нахватался за время своего пребывания в Риме. Искусный и отважный вояка, он умел также проявить тонкую тактичность везде, где нужно было благоразумно уступать более могучей силе, или располагать в свою пользу всех, в ком он предвидел впоследствии себе сильную поддержку. Хорошо понимая, что слабость Селевкидской монархии с самого начала обуславливалась отсутствием действительного единства, Антиох не остановился пред тем, чтобы вступить для достижения и упрочения этого единства на новый путь усиленного эллинизирования своих владений, – путь, который, между прочим, привел его к роковой борьбе с евреями, и создал ему столь печальную известность в истории.

Мы должны отметить здесь крайнюю недостаточность сообщения Иосифа о событиях, служивших завязкой названной борьбы, и представить дело более обстоятельно и последовательно.

Предоставление Антиохом первосвященнического достоинства Иисусу (Иасону), брату Онии, (III-го, сына Симона праведного, восхваляемого Сирахом) Иосиф представляет совершенно естественным делом, выражаясь, что это было после того, как «умер» Ония, и оставленный им сын был еще

крайне малолетен, чтобы быть его заместителем. Дело объясняется, однако, далеко не так просто. Ония III умер значительно позднее; теперь же он был просто **незаконно устранен**, как жертва интриги Иисуса и самоволия Антиоха. Некоторые основания для этого переворота поданы были и самим Онией, который еще при Селевке IV имел неосторожность отравиться к Царю в Антиохию, чтобы оправдаться пред ним в разных обвинениях, взведенных на него противной ему партией. Последняя утилизировала в своих целях и самый факт поездки первосвященника, истолковав его в смысле измены своему народу. Это заставило его, в свою очередь, жаловаться пред языческим царем на своих же, евреев, хотя бы то были приверженцы греческой цивилизации. А главное – Ония, строгий поборник закона, не попустивший воспользоваться недавно царскому посланнику Иерусалимской казной, был не совсем угоден и двору Сирийскому. Так произошло то, что, несмотря на обычную политику Селевкидов – ограждать от вторжения языческих влияний особенности еврейских обычаев, Ония потерял «кредит» при дворе, лишившись в то же время сочувствия эллинизированной аристократии и уважения в народе. Это было время, когда в еврействе готовились столкнуться два направления, стремившиеся стать господствующими – эллинско-либеральное и консервативно-иудействующее. Положение Онии среди этих партий, по существу наклонное более в сторону последней, становилось прямо шатким, когда первая партия успела привлечь на свою сторону самого царя обещанием содействовать ему в овладении священно-храмовыми сокровищами, и когда подрывался, при этом, авторитет Онии и среди более строгих или только более легковверных сторонников партии народной. Так делается возможной и понятной дальнейшая судьба этого Онии, павшего жертвой поразительно-безцеремонной и с еврейской точки зрения прямо даже безбожной интриги.

Самые обстоятельства этого падения Онии таковы. Едва только воцарился Антиох IV, как брат Онии, в качестве отъявленного эллиниста уже носивший и имя греческое – Ἰάσων, – является к царю и предлагает ему щедрую взятку, если только он будет назначен первосвященником вместо своего брата. Мало того, он находит благовременным настолько удовлетворить эллинистическим мечтам Антиоха, что теперь же ходатайствует о позволении построить на собственные средства гимназию в Иерусалиме и стадион для состязания юношей, и о предоставлении жителям Иерусалима прав антиохийского гражданства. Антиох, крайне нуждавшийся в деньгах и насквозь пропитанный эллинофильскими мечтаниями, конечно, с радостью должен был приветствовать это желанное явление, показывающее, что за Иасоном в данном случае стояла уже созревшая сильная грекофильская партия. Не менее характерно для описываемого времени, что Иасон достиг, хотя бы на время только, значительной части и даже чуть не всего, можно сказать, своего проекта. Быть может, это возможно было пока только при бессилии Иудеев пред воздействием Антиоха; всячески и Антиох должен был отважиться на неслыханное доселе вмешательство чуждой власти в религиозные дела евреев не без риска и лишь побуждаемый движением из среды самих евреев. Так дополняется коротенькое сообщение Иосифа о

низложении Онии и провозглашении его преемником Иасона. Столь же коротко и с ущербом для истинного представления дела обходит Иосиф обстоятельства правления этого Иасона (174–171), спеша перейти к событиям за время сменившего его вскоре третьего сына Онии – Менелая.⁵²⁷ Из других источников, главным образом, из II кн. Маккавейской – узнаем более обстоятельные сведения о названном Иасоне, рисующие в очень нелестных чертах этого «безбожника, а не первосвященника», (2Мак.4:13) за которого, однако, «заступилась преобладающая масса народа», (Арх.ХII, 5), когда выступил третьим кандидатом на первосвященство – Менелай. Еще до возобладания этого последнего (срв. Иосиф), след. при Иасоне в Иерусалиме началось введение «противных закону обычаев» (2Мак.4:11), т.е. эллинизации. У подножия Иерусалимской святыни раскинулась гимназия, в которой азартное участие в метании диска увлекало даже священнослужителей храма, до такой степени, что не находилось времени для совершения жертвоприношений согласно закону. На арене стадиона появились обнаженные еврейские юноши, не задумывавшиеся перед тем, что это давало грекам-зрителям поводы к публичному осмеянию одного из священнейших признаков принадлежности к народу Иеговы; среди Иерусалимских юношей стало входить в моду даже искусственное уничтожение на своем теле знаков союза с Иеговой. Наконец, верхом соблазна и нарушения религиозной чести еврейства было то, когда первосвященник отправил нескольких Иерусалимлян, ставших теперь Антиохийскими гражданами, с богатыми жертвенными дарами финикийскому Геркулесу, по случаю праздничных игр в честь его в Тире, в присутствии самого царя. Как кажется, Иасон в данном случае хотел быть лишь евреем по-греческому образцу, то есть, не имея прямого намерения отвергать свое еврейство, считал возможным подражать деликатным нравам окружающего язычества, наряду с собственным богопочитанием не презиравшего и чужих богов. Как бы то ни было, намерение и поручение его слишком преждевременно рассчитывало на народное сочувствие или хотя только равнодушие: посланные его не посмели даже высказать его намерения и внесли праздничный подарок (300 драхм серебра) не в виде жертвы Геркулесу, а на постройку новых триер. Урок этот мало, однако, исправил и вразумил легкомысленно-раболепного эллинофила. Вскоре он имел случай принимать своего царственного патрона в самых стенах св. города. Антиох объезжал свою страну пред открытием военных действий против Египта, который давно соблазнял его слабости и неопытностью его юных монархов. Во время этой ревизии, Антиох заехал и в Иерусалим. Иасон воспользовался этим, чтобы выложить перед ним всю низость своей угодливости. По его распоряжению, факельное шествие двинулось далеко навстречу царю из города, при громких приветствиях и ликованиях; за время пребывания в городе, неизвестно сколь продолжительное, он был окружен знаками самого изысканно-предупредительного внимания. Все это, однако, не спасло предателя своего народа от той же участи, какую он подготовил некогда своему предшественнику. Нашелся человек, который явил способность превзойти его

еще большим пренебрежением к интересам народа и который посему еще лучше угождал царю. И этого было довольно, чтобы повторилось еще раз незаконное по идее, хотя бы вполне заслуженное по поведению – свержение первосвященника с его престола, и не менее недостойное возведение на этот престол человека, даже не принадлежавшего к священному колену Левии. Это был Менелай⁵²⁸, еврей из колена Вениаминова, рьяный эллинист по убеждениям, который воспользовался для достижения всех этих нарушений закона тем же самым средством, как и Иасон. Отправившись по поручению последнего к царю с обещанной им взяткой и для некоторых переговоров, Менелай просто предложил, Антиоху взятку на 300 талантов больше Иасоновой, а Антиох так же просто принял ее и дал согласие на все, что от него даже и не зависело. Новый переворот, однако, осложнился большими трудностями, чем ранний. Если Ония III, с достоинством человека, терпящего несправедливость, уступил, очевидно, без сопротивлений место своему брату, то Иасон, отстаивая права на купленное, затевает борьбу с вытеснявшим его Менелаем, но, наконец, изгоняется и находит убежище в стране Аммонитян. Первосвященником объявляет себя Менелай, который, совместно с Антиохом, посягнул на самые священнейшие достояния Иудейства и привязал свое имя к величайшему несчастью и испытанию Иудеи. Чуждый всяких религиозных идеалов и рвения к закону, окружив себя приверженцами, все честолубие коих не возвышалось далее возможно большого политического и экономического господства, оправдывавшего всякие средства к своему достижению, Менелай свирепствовал как кровожадный тиран, и еще менее мог быть уважаем народом, чем Иасон. Бесцеремонность этого а-ля первосвященника в обращении с тем, что для него должно было быть святыней, обнаружившаяся тотчас же, как только пришло время выполнить обещания, данные Антиоху за утверждение в первосвященстве, не знала никаких стеснений и пределов. Не соразмерив этих обещаний с доходностью звания, Менелай не был в состоянии уплатить всей обещанной суммы, которую, между тем, настойчиво взыскивал с него Сирийский начальник Иерусалимской крепости, бывший одновременно и главным сборщиком податей. Дело дошло до столкновений между обоими, пока, наконец, оба не получили приказ явиться к царю. Последнего Менелай, впрочем, не застал при своем прибытии в Антиохию, так как он отбыл отсюда в волновавшуюся Киликию. А Андроника, царского уполномоченного, оставленного за отсутствие царя управлять делами царства, Менелай без труда смягчил обычным своим средством – подкупом, не позавзвизывая совестью употребить для сего золотые сосуды храма. Это было верхом святотатственной дерзости, на которую сейчас же обрушился со всею резкостью обличения бывший первосвященник Ония, зорко следивший из своего убежища за действиями своих заместителей. Узнав также о том, что Менелай, нуждаясь в деньгах, давно уже промышляет сбытом в Финикию священных сосудов, он открыто возвысил свой голос против подобного злодеяния, которое только было усугублено еще тем, что сам обличитель его, обвиненный за обвинения в продажности Менелая, хитрыми клятвенными обещаниями был выманен из своего неприкосновенного убежища и убит.

Был ли Андроник, главным образом виновный в этом злодеянии и, действительно, низложен царем, и даже казнен за это, как передают сомнительные известия, только по отношению к Менелая Антиох, по вступлению снова в управление делами, довольствовался вполне тем, что принимал от него щедрые снабжения драгоценностями храма и деньгами за них, которые сыпал неустанно из Иерусалима заместитель Менелая, Лисимах. О гневе царя после этого, конечно, не могло быть и речи. Но за то злодеяние вскоре нашло надлежащую оценку с другой стороны. Взрыв негодования разразился в Иерусалиме, когда беззаконие, творившееся втихомолку, понемногу выплыло на свет Божий. Ярость народа произвела ряд ожесточеннейших схваток на улицах с людьми Лисимаха, в количестве 3.000 человек, и отбросила их с большим уроном. Сам Лисимах нашел достойную смерть у разграбленной им храмовой сокровищницы. После этого собрание старейшей аристократ (υερούσιᾱ) значительно отрезвившейся, как видно, после всех допущенных увлечений и крайностей, тотчас же взяло в руки все управление, и первым долгом своим поставило принять меры к низложению Менелая, как главного виновника в разграблении храма. Антиох, которого послы герусии нашли в Тире и которого Менелай успел задобрить еще более своими подношениями, взглянул на жалобу послов, как на преднамеренный отказ в уплате положенной дани, и дополнил меру своих незаконных деяний новым преступлением: послы были казнены, а Менелай получил лишь поощрение на новые злоупотребления ролью первосвященника. Голос народа, однако, энергично возвышался все более и более против всех чинившихся злодеяний. Уже Тириане выразили резкий протест совершившемуся в их городе правонарушению, почтив казненных Иудейских послов блестящим погребением. Еще сильнее затронуто было возбуждение народное в Иерусалиме. Там к воплю только что совершившегося злодеяния присоединялся протестующий вопль против убийства Онии, и указывался единственно законный преемник его Иасон, спасавшийся все это время в стране Аммонитян. При сильной поддержке Менелая Антиохом, Иасон не мог успешно бороться с соперником и предпочел всему бегство; но обстоятельства скоро дали ему возможность попытаться вернуть свои права. Во время похода Антиоха в 170 году в Египет, после сильного сражения при Пелузии вдруг разнеслась весть, что Антиох погиб. Тогда Иасон тотчас двинулся в Иерусалим, вошел в него настоящим завоевателем и едва не захватил живьем самого Менелая, запершегося в крепости. Но к несчастью для него, он не сумел воспользоваться плодами этих успехов: принятый было дружелюбно населением города, он тотчас же возбудил против себя сильное негодование безразборчивой мстительностью к своим врагам и новыми нарушениями закона. А главное – более точные известия об Антиохе принесли сведения совершенно противоположные разнесшимся слухам: Антиох одержал полную победу над своим племянником Птолемеом Филометором при Пелузии, и, заняв эту важную пограничную крепость, держал в руках как бы ключ к Египту. Под впечатлением этой вести, Иасон быстро отретировался опять в страну Аммонитян, но теперь уже и здесь он не мог найти себе убежища. Менелай

объявил его бунтовщиком против Антиоха, и из предупредительности к этому царю, арабский князь Арета, владевший Аммонитскими областями, отказал беглецу в убежище. Скитаясь с места на место, опозоренный неудачей Иасон нашел себе желанный покой лишь в Лакедемонe, воспользовавшись, очевидно, существовавшими здесь мнениями о родстве с евреями, вызвавшими попытки к заключению дружественного союза с ними. В последней решительной борьбе первосвященников за преобладание принял участие весь народ, разделившийся между обоими претендентами, и это участие было завязкою событий, с одной стороны печальнейших по обилию бедствий, обрушившихся на Иерусалим из-под железной руки Антиоха, – с другой – отраднейших по проявлениям беспредельной мощи Иудейского народа, которая, в сочетании с крайней критичностью его положения, создала тот неподражаемо-возвышенный трагизм и обеспечила тот победоносный выход из него, которые навсегда останутся прелестным образцом несокрушимой силы истинного народного одушевления.

На стороне Иасона стояло большинство народа, за то на стороне Менелая стояло превосходство дерзости, которой еще раз дано было одержать свою позорную победу. Удалившись со своими сообщниками к Антиоху, Менелай не пощадил жертв, чтобы купить себе главный шанс на успех. Этой жертвой было принесенное Антиоху полное отречение от Иудейства в пользу язычества и приглашение – силою отнять при его содействии священнейшее достояние и от своих собратьев. Это неслыханное отступничество, вожделенное для Антиоха, было своего рода «знамением времени», предвещавшим и предрасположившим безумные попытки уклонить к пагубному примеру а-л-а-первосвященника и все остальное Иудейство.⁵²⁹ Попытки эти были сколько решительны, столько же расчетливо-систематичны, и при этих условиях дали возможность ново-Иудейству тем полнее обнаружить всю свою жизненность и несокрушимую силу.

Свои печальной памяти подвиги по решительной эллинизации Иерусалима Антиох начал злобной мстью за содействие, оказанное Иудеями в попытке Иасона вытеснить Менелая и сочтенное за дерзкое возмущение против царской особы. Возвращаясь в 170 г. с одного из своих беспрестанных походов в Египет, он зашел в Иерусалим, впущенный в него своими приверженцами беспрепятственно, избил множество своих противников, порядочно пограбил город, и вернулся в Антиохию. В течение 2 лет после сего он опять был 2 раза в Египте, и во второй раз только что готовился пожать плоды своих довольно блестящих дел, как вдруг, стоя лагерем пред Александрией, он получает из Рима декрет сената, требовавший немедленного прекращения войны.⁵³⁰ Всякий протест и сопротивление было бы неразумным делом в условиях Антиоха, и он, скрепя сердце, примирился с мыслью уступить давлению Рима, на властолюбии которого столь болезненно отзывались его успехи в стране, уже намеченной в добычу Рима. За то теперь Антиох без удержу мог отдаться хозяйничанью в непосредственно подданных ему областях. И с этого собственно времени начинаются его решительные попытки оязычить Иудейство, с понятным злорадством приветствовавшее позор царя-

разбойника и грабителя храма, как начало Божьей кары над ним, и давно уже бывшее на виду царя, как главное препятствие создать единую эллинистическую силу, способную противостать напорам такой силы, какова Римская. В этих мыслях, и мстя за обиды, и идя на пролом к своей *idée fixe*, Антиох опять идет в Иерусалим, обманом вступает в него под предлогом мирных целей, и расправляется с ним совершенно как с военным трофеем: – в то время как солдаты его зверствовали на улицах города, избивая по приказанию тирана всякого встречного, сам царь этих зверей наносил удар священнейшим чувствам Израильского сердца: он залез в храм и, вместо медленного расхищения, практиковавшегося Менелаем, предпочел вознаградить себя за труды управления единовременным грабежом покрупнее: захватил все, что могла забрать ненасытная лапа человеческой алчности: сюда попали – золотой стол для курения фимиама, золотой светильник, стол для хлебов предложения, кубки для вина, чаши и другие золотые жертвенные сосуды и т.п.; в жертву жадности грабителя пошли даже занавес, венки и наружные золотые украшения храма и, конечно, все находившиеся в храмовой сокровищнице деньги.⁵³¹ В заключение, беспрепятственно ограбив храм и город, избив или пленив тысячи его граждан – с женами и детьми, он предает пламени лучшие здания города, портит стены его, оставляет в нем сильный македонский гарнизон, столько бесчинствовавший впоследствии с обезбожившимися элементами из народа, только при этом разложении которого и возможно было его терпеливое безмолвие. Наконец, оставалось только на месте жертвенника Божьего поставить алтарь безбожия, и вместо Богоустановленной жертвы на нем заклать животное, считавшееся у Иудеев синонимом всего презренного Божескими и человеческими законами, т.е. «свинью», и Антиох, не остановившийся и не остановленный даже и пред этой глупейшей выходкой, мог гордиться, что уже ничто не мешало ему переполнить (давно без того переполненную) меру безумий своих. Уходя из Иерусалима, он объявляет государственной религией язычество, предписывает для каждого города и селения обязательное почтение только к языческим богам, с посвящением им роц и алтарей, на которых вменялось в обязанность ежедневное принесение в жертву свиней; наконец, этот, столь равнодушный к свиньям, свинолюбец посягает на самую священную и интимную сторону Иудейской религиозности – запрещает под страхом смерти совершение обряда обрезания и назначает особых надзирателей, которые должны были производить для сего соответствующие ревизии.⁵³²

Переводя дух от исчисления всех этих неистовств на Иудейство дерзостнейшего из царей язычества, с облегчением сердца мы поспешим перейти теперь к тому, что было ответом на все это со стороны народа. Если бы судить только по букве Антиоховых предписаний, очевидно, надо было бы не сомневаться, что он достиг полного торжества своих эллинистических тенденции усугубляемого тем, что это торжество достигалось среди народа, претендовавшего на наибольшую нетерпимость к этим тенденциям. Но это торжество было и слишком преждевременно, и слишком эфемерно. Правда,

для нас прежде всего выступает, при этом, крайне дискредитирующее Иудейский народ недоумение, каким образом он дал столь далеко зайти своим притеснителям, как возможна была жизнь Иудейства при столь смертельных условиях, которые позднее, в войне с Римом и при осаде Иерусалима, – законно повели к величайшему из актов добровольного самоубийства, предпочтенного подчинению несносным условиям жизни? Беспристрастие заставляет нас отнести значительную долю вины в указанном случае и на народ Иудейский, а не всецело на дерзость и насилие Антиоха, который мог немало оправдываться с точки зрения своих эллинистических убеждений достаточно законным стремлением, выраженным в столь деликатной форме в его указе. По смыслу этого указа, сообщаемого древнейшим повествованием, царь желал, чтобы «все были **одним** народом, и каждый народ поступился для сего своими особенностями». Здесь, таким образом, Антиоху усваивается простое увлечение несбыточной мечтой всеобщего уравнивания народов и слияния в один идеальный народ, пожертвования в пользу какового столько же требовались от Иудейства, как и от язычества, хотя естественно для последнего не столь чувствительным. Если так, то, очевидно, применение такого указа к Иерусалиму требовало мер, в которых Антиох являлся не только мстителем за прежние счеты с Иудейством и ненавистником их, но и жертвой печальной ошибки и увлечения, имеющего для людей часто роковое значение независимо от такого или иного выбора. Но все это, если не снимает совершенно вины с Антиоха, то не ослабляет вины и Иудеев, несомненной и значительной. Между ними мы имели случай указывать давно отдельные проявления той порчи, которая разъедала их национальные силы, и которая, хотя приражалась от чуждых эллинистических влияний, но пищу себе находила в чисто-Иудейской почве. Увлечение эллинизмом, сначала поверхностное, потом более и более углублявшееся и захватывавшее новые и новые области, сделало, наконец, такие успехи, что от тлетворных веяний его осталась незащищенной даже и религия. Когда Израильтяне с ужасом открыли свои глаза на позорное положение своих священнейших достояний, они могли констатировать не менее ужасную вещь, что этот позор был бы немыслим без их верного постепенного и часто незаметного содействия. К уяснению этого, здесь нелегко было бы напомнить аналогичный пример из новой истории, весьма подходящий к нашему и любопытнейший для характеристики человеческих увлечений. Когда вольнодумные идеи французского общества последней половины XVIII столетия, находившие живой отголосок и в нашем отечестве, между прочим, и в легкомысленно-женском сердце Екатерины Императрицы с ее развращенным двором, – когда – повторяем – эти идеи сгустили свои тлетворные испарения в мрачную тучу, молния которой прежде всего сразила французского короля и ураганом своим повернула вверх дном всю человеческую физиономию страны: тогда эта самая Екатерина торжественно заявляет безвольным сообщникам своего легкомыслия: «мы увлекались!», и начинает круто новую эпоху своего правления, ознаменовавшуюся непоздним исправлением многих сознанных ошибок. Еще

более подходило бы сюда нравственное возрождение нашего отечества, после очистительного испытания 1812 года, когда имевшие несчастье понести это испытание, по глубокомудрому выражению Святителя Филарета, воочию должны были убедиться, как «о ихже поревновахом наставлении, сих имеяхом врагов буиих и зверонравных» (Мол. коленопр. в день Рожд. Хр.). Мы имеем, таким образом, в событиях времени Антиоха совершенно подобную же историческую картину, которая рисует нам, с одной стороны, увлечение грехом против незыблемых основ своей народности, и с другой – как прямейший результат этого увлечения – наказание, коренившееся в этом самом увлечении и поведшее к отрезвлению от оногo.

Кроме общего увлечения народа заманчивым ядом эллинизма, Антиох получал для своих мероприятий, в частности, большое поощрение в недостойных действиях и продажности выродков Иудейства, в которых он, опять-таки только по роковой ошибке, мог видеть залог успеха своим начинаниям, предметом коих было все Иудейство. Мы видели, как мало инициативен был в данном случае Антиох: не сам он дошел до того, чтобы низложить первосвященника; не сам он, далее, способствует впоследствии неслыханной аномалии – назначению в первосвященники еврея даже и не из колена Левиина; не сам он открывает путь в сокровищницу Иерусалимского храма; не сам составил себе понятие о еврейской преданности закону, как о знамениях возмущения; везде и во всем этом замешиваются видные и влиятельные элементы самого Иудейства, принимавшие на себя недостойную роль – поставить царя на путь, концом которого было жестокое религиозное гонение, взамен прежнего уважения и благоволения Сирийских царей к священным достоинствам народа. Вина собственно Антиоха начинается там, где он убеждается в своей ошибке и воззрениях на все Иудейство по отдельным его негодным элементам, и, несмотря на это убеждение, приемлет решимость употребить насилие там, где неуместность его он хорошо должен был чувствовать.

Время, однако, спросить, насколько кажущееся торжество эллинизма в проведении своего господства было торжеством в действительности, и что оправдывает Иудейский народ за то, что среди его была возможна хотя одна минута этого торжества? Дальнейшее поведение народа – достаточно удовлетворяющий ответ на этот вопрос. Неистовые жестокости гонения, в значительной мере обуславливавшиеся отчаянностью сопротивления – лучшее удовлетворение за все, что может давать поводы к упрекам по адресу Иудейства, лучшая искупительная жертва его увлечения, лучшее доказательство того, что эти гонения были с другой стороны врачевством, хотя и горьким, его увлечений, знаком его оздоровления и отрезвления от удушливого чада чуждой культуры, – одним словом – были тем, чем могло быть гонение: живительным мученичеством за веру и отечество. Этим путем лучше всего обнаружившись истинные корни зла и отделились неисправимые его жертвы от сохранявших еще жизненные силы и возможность лучшего направления элементов народа. Рядом с отдельными проявлениями сочувствия и содействия ренегатов Иудейства его притеснителям, мы видим

теперь огромные остальные массы народа готовыми на все ужасы мучений, лишь бы отстоять целостность и правоту своих национально-религиозных заветных достояний. Этот героизм пережил две одинаково трагичных и глубокопоучительных стадий своего развития, из коих в первой он носил более характер молчаливого протеста, давшего ряды покорных мучеников, а вторая была более протестом вооруженной силы, также давшей ряды доблестных героев, только на другом поле – поле военной брани. В первом случае, народ дал из своей среды ублажаемых и в христианстве мучеников-Маккавеев; во втором – по пословице – «война родит героев» – народ воспитал своими бедствиями вождей, которыми вправе гордиться, и которые спасли ему все его достояние...

Последовательный ход гонений на Иудеев и ряд ответных протестов на них открывается назначением в наместники Иерусалима фригийца Филиппа, который вместе с Менелаем а-лὰ первосвященником превосходили самого царя в свирепых усилиях осуществить его безумные идеи. Особенным толчком к усилению стеснений Иерусалима до крайней степени послужили нескрываяемо – радостные чувства Иудеев, после последнего фиаско Антиоха в Египте. Этим, главным образом, объясняется внезапное прибытие в Иерусалим главного сборщика податей Аполлонии с большим войском, тотчас же приступившим к чрезвычайным жестокостям. Сначала Аполлоний показал себя вполне миролюбивыми, но это было только до первой субботы, когда он неожиданно дал своим 22.000 солдат вероломное приказание обойти город и убивать всякого, кто попадется на встречу. Когда этот убийственный поток прошел таким образом по городу, после него везде остались следами окровавленные трупы и испепеленные жилища: многие дома исчезли бесследно; женщины, дети, скот были угнаны; имущества разграблены. Оплотом язычества в св. города сделан был заново отстроенный и укрепленный замок Давидов, куда стекалось все награбленное в Иерусалиме, и откуда язычники изводили его своими мерзостями, дошедшими до того, что соблюдение субботы и других праздников должно было прекратиться. Население в паническом страхе разбегалось по окрестностям. И это было счастьем для тех, кто успел избрать эту благую долю ранее появившегося вскоре же декрета Антиохова, предписывавшего радикальное уничтожение Иудейства: книги священные разыскивались и предавались сожжению; многие скрывавшие их подверглись за это казни; немало благочестивых матерей, не желавших лишать своих детей счастья обрезанных, поплатились жизнью со своими малютками; много погибло благочестивых мужей, отказавшихся скверниться насильно навязываемыми нечистыми яствами. С ужасом и отвращением Иудеи прислушивались к диким оргиям, безумствовавшим под сводами самого храма. Некуда было деваться от навязчивых требований отступничества; некуда было скрыть драгоценных достояний принадлежности к своей религии и народу: Иудей был в ловушке, выходов из которой было два: смерть или измена себе. И к прискорбию, мы узнаем, что многие избирали и последнее, хотя большинство подчинялось этой тяжелой необходимости с проклятиями новым порядкам и с глубокой скорбью о тяжком гневе Божьем,

разразившемся над Израилем. Таких, которые подчинялись бы охотно навязываемым благам эллинской цивилизации, было во всяком случае не столь много: удар проникал до слишком чувствительных струн Иудейской души, чтобы не отрезвлять и тех, в ком долгая привычка к греческой цивилизации, выработавшаяся со времен Птолемея до последнего времени, позволяла более терпимые к эллинизму воззрения.

Геройская борьба Иудеев за веру и заветы отцов (175–165 и д.) вошла в содержание книг Маккавейских, представляющих, по выражению Ranke, истинно-драгоценную жемчужину позднейшей Иудейской Истории, обнимая один из содержательнейших, плодотворнейших и симпатичнейших ей периодов.

Сообщения Иосифа, относящиеся к этому периоду, за немногими исключениями, лишь воспроизводят материал I книги Маккавейской, иногда до буквальной точности или по крайней мере в близком параллелизме.⁵³³ Отличительного, оригинального и небесполезного в этих его сообщениях можно находить немного. Более других подробностей важно и любопытно следующее сообщение.

В то время, когда Евреи переживали свое глубокое религиозное горе, неся всю тяжесть предуказанных нечестивым царем бедствий, Самаряне сумели отстоять свою судьбу, которая вообще выступает, в сопоставлении с судьбами Иудейства, в обратно пропорциональных степенях благополучия или несчастья. Иосиф правдоподобно объясняет это хитрым двоедушием Самарян, которые, по его замечанию, выдавали себя за Иудеев, когда видели их в благополучии (как было при Александре), и отрицали всякую связь с ними, лишь только Иудеев постигали стеснения, как было, между прочим, и в настоящем случае. Когда исполнители воли царского указа распространили применение его и на Самарянское общество, Антиох получает от него следующий безцеремонно-лживый доклад, подлинность которого, если не в словах, то в мысли, не подвергается сомнению.

«Послание царю Антиоху **богу** Епифану от **Сидонцев из Сихема**. На основании некоего **суеверия**, наши предки, побуждаемые к тому различными постигшими страну бедствиями, установили обычай почитать тот день, который у **Иудеев** носил название **субботнего**. Вместе с тем, они воздвигли на горе Гаризим **святилище без определенного назначения** и приносили тут разные жертвы. И вот, так как ты воздаешь теперь **Иудеям должное возмездие** за все их **гнузности**, царские чиновники, полагая, что мы родственны евреям и потому следуем их примеру, подвергают и нас подобным же наказаниям, тогда как мы по происхождению своему **Сидоняне...** В виду всего этого, умоляем тебя, нашего благодетеля и спасителя, повелеть своему наместнику Аполлонию и уполномоченному своему Никанору не обижать нас применением к нам тех карательных мер, который установлены для Иудеев; ведь мы, как по своему происхождению, так и по своим обычаям, не имеем ничего общего с последними. Вместе с тем, да будет **не посвященное никому** (τὸ ἄνῳνον ἱετόν) святилище наше предназначено Греческому Зевсу. Если это будет сделано, преследования

наши сами собой прекратятся, и мы сможем безбоязненно посвятить себя делам своим, от чего увеличатся лишь твои собственные доходы».

Ответ этого самарянского «бога», разумеется, благоприятный – последовал на имя царского уполномоченного в такой примерно форме: «Царь Антиох Никанору. **Сихемские Сидоняне** препроводили ко мне прилагаемую записку. Так как в совещании, устроенном по этому поводу с приближенными моими, посланные Самаряне подтвердили, что взводимые на Иудеев обвинения совершенно не применимы к ним Самарянам, и что последние готовы жить по греческим обычаям, то мы освобождаем их от преследований, и посвящаем, согласно их просьбе, храм их Зевсу Греческому!».

Комментарии на сие излишни!...

§ 21. Борьба за веру и свободу. Маттафия

Арх. XII, 6 гл; –1Мак. 2 гл.

Казалось бы, к уничтожению народа Иудейского употреблено было все, что могло придумать для этого неистовство язычника. Казалось бы, и условия для такого уничтожения были так благоприятны, как никогда: с одной стороны, и гонитель стоял на высшей точке дерзкого могущества и разрушительных намерений; и гонимый, переживая своей собственной жизнью эпоху расслабления и национального растрепания, сам шел на встречу своему искоренению.

Тем удивительнее жизненная сила этого народа! Тем достославнее его пробуждение и возрождение! Тем поучительнее его отчаянная геройская борьба за веру и заветы Отцов, на какую неожиданно встряхнулся весь он поголовно и достиг успехов, которые до последних времен останутся предметом восхищения и благоговения пред силой и величием народного единодушия в народном бедствии!

К сожалению, мы не в состоянии усладить первых струек пламени, погалившего впоследствии соломенные успехи Антиоха! Нашему наблюдению предстает прямо грандиозный пожар всеобщего восстания, быстро охватывающего всю страну, превращая ее как бы в один огромный жертвенник всеожжения, в пламени которого исчезала жертва греха народного.

По некоторым сведениям последних отделов книги Даниила позднейшего происхождения, впервые пламя восстания пробилось наружу по добродушному почину народных учителей закона, которые все время гонений энергично влияли на народ, указывая ему на позор, в каком он находился, и воодушевляя к мужественным и решительным действиям. Успехи этой агитации сначала могли затрагивать небольшие массы людей, но, очевидно, в самое короткое время наболевшие раны народа заставили его воспрянуть во всей своей грозной силе и неотразимом величии. Заразительность этих истинно-народных чувств была такова, что к делу тотчас же примкнули даже такие лица, на которых более других тяготел грех отступления. Очевидно, успех восстания был лишь вопросом времени, пока оно распространялось по всей стране и дождалось объединения и организации. Народ, готовый было потерять последнюю уверенность считать себя в особенном смысле народом Божиим, почувствовал в своем новом объединении все права на преимущественное благоволение и благословенность у Бога, и в призыве к восстанию почуял голос Божий, возвещавший ему начала его спасения и призывавший к борьбе за него.

Полномощным зародышем настоящего восстания за спасение народа Божьего было благословенное семейство Асмонеев⁵³⁴, от родоначальника Асмонея⁵³⁵, состоявшее из главы – священнослужителя Маттафии из высшей священнической аристократии (сын Иоанна и внук Симеона из жреческого сословия Иоариб) и из 5 его сыновей: Иоанна, Симона, Иуды, Елеазара и Ионафана.⁵³⁶ Более всех испытывавшие на себе всю тяжесть бедствий

народных, сопровождавшихся осквернением и опустошением Дома Божьего, Маттафия и сыновья, являвшиеся, очевидно, и более способными руководить силами народного одушевления, начинают предназначенное им священнодействие тихой скорбью о великом бедствии своего народа, в знак чего облакаются в глубочайший траур. Ближайшим поводом, заставившим их перейти от безмолвной скорби к подвигам бесстрашия, было прибытие царского посольства, во главе с Апеллесом, в Модин, куда Маттафия, по примеру многих других благомыслящих, удалился с самого начала гонений. Надо заметить, что со всею своею яростью эти гонения первоначально обрушились главным образом на Иерусалим, и только впоследствии, когда обнаружилось массовое бегство из него по другим городам, Антиох подтвердил распространение силы своего указа на все Иудейские города и города своего царства. Так, мы уже видели, что и в Самарии гонение скоро примяло невыносимый характер. Антиох, очевидно, вполне здраво для такого недостойного дела рассудил, что главной мишенью его ударов должен был быть избран Иерусалим, главный центр Иудейства, за успешным эллинизацией которого должно было неизбежно пасть и Иудейство периферии. Он, так сказать, думал разить в самые корни Иудейского «зла». Естественное, это повело на первых порах лишь к усиленному отливу Иудейства от центра к периферии, к указанному массовому переселению Иудеев в менее привлекавшее внимания гонителей города. Это осложняло лишь, – однако, не парализовало задачу стремлений Антиоха. Вместо неудавшегося намерения корпоративной эллинизации Иудейского общества и его центров, Антиох предпринимает теперь смелый и действительнейший проект – эллинизации каждого в отдельности Иудея, проект, бывший и началом его полного поражения. Выражением этой стадии гонения была миссия Апеллеса, с какой он прибыл в Модин. Миссия эта состояла в том, чтобы каждого в отдельности гражданина заставить открыто провозгласить свое соучастие в эллинском язычестве. При этом, было придумано действительнейшее средство, чтобы эта миссия имела сильнейший успех: царские чиновники имели особую инструкцию – склонять к участию в языческих жертвоприношениях прежде всего людей наиболее видных по положению и знатных по роду, в том соображении, что эта новая замысловатая централизация эллинистических замыслов лучше обеспечит их успех и на остальные массы народа, которым привыкли, очевидно, совершенно ложно – отказывать в таких случаях во всяком праве и способности на самостоятельность. Взоры царских уполномоченных прежде всего должны были обратиться в Модине на Маттафию, как обещавшего своею видностью сильный по соблазнительности пример не только в самом городе, но и далеко за пределами его. Но тот заблагорассудил сделаться для своего народа совершенно другим образцом, достойным подражания. Громогласно и вызывающе-победоносно он заявляет, что, если бы даже все народы царства, повинаясь приказу даря, отступили от своих обычаев, сам он, со своими сыновьями и братьями, никогда не сделают этого, и ни за что не откажутся от своего Богопочитания и от союза их отцов с Богом. Только что это

торжественное заявление прогремело громом в ушах присутствовавших, произошло событие, давшее сигнал к всеобщему восстанию. К языческому алтарю приблизился один еврей, чтобы, покорно приказанию царя, принести жертву. Был ли это рьяный ренегат, который думал нарочно на зло Маттафии показать свое презрение к его воззванию, или это была первая и наиболее слабовольная добыча царских чиновников, схваченная ими и не нашедшая мужества последовать примеру Маттафии, в том и другом случае поступок Маттафии имел свои благородные черты и свое оправдание. В порыве священного негодования, он неожиданно быстро бросается к жертвеннику, одним ловким ударом сражает веропродавца, а потом и самого царского чиновника с его помощниками, разрушает до основания жертвенник, и, сияя властной прелестью отомщенного Богопоругания, восклицает: «всякий, кто ревнует по закону и стоит в завете, пусть идет вслед за мною!». Этот клич Маттафии собрал около него массу преданных правде и закону, которые тотчас же пожертвовали всеми удобствами жизни в городе, сделавшемся небезопасным для их пребывания, и ушли со всем своим достоянием, с женами, детьми и скотом в окрестные пустыни. Каковы были первоначальные намерения Маттафии, увлекшего за собой столько последователей, недостаточно ясно; по-видимому, он готов был удовольствоваться скитальческой жизнью на просторе Иудейских пустынь, жертвуя благами городской жизни свободе совести и обычаям. На взгляд власти, однако, это было скопище мятежников, против которого тотчас же отправилась из Иерусалима вооруженная сила. Беглецы были подстережены в своих убежищах в один из дней субботних, когда, точно соблюдая покой праздника, не хотели нарушить его даже в виду неминуемой опасности, и, не бросив ни одного камня в наступавших врагов, и даже не позаботившись укрепить своих убежищ, падали во весь этот день трогательными жертвами преданности своему закону. «Мы все умрем в невинности нашей», говорили эти несчастные: «небо и земля – свидетели за нас, что вы несправедливо губите нас! (1Мак.2:37) ». Около 1.000 человек пали на первый раз, таким образом, совершенно непроизводительно, и вражеские отряды, очевидно, этим путем извели бы и всех правоверных Израильян в течение нескольких суббот. Посему, следуя голосу здравого смысла, Маттафия нашел вполне законным делом – защищать свою жизнь и в дни субботние, и предложение его в этом смысле получило всеобщее одобрение. Вместе с тем, неожиданно представилась возможность перейти от оборонительного образа действий к наступательному. Под влиянием быстро разнесшихся слухов о восстании Модинских Иудеев, к Маттафии потекли со всех сторон новые силы, которые быстро составили целое войско, грозное и своею численностью и духом крепкого одушевления. Обходя с этими силами города, Маттафия скоро заявил себя настоящей грозой всех язычников и отступников: языческие алтари исчезали один за другим, необрезанные младенцы всюду обрезывались, враги и изменники терпели достойную гибель. Дело, таким образом, было уже поставлено на широкую и прочную ногу, когда оно на

мгновение омрачилось печальным происшествием – тяжелой болезнью и смертью вождя, Маттафии.

§ 22. Иуда Маккавей (165–161 до Х.)

Арх. XII, 8–11 гл.; 1Мак. 3–9:22⁵³⁷

Насколько восстание Маттафии было общим национальным движением ясно обнаружилось из того, что несчастье с ним не остановило дела, пустившего глубочайшие корни в народе. Во главе борцов за свободу стал самый мужественный и опытейший из сыновей почившего – Иуда⁵³⁸, по прозванию Маккавей, в подчинение которому без всякого прекословия отдали себя и его старшие братья, ради пользы дела, для ведения которого Иуда почитался достойнейшим. Число всех героев, сплотившихся под его знаменем, теперь достигало внушительной цифры в 6.000 человек, с которыми Иуда бесстрашно выступал на истребление по всем городам и селениям всяких следов язычества, пользуясь для этого неожиданными ночными набегами. Наличных царских войск, не могущих к тому же отлучаться в значительных количествах и надолго, – очевидно, было уже слишком недостаточно для подавления восстания, почему Аполлоний, на котором лежала эта задача, прибегает к сформированию особого войска из язычников и Самарян. Но храбрый Маккавей, не заставляя долго искать себя, вышел сам на встречу этому войску, и нанес ему тотчас же полное поражение, в котором пал, в числе многих, и сам Аполлоний. Успех, быстро превзошедший всякие ожидания, воодушевил до крайней степени Иудеев, а Сирийцев вынудил отправить на Иуду новый огромный отряд, в вожди которого вызвался стать сам главный начальник войск Антиоха, Серон, заранее сплетавший себе лавры славной победы. Лавры эти суждено было пожать, однако, не ему, хотя сомнение в успехе Иудеев разделяли сами воины Иуды. Смотря с высоты своей позиции на темные как тучи неприятельские колонны, облагавшие подъем на гору, самые отважные сподвижники Иуды на минуту готовы были дрогнуть, и в волнении говорили: «как можем мы в столь малом числе сражаться против такого неисчислимого множества – тем более, что все чувствовали себя страшно изнуренными, пробыв целый день без пищи!». В эту решительную минуту не дрогнуло сердце одного Иуды. Энергичной речью он отвлекает мысли своих храбрецов от превосходных сил противника к небесной помощи и к правоте своего дела, за которое они должны постоять, и, увлекая всех пылом неудержимого воодушевления, врывается в самое сердце неприятеля и наносит ему еще раз страшное поражение, преследуя спасавшиеся бегством остатки вплоть до равнины Вефоронской, (на пути в страну Филистимлян). Столь неожиданный оборот дела, как ни приводил Антиоха в крайнее негодование, однако, делал его пока прямо бессильным перед событиями. Мобилизация новых войск требовала крайнего напряжения и без того напряженных финансовых средств разоренной страны; старые же силы едва были в состоянии только хоть останавливать завоевательные успехи Иуды, а не переходить в наступление. При таком положении дел, царь решился привлечь к участию в усмирении Иудеи все силы своего государства, и с этой целью произвел в наместники западно-евфратских провинций своего

родственника Лисия, а сам переправился деятельно собирать людей для войска и деньги за Евфрат, откуда более и не возвращался.⁵³⁹

Между тем, Лисий быстро сформировал огромное прекрасно-организованное войско (состоявшее из 40.000 пехоты и 7.000 конницы). Успех этого войска, веденного 3-мя избранными полководцами, Птолемеем, Никанором и Горгием, казался столь несомненным, что в лагерь войска (расположившегося при Еммаусе) заранее прибыли купцы с деньгами и цепями для покупки и увода будущих пленников. Назначение войска простиралось и гораздо далее простого захвата пленников. Воля царя была – «сокрушить и уничтожить могущество Израиля и остаток Иерусалима, и истребить самую память их от места того, и заселить все пределы их чужеземцами, разделив им землю по жребию». Только такое радикальное преображение страны должно было, по мысли царя, способствовать полному успеху его эллинизирующих стремлений. Для Иудеев предстояла, очевидно, решительнейшая минута – быть или не быть, – которая живо ощущалась всеми сподвижниками Иуды, когда они сплотились в свою очередь дружной горстью в издревле священной Массифе, созерцая отсюда, с одной стороны, св. город, представлявший теперь «необитаемую пустыню» по выражению источника, а с другой – несметный полчища врагов, готовый скрыть от их взоров не только поруганные святыни их, но и самую их с едва мерцавшими надеждами жизнь. С редкой торжественностью Иудеи готовились к этой священной битве. Все было употреблено здесь для того, чтобы сообщить народному одушевлению высшую степень. Начав строгим постом, дружинники облеклись в траур, разорвали верхние одежды, посыпали пеплом головы и запечатлевали на памяти все осквернение веры, совершенное язычниками: выставлены были священные свитки закона, оскверненные языческими изображениями; разложены священные одежды, начатки плодов и десятины, которые в случае неудачи обрекались в добычу врагу; оплакивались назореи, которые кончили обеты свои и теперь не могли приступить к обычной жизни, без установленных обрядов в храме; наконец, принесена была общая молитва к Богу об избавлении, покрытая трубными звуками и громкими кликами зловеще-грозного воодушевления. Избрав для лучшего управления ратниками искусных и многочисленных вождей, Иуда не стал выжидать врага и поспешил к Еммаусу, где расположился неприятельский лагерь. Передовой отряд неприятеля, выступивший против него под начальством Гогрия⁵⁴⁰, был искусно отвлечен Иудой от главных сил, окружен и потерпел совершенное поражение. Та же судьба постигла и самого Лисия, когда он в гневе на поражение Горгия двинулся на Иуду с остальным 65.000-ным войском (в том числе 5.000 всадников), и, потеряв до 5.000 на поле битвы (при Веесуре), счел за лучшее отступить в Антиохию, чтобы, собравшись с силами, вновь сразиться с Иудой. Последний, между тем, беспрепятственно пожинал лавры блестящих побед своих. Победители с торжеством вступили в Иерусалим и совершили торжественное очищение и освящение его опозоренной святыни, восстановив правильное отправление богослужения и постановив это достопамятное событие ознаменовать ежегодным празднеством.⁵⁴¹ Совершенно очищенный

от всяких следов язычества, город снова принял обычный священный характер, пользуясь совершенным спокойствием со стороны ошеломленного Сирийского двора. Спеша воспользоваться этим спокойствием, Иуда деятельно упрочивал свое положение: привлек вновь к Иерусалиму отхлынувшее от него население, теснее связал центр Иудеи с важнейшими примыкавшими к ней провинциями – Галилейской и Галаадской, предоставив в первой поддерживать своих единоверцев брату своему Симону, а во второй – всегда готовый сам придти на помощь к евреям вместе с другим своим братом Ионафаном.⁵⁴² Надо заметить, что еврейское население обеих провинций и вообще окраин Иудеи не мало терпело за это время от своих давних врагов – языческих соседей, которые с успехом отводили свою вражду на Иудеях, пользуясь их затруднительными обстоятельствами и поощрениями Сирийских властей. Как кажется, поэтому, не один только религиозный фанатизм руководил Иудой, когда он вел свои войны со всей жестокостью того времени: насчитывают целый ряд городов, все мужское население которых он велел избить, а самые города предать огню.

Между тем, при первом известии о смерти Антиоха в Вавилоне (164 г.), Лисий провозгласил его преемником его младшего сына Антиоха V Евпатора. Переворот этот сопровождался немалыми смутами, которые сослужили хорошую службу евреям. Иуда поставил своей задачей – не оставить ни одного неприятельского воина в священной стране, и прежде всего решил прогнать сирийский гарнизон, доселе отсиживавшийся за неприступными твердынями Иерусалимской крепости, в ожидании выручки. Сюда тотчас поспешил и новый царь вместе с Лисием, ведшим небывало сильное войско со слонами и осадными машинами, с которыми и подступил к главному оплоту евреев на юге – Вефсуре. Иуда поспешил двинуть свои силы сюда же, и, по обычной своей методе, заманив неприятеля в крайне невыгодную для него позицию, завязал бой. Подавляющее превосходство неприятеля, сильная паника при виде разъяренных слонов с целыми башнями на них – немало смутили на сей раз и войско Иуды, который без дальнейших успехов предпочел отступить к укрепленной храмовой горе.⁵⁴³ Вефсур пал⁵⁴⁴ под оружием неприятеля, показав еще раз неприменимость закона во время войны: он пал по недостатку съестных припасов, истощившихся скоро потому, что был 7-й год, в который запрещалось возделывать землю. То же угрожало и Иерусалиму, хотя он не показал недостатка в мужестве сопротивления. К счастью, Иудеев выручило на этот раз затруднение самих Сирийцев, которые неожиданно услышали, что из Вавилона идет в Антиохию Филипп, присутствовавший при смерти Антиоха, чтобы вступить в управление царством, по его завещанию. Лисий тотчас же поспешил вступить в переговоры с Иудеями, при самых благоприятных для них условиях: Евреям предоставлялась свобода религии и обычаев; ненавистный народу Менелай взят в Сирию и казнен; городу обеспечивалась свобода самоуправления и т.п.⁵⁴⁵ Покончив, таким образом, военные операции в Палестине, Антиох и Лисий вернулись в Антиохию и нашли ее уже в руках Филиппа. Столица была, впрочем, отнята ими тотчас же, причем Филипп был убит, но затем та же

участь вскоре постигла и Антиоха с Лисием, которых казнил только что прибывший из Рима сын Селевка IV, Димитрий 1 Полиоркет, сменивший Антиоха.

К этому Димитрию, едва лишь он успел воцариться⁵⁴⁶, является партия отъявленных врагов Иуды из бесповоротно эллинизовавшихся евреев, во главе, с Алкимом, домогавшимся теперь быть первосвященником на совершенно новый эллинистический лад, и, возводя на Иуду Маккавея и братьев его обвинения в крайнем самоуправстве, и жестокостях, просить у царя поддержки и покровительства. Димитрий, веря, что дает руку помощи истинно оскорбленной невинности, отправляет для наказания Иудеев и их вождей сильное войско, под предводительством одного из своих друзей Вакхида, и поручает ему утвердить на первосвященстве Алкима. Неясно, почему собственно эта миссия Вакхида пока не удалась, и он без решительных мероприятий отступил из Иудеи в свои пределы, оставив Алкиму в помощь отряд войска. Свирепства, произведенный Алкимом при помощи этого отряда и своих сообщников, причиняли, по выражению источника, больше зла сынам Израилевым, нежели язычники (1Мак.7:23), и столь же оправдывали новый взрыв энергии Иуды, который скоро заставил Алкима спастись бегством к своему патрону. Этот командировал для водворения порядков, а правильное – для нарушения их в Иудее, новые военные силы под предводительством Никанора, который хотел коварно захватить Иуду приглашением на личные переговоры, но поплатился за это двукратным поражением⁵⁴⁷, а потом и гибелью.⁵⁴⁸ К прискорбию, этот успех Иуды, стяжавший ему уважение и сердца всего народа и привлечший на него взоры даже и тех, у которых они были обращены к Сирийцам, был последним. В Марте 161 года против него выступила под начальством Вакхида новая Сирийская сила, далеко превосходившая горсточку достойных сподвижников Иуды. Напрасно друзья его, указывая на крайнее неравенство сил, уговаривали на сей раз поступиться строго-рыцарскими понятиями о чести и подчиниться необходимости уклониться от сражения. Как истый герой, он не знал околичных путей к стяжанию славы храброго, оставаясь верным которой и теперь, он с избраннейшими из своих воинов врезался в главное крыло врага и погнал его, как овец. Но в это время другое неприятельское крыло, не потеряв самообладания, бросилось на увлеченного погоней Иуду и после отчаяннейшей схватки этот славный герой нашел, наконец, и себе смерть († 160 г.), которая была последней достойной победой его на поле брани за веру и заветы Отцов, последним подвигом служения своему народу и отечеству, последней жертвой на алтаре его!

Среди мелких и не столь важных особенностей Иосифа в изложении истории Иуды, мы не можем здесь не обратить особое внимание на его сообщение⁵⁴⁹, что Туда, по желанию народа, был сделан за три года до своей смерти первосвященником, после именно внезапной мучительной кончины Алкима⁵⁵⁰ (служил 4 года), наказанного за попытку разрушить «древнюю построенную пророками стену, ограждавшую Св. Святых». Это показание Иосифа, как сейчас увидим, возбуждает некоторые недоумения и должно быть

несколько исправлено. Между Иудой (165–161) и Ионафаном (161–143) Иосиф указывает промежуток, когда первосвященнический престол оставался праздным – в 4 года. Хотя это дает для определения года смерти Иуды более точные указания, – однако, не разрешает окончательно недоумения, внушаемого сопоставлением (1Мак.9:3–18 и 54 с 10:21, – где пред повествованием о смерти Иуды, с одной стороны, последняя дата 152 г. (161 до Р.) и 153-й г. (160 до Р.) отмечается годом смерти Алкима, а с другой – «облечение Ионафана во свящ. одежду» приурочивается к 160-му г. (153 г. до Р.). Присоединяя, согласно с Иосифом, к году смерти Алкима 3 года первосвященства Иуды, действительно получаем до первосвященства Ионафана 4-летний промежуток, но, определив его, Иосиф, к сожалению, не разрешает важных недоумений при установлении года смерти Иуды, каковым, по первому впечатлению от (1Мак.9:3), был 152-й (161 до Р.), а по другим комбинациям, принятым Иосифом, 156-й (157 до Р.). Эта последняя цифра очевидно неверна, и, оставляя годом смерти Иуды указываемый книгой Маккавейской, мы – вместе с тем должны изменить все повествование Иосифа о первосвященстве Иуды: прежде всего Иуда **мог быть сделан** первосвященником **не после** мучительной смерти Алкима (умершего после Иуды 1Мак.9:54–56), а, может быть, после изгнания из Иудеи Алкима, поставленная Вакхидом (7:20–25) и даже, может быть, несколько ранее, – например, уже к тому времени, когда Алким, придя к Димитрию, с некоторыми «нечестивцами из Израильтян» (7:5; это было в 151 г. э. С., срв. 2Мак.14:4, 7) «домогался священства» и успел подвигнуть царя на содействие этим домогательствам. Таким образом, не Иуда после него сделался священноначальником, а – как видно – Алким был насильно водворен (второй раз) Вакхидом на предоставленное с большим правом Иуде место (20–21 ст.), которое и мог занимать до того времени, когда Иуда, успев оправиться, заставил его удалиться опять к своему царю, чтобы побудить его на новый поход против Иуды (23 и 25 ст.). Хотя этот поход был очень неудачен (гибель Никанора), однако, Алким еще раз восторжествовал на первосвященстве, когда отправленный вслед за Никанором Вакхид разбил Иуду, павшего в этом сражении и опять водворил на первосвященства Алкима (IX, 25 – 152 г.), умершего в следующем же году (153 г. 54 ст.). Таким образом, 3 года первосвященства Иуды могли быть те же 4 года Алкима, когда оба соперника несколько раз вытесняли друг друга: а если так, то и промежуток до Ионафана следует считать не от Иуды, а от Алкима, умершего позднее, и не в 4 года, а в целых 7, если только такой промежуток не образовался от забвения имени бывшего в это время первосвященником (153–160). Это подтверждает в другом месте сам Иосиф, когда говорит, что после Алкима первосвященническое место оставалось «праздным» около 7 лет (XX, 10: διεδέξατο δὲ οὗτόν, ἀλλὰ διέτέλεσεν ἡ πόλις ἐνιαυτοὺς ἑπτὰ χωρὶς ἀρχιερέως οὕσα). Что касается самого факта первосвященства Иуды, то, как мы заметили, оно оспаривается, и книгами Маккавейскими не может быть подтверждено.

§ 23. Ионафан (161–143 до Хр.)

Арх. XII, 1–6 гл.; 1Мак. 9:23 – 12 гл.

Достоправная гибель Иуды Маккавея была тяжким ударом и великим горем для всего Иудейства. К счастью и утешению последнего, оно имело ряд достойных преемников погибшего своего вождя в лице его братьев, обильно преисполненных его духа и силы, и братья эти, в свою очередь, были счастливы, унаследовав от Иуды дело его на высшей степени прочности и успеха.

Религиозная свобода, провозглашенная еще мирным договором с Лисием, давно уже была достигнута. Последние успехи Иуды уже имели дальнейшую не менее достойную цель – добиться и **политической** самостоятельности Иудейства. Этой последней цели, кроме ряда позорных ударов Сирийскому могуществу, нанесенных его рукою, Иуда уже достиг настолько, что римляне, по его приглашению, заключили оборонительный и наступательный союз с Иудеями, как со свободным народом, увековечением чего явились особые договоры, положенные в Капитолии на медных таблицах. Мыслью этого союза, хотя бы и не оказавшего Иудейству действительной помощи, было отстранить Сирийцев возможно далее от Израиля, подобно тому, как они были недавно отстранены Римлянами и от Египта. Возвышая патриотическое самосознание Иудеев, этот союз давал возможность с облегчением вздохнуть давно забытым сладостным чувством полной свободы. Казалось, еще бы один только успех Иуды, и мы имели бы в нем настоящего политического вождя Иудеи, может быть уже и **царя**, как позволяет судить по самым обстоятельствам договора с Римлянами, предполагающего совершенно особую форму Иудейского государственного устройства, олицетворителем коего выступает не первосвященник, находившийся в минуты договора тут же в лагере и даже не совет старейшин, совершенно не упоминаемый в данном случае, но всецело и полномочно сам Иуда.

При всех этих успехах дела Иуды, трагически безвременная и неожиданная гибель его была тем более жестоким ударом начавшему заживать от своих ран Иудейскому народу. Уже при жизни почившего, среди народа были недовольные его патриотическими планами, и это не только те, для кого давно ничего не стоило приносить в жертву эллинской образованности свою народную индивидуальность в области верований и нравов; это были также благонамереннейшие и ревностнейшие к закону Асидеи, которые считали себя вполне удовлетворенными уже первыми успехами Маттафии, когда получилась возможность исполнять закон, и которые всем дальнейшим и ревностным усилиям Иуды сделать население страны своей гражданами самостоятельного государства, свободного от тяжкого бремени податей чужеземным деспотам, отвечали непонятной и равнодушной косностью.

При таких условиях нельзя не назвать также и опасным положение, в каком оказалось дело Иуды, когда не стало этой могучей личности, и когда

изменились не в пользу Иудеев и внешние обстоятельства: Римляне, переставшие верить в удачный исход предприятия Иуды после его смерти, не находили целесообразным и поддерживать его. Вакхид, спеша воспользоваться замешательством от ошеломляющего события гибели Иуды, всюду сажал по стране опять своих чиновников, тщательно выслеживавших и изводивших сподвижников Иуды. В довершение этих бедствий, казалось, сама земля стала на сторону притеснителей, присоединив к причиненным неприятелями ударам тяжкую голодную нужду. В столь бедственные минуты взоры народа естественно обратились к младшему брату павшего героя – Ионафану, который, хотя и уступал своему брату в даровитости и энергии, тем не менее сумел в звании нового вождя отстоять и довести до конца дело, заложенное его славными предками – отцом и братом.

Первые успехи Ионафана были не столь удачными, может быть, благодаря слишком мало благоприятным внешним условиям. Он поссорился с Аморитянами, которых хотя смирил, но лишился из-за них брата своего Иоанна. Неудачны были и его схватки с Вакхидом, который едва не захватил однажды его самого в плен со всем отрядом. В результате подобных неудач вскоре обнаружилось то, что запад но-йорданская область оказалась вся опять в руках Сирийцев, включая и Иерусалим. Правда, это не обозначало теперь также возвращения времен прежнего сирийского неистовства, и стоявший у кормила первосвященнической власти Алким далеко не был и не мог быть тем, чем был Менелай. Но все же новое сложение обстоятельств нельзя не назвать крупным шагом назад в развитии дела Иуды и успехах Ионафана. Неожиданная смерть Алкима и стоявшее в неизвестной ныне связи с этим отступление Вакхида⁵⁵¹ были поворотным пунктом в благоприятную сторону для Ионафана. То и другое обстоятельства наметили черты, впоследствии подготовившие настроение народа решительнее в пользу так неудачного вначале Ионафана. Алким умер скоропостижно в то самое время, как он, через год по смерти Иуды, затеял в храме капитальную переделку стены, отделявшей внутреннее преддверие святилища от внешнего, доступного для язычников. Стену эту, имевшую, очевидно, весьма внушительный вид и слывшую за создание пророков, Алким затеял заменить более легкой перегородкой, которая бы своим изяществом также обнаруживала известную внимательность к языческим посетителям.⁵⁵² Нет ничего странного, что Иудеи объяснили его смерть проявлением кары Божьей, а Вакхид увидел в ней также начало ослабления своего влияния в стране и побуждение оставить эту страну до выяснения дела с избранием нового первосвященника, тем более, что к тому же побуждало его стесненное положение его повелителя в Антиохии. Выбор нового первосвященника был вопросом сколько важным, столько же не легкоразрешимым. Он повел прежде всего к событиям, которые не столь достойно осложнились в настоящую всеобщую смуту, после сравнительного порядка и спокойствия, достигнутых в стране репрессалиями Вакхида. Дело в том, что за смертью Алкима и удалением сына умерщвленного Онии III в Египет (срв. Арх. XIII, 3, 1) не оказывалось прямо и неоспоримо законного наследника первосвященнического престола. Наиболее законное притязание

на это достоинство теперь предъявлял Ионафан, принадлежавший к первой из 24 чреде по отцу своему (Маттафии)⁵⁵³ τῶν υἱῶν Ἰωακίμ (1Пар.24:7), наиболее уважаемой народом (Ἰός. βίος, 1). Но само собою понятно, счастливая случайность, поставившая Ионафана к наследию высшего первосвященнического служения, мало могла давать оправданий правам Ионафана в глазах множества завистников, не умедливших выступить в данном случае. В значительной части народа, даже в самом Иерусалиме, Ионафан еще не завоевал себе звания законного вождя. Нечего и говорить, что положительно против него были склонные к эллинизму евреи, на которых как раз в это время Ионафан обратил свое оружие, налетая на изменников то там, то здесь ярым партизаном. Неизбежно вместе с тем, он не щадил и остатков Сирийского могущества, от чего уже не мог удержать его и Вакхид, призванный скоро снова в Иудею противниками Ионафана. Находя непроизводительным терять войска и тратить труд для дела, плохо поддерживаемого непосредственно в нем заинтересованными, Вакхид предпочел заключить с Ионафаном почетный мир и, поклявшись никогда не воевать больше с Ионафаном, развязал ему руки на начатую месть веропродавцам-евреям и на дальнейшее возвышение его власти и обаяния до последней степени.

Начавшиеся вскоре затем распри за Сирийское престолонаследие как нельзя лучше способствовали Ионафану утвердиться в указанной власти и обаянии ревнителя веры и блага народного. Угрожаемый со стороны восставшего нового претендента на Сирийскую корону – Александра Валаса, сына Антиоха IV, Димитрий пришел к мысли отстоять свои права при помощи тех, кому была дорога Иудейская свобода, не гарантировавшаяся от опасностей нового угрожавшего переворота. В этих мыслях он пишет вождю борцов Иудейской свободы – Ионафану милостивое письмо, в котором, называя своим племянником, разрешает ему, едва ли много нуждавшееся в его разрешении, собрание войска, возвращает заложников, посаженных Вакхидом в Иерусалимской крепости, и вообще предоставляет все, что могло вернее предупредить сношения его со своим конкурентом. Едва успел воспользоваться предоставленными ему царскими предложениями Ионафан, как подобные же и даже еще большие почести обильно посыпались на него и со стороны Александра, еще лучше утилизировавшего счастливую идею Димитрия. В подкрепление прямой просьбы о помощи против последнего, торжественное посольство Александра предлагает ему сан первосвященника и знаки княжеского достоинства – пурпурное одеяние и золотой венец. Это было как раз кстати, и для народа не оставляло желать лучшего. Ионафан только что безраздельно овладел симпатиями народа, как вождь, добившийся крупных успехов от ловкого использования Димитриевых предложений, давших ему возможность заново отделать свящ. город и очистить его впервые от Сирийского гарнизона. Вполне достоин быть он нового сана и по своему происхождению, и по открывшимся правам, приветствовался он и как желанное прекращение продолжительного 7-летнего вдовства первосвященнической кафедры, утомившего всех ожиданием достойного на

нее кандидата; наконец, самое время назначения Ионафана – к празднику Кущей – заставляло с радостью приветствовать его выступление в этом сане, без которого столько лет великий день очищения, предшествовавший указанному празднику, проходил с глубокой горестью народного сознания, как день не разрешенного покаяния. Все это, было, наконец, венцом торжества не только Ионафана, но в лице его – торжества у наследованного им дела Маттафии и Иуды, – дела, которое неожиданным стечением столь благоприятных обстоятельств скоро стало торжеством всего народа, торжеством его свободы – блестящей, полной – и религиозной и политической.

Последующие события в народе Ионафана продолжали быть выражением не прекращавшихся задобриваний со стороны Димитрия и не изменявшихся расположений со стороны Александра. Не рассчитывая более на предпочтение к себе лично Ионафана, Димитрий шлет вторичное послание уже вообще к еврейскому народу, причем в заискивающих выражениях благодарит его за испытанную верность и сулит всевозможные льготы и подарки. Но эти посулы, представлявшие в своей оборотной стороне длинный перечень крайних стеснений Иудеев податями и поборами за последние десятилетия, показывали скорее то, как тяжела была их неволя и какой ненависти достойны их притеснители. С другой стороны, большинство этих новых посулов и льгот были простой отменой того, что теперь было бы немыслимым злоупотреблением Сирийской власти: таковы – возвращение городу Иерусалиму священного значения, возвращение законного назначения священным десятинам и храмовым сборам, доселе попадавшим в карман царя, и т.п. Есть и бесспорно великодушные уступки Димитрия еврейскому народу, но по всему тону, с каким они даются, нельзя было не замечать, что все эти предложения, слишком блестящие, чтобы заслуживать доверия, внушались более суровой необходимостью, и главное – ставились в сильную зависимость от еще не решившейся сомнительной участи Димитрия. Только эта боязливая сомнительность удерживала народ Иудейский в его нерешительности всецело и открыто примкнуть на сторону Александра, прошлое которого не пятналось никакими недоразумениями с Иудейством, имевшим немалые основания не доверять Димитрию и за его личный двоедушный характер.

Дальнейшие обстоятельства не заставили Иудеев каяться за свою осторожность, давшую наилучшие результаты. Димитрий нанес ряд чувствительных поражений Александру, и, только благодаря несчастному случаю с Димитрием (он завязь в болоте), перевес склонился на сторону Александра. Димитрий погиб, и двоеначалие разрешилось благополучно единоличным упрочением на троне Александра, без дальнейших смут признанного царем Сирийской монархии.

Вскоре после этого Александр породнился с Птолемеем Филопатором, женившись на его дочери Клеопатре. На празднество по случаю свадьбы прибыл, между прочим, и Ионафан. В ответ на богатые дары последнего, царь осыпал его всевозможными почестями, который он еще усугубил после жалоб, принесенных Иерусалимскими эллинистами. Во время торжества,

Ионафан сидел рядом с царем в богатом пурпурном одеянии, а жалобы эллинистов повели только к тому, что Александр велел устроить Ионафану настоящее триумфальное шествие, причем герольды, сопровождавшие его, провозглашали строгие угрозы всем, кто смел бы приносить жалобы на него и причинять ему те или другие беспокойства.

Сверх всего этого, царь дал ему почетный титул полководца и областного правителя и причислил к своим друзьям, из коих состояли его сановники. Все это, хотя и не санкционировало независимости Иудеи, за то усвояло ей первое место среди других провинций Сирийской монархии, дав возможность самого свободного развития под собственным главою и с собственной администрацией, на вполне национальных началах.

Такое отрадное положение дел, обещавшее все для благополучия Иудеи, к прискорбию, сменилось скоро новыми осложнениями в судьбах покровителя Иудеи, а отсюда и новыми неприятностями, и опасностями для последней. После устраненного Александром Димитрия росли дна его сына, которые выступили мстителями за нарушение прав отца. Старший из этих сыновей заявил также прямые притязания на Сирийскую корону, и под именем Димитрия II вел из Малой Азии большое наемное войско. Это было через три года после смерти Димитрия, и застигло Александра почти врасплох. Едва он успел занять Антиохию, чтобы охранить её от надвигавшегося врага, этот последний, в лице подосланного Димитрием наместника Аполлония, появился в Кили-Сирии, и успешно вербовал себе союзников по всему филистимскому побережью. Оставался верны Александру, по-видимому, один Ионафан, который вывел против Аполлония значительное войско и нанес ему сильное поражение. Последствия этого счастливого события повысили всякие ожидания. Колебавшиеся жители прибрежных городов поспешили заявить свое непричастие к интригам Аполлония, и богатыми дарами Ионафану спешили наперерыв засвидетельствовать свою преданность царю. Александр почтил еще большими отличиями своего доблестного полководца, подарил ему золотое запястье, и доходы целой Филистимской области города Аккарона. Народ Иудейский переживал давно небывалый подъем национального чувства от сознания превосходства над необрезанными филистимлянами, со времен Судей и Самуила бывшими предметом отвращения для Иудеев, и с признательностью сосредотачивал свои симпатии на своем герое, возвысившем его на такие степени величия и славы. Шансы на благонадежность и плодотворность нового положения еще более увеличивались, когда из Египта двинулся сам тесть царя со своими войсками, назначение которых всякий видел в помощи царскому зятю против его неприятелей. Это была, однако, ошибка, которая была началом бедствий Александра и немалых опасностей Иудеи.

Первое обнаружение этой ошибки открылось после произведенного на жизнь Птолемея в Птолемаиде покушения, участником которого оказался один из видных любимцев царя Аммоний. Неизвестно, был ли сам Александр инициатором этого покушения, как объяснил это Птоломей, основываясь на отказе Александра выдать Аммония, – точно так же как неизвестно, шел ли

Птоломей, под предлогом оказания помощи зятю, захватить его владения, как гласит еврейское предание, и как представлял, очевидно, дело сам Александр, или первоначальным намерением его было, действительно, желание, хотя не бескорыстное, предложить свою помощь зятю, только оба царя – Птоломей и Александр выступают в дальнейшем своего рода жертвами недоразумения. Ионафан, имевший вначале намерение принять участие во всем походе Птолемея, как союзника, его зятя, отделился от Птолемея сразу, как только оказалось, что он не на стороне Александра. Александр, приказавший вначале устраивать Птолемею пышный прием по всем городам на его пути, – после известного заговора, (каковой – кстати заметить, писатель (1Мак.11:11) представляет чистейшей фикцией, «клеветой», выдуманной самим Птолемеем, чтобы оправдать свои домогательства на владения зятя) – перешел в открытую вражду к царю и вместо союзника объявил его своим врагом. Птоломей, во всяком случае имевший виды на прекрасную Кили-Сирийскую пограничную страну, издавна бывшую яблоком раздора между египетскими царями и властителями Азии, – страну, которую вначале он надеялся, может быть, приобрести как бы в награду за свою помощь зятю, – теперь этот Птоломей простирает свои права и виды на более удовлетворявшие его выгоды. Он всецело переходит на сторону Димитрия, перевыдает дочь свою (жену Александрову) за Димитрия, и, заняв Антиохию, присоединяет, к своей египетской, и азиатскую царскую корону. При этом он политично обходит подозрения Римлян, заставив Антиохийцев принять царем не столько его, сколько его нового зятя Димитрия II, несмотря на то, что Антиохийцы вначале и слышать не хотели о Димитрии, сохраняя самые невыгодные воспоминания об его отце. Лишь за собственной порукой, Птолемею удалось навязать Антиохийцам в цари Димитрия, после чего он приступает к решительным действиям против Александра, сохраняя всецелое влияние на судьбы Сирийского государства. Дело кончилось, однако, так, что главные его участники не воспользовались его результатами. Александру разбитый Птолемеем и Димитрием II, бежал к Арабам и у них нашел себе смерть, процарствовав в общем 2 года; а Птоломей во время сражения слетел со своей лошади, испуганной криком слонов, и погиб, весь покрытый ранами от набежавших неприятелей, успев перед самою своею смертью утешиться вестью о смерти Александра и насладиться видом его отрубленной головы.

Цель Птолемея все-таки была в главной своей части достигнута: Димитрий II утвердился на троне, причем Ионафан лестью и подарками успел выговорить для Иудеи немало новых важных льгот, на которые новый царь был тем более податлив, когда и у него завязалась та же игра в конкуренции, другим партнером коей выступил сын Александра, Антиох VI, руководимый своим полководцем Трифоном. Появление этого соперника Димитрию как нельзя лучше отвечало желаниям недовольных Димитрием, порука за которого, данная Птолемеем пред Антиохийцами, не предоохранила его от подражания злему характеру отца: своею жестокостью он даже собственных воинов заставлял покидать его и дезертировать в Александрию. Естественно, что все эти недовольные элементы оказались на стороне противников

Димитрия, и он должен был бежать, оставив в руках их Антиохии. Ионафан, который, после уступок, испытал также и упрямую неблагодарность Димитрия, без всяких прекословий благоразумно признал сюзеренство Антиоха и этим сохранил за собою все достигнутые успехи прошлого. Попытка военачальников бежавшего Димитрия II вступить за его права была мужественно ниспровергнута Ионафаном, совместно со своим братом Симоном, что имело в результате не только поддержку Антиоха, но и дальнейшее возвышение независимости Иудеи. Оба брата чувствовали себя теперь настолько свободными правителями Иудеи, не стесненными верховным владычеством Сирии, что смело повторяют тот решительный опыт, которым Иуда некогда провозглашать пред лицом всего мира независимость Иудеи. Он возобновляет союз с Римским Сенатом и завязывает вновь сношения со Спартанцами, добивавшимися признания своего родства с Иудеями и союзничества с ними.

Между тем, Димитрий II вновь собрал и двинул свое войско против Палестины, и вскоре стоял лицом к лицу с войсками Ионафана. Силы противников в нерешимости стояли друг против друга, пока, наконец, Сирийцы надумали решить дело ночным нападением. Лазутчики Ионафана вовремя обнаружили этот замысел врагов, благодаря чему он был расстроен до его применения. Враги ушли тайком из своего лагеря, чтобы расправиться с Парфянами, а Ионафан предпринял самые строгие меры по укреплению страны и ее важнейших городов, и крепостей, возвысил Иерусалимские стены и между городом и крепостью возвел сильное укрепление, окончательно отрезав от сношений с городом все еще сидевший в крепости Сирийский гарнизон.

Такой вызывающе-независимый образ действий пришелся, однако, не по сердцу также Трифону, полководцу Антиоха VI. Мечтая сделаться сам царем Азии, по устранении Антиоха, он видел в Ионафане главное препятствие своему плану и его наметил первой из жертв, коими готовился устлать свой кровавый путь к трону. Ионафан, по-видимому, проник это, ибо вышел ему на встречу с 40.000 войском, один вид которого лишил Трифона всякой надежды на перевес. Тогда он призвал на помощь силу хитрости, и, одарив Ионафана богатыми дарами и почестями, отдал приказ войскам своим повиноваться Ионафану, как себе самому. Это подкупило доверие Ионафана и погубило его. Убеждаемый Трифоном, он отпустил почти все свое войско и всего с 1.000 человек отправился в Птолемаиду, которую Трифонт, обещал передать Ионафану со всеми другими крепостями и их отрядами. Удивительна эта легковерность Ионафана и коварство Трифона: едва только первый вступил в город, ворота городские захлопнулись, сам он был связан, и все воины его перебиты. Отправленные в Галилею 2.000 других воинов Ионафана также подверглись нападению, которому, однако, противопоставили дружное сопротивление и, пробившись чрез неприятельские засады, невредимо достигли Иудеи со своей печальной вестью.

§ 24. Симон (143–135 до Хр.)

Арх. XIII, в кон.–7 гл.; 1Мак.13–16 гл.

Печальная весть о пленении Ионафана и вероломстве Трифона застигла Иерусалим со всею мучительностью неожиданности и неподготовленности. «Весь Израиль плакал горьким плачем», замечает писатель книг Маккавейских, «а все окрестные народы искали истребить их, ибо говорили: теперь нет у них начальника и поборника; итак будет теперь воевать против них, и истребим из среды людей память их (1Мак.12:52–53). В эти минуты крайнего горя и опасности Иерусалима, взамен павшего жертвой коварства врагов брата, предложил себя в предводители против них достойный братъ его Симон, уже успевший заявить себя доблестнейшим его сподвижником и теперь единодушно всем народом провозглашенный тотчас же вождем. Трифон, как заранее можно было предвидеть, тотчас же двинулся из Птолемаиды в Иерусалим, ведя за собою и дорогого Иудейского пленника. Удавшийся опыт коварного захвата противника, с которым едва достало бы силы повторяться в открытом поле битвы, воодушевил Трифона повторить свое коварство и над Симоном. Он посылает к нему послов с заявлением, что Ионафан задержан в плену просто за то, что не уплатил недоимок за свою должность, и что свобода его будет тотчас же возвращена, как только Трифону будет уплачено 100 талантов серебра и в обеспечение дальнейших уплат два сына Ионафана будут даны ему в качестве заложников. Предложено это, несмотря на новое очевидное коварство, усмотренное и Симоном, не могло не быть испробовано; неисполнение его могло навлечь на Симона обвинение в гибели брата, и вот он рискнул послать Трифону и деньги и заложников. Коварство Трифона тотчас же подтвердилось. Не давая свободы Ионафану, он продолжал надвигаться на Иерусалим, куда давно звал его стесненный Сирийский гарнизон. Обходя и отодвигая Симона, не упускавшего его из виду со своим войском, он едва не соединился с гарнизоном Иерусалимской крепости, и только зоркая бдительность Симона и крайне неблагоприятная погода не допустили его до этого. Тогда он отступил за Мертвое море и здесь лишил Ионафана жизни. После этого он ушел в Сирию умертвил здесь своего питомца Антиоха VI и возложил на себя Сирийскую корону. Несчастная жертва его коварства – убитый Ионафан с большим торжеством был перенесен в фамильный склеп Маккавеев в Модин и почтен великолепным погребением, не только как жертва коварства врагов, но главным образом как жертва ревности о благе и защите родины. Последнюю мысль Симон в самом начале своего правления не преминул глубже напечатлеть в сознании и сердцах своих современников. С этою целью он воздвиг над местом упокоения своего отца и братьев семь величественных пирамид, «которые молено было видеть с Средиземного моря», и которые, наряду с выражением родственной любви самого Симона, имели ввиду именно напоминать подраставшим и всем будущим поколениям освобождение родной страны представителями дома

Асмонеев и обеспечивать любовь и уважение к тем, кто в данный момент являлся представителем этого славного рода.

Вместе с званием вождя, Симон, впервые без предварительная испрашивания согласия правителей Сирии, принимает на себя и сан первосвященника, и уже после, по-видимому – в угоду доброжелательствовавшей к Сирии партии в Иерусалиме, отправил послов с богатыми дарами к царю Димитрию II, с двух сторон стесненному Трифоном и Парфянами. Послы принесли Димитрию деликатное извинение Симона за прежние недоразумения, и просьбу о признании его первосвященником, о сложении податей и постоянном владении вновь укрепленными городами. Для Димитрия было верхом блаженства уже одно то, что его признают царем, и он удовлетворил все требования Симона, который с этих пор во всех грамотах, начиная с 143 г., ввел собственное летосчисление, взамен прежнего Селевкидского, и стал именоваться, как «великий первосвященник, полководец и вождь Иудеев». В этом звании он проявил прежде всего доблестные качества Иуды, предприняв намерение совершенно очистить страну от наиболее зловредных элементов эллинизма. После извещения о пленении Ионафана, он, не доверяя верности жителей Иоппии в виду приближенья Трифона, выгнал всех их из города, и заселил его еврейскими колонистами и добровольцами. Он имел ввиду при этом и крайне выгодное положение города, в котором он давно мечтал устроить и впоследствии действительно устроил удобную гавань, весьма важного значения для Иудейской торговли. Наконец, Симон достиг и того, на что не решался за последнее время никто даже сделать попытку. Он вынудил Сирийский гарнизон совершенно оставить неприступную Иерусалимскую крепость, которая тотчас же с подобающе торжественностью была очищена от языческой скверны. С пением и музыкой, при звуках труб и барабанов, Симон вступил 23 Иара 142 г. до Р. Х. в эту пребывавшую доселе в осквернении часть свящ. города, и в память столь знаменательного события установил празднование указанного дня, соблюдавшееся долгое время. Укрепив, затем, южную часть храмовой горы близ крепости и расположив здесь собственный двор свой и лагерь, Симон назначил своего сына Иоанна Гиркана главным начальником своих войск, расположенных в Газаре, и начал счастливый мирный период, не омрачавшийся ни одним пятном господства языческого нечестия. Не было в виду ни одного врага, который внушал бы серьезное беспокойство, или угрожал причинить вред. В стране снова стало процветать земледелие; ревность об общем благе была высшей заботой каждого. Молодежь в совершенстве изучала военное искусство; крепости обильно снабжались провиантом и приводились в исправность и готовность на случай войны; для всего населения страны воскресли первобытно счастливые времена, когда «каждый сидел в своем винограднике и под своей смоковницей, и некого было бояться».

Возобновление союзов с Римом и Спартой теперь было особенно благовременно и Симон сумел придать этому наиблестящий и выгоднейший характер. Он послал в Рим почетный драгоценный подарок от имени Иудеев –

большой золотой щит весом в 1.000 мин. Рим ответил грамотой, по адресу всех держав Азии и Архипелага, которую гарантировалась безопасность Иудеев от каких-либо посягательств и подчинение всех их по всем пределам Римских владений непосредственной юрисдикции Иерусалимского первосвященника – Симона. Этим не только выразилась впервые серьезная попытка – устранить всякую возможность смешения рассеянных между всеми народами Израильян с туземцами, но и санкционировалась и укреплялась неразрывная связь их со своим отечеством – не в религиозном только, но и правовом положении. Нельзя не видеть в этом успеха великой идеи Симона – теснее объединить свой народ в одно великое целое и сообщить ему то признание со стороны Рима, которое достигнуто столь искусным средством. Это было само по себе достопамятнейшее событие, которое заслуживало достойнейшего увековечения. Симон ознаменовал это тем, что в Иерусалиме в храмовой ограде воздвигнуты были колонны с надписями на медных досках, увековечивавших заслуги Маккавеев своему народу и их наследственные права, и полномочия, «доколе восстанет пророк Верный» (1Мак.14:41).

Наконец, внешнее благополучие и мирное процветание Иудеи дополнилось и еще одним важным благодеянием Сирии, после чего мы увидим поворот и в обратную сторону. Дело пошло путем обычного выступления двух претендентов на Сирийскую корону, законные права каждого из которых находили свое оправдание. Это был вообще какой-то необыкновенно-странный и неперемный рок династии Селевкидов, что большинство членов ее не столько царствовали, сколько лишь воцарялись на царстве, проводя иногда все годы своего царствования в борьбе с соперниками. Так было при Антиохе V сыне Епифана, соперником которому выступил Филипп, а потом Димитрий, сын Селевка IV, старшего брата Антиоха Епифана, устранив Антиоха. Но едва этот освоился со своим положением, Вершитель судеб истории неожиданно выдвигает на ее арену дотоле неизвестного сына Антиоха IV, который под именем Александра Валаса соперничает с Димитрием в расположении к Иудеям, чтобы заручиться их симпатиями, имевшими, очевидно, в последнее время решающе-важное значение в вопросах престолонаследия, и успевает устранить Димитрия. Затем, в свою очередь, устраняется сам он сыновьями Димитрия, один из коих, поцарствовав немного под именем Димитрия II, устраняется сыном, устраненного – воцарившимся под именем Антиоха VI. Антиох VI устраняется своим воспитателем Трифоном, с которым соперничает сначала Димитрий II, а потом брат его Антиох VII Сидет. Этот самый Антиох повторил и при Симоне обычную политику чувствовавших свою непрочность Селевкидов в отношении к Иудеям, до вступления своего в Сирию, стараясь привлечь их на свою сторону. В этих видах он шлет, между прочим, милостивое послание «Симону, первосвященнику и правителю народа, и народу Иудейскому», где заявляет о своих намерениях устранить «зловредных людей, овладевших царством его отцов, и восстановить это царство, как оно было прежде,» объявляет Иерусалим свободным, уступает Симону все дани и уступки прежних царей и крепости, выстроенные или завоеванные его оружием, и, наконец, разрешает

Симону чеканку собственной монеты, высказывая, т.о., признание полной самостоятельности и самоправности страны.

Но все это, как показали скоро обстоятельства, было лишь давлением нужды и главное – непродолжительным. Капризное колесо фортуны, так далеко заахавшее вглубь счастья Иудейства, вдруг снова начинает свои дразняще-неровные обороты, один из каковых обнаружился в дальнейшей политике того же сладкоглазого многообещателя Антиоха Сидета, к которому так кстати шло известное: «мягко стелет, да жестко спать!». Он вступал на престол, правда, законно ему принадлежавший, с большими затруднениями и препятствиями. Трифон узурпатор, после взятия Димитрия в плен Парфянами, казалось, не имел соперников и мог свободно дать полную волю своим гадким природным наклонностям. Но он преувеличил уверенность в своей нениспровержимости. Оттолкнув всех от себя, он подрубил тот самый сук, на котором думал усидеть. Войско прежде всего отшатнулось от него, приняв сторону супруги Димитрия, египтянки Клеопатры, той самой, которую Птоломей Филометор, отец ее, вручил Димитрию, отняв у Александра Валаса, и которая теперь находилась в Селевкии, близ Антиохии. Соскучившись одиноческим стесненным положением, и возмущаясь бесцеремонными узурпаторскими деяниями Трифона на троне ее мужа, она призвала в Селевкию младшего брата Димитриева, скрывавшегося от преследования Трифона из города в город, и сделала его своим третьим супругом. Это окончательно уничтожило права Трифона, делая Антиоха неотразимым претендентом на престол, сейчас же сосредоточившим на себе все симпатии современников. Вышеприведенное милостивое обращение Антиоха к Симону и народу Иудейскому как раз относится к тому времени, когда он еще только приступал к фактическому воцарению и устранению Трифона, который им скоро и был вытеснен. Но едва это было достигнуто, иначе стал обнаруживать себя и Антиох. Второе его послание, не замедлившее придти в Иерусалим тотчас по обессилении Трифона, тем более поражает своим противоположным характером по сравнению с первым, что оно было неожиданно – резким ответом на только что обнаруженную полную деликатность и услужливость Симона, который, следуя голосу благоразумия, заранее послал Антиоху 2.000 избранных воинов, немало золота, серебра и других запасов на военные нужды, надеясь этим отклонить от себя заведомо вероятный более тяжелый удар. Опасения эти вскоре вполне оправдались, не отдалившись нисколько столь целесообразной попыткой. В Иерусалим является посол Антиоха, Афиновий, и, упрекаяще напоминая о произведенных Иудеями завоеваниях и опустошениях в сфере влияния Сирийского, требует или возвращения всего присвоенного или единовременной контрибуции в 1.000 талантов, под угрозой нанесения войны за сопротивление. Для Симона это требование, очевидно, было слишком несправедливым и обидным, и он совершенно законно удовлетворил только одну часть царского ультиматума, согласившись выплатить 100 талантов за города Иоппию и Газару. Само собою понятно, и царь еще менее был склонен делать какие бы то ни было уступки, и вот – конфликт между обеими сторонами готов. Антиох тем в большей силе

чувствовал себя излить свой гнев на Иудее, что ему только что удалось устранить своего конкурента Трифона, пойманного в попытке бегства и казненного. Объявив своим наместником над всем побережьем Средиземного моря некоего Кендевея, Антиох уполномочил его на враждебные действия против Иудеи, и последняя снова сделалась, таким образом, театром военных действий. Сам Симон в это время был уже слишком стар и не мог взять на себя борьбу с Кендевеем. Тогда он вдохновил духом мужества Маккавеев – своих двух сыновей Иуду и Иоанна, и отправил их с значительным отрядом против врага. На равнине, близ Модины, они встретились с сильным неприятельским войском, и дали ему решительное сражение. Иоанн, как истый Маккавей, первый бросился через поток, отделявший их от врага, и этим самоотверженным подвигом беззаветной храбрости увлек за собой и остальных менее смелых. Схватка была очень жаркая, так что был ранен брат Иоанна, Иуда; тем не менее Кендевей бежал со всем своим войском, гонимый по пятам Иудеями вплоть до Азота.

Тогда на смену этой только что, по-видимому, столь благополучно миновавшей опасности выступила другая, в которой – прискорбно сказать! – главную роль сыграл зять Симона – Птоломей, некий богач, получивший от Симона, вместе с дочерью, управление Иерихонской областью. Мечтая о высшей власти, этот честолобец не остановился пред самыми крайними мерами для удовлетворения своей страсти. Угощая однажды у себя роскошным пиром своего тестя, в сопровождении двух своих сыновей – Маттафии и Иуды – объезжавшего страну, и презирая все законы гостеприимства, Птоломей перебил своих гостей и послал убийц также в Газару, где жил в качестве главнокомандующего еще сын Симона, Иоанн. К счастью, этот был вовремя осведомлен о совершившемся и предупредил убийц, лишив их, жизни. Птолемея, впрочем, не остановило это, а лишь вынудило призвать на помощь своим домогательствам Сирийского царя...

На этом обрывается повествование книг Маккавейских и вместе кодекс священных Ветхозаветных книг, оставляя исследователя в совершенном неведении почти 1½ векового периода до предопределенного окончания «полноты времен». Вот здесь-то особенно приходит на помощь Иосиф, а потом мало-помалу и другие классики, которые более или менее обстоятельно, смотря по умелости употребления, поведают нам и то, что знать так важно и интересно за пределами книг Библейских!

Глава VI. От Библии до Евангелия

§ 25. Источники Иудейской Истории с конца Библии

Повествованием о гибели Симона Маккавея (143–135 до Р. Х.) с его семейством от руки Птолемея и избежании подобной же участи третьим сыном Симона – Иоанном Гирканом, благодаря, между прочим, защите народа, ненавидевшего Птолемея и благоговевшего пред памятью Иоаннова отца, как мы сказали, **обрывается кодекс священных Ветхозаветных книг**, оставляя читателя в совершенном неведении почти полутора-векового периода до новозаветных событий. Любопытен образ речи в окончании последней – в хронологическом порядке событий – книги. Сообщив о том, что Иоанн, сын Симона, извещенный вовремя о грозившей ему от Птолемея опасности, предупредил своих убийц, летописец многозначительно замечает: «прочие же дела Иоанна и войны его и мужественные подвиги его, славно совершенные, и сооружение стен, им воздвигнутых, и другие деяния его, – вот, они описаны в **книге дней первосвященства** его, с того времени, как сделался он первосвященником после отца своего» (1Мак.16:23–24). Сопоставляя данное место с (3Цар.11:41; 14:29) и бесчисленным множеством других подобных мест 3 и 4 книг Царств, естественно придти к вполне основательному заключению, что «книга дней первосвященства Иоаннова» есть ничто иное, как отдаленнейшая преемница «книги дел Соломоновых», «летописи Царей» и т.п. памятников, в которые вносились описания деяний Царей, и давали потом материал для последующей хронографии. Умышленно или нет описатель дел Иоанновых употребил образ речи писателя книг Царств⁵⁵⁴, только невозможно, очевидно, никакое сомнение в том, что упомянутая им «книга дней первосвященства» Иоаннова существовала действительно, и что подобные же «летописи» последующих его преемников так же служили обычным средством увековечения более или менее славных деяний времени, по образцу упомянутых своих прототипов. По крайней мере, упоминаемые Иосифом⁵⁵⁵ «собственные записки Ирода» оставляют выше всякого сомнения эту истину, и нам остается лишь еще раз пожалеть, что столь драгоценные памятники так дешево оценены вандальскою беззастенчивостью неумолимого всегубителя – времени, и так безжалостно им уничтожены. Болея этими ранами, нанесенными нам временем, – ранами – единственными, для которых это время не является исцелителем, мы не всегда можем успешно пытаться вознаградить себя теми жалкими отголосками преданного забвению времени, какие могли только уцелеть в бессильной борьбе с «временем».

Вот каково ныне положение историка, приступающего к исследованию духовной жизни и истории Израиля, в период после-Маккавейский. Главным источником в данном случае, конечно, должны бы служить появлявшиеся за это время и дошедшие до нас литературные труды, среди которых должно дать место и Новому Завету, поскольку он есть произведение писателей-**Иудеев** и имеет черты, касающиеся Иудейской жизни того времени. Если бы исключить отсюда драгоценные труды Иосифа, то по всему остающемуся за

сим исключением материалу мы были бы решительно **не в состоянии написать историю упомянутого периода**, и более или менее ясно даже представить ее себе в главных моментах. Это выступает особенно ясно, если привести в известность все запасы исторического материала, какой давался нам тогдашней исторической литературой для изображения внешнего политического и внутреннего состояния народа Иудейского в послебиблейском периоде. Если Маккавейские книги в пределах повествуемой ими эпохи еще могут заменять до известной степени Иосифа и делать не столь ощутительной его утрату, (если бы таковую, к величайшему горю, допустить), то за пределами Маккавейских летописей такая утрата, поистине, была бы тягчайшим ударом для Истории. Значение Иосифа ничем так лучше не может быть взвешено и ясно представлено, как допущением возможности этой утраты, которая делала бы для нас столь темной эпоху Христа, делала бы для нас совершенно неизвестными эти последние ужасные стычки векового зла и добра, в лице Ирода и Мариаммы с их партиями олицетворивших всю разрушительность злобы первого «антихриста», предварившего своим выступлением и исступлением **первое** пришествие Царя мира.

Чтобы не быть слишком пристрастным к нашему историку и не слишком преувеличивать его значение, надо, однако, оговориться, что, хотя в общем собрании источников послебиблейской истории, Иосиф в значительной степени и заменяет все их, и, во всяком случае, занимает такое господствующее между ними положение, что дает право все остальное считать только дополнением, пояснением к себе, – однако, на все это он имеет право не столько в рассуждении установленных научно-исторических достоинств его материала, сколько именно в виду отсутствия, неполноты или утраты более капитальных материалов, существовавших несомненно и даже отразившихся на самом Иосифе. К сожалению, весь этот запас являющегося ныне побочным в отношении к Иосифу материала, который и теперь способен служить не только дополнением и пояснением, а нередко и оружием для столь основательной критики и существенных исправлений Иосифа, настолько незначителен по сравнению с важностью событий, сопровождавших последние агонии Иудейской истории, что критик почти всецело предоставлен самому себе и переживает скверное положение – или повторять безотчетно Иосифа, при ясно ощущаемой подозрительности его сообщений, или опустить руки в полной беспомощности для надлежащего освещения или передачи событий. Чувство этой беспомощности только еще более обостряется при знании, что **были** такие мерители исторической достоверности Иосифа, обличители и свидетели слишком подчас беззастенчивого его лжесвидетельства – критерии его научности, – были, но... теперь их нет! Остается, следовательно, и **повторять** его, и – если не всегда безотчетно, то с слишком большими и не всегда вполне безапелляционными, документально-обоснованными напряжениями субъективной сообразительности и критического таланта, и при крайней разбросанности в светскую всех родов литературу.

Мы должны остановиться здесь на ближайшем уяснении этого положения историка, имеющего дело с Иосифом, и показать, чем вообще располагаем мы

в данном случае⁵⁵⁶, что помогает нам делать его здесь **источником** для Библейской Истории – столь высоко-почетная, достойная более лучших вдохновенных сил – поистине пророков⁵⁵⁷ – роль!

Повествование I Маккавейской книги, по всей очевидности, лежало в основе повествования Иосифа при изложении истории Иудейства в пределах Маккавейского периода⁵⁵⁸, но с дополнениями из Полибия (XII, 9, 1). Со 135 года (гибель Симона с детьми) – и он, очевидно, лишался письменных **иудейских** источников для истории Асмонеев⁵⁵⁹ и по необходимости должен был восполнять этот недостаток из **других** материалов. Так он и делает. Он обращается к **всемирно-историческим трудам Греков**⁵⁶⁰ и утилизирует из них все, так или иначе касающееся истории Палестины. Главными из этих его источников для времени от 135–37 г. до Хр. являются именно чаще других цитируемые историки – **Страбон** (XIII, 10, 4; 11, 3; 12, 6; – XIV, 3, 1; 4, 3; 6, 4; 7, 2; 8, 3; XV, 1, 2) и **Николай Дамаскин** (XIII, 8, 4; 12, 6; XIV, 1, 3; 4, 3; 6, 4; XVI, 7, 1). Менее их встречаем ссылки на **Тимагена** (XIII, 11, 3; 12, 5), **Азиния Поллиона и Гипсикрата** (XIV, 8, 3), – все в местах, взятых из Страбона. Весьма вероятно также, что многие повествовательные отделы у Иосифа (особенно в пределах периода 135–85 г. до Р.) прямо или косвенно (через посредство Страбона и Николая Дамаскина) в сущности основываются на **Посидонии**⁵⁶¹, следы влияния коего на обоих названных посредников Иосифа очевидны.⁵⁶² На подобную же зависимость от Посидония, указывает сильное сходство между его рассказом и исходящими от Посидония повествованиями **Диодора** и **Трога Помпея** (== Иустина) в обстоятельствах завоевания Иерусалима чрез Антиоха Сидета⁵⁶³ и в Парфянском походе Димитрия.⁵⁶⁴ Если присоединить сюда только однажды названного Иосифом и едва ли им черпанного – Тита Ливия (XIV, 4, 3), затем, несколько легендарных повествований и жанровых подробностей, заимствованных, очевидно, из **устных источников**⁵⁶⁵, дополняющих взятый Иосифом из Страбона и Николая Дамаскина материал для внутренней Иудейской истории и для истории Ирода также «собственные записки Ирода»⁵⁶⁶, – последние, впрочем, едва ли не чрез Николая Дамаскина, – а также упоминаемую выше «книгу дней первосвященства Иоаннова»⁵⁶⁷ – то запас материалов Иосифа вообще для последних эпох Иудейской истории можно считать исчерпанным.⁵⁶⁸

Посмотрим теперь, каково то, что из **указываемого** Иосифом давало ему материал для его истории, каково то, что из **неуказываемого** им дает нам материал для его проверки, исправления и дополнения, каково вообще все то, что из указываемого и неуказываемого Иосифом имеется в распоряжении и к услугам современного описателя последних судеб Иудейства, и все это лучше уяснить нам положение историка при пользовании Флавием.

Вообще и золотой, и серебряный века классической литературы оставили нам лишь скудные сравнительно остатки своего величия и неоцененных сокровищ классического гения и таланта. Так, о –

Страбоне, жившему приблизительно от 60 до Хр. до 20 г. по Хр. и чаще других цитируемому Иосифом, известно, что кроме 17 кн. «Географии», дошедшей до нас в самом печальном виде, он был также автором

капитальнейшего исторического труда, от которого до настоящего времени едва могли быть собраны несколько жалких отрывков.⁵⁶⁹ Из «Географии» Страбоновой узнаем, что этот труд был уже закончен в то время, когда он начал свою Географию⁵⁷⁰, что пятая книга этого труда начиналась с того пункта, где оканчивался Полибий, т.е. со 146 г. до Хр.⁵⁷¹, что в первой книге была сообщена им история Александра Великого.⁵⁷² По энциклопедии Suidas'a⁵⁷³ можно добавить, что один из отделов труда «μετὰ Πολύβιον» занимал 43 книги, что с первыми 4-мя дает, следовательно, 47. Из цитат Иосифа эти сведения могут быть еще дополнены тем, что труд шел, по крайней мере, до завоевания Иерусалима Иродом (37 г. до Хр.), заключааясь, по-видимому, основанием владычества Августа. Значительное большинство этих цитат, за которые мы обязаны Иосифу, показывают, что для истории Асмонеев от Иоанна Гиркана до гибели Антигона (135–37 до Хр.) и, может быть, также для Антиоха Епифана, как показывает касающаяся его заметка κατὰ Ἀπιδῶνος, II, 7, этот великий труд Страбона был для Иосифа главным источником. Поистине, если следует скорбеть об утрате этого труда, то нельзя также не благодарить судьбу и за то, что Иосиф употребил его, как главный источник, подле Николая Дамаскина, хотя положение историка собственно по отношению к Иосифу от этого, разумеется, не улучшается, и только разве в местах, прямо отмеченных именем Страбона, исследователь избавляется от необходимости заподозривать авторитет и достоверность Иосифа. Известно, что Страбон вообще был основательнейший исследователь, пользовавшийся лучшими источниками с осторожностью и критикой, как это видно уже из некоторых, приведенных Иосифом, выдержек из Страбона, где последний несколько раз цитирует своих посредников (Тимагена, Азиния Поллиона и Гипсикрата)⁵⁷⁴, а также и из засвидетельствований Иосифа, не раз констатирующего согласие Страбона с Ник. Дамаскиным.⁵⁷⁵ Что он основывался также на великом труде Посидония, – это несомненно столько же, как и то, что лучшие последующие исторические таланты охотно употребляли и цитировали Страбона⁵⁷⁶ за его испытанную благонадежность. В том виде, в каком дошел до нас Страбон теперь, он интересен для нас, кроме отдельных более или менее исторически – ценных указаний замечаний в своей Географии, – особенно сообщениями из истории Сирии и Палестины (XVI, 2; 25–46, р. 758–765), опиравшимися вообще на источники истории до-Помпеевского времени, и, может быть, особенно на показаниях из Посидония, часто здесь цитируемого Страбоном (р. 750, 755, 757, 764). Что касается собственно исторических отрывков от другого труда Страбона, то собранные Müllerus'ом в Fragmenta hist. Graec., III, 490–494 – все они, особенно имеющие интерес для нашего предмета в количестве до 10, – заимствуются только из трудов Иосифа, кроме которого с трудом набираются лишь еще 5 менее важных отрывков у Плутарха, Тертуллиана и самого Страбона в «Географии». Не менее печально положение дел в рассуждении другого еще более использованного Иосифом писателя за после-библейское время, каков –

Николай Дамаскин (прибл. с 64 г. до Хр. – до?), известный советник и доверенный друг Ирода, написавший ἱστορίαν καθολικὴν ἐν βιβλίοις

οὐδοήκοντα⁵⁷⁷, καὶ τοῦ (βίου) Καίσαρος ἀγωγὴν... καὶ περὶ τοῦ ἰδίου βίου καὶ τῆς
 ἑαυτοῦ ἀγωγῆς⁵⁷⁸, а также – παραδόξων ἐθνῶν συναγωγὴ⁵⁷⁹, причем от всех этих
 трудов имеются также лишь незначительные фрагменты.⁵⁸⁰ А между тем, из
 отдельных указаний Иосифа и других свидетелей есть возможность составить
 ясное понятие о программе и размерах этого труда, бывшего в своем роде
 феноменом. Так, значительные фрагменты в извлечениях⁵⁸¹ Константина
 Порфирородного de virtutibus и de insidiis, все сделанные из 7 первых книг,
 указывают, что эти книги обнимали древнейшую историю Ассириян, Мидян,
 Греков, Мидян и Персов, до времен Креза и Кира. О 8–95 книгах ничего
 неизвестно. С 96-й книги доходят до нас фрагменты, сохраненные Иосифом и
 Афением. Определенно цитуются – 96, 103, 104, 107, 108, 110, 114, 116, 123 и
 124 книги; в последних двух (123–124) излагались переговоры, происходившие
 в 14 г. до Хр. пред Агриппой в Малой Азии о милостях тамошним Иудеям,
 причем Ирод и Николай выступали защитниками и ходатаями за Иудейские
 интересы.⁵⁸² В остальных 20 книгах, без сомнения, обнималась история
 следующих 10 лет до воцарения Архелая, 4 г. до Хр. эры. О степени влияния
 капитального труда Николая на Иосифа можно судить по тому, что он
 цитируется Иосифом уже для истории первобытного времени⁵⁸³, для истории
 Давида⁵⁸⁴ и Антиоха Епифана⁵⁸⁵, и, по аналогии с **значением**
 («заимствование») подобных же цитат в истории Ирода и истории Асмонеев,
 где Николай исчерпывается Иосифом наравне со сродным трудом
 Страбона⁵⁸⁶, не будет слишком смелым заключить, что и в более ранних
 случаях цитаты Иосифа не всегда имеют значение простых «указаний» на
 называемого автора, но более или менее сильно и «зависели» от него. Во
 всяком же случае по книгам XV–XVII (история Ирода) вполне очевидна
 чрезвычайная подробность Николая в значении источника Иосифа, и
 последний свидетельствует это не только массой красноречивых цитат⁵⁸⁷, но и
 заметным ослаблением связи и подробности при переходе от Ирода к началу
 воцарения Архелая, где ему, очевидно, уже не представлялось подобного
 подробного источника. Может быть, широкое поле, отведенное Иосифом
 Николаю в своем труде, способно ослабить и здесь сожаление об его утрате,
 но, с другой стороны, это же самое только более затрудняет решение историка
 о правоспособности Иосифа отнестись вполне разумно и критически к своему
 столь важному источнику. По крайней мере, всякий употребляющий в пособие
 Иосифа вынужден считаться со многими плодами этой его неосторожности и
 небрежности, когда известно, что – в общем весьма достоверный и
 обстоятельный писатель – Николай был, однако же, «советник» и
 приближеннейший «друг» Ирода, и, как такой, конечно, едва ли был способен
 с беспристрастной объективностью изложить события его времени. Так, по
 крайней мере, обнаруживается даже в местах влияния на Иосифа, который
 все же таки не был настолько слеп в отношении к Николаю, чтобы совершенно
 не знать опасности быть введенным в заблуждение его пристрастием и
 ошибками.⁵⁸⁸ Насколько эта опасность оправдалась (а это несомненно),
 иногда незаметно для самого Иосифа и каковы размеры вообще влияния
 Николая на Иосифа, по имеющимся ныне (147) отрывкам первого у Müllerus'a

судить трудно: нельзя не видеть только, что, при многочисленных почти дословных заимствованиях из Николая, Иосиф иногда и отличается от него, сокращая, дополняя или даже и повествуя об одном и том же совершенно иначе (срв. Müller. III, 353, пр. 18 и мн. др.).

Что касается, затем, **Тимагена**⁵⁸⁹, Азиния Поллиона и Гипсикрата⁵⁹⁰, цитируемых Иосифом из вторых рук (в местах Страбона), то первый (около второй ½ последнего века до Хр.) – «знаменитейший историк» по Quintilian'y⁵⁹¹ – от своих многочисленных⁵⁹² и ценных по учености и элегантной риторической форме⁵⁹³ трудов – оставил также жалкие отрывки, по которым едва можно судить о вышеуказанных достоинствах и содержательности его труда. Цитаты Иосифа с именем Тимагена, касающаяся истории Антиоха Епифана⁵⁹⁴, истории Иудейского царя Аристовула I⁵⁹⁵ и Александра Ианнея⁵⁹⁶, а еще менее собранные Müllerus'ом его (12) фрагменты⁵⁹⁷, не дают ясного представления о широте исследований этого историка, и едва ли уже Иосифу, цитирующему его в Страбоне, было доступно непосредственное знакомство с ним. Тем менее эти цитаты и фрагменты могут дать что-либо поучительное для более глубокого проникновения в подпольный механизм работы Иосифа.

Второй из этой триады историков – **Азиний Поллион**, – автор-участник и, след., лучший знаток «Истории междоусобной войны между Цезарем и Помпеем», в 17 книгах, (давших источник Плутарху⁵⁹⁸, Аппиану⁵⁹⁹ и др. в их трудах) – не оставил ничего важного даже в извлечениях другими товарищами по своей профессии. Не менее не посчастливилось и третьему – **Гипсикрату**, старшему современнику Страбона, сохранившего всего 2–3 заметки⁶⁰⁰ из своего коллеги, из коих одна, подхваченная Иосифом⁶⁰¹, касается египетского похода Цезаря и столь же маловажна для нас по своему значению, как и другие, собранные у Müllerus'a, его фрагменты.⁶⁰²

Столь же почти мало утешительные сведения можно дать о весьма важном для нас историке **Поливии** (около 167 г. до Хр.), который два раза точно указан и употреблен Иосифом⁶⁰³, и известен по мастерскому изображению постепенного развития Римского мировладычества в 40 книгах (от 220–146 до Хр.). Из всех книг только первые 5 сохранились полностью, двух совершенно недостает (17 и 40 последней), а от остальных сохранились более или менее значительные фрагменты⁶⁰⁴ (в сборнике Константина Порфирородного), между тем, как для нас были бы важны особенно последние 15 книг, начиная с XXVI, где впервые (с. 10)⁶⁰⁵ упоминается об Антиохе Епифане, и дается немало любопытного для его характеристики. Влияние Поливия на Иосифа в особенности сказывается при изложении событий 1-ой Маккавейской книги, к эпохе которой относятся обе его ссылки на имя Поливия, но несчастная судьба трудов последнего опять-таки и здесь оставляет критику безоружной для разоблачения степени этого влияния и для более обстоятельного представления хода событий. Все, что в настоящее время имеет для нас значение в Поливы, ограничивается почти только изложением войны из-за Коιλή-Сирии между Антиохом III Великим и Птолемеом Филадельфом – Полив. V, 31; 34; 40–41; 45 и д.; 49 и д.; 58, 60 и 61; 67–68; 82 и д.; XI, 34.

Непосредственный продолжатель Полибиевой истории, **Посидоний** – (около † 50 г. до Хр.), автор, по крайней мере, 52 книг⁶⁰⁶, часто цитируемых у Афеней, Страбона, Плутарха и др. под именем ἱστορίαι (приблизительно от 140 г.–90 г.)⁶⁰⁷, хотя Иосифом называется по имени всего один раз и только в труде κατὰ Ἀπρίωνος⁶⁰⁸, тем не менее, поскольку зависели от него Страбон и Николай – главные источники Иосифа, и поскольку вообще этот великий историк, подобно Поливию, стоял в высоком уважении позднейших историков, пользовавшихся ими⁶⁰⁹, как главными источниками для истории относящегося сюда времени, – постольку, разумеется, ту же дань зависимости и преклонения получал и от Иосифа. Впрочем, ни об этой зависимости, ни вообще о значении Посидония для нашего предмета, отрывки этого автора судить не дают возможности.⁶¹⁰

Но в лучшем положении находится историк в рассуждении **Диодора** и Трога Помпея (== Иустина), сродство с которыми Иосифа указывает если не на непосредственное влияние их на него, то во всяком случае на общность их источника в Посидонии, и не лишено – в силу этого – важного значения. Первый из названных авторов, современник Цезаря и Августа, оставил нам большой труд по универсальной истории всех времен и народов, названный им Βιβλιοθήκη – в 40 книгах, обнимающих период от древнейших времен до 60 г. до Хр. Из дошедших до нас книг (I-V первоистории Египта и Эфиопии, Ассириян и др. народов Востока, как и Греков, XI-XX – от начала 2-й персидской войны 480 г. до Хр. до истории преемников Александра Великого – 302 г. до Хр.) и фрагментов этого историка (уцелевших главным образом в сборниках Константина Порфирородного)⁶¹¹ – более заслуживают нашего внимания книги от XXIX-й, где, в 32 г. впервые упоминается ими Антиоха Епифана, но целостность и содержательность источника здесь-то в особенности и начинают оставлять желать лучшего.

Другой современник Августа, **Трог Помпей** – должен был быть весьма любопытным, и полезным для нас в своей универсальной истории, веденной им от Ninus'a до своего времени в 44 книгах, содержавших тщательно-обработанный по лучшим греческим источникам материал по истории Македонии и царств «Диадхов». От всего этого сокровища уцелели ныне только prologi и «извлечение» известного Иустина, настолько все же содержательное, что представляет для нас важный источник для истории Селевкидов.

Наконец, однажды только упомянутый Иосифом и, по-видимому, случайно – **Тит Ливий** (59 до-17 по Хр.) имеет известность как автор «Истории Римской» от основания Рима до смерти Друза (9 г. по Хр.) в 142 книгах. Этот капитальнейший труд, несмотря на то, что его отказываются назвать ученым, (написанным по источникам и умеющим сливать материалы в одно целое), по стройности и красоте изложения украсил автора вполне заслуженной славой одного из лучших историков древности. И, между тем, от, этого-то его сокровища (напомним, что наш Иосиф когда-то с честью слыл за «Тита Ливия Греков»), несомненно, схоронившего для нас вместе с собою весьма благодарный материал для критики и дополнения Иосифа, уцелело всего

только – первая, третья, четвертая декады и первая половина 5-ой (41–45 кн.)⁶¹², обнимающая годы 178–167 до Хр. и обрывающаяся как раз на том месте, где рассказ начинает приобретать для нас исключительную важность. То обстоятельство, что Полибий и Посидоний, продолжатель первого, в значительной степени входили в этого автора, дает право надеяться на значительную связь или зависимость от него и Иосифа, и, нет сомнения, ущерб для исследователей последнего и вообще для историографов Иудейского народа особенно велик от утраты Ливия.

Сюда можно отнести еще **Деллия**, автора совершенно утраченного труда о Парфянском походе Антония (41–36 до Хр.), в котором автор был участником⁶¹³, каковой труд был поэтому предпочтительным источником для последующих описателей этого события, а, значит, и для Иосифа, который действительно упоминает Деллия, хотя и не называет его историком, а лишь полководцем Антония.⁶¹⁴

Таким образом, мы привели в известность все, что по собственным указаниям, или только по более или менее очевидным и несомненным намекам, и соображениям, составляло и могло составлять материал для Археологии Иосифа, в последних отделах. Если допустить, что этот материал в его время не был в том жалком состоянии, в каком достался он нам теперь, то его, конечно, было вполне достаточно, чтобы написать и более удовлетворительный и содержательный труд, чем Иосифов. Если, затем, принять во внимание, что Иосиф писал свой труд в Риме, центре тогдашнего классического просвещения, и имел доступ во всякие склады, библиотеки и архивы, то мы и вправе требовать от него большего. По крайней мере, даже в наше, столь отдаленное время, можно еще указать такие материалы по предмету Иосифа, незнания которых если можно не ставить ему в вину⁶¹⁵, за то есть возможность во многом дополнять и исправлять ими Иосифа, столько же, как и тем, чем он не совсем умело пользовался.

Так, комплект греческих историков (Полибий, Диодор, Страбон) дополняется **Плутархом, Аппианом и Дионом Кассием**.

Первый (50–120 по Хр.) оставил нам свои любопытные и в высшей степени умело составленные **биографии** знаменитейших мужей Греции и Рима (βίοι παρόλληλοι), всего до 50, из коих для нас немаловажное значение имеют: Александр Вел., Красс, Помпей, Цезарь, Брут и Антоний.

Аппиан (современник Траяна, Адриана и Антонина Пия) сообщает нам **историю Рима** в 24 книгах, по особому этнографическому, а не обычному тогда синхронистическому методу, то есть рассматривает специально истории каждой в отдельности земли и народа, входивших тогда в состав всесветной монархии Рима, ведя таковую историю от первого соприкосновения Риму до полного их подчинения, коснувшись также коротенько и истории более ранних времен.⁶¹⁶ До настоящего времени от этих трудов дошли: от I-V и IX только отрывки, а сполна имеются: – VI – Ἱβηρική (т.е. ἱστορία), VII – Ἀννιβαική, VIII – Λιβυκή καὶ Καρχηδονική, XI – Συριακή καὶ Παρθική (последняя утрачена), XII – Μιθριδάτειος, XIII-XVII – Ἐμφύλια, (т.е. гражданская война), XXIII – Δακική или Ἰλλυρική.⁶¹⁷

Наконец, Дион Кассий (155 по Хр. – 229), доведший свой великий труд о Римской истории от прихода Энея в Латиум до 229 г. в 80 книгах – оставил от первых 34 книг только маленькие отрывки, – более значительные части от 35 и 36-й, затем 37–54 включительно – в совершенной целости, от войны Лукулла и Помпея с Митридатом до смерти Агриппы в 12 г. до Хр.; от 55-до 60 включительно – опять значительные отрывки, и от остальных 61–80 – только выработанный Ксифилином в XI ст. перечень (для первых 34 книг не достаёт даже и этого).

Из серии латинских писателей, кроме известных уже, более древних, Тита Ливия и Трога Помпея, в дополнение к ним должны быть присоединены **Цицерон**, **Тацит** и **Светоний**. Речи и письма первого (106–43 г.) дают богатейший материал и главный источник, можно сказать, своего времени, и особенно важны для истории Сирии⁶¹⁸ в период от 57–43 до Хр. Из исторических трудов второго (55 по Хр.-ок. 120) – кроме **«Летописей»**, дающих важнейший источник в 16–18 кн.⁶¹⁹ для времени Тиверия, Калигулы, Клавдия и Нерона и истории Сирии, весьма важна **История Тацита**, обнимающая в 14 книгах время Гальбы, Отона, Вителлия, Веспасиана, Тита и Домициана (68–96 г.), – от которой имеются ныне I–IV книги и часть V, от 68–70 г. Для нашей истории особенно интересна V, 1–13, где Тацит в немногих чертах даёт обзор истории Иудейского народа до войны Тита. Наконец, от **Светония** (современник Домициана, Траяна и Адриана) имеются «жизни 12 цезарей Римских» (*Vitae XII Imperatorum*), в числе конхъ (*Caesar, Augustus, Tiberius, Caligula, Claudius, Nero, Galba, Otho, Vitellius, Vespasianus, Titus, Domitianus*) выдаются, по важности сообщений, предпоследние две.

Нельзя также не упомянуть здесь о весьма важном памятнике того времени, стоящем по своему значению в ряду благодарных материалов для историка. Это – известный ***Monumentum Ancyranum***, начертание на медных досках важнейших дел правления Августа. Этот важный памятник, составляющий после Диона Кассия и Светония наши главные источники для истории Августа, сохранился благодаря особенно тому, что он в латинском тексте и греческом переводе, по завещанию самого Августа⁶²⁰, был замуравлен в Анкире Галатийском, в мраморной стене Августовского храма. Недостающее в латинском тексте здесь, за самыми незначительными пустотами, совершенно дополняется остатками греческого перевода, тем удобнее, что другой экземпляр последнего нашёлся также в Писидийском храме Аполлона, уцелев в важных отрывках.⁶²¹

Наконец, есть и собственные еврейские труды специально-исторического характера, заслуживающие упоминания и не бесполезные историку Иудейскому.

Таковы: 1) ***Megillath Taanith***. собственно «книга постов», роспись тех дней, в которые ради воспоминания радостных событий (особенно из времен Макк.) не должно поститься. Цитируется в *Mischna* (*Taanith* II, 8) и, кажется, редактирована в I ст. по Хр. Текст арамейский, позднее еврейский.

2) ***Seder Olam***, также *Seder Olam rabba*, изъяснение Библейской истории от Адама до Александра Великого, с единственной заметкой о позднейшем

времени. Цитируется в Талмуде и приписывается раввину Jose ben Chalephta (130–160 по Хр.).

3) **Megillath Antiochus** – краткая легендарная история ига Антиоха Епиф. и войны Асмонеев, из послеталмудического времени; исторически ничтожна.

4) **Josippon или Joseph ben Gorion**. Под этим именем существует на евр. яз. история Иудейского народа от Адама до разрушения храма Титом. Автор хочет слыть за древнего Иосифа, но называет себя, при этом, ложно Иосифом сыном Гориона и нередко столь забывает себя в этой роли, что прямо цитирует нашего Иосифа (Zunz стр. 150). Последний, однако, использован хотя и сильно, но и весьма свободно и эклектическим образом, при подмешивании многочисленного легендарного материала из других источников. По Zunz'у (150–152) этот труд появился в Италии в первой половине, X ст. по Хр.

Итак, мы обозрели теперь все, что могло давать Иосифу и дает теперь нам, кроме него, сведения по его предмету. Многое и важнейшее из того, что принесло бы здесь для нас неизмеримую пользу, безвозвратно утрачено. Остающееся представляет слишком мало данных, на основании изучения которых можно бы точно установить, насколько Иосиф самостоятелен или насколько он компилятивен, а главное – насколько он при этом объективен и обстоятелен. Ссылки его на других писателей, которые могли бы наводить нас на открытия в этих отношениях, в большинстве случаев приводят лишь к досадному сознанию полной беспомощности, в виду утраты его поручителей. В попытках установить, по крайней мере, возможность солидарности его с дошедшими до нас авторами, мы обезоруживаемся также тем, что сведения их по общему с Иосифом предмету крайне отрывочны, разбросаны и побочны по отношению к главным задачам их трудов, между тем как у Иосифа они должны были систематизироваться и объединяться в одно прагматическое повествование, а с другой стороны – все они в большинстве случаев не чужды предубеждений⁶²² и не надлежаще освещаются с узкой уже в силу самого своего универсализма точки зрения. Со стороны самого Иосифа положение современного историка по отношению к нему значительно затрудняется также и тем, что, начиная с эпохи Маккавеев, судьбы Иудеи приходят в близкое соприкосновение с вездесущими интересами Рима, который с этого времени уже начал затягивать в свои щупальца и маленькую Иудею, медленно, осторожно, но верно готовя ей одинаковый удел со всеми прочими жертвами своего всесветного властолюбия и эгоизма. Легко судить, как это должно было отражаться на работе Иосифа, положение которого (как римского перебежчика) создавало столь щекотливые затруднения при представлении этих эпох своей Отечественной истории и повело к столь невозможным и очевидным компромиссам в дальнейших частях его труда. Забвение этого условия неизбежно может сопровождаться важными заблуждениями и привлечь исследователя под тот самый суд, от которого история не может освободить Иосифа. Сведения, какие имеются о достоинстве историков того времени, залегших в основание Иосифа, по-видимому, мало могут помогать нам в данном случае для надлежащего суждения о достоинстве Иосифа и

вообще в суде над ним, над его исторической важностью, достоверностью и приемлемостью, оставляя широкое поле не столько документально обставленному процессу суда, сколько простым и – при беспочвенности со стороны этой документальности – не всегда надежным соображениям здравого смысла, не безуспешно, впрочем, уличающим иногда Иосифа в ошибках и недостойных искажениях действительного хода и смысла событий или освещения их. Не совсем безуспешно достигается эта же цель и при содействии параллельных Иосифу повествований того жалкого, сравнительно, материала, какому посчастливилось дожить до нас. Все это, таким образом, намечает и наилучший путь для изучения материала Иосифа: разбирая отдельными периодами его повествование, привлекая в свидетели и критерии его достоверности другие первоисточники (между которыми дошедшие до нас греческие и римские писатели, сверяющие, дополняющие и исправляющие его – занимают важнейшее место), мы попытаемся дать прагматически и критически обработанный *compendium* Иудейской истории по Иосифу в последних послебиблейских ее эпохах.

§ 26. Иоанн Гиркан I (135–104 г. до Хр.)

Арх. XIII, 8–10; περίάλωσ. I, 2. Mishna, Maaser scheni V, 15; Sota, IX, 10. Другие раввинские предания у Derenbourg, p. 70–82.

Счастливого избегание Иоанном несчастной участи своего отца и братьев – послужило своего рода зерном для развития дальнейших исторических судеб Иудейства и точкой отправления для повествования о них Иосифа. Судьбы эти до неразрывности тесно связывались теперь с судьбами династии Асмонеев, фактическим основателей которой, по справедливости, можно считать еще Ионафана⁶²³, хотя собственно основатель Асмонеической династии, как таковой, был тот момент⁶²⁴, когда брат и преемник Ионафана – Симон в 140 г. до. Хр. провозглашен от народа царем и первосвященником.⁶²⁵ Избыток сообщений, касающихся до правителей Иудейства за этот период и, так или иначе, соприкосновенных им лиц (сподвижников), доходит, с одной стороны, до мало нужных мелочностей их жизнедеятельности, а с другой – почти совершенно не углубляется в истории собственно Иудейства, как народа, тем более в смысле библейском. Собственно говоря, Иосиф уже давно порвал нить **такой** истории, если только он вообще сколько-нибудь способен был руководиться ею в воспроизведении пути Евреев ко временам Христа. Его история, начиная со второй половины XIII книги и до последних времен далеко не то, чего мы хотели бы желать от строго «Иудейской» истории, и еще менее – истории «Библейской» в собственном смысле, с именем которой мы привыкли соединять мысль о постепенном, при содействии Божьем, развитии духовной жизни Израиля, как народа Божьего, и всего человечества до исторически определенной готовности его «принять» Христа. Если такая история прежде всего должна быть особого рода синтезированным освещением фактов и результатов Иудейской истории, то, конечно, – чем сложнее и содержательнее была бы эта последняя, тем богатейший материал обеспечивался бы и для истории собственно Библейской, подобно тому как философия истории богаче и содержательнее при бóльшей сложности, содержательности исторических событий и повествований о них... Как ни малонадежно, однако, наше положение пред отправлением в область исторических сообщений Иосифа, перекидывающего мост от последней книги Ветхого Завета до первой Нового (Евангелия), мы должны, однако, с величайшей благодарностью воспользоваться и тем сравнительно немногим, что у него – и зачастую **только у него** – есть...

Получив печальное известие о гибели отца и братьев, Иоанн Гиркан⁶²⁶, бывший тогда наместником в Газаре, в силу признанной за домом Симона наследственной преемственности первосвященства и правительства, выступил, как законный этих прав наследник и провозгласил себя «первосвященником и князем народа». Если значение Симонова правления свелось, между прочим, к тому важному результату, что он, продолжая дело Ионафана, сделал Иудейский народ совершенно независимым от иноземного (сирийского) владычества⁶²⁷, то, бесспорно, наследие Гиркана следует

назвать счастливым. Он стал сразу во главе, провозглашенной политически самостоятельной – Иудеи и сумел, действительно, сдержать свое достоинство с честью. Первым делом (его было – отомстить Птолемею за убийство отца и за покушение на жизнь его самого, сделанное в видах устранения последнего претендента с пути к овладению Иерусалимским престолом. Птоломеем запоздал своим новым коварным происком и, когда подошел к городу, увидел его уже во власти Гиркана, предупрежденного вовремя о грозившей опасности, за сильной поддержкой народа, все симпатии которого были на стороне последнего. Вместо овладения Иерусалимом, Птоломеем оказался сам в опасной осаде в замке Дагон (близ Иерихона). Птоломеем ухитрился надолго затянуть эту осаду, побеждая Иоанна состраданием к матери и братьям, коих тиран, выводя на стену, начинал безжалостно терзать всякий раз, как воины Иоанновы делали приступы к крепости. Иосиф передает при этом трогательнейшую сцену, как мать Иоанна, замечая со стены медлительность сострадательного сына, умоляла его с распростертыми руками не щадить врага из-за одного только сожаления к ней. Но он не находил в себе и после этого – достаточно мужества выполнить свое предприятие, и наконец, «по случаю субботнего года» вынужден был и вовсе снять осаду. Лишив жизни мать и братьев Гиркана, варвар утек в Филадельфию.

В приведенном повествовании Иосифа об осаде Дагона маленькое недоразумение вызывает его замечание, что Иоанн вынужден был снять осаду «по случаю наступления субботнего года». Ἐνίσταται τὸ ἔτος ἐκεῖνο καθ'ὃ συμβαίνει τοῖς Ἰουδαίοις ἀργεῖν κατὰ δὲ ἑπτὰ ἔτη τοῦτο παρατηροῦσιν ὡς ἐν ταῖς ἐν ἑβδομάσιν ἡμέραις, Ἀρχ. XIII, 8, 1. В «περὶ ἀλώσεως» I, 2, 4, это замечание повторяется: ἐπέστη τὸ ἀργὸν ἔτος, ὃ κατὰ ἑπταετίαν ἀργεῖται παρὰ Ἰουδαίους ὁμοίως ταῖς ἑβδομάσιν ἡμέραις. Если припомнить, что смерть Симона Маккавея, согласно, между прочим, (1Мак.16:4), произошла в месяц Schebât 177 г. э. С., == нашему Февралю 135 г. до Хр., и что по более точным изысканиям⁶²⁸ субботний год должен был падать на ¹³⁶/₁₃₅ год, а не на ¹³⁵/₁₃₄, как требуется замечанием Иосифа, то нельзя не видеть, что Иосиф здесь требует поправки. Последняя должна быть начата уже с критики самого его выражения, где он мотивирует отступление Иоанна. Он выражается, что осада долженствовала быть снята, как скоро «наступил 7-ой год», который Иудеи, как седьмой день, праздновали полным от дел воздержанием. Так как известно из Пятонкижия, что на такое сопоставление Иосиф отнюдь не имел права, и что покой седьмого года вовсе не был покоем субботнего дня и требовал только лишь прекращения обработки полей (срв. особенно Лев.25:1–7), то, нет сомнения, в данном случае, списывая языческие источники, Иосиф позволил себе повторить лишь ошибочное мнение языческих писателей, выражение коего можно видеть у Тацита: *dein blandiente inertia septimum quoque annum ignaviae datum*.⁶²⁹ Чтобы исправить теперь эту его неосмотрительность, следует допустить, что действительным побуждением к снятию осады было не **наступление** субботнего года, но оказавшийся его **следствием** недостаток продовольствия.

Не успев выручить дорогих пленников и отмстить убийцам своего семейства, Иоанн сам подвергся мести со стороны Антиоха VII Благочестивого (Sidetes) за причиненные ему отцом Иоанна (– Симоном) бедствия. Антиох вторгся в Иудею, и забрав, по-видимому, несколько городов⁶³⁰, вынудил Иоанна запереться в Иерусалиме, обложив последний продолжительной осадой. Это было, по словам Иосифа в данном месте, в 4-й год царствования Антиоха, в 1-й Иоанна, и в 162-ю Олимпиаду, что, однако, явная несообразность. Если 4-й год Антиоха и 1-й Иоанна, действительно, совпадают (¹³⁵/₁₃₄ г.) то 162-я Олимпиада, обнимающая 132–129 включ. до Хр., никоим образом не прилагивается к этому совпадению. Затруднение это только еще более увеличивается сообщением Порфирия⁶³¹, о **взятии** Иерусалима Антиохом в 162, 3 Ол. == ¹³⁰/₁₂₉ до Хр. Примирение этих показаний, по мнению Schürer'a, было бы возможно только чрез предположение, что осада и война тянулась в продолжении 4 лет, в то время как Иосиф, по-видимому, дает основание считать её только свыше одного года, замечая, что с началом ее совпало захождение Плеяд, каковое падало на Ноябрь⁶³², и что осада еще не была снята, когда наступил праздник Сenniц, след. Октябрь.⁶³³ Хотя однолетнее обложение в истории того времени вовсе не редкость⁶³⁴, тем не менее шаткость источника не может без риска позволить заключить, что все описанные здесь события заняли один определенный год. Для устранения, поэтому, приведенной несообразности в показании Иосифа, нет особенного препятствия допустить, что в означенном показании у него соединены вместе и год начала осады Иерусалима, и год ее окончания. Для этого нет надобности даже и продлять время осады до 4 лет, если иметь ввиду, что 162-я Олимпиада начиналась всего чрез каких-нибудь 2 года от начала осады.

В истории самой осады характерно отношение Антиоха к осажденным, во время праздника Кущей. По просьбе Иоанна, Антиох соглашается на 7-дневное перемирие, и даже посылает в город великолепный жертвы, из почтения к Божеству Иудеев и для усугубления их праздничной радости. Тронутый этим великодушием Антиоха, внушенным, весьма возможно, памятью горького опыта Антиоха Епифана и, во всяком случае, заслужившим ему в истории наименование Благочестивого, Гиркан попросил у Антиоха мира и позволения жить по законам отечества, на что Антиох и согласился (несмотря на советы некоторых – истребить Иудеев, как народ своеобычный и замкнутый), наложив на Гиркана дань (500 тал.) и разрушив (собств. «сняв» – καθείλε) при уходе τὴν στεφάνην τῆς πόλεως.⁶³⁵ Что собственно разумеет под этим последним выражением, не ясно видно. Некоторые, как напр., – Winer⁶³⁶, Graetz⁶³⁷ хотели разумеать это не о разрушении всей стены, но только некоторых стенных украшений и надстроек (срв. Diodor. XXXIV, 1 Porphyg. у Евсев. Хрон. изд. Schoene, I, 255). Такое толкование, однако, является неточным при свидетельствах о том же Диодора и Порфирия, по которым, стены, во всяком случае, само собою были срыты, вследствие чего и в позднейшую заслугу Иоанна (1Мак.16:23) выставляется именно их восстановление. С другой стороны, есть основания полагать, что дело с

Антиохом отнюдь не кончилось более или менее легким повреждением стен и «отступною» в 500 талантов. Иосиф не говорит прямо, но в дальнейшем дает понять, что осада Иерусалима была завершением целого ряда успехов Антиохова оружия над другими городами и областями Иудеи. По крайней мере, так именно можно судить по постановлению Римского Сената, приводимому далее (Арх. XIII, 9, 2) Иосифом, где одним из условий «возобновления дружбы и союза, заключенного некогда с Римлянами, поставляется именно возвращение Иоппии с пристанью, Газары с источниками и других городов и мест, завоеванных Антиохом»⁶³⁸, с просьбой о чем, между прочим, и снаряжено было иудейское посольство в Рим. Таким образом, так как не легко допустить, чтобы Антиох при заключении мира за указанную дань отступил не только от осады Иерусалима, но и отказался от своих прав на другие завоеванные им города, то ненеосновательна догадка, что к такому выгодному для Иудеи заключении мира именно посодействовало вмешательство Рима. Правда, в данном месте Сенат, хотя и подписывает определение о возобновлении дружбы с послами Иудейскими, но на просьбы Иудеев медлит довести о своем решении особым указом до сведения Антиоха. Однако, в устранение этой трудности нет ничего невозможного принять, вместе с Schürer'ом⁶³⁹, что вслед за первым, могло состояться и второе посольство иудейское в Рим, которое и достигло желаемых результатов. И действительно, в дальнейшем Арх. XIV, 10, 21 находим у Иосифа декрет Пергамцов, где приводится постановление Римского Сената, имеющее прямое и очевидное отношение к данному случаю. Это особенно ясно из выраженного в упомянутом постановлении определения, чтобы царь «Антиох, сын Антиохов» (вместо сын Димитрия) возвратил все отнятые от Иудеев крепости, пристани, области, города, и чтобы вывел свои войска из Иоппии. Нет сомнения, что здесь разумеется именно Антиох VII Sidetes⁶⁴⁰, так как едва ли бы кто из слабых его преемников мог снова овладеть Иоппией после заключения мира; равным образом, относительно времени утверждения этого нового постановления, кажется, справедлива догадка, что оно должно было предшествовать и много способствовать заключению мира с Антиохом, – мира, во всяком случае после довольно-продолжительной войны.

Таким образом, война эта, во всяком случае, еще раз показала, что маленькое Иудейское государство в состоянии было оградить свою свободу от опасного сосуда только до тех пор, пока там не доставало предприимчивости. Достаточно одного натиска Антиоха VII, чтобы отвоеванная Симона свобода снова была потеряна Гирканом. И только к счастью для Иудеи эта потеря стоила меньших жертв, чем можно было ожидать.

Для уплаты дани, востребованной Антиохом, Иоанн вскрывает гробницу Давидову, и берет из нее 3.000 талантов⁶⁴¹, как находим в Арх. VII, 15, 3, между тем как в данном месте Арх. XIII, 8, 4 Иосиф только говорит, что Гиркан употреблял вырытые сокровища на содержание наемного войска.⁶⁴² Таким или иным путем, только наемные войска, с этого первого следа их употребления, вошли в обычай, и Иосиф несколько раз говорит о них далее.⁶⁴³

Между прочим, с этими войсками Иоанн, по заключении мира, сотовариществовал Антиоху в походе 128 г. на Нарвян⁶⁴⁴, хотя и не разделил участь его, состоявшую в потере большей части своего войска и самой жизни († 128 г. до Хр.). Насколько это, очевидно, вынужденное также зависимостью от Антиоха сотоварищество было искренне и близко, предоставляется судить по тому, что Гиркан тотчас же, как только «услышал» о смерти Антиоха, обращает свое орудие на оставшиеся беззащитными владения Антиоха, на глазах, так сказать, его слабого преемника Димитрия II⁶⁴⁵ спешит поживиться значительными областями на счет всех своих соседей, отвоевывает многие из Самарийских и Идумейских городов, (на востоке Мидаву, на севере – Сихем с горою Гаризим, на юге у Идумеев – Адору и Маренсу), заставив Идумеян принять обрезание и сделаться Иудеями «во второй раз», как замечает Иосиф.⁶⁴⁶ В это же время положен был конец и знаменитому Гаризимскому храму, просуществовавшему 200 лет.

Успехам завоевательной политики Иоанна, которая была продолжением таковой же Ионафана и Симона, (нося только еще более сверх-национальный характер от участия наемных войск) – много способствовала слабость Сирийского царства, исполненного за это время всевозможных раздоров, ссор и мятежей.⁶⁴⁷ Пользуясь особенно ссорами двух претендентов Антиоха VIII Гриппа (сын Димитрия II † 96) и Антиоха IX Кизического (сын Антиоха VII Sidetes'a) на единовластие в Сирии, Иоанн, снова чувствовавший себя со смертью Антиоха VII Sidetes – совершенно независимым от Сирии⁶⁴⁸, задумал, между прочим, нанести решительный удар Самарянам за исконные обиды Иудейским переселенцам, и – после годовой осады – разрушил до основания главное гнездо их – Самарию⁶⁴⁹, несмотря на двукратную попытку Антиоха IX Кизического выручить просивших его о том Самарян. К рассказу об этом событии Иосиф присовокупляет «нечто невероятное» (по словам его самого, παράδοξον δέ τι περὶ τοῦ Ἀρχιερέως Ὑρκάνου λέγεσθαι)... XIII, 10, 3) повествуемое о Гиркане, яко бы Сам Бог явился ему в день взятия Самарии, осаждавшейся его детьми (Антигоном и Аристовулом) и гласом возвестил ему о победе». О достоверности этого «невероятного» можно отчасти судить по тону самого Иосифа и по характеру этой легенды, нашедшей себе отражение в раввинистических произведениях.⁶⁵⁰

При громкой славе оружия Гирканова, правление его ознаменовалось редкостным благополучием Иудеев не только в пределах собственно Иудейских, но и в Александрии, Египте, Кипре и др. населенных ими областях. Сам Гиркан характеризуется Иосифом (в зависимости несомненно от Иудейских источников, возмечавших Иоанна, какова его «хроника»)⁶⁵¹, как один из благополучнейших правителей, получивший от Бога «три великие благодеяния: верховную власть над народом, первосвященство и дар пророчества или прозрения», иллюстрируемого предсказанием Гиркана о своих сыновьях, что они «недолго будут править народом» и вышеприведенным получением сверхъестественного извещения о судьбе Самарии. Нельзя не пожалеть, что для такого, во всяком случае, знаменитого главы Иудеев сообщения о внешнем и внутреннем состоянии Иудеи не могут

похвалиться разносторонностью и полнотой, особенно в последнем отношении. Иосиф Флавий здесь для нас столь же скуден, как и другие источники, и только для второй половины правления Иоанна он передает весьма важное в рассуждении внутренней политики Иоанна событие – разрыв с Фарисеями и переход на сторону Саддукеев. Выступая впервые здесь в столь деятельной роли на сцену истории над этими именами, обе поименованные партии вызывают на любопытные и весьма важные подробности о них Иосифа.

Принимая во внимание все, что говорит Иосиф в разных местах о Фарисеях, Саддукеях и Ессеях, мы попытаемся дать здесь хотя общую оценку столь важного материала, с которым должен знакомиться каждый историк и описатель этих достопамятных религиозных партий Иудейства.

Впервые краткое упоминание о религиозных «толках» Иосиф делает при описании деятельности первосвященника Ионафана, после рассказа о возобновлении им дружбы с Римом и Спартой, и прежде повествования об укреплении им Иерусалима после поражения Димитриевых полководцев.⁶⁵² Вообще, характер предшествующего и последующего этому случайному упоминанию таков, что совершенно не приложим для уяснения точного времени происхождения и почвы или подготовки религиозных движений, выродившихся в названные «толки», с их специфическими особенностями, и мало даже представляет данных на то, чтобы, по крайней мере, **хронологически** помещение заметки о толках отвечало их действительному появлению в это время. Заметка эта говорит только, что в то время **существовали** (ἦσαν) (а не появились) три различных между собою περὶ τῶν ἀνθρωπίνων πραγμάτων толка». Напрасно пытались бы мы вывести такие указания и из анализа их учения с соответствующими каждому толку особенностями. За то собственно относительно особенностей учения и воззрений каждого из указанных «толков» и исторических судеб последних сообщения Иосифа нельзя не признать важными.

Точкою соприкосновения между системами убеждений всех толков Иосиф полагает учение о судьбе, различая их таким образом, что Фарисеи допускали не безусловно вмешательство судьбы, Ессеи – безусловно, а Саддукеи – безусловно не допускали ее.⁶⁵³ При очевидной искусственности и предвзятости этого различия, находящего свое достаточное объяснение в тщеславном намерении Иосифа возвысить значение Иудейства в глазах такого философствующего народа, как греки, мы должны установить здесь более действительные отличительные особенности и раскрыть их истинный характер и значение каждой из указанных религиозных партий. Неудача попытки Иосифа навязать философский элемент отличительным особенностям учения Иудейских религиозных партий видна уже на термине его εἰσαρμένῃ. Правда, εἰσαρμένῃ Иосифа далеко не то, что «*fatum*» философии, как это видно из περὶ ἀλώσ. II, 8, 14, где Иосиф не Бога ей, а ее Богу подчиняет и сливает с Ним, говоря: φαρίσαιοι εἰσαρμένῃ καὶ θεῷ προσάπτουσι πάντα; но тем более выступает его неестественность и натяжка. И если освободить мысль Иосифа от этой чуждой ей оболочки, то получится в основе различия фарисейства и

саддукейства лишь воззрение на отношение человеческой свободы к воле Божьей, причем фарисеи были, по мысли Иосифа, тех убеждений, что за исключением греховных все действия человека возводятся к Богу, а саддукеи, наоборот, отказывали по всяком влиянии Его на дела и судьбы человеческие (XVIII, 1, 3 и XIII, 5, 9). Graetz (455 стр.) не безосновательно отвергает и в такой смягченной форме различие этих двух партий, находя более естественным полагать в основу различие не абстрактно-теоретическое, а конкретно-политическое, и совершенно справедливо замечает, что практические обнаружения каждой партии идут глубже в древность и выступают ярче отвлеченно-теоретических резюмирований и метафизических формулировок их учения, обязанных более синтезирующим способностям исследователей этих партий, чем самим их последователям. Мысль Graetz'a очень удобно помогает определить или, по крайней мере, выяснить время и почву самого зарождения названных партий, и нет сомнений, что поправка Иосифа в смысле Graetz'a самая необходимая и надежная. Она не только наилучшим образом оправдывает распространенное мнение о том, что фарисейство должно было быть прямым и естественным продолжением «Асидеев» (אֲסִידֵי – благочестивые), партии «православных» евреев⁶⁵⁴, в отличие от «нечестивых»⁶⁵⁵ и «беззаконных»⁶⁵⁶, т.е. евреев эллинизовавшихся до измены своей отцовской вере и обычаям, – но и наводит на более отдаленные и определенные основания, на которых развились эти два цветка после-пленного Иудейства. Подобно тому, как אֲסִידֵי, эти плотские родители peruschim, פְּרוּשִׁים (от פְּדִישׁ ? – воздержность, простота; по другим, от פְּדִישׁ, награда, ибо они служили ради награды, и в противность саддукеям верили в награды и наказания будущей жизни) в лице Jochanan'a упрекали (в одном древнем фрагменте)⁶⁵⁷ Асмонеев, что они «взыскали» человеческой помощи от Персов и чрез это некоторым образом усомнились в безграничном всемогуществе Божества, подпав суду Божественного слова: «проклят человек..., плоть избирающий себе в помощь и свое сердце от Бога отвращающий»; – подобно этому – и фарисейская партия явилась прежде всего олицетворением протеста против всяких дипломатических связей с язычниками, на какие в последнее время усиленно стала растрачиваться государственная мудрость правителей Иудейских под постоянным давлением затруднительных внешних обстоятельств, как некогда со стороны Сирии. Именно против этой государственной мудрости Graetz находит направленным фарисейский принцип, что всякое последствие, столько же как всякая неудача – единственно и всецело зависят от Бога, и человеческое участие здесь не при чем.⁶⁵⁸ Этот принцип, впрочем не был новым; новым здесь являлось только разве его приложение, вызванное новыми обстоятельствами и духом времени.

Если такова подпочва, на которой произрос соответствующий плод и если возникновение саддукейства так же предполагается возникновением фарисейства, как положительная электрическая энергия отрицательной, то естественно прийти к мысли, что той же самой почве обязана своим появлением и другая Иудейская партия.⁶⁵⁹ Graetz склонен даже считать именно ее более ранней и производящей, находя ее прародителей среди

Асмонеиских вождей-дипломатов, которые старались поддерживать свой престиж дружественными сношениями с соседними могущественными государствами и этим неизбежно открывали двери иноземному влиянию. То верно, конечно, что одна крайность неизбежно разрешается другой крайностью; тем не менее, нельзя не видеть, что подобное объяснение столь сложного явления столь простой причиной не способно удовлетворить вдумчивого исследователя. То обстоятельство, что сторонниками этой партии была Иудейская аристократия, что часто повторяет Иосиф⁶⁶⁰, во всяком случае говорит более о том, что она отличалась большей любовью к жизни, нежели – чтобы она держалась более здравых «асмонеистствующих» понятий на внешние сношения и была только «недоразумением» для фарисейства, пользовавшегося, кстати заметить, более симпатиями простого народа, особенно женщин. Впрочем, того сложного характера отношений, в каком мы видим эти партии позднее, конечно, могли достигнуть они лишь с течением времени, и такая или иная почва и толчок для их появления могла несколько не предопределять их будущего, как вообще бывает нередко в истории в подобных случаях. Таково в действительности главное различие двух противоположных и главных Иудейских партий по обстоятельствам самого их возникновения и по их основному характеру.

Другое различие Иосифом этих партий – по учению о возмездии после смерти и вытекающему отсюда учению о бессмертии души – едва ли подлежит исправлению в такой мере, в какой это находит возможным Graetz. Нет сомнения, что (фарисеи и саддукеи описываемого Иосифом времени были далеко не те, какими они стали после, и что Иосиф, различая их в разбираемом отношении, наделял тех и других такими чертами, который отражали на себе воззрения позднейшего времени. Но это не может быть поставлено в особенный недостаток Иосифу, и все исправление его в этом пункте можно без большого ущерба делу ограничить лишь оговоркой, в какое время фарисеи или саддукеи были такими, и в какое – иными, если только это может быть определено более или менее точно. Во всяком случае, нет никакого основания заподозривать компетентность свидетельства Евангелиста, что «саддукеи глаголют не быти воскресение, ни ангелам, ни духу» (Деян.23:8. Мк.12:12), и что такое учение должно было иметь последствием или причиной именно указываемые Иосифом отличительные эсхатологические воззрения, как у саддукеев, так и у прямо противоположных им фарисеев. Говоря прямо, фарисеи именно были последователями того учения, что «душа бессмертна, и что проводившие добродетельную или порочную жизнь, получают в послеземной жизни награждение или наказание – грешники в вечном заключении, а праведники в особой новой жизни, для которой они вновь воскреснут»⁶⁶¹; саддукеи отрицали все это, и, поставляя счастье здешней жизни в полную зависимость от самого человека (между прочим, путем исполнения закона), учили об уничтожении души его вместе с телом.

Наконец, нельзя отказать Иосифу в компетентности и верности различения фарисейства и саддукейства с морально-практической стороны, с

которой они прежде всего себя заявляли, особенно по их отношению к религиозным заповедям, не находящимся в Писании, который отрицались саддукеями, признававшими единственным и достаточным правилом жизни то только, что предлагает Писание, но пользовались уважением и обязательностью, наравне с Писанием, от фарисеев⁶⁶², проводивших с большим успехом и в народ свои неизвестные в законе Моисеевом, основанные на предании, правила внешней жизни. Может быть, это различие, как утверждает Graetz, не имело вначале того непримиримо оппозиционного характера, какой оно приняло после, выступив впервые в упомянутом инциденте при Иоанне Гиркане. Но неизбежность такого исхода намечалась уже самыми обстоятельствами появления той и другой партии. Если кровавое наступление на Иудейство со стороны эллинизма и Сирийского влияния вызвало к жизни фарисейство, как энергическую реакцию против отступления от закона и обычаев (равно также и ессейство), то крайность этой реакции, начавшей штемпелевать и обычай в качестве религиозной заповеди, вызвала саддукейство, как, с другой стороны, выступление этого и проведение на деле дало пищу – обреченному было к падению – фарисейству. Оппозиционный характер саддукейства по отношению к фарисейству здесь, впрочем, имел некоторую осмысленную определенность и сдержанную основательность. Он противостоял скрупулезной религиозности и щепетильности фарисейства без того, чтобы менее уважать Иудейство. Он протестовал усилению строгости закона не отрицанием последнего, а апелляцией к этому самому закону, и неимение другой определенной системы кроме Пятокнижия здесь было б.м. лучшим опровержением фарисейских предписаний. Объединяя все эти главные различия и находя их достаточными для характеристики обеих партий, Graetz устанавливает такое общее и существенно отличающее их определение. Первая (фарисейская) партия, исходя из религиозной точки зрения, в исключительную заботу Иудея поставляла религиозную целостность и неприкосновенность Иудейства, и этим критиковала все политические мероприятия, которые, по их воззрению, должны быть совершенно подчинены религиозным интересам. Вторая, исходя из точки зрения политической, ограничивала долг Иудея задачами временного благополучия Иудейского государства, предоставляя религии только ограниченное влияние на государственный строй. Лучшее обнаружение этих особенностей той и другой партии видим в их крайностях, когда саддукеи, все возводя к политическому принципу и оппозируя религиозному направлению, в конце концов выродились в людей совершенно безрелигиозных, а фарисеи, постоянно сталкиваясь в силу своего религиозного принципа с политическим направлением жизни и выступая врагами государственности и религиозными республиканцами (Галилеяне), дали, наконец, в своей последней стадии политический зилотизм. По численности фарисеи занимали первое место; при вступлении на царство Ирода, 6.000 из них отказали в присяге ему и кесарю. Меньше было саддукеев: это была, так сказать, привилегированная партия из высших классов, погрязавших в роскоши и удовольствиях; человеку бедному и труженику она была бы безумием. Влиятельнейшей и могущественнейшей

партией была, несомненно, фарисейская. Иосиф сохранил не мало достопамятных сведений об их могучем влиянии на среду. Это были своего рода «иезуиты» еврейского государства, казуистическим обхождением закона, при лицемерном исполнении его, умевшие все обращать к своей славе и положительно повелевавшие всем народом, у которого они находились в таком уважении, по словам Иосифа, что «хотя бы говорили что против царя и первосвященника, беспрепятственно им в том верили». Из неоднократных свидетельств самого Иосифа отлично видно, что это «хотя» не было допущением одной возможности – предположением, но было самой действительностью. Для правителей они были незаменимой поддержкой в их положении, когда те сумели привлечь их на свою сторону; в противном случае, они являлись против них постоянными агитаторами, тем более опасными, что не только всегда жили с народом и в народе, но и были в таком уважении у него. Временем их особенного владычества было царствование Александры, ловко воспользовавшейся их симпатиями и услугами для поддержания своей династии. Весьма выразительно заявили они себя также в правление Ирода, во всех смутных обстоятельствах жизни которого так или иначе непременно можно находить замешанными именно фарисеев, как нередко называет их прямо Иосиф.

Столь же энергично проводила в жизнь свои противоположные фарисейству стремления партия саддукеев. Их антиагитаторская деятельность по отношению к фарисеям была естественным противовесом фарисейскому влиянию на дела, и это-то особенно заставляло опираться на саддукейство всех тех правителей Иудейских, которые желали быть более самодержавными решителями народных судеб. Ирод доходил до крайностей в данном случае, предоставляя саддукеям даже первосвященническое достоинство, хотя нельзя не находить эту крайность вынужденным ответом на чудовищное агитаторство фарисеев.

Особняком от обеих этих партий стояло ессейство, **аскетическая партия** которую сам Иосиф по роду жизни уподобляет Пифагоровым последователям (Арх. XV, 10, 4, срв. περὶ ἁλώς. II. 8), но которая, впрочем, – нельзя не согласиться с Graetz'ем, и Frankel'ем, – едва ли могла происходить из этого чуждого ей источника, и едва ли не выродилась на той же почве, (ס'תלל), как и фарисейство, с которым она также имеет немало общего. Еще ближе к действительности поставить возникновение ессейства в связь с тем назорейским движением, которое, по Талмуду⁶⁶³ и другим источникам, дало массы последователей в после пленное время, с той характерной особенностью, что ессеи являлись назореями **на всю жизнь** (ס'לל ת'תל. Nasir. 4a) и с той строгостью, которая меркой общеобязательного совершенства поставляла для Иудея (народ священников) чистоту жизни высшего священнического сословия. Стремление сделать эту чистоту **постоянной** повело к удалению от брака, что, впрочем, едва ли составляло принцип ессейства, а не внушалось лишь, как избавляющее от усиленных забот по охранению строгой и постоянной чистоты.⁶⁶⁴ Более частными отличительными особенностями ессеев были: их обособленность в священно-действиях (не

приносили сами жертв в храме, хотя, как говорят авторы «Иудейских писем к Вольтеру» – «посылали туда оныя» I, 163), коммунизм, отшельническая жизнь, ежедневные омовения, общие трапезы при одинаковом образе жизни и какое-то особенное искусство, или способность врачевания, что Иосиф объясняет изучением «писаний древних»⁶⁶⁵, и даже дар пророчества⁶⁶⁶, достигаемый «постоянным упражнением в священных книгах, различных очищениях и изречениях пророческих».⁶⁶⁷ Первые из ессеев, упоминаемые Флавием⁶⁶⁸, жили около 110 г. до Р. Хр. не в удалении от общества, почему можно не без основания полагать, что первоначально это удаление не было особенностью партии и явилось лишь в позднейших стадиях ее развития. Только в βίος (2) Иосиф дает понять, что ессеи (коих он насчитывает до 4.000) жили в необитаемых местностях, причем его выражение κατὰ τὴν ἐρημίαν указывает, по-видимому, на определенную «Иудейскую» пустыню, а Плиний⁶⁶⁹, дополняя Иосифа, указывает, прямо местожительство ессеев на западе Мертвого моря, и именно в Енгадди. При своей замкнутости и отрешенности от мира, есseyство так же бесшумно оставило историческую арену, как бесшумно играло на ней свою скромную малозаметную роль, в то время как обе первые партии, взаимно исключая друг друга, хотели преобладать своим влиянием на среду во всех подходящих для сего случаях, и по самому существу своему не могли бы успокоиться на есseyски – безразличном и безжизненном нейтралитете.

Продолжим наш прерванный рассказ об инциденте второй половины Гирканова правления. Внешние поводы к разрыву с фарисеями у Иосифа и в Талмуде представлены одинаково. Однажды Гиркан (Иосиф называет его весьма любимым когда-то учеником фарисеев) в собрании фарисеев предложил последним указать в нем какую-либо погрешность или недостаток, мотивируя это желанием исправиться в своей слабости.⁶⁷⁰ Среди единогласно льстивых засвидетельствований Гиркановых добродетелей, раздался голос, противоположной крайности – голос одного сварливого фарисея (Елеазара), рекомендовавшего желавшему слышать истину и быть справедливым, чтобы он, как происшедший от невольницы (взятой в плен при Антиохе Епифане), отказался от первосвященства и удовольствовался одной светской властью. Иосиф называет это «ложью», которою оскорбился не только Гиркан, но и остальные фарисеи. Между тем, один из любимцев Гиркана, державшийся саддукейства (Ионафан), успел уверить правителя, что обида причинена ему не без общего одобрения всех фарисеев, в чем скоро убедился и сам Гиркан. Последствия этого инцидента, почерпнутого Иосифом из устного предания и носящего анекдотически-легендарный характер, были так или иначе очень неблагоприятны для фарисеев, но не столь благоприятны и для самого Гиркана. Наущаемый Ионафаном, он приблизил к себе саддукеев, и воздвиг жестокое гонение на фарисеев; но это возбудило к нему и его династии крайнюю ненависть всего народа, как известно, благоговевшего пред фарисеями, пока, наконец, Александра не отменила установившейся со времен Гиркана политики по отношению к фарисеям и не восстановила их свободу и влияние.

Соглашаясь с Иосифом, во всяком случае, на том, что правление такой даровитой личности, как Гиркан, не могло быть несчастливym для Иудеи, мы видим достаточное подтверждение этого уже в том, что она впервые после смерти Соломона увидела себя вновь в тех пределах, в каких была при названном царе, и надолго отдохнула от непрерывных и тяжких обид со стороны своих искони враждовавших соседей. Как кажется, это значение Гиркановых заслуг по достоинству должно было оцениться и потомством, и часто упоминаемая⁶⁷¹ Иосифом в числе великих «гробница первосвященника Иоанна» в окрестностях Иерусалима едва ли не была достойным памятником и данью признательности этому правителю со стороны народа.

§ 27. Аристовул I-й (104–103 до Хр.)

*Арх. XIII, 11; περίαλώσ. I, 8.*⁶⁷²

После Иоанна, скончавшегося в 104 г. до Р. Х. на 31 году своего правления, осталась супруга и 5 сыновей. Последняя воля почившего предназначила было правление вдове⁶⁷³, в то время как старший из сыновей – Иуда, носивший греческое имя Аристовула, должен был получить первосвященство. Но не довольствуясь этим, Аристовул пожелал наследовать все, что имел его отец, и не остановился пред самыми жестокими мерами для насыщения своею властолюбия. Дико представить, что главную свою соперницу – родную мать – этот, не столь достойный такого отца – сын, нашедший не недостойным своего унаследованного и кровью закрепленного величия – переменить звание «верховного правителя» на царское и первый из Асмонеев возложивший на себя венец царский, не позарился совестью заключить в темницу и уморить там голодной смертью, а братьев все время томил в узах, за исключением второго из них – Антигона, к которому он питал такое доверие и любовь, что делил с ним даже царскую власть. Скоро, однако, и этот впал в еще худшую участь, чем его братья. Толпы завистников оклеветали его пред Аристовулом в намерении самому овладеть верховной властью, и коварно подвели его под смертный удар. Трагические подробности об этом Иосифа дышат жизненной правдивостью и неподдельностью. Уступая злым наветам клеветников, Аристовул, придумывает испытание надежности своего брата и, послав последнему приглашение явиться к нему безоружным, приказывает между тем своему телохранителю убить Антигона, как только он завидит его в оружии. Ловкая перетасовка приглашения врагами несчастного юноши сделала то, что последний спокойно направился в покои брата блистая вооружением, и, конечно, вместо надежды угодить приглашавшему, встретил тотчас же гибель от меча, как посягатель на царскую особу. Напраслина этой жестокости не замедлила обнаружиться, и наказала бессердечного властолюбца столь страшными угрызениями совести, что он преждевременно сошел в могилу, процарствовав всего один только год.⁶⁷⁴ Политика пренебрежения к фарисейству, установившаяся в последнюю половину предшествующего царствования, была господствовавшей за все, хотя и кратковременное, продолжение царствования настоящего. Самое усвоение Аристовулом царского древнеизраильского титула, впервые после 381-летнего перерыва, было возможно, очевидно, лишь при указанном пренебрежении. Вообще относительно царской власти во Израиле фарисеи могли иметь только 2 представления: или Бог должен быть признаваем единственным законным Царем страны и тогда – ни о каком земном царе не могло быть и речи; или же оставалось признавать законным, возвеличенный пророками царский род Давида и в таком случае – царь из колена Левита, каков был Асмонеи Аристовул, не мог быть, очевидно, царем законным и желательным. Как кажется, вынужден был считаться с этой альтернативой и сам Аристовул, когда, не находя опоры для себя в этих воззрениях, почерпнутых из Св.

Писания, признавал уместным прилагать к своему имени царский титул только на греческом языке. Другая особенность правления Аристовула в связи с тем же общим духом его политика открывается в его отношении к греческой культуре, элементы которой, до сих пор сдерживаемые до насильственного подавления, выдвинулись опять с тем большею силою, особенно после устранения фарисеев при Иоанне Гиркане.

Могучая волна безудержного эллинизма настолько увлекала Аристовула, что он отличен наименованием φιλέλλην'a⁶⁷⁵, т.е. друга Греков, не оставаясь в долгу перед чем и историки греческие (Страбон, Тимаген и др.) характеризуют его, как «мужа благоразумного и много полезного Иудеям», ссылаясь, между прочим, на его Итурейские успехи. Впрочем, едва ли эллинофильство Аристовула и благосклонное отношение его к греческой культуре было новостью и исключительной привилегией Аристовула. Уже то обстоятельно, что его отец дает своим детям греческие имена (Ἀριστόβουλος⁶⁷⁶, Ἀντίγονος, Ἀλέξανδρος) показывает, что Аристовул шел лишь по дороге, проторенной его предшественником. Нельзя также не видеть, с другой стороны, и того, что самое эллинофильство отнюдь не препятствовало Иудейскому правителю оставаться или, по крайней мере, казаться простым Иудеем, как показывают особенно те же Итурейские завоевания Аристовула, сопровождавшиеся принуждением побежденных к обрезанию и принятию других Иудейских обычаев. Чтобы не преувеличивать, впрочем, успехов и размеров этого иудаизирования Аристовулом покоренных местностей, не надо забывать, что Иосиф говорит о покорении и иудаизировании не вообще «Итурей», а только «части» ее, вероятно, пограничной с Галилеей; и так как эта последняя до сих пор еще не входила целиком в область Иудейских владений⁶⁷⁷, и также оставалась более языческой, чем Иудейской, то надо полагать, что именно на Галилее должна была главным образом сосредоточиться иудаизирующая энергия Аристовула и чрез нее сделать успехи Аристовула на севере равнозначительными успехам Гиркана на юге.

Что касается выводимого некоторыми историками⁶⁷⁸, в виду благоприятных отзывов об Аристовуле греческих историков⁶⁷⁹, подозрения, что столь компрометирующая его свирепость по отношению к родственникам, была лишь выдумкой фарисеев, ненавидевших Аристовула, как саддукея и грекофила, то это подозрение не имеет оснований для веры в себя более, чем сообщение Иосифа, и предпочитать первое последнему было бы несправедливо уже потому, что греческие историки и вообще мало знают об обстоятельствах вступления Аристовула на престол и видимо относятся к нему не без пристрастия за его эллинофильство. Лучшим подтверждением этого, кажется, может служить некомпетентная заметка Страбона о том, что πρῶτος ἀνθ' ἱερέως ἀνέδειξεν αὐτὸν βασιλέα Ἀλέξανδρος⁶⁸⁰, хотя нельзя не отметить, что и Иосиф, относящий это к Аристовулу⁶⁸¹, имеет для себя конкуренцию в некоторых источниках⁶⁸², усвояющих уже Гиркану I царский титул в то время, когда он возобновлял союз с Римлянами, и оставляющих на долю первого лишь возложение диадемы, в унижение, притом,

священнического достоинства. Что здесь заслуживает большого вероятия и предпочтения, решить трудно.

§ 28. Александр – Ианней (103–76)

Арх. XIII, 12–15 гл.: περίαλωσ. I, 4. Derenbourg, раvv. пред. 95–102.

Как только умер Аристовул, супруга его Саломия (носившая также и греческое имя Александры) освободила от уз его братьев и вручила престол и первосвященство старейшему и способнейшему из них Ианнею, или Александру, одновременно с чем стала также и его женой.⁶⁸³ Иосифф рассказывает, что этот Ианней, с самого дня рождения, был в ненависти своего отца, и по самый конец жизни последнего не являлся ему на глаза, проживая в Галилее. На исключением сомнительности последнего – в виду того, что Галилея едва ли входила тогда в пределы Иудеи⁶⁸⁴, – можно не отказывать Иосиффу в достоверности самой этой опалы, не столь достоверную причину которой он указывает в откровении, бывшем Гиркану на вопрос, который из его любимых сыновей (Антигон или Аристовул) будет ему преемником, и назвавшем, вопреки ожиданию, Александра. Тотчас по возведении на престол, Александр заявляет себя, как государь жестокий, умертвив одного из своих братьев, заикнувшегося о своих претензиях на престол, и все его 26–27 летнее царствование протекает в постоянных междоусобных войнах с ненавидевшими его (за происхождение от невольницы) Иудеями, жестокое обращение с которыми, по справедливости, заслужило ему наименование Фракиды (губитель). При внутренней борьбе с собственными подданными, Александр затевал не всегда счастливые походы и на внешних своих врагов, сопровождавшиеся той же необузданной жестокостью и всякого рода эксцентричностью.

Мы не будем передавать здесь всех подробностей Иосиффа о внешней политике Ианнея, взятых им из Страбона, Тимагена и Николая, и важных для истории не столько Иудеи, сколько для враждовавших с Александром стран и правителей. Коснемся лишь более важного.

Придерживаясь, без сомнения, завоевательного характера прежних правителей, и пользуясь междоусобиями⁶⁸⁵ Антиохов – Гrippa (129–96 г.) и Кизического (128–95), Александр прежде всего задумал прибрать к рукам остававшиеся из приморских городов непокоренными – Птолемаиду и Газу с окрестностями, и осадил первый из них. Приглашенный на защиту обижаемых и оказавшейся в отношении к ним не более, не менее как в роли того же завоевателя, как и Александр, Птоломей Лафур, властитель острова Кипра, оттеснил своего соперника к его пределам и в решительной битве у реки Иордана⁶⁸⁶ нанес ему страшное поражение, после которого долго грабил и свирепствовал в окрестных местностях. Такая несчастная неудача Александра всю страну Иудейскую открыла наступательному движению Птолемея, и только благодаря тому, что Птоломей предпочел прежде направиться на Египет, где не доброжелательствовавшая ему мать (Клеопатра) затевала против него встречную кампанию, Иудея выиграла время избежать совершенного разорения. Заручившись солидарностью с Клеопатрою и пользуясь отступлением Птолемея к Газе, Александр поспешил вознаградить

свои неудачи и успел взять несколько Кили-Сирийских крепостей и приморских городов, в числе которых была и Газа (96 г. до Хр.), оставшаяся беззащитной после ухода Птолемея в Кипр.

Между тем, значительный переворот в делах Сирии в связи с домашними неурядицами создал новые затруднения и опасность для Александра. Антиох VIII Грипп, продержавшись на царстве 29 лет, при постоянной вражде с другим Антиохом IX Кизическим, скончался. Этот последний так же скоро сошел со сцены, пав от руки Селевка VI, сына Гриппова, который, в свою очередь, погиб, побежденный сыном своей жертвы – Антиохом X Благочестивым. Попытка брата Селевкова, Антиоха XI – свергнуть соперника стоила ему жизни, но два других брата – Филипп и Димитрий III Евкер покончили с ним⁶⁸⁷ и, разделив между собою власть, все-таки не водворили мира в давно жаждавшей его Сирии.

Как раз с этим последним переворотом в Сирии совпало в Иудее столкновение Александра с фарисеями и возбужденными ими Иудеями, глубочайшие основания для которого надо полагать в развитии вообще внутренних отношений со времени основания Асмонеи династии. Политика Асмонеев вообще шла в разрез с воззрениями и стремлениями фарисейства, и ставила себя к ним тем дальше, чем оно было упрямее. Не без злобы могли смотреть фарисеи, что такой грубый солдат, как Александр – их первосвященник и владыка, священнодействие которого во Святом Святых казалось просто – осквернением святыни, в виду особенно его сомнительного происхождения и полного отсутствия той мучительно-мелочной ревности, избыток которой фарисеи ставили мерилом добродетели. Как и следовало ожидать, открытое возмущение против Александра вспыхнуло во время совершения им Богослужения. В праздник Кущей, когда народ приходил в храм с пальмовыми и лимонными ветвями⁶⁸⁸, на первосвященника вдруг посыпался целый дождь лимонов в то самое время, когда он приближался к алтарю, чтобы совершить жертвоприношение, причем импровизаторы этого дождя, громко укоряя Александра за происхождение от невольницы, объявляли недостойным первосвященнического служения.⁶⁸⁹ Александр был не из тех, которые спокойно могли бы перенести эту обиду, и жертвами возмущения, от призванных им солдат, тут же пали до 6.000 человек. Ожесточение конечно, от этого только еще более усилилось и ждало лишь первого случая, чтобы прорваться наружу с новой силой. Случай этот скоро представился. Александр затеял новую войну с Аравийцами, и после одного несчастного сражения, едва избегая плена, прибежал в Иерусалим с позором. Шесть лет после этого (около 96–90 г.) он не мог подавить открытого недовольства Иудеев, и, двинув на них свои иноземные полки, положил костями до 50.000 своих подданных. Наконец, когда и это лишь более воспламенило ярость народа, он, истомленный борьбой, решил пойти на уступки, и, предлагая мир, спрашивал, что ему надлежит делать? Вместо всяких условий, толпа только дружно – искренне пожелала, чтобы он сам лишил себя жизни, и тотчас же призвала на помощь Димитрия III Евкера из Сирии, который и не замедлил нагрянуть на Александра со своим 43.000 войском (около 88 г. до Хр.), расположившись

станом близь Сихема. В происшедшем вскоре за сим сражении Александр потерял всех своих наемных воинов, и для дальнейших успехов Димитрий встретил препятствие, как кажется, только благодаря тому, что Иудеи опасность, угрожавшую от него, как Селевкида, нашли гораздо бóльшей, чем от национальной династии Асмонеев, лучше обеспечивавшей свободу Иудейского государства. Этим удобно объясняется благоприятный поворот дела на сторону Александра и замечание Иосифа, что после первого же поражения Александра 6.000 Иудеев «сжалились» над ним и, сплотившись около него, оттеснили Димитрия к своим пределам. Не сумев воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами, Александр занялся преследованием главных вожаков восстания и, поймав их в количестве 800 человек, расправился с ними самым варварским образом. Несчастные висели на крестах в то время, как это чудовище разнузданности и жестокости пировал на их виду со своими наложницами и избивал их жен и детей. Остальные мятежники, до 8.000 человек, спасли свою жизнь бегством за пределы отечества, и в Иудее водворилось нечто похожее на затишье, если не мир.

В Сирии тем временем известная династия Селевкидов переживала свою последнюю агонию, отозвавшуюся и на Иудее. Возвратившись из Иудеи после войны с Александром, Димитрий III поднял оружие против своего брата Филиппа и нашел смерть в плену у Парфян. Младший из пяти сынов Антиоха Гриппа – Антиох XII, которого Иосиф прозывает Дионисом, продолжил восстание, но погиб в походе на Аравию, который он затеял одновременно с восстанием на брата. По время этого Аравийского похода, который должен был идти чрез Иудейские пределы и вызвали столкновение Антиоха с Александром, неудачное для последнего, Антиох, последний из Селевкидов, погиб, и Сирийское соседство сменилось для Иудеи не менее беспокойным, когда в Кили-Сирии и Дамаске воцарился Аравийский царь (Наватейской династии) Арета III.⁶⁹⁰ Александр не замедлил испытать силу этого нового своего соседа, с трех сторон соприкасавшегося с Палестиной и (около Адиды) завязал с ним решительное сражение, которое и проиграл. К счастью, Арете не вскружила голову эта удача, и он ограничился мирным договором с побежденными, а Александр переправился за Иордан и к востоку от него три года (84–81) забавлял свою храбрость разрушением и иудаизированием⁶⁹¹ лежащими здесь городов, что утишило несколько недоброжелательство к нему Иудеев, так что он встречен был ими даже с торжеством, как славный продолжатель блестящих подвигов Иоанна Гиркана, далеко отодвинувший границы Иудейского государства за пределы, в которых оно было при том.⁶⁹²

Три последних года своей многмятежной жизни (81–78) Александр страдает последствиями непомерного пьянства, результатом чего была и самая смерть его, при осаде одной из за-Иорданских крепостей. Любопытен для характеристики его личности и царствования разговор, который перед смертью своей он вел со своей супругой. Когда эта неутешно оплакивала перед ним себя и детей, долженствовавших остаться беспомощными сиротами и наследовать ненависть к нему народа Иудейского, Александр дает ей совет – утаив его смерть от воинов до взятия крепости и явившись в

Иерусалим победительницей, обратиться к покровительству фарисеев, сделать их ближайшими советниками, а чрез них привлечь благосклонность и всего народа. Для лучшего успеха этого рискованного предприятия (так как фарисеи, с которыми предстояло иметь дело, разделяли общую ненависть к царю, по своим личным счетам с ним), Александр научает супругу выдать фарисеям его труп, как бы из желания доставить им возможность отомстить ему поруганием, – причем, Александра должна была обещать фарисеям ничего не предпринимать в свое царствование без их руководства. Уловка удалась как нельзя лучше. Польщенные фарисеи сделали даже больше, чем мог надеяться сам царь. Они тотчас – со свойственным им одним влиянием – огласили в народе великими дела Александровы, и похвалами его справедливости и истинно-царственным доблестям достигли того, что растроганный народ слезно оплакал его кончину и устроил ему похороны не хуже всех прежних царей.

§ 29. Александра (76–67)

Арх. XIII, 16; περίαλώσ. I, 5. Derenbourg, раввин. пред. 102–112.

Как бы ни понимать значение передаваемой Иосифом предсмертной беседы Александра с супругой, только фактом было то, что она была прямой противоположностью своего супруга в отношении к фарисеям и вообще в политике своего царствования. Тотчас по унаследовании от него престола, она, сделав старшего из своих сыновей – Гиркана II – первосвященником, как менее способного к правлению по своей вялости, и устраняя до времени от участия в правлении меньшего – Аристовула за его неумеренную, слишком напоминавшую отца, отважность, направила по масштабу Фарисеев все управление государством, восстановила отмененные свекром ее – Гирканом I древние фарисейские узаконения, и тем привлекла к себе любовь народа, как Богобоязненная правительница, по сердцу фарисеев. Это было время – цветущее для фарисейского владычества, и фарисейские предания прославляют его как «золотое время», в которое даже почва земли, как бы в награду за набожность царицы, отличалась каким-то чудесным плодородием.⁶⁹³ Но и нося одно только имя царицы, – между тем как вся власть была в руках фарисеев, Александра, в течение своего 9-летнего правления, сумела прославить себя заботливостью о благополучии и мире своих подданных, в рядах врагов которых оказались прежде всего покровительствуемые ею фарисеи. Придя в сознание своего могущества, они, как всегда бывает в подобных случаях, дали полную волю своим мстительным наклонностям и прежде всего, направили свою месть на ближайших сподвижников Александра. Кровавая резня не приняла широких размеров только благодаря тому, что несчастные жертвы фарисейского мщения обратились к покровительству Аристовула и вместе с ним сильными доводами убедили царицу – если не обуздать тиранию фарисеев (чего она, как видно, уже и не в силах была сделать), то, по крайней мере, препоручением крепостей гонимым, дать им возможность унести свои ноги подобру-поздорову из опасного для них Иерусалима. Более энергии и осторожности проявила Александра по отношению к окрестным владельцам и соседям Иудейского государства, которые – в расчете на слабость женского правления – не преминули по обыкновению попытаться воспользоваться плохо лежавшим и стали разыгрывать роль внешних врагов Иудеи. Главная опасность угрожала со стороны Сирии, где хозяйничал армянский царь Тигран, не скрывавший своих видов на Иудею. Отчасти мирным посольством от Александры с богатыми дарами, отчасти и гораздо более – пришедшим известием, что Римский полководец Лукулл опустошает царство самого Тиграна, вторжение последнего в Иудею было предупреждено, и мирное настроение страны осталось вполне ненарушенным. Вскоре после этого, Александру постигла опасная болезнь. Давно недовольный влиятельностью фарисеев и опасаясь продолжения ее, если престол наследует слабый и неспособный Гиркан, – Аристовул нашел в этом благоприятный случай для переворота в делах

Иудеи, и, став во главе недовольных фарисеями, быстро овладел 22-ю крепостями всюду, где только появлялся, провозглашаемый царем. Вся слабость почвы, на которой стояла Александра, не преминула обнаружиться в этом затруднении, которое напрасно бывшие временщики во главе с Гирканом старались разрешить у смертного одра царицы, представляя ей необходимость принять решительные меры. С полным достоинством отходящего в иной мир человека, царица отклонила все земные заботы, и, предоставив вопрошавшим делать то, что они сами заблагорассудят, имея в своем распоряжении силу народа, войско и казну, – скончалась, около 67 г. до Хр., на 73 году жизни.

§ 30. Аристовул II (67–63)

Арх. XIV, 1–4; περίάλωσ. I, 6–7. Derenbourg, 112–118.

Несмотря на значительные успехи Аристовула в попытке провести свою кандидатуру на наследие Александры, еще при жизни последней, это наследие признал за собой законным Гиркан, как старший сын почившей, уже и облеченный важнейшей половиной наследственных асмонеиских полномочий – саном первосвященства. Было ясно, между тем, что и Аристовул, после достигнутых уже им успехов, отнюдь, не найдет в себе охоты оставить свои планы. Братоубийственная война между детьми Александры с ее смертью являлась неизбежною. Звезда Асмонеи катилась к своему закату. В критический момент смерти царицы Аристовул выступил уже во всеоружии могущественного претендента на царский престол; войско и народ охотнее тянули в его сторону; не было никакого сомнения, что не сдобровать пред ним слабому и без характерному Гиркану. Так было и на самом деле: при первом же столкновении соперников при Иерихоне, войска Гиркана еще до сражения оставили своего вождя и ушли к его брату. Мир, заключенный после этого братьями, поставлял главным условием – военное предоставление Аристовулу царства и первосвященства, а Гиркану – обеспеченную, при полном невмешательстве в дела правления, жизнь в качестве «частного человека». Таким образом, Аристовул (II) вполне достиг своей цели и, устранив Гиркана, уже занимавшего первосвященническое место около 9 лет, сделался⁶⁹⁴, по обычаю царей – Асмонеи, царем-первосвященником.

Этот, совершившийся сравнительно без значительных бедствий, переворот мог обещать в дальнейшем все для благополучного процветания Иудеи, если бы не вмешалась в это дело недостойная агитация идумеянина Антипатра. Этот известный злой гений дальнейших судеб Иудеи (со времени Александра Ианнея бывший наместником Идумеи)⁶⁹⁵, ненавидя Аристовула, при котором терялось всякое значение его личности, успел подбить, хоть и не без труда, на бунт вялую и равнодушную натуру Гиркана, (при котором он, во всяком случае надеялся играть более видную, сильную роль) уверив его в смертельной опасности будто бы грозившей от брата, а также склонить в его пользу некоторых чиновников Иудейских, укоряя их, что допускают столь несправедливый обход и унижение законного наследника престола. Поддавшись наветам Антипатра, Гиркан, наконец, убегает к Арете, царю Аравийскому и, под условием возврата отнятых в прежние царствования 12 аравийских городов⁶⁹⁶, склоняет его изъять меч за права обиженного.

К несчастью, лишь только взвилось знамя бунта, поднятое Гирканом, как вслед за тем вспыхнуло восстание на Аристовула в самой Иудее. Оставленный почти всем народом после неудачного сражения с Аретой, Аристовул бежит в Иерусалим, и здесь, на горе храма, осаждается соединенными силами Аравийского и Иудейского войска, поддерживаемый лишь священниками, но оставленный всем городом. Из времени этой осады, длившейся неизвестно сколько времени, Иосиф передает несколько в высшей

степени характерных для тогдашней Иудейской набожности и правдоподобных подробностей.⁶⁹⁷ Одна из них – мученическая кончина некоего благочестивого мужа Онии, пользовавшегося особенным уважением за свою праведность, о чем свидетельствовало, между прочим, разрешение бездождия его молитвами.⁶⁹⁸ Как муж, голос которого почитался за откровение Самого Бога, он был приведен в Иудейский стан и принуждаем, как некогда Валаам, к проклятию Аристовула и его сообщников. Когда требования народа стали превозмогать голос здравого увещания, праведник встает посреди стана и возглашает следующую столь достойную человека праведного – молитву: «Боже, Царю вселенной! поскольку окружающие здесь меня суть народ Твой, но и осажденные во храме суть Твои же священники, – то молю Тебя: ни сих, во вред оным молящихся, ни тех, просящих сим у Тебя зла – да не услышишь!». Антибратоубийственная и примирительная идея этой молитвы, однако, не была по достоинству оценена и понята предстоявшими, и сам этот вдохновенно–находчивый молитвенник побит камнями, как прекрасное олицетворение тех лучших достояний, какие губило Иудейское царство в этом безрассудном братоубийстве. Следовавшие за сим события Иосиф приводит, между прочим, как Божье мщение за невинную кровь праведника. Нуждаясь в жертвенных животных по случаю праздника Пасхи⁶⁹⁹ и выторговав их за непомерно-высокую плату от осаждавших (1.000 драхм за штуку), осажденные были обмануты и не получили своих покупок по уплате за них цены.⁷⁰⁰ Тогда Сам Бог выступил с отмщением за столь дерзко поруганных. Страшная буря пронеслась над всей страной и произвела столь губительные опустошения плодов, что осаждавшие стали ощущать недостаток в продовольствии, платя за меру пшеницы по 11 драхм.⁷⁰¹ Из других источников это известие, все равно – принимать или нет его мистическое объяснение, дополняется сообщением о страшном землетрясении, бывшем в это время (690 г. Рима == 64: г.) в Азии, разрушившем много городов и приведшем в замешательство победоносные полки Митридата.⁷⁰²

Спор братьев решил римский полководец Помпей, воевавший в это время неподалеку, в Армении, против Тиграна (66–62 г.), – решил так, как только мог и имел обыкновение решать подобные вопросы Рим. В качестве третейского судьи, братья, поддерживаемые – каждый своей парией, обратились чрез своих послов к Скавру, отправленному Помпеем в Сирию (65 г.), склоняя его каждый в свою пользу обещанием богатых даров. Веря более в богатство и правоту Аристовула, а также находя более легким разогнать бунтовщиков, чем взять крепкий Иерусалим, Скавр склонился на сторону Аристовула и прежде всего потребовал, чтобы Арета оставил Иудейские области, «если не хочет быть врагом Риму». Это – в то время магическое словечко действительно тотчас же возымело должную силу: Арета и Гиркан удалились и, догнанные Аристовулом при местечке Папирон, потерпели сильное поражение, потеряв до 6.000 человек и в числе их Фалиона, брата Антипатрова. Это не было, однако, началом счастья и для Аристовула.

Опора на силу Рима и попытка упрочить себя на царстве под его поддержкой оказались равносильными формальному признанию протектората

Рима. Со стороны Иудеи это выступало не так заметно, хотя Помпей скоро и решительно вошел в новую роль Рима по отношению к Иудее. Едва только Помпей прибыл в Дамаск, как к нему потекли депутации со всей Сирии, Египта и Иудеи. В числе их Страбоном, как, узнаем из Иосифа, упоминаются и послы Аристовула, преподнесшие великому завоевателю золотую лозу (в 500 тал.), посвященную потом Помпеем храму Юпитера Капитолийского.⁷⁰³ Когда, независимо от этого, пред Помпеем предстали поверенные обоих братьев с ходатайствами за дело своих верителей (Антипатр от Гиркана и Никодим от Аристовула) и представители Иудейской аристократии с жалобами на того и другого за чрезмерное властолюбие и с просьбой о восстановлении древнего обычая управления священным сословием, Помпей не без самодовольства мог уверять себя, что принимает в этот момент в свои руки судьбы Иудеи и право распоряжаться ими по своему усмотрению. Он укоряет Аристовула за насильное устранение Гиркана, обещает все привести в порядок при личном прибытии в Иудею, и, когда Аристовул, сильно поколебленный в своих надеждах на Помпея, не выдержал, чтобы не взяться за оружие в защиту своих прав, Помпей, выступивший было на Наватеев, повернул к Иерусалиму и осадил его. Это дало толчок к крайнему обострению всех партий. В городе водворилось крайнее смятение и вражда партий: одни стояли на стороне Гиркана и не затруднялись открыть ворота города Помпею; другие⁷⁰⁴, защищая Аристовула, и слышать не хотели о сдаче, но укрепились на горе храма и решили держаться до последней крайности. Позиция этих последних не была из числа легких, и удобных для взятия. Природная прочность и неприступность ее увеличивалась окружавшими ее глубокими рвами и крепкими стенами, которые, по выражению Тацита⁷⁰⁵, казалось – были воздвигнуты в предчувствии той ненависти, какую впоследствии нравы и обычаи Евреев внушили соседним народам, и теперь с успехом посмеивались самым большим стенобитным машинам Римлян. Три месяца длились их безуспешные попытки прорваться в крепость, и, только воспользовавшись строгим соблюдением покоя осажденными в один из праздников Иудейских, Римлянам удалось пододвинуть ближе осадные машины и пробить брешь в стене. Началось тотчас же страшное кровопролитие, не вызываемое никаким сопротивлением несчастных. Священники погибали у жертвенного алтаря, от которого ничуть не отрывал их страх пред варварами. Не менее 12.000 Иудеев легли трупами у подножия своей святыни, как трогательная жертва верности уставам Иеговы. Это произошло, по словам Иосифа, в 3-ий месяц, т.е. осады⁷⁰⁶ 2-го года 179-ой Олимпиады, в консульство Цицерона, и именно за 63 г. до Хр. – в τῇ τῆς νηστείας ἡμέρᾳ, т.е. в день поста. Мы должны здесь остановиться на уяснении этого Иосифова замечания, которому посчастливилось привести в смущение не мало перьев. Главное затруднение при установке большей точности этой даты возникает из сопоставления Иосифа, между прочим, с замечанием Диона Кассия, а также Страбона, Тацита и др., относивших взятие города на «субботу»: ἐν τῇ τοῦ χρόνου ἡμέρᾳ.⁷⁰⁷ Спрашивается, что это была за **суббота**, в которую Иудеи **постились**? Одни (между прочим Sanclemente)⁷⁰⁸ полагали здесь совпадение ее с 23 числом месяца Siwan, когда все благочестивые

раввины соблюдали пост. Друге, считая третий месяц от Tischri, находили более правдоподобным совпадение субботы с 28 числом Хислева, в которое как думает (Usser ad an. 3940) Иудеи постились. Скалигер и Казобон хотя лучше изменить самый образ чтения – τετάρτον вместо τρίτον, и навязывают Иудеям пост в м. Фамус.⁷⁰⁹ Basnage считает за невозможное развязать этот узел без меча и готов выскребывать вовсе «третий месяц» из данного места Иосифа, как вставку.⁷¹⁰ Jost не находит ничего лучше, как предоставить это произволу каждого, и, как образчик подобного произвола, относит день поста на 10-е Tischri.⁷¹¹ Herzfeld⁷¹² делает догадку, что замечание о дне поста следует отнести к невнимательной компиляции Иосифом языческих источников⁷¹³, которые допускали здесь ошибочное представление вообще греко-римского мира, что суббота Иудеев был день постный.⁷¹⁴ Это действительно возможно в виду особенно известного места Страбона из его исторического труда, цитируемого Иосифом Арх. XIV, 4, 3 и имеющего свою параллель в Географии Страбона XVI, 2, 40, 763: κατελάβετο (Πομπήϊος) δ' ὥς φασί, τηρήσας τὴν τῆς νηστείας ἡμέραν, ἥνικα ἀπείχοντο οἱ Ἰουδαῖοι παντὸς ἔργου.

Между всеми этими затруднениями одно несомненно прежде всего, что «третий месяц» Иосифа здесь не третий месяц от начала года, будь то греческий или иудейский, или еще какой, как многие упустили из вида, строя на этом свои фантастичные выводы, а «третий месяц» от «начала осады», как ясно видно из параллельных мест самого Иосифа. Другая несомненность, подтверждающая первую, здесь та, что взятие города должно было падать на глубокую осень, иначе нет возможности поместить в более коротком промежутке длинный ряд событий между наступлением Помпея⁷¹⁵ – (весной 63 г.) и завоеванием города, и, во всяком случае, не в июне, как, полагают Grätz⁷¹⁶ и Hitzig⁷¹⁷, вводясь в заблуждение указанной недомолвкой Иосифа при «третьем месяце», каковой они считают от начала еврейского года. Принимая во внимание все это, можно остановиться с наибольшей вероятностью на предположении, что первое падение Иерусалима под оружием Римлян было именно 10-го Tischri (== Октября) 63 года, Иойм Кинур, т.е. день очищения, строгий пост, и, между прочим, около 10 часов утра этого дня, когда должна была задымиться очистительная жертва.

Таким образом, к ногам гордого Римского полководца, к которым столь многие цари положили свои короны, склонил свою маститую главу и св. город, подкрепив этим падением права Рима на владычество, полное кровавых страниц. Вступив в город, Помпей вошел в храм и даже во Св. Святых. Соблюдая ли честь благородного Римлянина, или опасаясь Иудеев, он не коснулся при этом ни одной из драгоценностей и священных предметов храма⁷¹⁸, несмотря на их богатство, дал возможность беспрепятственного отправления в нем Богослужений, и, наказав предводителей крамолы, оставил первосвященником Гиркана (второй раз 63–40 г.), а Иудею объявил данницею Рима.⁷¹⁹ Царское правление, бывшее до сих пор наследственным полномочием первосвященника, было упразднено и вместо него, окончательно ко времени Габиния, установилось правление народное под непосредственным контролем Рима, причем – для удобства – Иудея, сильно

урезанная в своих пределах, была раздроблена на 5 участков, (с центральными пунктами – Иерусалим, Гадара, Амафунт, Иерихон и Самфора) – каждый со своим представителем для решения возникавших внутри его дел, а урезанные части Иудеи⁷²⁰ отчислены к вновь учрежденной римской провинции Сирии, на прокураторах коей ближайшим образом и лежала обязанность поддерживать это новое status quo, столь различно понимаемое последующими историками. Едва ли, однако, можно согласиться с некоторыми, что с этого именно времени надо считать обращение Иудеи в римскую провинцию. Правда, к такому предположению не мало побуждают двусмысленные выражения описателей дел Помпея, как-то – Сигония⁷²¹, Аммиана Марцеллина⁷²² и Цицерона⁷²³, но достаточный перевес всем этим двусмысленностям дается уже в V кн. истории Тацита, подтверждающей, что Иудея сделалась одной из областей великой империи уже впоследствии, – мнение, высказываемое и Иосифом.⁷²⁴

Упорядочив так или иначе все дела в Палестине, Помпей отправился в Рим торжествовать свой триумф (61 г.). «Гвоздем» этого, блестяще удавшегося, триумфа, так сказать, был Аристовул со своими детьми (2 дочери и сын Антигон, – Александр же бежал с пути), шедшие в числе множества других знатнейших пленников пред колесницей триумфатора.⁷²⁵ Это было, таким образом, с другой стороны, не иное что как своего рода торжественные похороны свободы Иудейского народа, загубленной после 80-летнего (считая от 142) процветания – смертельной враждой последних отраслей доблестной Маккавейской фамилии. Правда, Помпей был слишком благоразумен и осторожен, чтобы решиться сразу изменять существенно внутренний строй страны, и оставил ей, в лице первосвященника Гиркана II, неприкосновенным ее иерархическое устройство. Но этот первосвященник уже выступает как вассал Рима, и независимость народа не простирается далее этой милости. Что же касается последующей судьбы Палестины, ставшей вскоре достоянием римского орла, – (того орла, из сильных когтей которого, державших столь многие народы, еще не ускользала ни одна жертва), – то как бы ни находили (что было в интересах особенно Иосифа) благодетельной и достойной похвалы – опеку над нею «могущественной и столь способной к управлению народами» – руки Рима, нет надобности и возможности смягчать тот исторический результат, к которому вполне естественно привела Иудею эта опека. Результат этот, подготовлявшийся длинным непрерывным рядом сцен самого холодно-эгоистичного железного гнета алчной Римской руки – полное исчезновение с исторической сцены Иудейства, как политического общества.

§ 31. Гиркан II (63–40) == Антипатр, Фасаил и Ирод

Арх. XIV, 5–13; περίάλωσ. I, 8–13.

При крайней скудости и неясности источников трудно дать вполне обстоятельный отчет относительно состояния Палестины за последующее время. То обстоятельство, что Иосиф несколько далее упоминает в числе мероприятий Габиния расчленение Палестины на 5 округов, освободившее страну «от владычества одного» (ἀσμένως δὲ τῆς ἑξ ἑνὸς ἐπικρατείας ἐλευθερωθέντες τὸ λοιπὸν ἀριστοκρατίᾳ διωρκοῦντο, περὶ ἀλώσ. I, 8, 5) – по-видимому, дает основание утверждать, что страна, обложенная данью и подчиненная ведению наместников Сирийских, на первых порах фактически не терпела существенного изменения в своем строе. Из всей последующей истории Аркана ясно открывается даже, что он оставался некоторое время на верху управления страной со всеми полномочиями светской власти, хотя и не называется более царем, как ясно говорить Иосиф.⁷²⁶

Спокойствие края, однако, восстановилось не прежде, чем новизна административного строя и положения Иудеи вызвала и выдержала против себя несколько консервативных попыток. Одну и первую из таких попыток обнаружил сын Аристовула – Александр, который вместе с отцом и другими пленниками был веден Помпеем в Рим, для пополнения триумфального шествия героя, но бежал с пути и успел взбунтовать Иудеев (57 г.). Несмотря на значительные размеры, до каких в короткое время беглец успел довести восстание, он потерпел поражение от Римского военачальника Габиния (близ Иерусалима), и Иудея не испытала на сей раз большого несчастья лишь благодаря матери Александра, которая, всячески стараясь угождать Римлянам, имевшим у себя пленниками ее детей и мужа, упростила Габиния удовлетвориться раскаянием Александра. Собственно, для Иудеи это было поводом лишь к вышеуказанному изменению в политическом отношении, т.е., к расчленению на 5 округов и ограничению полномочий Гиркана лишь заботами по храму, в каковом положении дела оставались вплоть до выступления Цезаря.

Вскоре после этого пример сына повторил его отец. Убежав из Рима с другим сыном-Антигоном в Иудею, он быстро привлек на свою сторону бывших подданных и после некоторых неудач заперся в крепости Махерунт (56 г.). Здесь, как в ловушке, он попался в руки Римлян и, водворенный опять в Риме, томился там в узах до Цезаря.⁷²⁷ Наконец, последнюю и самую отчаянную попытку в том же роде повторил еще раз Александр (сын Аристовула). Пользуясь отлучкой Габиния в Египет, он с 30.000 армией поднятых им повстанцев (55 г.) ходил по всей Иудее, избивая Римлян и возбуждая всюду против них Иудеев, пока вернувшийся Габиний не разбил его при горе Итавирион, восстановив status quo.

Оставленный Габинием на своем месте (проконсулом Сирии) пред уходом в Рим – Красс (54 г.) немало причинил зла, между прочим, своим корыстолюбием и грабительством. Не довольствуясь ценными подарками

хранителя свящ. сокровищ – свящ. Елеазара, думавшего предостеречь ими от его алчных поползновений прочие сокровища, этот Красс, вопреки данной Елеазару клятве, простер руку свою на все, чего благоразумно остерегся касаться и Помпей. К счастью для Иудеи, этот хищник погиб на другой же год своего проконсульства в походе на Парфян. Мысль о чрезвычайных богатствах храма в то время Иосиф подтверждает ценными сообщениями относительно Иудеев рассеяния, свидетельствуя их весьма внимательное отношение к отечественной святыне и знакомя вообще с положением и организацией рассеянных. Пособием при сообщении этих известий ему служит, между прочим, Страбон. Важны прежде всего указания на размеры рассеяния. По свидетельству Страбона, приводимому Иосифом, «в целом свете едва ли можно найти место, где бы сколько-нибудь не обитало сего народа» (Иудеев). Иосиф выражается о них – «живущие по всей вселенной Иудеи», или называет их «народом нашим, который обитал во всех концах вселенной». Тот же Страбон, свидетельствуя, что Иудеи населяют почти вей города», сохранил (у Иосифа) компетентное известие и об их положении в оных. Так, при описании города Киринеев, он говорит о разделении жителей оного на 4 класса: граждан (πολιτῶν), земледельцев (γεωργῶν), поселенцев (μετοίκων) и Иудеев (Ιουδαίων). При этом, последним допускалось содержать беспрепятственно свои Иудейские обряды и жить по своим законам. В более населенных городах им отводилась особая часть, и такая часть, напр., в Александрии Египетской по своим размерам названа Страбоном «великой». Они имели тут собственного народоначальника (ἐθνάρχης), который безапелляционно управлял своими единоплеменниками, решал их тяжбы и представлял их «не иначе, как бы был начальник самовластного общества».

При столь благоприятных условиях жизни и, в особенности, при чрезвычайной предприимчивости еврейского характера, – нет ничего удивительного, что Иудеев рассеяния видим около этого времени весьма много, и что они существовали не только вполне безбедно, довольные своей долей, но и от избытка своего могли оказывать большую поддержку постоянно разоряемому и опустошаемому Иерусалимскому храму. Эта поддержка была тем действительнее и шире, что она имела правильную постановку, благодаря введению систематически-упорядоченных сборов и общественных казнохранилищ. Об одном из таких казнохранилищ Страбон делает упоминание, говоря о 800 талантах, сберегавшихся Иудеями на острове Ко и захваченных Митридатом. Остановившись на этом замечании Страбона и свидетельствуя, что у Иудеев нет другой общенародной казны, кроме посвящаемой Богу, Иосиф объясняет назначение этих денег всесветным обычаем Иудеев (в данном случае – Азийских) жертвовать на нужды не забываемого ими Иерусалимского храма. Это свидетельство весьма пригодно не только для подтверждения мысли о чрезвычайных богатствах Иерусалимского храма, но и для объяснения того, почему он так часто обращал на себя такое внимание искавших добычи завоевателей, и так быстро поправлялся после частых погромов вроде Крассовского.

В неудачном сражении Александра с Римлянами при г. Итавирион (Фавор) была разбита, можно сказать, последняя надежда национального претендента на Иудейский престол. В непродолжительном времени все царское племя было уничтожено или незаметно перешло в лиц частного состояния. Аристовул, отправленный было Цезарем⁷²⁸, по освобождении от уз в Сирию с 2 легионами и с полномочиями самой широкой власти, погиб со своими надеждами еще на пути, отравленный ядом. Александр, сын его, умерщвлен, по повелению Помпея, как человек подозрительный для его интересов в Антиохии. Антигон, другой сын Аристовула, и дочери его взяты были Птоломеем, владельцем города Халкиды (при подошве горы Ливана) от их матери (жены Аристовула), проживавшей в Аскалоне. Одна из этих дочерей, Александра, вышла за Филиппиона, сына Птолемея; но потом отец умертвил своего сына и, женившись сам на Александре, взял под свою опеку близких ее. Среди всех этих напастей на Асмонеюскую фамилию, только Гиркан пока своею забитостью и вялостью в это тревожное время (49–30) оставался в покое, как безопасный для всех, и даже высидел благоприятный момент упрочить свое положение засвидетельствованием своей преданности Цезарю, особенно после одоления им своих врагов.⁷²⁹ Но и этот потухавший отблеск звезды Асмонеев уже был бессилен предотвратить удар, занесенный над когда-то славной династией. Он совершенно стушевывался за личность своего пронырливого друга, Идумейского наместника Антипатра, ловчее всех сумевшего воспользоваться запутанными обстоятельствами того времени и показать себя главным услужником Риму и печальником за полу-чуждый ему народ Иудейский. На небосклоне иудейском занималось новое явление, которое не столько приличествовало бы уподобить проблескам новой восходящей звезды, сколько зловещему зареву всеуничтожающего бедствия. Таковым именно было – возвышение фамилии Антипатра и выступление в качестве царствующей – династии его сына Ирода.

Дальнейшие сведения по политической истории Иудейства у Иосифа на этом основании формируются в своего рода очерк развития Антипатровой фамилии до последних судеб фамилии Асмонеев, – в лице Гиркана продолжавшей некоторое время принимать в вершении судеб Иудейства более или менее активное участие.

Первое упоминание имени Антипатра на ряду с именем Гиркана встречаем с самого начала правления последнего. Он был, по словам Иосифа, отменный приятель Гиркана, и, как натура пронырливая и ловкая, во всех выдающихся обстоятельствах его жизни является его «правой рукой», а точнее – самой беззастенчивой узурпацией его полномочий и слепого доверия. Он подбивает Гиркана на бунт против ненавистного ему Аристовула, и сам со своим братом Фаллионом дерется за него в войсках Ареты. Он парламентирует, по некоторым известиям, при осаде Аретой Иерусалима⁷³⁰, и, между прочим, умудряется посоветовать послать осажденным **свинью**, вместо закупленных ими жертвенных животных. Он отправляется к Помпею с дарами от Гиркана и с жалобами на Аристовула и даже на корыстолюбивых наместников Сирии (Габиния и Скавра), и наущает

тысячи знатнейших Иудеев к неблагоприятному отзыву пред тем же Помпеем о «жестоком и склонном к возмущениям» (βίαιος καὶ ταραχώδης) духе Аристовула. Он, благоугождая Скавру и заискивая его расположение не менее, чем уполномочивший его на то Гиркан, помогает ему припасами в войне с тем самым Аретою (IV), который сражался за них же против Аристовула. Подобную же помощь – житом, оружием и деньгами – оказывает он Габинию в походе против Архелая (Египетского), привлекает на его сторону Пелузийских Иудеев, прикрывавших дорогу в Египет, умиряет силою убеждения загоревшийся в отсутствие Габиния мятеж в Сирии (бунт Александра), и заставляет Габиния при «учреждении всего в Иерусалиме» прислушиваться и сообразоваться с желаниями Антипатра. С той же ревностью постарался выставить свои заслуги Антипатр во время Египетского похода Цезаря. Заручившись увещательными грамотами Гиркана к Египетским Иудеям (в Ониинской области)⁷³¹, Антипатр без труда склоняет их на доброжелательство Цезарю и на помощь его войскам продовольствием и др. военными надобностями, в то время как и сам присоединяет к легионам Цезаря 3.000-ную⁷³² иудейскую пехоту (вскоре же, между прочим, отличившуюся в вырубке Митридата, союзника Цезарева) и увлекает своим примером Аравийских и др. мелких азиатских владельцев, грозивших быть опасными партизанами.

Ближайшие следствия такого «послужного списка» не замедлили обнаружиться сейчас же по окончании войны Цезаря. Гиркан получил столь мало говорящее «подтверждение» в достоинстве первосвященника, в то время как Антипатр пожалован правом Римского гражданина и почетной независимостью. Последовавшее вскоре за тем выступление Антигона (меньшего сына Аристовула) пред Цезарем, с жалобами на лишение отцовского наследия и постоянные обиды, только дает повод к новым милостям для обвиняемых. Блестящее оправдание, принесенное тут же со стороны Антипатра, с избытком удовлетворяет пристрастного судью: Антипатру предоставляется выбрать вместо наказания власть, какой он сам хотел, и – не без этого выбора – повелевается «быть» ему «всей Иудеей правителем».⁷³³ Гиркан, кроме «подтверждения» прежнего «подтверждения» получил позволение на свою просьбу – восстановить Иерусалимские стены, остававшиеся без починки со времени Помпея, и удовлетворен сенатским указом о некоторых привилегиях Иудеев⁷³⁴, что следовало сделать, несомненно, и помимо заслуг со стороны Гиркана.⁷³⁵

Судя по дальнейшему образу действий Антипатра и его отношениям, в частности, к Гиркану, мы, к немалому изумлению замечаем, что уже этот ловкий родоначальник Иродовой династии пользовался более, чем только званием «правителя Иудейского»⁷³⁶, и значение первосвященника как ἐθνάρχης'a успел низвести прямо к нулю, сделавшись фактически римским правителем Иудейской области. По упорядочении Цезарем всех дел в Сирии и по отбытии за море⁷³⁷, мы видим Антипатра в Иудее – восстанавливающим разрушенный Помпеем стены, объезжающим всю страну для укрощения бродивших в ней мятежей где увещаниями, где угрозами: видим его говорящим

к Иудеям, что, если они смирятся, то будут благополучно и спокойно наслаждаться своими имениями, а если будут помышлять о мятежах, то **его** – Антипатра – будут иметь вместо **представителя** деспотом (ἀντὶ προοτάτου δεσπότην), Гиркана – вместо **царя** – тиранном, (ἀντὶ βασιλέως τύραννον), а Римлян и Кесаря – вместо **вождей** – непримиримыми неприятелями (πικροὺς ἀνθ' ἡγεμόνων πολεμίους). Еще яснее выступает это преобладание Антипатра из того, что предпринимает он далее. Утилизируя нерадивость и мало способность Гиркана, он назначает Фасаила, старшего из своих сыновей, градоначальником Иерусалима и его окрестностей (στρατηγός), а 15-летнего Ирода – в подобной же ответственно-высокой должности отправляет в Галилею⁷³⁸, в том и другом случае сам пожиная прежде и всего более – плоды их деятельности для преобразования страны. Ирод очищает свой удел от разбойнических шаяк, чем приобретает симпатии Сирийцев, давно желавших этой расправы по собственным счетам, и благоволение Сирийского правителя и сродника Кесарева – Секста Кесаря. Ревнуя ему в славе, Фасаил располагает к себе симпатии Иерусалимлян, старательно входя сам во все по управлению города и ловко подделяваясь под вкусы и нужды каждого. Пожиная плоды столь ревностного усердия детей и общего расположения к ним, Антипатр **почитаются** всеми за **царя** и пользуется от всех почтением, приличествующим одному верховному начальнику. Он умеет утилизировать самого Гиркана для своих интересов, побуждая его на подарки Римским protégé Антипатра и присвоая всю честь за оные себе, благо Гиркан – и зная это – не видел здесь для себя ничего, кроме удовольствия, не прозревая всех опасных последствий возвышения Антипатра с его фамилией, как прозревали это другие Иудеи, решившиеся, наконец, и Гиркану раскрыть глаза на ближайшие нежелательные результаты терпимого им хода вещей.

Любопытны доводы этих, – несомненно, отражавших голос лучшей части Иудейского общества, оппонентов, возмущавшихся положением дел при Гиркане и его бесконтрольном временщике. «Доколе ты будешь – говорили они Гиркану – безмолвствовать в настоящих обстоятельствах? Не видишь ли, что вся власть находится в руках Антипатра и его детей, а ты носишь одно только имя царское?... Напрасно ты думаешь, что они помощники в делах твоих: нет! они не за помощников, но явно всеми почитаются за государей!»⁷³⁹... Еще более сильным доводом было все это в связи с обстоятельством, происшедшим вскоре же. В Иерусалим явились матери избитых Иродом в его Галилейских подвигах⁷⁴⁰, и требовали во храме пред Гирканом и народом суда Синедриона над Иродом, как нарушителем прав последнего. Иудейская аристократия поддержала это требование и настояла на вызове Ирода к ответу пред Синедрионом.⁷⁴¹ Получив приглашение в этом смысле, Ирод, **по совету Антипатра**, едет не как подсудимый, но одетый в пурпур, окруженный блестящим отрядом телохранителей⁷⁴², и везя с собой письмо Секста Цезаря к Гиркану, повелевавшего – под угрозой гнева – снять суд с обвиняемого. Хотя суд, настроенный замечательно-бойкой речью Schemaja, и не обнаружил особенной готовности следовать этому внушению свыше, за то Гиркан дал Ироду все средства избежать приготовленного ему

смертного приговора и способствовал, таким образом, новому большому усилению своего будущего убийцы и узурпатора Иудейского престола. Насколько Ирод вообще мало смущался перспективой суда над собою, красноречиво следует из того факта, что бывший подсудимый, найдя сильную защиту в лице Секста Цезаря, сделавшего его наместником Кили-Сирии – στρατηγὸς τῆς Κοίλης Συρίας, вскоре же нагрянул на Иерусалим с целым войском (47 год.), чтобы разнести ненавистный Синедрион, и только увещания отца и брата остановили дальнейшие неистовства бывшего подсудимого.

Немало успели сделать Антипатр с сыновьями для упрочения своего положения во время происшедших вскоре возмущений в Сирии (убиение Секста Цезаря) и самом Риме (убиение Цезаря), отразившихся и на настроение Иудеи. Прежде всего, они не преминули засвидетельствовать свою верность вышеназванному Сексту Цезарю, отправя войско для наказания его убийц. Но, когда вслед за сим в Сирию явился Кассий, один из сообщников убийц Цезаря (44 г.), они – хотевшие мстить убийцам родственника Цезарева, явились пред убийцей самого Цезаря примерно преданными и услужливыми плательщиками его поборов с Иудеи. В числе ближайших последствий подобного двоедушия было то, что, оставляя Иудею, Кассий вручает главное попечение о всех делах Ироду, подтверждает его в звании областеначальника (στρατηγός) Келе-Сирии, оставляет в его власти весь флот с войсками – конными и пешими, и, наконец, поощряет за верную службу обещанием сделать царем Иудейским. Нечего и говорить, что это не было неожиданностью ни для кого, ни тем более для самого Ирода. Близость такой развязки не замедлила, однако, вызвать и соответствующую оппозицию, сигналом которой было отравление Антипатра⁷⁴³ на пиру Гиркана, участием главного из оппозиционеров – Малиха. Оба сына Антипатра выступают с местью убийце – Ирод открытой войной, Фасаил – хитростью и коварством, и скоро поканчивают с ним. Сам Гиркан, как кажется, вначале также ненесочувствовал оппозиции детям Антипаторвым, как это открывается из удара, причиненного ему известием о гибели Малиха и из жалоб Фасаила на вспомоществования Гиркана его неприятелям (восстание под предводительством брата Малиха). Что касается вообще народа, то его оппозиция детям Антипатра, особенно Ироду, не знала удержу, и с трудом сдерживалась силой и всевозможными жестокостями (XIV, 13, 3–4, 9 и мн. др.). Наконец, прежде окончательного восторжествования над оппозицией своим узурпаторским стремлениям, Ирод и Фасаил должны были выдержать еще один протест, столько же сильный, сколько незаконный, как исходивший от Антигона, сына Аристовулова, имевшего за собой надежную опору – и в причастности истинно-царственному происхождению, и в памяти о громких делах своих предков и родичей во славу Иудеи; – наконец, и время особенно представлялось благоприятным для такой оппозиции в виду того, что с удалением Кассия из Сирии (42 г.) всю провинцию охватила какая-то анархия, при которой господствовало только право сильного. Понятно, почему такая оппозиция должна была оказаться наиболее сильной, но и... последней. На стороне ее, вопреки всем естественным ожиданиям, не было уже самого главного – не был первосвященник Гиркан,

которого Ирод предусмотрительно связал с собою узами родства, обручившись с его внучкой (Мариаммой, дочерью Александра, сына Аристовулова (II), и Александры, дочери Гиркана (II), – племянницей Антигона). Союзникам же Антигона – Птоломею, сыну Меннееву, и Мариону, Тирскому тиранну, захватившему после Кассия власть над всею Сирией, Ирод противопоставил быстроту натиска и храброе сопротивление, чем, с одной стороны, добился удаления Антигона из пределов Иудеи и поражения его Иудейских сообщников, а с другой – почетных оваций в Иерусалиме от своих сторонников и Гиркана, который чествовал, в нем своего нареченного зятя.

Первая попытка Антигона на этом и кончилась. Между тем, обстоятельства, создавшие новый кризис для Палестины с возвышением Антония и Октавиана и поражением Кассия, – изменили и обстоятельства братьев-Идумеян к лучшему, несмотря на жалобы нескольких депутаций иудейской знати. Оказав честь Антонию личным оправданием во взводимых на него жалобах, Ирод обворожил его своей изворотливостью, а еще более щедрыми подношениями и успел заручиться в его лице сильнейшей протекцией, тем более что Антоний был давним приятелем и желанным гостем его отца Антипатра (57–55 г.). Все это повело к тому, что Антоний удовлетворял все просьбы, шедшие от имени Гиркана и Ирода, оставлял без последствий всякие жалобы на них, и, наконец, пожаловал Ирода и Фасаила тетрархами Иудейской области, чему Гиркан, сделавшийся уже тестем Ирода, был только рад и немало способствовал.

Не дремал, однако, и Антигон, решившийся во что бы то ни стало довести до конца свою попытку. Удобный случай представлялся на этот раз во вторжении Парфян, которые в 40 году⁷⁴⁴ наводнили своими ордами всю переднюю Азию и помогли Антигону, хотя на некоторое время, восторжествовать над своими врагами. Подвигнув Парфян на свою защиту⁷⁴⁵ обещанием щедрых подарков (1.000 тал. и 500 женщ.), он организовал новое восстание на Ирода, которое, впрочем, отчасти расстроилось за неустойкой Антигона в условиях, отчасти не сполна достигло своих намерений (в числе их было – кроме воцарения Антигона – лишение жизни Ирода со всеми сообщниками) за нелегкостью самого дела, при упрочившемся достаточно положении Ирода. Правда, Парфянам удалось обманом заманить и удержать у себя Гиркана и Фасаила⁷⁴⁶, но они не могли провести Ирода, который заблаговременно проник в коварство врагов и предпочел, скрыться до времени в Идумею, со всей своей фамилией. Гиркан и Фасаил, между тем, в оковах были представлены Антигону, который изувечил первого, чтобы, в случае освобождения его, он не мог по закону занимать первосвященства; другой пленник – Фасаил⁷⁴⁷ сам предпочел смерть от собственной руки, лишь только услышал о бесчестной гибели, какую готовил ему его неприятель.

Устроив новый порядок вещей и водворив Антигона⁷⁴⁸ на Иерусалимском престоле, а также пограбив значительно городские сокровища, Парфяне ушли, уведя с собой пленником Гиркана.

§ 32. Антигон (40–37 г.)

Арх. XIV, 14–16; περίαλ. I, 14–18.

Добившийся, благодаря содействию Парфян, того, чего напрасно добивались отец и брат, Антигон, (еврейское имя которого, сохранившееся на монетных надписях, было Маттафия), провозглашенный царем и первосвященником, отсрочил хотя ненадолго окончательное водворение на престол Давида⁷⁴⁹ чуждой династии.

Ирод, между тем, ничуть не унывал и не думал отступаться от своих притязаний на власть в Иудее, несмотря на частные неудачи. Вопреки ожиданиям, встреченный недружелюбно Аравийским царем Малхом, у которого Ирод, не зная еще участи брата, думал достать денег для его выкупа, Ирод, обходя Иудею, направился в Египет, чтобы отсюда сделать переезд в Рим, где он надеялся найти единственную твердую опору. Совершив трудное плавание, изгнанник прежде всего поспешил представиться Антонию и доложил ему все случившееся в Иудее, постаравшись представить дело так, чтобы возбудить к себе как можно большие жалости своего покровителя. В подкрепление этому, не забыты были и денежные обещания. Сам Кесарь, разделяя горячее участие Антония в судьбе Ирода, взялся помочь последнему и на созванном им тогда же сенате, **во внимание к заслугам Ирода и его отца Риму, и в наказание Антигону давнему бунтовщику и неприятелю Римлян**, и, наконец, в целях облегчения предстоящей с Парфянами войны, – найдено было полезным (Риму!!!) сделать Ирода царем Иудейским, что тотчас же и было объявлено за определение Сената. Жертвой в Капитолии положением там Сенатского определения на особых таблицах санкционировалось это провозглашение, после чего новоиспеченный «царь Иудейский» удостоился почетного угощения обедом от Антония. Это произошло, по замечанию Иосифа, в теч. 184 Ол., обнимающей годы 44–41 включительно, что, очевидно, неверно, уже потому, что Ирод не мог быть в Риме ранее 40 г. и притом к концу его, так как приближалась уже осень, когда он спешил сесть на корабль в Александрии; что осенью 40 г. именно состоялось провозглашение, подтверждается и требуется тем сообщением современным Римской истории, что Антония Октавиана не могло быть ранее в Риме.⁷⁵⁰

Через 7 дней, новый царь, ставленник Рима, уже оставлял Италию, спеша ввестись во владение царством, и в начале 39 г. высадился в Птолемаиде. Но до действительного воцарения от его провозглашения прошел довольно продолжительный и трудный промежуток. С одной стороны, Парфяне, не покидавшие окончательно Сирии, и опиравшийся на них Антигон – заграждали ему доступ в подаренное Римлянами царство; с другой – продажность Вентидия, римского полководца, посланного для очищения Сирии от Парфян, и Силона, его подчиненного, затягивали дело и отстрачивали падение Антигона. Не теряя надежды на правоту и перевес своего дела, последний достаточно крепко упрочивался в стране, пока Ирод поспешал на него с

собственным и наемным войском и с правом на подкрепление, по распоряжению Рима, местных римских сил. Полководцы последних, подкупаемые Антигоном, предпочитали, однако, полное бездействие, предоставляя Ироду самому отвоевывать шаг за шагом сопротивлявшееся ему царство. Неудивительно, что в течение всего 30 года Ирод успел овладеть только Иоппией, да выручить своих, запертых в замке Массаде. Впрочем, и это было немалым успехом Ирода, так как обеспечило ему все же возможность приблизиться к Иерусалиму на столько, чтобы свободно расположиться станом с западной стороны города. Прежде чем, однако, принимать более решительные меры к овладению столицей, Ирод позаботился привлечь на свою сторону **боявшийся** его народ, обещая ему «пользу и спасение» и великодушное забвение всех обид. Чтобы обезоружить эти доводы, Антигон в свою очередь возглашал публично к сторонникам Ирода и Римлянам, пришедшим с ним, что они поступают вопреки своему обычаю, делая царем Ирода – человека низкой породы – идумеянина, след., только «наполовину» Иудея, тогда как «обыкновенно они дают царство лишь происходящим от крови царской», что «ежели они на него гневны и считают недостойным Иудейского престола, то **есть** другие из его рода, невиновные ни в чем пред Римом и терпящие величайшую несправедливость лишением принадлежащей по праву им чести.⁷⁵¹ Но не этими, могущими быть более или менее сильными только в Риме (да и то при условии лишь соответствия пользе его, Рима) доводами Антигон отсрочил решение своей участи. Он подкупил Силона, вождя Римских подкреплений, бывших с Иродом, и тот, под предлогом недостатка провианта, изменил Ироду и уволился на зимние квартиры вдали от Иерусалима.

Между тем, к лету следующего 38 года Парфяне сделали новый набег на Сирию. Это надолго отвлекло Вентидия и Силона от Иерусалима к более неблагоприятному месту, а без них и Ирод предпочел отступить в Галилею, где занялся ловлей разбойников, а заодно и очищением страны от сторонников Антигона и укреплением ее в своем подданстве. Не мало проиграл Ирод в то время, пока ездил в Самосаты с поклоном к прибывшему туда Антонию. В отсутствие его, оставленный им с войсками брат Иосиф понес тяжкое поражение от Иерихонян, подаривших голову его Антигону, одновременно с чем и Галилея вновь отложилась от Ирода, принявшись беспощадно уничтожать сторонников его. Положение Ирода было бы до крайности затруднительно, если б он не привел с собой от Антония сильный вспомогательный отряд, которому и удалось повернуть дело в его пользу. Задав страху Галилее, Ирод начал наступать на Антигона со стороны Иерихона, в то время как со стороны Самарии двинулся грозить Иудее Махер с бывшими у него римскими легионерами. Отомстив Иерихонянам за смерть брата и настигнув высланное Антигоном против Махера войско Паппа, Ирод разбил его при Исане⁷⁵² на голову и открыл, таким образом, себе путь к столице. Надвигалась, между тем, новая зима на истерзанную междоусобиями Иудею и дала Антигону возможность продержаться на престоле еще несколько месяцев.

На следующий год (37), едва только стало позволять время года (т.е. ранней весной), Ирод уже мог безопасно расположиться пред стенами Иерусалима, и сильная армия его повела грозные осадные работы. Тем временем Ирод успел съездить в Самарию, чтобы отпраздновать здесь пышный брак свой с Мариаммой, внучкой Гиркана⁷⁵³, обрученной с ним уже 5 лет назад (42 г.) и, таким образом, занять Иудейский престол при торжественном засвидетельствовании своего кровного родства с истинно царственной династией, или – как то же сильнее выражает Иосиф в περὶ ἁλ. – чтобы «доказать свое презрение к ненриателям». Одновременно с возвращением его в Иудею с новым сильным отрядом набранных им воинов, к нему присоединены были еще свежие римские легионы Сосием, присланным от Антония в помощь Ироду. Подобно как при Помпее, войска густо обложили город с севера, где возвышались грозные валы, и стенобитные машины застучали свою адскую работу, проложив в 40 дней путь за первую стену и еще 15 чрез вторую. Несмотря на крайний недостаток в съестных припасах, вследствие года субботнего⁷⁵⁴, город оказывал самое отчаянное сопротивление. Вытесненные из нижней части города, Иудеи засели в верхнем, не уступая без борьбы ни одной пяди и страшно раздражая врагов, далеко превосходивших своею численностью и искусством. Больших усилий стоило Ироду – при взятии города – удержать раздраженных и алкавших добычи римлян от страшного кровопролития и грабежей. Он усиленно убеждал Сосию обуздать неистовство своих воинов, представляя, что если римляне расхитят все имения и погубят жителей, то «оставят его царем одной пустыни», и что «побоищем столь многих граждан он не согласится купить владычества целым светом». Не мало также понадобилось энергии – «удержать любопытных от стремления видеть то, что от самих Иудеев было сокрыто» (внутренние части храма). Так или иначе, Ироду удалось предотвратить окончательную гибель своей столицы... В самый разгар овладения городом, Антигон бросился к Сосии и сам выдал себя ему. Сосий увел его с собой в узах к Антонию. Но Ирод, опасаясь, чтобы в Риме этот соперник его, имевший столь много родовых, и других преимуществ, не был пощажён и не расположил Рим в пользу свою или своих детей, подкупил Антония – лишить своего врага жизни.

Достопримечательно сообщение Страбона об этой казни, приводимое Иосифом: «Антоний, читаем мы здесь, приведши Антигона Иудеянина в Антиохию, отрубил ему голову⁷⁵⁵, – и этот военачальник, кажется, был первый из римлян, который умертвил **царя** столь позорной казнью, полагая, что ничем вернее сего не сможет он **преклонить Иудеев к признанию царем Ирода**, возведенного им на место Антигона. Ибо **Иудеисамоуи жесточайшими мучениями не могли быть принуждены к тому, чтобы почтить его наименованием царя**: столь великое уважение оказывали они к прежнему царю; посему и Антоний, чрез бесчестную казнь Антигона, **надеялся помрачить память** его и уменьшить **ненависть Иудеев к Ироду**».⁷⁵⁶ Одного этого места, ради его беспристрастия и объективности, достаточно для того, чтобы пролить свет в неопределенные и двусмысленные отзывы Иосифа

об Ироде в его отношениях к Иудеям, то слишком зависевшие от такого крайне пристрастного источника, как Николай Дамаскин, то достигавшие противоположной, хотя уже гораздо менее отдаленной от действительности – крайности в таких нелестных эпитетах по адресу Ирода, какие только могли внушаться чувством оскорбленного патриотизма или даже простого человеколюбия.

Так, после долгих 3-летних мытарств Ироду удалось ввестись во владение своим царством, похоронив навсегда господство славной и благородной династии Асмонеев, в течение 126 лет соединявших первосвященническое достоинство с высшей верховной властью над народом. В лице Ирода, уничтожившего царственное значение Асмонеев, эта власть отныне переходит к человеку, не только незнатного происхождения, но и иноземцу⁷⁵⁷ – идумеянину, рабу и орудю чужеземной силы, вопреки основной идее всей Ветхозаветной истории. Нельзя не видеть необычайной важности в этом событии, доведшем историю до того predetermined конца времен, когда Ветхий Израиль переиспытал все формы и состояния общественной жизни и когда эта общественная жизнь, обусловленная и подготовленная его внутренним духовным состоянием, пришла теперь к безнадежной потере законного теократического представителя и тем ясно обозначила время, когда надлежало придти Самому Представительствованному, чтобы Ветхого Израиля перевоссоздать в нового, обнимающего «все племена веяния».

§ 33. Ирод Старший (37–4 до Хр. э.)

Арх. XV, XVI, XVII, 1–8. περίάλωσ. I, 18–33. Равв. пред. у Derenbourg, 149–105.

«Ирод как бы и родился для господства», – так характеризует его Schürer. Уже от природы это был способный и сильный атлет, изощрившийся во всех родах спорта, побывавший и закалившийся во всевозможных трудностях и опасностях. Ловкий наездник, счастливый охотник, меткий стрелок⁷⁵⁸, неустрашимый и непобедимый воин⁷⁵⁹ – он уже с первого впечатления внушал всем почтительный страх и покорные чувства. Двадцатилетним юношей начал он летопись своих блестящих воинских подвигов в усмирении Галилеи от разбойников, и в преклонном возрасте свыше, чем 60-летнего старца еще имел достаточно отваги, чтобы лично вести поход на Арабов, так как уже одно присутствие его везде обещало удачу.

Немало своеобразного выражалось в характере этого типичного Иудейского «Грозного». Справедливо отмечают в нем особые наследственные черты, который более или менее рельефно вычерчиваются во многих членах Антипатровой фамилии и интенсифицируются в Ироде до высшей своей степени, до какой-то поистине титанической «чудовищности» во всем, с положительными сторонами характера включительно (Богород.). Дикий и страстный, жестокий и непреклонный, он не знал никаких нежных чувств или тонких побуждений, или же и в них был столько же «Иродом», как в наиболее позорнейших и кровавейших своих деяниях. Ничего не было святее для него собственных – иногда действительных, а то просто воображаемых лишь интересов, и где только ему мерещились препятствия им, там твои реки хотя бы самой невинной и самой близкой для него крови. Трагическая казнь до безумия страстно любимой жены и детей, избиение невинных младенцев – эти кровавейшие страницы его истории не имеют себе подобных по ужасающей глубине человеческого бессердечия и нравственного озверения.

Недюжинный ум его и живость, которыми на беду он также отличался, делали только еще более опасным для всех его кровавый характер, составляя в его распоряжении богатую силу для неуклонного и успешнейшего приведения в действие своих себялюбивых расчетов, делая столь изобретательным на уродства и меры для улаживания всяких препятствий и затруднений. При своей сухо-требовательной суровости и беспощадности в отношении ко всему, что было в его власти, он нисколько не считал непоследовательным самому быть изысканнейшим ласкателем и угождателем по отношению к выше его поставленным и в особенности к его покровителям, из-под благосклонной зависимости и защиты которых не доставало высвободиться этой птице высокого полета. Сознывая хорошо свое бессилие устранить этот поставленный ему самой историей вопрос⁷⁶⁰, он сумел лишь здесь удержать в должных пределах свое неограниченное властолюбие и тщеславие, с которыми могло соперничать в равноправии него только разве римское дружество, да и то, впрочем, последнее занимало подчиненное

положение к тем первым, так как единственной целью и интересом его внутренней и внешней политики были: возвышение его могущества, его владычества, его славы; все остальное по отношению к этому давало лишь средства⁷⁶¹, не знавшие никаких препятствий и трудностей. Его называют «Великим», и это, несомненно, более приложимо к нему с отрицательной, нежели положительной стороны.⁷⁶²

33 года длилось систематическое разложение Ветхого Израиля кроваво-тлетворным царствованием Ирода, прежде чем 33-летняя жизнь Галилейского Учителя, воссиявшая тотчас же за закатом этой темной силы антихристовой предтечи Христу, засеяла и оплодотворила семенами Божественной жизни все царства и племена земные. Справедливо различают три периода в этом продолжительном царствовании: 1) период упрочения Иродом своего господства (37–25 г.), главным образом, в борьбе с различными враждебными силами; 2) период мирных работ и величественных сооружений, ознаменовавшийся также доведением дружбы с Римом до высшей степени (визит Агриппы Ироду в Иерусалиме и двукратное свидание с Императором 25–13), наконец, 3) период домашних бедствий и смут, оттеснивших на задний план все другое. Можно принять для удобства обозрения такое подразделение, не забывая, что все царствование в целом было одной сплошной безотрадной повестью, написанной человеческой кровью в жажде самого ненасытного и ревнивого честолюбия.

Четыре врага щекотали смертоносную подозрительность и ревнивое ополчение Ирода за свои царские права – в первый период его правления. Это были – народ, высшее Иудейское сословие, Асмоне́йская фамилия и заграничные недоброжелатели, опаснейшим из которых была Клеопатра (Schürer).

Ненависть народа к Ироду и мотивы оной совершенно понятны. Ирод имел для того, кажется, все, чем эта ненависть могла питаться: он был кровный идумей, что едва давало ему право⁷⁶³ на благосклонное наименование полу-иудея; он был, затем, завзятый друг и слуга Рима, опасность чего к этому времени выступала особенно ясно; и такой-то человек теперь шел уверенной и неуклонной стопой к престолу Давида, к владычеству над Израилем. Всецело державшие тогда народ в руках своих фарисеи имели во всем этом достаточно богатый материал и пищу для возбуждения и поддержания всеобщей ненависти к Ироду, и борьба с этой ненавистью, проходящая красной нитью чрез все царствование Ирода, стоила весьма многих и ценных жертв. К счастью для Ирода, эта ненависть носила большей частью молчаливый характер: народ презирал узурпатора, но терпел его, как наказание Божье за свои грехи, как бич Божий, восстанием против которого он боялся предупредить меру терпения Иеговы, вразумляющего Свой народ. Поллион и Самей, наиболее здравомыслящее из фарисеев, держали народ в этом настроении и недаром пользовались за то уважением Ирода, как оказывавшие ему, так или иначе добрую услугу в поддержании терпения в народе.

Более решительные меры Ирода выпали на долю устранения второго его врага, в лице высших сословий Иерусалима, тянувших более в сторону Асмонеев и состоявших в сообщничестве с Антигоном. Жестоким гонением выступил он на них тотчас же по водворении в Иерусалиме, и немедленно для первого почина разыскал и передушил из них до 45 человек, конфисковав их богатые имения в свою казну, настолько нуждавшуюся в том на удовлетворение всевозможных причуд его патрона Антония, что Ирод не останавливался даже пред неприкосновенностью могил умерших, обыскивая и грабя гробы богачей. Не забыты были здесь когда-то судившие его члены Синедриона, которых он всех лишил жизни, притворившись благосклонным лишь к главарям их, Шемаие и Абталиону, так как по своим рьяно-фарисейским воззрениям они были особенными врагами светской власти Маккавеев-священников, хотя бы в то же время они были не меньшими врагами и самого Ирода (Богор. 504).

Само собою разумеется, что покой Ирода более всего смущала Асмоне́йская фамилия, которая в конце концов оказалась уничтоженной им с корнем. Это уничтожение в целом представляем из себя бесподобно-трагическую эпопею, богаче которой по обилию действующих лиц и трогательнее по роковым столкновениям их с честью, долгом, страстью,

недоразумением и злобой – не знает история. Злым гением для пагубных отношений Ирода к дому Асмонеев, как нарочно привязанных Иродом к себе узами родства чрез брак с Мариаммой, была мать последней и Иродова теща – Александра. Так как Гиркан, освобожденный Иродом из Парфянского плена⁷⁶⁴, был лишен Антигоном правоспособности занимать первосвященническое звание, то Ирод вызвал на это место нарочито ничтожного и незнатного Вавилонского священника именем Ананела, который не мог мыслить себя, иначе, как его креатурой.⁷⁶⁵ Это было резко демонстративным нарушением Асмонейских прав, и Александра, имевшая в лице своего сына Аристовула (брата Мариаммы) законнейшего наследника этих прав, предъявила энергичнейший протест подобному самочинию, поддержанный всеми ревнителями благочестия. Отчасти уступая этому протесту и показывая вид справедливости, отчасти отнимая возможность некоторых осложнений, наметившихся в желании Антония самому видеть Аристовула, грозившего своей прекрасной, истинно-царственной наружностью, расположить Антония в свою пользу, Ирод «освободил» Ананела от возложенных было на него обязанностей⁷⁶⁶ и возвел в сан первосвященника юного Аристовула. Таким образом, юный первосвященник занял это место по достоинству, хотя и с нарушением закона, воспрещавшего получивших однажды этот сан лишать одного. Эта уступка Ирода, с одной стороны, примирила его несколько с Асмонейской фамилией, но – с другой, вскоре же «поправилась» на новый тяжкий удар рока, отяготевшего над несчастной фамилией. Толчок к атому подала та же Александра, тяготившаяся своим положением при дворе в качестве какой-то почетной арестантки, окруженной со всех сторон надзором подозрительного Ирода, и предпринявшая хитростью убежать со своим сыном к Клеопатре в Египет. Выданные разом беглецы пойманы были как раз вовремя, и хотя Александра осталась пока безнаказанной, за то дни Аристовула были сочтены... Овации народа, устроенные в присутствии Ирода юному первосвященнику, выступившему пред Израилем во время праздника Кущей, в ореоле истинно-первосвященнического величия и славного прошлого его предков, ускорили кровожадные намерения узурпатора, и несчастный юноша, надежда Израиля, погиб в прудах царских, утопленный игравшими с ним во время купанья наперсниками Ирода.

Правда несчастья, как громом поразившая весь народ, на могла быть замята разглашением слухов о неосторожности самого Аристовула в нечаянно постигшей его смерти. Горе народа и особенно Александры, узнавшей подлинность всего дела, не знало границ. Несчастливая, терзавшаяся отчаянием мать, осталась жать только с единственной отрадой рано или поздно отомстить гибель надежды – сына, как ни старался Ирод притворными слезами о последнем и пышными похоронами показать себя не только непричастным ее несчастью, но и искренно ей соболезнующим!... Скрывая до времени жесточайшую ненависть к убийце, и показывая вид не знавшей действительных обстоятельств смерти сына, Александра стала орудием рока, не преминувшего отомстить Ироду невинную кровь. Прежде всего она

уведомила издавна соболезнававшую ей Клеопатру о неслыханном бессердечии Ирода, и в женском сердце ее нашла лучшего союзника своим мстительным намерениям. Полными негодования, требовавшего возмездия, и женски-настойчивыми, властно-взывавшими к смерти злодея жалобами, перед послушным рабом своей страсти Антонием, Клеопатра успела поколебать Антония в его симпатиях к Ироду, и тот, вытребовав его к себе, в Лаодикию⁷⁶⁷, для объяснения.

Ловкие оправдания, а главное – богатая казна, с какой выступил Ирод перед своим судьей, повернули дело в пользу подсудимого, и без дальнейших задержек он победоносно возвратился в свой Иерусалим.

Между тем, в последнем, за отсутствие царя, разыгрались события, послужившие предвестием и поводом для новых ударов несчастной семьи Асмонеической. Поручив на время своего отсутствия управление делами дяде своему Иосифу, Ирод дал ему тайный приказ – немедленно умертвить Мариамму, если только у Антония приключится ему какое-либо несчастье, – делая это и по внушению своей безумной «Иродовской» любви к прелестной Асмонеике⁷⁶⁸, и из ревнивых опасений связи с нею Антония, не скрывавшего свое влечение к ней уже из-за одних слухов о ее редкой красоте. Иосиф не удержался, чтобы не открыть эту тайну Мариамме с Александрой, желал засвидетельствовать тем безумную любовь Ирода к супруге; на чутких женщин, однако, более подействовало это лишь как новое доказательство чудовищной бессердечности Ирода. К довершению несчастья рассеялись ложные слухи о казни Ирода Антонием, побудившие встревоженных женщин устроить нечто вроде мятежа – попыткой заручиться покровительством Рима и симпатиями Антония, чтобы возвратить опять себе скипетр и всю честь, приличествовавшую их роду. Письма от Ирода, с извещением о благополучном улаживании дела перед Антонием, парализовали это движение Александры с дочерью, но тут присоединила новое осложнение дела сестра Ирода Саломия, супруга Иосифа. Женщинам вообще суждено было играть в судьбах Ирода какую-то особенно важную роль. Представляя 2 лагеря, в составе коих были, с одной стороны, сестра Ирода Саломия со своей и его матерью, с другой – горячо любимая жена его Мариамма, так же со своей матерью, его тещей, эти женщины по-своему олицетворяли вражду своих фамилий, ведя страшно ожесточенную борьбу между собой, обострявшуюся до крайней степени, с одной стороны, благодаря Иродовски – злому характеру первых 2 женщин, и с другой – надменным отношением двух других по адресу низкого рода первых. В только что упомянутом поступке Мариаммы с матерью, их попытка употреблена была в благоприятный повод зажечь гнев Ирода. Для последней цели Саломия рискнула также своим супругом, всеяв в сердце Ирода нелепое подозрение в непозволительном обхождении Иосифа с Мариаммой. Клятвы последней, не вызывавшиеся, впрочем, любовью Мариаммы, а единственно голосом невинно затронутой чести, сначала успокоили Ирода. К несчастью, Мариамма вслед за этим имела неосторожность сделать ему на изъявления его любви резкий упрек в недавней жестокости, выданной Иосифом, и это тотчас же сочтено было

Иродом, как несомненное подтверждение сплетен Саломии. Не в расчетах последней, поплатился своей головой лишь ее муж; едва же сдерживаемый гнев на Мариамму преодолела на этот раз действительно бешеная любовь к ней Ирода.

Одновременно с внутренними государственными неурядицами и страшными семейными дрязгами, нарушавшими спокойствие и душевное равновесие Ирода, совне ополчалась на него немалая враждебная сила в лице Клеопатры, как мы уже знаем, склоненной на сердечное участие в Александре и настойчиво натравлявшей Антония против Ирода. Безмерно корыстолюбивая, расточительно пышная и развращенная египтянка, впрочем, руководилась в данном случае далеко не женственно-рыцарскими побуждениями. Ее распущенная жизнь требовала неиссякаемых богатеев, и алчные взоры ее более, чем сострадание сердца – внушали ей неотступные просьбы пред своим любовником – отнять богатые пажити не одной только Иудеи, но и Сирии и Аравии у их властителей и закрепить за ней. Страх пред явной несправедливостью и безумная любовь терзали Антония, долго удерживавшегося в границах благоразумия. Наконец, он начал сдаваться, и позволил своей обольстительнице, отправившейся сопровождать его в поход 34 г. на Армению, выманить от него, по крайней мере, по части от всех не дававших ей покоя земель. Таким образом, к Клеопатре отошли все финикийские и филистимские береговые области южнее р. Елевфера, за исключением Тира и Сидона, часть Аравии, и от Иудейских владений Ирода – прекраснейшая и плодоносная Иерихонская долина, славившаяся своими пальмами и бальзамными садами.⁷⁶⁹ О каком-либо протесте со стороны Ирода нечего было, конечно, и думать, и он удовлетворился только тем, что принял в аренду от Клеопатры свою же собственную землю⁷⁷⁰ ценой почти всех тех богатых доходов, какие от нее поступали. Во время последовавшего затем посещения Клеопатрою своих новых приобретений, самоличное услуживание ей Ирода (постаравшегося оказать повелительнице Антония мины доброго внимания) внушило коронованной распутнице опасную для Ирода проделку – ценой своего неотразимо-навязчивого тела приобрести в Ироде такого же послушного раба, как Антоний, и получить от него то, чего она не вполне дополучила от Антония. Возможно, что у Клеопатры была мысль – в случае увлечения Ирода обвинить его потом в насилии над нею, что решило бы вернее и скорее судьбу Ирода, а значит – и его владений. Так или иначе, только искусно раскинутые сети вовремя были усмотрены не менее дальновидным Иродом, и последний не только сам удержался от соблазна, но едва не решился привести в исполнение не менее смелую мысль – избавить от этой обольстительницы и самого Антония, покусившись не на тело ее, а жизнь. Советники Ирода удержали его от этой услуги, могущей показаться слишком «медвежьей» для Антония и навлечь на Иудею всю ярость его страшной мести. Поэтому, одарив щедро и окружив *ex officio* всеми знаками внимания и почета свою сюзеренку, Ирод ограничился лишь тем, что, не сдаваясь на ее чары, проводил ее до самого Египта и исправным платежом арендной суммы старался поддержать с нею добрые отношения.

Козни Клеопатры против Ирода от этого не ослабевали. Поставленная в необходимость принять меры против Аравийского царя, не следовавшего примеру Ирода в исправном платеже доходов с Клеопатриных поместий, царица внушила своими жалобами Антонию мысль навязать войну с непокорным вассалом Ироду, который как раз к этому времени сунулся предложить свою помощь самому Антонию, для имевшего решить его участь сражения с Октавианом (32 г.). Этим ловким маневром хитрая египтянка зараз думала известить двух зайцев, поссорив между собой своих вассалов и нанося им вред одному чрез другого. Исполняя волю Антония, Ирод вступил в дело с Аравитянами, не только не находя помощи у собственного Клеопатриного войска, оперировавшего в Аравии под начальством Афениона, но даже подвергшись нападению его на Иудеев – в то самое время, когда они, разогнав врагов, отдыхали усталыми победителями. Такое вероломство помогло Аравийцам одержать верх над Иродом, и заставило последнего ограничиться лишь легкими набегам и грабежом Аравийских владений. Между тем, страшное землетрясение, пронесшееся весной 31 года чрез Иудею, вынудило Ирода поспешить домой и предложить мир неприятелям. Последние нашли в этом выражение слабости своего противника и, умертвив его послов, спешили воспользоваться благоприятной минутой для решительного наступления. Но тут улыбнулось опять давнее счастье Ирода, и одушевившиеся войска его нанесли неприятелю страшное поражение, после которого он предписал такие условия мира, каких сам хотел, и возвратился домой в ореоле храброго и непобедимого завоевателя.

Это было как нельзя более кстати, в виду решительного переворота в положении дел в Риме. В решительной битве при Актиуме (2 Сент. 31 г.) Антоний навсегда потерял свое владычество, что угрожало той же опасностью, конечно, и для Ирода, войска которого, только благодаря войне с Аравийцами, не оказались в рядах защитников Иродова патрона, и который теперь нуждался в подтверждении своей власти от нового Кесаря. Положение Ирода, в виду его прежних отношений к Антонию, казалось, не оставляло никаких надежд на благополучный исход дела, но Ирод еще раз вышел из затруднения обычными своими «Иродовскими» средствами. Прежде всего, он поспешил обезопасить себя, со стороны Гиркана, в котором мерцала последняя потухавшая искра славного рода Маккавеев, и в котором он, на случай своей опасности, видел естественного преемника престола и соперника своему поколению. Несчастный 80-летний старец, который и в более юные годы никогда не играл самостоятельной роля, а теперь и подавно не мог быть чьим-либо орудием, который предпочел близость к Ироду царственным почестям своих за-Евфратских соплеменников⁷⁷¹, которому Ирод вначале оказал столько чести (называя своим **отцом, чтобы расположить к себе народ**), **был оклеветан** Иродом в измене⁷⁷², и казнен. Повторив, затем, повеление о немедленном умерщвлении Александры и Мариаммы, из коих первую он сильно подозревал в мятежнических замыслах, и, оставив заместителем своего брата Ферору, Ирод поспешил на аудиенцию к новому Кесарю. Ходатаем за себя предпослал он предательское отношение к шайке

гладиаторов, ополчившихся за Антония, о чем не замедлил уведомить Кесаря его Сирийский наместник Дидий⁷⁷³, а оказавшись лицом к лицу с самим Кесарем (в Родосе весной 30 г.), пустил в ход всю изворотливость и утонченнейшее ласкательство своим проницательной натуры. Без всяких знаков царского достоинства, представ пред Кесарем как простой человек, он не обратился к униженным просьбам, как бы можно было ожидать от человека в опасном состоянии, и не прибег к оправданиям и извинениям, свойственным людям, чувствующим «свое рыльце в пушку», но постарался, наоборот, усиленно подчеркнуть свою самоотверженную верность дружбе, какую он доселе имел с Антонием, и выложить пред Кесарем все заслуги, явившиеся результатом этой дружбы, тонко давая понять, какого преданного и услужливого угождателя может иметь и Кесарь в лице этого раболепца, «и по перемене имени не меньше доказать могущего, сколько он умеет быть преданным своим друзьям и благодетелям». Не забыта была при этом, конечно, и «безмерная щедрость» к Кесарю «со всеми его друзьями», после чего Ирод, утвержденный во всех своих правах и обласканный Кесарем (которого он проводил до самого Египта), возвратился домой, поразив всех неожиданностью такого исхода. Само собой разумеется, что новый Кесарь возвратил Ироду отнятое Клеопатрой, и далеко раздвинул его пределы, одаряя целыми областями.

У домашнего очага, между тем, женщины готовили Ироду новые неприятности. Бесчеловечное во второй раз повеление Ирода пред своим отъездом – убить Мариамму с матерью – было опять выдано этим женщинам⁷⁷⁴, и пришедшие поделиться своей радостью с женой Ирод – увидел на лице ее плохо скрываемую печаль вместо радости и открыто выраженную ненависть в ответ на любовь. В связи с упорными наветами матери и сестры этот холод Мариаммы оледенил и сердце Ирода настолько, что он не раз доходил до решимости сгубить её, и только боязнь, что «наказав Мариамму, он более накажет этим самого себя», все еще способного обезуметь от ее безвольных ласк, – удерживала пока Ирода от столь тяжкого самоиспытания. Судьба Мариаммы решилась лишь через год, отчасти благодаря новой благородной неосторожности, поруганной в лучших своих чувствах Асмонеи, которая не могла сдержать своего негодования пред похотью убийцы ее отца и брата, – отчасти благодаря искусной агитации со стороны (Кипры и Саломии) матери и сестры Ирода, презрительное отношение к которым со стороны Александры и Мариаммы вывело из терпения этих поистине презренных женщин. Итак, Мариамма приводит в гнев Ирода, отразив его страстные ласки упреком в убийстве ее отца и брата; Саломия, подливая масла в огонь, устами царского виночерпия спешит устроить царя намерением Мариаммы преподнести ему отраву; подвергнутый пытке довереннейший евнух царицы выдает Соема, не соблюдавшего царской тайны, как виновника ненависти царицы к царю; откровенность Соема (тотчас же затем казненного) всевает в царя подозрение в преступной связи его с Мариаммой, и – новая жертва чудовищного бессердечия и мнительности Ирода обагрила своей благородной кровью заглохшую совесть человека-зверя

(кон. 29 г.). Эта казнь до безумия любимой жены, действительно, лучший показатель озверения человеческой природы в Ироде, ее дикости и неукротимости и в то же время ее властно могучей силы. Преодолев себя в сильнейших собственных чувствах, он с трудом выдержал разлуку с любимым существом: возгоравшаяся после казни с большей силой страсть и жалость к Мариамме довела его прямо до сумасшествия, несмотря на всякого рода развлечения; несчастный безумец не расставался с набальзамированным телом жены, сам сажал ее вместе с собой за стол, обращался к ней как к живой, и от других требовал того же самообмана; умертвил судей ее, своих доверенных лиц, думавших угодить ему ее осуждением, казнил по самомалейшим причинам всех, без разбора, попадавших к нему на глаза, (как говорит Иосиф), очевидно, не признавая цены уже ни за какой кровью. **Так горевал Ирод** по своей убитой жене, и наконец – слег в жестокой болезни мозга в Самарии.

Казнь Мариаммы ознаменовалась крайне странным и загадочным для историков инцидентом, разыгранным матерью несчастной царицы. В минуту, когда последняя мужественно шла преклонить свою царственно-достойную голову под меч палача, мать ее вдруг начинает осыпать ее всевозможными упреками и ругательствами, обвиняя в нечестии и неблагодарности к мужу, и в дополнение к справедливой будто бы за такие вины казни даже делает попытку наказать ее собственными руками. Иосиф называет это противоестественное явление притворством с ее стороны, внушенным боязнью подозрений в соучастии преступлениям дочери и инстинктивным ужасом пред гневом и на нее Ирода. Другие объясняют этот поступок следствием помешательства Александры, которая не могла снести этого нового страшного удара, наносимого Иродом⁷⁷⁵, наконец, третьи – допуская искренность в действиях Александры, мотивировали их отчаянием Александры, что Мариамма не оправдала ее мстительных намерений по отношению к их врагу – Ироду, и что теперь надежда на эту месть навсегда потеряна. Трудно, однако, допустить в Александре и такое превышение сил человеческих, в котором здравый смысл отказывается видеть всякую соизмеримость между жертвой Александры и ее целями. Ближайшие свидетели события и сама Мариамма объяснили это во всяком случае лицедейством, внушенным страхом за собственную кожу, первые – с негодованием осуждая столь гнусное лицемерие, – вторая – удостоив неистовствовавшую мать презрительным молчанием и горделиво-прекрасным спокойствием пред ее низким малодушием и трусостью, и приняв смертоносный удар с истинно-геройской неустрашимостью и мужеством.⁷⁷⁶

Если подавившая свои родительские чувства в пользу инстинкта самосохранения Александра надеялась своим поступком обезопасить себя от гнева Ирода, то она ошиблась в своем расчете. Впрочем, она сама не преминула подвигнуть на себя этот гнев, затеяв в надежде на безнадежность болезни Ирода мятежнические переговоры с начальниками Иерусалимских верхов. Те «сочли, однако, безумием» отчаиваться в выздоровлении еще живого царя, и один из них, приходившийся Ироду двоюродным братом по

матери (Ахиав) – не умедлил довести до сведения Ирода покушение Александры. Такого достаточного повода, может быть, только и ждал Ирод, чтобы эту давно беспокоившую его личность отправить вслед (28 г.) за ее однофамильцами.

Вслед за этими двумя – экстраординарными казнями, кровожадность совершенно озверевшего Ирода нашла себе сытную пищу в истреблении «сынов Вавиных», как кажется, дальних родственников Асмонеяского дома, которые еще во время борьбы Ирода с Антигоном, защищая последнего, обнаружили свое оппозиционное настроение к Ироду, и долгое время скрывались от его злобы у знатного идумеянина Костовара. Этот Костовар, поставленный Иродом в наместники Идумеи и получивший даже в супружество его сестру Саломию, после казни ее первого мужа, так же, как и он, был выдан Ироду собственной женой в тайных дипломатических сношениях с Клеопатрой и в укрывательстве врагов царя, и вместе с последними погиб (25 г.), как жертва характера, общего у змеи-сестры с зверем-братом.

Теперь Ирод мог сказать спокойно, что из всего родства Гиркана не оставалось никого, кто бы мог оспаривать у него трон (ὥστε εἶναι μηδὲν ἐπὶόλοιπον ἐκ τῆς Ὑρκανοῦ συγγενείας, (XV, 7, 10). Правда, лет 20 позднее выплывает на историческую арену дочь Антигона, состоявшая в браке со старшим, сыном Ирода – Антипатром (Арх. XVII, 5, 2 кон.), но в данную минуту эта последняя представительница Асмонеяской династии едва ли была сколько-нибудь основательным препятствием успокоиться Ироду на уверенности, что он «в корне истребил все Гирканово племя»... Замолкли и внешние враги Ирода, дав возможность в наступившее относительно затишье обнаружить этому коронованному чудовищу другие не менее уродливые стороны.

Вторая треть царствования Ирода (25–13 г.) ознаменовалась, между прочим, при сравнительном спокойствии – блестящими более или менее деяниями и сооружениями Ирода, вызывавшимися, впрочем, большей частью тем же его ненасытным честолюбием и жадностью к славе, который не давали покоя его самомнению и тогда, когда он упрочивал себя на троне. Не малую роль играло в этих сооружениях и мелкое угодничество Ирода пред Кесарем, ради чего он находил возможным даже поступаться священнейшими отеческими уставами и обычаями Иудеев, навлекая на себя сильное неудовольствие народа, не раз заставлявшее Ирода прибегать даже к насилиям. Так, откликаясь на распространенные тогда по всем провинциям культ Кесаря, он ввел в честь его игры и зрелища, построив в самом Иерусалиме театр⁷⁷⁷, амфитеатр, стадион и ипподром, вроде таковых же в других городах; сооружал даже храмы в честь Кесаря (Καίσαρεια), украшал их статуями, основывал с той же целью новые, или возобновлял старые города и крепости⁷⁷⁸, называя их именем Кесаря или его и своих близких⁷⁷⁹, строил пышные дворцы, парки, термы и т.п., не щадя на все это средств и не отказывая в своей щедрости даже городам, находившимся за пределами его собственного государства.⁷⁸⁰

Венцом всех этих относительно мирных успехов Ирода была перестройка храма Иерусалимского, все более и более терявшегося за блеском и великолепием окружавших его пышных дворцов и сооружений Ирода. Принимая к сердцу эту несообразность, Ирод, уже после того, как расточил горы золота на языческие постройки, нашел, что капитальная реставрация храмовых зданий стяжала бы ему не только высшую славу, но и лучше всего примирит с ним недовольных его новшествами Иудеев. Весьма знаменательно, однако, что Иудеи ужаснулись, когда Ирод объявил им свое намерение о перестройке храма. По представлению Иосифа, они отказывались надеяться, чтобы Ирод был в силах осуществить столь капитальное предприятие, и только уверения царя, что он не прежде решится разобрать прежнее здание, как запасши все потребное для нового, – успокоили Иудеев. Мы думаем, однако, что дело объясняется здесь много иначе и что мы имеем здесь новый из бесчисленных случаев сделать упрек Иосифу за ложное освещение столь важного факта.⁷⁸¹

Как бы то ни было, бесспорно грандиозное предприятие было начато в 18 год⁷⁸² царствования Ирода (20/19 до Хр.) и, споспешествуемое беспредельной щедростью и энергией строителей, дало достаточно блестящие результаты.⁷⁸³ О баснословном великолепии нового сооружения лучше всего говорит составленная тогда же народная поговорка: «Кто не видал храма Ирода, тот не видал никогда великолепного».⁷⁸⁴

Немаловажным мотивом всех этих предприятий Ирода было его намерение – возвысить жизнь Иудейского народа и благосостояние до современных требований культуры и величия, идеалом коих для

отдаленнейших частей Римской монархии был центр ее – Рим.⁷⁸⁵ Поступая так, он был, может быть, прав политически, но в то же время поправ с точки зрения заветов и обычаев народных, имевших не изживаемое значение. Уже одно то, что на заветной святыне Иудеев он не поцеремонился водрузить символ языческого господства над ней и над ними, возмущало всякого истого Иудея до непримиримости. Нет ничего удивительного, поэтому, что, для успешнейшего проведения в народную жизнь своих антинациональных стремлений, Ирод вынужден был не раз прибегать даже к помощи силы, как это было, например, в самом начале при усмирении не замедлившего обнаружиться против него заговора. Скрытое негодование вообще было постоянной подкладкой всех народных отношений к Ироду, и, несмотря на все необычайные усилия царя переломить их убеждения на счет Римской культуры, («вывести из суеверия», как выражается Иосиф), несмотря на все крайние проявления «отеческой» (как это ни странно сказать об Ироде!) заботливости царя о благе и спокойствии своих подданных, особенно во время часто постигавших тогда Иудею общественных бедствий (засуха, голод, землетрясения и т.п.), народ не мог простить ему антинационального пристрастия к иноземным обычаям и учреждениям, не мог

терпеть столь дерзкого попрания отеческих уставов, священных для Иудея, этих ненавистных для него – игр, бегов, зверинцев, лицеподобий и зрелищ театра и амфитеатра, при том – в самом Иерусалиме и бок о бок с храмом. Чрезвычайные общенародные бедствия, какими богато было то время, только поддерживали это негодование народа, объяснявшего бичующие угрозы неба и земли видимыми знаками гнева Божьего на опутываемый нечестием народ. Напрасно Ирод высосанными из своих же подданных сокровищами старался облегчать народные бедствия и действовать на народные симпатии: народ готов был благословлять руку, дающую хлеб, но продолжал, не переставая, клясть другую, отнимавшую у него то, что было для него самого дорогого, священного и более насущного.

Немало отчуждало, при таких отношениях, народ и Ирода одна характерная черта в его политике за последующее время царствования. Стараясь показать в себе пред греко-римским миром человека просвещения, он, – оставаясь в сущности совершеннейшим варваром, – окружает себя целой фалангой гречески-просвещенных мужей, предпочитает их видеть на всех важнейших государственных должностях, и к их советам и помощи прибегает во всех важных обстоятельствах. Во главе этих советников стоял и наибольшим доверием Ирода пользовался известный историк Николай Дамаскин⁷⁸⁶, муж бесспорно высокообразованный и талантливый, с успехом выполнявший труднейшие дипломатические миссии по поручению Ирода; в числе довереннейших друзей царя был и брат Николая, Птолемей. Другой Птолемей⁷⁸⁷ поставлен был Иродом как бы министром финансов, и имел у себя перстень с печатью царя. Далее следуют два грека или полу-грека – Андромак и Гемелл, последний из коих был воспитателем Александра, сына Ирода, и греческий ритор Иринея.⁷⁸⁸ Были среди этих наперсников Ирода и такие злокозненные личности, как лакедемонянин Еврикл, немало

послуживший тому, чтобы натравить Ирода на столь гнусную и зверскую расправу с его сыновьями.

Но стараясь со всеми этими представителями классического образования и культуры оживить духом последней Иудейский народ и не стесняясь открыто заявлять, что он «стоит ближе к Эллинам, нежели к Иудеям»⁷⁸⁹, Ирод естественно был не в силах обеспечить, в издревле осторожной ко всему иноземному земле, успех культуре, пропитанной язычеством. Не всегда резко высказывавшийся, но везде, где нужно, тотчас выраставший с неотразимой силой протеста Иудейства постоянно вынуждал его на более или менее значительные уступки и ставил его в неизбежно ограниченные отношения к Иудейскому «закону» и национальным воззрениям своего народа. В характерные образчики подобных отношений может быть приведено то обстоятельство, что Ирод решался на постройку языческих храмов лишь в не иудейских городах. Вообще, он избегал пропагандировать эллинизацию открыто насильственным образом, что так удобно могло подвигнуть народ при свежих еще преданиях об Антиохе Епифане к сопротивлению не на жизнь, а на смерть, тем более при том сильном упрочении в народе фарисейско-национального направления, которое явилось результатом известной реакции при Александре. Достоинно особого замечания, что даже монеты Ирода не имеют человеческих фигур, которые заменяются или каким-либо безобидным символом в духе монет Маккавейских, или в крайнем случае (и то уже в последнее время Ирода) изображением орла. Нельзя не видеть в этом важной уступки воззрениям фарисействующей партии. Другую подобную же уступку дает видеть нам Иосиф в его боязливом избегании всего предосудительного при перестройке храма. Он не позволял себе входить далее третьей ограды, что дозволялось лишь священникам, и предоставил исключительно последним постройку самого храмового корпуса.⁷⁹⁰ Характер подобной же уступки носил бесспорно и инцидент, разыгравшийся в Иерусалиме вслед за учреждением в нем игр и появлением человеческих лицеподобий, когда именно Ирод публично старался осмеять пред негодующими Иудеями их нетерпимость по отношению к вооруженным статуям, раздевая которые, думал приучить всех видеть в них не больше того, что они представляли в действительности, т.е., простые бесформенные обрубки.⁷⁹¹ Наконец, характерный случай подчинения необходимости платить дань современному настроению и воззрениям народа представляет история сватовства Аравитянина Силлея на сестре Ирода Саломии, при чем непременным условием брака Ирод ставит принятие женихом Иудейских обычаев (ἐγγραφῆναι τοῖς τῶν Ἰουδαίων ἔθεσι), после чего брак расстраивается.⁷⁹² Возможно, что не чуждо было политичности и то обстоятельство, что более рассудительные фарисеи, каковы напр., были Поллион и Самей, – пользовались от Ирода немалым уважением. А ведь они были в числе первых, наотрез отказавшихся от верноподданической присяги Ироду.⁷⁹³

Наряду с отдельными отклонениями от обычного направления в сторону угождения фарисейско-народному ригоризму, мы видим решительные успехи Иродовой политики в ее – более языческих, нежели иудейских чертах

характера. Даже там, где фарисейские воззрения вовсе не мирились с его культурными стремлениями, он зачастую или не принимал их во внимание, или другой рукой отнимал то, что уступал одной. Он оказывает уважение фарисейским требованиям невмешательством в дело строения священнейших частей храма; но это не мешает ему, точно в поругание, поставить орла над главным входом храма.⁷⁹⁴ Он радеет о не осквернении святыни, и, однако, оскверняет св. город языческими мерзостями, каковыми от всех почитались театр и амфитеатр. Он наводняет государственные учреждения представителями греческой образованности, не исключая даже первосвященнического звания, заместителями которого, по произволу и поставляемые, и отставляемые, являлись предпочтительно «облизанные культурой», но выражению одного историка⁷⁹⁵, Александрины и, следовательно, более гарантированные от фарисейского влияния. Самый Синедрион, это единственное, по понятиям народа, и по праву, высшее правительственное учреждение, настолько теряет всякое значение, что даже сам сомневается в своем существовании.⁷⁹⁶ Вообще, балансирование между фарисейством с его идеалами, шедшими в разрез Иродовой политике, и саддукейством, ради его асмонейского настроения, – было типичной чертой внутренней политики Ирода, и дружественно – близкие отношения и доверие его к представителям того и другого являлись только несчастными исключениями. Что касается простого народа, то вообще время владычества над ним Ирода и его династии вполне годится для удачной локализации знаменитого пророчества Самуила, изреченного от имени Иеговы на просьбы народа о царе:... «будете ему рабами, и восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе, и не будет Господь отвечать вам тогда!». ⁷⁹⁷ Без всякого сомнения, если видеть на каком из царей Иудейских вещее исполнение этих достопамятных предсказаний, то именно всего более на Ироде. Ни одно из характерных предостережений, какие делал тогда пророк, не прошло без «сбытия» в царствование Ирода. Не оставалось такого заветного воззрения, такого – действительного или воображаемого только права и достояния народного, которых бы не коснулся Ирод своим политическим скептицизмом и попыткой нарушить их. Поистине, такой царь не мог быть «родным»⁷⁹⁸ своих подданных, как не мог быть царем «по сердцу Божьему» тот, кто самым храмом Богу воздвигал в сущности храм своему ненасытному славолению и ради угождения ненавидевшим его подданным. Изнемогая под непосильным бременем его правления, народ неустанно роптал, и мог только **терпеть** владычество, полное блеска с внешней стороны и преисполненное неистовства и гнета с внутренней, встреченное энергичным отказом в присяге в самом начале⁷⁹⁹, рядом заговоров в середине⁸⁰⁰ и брезгливо-презрительным, до ужаса, отвращением в конце. Не менее характерную картину представлял и царь в отношении к народу. Странное, редкое зрелище! Царь вооружается против своих подданных, как против жесточайших своих врагов; воюет с ними, как с опаснейшими неприятелями; окапывается от них непроходимыми рвами и укреплениями; воздвигает целые ряды грозных и неприступных крепостей⁸⁰¹ и военных

колоний⁸⁰²; постоянно держит наготове наемные дружины Фракийцев, Германцев, Галлов и т.п.⁸⁰³, готовых по единому мановению взбалмошного деспота кровью тысяч народа затушить всякий пожар; окружает себя тайной полицией и шпионством⁸⁰⁴, отслеживая и истребляя всякую попытку к мятежу в зародыше. Какой жалкий жребий народа Иеговы! Какая ирония над его, освященным Словом Божьим, понятиями о помазаннике Божьем!

Среди всех ужасов Иродова царствования, наряду с его неистовствами, было бы не совсем справедливо, конечно, не признать вместе с Schürer'ом, что оно имело и свои добрые стороны, дававшие, может быть, достаточные мотивы для усвоения этому царю прозвания «Великого».⁸⁰⁵ Прежде всего, между сооружениями Ирода было немало полезных, каковы, например, улучшенный гавани (в Иоппии, Кесарии и др.), водопроводы, каналы, пруды и т.п. Под его деятельной поддержкой и содействиях много было данных для процветания торговли и обмана. Не чужд, может быть, он был порывов некоторого великодушия к своим подданным, – довольно, впрочем, сомнительного достоинства, вроде скидки с податей на что могло наталкивать его и эгоистическое честолюбие, и необходимость предупредить взрывы ненависти подданных, и, наконец, естественная невозможность поступать иначе, в виду крайнего истощения народных средств, во дни общественных бедствий. Мы затрудняемся находить истинное (изумляющее Schürer'a) великодушие даже в наиболее тяжелую годину голода (25 г.), охватившего землю Иудейскую, когда Ирод, сам оскудевший в средствах при невозможности собрать с народа обычные подати, не пожалел драгоценную посуду дворца перечеканить на монеты, чтобы поддержать народное благосостояние. Ведь все это, право же, было только своего рода «гешефтом», дачей займы, и притом под какие проценты!... В лучшем случае, это заслуживает одобрения не более, как то, когда расчетливый хозяин, в критических обстоятельствах сберегает свой инвентарь (Богор. 518).

Лучше всего понимал это и может нам уяснить сам народ, отвечавший на всю Иродовскую благотворительность самой слабой признательностью, совершенно терявшегося за постоянным и твердым настроением обратного рода. По всему этому, правление Ирода в целом может быть названо «лоскливым», но отнюдь не было оно счастливым, блестящим, великим.

Да и «лоскливым»-то оно было разве лишь по внешней политике. И, во всяком случае, недостаточно данных на усвоение Ироду «неоспоримого величия», даже в том, что, благодаря умению подделаться под благосклонность Кесаря, Ирод почти вдвое расширил пределы своей земли. Среди вводимого тогда в моду Римской монархией привилегированного класса «царей союзных» (*rex socius*)⁸⁰⁶, Ирод примернее всех сумел сделать из своего положения поприще, на котором развернул все свои силы и усердие. Он обещал показать себя достойным доверия и дружбы Кесаря, и старался действительно оправдать это обещание, не пропуская случая – представиться лично Кесарю, чтобы отдавать отчет ему и взывать к его посредничеству даже в собственных домашних делах.⁸⁰⁷ Уже в 30 г. он несколько раз встречал и сопровождал Августа на пути в Египет и при возвращении из него, получая от

него щедрые подарки городами.⁸⁰⁸ Десять лет спустя, в 20 г., он имел случай снова приветствовать Августа на почве Сирийской, взысканный теми же милостями Кесаря.⁸⁰⁹ Не довольствуясь этим, Ирод не ленился сам прокатиться в Рим на милостивые приемы Кесаря: особенно утешительно в этом отношении было для него путешествие в 18–17 году за сыновьями Александром и Аристовулом, воспитывавшимися в Риме⁸¹⁰; позднее известны еще 2 его посещения Рима в 12 и 10/9 г. до Хр.⁸¹¹ Ласкательствуя пред Кесарем, Ирод, без сомнения, не забывал делать то же пред всеми связанными с ним узами родства или дружбы лицами. Из числа таких особенным заискиванием Ирода пользовался доверенный друг и зять Августа – Агриппа, близость которого к Ироду засвидетельствовалась весьма радушными приемами его на почве Иудеи (в 15 г.) и чрезвычайными знаками внимания к нему Ирода в других местах (28–21 г. в Митиленах⁸¹², и в 14 г. на море сопровождением флота).⁸¹³ Посещение Агриппой Иудеи ознаменовалось лестным для Иудейского народа засвидетельствованием к нему дружбы и уважения Римлян: Агриппа принес жертву из гекатомбы в храме Иерусалимском, приветствованный радостными восклицаниями всего народа, угощенного потом пиром.⁸¹⁴ Само собой разумеется, и дружба Агриппы не была платоническим ответом на не платоническое же внимание Ирода. Последний щедро разбавлял свое внимание к могущественному protégé драгоценными подношениями и сюрпризами, равно как и первый «удружал» Ироду, как и чем только мог, что в особенности красноречиво выразилось за время сопутствия Агриппе по Малоазийским городам, Иудейское население которых везде было щедро осыпaeмо милостями и привилегиями Агриппы, в угоду его царственному спутнику, не забывавшему из собственных, конечно, расчетов замолвить словечко за соотечественников. Одним словом, отношения к Ироду Августа и Агриппы были столь тесны, что льстецы имели полное основание называть Ирода вторым любимцем Августа после Агриппы и – Агриппы после Августа.⁸¹⁵

Насколько это все мало, однако же, мирило народ с Иродом, видно из того, что даже наиболее блестящий период его правления (20–14 г.) не проходил без энергичных более или менее выражений всеобщего недовольства. Отвращение – вообще было неизменным ответом на успехи полу-языческого режима ненавистного идумеянина: железный, деспотичный кулак последнего – единственно успешным средством превозмочь брожение недовольных масс.⁸¹⁶ Третий период правления Ирода дал ужасающие плоды этого недовольства, обострившего подозрительность и кровожадность Ирода до последней степени.

Это был период прежде всего (13–4 г.) страшных домашних злоключений, явившихся как бы продолжением кровавых подвигов Ирода в первый период и доведенных теперь до апогея мрачности и безчеловечия.

На беду, Ироду посчастливилось иметь огромную семью, давшую смертельной косе, размахивавшейся в его руках, обильную жатву. Он имел 10 жен, что было ненедозволено законом, как старается уверить Иосиф⁸¹⁷, но обличает, с другой стороны, необычайную чувственность его натуры. Замечательнейшие из этих жен были: **Дора**, которая, с прижитым от Ирода сыном Антипатром, могла показываться в Иерусалиме только по большим праздникам⁸¹⁸; **Мариамма** (с 37 г.), племянница Гиркана, родившая Ироду 3 сыновей и 2 дочери, из числа коих младший сын умер в Риме⁸¹⁹, где он воспитывался, два другие – выступают героями последующей истории; судьба дочерей Салампсо и Кипра обзревается у Иосифа XVIII, 5, 4. С 24 г. выступает третья супруга Ирода – также **Мариамма**, дочь Александрийского священника, возведенного при этом и в первосвященство⁸²⁰, родившая Ироду сына, так же Ирода. Из остальной семерницы жен более интересны Самаритянка Малеака, мать Архелая и Антипы, и Иерусалимлянка Клеопатра, мать Филиппа. Если принять во внимание, что между женами Ирода только две не дарили его потомством, и что Ирод видел настолько взрослыми своих внуков и внучек, что самолично связывал их узами Гименея, то из сего будет ясно, какая громадная семья была свидетельницей и училась быть подражательницей его гнусных и бесчеловечных уроков.

При всех свирепствах, имевших целью истребить в корне ненавистный род Маккавейский, последний имел еще своих представителей. Но – какой ужас для Ирода! Эти представители были уже его собственные дети от Мариаммы, тем более опасные, чем они ближе к нему. «Маккавеи – в его собственном доме! Правда, он был им отец; но он был... ирод!» (Богород. 512).

Не трудно угадать, что могло выйти из этой чудовищной коллизии. Подобно своей матери, Александр и Аристовул были вначале, предпочтительно пред всеми, любимцами Ирода, и подобно ей же, понесли потом на себе тем более трагически все его бессердечие и зверство. Их именно Ирод желал видеть наследниками своего «величия», и чтобы они были при этом «достойнейшими» наследниками и слугами Римлян, отправил их в 23 г. на воспитание в Рим.⁸²¹ Здесь эти многообещавшие юноши изучили все, кроме искусства сохранить жизнь вблизи Ирода. Они не хотели или не могли забыть совсем, что в них течет кровь Маккавеев. Сам народ Иерусалимский усиленно поддерживал в них это сознание своими особыми симпатиями к ним, наряду с нескрываемой ненавистью ко всем прочим членам Иродовой фамилии (Богород. 512). Через 5 лет (18–17 г.) Ирод сам прибыл за ними в Рим, и его родительские чувства, при виде цветущих красотой и мужеством 17–18 летних юношей, образованных и отшлифованных, во вкусе

идеализованного им Римского двора, естественно должны были переживать невыразимое удовлетворение. Не забыв вместе с поклоном Кесарю похвастаться пред ним своим сокровищем, он с торжеством везет их к Иерусалимскому двору и спешит приискать им прекраснейших и достойнейших невест: для Александра – каппадокийскую царевну Глафиру, для Аристовула – свою племянницу, дочь Саломии, (от Костовара) Веренику.⁸²² Такое тесное переплетение Асмонеи и Идумейской линий в Иродовом семействе не помогло, однако, обеим этим линиям перестать изображать из себя два враждующие лагеря, которые, как положительное и отрицательное электричество, чем теснее сближались, тем напряженнее стремились к исключительности и взаимоуничтожению. Застрельщиками в не умедлившей разразиться в силу этого борьбе явились сами дети Мариаммы, чувствовавшее царственно-благородную кровь в своих жилах и клеймившие беспощадным презрением все, что только напоминало их идумейское родство. В рядах защитников чести Идумейского элемента впереди всех, конечно, выдавалась Саломия со своим братом Феророю, которая испытывала в ненависти детей Мариаммы бесившую ее месть за изведенную некогда мать. Так завязалась новая трагедия, приведшая к роковому концу не только детей Мариаммы, но и некоторых не асмонеиских членов Иродовой фамилии (Антипатра и Ферору).

После долгих тщетных усилий поколебать Ирода в заблуждении относительно любви и признательности к нему его детей, Саломии удалось создать в злой мнительности царя благоприятную почву, на которой семя злобы пустило корни и принесло свои плоды. К несчастью, вместе с благородной кровью своей матери, юноши унаследовали какую-то неужданным антипатию к ее убийце. Эта влитая Мариаммой благородная кровь была в них как бы «кровью, вопиявшей за нее на небо» в каждом их действии, вытесняя и заглушая естественные сыновние чувства к Ироду. Все это, конечно, не могло укрыться от пронизательного Ирода, тем более, когда не столь осторожное поведение Александра и Аристовула с Саломией дало последней веские основания уверить Ирода в ненадежности его любимцев и растравить болезненную подозрительность его к ним до последних пределов.

Прежде принятия каких-либо решительных мер для ограждения спокойствия в своем доме, Ирод придумал для охлаждения заносчивости предопределенных своих наследников следующую демонстрацию. Он вызвал к себе снова удаленного было Антипатра, вместе с его матерью, стал оказывать ему особенное внимание и далее отправил его в Рим, в свите Агриппы, возвращавшегося (в 13 г.) домой, после 10-летнего пребывания на Востоке, прося представить его Кесарю и приобрести его благосклонность⁸²³, как к возможному наследнику престола. Мера эта сейчас же произвела свое действие. Она усилила оппозицию задетых наследников до крайней степени, и в то же время окончательно искоренила мир в царствующем доме. Рядом с нарушавшей этот мир заносчивостью Александра и Аристовула стало теперь надменное высокомерие Антипатра пред своими сводными братьями, считавшего более обеспеченным свой путь к трону, и усиленная травля на них

Ирода со стороны всего враждебного им лагеря, – и оскорбленный унижительным недоверием отца и возмущенные этой травлей дети Мариаммы не удержались, чтобы открыто не бросить ему в глаза упрек в бессердечной расправе с матерью и в возмутительном поведении с ними. Дело дошло, наконец, до того, что Ирод обратился с горькими жалобами на своих детей (12 г.) к самому Кесарю, приведя их к нему в Аквилею и понося за неблагодарность. Тронутый чистосердечною исповедью невинных царевичей и поняв, что Ирод являлся игрой призраков⁸²⁴, Кесарь успел примирить отца с детьми и восстановил было домашней мир, но ненадолго... до тех только пор, пока примиренные не попали снова в пропитанную интригой и кровью атмосферу двора Иродова.

Теперь эта атмосфера охватила обреченных ей жертв во всей своей безысходной горечи и смертоносности. С адской хитростью враги молодых царевичей не щадили в грязных сплетнях самого Ирода, чтобы только разжечь ненависть их к царю и вывести наружу их мстительные наклонности; – сочиняли всевозможные ложные доносы на их приближенных, чтобы жестокостями пыток вымучить у них ложные признания в небывалых преступлениях: коварно бесчестили в присутствии детей память матери, будто бы не безвинно понесшей кару, чтобы довести их до той степени раздражения и потери самообладания, когда у убежденных в невинности матери детей неудержимо вырывались упреки по адресу отца – убийцы невинной, и т.п.

Уже один из царевичей – Александр – томился в узах, как жертва только что перечисленных (далеко неполно) интриг. Решительную развязку несчастной судьбы узника отсрочить несколько лишь его тесть, Архелай, нарочито прибывший из Каппадокии при слухах о смутах при Иудейском дворе. Хитрый Каппадокиец, тотчас смекнув, что упреки и уговоры Ирода только еще более ожесточили бы своенравного деспота, с таким искусством разыграл роль гневного и оскорбленного своим зятем тестя, угрожая разводом, что Ирод сам вступился за своего сына и разрешил дело полным примирением и оправданием Александра. Но это было лишь коротеньким затишьем пред жестокой бурей. Внимание царя от домашних неурядиц неожиданно отвлеклось затруднительными внешними обстоятельствами, подведшими Ирода под опалу Кесаря. Вся (!) вина Ирода состояла в том, что он жестоко расправился с Трахонитянами, которые, пользуясь его поездкой⁸²⁵ в Рим по делу Александра и обрадованные слухами о смерти его, восстали против невыносимого режима и нашли себе сочувствие и содействие соседней Аравии, где известный разжалованный зять царский Силлей (муж Саломии) ворочал всеми делами вместо слабохарактерного царя Овода. Грубый отказ Силлея на требование Ирода выдать главных зачинщиков восстания, укрывшихся в Аравии, вынудил Ирода прибегнуть к вооруженному вторжению в пределы ее за бунтовщиками и к нечаянному столкновению с Аравийскими войсками, кончившемуся довольно печально для Аравитян. Несмотря на то, что эта кампания предпринята была не без соизволения Сирийских наместников (Сатурнина и Волумния), такой результат ее являлся столь немаловажным нарушением нейтралитета страны, а Силлей, отправившийся

лично в Рим с жалобой на Ирода, настолько не пожалел красок для обрисования нечеловеческой жестокости и возмутительно-несправедливой политики Ирода, что Кесарь в гневном послании объявил ему⁸²⁶ свое неблаговоление и несколько раз отказывался даже выслушивать его оправдательные посольства, пока, наконец гнев Кесаря несколько поостыл, и эту миссию взял в свои умелые руки друг Ирода Николай Дамаскин.

Разлад с сыновьями, между тем, шел у Ирода своим чередом. При дворе Ирода появился новый злой гений, в лице недостойного Лакедемонянина Еврикла, ускоривший печальную развязку своими интригами. Легко входивший в доверие всех членов Иродовой фамилии, этот ловкий проходимец – «гость» Иродова двора и нахлебник Антипатра, злоупотребляя всеми правами доверенного гостя, быстро перезнакомил врагов с потаеннейшими жалобами и планами Александра и Аристовула; остальное все сделали подвергнутые жесточайшим пыткам слуги царевичей, давние нужные показания. Оба брата оказались в цепях и не доставало только одобрения со стороны Кесаря, чтобы снарядить над ними формальный суд. Скоро, однако, кровожадное влечение освободилось и от этой преграды. Как бы уверенный в успешных результатах примирительной миссии Николая, Ирод спешит повергнуть на благоусмотрение Кесаря необходимость суда над уличенными преступниками, и новое посольство его как раз успевает застать Кесаря в момент его раскаяния в несправедливой(!) обиде Ироду. Реваншем за эту несправедливость было полное удовлетворение желаний Ирода и право жизни и смерти над врагами его спокойствия и безопасности, причем, избегая ближе вмешиваться в столь отвратительное дело, Кесарь не мог придумать ничего лучше, как посоветовать, чтобы суд, имеющий разобрать дело, собран был в Вирите, при участии римских чиновников, которые могли быть удобнее всего собраны сюда со всей Сирии.⁸²⁷ Самый ход судебного процесса любопытен для характеристики этого нового злодеяния Ирода. Подсудимые, прежде всего, не были представлены в собрание суда; пред ним предстоял один обвинитель, с непристойным гневом и красноречием, достойным лучшего применения, докладывавший суду о всех добытых уликах и с яростью отвергавшей всякие инотолкования и возражения в защиту «уже изобличенных в злоумышлении» преступных детей, власть над которыми он, Ирод, получил и от природы, и от Кесаря, и от самих отеческих законов, что все по необходимости ограничивает все полномочия суда не **правом судить** его детей, а лишь **подтверждением** его праведного на них гнева и дарованием примера потомству, что такие преступления не должны оставаться безнаказанными... Под впечатлением такого грубого неистовства, суд потерял самообладание и единогласно подтвердил то, чего желал Ирод. Напрасно одна спокойная и неомраченная заразительностью злости голова попыталась было разумно-спокойной речью пробудить здравый смысл и человеческие чувства Ирода. Это был – наместник Сатурнин, подавший голос за более соответствовавшее преступлению и родительским чувствам наказание провинившихся, – к чему тотчас же примкнули и его три сына. Еще более напрасно, и даже ценой жизни, попытались умиловить царя в пользу

осужденных – старый служака Ирода Тирон с 300 воинских начальников, которые все показались ему соумышленниками несчастных князей, и тотчас же все погибли. Это ускорило и гибель осужденных, по отношению к которым Ирод как будто вначале колебался приведением в действие бесчеловечного приговора. Однако, мысль, что они имеют таких заступников, открыто осуждавших его поступок с ними, прекратила эти колебания, и несчастные юноши кончили свою многострадальную жизнь, удушенные в Севастии⁸²⁸ (Самария), где 30 лет назад с такой пышностью был отпразднован брак Ирода с их матерью.

Вскоре эта кровавая эпопея пополнилась еще одной бессердечной казнью. Ирод натолкнулся, наконец, на действительного своего врага в лице Антипатра, который, не удовлетворяясь тем, что руками его самого расчистил себе дорогу к престолу, помышлял устранить последнее препятствие – жизнь отца: – сын, достойный своего родителя! Он нашел себе надежного союзника в лице Фероры и удобную почву для смуты в интригах фарисеев, пользовавшихся своим влиянием на Иродианок для поддержания и распространения смут при дворе, не высыхавшем от крови. Не дремала и старая змея – Саломия. Подозрительная близость Фероры с Антипатром обратила на себя ее внимание, а чрез нее стала известна и Ироду. Опасаясь дальнейших разоблачений, Антипатр чрез своих римских друзей подстроил так, что Ирод отправил его в Рим к Кесарю с богатыми дарами за утверждением в правах наследника престола, не имея сил отказать себе в надежде на верность отличенного таким вниманием сына.

В отсутствие Антипатра, умер Ферора, ускорив печальную развязку и судьбы Антипатра. Тотчас же началось энергичное распутывание хитросплетенных нитей чудовищного заговора. Донос двух вольноотпущенников Фероры намекнул, как на причину скоропостижной его смерти, на отравление ядом; пытки и допросы домашних Фероры шаг за шагом привели к тому, что этот яд заготовлен Антипатром и не для Фероры, а для самого Ирода; были выпиты важные улики подозрительных сношений Антипатра с Феророй; собраны неосторожные жалобы Антипатра на томительное долголетие царя, отдаляющей наследие им престола, – на ненадежность его видов, и т.п.; выдана женой Фероры вся программа покушения, исповеданная покойным в предсмертной беседе с нею: одним словом, не оставалось ничего тайного, и во всем этом лабиринте чудовищных открытий вне всякого сомнения выступала истина гнусного посягательства на жизнь Ирода со стороны любимого братоубийцы – сына, который даже и не подозревал возможности столь быстрого оборота дела, и со спокойной совестью немедленно выбыл из Рима, как только получил льстиво-милостивое приглашение отца вернуться ко двору. Несчастный едва успел переступить порог дворца, как тотчас же был арестован, и уже собранный по его делу суд (в присутствии Сирийского наместника Вара) на другой же день вынес ему смертный приговор. После этого Ирод тотчас же заключил его в оковы и отправил постановление суда на утверждение Кесаря.⁸²⁹ По странному противоречию человеческой природы, Ирод не спешил, однако, исполнением

приговора над действительным преступником, и понадобилось новое осложнение дела провинностью Антипатра, чтобы разъяренный тиран вышел из спокойной спячки в этом противоречии.⁸³⁰

Было уже около 70 лет пресытившейся кровью жизни Ирода, когда эта победоносно вышедшая из таких опасностей жизнь готовилась, наконец, уступить смертельной болезни царя. Демон крови заговорил в нем всею ненасытностью своих потребностей, прежде чем уснуть в нем. Всеобщее смятение умов, вызванное надеждой на скорое прекращение до омерзения ненавидимой жизни, дало богатейшую пищу для последних предсмертных неистовств изверга, в чаду коих он прощался с жизнью. Спеша сгладить позорное клеймо язычествующего режима, толпа народа, при первом же слухе о безнадежности положения царя, наэлектризованная пылкой инициативой двух раввинов (Иуда Сарифеев и Матфий Маргалофов), свергла ненавистного «орла» римского с насиженного им места (над воротами храма), но успела также заплатить за эту поспешность кровью главных своих предводителей, от руки бывшего еще на то в силах Ирода.⁸³¹ Поторопившись с теми же обманчивыми надеждами погиб и томившийся в узах Антипатр⁸³², попытавшийся подкупом вырваться на волю, где теперь ему можно было действовать, и моментально казненный, по доносу тюремщика. Наконец, превосходя всякое возможное бесчеловечие и зверство, Ирод и самое свое последнее издыхание замышляет усладить потоками крови. Посреди агонии смерти, терзаясь мыслью, что эта смерть станет предметом ликований, он, как бы умудряясь перехитрить невозможность посмертной мести, изобретает средство вмешать в нее причины для всеобщегорьких слез, – умоляет присутствовавших при его последних минутах Саломию и Алексу (3-го ее мужа) умертвить в минуту его смерти знатнейших Иудеев, заключенных им в Иерихонском цирке, чтобы произвести в народе желанный траур⁸³³... Как видно, такая последняя воля превышала уже всякие человеческие силы; только во всяком случае, другого Ирода для приведения ее в действие уже не нашлось.⁸³⁴

Так пресеклась эта чудовищная жизнь первого антихриста, предварившего первое пришествие Христа, как бы в прообраз имеющего предварить второе, – жизнь, для которой не было ничего святого, кроме страстей, – в которой, как в фокусе, сосредоточилась вся нравственная тьма растленного человека, порывавшаяся затмить самое Солнце Правды⁸³⁵, воссиявшее миру посреди этой беспросветной тьмы. Когда именно наступил этот высочайший момент мировой истории (Рождество Христово), приветствованный песней неба и совпавший с ликованием земли по случаю гибели худшего из порождения ее, – вопрос столько же важный по его значению для христианского летосчисления, сколько и недостаточно определенный для точного решения.

По точному свидетельству Иосифа⁸³⁶, смерть Ирода была незадолго **"пред Пасхой"** след. **в Марте или Апреле**, через 37 лет после провозглашения царем и через 34 года после взятия Иерусалима, т.е., по-видимому (40–37) в **3 году до обычно-принятого** христианского летосчисления. Но имея ввиду неизменную манеру Иосифа – увеличивать

счисление одним Иродом более⁸³⁷, принимая остатки года за полный год и ведя счета лет правления царей от Нисана до Нисана⁸³⁸, – мы имеем все основания установить, что 34-й год Ирода, год его смерти (и рождения Христа), начался 1-го Нисана 4-го года до Хр. эры, и что, таким образом, смерть Ирода падает на время между 1–14 Нисана этого именно года (4-го).⁸³⁹ За справедливость последнего положения говорят – одна важная астрономическая дата и хронология преемников Ирода. Иосиф делает столь благодарное упоминание, что незадолго (Арх. XVII, 6, 4) до смерти Ирода было лунное затмение, а это по точным астрономическим изысканиям могло быть именно затмение в ночь на 12–13 Марта 4-го года (Wurm, стр. 34 и д., Ideler, 391 и д.). То же самое положение подтверждается хронологией Архелая и Антипы, преемников Ирода. Так как первый, по Dio Cass. LV, 27, отрешен от правления Августом 759 а. У (в консульство Эмилия Лепида и L. Arruntius'a, в 9-й год его правления⁸⁴⁰, – а отрешение второго Калигулой падает на лето 39 г. по Хр. == 792 а. У. И – судя по дошедшим до нас от его времени монетам именно на 43 году правления⁸⁴¹, – то обе эти комбинации подтверждают одно и то же, что началом правления обоих названных царей, а, следов., и годом смерти Ирода был именно 750-й а. У. год == 4-й до Хр. э.⁸⁴², **отстающей** посему от своего **действительного** начала как раз **на 4 года**.

На смерти Ирода собственно кончается та бессмертная заслуга Иосифа, благодаря которой мы можем иметь полный обстоятельный обзор Библейской истории в ее подготовительном к Новому Завету значении. В дальнейшем эта заслуга, впрочем, нисколько не прекращается, и приобретает даже особо важное значение, давая в Археологии множество благодарных комментариев к Евангельским событиям, без которых эти события выступали бы далеко не в такой яркости и объективной жизненности, и в свою очередь имея и для себя в этих событиях не мало дополняющего и подтверждающего материала. Наконец, дальнейшее повествование Иосифа дает непрерывный ряд обстоятельных и захватывающе интересных картин Иудейско-народной жизни пред знаменитым последним восстанием за национальную свободу и столько увлекательно-трогательных страниц из истории этого восстания, кончившегося гибелью священнейшего из городов земли, – гибелью, которая ранее Иосифа и вполне согласно ему, как современнику, в предначертании Спасителя нашла свое увековечение на страницах Евангелия.

III. Археология и Новый Завет. (XVII-XX кн.)

§ 34. Иосиф и Евангелисты – о состоянии Иудеи при явлении И. Христа. (4 г. до Хр. Э.)

Арх. XVII, 9–11 гл.; περὶ ἀλώς. II, 1–6.

История Ирода, соединяя порванные нити Ветхого Завета и Нового, соприкасается своими последними событиями с Историей Евангельской, находя в последней весьма важные новые черты для своего дополнения и освещения, равно как и сама, уделяя многое для разъяснения и подтверждения последней. Ирод Флавия и Ирод Евангелия – что может быть согласнее и историчнее? Старый злодей, тревожащийся при одной вести о каком-то «новорожденном Царе Иудейском»; – хитрый проныра, столь дипломатично пытавшийся употребить и неведомых пришельцев в орудие своего кровавого замысла; – бессердечный тиран, ради Одного Младенца избивающий целый околоток невинных малюток... – как все это прекрасно дорисовывает и подтверждает исторический образ болезненно-подозрительного, демонски-коварного и мрачно-бесчеловечного Ирода, начертанный И. Флавием. Без особых натяжек, можно восстановить немало и других характерных черт Ирода или его правления в Евангельских событиях, и находить вообще немало благодарного материала для уразумения многих характерных проявлений народного духа времен Спасителя. Мы знаем, например, каким высоким почетом пользовались до Ирода фарисеи, являя в себе образец пламенного патриотизма и безраздельно владея мыслями и чувствами всего простого народа, – и как, не смотря на всю свою смелость, они должны были стушеваться пред решительными мерами Ирода; ближайшим результатом этой перемены было то богатое последствиями явление, что они, попрятавшись по школам, замешиваясь в толпы народа, усиленно продолжали втайне воспламенять юношество и народ ненавистно к Римлянам и Ироду, их орудию, причем – неразборчивые в средствах для ослеплявшей их мести, они особенно ревностно и успешно воспитывали народ в этом направлении путем искусственно-остроумных применений к современным лицам и событиям (в данном случае Ироду и Римлянам) всего, что только представлялось в Писании наиболее богопротивным и гнусным. И нет ничего невозможного, что именно это самое не мало способствовало развитию и преобладанию того искусственно-софистического, зиждущегося на тонких намеках и отдаленно-темных сближениях способа толкования Св. Писания, который убил дух жизни в Иудейском Богословии и стал одной из мертвых сетей, коими фарисеи опутали Израиля и заградили глазам его истинный смысл Св. Писания и грядущих событий (Богородский, Об Ироде.) Весьма возможно далее, что Ироду более, чем кому-либо другому, обязаны своим извращением Мессианские представления Иудеев, сведенные мало-помалу их распаленным ненавистью к утеснителям воображением в ложный образ Мессии, в Котором, вместо Кроткого Учителя любви и Спасителя всего мира, они приучились ждать Царя-Мстителя, имеющего прежде всего обогреть свои руки кровью врагов Израиля. Наконец, не осталась без знаменательных

последствий вся вообще политика Ирода, во всем угождавшего Римлянам-язычникам, которые сильно наводнили всю страну, заквасили Иерусалим, с любопытством переполняли внешние дворы храма, перенеся сюда ту неблагопристойную шумливую суету, обычно господствовавшую в языческих храмах, за которую дом молитвы получил от Спасителя столь нелестное уподобление вертепу разбойников (Мк.11:17).

Достоин — с другой стороны — особенного внимания, что именно царствование этого кровожадного тирана избрано было временем дарования миру Предопределенного от века «Царя мира». Под тяжким кошмаром царствования узурпатора, при громе ужасов, не смолкавшем за все это царствование, — так благоприлично было совершиться величайшему таинству непостижимого вочеловечения Бога-Слова, так благовременно было пропеть переутомленной земле тот «мир», который несло ей осуществление величественной тайны: «с нами Бог!». Лучшее люди того времени, действительно, и горели нетерпеливым желанием и ожиданием Обетованного Избавителя.⁸⁴⁴ Время было явиться Ему по самому состоянию не только маленькой Иудеи, но и всего остального мира, сплоченная под могучею рукою единоначальствующего Кесаря, как бы нарочито для облегчения веры языкам «во едино владычество Божества»...

И — **Он явился!**. Явился, и — казалось бы, земля с распростертыми объятиями должна была принять этот священнейший дар неба? Казалось бы, небо должно было поглотить землю, и земля претвориться в небо? Казалось бы, вдохновленная Небожителям этим чудным актом Божественной любви к человечеству песнь должна была огласить не только Вивлеемскую мглу, но и чертоги царские, сделать своими слушателями не только скромных пастухов, но тем паче сильных и знатных мира сего? Но что же мы видим вместо всего этого? «Слышав Ирод царь **смутися** и весь Иерусалим с ним» (Мф.2:3). Смущение Ирода еще понятно, но что значит это смущение столицы Мессииной, города Давидова, при отрадном известии о явлении Давножданного и Желанного Царя? Тупое принятие великой вести, указывает, по-видимому, на неожиданность ее и совершенную не подготовку к ней. Иосиф Флавий может послужить здесь к весьма важному пояснению дела, как вообще последние книги его Археологии составляют неизмеримую заслугу этого писателя для последователей Евангелия. Имея в виду, что время рождения Спасителя, падающее на Декабрь (25) 4-го года до нашей эры, и первые слухи о Нем — совпадали с последними и самыми грозными вспышками его неутолимой кровожадности, мы не должны удивляться, что, изнемогавший под двойным гнетом Римским и Иродовым, народ Иудейский более тревожится сенсационным известием, нежели увлекается им. Дальнейшие Евангельские известия как нельзя более оправдали эти народные тревоги, приписав Ироду столь свойственное ему и вполне правдоподобное злодеяние. Подобное же губительное влияние должно было оказывать ожесточение народного духа на его нравственное настроение и вообще на религиозные устои его жизни, превратив, с одной стороны, благочестие, имевшее фарисейскую окраску, в мрачный фанатизм, а с другой — саддукейский рационализм в полное

равнодушие к высшим Мессиянским упованиям Израиля, делающее столь понятным ненависть саддукеев ко всякому народному движению, основывавшемуся на этих упованиях, и тупое довольство их сытым и пьяным сегодняшним днем (Богородский).

«Изомроша ищущии души Отрочате!» (Мф.2:20.) – так кончилась последняя попытка – обезопасить свой престол – для кровожадного узурпатора, подвигшегося на смертную брань против безоружного Младенца... Согласно последнему (3-му) его завещанию, наследие царства предоставлялось Архелаю, в то время как два другие сына Ирода назначались тетрархами: один, Антипа – Галилеи и Переи, другой, Филипп – Гавланитиды, Трахонита, Батанеи и Пании. Новый царь Иудейский тотчас же должен был отправиться в Рим за утверждением в правах наследия. Но прежде чем отбыть эту повинность, Архелаю понесчастливилось вынести неприятное столкновение с Иудеями, потребовавшими немедленного отмщения Иродовым советникам за смерть казненных Иродом раввинов Иуды и Матфия. Не успев усмирить так не кстати появившееся волнение мерами убеждения, и опасаясь, что оно может принять слишком широкие размеры в виду огромного стечения народа на праздник Пасхи, – Архелай решился во чтобы то ни стало подавить мятеж силой; первый отряд воинов, отправленный для усмирения, народ в ожесточении забросал камнями, едва дав возможность спастись немногим; за то пущенное потом в дело пешее и конное войско восстановило порядок, перебив несколько тысяч граждан. Отпраздновав, таким образом, свое восшествие на престол, Архелай поспешил в Рим, оставив своим заместителем брата Филиппа. Одновременно с Архелаем, туда же направились стопы Антипы, предназначавшегося вторым завещанием Ирода в наследники престола, и надеявшегося теперь выпросить силу именно этому завещанию, тем более, когда все сродники Иродова дома, приняв его сторону, согласились заявить Кесарю, что они лучше желали бы видеть страну под непосредственным римским правлением, чем в руках не Антипы.

Август был в немалом затруднении относительно того, как решить это дело, и обратился к помощи совета из своих друзей. Допущенные в собрание искатели Иудейской короны красноречиво высказались за свои права устами ловких поверенных: за Антипу держал речь славный оратор Антипатр, за Архелая известный дипломат Ирода Николай Дамаскин. Август склонился более на сторону последнего и объявил Архелая достойнейшим наследовать царский трон, замедлив, впрочем, окончательным, утверждением его в царских правах.

Между тем, в Иудее анархические беспорядки шли своим чередом. «Возмутился весь народ Иудейский», по выражению Иосифа, и хотя Вар, легат Сирийский, успел несколько подавить волновавшийся Иерусалим, поставив в нем легион солдат, однако, восстание возгорелось со всей силой, как только Вар отбыл в Антиохию. Поводы к этому второму возмущению дал присланный Кесарем в Иудею прокуратор Сабин, который должен был править страной до окончательного решения вопроса о престолонаследии. Ненасытный корыстолюбец настолько бесцеремонно спешил поживиться своими

полномочиями, что выведенный из терпения народ, стекшийся в несметном количестве в Иерусалим на праздник Пятидесятницы, с трех сторон окружил римских легионеров и около храма завязал с ними ожесточенную свалку, кончившуюся тем, что Римляне подожгли роскошные крытые галереи, служившие Иудеям господствующей позицией, и, произведя страшное кровопролитие, разграбили храмовые сокровища, коих одному Сабину удалось прикарманить до 400 талантов.

Это было уже сигналом непримиримой вражды между Иудеями и Римлянами, началом того беспримерного в истории человечества восстания за свободу и идеалы, которое окончилось для Иудеев столь плачевной утратой всякой свободы и самобытности. Завязавшись в Иерусалиме, восстание быстро перекинулось в другие города и откликнулось даже в Галилее. Сабин вынужден был укрыться в укрепленном дворце Ирода и, осажденный усилившимися Иудеями, отсиживался здесь в ожидании выручки Варом. В Галилее известный уже Иуда, сын Езекии, из-за которого Ирод попал под суд Синедриона, разнес в пух и прах Сепфорийский дворец и – *horribile dictu!* – осмелился помышлять водрузить рядом с покровительствуемым Римлянами и свой престол. В Перее дерзнул на такую же анти-Римскую затею любимый раб Ирода Симон, и уже увенчанный короной от своих соумышленников испепелил и разграбил царские палаты в Иерихоне и по всей этой области (вскоре пойман и казнен Гратом). Наконец, с той же самонадеянной мечтой выступали не мало и других самозванцев, из коих несколько позже отличался в особенности некий Афронг (Αθρόγγης), который также, увенчав свою пастушескую главу царской диадемой, гулял по всей Иудее, истребляя повсюду ненавистных Римлян, где бы только они ни попались. Таким образом, это было своего рода Иудейское «смутное время», когда вся страна наэлектризовалась ненавистью к чуждому преобладанию, и, пользуясь наступившим междоусобицей, каждый спешил по-своему ловить рыбу в мутной воде, забывая, что единодушное восстание за свободу родины было бы теперь главной священной обязанностью, и никогда не имело столько шансов на успех.

Встревоженный состоянием Иудеи, Вар мобилизовал два последних Сирийских легиона, присоединил к ним вспомогательные войска некоторых царей и четвертовластников и поспешил на выручку Иерусалимского легиона, усмиряя по пути огнем и мечем неблагополучные по войне местности.⁸⁴⁵ Заслышав о приближении грозных римских сил, осаждавшие Иерусалимский дворец Иудеи, преобладающее большинство коих составляли провинциалы, прибывшие в Иерусалим на праздники, потеряли мужество и разбежались, предоставляя коренному населению города расплачиваться за все происшедшее. Моментально поспешил испариться также и Сабин, злодеяния которого не обещали ничего хорошего при беспристрастном разборе дела Варом. Успокоив Иерусалим и казнив главных зачинщиков, коих нашлось сразу до 2.000 человек, Вар «водворил порядок» в стране, и позволил даже Иудеям отправить к Кесарю депутацию, чтобы от имени всего народа выразить нежелание иметь кого бы то ни было из Иродиад царями и испросить у него

позволения жить по своим собственным законам. Депутация, состоявшая из 50 знатнейших Иудеев, застала в Риме вопрос о преемнике Ирода еще нерешенным и произвела на Кесаря сильное впечатление, после того, как к ней присоединили свой голос 8.000 Римских Иудеев. В собрании, специально открытом для выслушивания этой депутации в храме Аполлона, Иудейские представители довели до сведения слушателей длинный список всех ужасных и возмутительных деяний Ирода и добрый почин в том же направлении оставленного им в преемники, и в заключении этих достаточно убедительных аргументов заявляли, что ни один Иродианин не пригоден более для спокойного царствования в Палестине и что спокойствие это, на которое имеет право всякая страна, теперь возможно единственно при предоставлении Иудее права жить по собственным законам, хотя бы под прокуратурой Рима. Гениально-ловкая изворотливость Николая Дамаскина, вступившегося за Архелая, в значительной мере ослабила эту аргументацию Иудеев, и состоявшееся вскоре же постановление Кесаря явилось в следующей резолюции, утверждавшей в существенных пунктах Иродово завещание: **Архелай** получает намеченные ему уделы: Иудею, Самарию и Идумею, за исключением отписанных к Сирии городов – Газы, Гадары и Гиппоса, и с титулом ἑθνάρχης вместо царского⁸⁴⁶; **Антипа** получает **тетрархию** в Галилее и Перее, и **Филипп** – тоже в Батане, Трахонитиде и Авранитиде.

Таким образом, монархия Ирода распалась на 3 отдельные провинции, из коих каждая закончила по-своему в общем недолгую историю.

Из данных Евангелия о состоянии Иудеи непосредственно после Ирода можно указать почти только одно упоминание имени его преемника Архелая. Но и при этом упоминании Евангелист дает характерное подтверждение данных Иосифа о жестокости Архелаева правления и смутных событиях, сопровождавших его воцарение на престоле Ирода. **«Слышав, яко Архелай царствует во Иудеи вместо Ирода отца своего, – читаем у Матфея, Иосиф обручник Пресв. Девы *убояся тамо ити... и отъиде в пределы Галилейские*».**⁸⁴⁷ Когда бы ни происходило описываемое Евангелистом событие, до отправления Архелая в Рим, когда ему пришлось усмирять бунт Иудеев, или уже по возвращении из Рима, – суть Евангельского замечания остается во всей силе и, несмотря на краткость, подтверждает блестяще мысль Иосифа, что Архелай был наследником столько же престола, сколько вместе с тем и самого кровожадного характера своего отца – Ирода.

§§ 35 и 36. Судьба тетрархий Филиппа (4 до-34 г. по Хр.) и Антипы (4 до-39 по Хр.)

Арх. XVIII, 2, 1; 4, 6; 10; περί ἀλ. II, 9, 1; 6, (о Филиппе). Арх. XVIII, 2, 1 и 3; 4, 5; 5, 1–3; 7, 1–2; περί ἀλ. II, 9, 1; 6; Мф. 14:1–11; Мк. 6: 14–28; Лк. 3:19 и д.; 9:7–9; 13:31 и д.; 13: 7–12 (об Антипе).

Судьбы всех наследников Иродовой монархии решились окончательно вскоре же и одинаково печальным образом – обращением их уделов в Римские провинции. Намереваясь посвятить судьбе Иудеи после Ирода особый обзор, мы предположим ему обзор данных Иосифа о состоянии и судьбе тетрархий, во главе коих стояли два меньшие сына Ирода – Филипп и Антипа.

§ 35

История первого с его тетрархией представляет мало чего-либо выдающегося. Получив в удел себе Батанею, Трахонитаду, Авранитиду, Гавланитиду, Панию⁸⁴⁸ и, по Ев. (Лк.3:1), также Итурею, – области большей частью позднего иуданизирования, причем неиудейский элемент (сирийский или греческий) даже был преобладающим – Филипп, по своему кроткому характеру представлявший настоящее исключение в семье Ирода, (честолюбивой, властолюбивой, жестокой и тиранической), не оставляет возможности сказать о себе что-либо другое, кроме похвального. Мягко, справедливо и мирно управляя своим уделом, он оставался верен традициям своего отца в том разве только, что подобно ему жаждал своей славы в величественных сооружениях. Памятником этих трудов его остались два отстроенные им города – Кесария⁸⁴⁹, названная так по имени Кесаря и известная также в Евангелии (Мф.16:13; Мк.8:27) под именем Кесарии Филипповой, и Вифсаида, названная в честь дочери Кесаревой – Юлией⁸⁵⁰, заново воздвигнутый город, который Schürer склонен считать отличным от упоминаемого в Евангелии⁸⁵¹, в виду различия по местоположению. О мягкости и добросовестности Филиппова правления любопытно замечание Иосифа, делаемое им при упоминании о его смерти⁸⁵²: «он обнаружил в своем правлении скромное и миролюбивое расположение духа. Всю свою жизнь он провел в своем владении. И когда куда выезжал, окружал себя самой небольшой свитой, и всюду за ним носимо было кресло, на котором он чинил суд, и коль скоро встречался кто-либо, имеющий нужду в его защите, он без замедления разбирал дело, садясь на кресло, и давал такой или иной приговор». К Римлянам и Кесарю он старался быть в самых дружественных отношениях, пользуясь, без сомнения, особым благоволением у Кесаря, о чем могут свидетельствовать и созданные им города. Принимая в соображение преимущественно язычествующее население его удела, можно без удивления отметить, что эти отношения достигали размеров не возможных для Иудеи; так по крайней мере, явствует из того факта, что на монетах Филиппа прежде всего появились изображения Кесаря, что, наряду с изображением храма, посвященного Кесарю Иродом в Панее, придает этим монетам тип чисто языческий.

Из частной жизни Филиппа Иосиф, между прочим, упоминает о браке его с Саломией, дочерью известной из Евангелия Иродиады, причем брак этот был бездетным. После смерти Филиппа (на 37-году правления и в 20 г. Тиверия и ³³/₃₄ по Хр.), тетрархия его была отчислена Тиверием в состав Сирийской провинции, сохраняя некоторое время свободу в сборе и употреблении податей. Несколько лет спустя тетрархии Филиппа не только возвращена была самостоятельность Калигулой, подарившим ее (см. Schürer I, 373 прим. 45 летом 39 г.) Агриппе, сыну казненного своим отцом Аристовула, следовательно – внуку Ирода и Мариамме⁸⁵³, но и отличена пожалованием царского звания

ее правителю. Факт этот важен, между прочим, по своей тесной связи другим, в свою очередь важным по своему отношению к истории Иоанна Крестителя.

Оставляя историю Агриппы в качестве обладателя тетрархии Филипповой до приличного ей места, мы воспроизведем здесь историю другой одновременной ей Галилейско-Перейской тетрархии, правителем которой был Антипа, ближе соприкасавшийся к Священной Истории и более знакомый нам по Евангельским событиям.

Получив в удел более лучшую, плодородную и густонаселенную храбрыми и свободолюбивыми обитателями часть монархии Ирода⁸⁵⁴, Антипа⁸⁵⁵ по своему характеру и правлению был настоящей копией своего отца, которому он мало уступал коварством, честолюбием, корыстолюбием и жестокостью (хотя Иосиф и выражается о нем ἀγαπῶν τὴν ἡαυχίαν).⁸⁵⁶ Лучшую характеристику его лукавства и хищничества дали ему уста Спасителя, наименовавшего его «лисицей».⁸⁵⁷ Как все Иродиане, он не жалел средств на изысканные сооружения, и так же связал свое имя с восстановлением старых или построением новых городов⁸⁵⁸, между которыми особенной заботой об украшении пользовался его главный город Тивериада, имевший в значительной степени языческий характер.⁸⁵⁹ Соприкасаясь пределами своей тетрархии с такими давними хищниками как Арабы, Антипа не мало способствовал обезопасению своих подданных вновь воздвигнутыми на окраинах страны укрепленными пунктами, да и самый брак его с дочерью Арабского царя Ареты не без основания заподозривают в простой политической расчетливости, обеспечивавшей покой его страны лучше всяких укреплений и вооружений, если только брак этот не был внушен ему Августом.⁸⁶⁰

Из времени прокуратуры Пилата (26–36 по Хр.) над Иудеей, обращенной в провинцию, Антипа заявляет себя вместе с своими братьями жалобой на упомянутого прокуратора (вероятно, после 31 г.) за постановку во дворце Иерусалимском оскорбительных лицеподобий⁸⁶¹, являясь и в этой своей черте настоящим сыном Ирода, несмотря на собственные языческие сооружения в Тивериаде, вынуждаемым выставлять себя, защитником национально-Иудейских интересов. Известные Евангельские упоминания о его путешествиях в Иерусалим на Пасху (Лк.23:7) и отсутствие на его монетах каких-либо изображений изобличает ту же уступку его народным воззрениям, столь же, впрочем, мало одухотворенную собственными соответствующими убеждениями на этот счет, как и у отца его Ирода.

За время последних 10 лет, правление Антипы ознаменовалось инцидентом, стяжавшим ему столь печальную известность и начавшим для него ряд крайних заключений. Отправляясь в Рим – неизвестно по какому делу и в какое время – и посетив при отъезде своего сводного брата Ирода, он увлек жену его⁸⁶², честолюбивую Иродиаду⁸⁶³, по отношению к которой, имея в виду неточное выражение у Евангелистов⁸⁶⁴, Филипп был не мужем, а зятем, (и, при том, никак не раньше убийства Крестителя, см. Мф.14:11; Мк.6:22, 28), женатым на ее дочери, Саломии. Прелюбодеяние не

ограничилось единичным увлечением: на предложение главного из прелюбодеев Ирода Антипы продолжать беззаконие под формально-заключенным супружеством, другая (Иродиада) взяла с него слово, что он отвергнет свою первую супругу – дочь Ареты – и даст возможность легального водворения в его доме для продолжения преступной связи. С обещанием этого, Ирод поспешил в Рим. Беззаконное намерение его не утаилось, между тем, от оскорбленной Арабской царевны, и последняя поспешила предупредить катастрофу позорного отвержения добровольным удалением к своему родителю, тотчас же поднявшему в отмщение ее оружие. Столкновение враждовавших сторон⁸⁶⁵ разрешилось полным разгромом Иродовых сил, в чем все Иудеи видели наказание Божие за убиение Иоанна Крестителя, совпавшее с историей его беззаконного деяния с Иродиадой. Делаемое, по поводу сего последнего замечания, свидетельство Иосифа о Крестителе – одно из самых важных для нас мест во всей Археологии, и мы должны остановиться на нем подробнее. Оно читается так:... «(по кончине Иоанна) многие Иудеи думали, что Ирод погибелю воинств наказал был от Бога в отмщение за смерть Иоанна, проименованного Крестителем, ибо он повелел лишить жизни этого праведного мужа, возбуждавшего Иудеев к добродетели и соблюдению справедливости в отношении друг к другу и благочестия в отношении к Богу, приводя ко крещению; при этом крещении придавал значение при том условии, чтобы пользовались им для очищения от пороков, а не для очищения одного тела, и располагались душой к справедливости. И как к нему приходили многие (ибо проповедью его весьма увлекались), то убоялся Ирод, чтобы столь сильное влияние на умы не вызвало восстания (ибо все старались они делать по его совету); посему он счел за лучшее предупредить всякое осложнение его, смертью, нежели после возбуждения смуты раскаиваться в допущенной небрежности. Так Иоанн **по этому подозрению Ирода** был закован и в вышеупомянутой крепости Махер заключен и там убит. По кончине его Иудеи думали, что последовавшая воинству Иродову гибель была мщением Божиим за смерть сего мужа».⁸⁶⁶

В этом важном свидетельстве, подлинность которого – кстати, отметить – никто не подвергал сомнению, за исключением Blondel'a⁸⁶⁷, мы должны обратить внимание на те черты, коими дополняется повествование о сем Евангелия, и в свою очередь дополнить первое такими чертами, коих оно не имеет. Дополнение это должно иметь место в характеристике, во-первых, **деятельности** Крестителя, и во-вторых – **отношений** его к тетрарху Ироду. Что касается понятий Иосифа о покаянно-проповеднической деятельности Иоанна, то выраженные во вкусе образованного греко-римского мира, эти понятия оставляют желать лучшего, уступая верностью и точностью краткому показанию синоптических Евангелий. Мы не будем настолько требовательны в отношении к нашему историку, чтобы обвинять его за умолчание о тех чертах учения и крещения Иоанновых, по коим то и другое имели столь тесное неразрывное отношение ко пришествию Христа. Христианскому читателю, хорошо знакомому с Евангелием, предоставляется самому взвесить этот пробел Иосифа, неизбежный в его отречении от Мессианской идеи. Мы же с

своей стороны только отметим одну неточность, которая, так сказать, заставляет Иосифа довести свой нейтралитет по отношению ко Христу не только до пренебрежения Им Самим, но и истиной самого общего, вполне отвлеченного от Мессианской идеи (насколько это возможно), представления относительно крещения Иоаннова. Мы по справедливости не должны оставлять Иосифа без этого упрека там, где он в прямую противоположность не менее общего и нейтралитетного по отношению к Мессии понятия о крещении Иоанна у Ев. (Мк.1:4): «Иоанн... проповедавая крещение покаяния во оставление грехов», – ухитряется добавить ἔφ' ἧννεῖα τοῦ ὀνόματος.

Зная цену такому игнорированию Мессианского элемента в деятельности Крестителя Иосифом, все свои Мессианские чаяния и Иудейские достояния сложившим у ног Веспасиана и Римлян, в пылу безрассудной лести, мы перейдем к обсуждению тех мотивов, коими руководился Ирод в своих отношениях к Иоанну, закончившихся столь печальной судьбой последнего.

Следует вполне одобрить то, что Иосиф дал место в своем, рассказе народному мнению, что гибель Иродова войска была отмщением Божиим за кровь Праведника. Был или нет сам Иосиф того же мнения – сказать трудно, но что он счел нужным остановиться на нем, показывает нечто большее его холодного беспристрастия. Важнее вопрос, насколько верна та связь, в какой поставляет Иосиф событие убиения Крестителя не с **дальнейшей судьбой** Ирода, а с **предшествующими отношениями** его к Иоанну, – насколько верно объяснение, что в событии заключения Иоанна в узы и казни его играли главную и, по Иосифу, как будто единственную роль **политические** мотивы, боязнь всенародного возмущения, для которого казалось достаточным одного мановения со стороны Иоанна к народу, находившемуся под его могучим влиянием? Как известно, Евангелие предлагает другую причину заключения и убиения Иоанна – в **обличениях**, коими праведник не давал покоя Ироду за преступное сожителство с женой брата. Спрашивается, каков из этих двух объяснений дает более действительные выводы к устранению Иоанна, и если оба они имеют достаточную для того силу, нет ли каких-либо особых причин, побуждавших Иосифа остановиться на таком, а не на ином объяснении? Обыкновенно, большинство исследователей не только совмещают, как однородный, оба указанные объяснения, но и склонны бóльшую важность придавать объяснению Иосифа, в виду его **кажущегося** превосходства пред объяснением Евангелия, имеющим более частный, чуждый всякого политического элемента, характер. Допуская то же самое совмещение обоих объяснений, отнюдь не исключаящих друг друга, мы, однако, не видим никакой нужды давать более предпочтения объяснению Иосифа. Бесспорно, и правдоподобно то, что движение, произведенное вдохновенным проповедником в массах народа, могло действительно беспокоить Ирода и, при крайне слабом тогда разграничении политических и религиозных надежд народа, повести к брожению и в политической области, несмотря на свой дотоле исключительно религиозный характер. Но мы имеем также более глубокие основания утверждать, что такое проблематичное беспокойство Ирода должно было ослабляться до последней степени корректных и

совершенно исключавшим всякие опасения отношениями Крестителя к Ироду. Но глубоко-верному замечанию Евангелиста (Мк.6:20) Ирод боялся всего более именно **смерти**, а отнюдь **не жизни** любимого народом Праведника. Мало того: он **"ведый его мужа праведна и свята, соблюдаше его"** (т.е., берег его); более того: **"послушав его, многа творяше", и в сладостьего послушание**". Очевидно, нет никакой надобности придумывать более сильное объяснение трагической судьбы Крестителя, как то, какое находим у Евангелиста. Что могло быть сильнее для Ирода обстоятельства, что его **«Иродия гневашеся»** на Обличителя ее незаконного сожительства, и **"хотяшеЕго убити?»**. И почему могло быть мало **одного** этого для убийства Праведнику, когда мы знаем столь ужасную силу женской злобы, в особенности из фамилии Ирода, когда знаем в Ироде столь послушного раба своей одалиски, исполняющего самые безумные ее прихоти, вроде поисков в Рим за титулом царства? Все это получает еще более убедительной силы, при соображении, какое мы считаем правдоподобным для объяснения того, почему Иосиф не остановился на этом, а нашел другое объяснение. Он имел, кажется, на то свои особые основания, если только знал указываемую Евангелием суть дела. Читая его рассказ о браке Ирода с Иродиадой, нельзя не заметить, как он ослабляет незаконность этого деяния до последней возможной степени. Он как будто совсем отказывается усвоить этому деянию ту кличку, какой оно обычно заслуживает, и представляет дело не более ни менее, как самой заурядной историей второго вполне законного брака с законным разводом в завязке. Сам с легким сердцем «отпустивший» от себя жену, родившую уже 3 сынов, чтобы переменить ее на другую⁸⁶⁸, и вообще имевший столь свободные мнения о браке и разводе⁸⁶⁹ – он, очевидно, не мог удовлетворяться тем объяснением, какое вошло в Евангелие, и приурочивает другое, более общего характера. Таким образом, в том самом, что заставляет многих предпочитать объяснение Иосифа, самым последним заложены данные, заставляющие при более внимательном наследовании, отдавать это предпочтение объяснению Евангелия.

Косвенным опровержением объяснения Иосифа служить самое упоминаемое им место заключения Иоанна: это была крепость Махерунт, по восточную сторону Мертвого моря, только что отвоеванная Иродом от аравийского Ареты.⁸⁷⁰ Совершенно непонятно, при представлении дела Иосифом, то, каким образом столь опасный узник мог содержаться в только что отвоеванном пункте и вообще вблизи неблагополучных по войне мест? Здесь может быть объяснен только самый факт перехода к Ироду названной крепости: последняя именно могла быть возвращена Аретой Ироду под давлением Тиверия, которому Ирод успел пожаловаться на Арету, и во всяком случае крепость эта была исконной принадлежностью Иудейской области, а не Ареты, оставаясь таковой и после, несмотря на временный захват Аретой.⁸⁷¹

Столкновение с Аретой, мстившим за честь дочери, могло стоить Ироду больших жертв, если бы не вмешательство Кесаря. По приказу последнего, Сирийский наместник Вителлий, несмотря на не сочувствие Ироду, отправился на Арету войной, будучи обязан представить его живого или мертвого. На пути

в этот неохотный поход, Вителлий имел случай обнаружить весьма симпатичную благородную снисходительность к Иудейскому народу, обратившемуся к нему с просьбой – не проходить чрез их пределы с знаменами, имевшими лицеподобные изображения: уступая этой просьбе, Вителлий направил свои легионы обходом, и сверх того сам заехал в Иерусалим с Иродом и друзьями своими, чтобы почтить Бога Иудеев приличными жертвами. Встреченный с честью признательным народом, умевшим показать себя здесь вполне достойным разумного снисхождения, Вителлий пробыл в Иерусалиме три дня, успев за это короткое время – неизвестно почему – лишить первосвященнического достоинства Ионафана и пожаловать оное Феофилу, брату его. Пришедшее, затем, (на 4 день) известие о смерти Тиверия († 16 Март. 37 г.) сняло с Вителлия неприятное для него полномочие⁸⁷², и оставив поражение Антипы без реванша, он вернулся со своими войсками в Антиохию.

Около этого же времени должно было иметь место участие Ирода в важных переговорах между Вителлием и царем Парфян, давшее повод для упомянутой ссоры Вителлия с Иродом, причем повествование об этом Иосифа подлежит некоторому исправлению. Суть дела такова. Парфянский царь Артабан, внушавший давно уже опасения своим неблагонадежным соседством с Римскими владениями со стороны Армении, подвергся опасной агитации со стороны своих близких особ, подкупленных Вителлием. Спасая свою особу, Артабан удалился в более отдаленные провинции, между тем как Вителлий воспользовался этим для водворения на Парфянском царстве римского претендента Тиридата (36 г.). Но вскоре же Артабан с сильным войском низверг своего соперника и вернул свою власть.⁸⁷³ Тогда Вителлий, по инструкциям из Рима, поспешил пригласить Артабана в союз с Римлянами, каковой и был заключен у Евфрата. Участие Ирода в этом событии выразилось собственно только в пышных угощениях союзников под богатым шатром на Евфратском мосте; но успев предварить официальное сообщение Вителлия о приятных результатах переговоров – своим частным известием Кесарю, Ирод предвосхитил похвалу последнего за этот успех и оказал, таким образом, Вителлию «медвежью» услугу, которой тот никак не мог ему простить. Все это происходило, по представлению Иосифа, еще во время Тиверия, и, между прочим, смерть последнего Иосиф представляет удобным поводом, который помог враждовавшему с Иродом Вителлию прекратить поход против Иродова врага Ареты. Однако, сопоставляя это известие с точнейшими датами Светония и Диона Кассия, а также не придавая значения и молчанию Тацита в VI кн. Летописей, мы вправе придти к заключению, что описываемое Иосифом событие должно было иметь место уже при Калигуле. Впрочем, все недоразумение здесь может заключаться и в одном имени. Если оставить дату Иосифа, что переговоры происходили во время Тиверия, то это были переговоры между Вителлием и **Тиридатом** летом 30 г., а не Артабаном. Если же оставить имя Артабана в переговорах с Вителлием, тогда должно отодвинуть самое событие ко временам Калигулы; поправку Иосифа в последнем смысле Schürer считает более вероятной, так как летом 30 года

Ирод был вовлечен в собственное дело с Аретой, но для сохранения других, стоящих в самой тесной связи с Иосифом, кажется более удобной поправка первого рода.

Честь жены и разрыв с Аретой были для Ирода не единственными жертвами страсти к Иродиаде. Вскоре Ирод принес в жертву ее честности свое господство и свободу. Это было в самом начале царствования Калигулы, при котором брат Иродиады Агриппа успел добиться такой милости Кесаря, как тетрархия Филиппа с царским титулом.

Снедаемый завистью к Агриппе и неотвязчивостью Иродиады, укорявшей его за недостаток раболепных заискиваний пред Кесарем, Ирод отправился просить и себе царства у Кесаря, но уличенный послом Агриппы⁸⁷⁴ в корыстолюбии и некоторых компрометирующих его доверие к Риму обстоятельствах, потерял и то, что имел: тетрархию его получил вызвавший его зависть Агриппа (в начале 40 года), а сам он вместо царства попал в ссылку (в Испании), где и кончил свою прелюбодейную и пророкоубийственную жизнь⁸⁷⁵ вместе со своей обольстительницей, которая в злой гордости не отказалась остаться верной ему и в несчастье.

Таким образом, обе тетрархии – Антипова и Филиппова объединились в руках одного властителя, Агриппы I, продолжив после небольшого перерыва свое существование и при преемнике его Агриппе II, при котором знаменитая Иудейская война положила конец всем превратностям монархии Ирода и начала новое существование всей Сирии и Палестины в качестве одной Сирийской провинции.

Но прежде чем приступить к обозрению истории Агрипп I и II, мы уделяем дальнейшее место обзору данных Иосифа о судьбах третьей части Иродового наследия – Иудеи, как имеющей для нас всего более важности и соприкосновенности с Евангельскими событиями.

§ 37. Судьба Иудеи после Ирода. Архелай (4 до- 6 по Хр.)

Арх. XVII, 13; περίαλ. II, 7.

Воля Ирода касательно Иудеи и Архелая, как уже известно, осуществилась не вполне. Из назначенных ему завещанием Ирода – Иудеи, Самарии и Идумеи от него отобрали три больших города (Газа, Гадара и Гиппос) и, что всего существеннее, он не получил царского титула, отличенный от своих сонаследников лишь званием ἑθνάρχος⁸⁷⁶... Надо полагать, что обещанного ему при этом царского титула он не показал себя достойным, раз не получил одного.

Это был настоящий ὀμότης καὶ τυραννίς – жестокий и грубый тиран, вполне достойный сын своего отца, успевший за самое непродолжительное правление оставить после себя из всех его сыновей наиболее дурную память. Подобно Антипе, он усвоил себе фамильное именование «Ирода»⁸⁷⁷, и сумел действительно поддерживать это «милое» имя с честью. Едва успев прибыть в Иудею по утверждению в своих правах, он уже ознаменовывает свое торжество произвольным свержением первосвященника Иоазара и возведением на его место брата его Елеазара, которого вскоре постигла та же участь. Не менее незаконно заявил он себя присвоением себе Глафиры, жены своего брата Александра, несмотря на имевшихся от последнего детей и на проклятия Иудеев за свое беззаконие⁸⁷⁸, усугубленное отвержением первой своей жены (Мариаммы). Наряду с неприглядными чертами характера, Архелай наследовал от своего отца, подобно всем Иродианам, также строительную горячку, в результате которой явились роскошно реставрированный Иерихонский дворец с его знаменитыми садами, и заново устроенная дача, названная им Архелаидой, прославившаяся также своими пальмовыми рощами.

Вскоре, однако, деспотизм и непосильное бремя Архелая правления переполнили меру терпения его подданных. В Рим явилась новая депутация от Иудейской и самарийской аристократии и принесла Кесарю горькие жалобы на не оправдавшего ожиданий ефнарха. Разгневанный Кесарь, не желая даже лично сноситься с Архелаем по этому делу, тотчас же призвал к себе его уполномоченного при Римском дворе и немедленно повелел ему ехать в Иудею и привезти своего господина к себе.

Представ суду Кесаря, Архелай не смог принести достаточного оправдания во взведенных на него обвинениях, и тотчас сослан был (6 г. по Хр.) в Галльский город Виенну, провладев Иудеей около 9 лет.⁸⁷⁹ После этого Иудея переходит под непосредственное Римское управление, и в качестве «апхехит» Сирийской провинции, управляется особым прокуратором из всадников до 66 г., с небольшим лишь перерывом 41–44, когда она еще раз (и уже последний) побывала под властью Иродианина – (Ирод Агриппа I).

§ 38. Иудея – Римская провинция (6–41 г. и 44–66 г.)

Арх. XVII, 13, 5; XVIII, 1–4, 8 и далее; περίλλ. II, 8–10, и далее.

Новое положение Иудеи в качестве Римской провинции может быть представлено на основании данных Иосифа в таком виде.

Не состоя в постоянной и непосредственной, а только, так сказать, экстренной зависимости от Сирийской провинции⁸⁸⁰, Иудея (и позднее вся Палестина) получала собственного наместника из всадников, называвшаяся procurator'ом⁸⁸¹ и номинально зависавшего от Императорского наместника Сирии.⁸⁸² Это был, таким образом, третий класс Императорских провинций, по классификации Страбона⁸⁸³, – из тех, который по живучести и своеобразности своей культуры или по совершенной некультурности не представлялись удобными для строгого введения в них обычного обще-Римского порядка. Сохраняя относительную самостоятельность юрисдикции в своей провинции, Иудейский прокуратор имел в Сирийском свой высший контроль, с правом и обязанностью последнего в особо важных обстоятельствах являться для упорядочения дел и направлять их по собственному благоусмотрению.⁸⁸⁴ Известны два случая, едва ли не исключительные, когда являвшиеся в Иудею Сирийские наместники, может быть, с нарочитыми на то полномочиями, привлекали даже к ответственности местную прокуратуру за упущения или неисправности службы и лишали их полномочий по собственному суду.⁸⁸⁵

Резиденцией прокуратора Иудейского был собственно не Иерусалим, а Кесария⁸⁸⁶, где помещением для прокуратора служил (Деян. 23:35) τραιτώριον τοῦ Ἡρώδου – дворец Ирода, обращенный в преториум. Только в дни массового стечения народа, по случаю больших праздников в Иерусалиме, прокуратор обычно находился там, в предупреждение каких-либо беспорядков, пребывая во дворце Ирода⁸⁸⁷, представлявшем сильную крепость⁸⁸⁸, которая могла давать помещение целым отрядам находившихся в его распоряжении солдат и выдерживать (как было при восстании в 4 г. до Хр. и 66 по Хр.) не раз продолжительные осады во время народных бунтов.

Как в уголовных, так и гражданских делах, судебная власть в Иудейской провинции оставлена была в руках туземного правосудия, руководившегося туземными законами, но в чрезвычайных случаях решения суда (хотя не всегда) нуждались в подтверждении прокуратора, власть которого простиралась в данном случае μέχρη τοῦ κτείνειν ἐξουδίαν⁸⁸⁹, с не столь частыми допущениями возможности апелляции к суду Кесаря.⁸⁹⁰

Вообще, подле носивших внешний характер функций деятельности прокуратора, Иудейскому народу на первых порах была оставлена в значительной степени внутренняя свобода и самоуправление (свобода культа ограждалась даже государственной защитой).⁸⁹¹ Присяга верности Кесарю требовала от него более союзничества, нежели верноподданничества Кесарю, как это было уже во время Ирода.⁸⁹² Из характеристики внутреннего устройства страны Иосифом во времена прокураторов видно, что перемена в положении дел после Архелая сводилась в сущности к замене монархического

образа правления аристократическим: ἀριστοκρατία μὲν ἦν ἡ πολιτεία, τὴνδὲ προστασίαν τοῦ ἔθνους οἱ ἀρχιερεῖς ἐπεπίστευντο. Если так, то аристократический Синедрион, во главе с первосвященником (προστάτης τοῦ ἔθνους), очевидно, отправлял собственно правительственные функции страны, роль же римского прокуратора de jure (de facto, однако, видим гораздо более самодержавное вмешательство прокуратора в дела Иудеи) должна была сводиться собственно к простому надзору за правильностью и порядком в отправлении этих функций.

Располагая значительными военными силами для защищения провинции от внешних и внутренних врагов, и надзирая за порядком в делах правления, прокураторы были также финансовыми чиновниками Императора, в кассу которого (fiscus, а не в сенатское aerarium) поступали подати и пошлины с Иудеи, как Императорской провинции⁸⁹³, причем орудием для сбора пошлин служили нередко Иудейские власти, в свою очередь прибегавшие для того к помощи особых откупщиков, – мытарей.⁸⁹⁴ Частые поголовные жалобы населения, раздававшиеся на подати, как в 17 г. по Хр.⁸⁹⁵, и пошлины, достаточно свидетельствуют, насколько эти операции были тяжелы и ненавистны для Иудеев («мытари и грешники» не только в Евангелии, но и в раввинистической литературе фигурируют всегда вместе); – что, в связи с участвовавшими за последнее десятилетие до войны посягательствами на его священнейшие достояния и чувства, дало столь много горячего материала для поголовного ополчения Иудеев за свои права.

Как ни бедственно было для Иудейства правление Ирода и его сыновей, сообщавших своей римофильской политикой тот особый колорит национально-Иудейской жизни, который Спаситель наименовал «Иродовой закваской», – однако, новое положение Иудеи, существенно изменившееся с обращением ее в Римскую провинцию, представляло еще более данных для обезличения Иудейской народности, еще более опасности для драгоценнейших заветов и идеалов оной, чем прежде. При всем своем римофильстве, Иродиане были или достаточно рассудительны, или слишком бессильны, чтобы посягать на то, что было неприкосновенным правом народа, – на его священнейшие чувства. Чуждые признания этих прав на исключительность, римляне, понятно, не желали знать никакой неприкосновенности в религиозных воззрениях фарисеев и соблюдениях заповедей, опутывавших подобно сети ежедневную жизнь Иудея, и тем более не могли предчувствовать, чтобы весь народ в самых заурядных и, по видимости, безразличных вещах готов был противопоставить всяким принудительным мерам добровольное обречение на поголовное самоуничтожение. Усугубив свою чуткость ко всяким обезличивающим его национальную физиономию до небывалых размеров, этот народ видит теперь даже в таких с точки зрения Рима совершенно безобидных мероприятиях, как перепись (census), посягательство на священнейшие права своей Богопринадлежности⁸⁹⁶, и час от часу приходит к тому ужасному убеждению, что непосредственное Римское управление, которое одно время даже предпочиталось подчинению власти Иродиан, еще более несовместимо с правами Теократии. Очевидность горькой истины и

соответствующее разочарование интенсивно возрастало по мере того, как олицетворителями власти Рима в Иудее стали выступать все более и более недостойные личности, которые, как все чины низшего ранга, бахвальствуя своим самовластием, считали за ничто приносить в жертву своим низким страстям самые законные требования народа, пока, наконец, это гнуснейшее издевательство над ним и отчаяние заглушило всякие надежды на лучшее и подвигло на смертельную борьбу, закончившую так печально судьбы Израиля.

Оба прокураторских периода, пережитых Иудеей в качестве Римской провинции, состоялись одинаковым числом прокураторов – 7. Посему, для большей определенности, все дальнейшее, сверх самостоятельного деления на §§, естественно представляется в II отделах: I. Первая семерка прокураторов (6–41 г.), и после перерыва (царствование Агриппы I, 41–44 г.) – II. Вторая семерка прокураторов (44–66 г.).

Арх. XVIII кн.

I. Первая седмица прокураторов

§ 39. Прокураторы, современные Христу. Свидетельства Иосифа о переписи, о Христе, о Крестителе и о св. Ап. Иакове

Назначение первого прокуратора Иудейского, которым был **Копоний**, совпало с отправлением в Сирию нового Сирийского наместника, **Квириния**, получившего от Кесаря нарочитое повеление – произвести в новоприсоединенной области **"census"**, то есть **перепись** населения и недвижимости, с целью установления по римскому обычаю соответствующих податей. По всем данным Иосифа и самого дела, это важное событие как будто имело место по низложению Архелая и по формальном объявлении Иудеи Римской провинцией, то есть – не позднее и не раньше ⁶/7 год. по Хр. принятого летосчисления, а, значит, по точному расстоянию от Рождества Христова – спустя по крайней мере 10 лет после упоминаемого Евангелистом Лукой, как современного Рождеству Христову, события: **«изыде повеление от Кесаря Августа написать всю вселенную»** (Лк.2:1).

В виду этого, оставив пока Квириния выполнять поручение Кесаря, мы не можем миновать столь любопытного разногласия двух свидетельств, при тождестве действующих лиц и условий, не оставляющих, по-видимому, сомнения в том, что они имеют в виду одно и то же событие, и, однако, приводящих в столь неудобное столкновение авторитета компетентного светского историка с авторитетом не менее компетентного Евангелиста.

Крайнее обострение этого столкновения свидетельств усугубляется их полной, по-видимому, непримиримостью и неизбежностью в том и другом случае самых вопиющих уступок при попытках к примирению. Отождествление события, свидетельствуемого Иосифом, в пользу упоминаемого Лукой – нарушает и дату, и смысл, и всякую уместность события при других условиях. Отождествление события, свидетельствуемого Лукой, в пользу Иосифа – нарушает столь тесную и едва ли выдуманную, конечно, связь с этим событием другого важнейшего, – т.е., прибытия в Вифлеем со Своим Обручником Пресв. Девы для рождения здесь Обетованного Спасителя.⁸⁹⁷

Спрашивается теперь (и это один из самых неразрешимых вопросов – как для критиканов, так и защитников Евангелия), в каком отношении действительно должны стоять оба указанные свидетельства, суть ли они, во-первых, совершенно **тождественны** по отмечаемому в них событию, и если да, то какая из двух различных дат имеет больше оснований к принятию, – та ли, которая усвоит этому событию место после смерти Архелая (10 г. от Р. Х., как у **Иосифа**) – или та, по которой описываемое событие совпадало с рождением Спасителя и падало, следовательно, на 1-й год Р. Хр. и на последний год Ирода (как у **Евангелиста**)? Во-вторых, – если нет никаких достаточных оснований для отождествления этих событий, и если оба они не должны быть выдумкой, то оба ли они истинны, или мы должны пожертвовать одним из них в пользу другого?

Определенному решению всех этих вопросов мы должны предпослать установление точного понятия о переписи времен империи Римской вообще, и

установление такого же понятия о переписи, имевшей место в рассматриваемом частном случае.

Перепись времен империи Римской была двоякого рода: общая и частная; первая, простиравшаяся на всех подданных, не исключая римских граждан, производилась в целях статистики или ради имеющих с нею связь религиозных торжеств; вторая, практиковавшаяся во времена империи лишь для провинций, преследовала как главную цель – упорядочение поступавших в Римскую казну податей. Последние были двух родов: *tributum soli* или *agri* (подходный налог)⁸⁹⁸ и *tributum capitis* (подушной оклад).⁸⁹⁹ *Tributum capitis* простирался также на женщин и рабов, начиная с 14-(для муж. пола) и 12-летнего (для жен. пола) возраста и оканчиваясь по достижении 65 лет в том и другом случае.⁹⁰⁰ Способ переписи, производившейся в целях упорядочения податей (*edere, deferre censum, profiteri*), состоял обыкновенно в том, что глава фамилии приводил в известность пред командированным на то цензором свои имения за себя и за всю свою фамилию, причем его показания, проконтролированные цензором, давали материал переписи. Для удобства область, подлежащая переписи, делилась обыкновенно на участки⁹⁰¹, в главных центрах коих и принимались показания всех, имевших какую-либо собственность в том или другом участке.⁹⁰² Периодическим сроком для возобновления ценза, по мнению Huschke, было каждое десятилетие и даже 5-летие⁹⁰³, а по мнению Zumpt'a, это неудобство устранялось постоянным существованием особого переписного или податного бюро, на обязанности которого лежало непрерывное пополнение и исправление переписных листов.

Сопоставляя с этими данными о переписи повествование Ев. (Лк.2:1–5), по которому ко времени рождения И. Христа, следоват. во всяком случае еще при жизни Ирода (Лк.1:5; Мф.2:1–22), вышло «повеление» (δούμα) Кесаря Августа «описать всю вселенную» – ἀπογράφεσθαι πᾶσαν τὴν οἰκουμένην, и имея ввиду, что по смыслу этого повествования – во-первых, упоминаемое Евангелистом событие простиралось на весь *orbis Romanus*, под понятием которого, строго говоря, должно мыслить не только провинции, но и самую Италию и вообще все население и с правами римского гражданства; во-вторых, что перепись, следовательно, никак не ограничивалась Палестиной; в-третьих, что она имела своей целью ἀπογράφεῖν, счисление, т.е., более общее, чем ἀποτιμᾶν – наложение податей, являвшееся результатом переписи; и наконец, в-четвертых, что эта перепись πρῶτῃ ἐγένετο ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου, – мы наталкиваемся на массу недоумений, заставляющих как будто подозревать здесь не мало капитальных, хотя и не столь неизвинительных для Евангелиста, неточностей. Прежде всего Евангелист простирает перепись на весь *orbis Romanus*, между тем как придает ей такие черты, которые заставляют, по-видимому, исключить из этого «*orbis*» не только население Италии и многих колоний с правами римского гражданства, как не подлежащее переписи этого рода (с целью податей)⁹⁰⁴, но и весь конгломерат остальных Римских провинций, могущих носить это название (*orbis Romanus*) в более узком смысле, так как полномочия Квирина ограничивались лишь Сирийской и Палестинской провинциями.

Далее, Евангелист называет эту перепись «первой» ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου. Спрашивается, что хочет сказать этим Евангелист?⁹⁰⁵ То ли, что это была **первая** всеобщая перепись империи, или что это была первая римская перепись для **Иудеи**, или же, наконец, что это была первая из **нескольких** связанных с именем Квириния переписей? В первом случае мы рискуем приписать Евангелисту признание нескольких всеобщих переписей во времена Августа, в то время как далее и одна-то из таких переписей является еще слишком проблематичной; во втором, и третьем случае дело затрудняется тем, что известна вообще всего только одна перепись Квириния, по всей видимости, общая у Иосифа с Евангелистом Лукой.⁹⁰⁶

Та же неточность проглядывает в хронологической дате Евангелиста, по которой перепись происходила: а) по повелению Кесаря Августа, следовательно, в его царствовании и при жизни Ирода; и б) в правление Сирией Квириния, начавшееся по точным данным с 6 г. по Р. Х.

а) Хронологическая неточность или неясность Евангелиста вызвала оживленнейшую полемику между учеными, не чуждую слабых сторон как у опровергавших точность даты Луки, так и у пытавшихся отстоять оную. Так Huschke⁹⁰⁷ и Wieseler⁹⁰⁸ ссылались на rationarium или breviarium totius imperii, роспись промышленно-продовольственной производительности и состоятельности царства, которую Август, как заботливый финансист, предпринял с целью упорядочения расстроенной финансовой части в Империи (Sueton. Aug. 28, 101; Dio Cass. LIII, 30, LVI, 33; Tac. Ann. I, 11).⁹⁰⁹ Zumpt⁹¹⁰ не без основания ограничивает эту заботливость Августа упорядочением центрального государственного управления и не видит здесь указания на всеобщую перепись царства; но, с другой стороны, с не меньшим успехом противится ему вышецитованное место Тацита, свидетельствующее, что Августа получал подати также в областях союзных царей (reges socii), хотя это многозначительное место и не позволяет еще привязать сюда факта переписи в их областях. Столь же мало доказательную (хотя напрасно) находит Schürer ссылку Huschke (37–45) на Dio Cass. LIV, 35 и LV, 13⁹¹¹, особенно в первом месте, где указывается на честный поступок Августа, который как частный гражданин» пожелал, чтобы наложению ценза, произведенного очевидно по его повелению, подвергнуто было и все его имение (πάντα τὰ ὑπάρχοντα οἱ), – и на Monumentum Ancyranum, довольствуясь, в последнем случае, простой отсылкой к Wieseler'у⁹¹² и Marquardt'у.⁹¹³ Еще менее основательными считает Schürer ссылки защитников даты Луки на позднейших свидетелей, каковы – Cassiodorus, Isidorus Hispalensis, Suidas⁹¹⁴ и Orosius, в виду того, что все они были христиане и притом времен позднейших (6, 7 и 10 стол. по Хр.), а, значит, и свидетельства всех их могли возводиться в сущности к Луке, как своему первоисточнику.

Наряду с отсутствием достаточно надежных следов всеобщей переписи во времена Августа, оспаривают также всякую возможность ее в частности для Иудеи времен Ирода. Но как раньше, так и здесь – спорящие стороны не свободны от слабых мест, колеблющих самые устойчивые на вид доводы. Невозможность переписи для Иудеи за время управления ее Иродом видят в

его относительной независимости от Рима, в отношении к которому он был не только *rex socius*, но и пользовался столь широким доверием и дружбой; не хотят, с другой стороны, придавать полного значения важным фактам, что обложение податью знакомо было Иудее еще со времени Помпея, что Цезарь упорядочивал эти подати целым рядом эдиктов, что, наконец, в ближайшее к описываемому время даже Антоний, при самом провозглашении Ирода царем, назначил ему подать. Подобным же обоюдоострым мечем является довольно красноречивое свидетельство Тацита, *Ann. VI, 41*⁹¹⁵, допускающее истолкование и в том, между прочим, смысле, что применение ценза к областям *rex socius*-ов было не столь неслыханным событием для них, как хотят думать некоторые критики, не говоря уже о том, что представления независимости Ирода от Рима грешат (это бесспорно) значительной преувеличенностью. Так, между прочим, Schürer напрасно склонен не придавать особенного значения⁹¹⁶ таким фактам, как бесправность Ирода в ведении войн, частые обращения к Кесарю, напр. по делу своих детей, присяга в верности подданных его Императору⁹¹⁷, распространение в Иудее монет римской чеканки во времена Архелая, выражение Кесаря *Арх. XVI, 9, 3* и т.д., и т.д. В высшей степени важен также ослабляемый Schürer-ом факт, что во главе восстания по поводу переписи стал Иуда Галилеянин, а также то обстоятельство, что Иосиф с Марией, живя в Галилее, идут в Иудею: это показывает, во всяком случае, что перепись едва ли ограничивалась обращаемой в провинцию Иудеею. И по Иосифову выражению вовсе не видно, чтобы Квирий имел такие полномочия лишь относительно Иудеи. Гораздо более: читаем у него, что Квирий посылается именно в **Сирию** для чинения в народе суда и для исчисления принадлежащих каждому имений (*XVIII, I, 1*), и что он только кстати, между прочим, имел поручение заехать и в приписанную к Сирии Иудею. Так или иначе, оснований мало – ограничивать перепись лишь новыми условиями Иудеи и одною ею, а, следовательно, и считать наилучшим временем переписи обращение ее в провинцию, а не когда-либо раньше.

Вообще же, не, находя безусловно неоспоримыми и неотразимыми доводы против возможности всеобщей переписи во времена Августа и Ирода⁹¹⁸, в виду двусмысленности, неполноты и неточности древнейших свидетельств, вообще их малонадежности, – мы более затруднений встречаем лишь при обсуждении второй хронологической даты Луки, по которой перепись связывается с именем Сирийского наместника Квирия, правившего Сирией с 7 г. новой христ. эры. Не находя достаточно обоснованным уверение Schürer'a, чтобы перепись Иудеи при обращении ее в провинцию была вообще чем-то совершенно новым и неслыханным, – мы затрудняемся, однако, противоречить, что она была таковой новостью с именем Квирия, и едва ли, эта его перепись 7 года⁹¹⁹ может быть поставляема в какую-либо связь с предполагаемой 10 лет назад переписью, чтобы остаться верным повествованию Евангелиста. Все гипотезы, придумываемые для того, чтобы оставить упоминаемую Лукой перепись в связи с именем Квирия, разбиваются о точные хронологические даты, касающиеся последнего.

Несомненен факт прежде всего, что во время Ирода Квирий не мог быть наместником Сирии, так как должность эту занимали в ближайшие к дате Евангелиста годы Сентий Сатурнин (9–6) и Квинтилий Вар (6–4), причем последний (с 6–4 г. до Хр.) оставался на своем месте, по крайней мере, еще полгода по смерти Ирода; между тем перепись в последние месяцы Ирода уже представляется по Евангелисту в полном, так сказать, разгаре, так что ради нее именно Иосиф с Марией, «сущюю непраздною» оказываются в Вифлееме.⁹²⁰ Попытка Huschke⁹²¹, Wieseler'a⁹²², Ewald'a⁹²³, Caspari⁹²⁴ – чрез усвоение выражению Евангелиста πρῶτῃ **компаративного**, сравнительного значения⁹²⁵ – отрешить перепись Луки от связи с Квирийевою, читая так: «эта перепись произошла (πρῶτῃ) прежде того времени, когда Квирий сделался наместником Сирии»), – возбуждает сильное недоумение относительно того, почему Евангелист не предпочитает более естественного упоминания имени того наместника, при котором именно произошла перепись, а указывает на другого, от нее отдаленного, не говоря уже о том, что ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου большинство авторитетных толкователей (Winer, Buttmann, Zumpt, Bleek, Meyer и т.д.) признают совершенно независимым от πρῶτῃ genitivus absolutus, родительным самостоятельными. Если бы Евангелист хотел лучше отличить ту перепись от недавно произведенной Квирием, – не хотел, чтобы последнюю смешивали с тою, – то, помимо того, что эта цель лучше достигалась бы упомянутым способом, – в таком случае его способ выражения должен был бы принять следующую более точную форму: αὕτῃ ἡ ἀπογραφὴ πρῶτῃ ἐγένετο τῆς Κυρηνίου Συρίας ἡγεμονεύοντος γενομένης.

Подобную же и столь же малоудачную попытку – если не совсем сгладить, то хотя по крайности ослабить, насколько это возможно, связь переписи Луки с Квирийевою – Schürer видит у Gumpach'a⁹²⁶, Lichtenstein'a⁹²⁷, Kohler'a⁹²⁸, Steinmeyer'a⁹²⁹, Hoffmann'a⁹³⁰, толкующих выражение Евангелиста ἐγένετο в смысле окончательного **завершения** или приведения ее в исполнение ко времени Квирия.⁹³¹ И надо заметить, что опровержения Schürer'a в данном случае страдают в свою очередь наибольшею слабостью и малоубедительностью, и едва ли даже можно вообще счесть каким-либо опровержением его ссылку на путешествие Иосифа в Вифлеем, которое скорее всего ближе к началу, а не к окончанию переписи, как думает он. Столь же поверхностно критикуется им известное место Тертуллиана⁹³², по мнению которого к переписи привязано Лукой имя Квирия вследствие того, что, начавшись при С. Сатурнике (9–6 до Хр.) и продолженная Кв. Варом (6–4) – эта перепись закончена была при Квирии, в первое его наместничество после Бара, так как назначение его на это наместничество в 6 г. по Хр. было уже вторым (см. Schür. 261). Не мешало бы удалить побольше внимания столь древнему и далеко не бескомпетентному свидетельству, от которого Schürer изловчается увильнуть почти только повторением Zumpt'овского⁹³³ афоризма, что отцы церкви «вообще при изучении Евангельских повествований обходились без всякого исторического смысла». Дальнейшим и весьма основательным развитием или применением Тертуллиановской даты было предположение Sanclemente⁹³⁴, принимаемое Gerlach'ом⁹³⁵ и Quandt'ом⁹³⁶, по

которому Квириний действительно мог быть послан в качестве чрезвычайного уполномоченного *legatus ad census accipiendos* в Сирию, хотя бы и при Квинктилии Варе (6–4), и, в силу этого полномочия, произвести перепись, примеры каковых полномочий, помимо наместника, знает и Schürer.⁹³⁷ Выражение Евангелиста ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου в этом случае вовсе не представляет какого-либо неумолимого препятствия к допущению предположения Sanclemente, и в крайнем случае это выражение может быть сочтено неточностью, тем более возможной, что перерыв между указанным полномочием и определением Квириния на Сирийское наместничество (второй раз) измеряется столь ничтожной цифрой не свыше 5 лет. Наконец, нельзя не упомянуть весьма остроумной и не столь фантастичной догадки Aberle⁹³⁸, что в последнее время Ирода в действительности Сирийским наместником мог быть именно Квириний; Квинктилий же Вар только временным его заместителем, пока Квириний по вызову Кесаря ездил в Рим. От этого-то одновременного существования двух наместников – одного *de jure* (Квириний) и другого *de facto* (Квинктилий) и могло произойти то, что в одно и то же время одного называет Лука, и другого Иосиф.

Единственно целесообразный выход из затруднений, создаваемых сопоставлением свидетельств о переписи Иосифа и Луки, Schürer, прикрываясь такими громкими именами, как Höck, Mommsen, Hase, Winer, Bleck, De Wette, Meyer, Strauss, Hilgenfeld, Keim, Weizsäcker, Sevin, Lecoultré, Sieffert – видит в необходимости признать, что повествование Луки грешит против истории в двух важных пунктах: 1) что Лука усваивает Августу эдикт о переписи **всей** вселенной и 2) что самую перепись помещает на 10–12 лет **ранее** действительного, приурочивая к ней путешествие «родителей» Иисуса из Назарета в Вифлеем. Первое недоразумение Schürer думает объяснить тем, что Лука, имея неточные сведения о происходивших, может быть, действительно во многих провинциях, хотя и не одновременно, переписях, м.б., перетолковывая известное *Reichsvermessung* Августа, в котором принимал участие Агриппа и о чем упоминает Плиний⁹³⁹, – обобщил все их в одну по всей вселенной и привязал к эдикту, подобно тому, как это он делает в замечании о голоде ἐφ' ὅλην τὴν οἰκουμένην (Деян.11:28) при Клавдии. В устранение боязни приписать Евангелисту столь крупное недоразумение Schürer ссылается на подобные же промахи других высокопросвещенных мужей древности, как, например, Иустина мученика, который царя Птолемея, содействовавшего переводу LXX, выдает за современника Ироду Отар. (Apologet. I, 31). И сам Лука не свободен от других ошибок, как напр., в (Деян.5:30), где он упоминает о Февде, причем, заставляя его выступить **до** Иуды Галилеянина, тем самым помещает его лет на 40 ранее. Можно бы Schürer'у привести сюда и еще неточное выражение Евангелиста (Деян.7:16) и сколько угодно других, но все это не сильно заставит нас помириться с возможностью столь грандиозной ошибки в столь важном повествовании Евангелиста, недаром же всего за одну какую-нибудь главу назад возбуждавшая такое доверие к его авторитету (Лк.1:1–4). Как бы ни был неточен Евангелист в отдельных выражениях, были же ведь, в самом деле,

основания назвать упоминаемую им перепись **первой**; если же была первая, отсюда необходимо предполагалась отличающаяся от нее **вторая**, а, может быть, и ряд нескольких. Почему же такой **первой** должна быть именно Иосифова – Квиринаева? Почему нельзя допустить, что Лука эту именно и хотел отличить от своей наименованием ее первой? Schürer говорит, что история не знает другой переписи. Но незнание это не есть, конечно, резон для подрыва других знаний. Да и притом это незнание Schürer совершенно не вправе навязывать истории. Открытия новейшего времени⁹⁴⁰ с неоспоримостью установили факт периодически – правильного повторения переписей. В связи с другими данными, значение коих попутно было нами указано, открытия эти, по меньшей мере, позволяют не считать неизбежной важнейшую из уступок, какой когда-либо мог заслуживать Иосиф – ценой достоверности Евангелия.⁹⁴¹

Что касается, затем, восстания Иуды Галилеянина, сопровождавшего перепись по тому и другому о ней упоминанию, то, говорят, здесь неточность Евангелиста уже несомненна. Если перепись в каком бы то ни было виде действительно могла повториться («первая») ко времени обращения Иудеи в провинцию, то восстание Иуды Галилеянина, о котором упоминает и Евангелист, могло быть едва ли более⁹⁴² одного раза. Однако, и здесь вполне сохраняет свою уместность вопрос: кто из двух более обеспечивает за собой права на точность – Евангелист или Иосиф, потому что, если Евангелисту можно приписать ошибку памяти и смешение событий, то спрашивается, чем загарантирован от подобной возможности Иосиф, хотя бы его повествование об этом и было увереннее, неподдельнее. Иосиф верил и ратовал даже и за прямые нелепости, грешившие не только против исторического беспристрастия, но и просто здравого разума. Но – поверим ему, по крайней мере, в передаче самого события, которое для судеб Иудейской провинции по справедливости можно именовать «началом конца». Собственно, самая перепись была только толчком, поводом к восстанию Иуды, основы которого были далеко серьезнее и коренились гораздо глубже. По своим мотивам это восстание носило национально-религиозный характер и было, так сказать, прочным зародышем разразившегося впоследствии всеобщего восстания на заветы Отцов. Народ находился под обаянием его уже потому, что правой рукой Иуды были фарисеи, имя одного из коих – Садок – увековечено Иосифом. Ближайшим плодом восстания, пока улегшегося в горячей лихорадке подготовительной деятельности, явилось образование из фарисействующих элементов строгой фанатической партии **зилотов**⁹⁴³ (ревнителей), отличительной чертой которых было напряженное ожидание⁹⁴⁴ исполнения Мессиянских чаяний и стремление – в борьбе с ненавистным игом Рима ускорить и содействовать этому исполнению. Замечательно, что при первом же упоминании о зачатках зилотизма, Иосиф уже начинает клеймить это во многих отношениях симпатичнейшее движение всевозможными наветами и ложной окраской. В свое время мы остановимся обстоятельнее на его данных об этом движении, а теперь прослываем дальнейший его рассказ о судьбах Иудеи, за время управления ею Иудейских прокураторов.

За все время 6–41 год, когда Иудее снова, хотя очень ненадолго, улыбнулось «счастье» быть управляемой собственным царем (41–44 г.), если только иродианин (Ирод Агриппа I) мог дать это счастье, – известны следующие 7 прокураторов: 1) **Копоний** (около 6–9 г.); 2) **Марк Амбивий** (ок. 9–12); 3) **Анний Руфь** (около 12–15); 4) **Валерий Грат** (ок. 15–26); 5) **Понтий Пилат** (26–36); 6) **Марцелл** (36–37); и 7) **Марулл** (37–41).⁹⁴⁵ Время служения трех первых может быть определяемо только приблизительно; служение двух последующих определяется у Иосифа для В. Грата – 11 лет⁹⁴⁶, для Пилата – 10 л.⁹⁴⁷, и именно до 36 года, так как низложению Пилата предшествовало первое прибытие в Иерусалим Вителлия, что было незадолго до наступления 36 г., как видно из сопоставления (Арх. XVIII, 4, 3 с 5, 3). Служение последних двух определяется из того, что Марулл возведен на свою должность непосредственно по вступлении на престол Калигулы (марта, 37 г.).⁹⁴⁸ Необычная продолжительность правления В. Грата и П. Пилата подтверждается своеобычной политикой Тиверия, который находил более выгодным в интересах провинций избегать частой перемены прокураторов, находя, что ужившиеся воздержнее относились к населению, тогда как новые, по его признанию, подобно слухам, беспокоили и раздражали голову раненого, каждый раз начиная сызнова дело угнетения провинции.⁹⁴⁹

1–5. О деятельности **Копония** и большинства его преемников – известны почти только одни имена. Более подробные сведения Иосиф сообщает о **Пилате**, имеющем для нас наиболее интереса, тем более, что одновременно с Иосифом и кроме Евангельских повествований важное свидетельство дает об этом прокураторе и другой писатель Иудейский – Филон. Последний⁹⁵⁰, как видно из усвояемого ему письма Агриппе I, знал Пилата, как τὴν φύσιν ἀκαμπτῆς καὶ μετὰ τοῦ αὐθάδους ὀρεϊλίκτος – по природе капризного и черствого человека, и по правлению – «вороватого хищника, бессердечного тирана, заносчивого, постоянно казнившего без разбора и издевательски несносного» прокуратора. Это был новый «Ирод», отличавшийся от первого разве тем только, что его не связывали с Иудейским народом уже никакие ни племенные, ни родственные узы. При самом вступлении своем на прокураторскую должность, он не преминул ознаменовать себя характерным презрением Иудейских чувств и привилегий, повелев войти в Иерусалим ночью отряду солдат с воинскими знаменами, имевшими Императорские изображения, – на что не дерзали⁹⁵¹ все его предшественники: Пилат был первым нарушителем прав Иудеев на уважение к столь священным обычаям их страны, подтверждавшееся доселе снисхождением самого Кесаря. Протест народа по поводу этого возмутительного поступка выразился в форме, которая тронула даже каменное сердце Пилата. Пять дней и ночей толпы оскорбленного народа стояли в Кесарии пред дворцом прокуратора, умоляя последнего устранить соблазн. Демонстрация эта достигла высшей степени трогательности, когда (на 6-й день) непреклонный тиран повелел оцепить толпу отрядом солдат и, повелевая всем разойтись, угрожал смертью за неповиновение. Толпа, как один человек, распростершись на земле, изъявила готовность покорно лучше сложить свои головы под мечом солдат, нежели

переживать позорное издевательство над их обычаями, после чего изумленный тиран уступил.⁹⁵²

Не столь дешево обошлось для Иудеев новое столкновение с Пилатом, после того как последний сделал попытку окупить расходы по устройству в Иерусалиме водопровода – бесспорно полезного сооружения – сокровищами храма.⁹⁵³ Густые толпы народа снова с жалобами и горькими воплями преследовали по пятам неумолимого Пилата; но тиран, стыдясь в новой уступке доказать свою слабость, коварно наводнил толпу переодетыми солдатами, которые, по знаку его, тотчас же произвели страшную резню среди протестантов, озлобившую весь народ до чрезвычайной степени.

Евангельская повествования несут следы нескольких народных возмущений во времена Пилата. Одно из таких повествований особенно характерно: «пришли некоторые в то время к Иисусу с известием о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с их жертвами» (Лк.13:1). Более точно время этого события м.б. определено из того, что далее (31 ст.) у Евангелиста упоминается о намерении Ирода убить Иисуса, что – по другим!» параллельным местам – было уже после смерти Иоанна крестителя, след., около 32 г. (незадолго до смерти Самого Спасителя). Но подробнейших обстоятельств этого возмущения, к сожалению, не дается, равно как столь же мало известно и о «крамоле (Мк.15:7; Лк.23:19), бывшей во граде и убийствах», в которых замешался известный нам Варавва, предвосхитивший у Спасителя последнее человеческое милосердие. Во всяком случае, оба эти повествования прекрасно подтверждают у Иосифа и общую характеристику самого Пилата, как жестокого тирана, и общий характер его правления, своенравного и для Иудеи бедственного.

Последним злодеянием Пилата, решившим судьбу этого пресловутого судьи над Судьей живых и мертвых, была жестокая расправа с Самарянами, затеявшими маленькое возмущение на религиозной подкладке. Опираясь на народное поверие о священных сосудах, скрытых Моисеем в горе Гаризим, один лжепророк обещал открыть им эти святыни, приглашая на гору. Легковерная толпа со всех сторон потекла к заповедной горе, угрожая спокойствию страны. Одного этого подозрения было для Пилата достаточно, чтобы пустить в ход самые жестокие репрессивные меры, погубившие массы жизней. Но не прошло даром это и для самого Пилата. По жалобе старейшин Самарянских, Вителлий, тогдашний наместник Сирийский, отправил Пилата на суд Кесаря в Рим, откуда он более и не возвращался.⁹⁵⁴

В повествовании о Пилате помещается известное замечательное «свидетельство» нашего автора об И. Христе, при положительном решении подлинности заслуживающее по справедливости величайшего благоговения и всей той силы, которую ему приписывают. «Свидетельство» это, как оно приводится у Гаверкампа, таково: γίνεται δὲ κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον Ἰησοῦς, σοφὸς αὐτὴρ, εἰ γὰρ ἄνδρα αὐτὸν λέγειν χρή. Ἦν γὰρ παραδόξων ἔργων ποιητής, διδάσκαλος ἀνθρώπων τῶν ἡδονῇ τάληθι δεχομένων καὶ πολλοὺς μὲν Ἰουδαίους πολλοὺς δὲ καὶ τοῦ Ἑλληνικοῦ ἐπηγάγετο. Ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν. Καὶ αὐτὸν ἐνδείξει τῶν πρώτων ἀνδρῶν παρ' ἡμῖν σταυρῷ ἐπιτετιμηκότος Πιλάτου, οὐκ ἐπαύσαντο οἱ

τὸ πρῶτον αὐτὸν ἀγαπήσαντες ἐφάνη γὰρ αὐτοῖς τρίτην ἔχων ἡμέραν πάλιν ζῶν, τῶν θείων προφητῶν ταῦτά τε καὶ ἄλλα μυρία θαυμάσια περὶ αὐτοῦ εἰρηκότων. Εἰσέτι τε νῦν τῶν χριστιανῶν ἀπὸ τοῦδε ὀνομασμένων οὐκ ἐπέλιπε τὸ φύλον.⁹⁵⁵ Во всей Археологии Иосифа едва ли можно указать еще место, которое бы в такой же мере истощило изобретательность человеческого остроумия, пытавшегося установить точный суд по поводу этого свидетельства, представляющего ни более, ни менее, как полное отрицание Иосифом самого себя.

История вопроса о правах на существование этого свидетельства восходит ко временам Евсевия, который впервые дал ему то место, какое оно действительно имеет право занимать, если только имеет права и на подлинность.⁹⁵⁶ Почин Евсевия имел непререкаемую силу авторитета для всех последующих писателей до XVI в., согласно повторявших его голос и безнаказанно употреблявших Иосифа в свидетели за истину повествования Евангелия.⁹⁵⁷ Только с XVI в. возвысила свой голос здравая критика, подвергшая подлинность этого места сомнению и породившая горячие споры pro и contra. Первым застрельщиком в этой грандиозной борьбе, которую нельзя счесть вполне оконченной даже до настоящего времени, был Hubertus Gifanius, как видно из его полемического послания Sebastianus Lepusculus ad Severinum Ertzbergium ad. Basileae 24 Febr. 1559⁹⁵⁸, и уже ближайшие его последователи – Lucas Osiander⁹⁵⁹, Altdorfer Professor Seb. Shellius, David Blondel и Tanaquil Faber довели свои оспаривания до самоуверенного убеждения, что «на будущее время не остается никакого места сомнению, кроме разве тех, которым определено вечно сомневаться» (ut nullus in posterum dubitandi Locus relinquatur, nisi forte iis quibus perpetuo dubitare decretum sit).⁹⁶⁰ Этим, однако, дело далеко не закончилось. Жаркие литературные споры о подлинности свидетельства, и в особых целых сочинениях, и в попутных изысканиях больших трудов, простерлись до того, что, по замечанию уже I.A. Bosius'a⁹⁶¹, число обсуждающих этот вопрос исследований далеко превзошло число самых слов, заключающихся в спорном свидетельстве. 18-е столетие подбавило не мало новых исследований по данному вопросу, из коих важнейшими были: Daubuz'a от начала, и Ress'a, Knittel'a и Less'a от конца столетия.⁹⁶² В истекшем XIX столетии обогатившаяся множеством новых солидных трудов литература вопроса составила из исследователей последнего три лагеря, каждый из коих насчитывает в себе немало громких и не без авторитетных имен. Партия **защитников подлинности** Иосифова свидетельства, в числе последователей которой выступают Bretschneider⁹⁶³, Böhmert⁹⁶⁴, Schödel⁹⁶⁵, Mayaud⁹⁶⁶, Langen⁹⁶⁷, Danko⁹⁶⁸, Mensinga⁹⁶⁹, Bole⁹⁷⁰, Kneller⁹⁷¹ и др. – уравновешивается оппозиционной партией отрицавших совершенно эту подлинность, как: Eichstaedt⁹⁷², Lewitz⁹⁷³, Reuss⁹⁷⁴, Gerlach⁹⁷⁵, Keim⁹⁷⁶, Höhne⁹⁷⁷, D'Avis⁹⁷⁸, Loman⁹⁷⁹, Wandel⁹⁸⁰, Niese⁹⁸¹, и др. Та и другая партия входят важнейшими общими своими положениями в третью, носящую примирительный характер. Эту последнюю партию составили наиболее солидные ученые силы в лице Gieseler'a⁹⁸², Hase⁹⁸³, Ewald⁹⁸⁴, Paret⁹⁸⁵,

Heinichen⁹⁸⁶, Wieseler⁹⁸⁷, Volkmar⁹⁸⁸, Ranke⁹⁸⁹, Scholten⁹⁹⁰, Mensinga⁹⁹¹, Müller⁹⁹², Gutschmid⁹⁹³, Asmussen⁹⁹⁴, Reinach'a⁹⁹⁵, и др., согласовавшиеся в своих доказательствах с противниками подлинности свидетельства, и лишь в результате уклонявшиеся от них тем, что признавали за неподлинное в данном месте не всё, а лишь отдельные места, допуская **интерполяцию**, т.е., более или менее значительную переделку неизвестной ныне формы действительного упоминания Иосифа в данном месте о Христе. В том и другом случае общее то, что в настоящем своем виде свидетельство Иосифа обрекается на совершенное игнорирование, или как продукт чистого **подлога** с недостойными христианской самодовлеющей истины целями, или просто как **неосторожность и нерадивость** переписчика, внесшего в текст частную полевую заметку какого-либо христианского обладателя рукописи, взамен прежнего **поношения** Христа, а то – по мнению противников всего – вместо и совершенного **умолчания** Иосифом о Христе.

Как защитники подлинности Иосифовского свидетельства, так и противники ее аргументируют свою мысль одинаково сильными и однородно сходными общими основаниями, мотивирующими в одном случае отвержение, и в другом – защиту. Первое и главное из таких оснований касается **внешней достоверности** свидетельства, причем защитники последнего ссылаются на согласие всех кодексов с Евсевием, в то время как противники парализуют доказательную силу этого аргумента ссылкой на молчание церковных отцов от Евсевия и на противоречивые мнения об этом свидетельстве Иосифа. Обращая внимание на **стиль** свидетельства, одни (защитники) находят прекрасным соответствие его с остальным текстом, чисто Флавиевской выразительности; другие – наоборот – отмечают в нем какую-то неожиданную тяжеловесность, свойственную не столько «греческому Ливию», сколько бесстрастному слогу Св. Писания. Со стороны **связи**, одни испытывают без данного места ничем не заполнимую чувствительную пустоту; другие находят, что связь нарушается скорее при вставке этого места, нежели без него.⁹⁹⁶ В то, далее, время, как **содержание** места, при облегчении связи с предыдущим и последующим, кажется для одних наилучшей защитой, другие видят прямо в содержании сильнейшее препятствие для признания подлинности. Столь же обоюдоострым оружием является попытка оправдать естественность и доказательную силу свидетельства о Христе свидетельствами Иосифа **об Иоанне Крестителе и Иакове**, брате «глаголемого Христа», каковая попытка теряет свою силу или при полном отрицании **подлинности**, также и этих мест, или при отрицании той **связи**, какую думали видеть между тем свидетельством и этими новыми, имеющими доказательную ценность лишь для самих себя. Наконец, в противовес той ссылке, что количество христиан было слишком велико, чтобы допустить неестественное полное умолчание историка об этом обществе, выставляется не менее выразительное свидетельство Фотия о не менее странном и удивительном событии, что так же другой современный Иудейский историк Иуст не обмолвился ни единым словом о Тиверии и его делах.

При столь меткой обосновке и остроумной защите общих положений у защитников и противников подлинности свидетельства – трудно определить, в какую сторону должно предпочтительно склоняться наше чутье, в особенности в виду крайнего разноречия самых воззрений на подлинный **смысл** свидетельства у его защитников. В самом деле, что хотел сказать этим свидетельством Иосиф, если бы он – предположим – действительно сказал им что-то? Одни видят в этом свидетельстве сознательно говорящий в пользу Христа смысл; другие читают в нем простой пересказ евангельско-христианских воззрений уклоняющимся от ближайшего исследования, незаинтересованным, хладнокровным историком-повествователем; иные изобличают двусмыслие или коварную хитрость рассказчика; по мнению третьих, Иосиф исповедует здесь свои христианские убеждения, по крайней мере как полу-христианин, остановившийся лишь на половине дороги, а то и как убежденный полный христианин, и даже – умерший по обращении в сане **епископа Иерусалимского!!!**⁹⁹⁷ Иные находят возможным оставлять Иосифа в числе ревностнейших Иудеев, у которого истина, однако, против воли пробивается из-под пера и увлекает его в свои свидетели; другие считают его поступок лестью, которую он, как лицемерный Иудейский царедворец, написал в угоду своему мнимо-христианскому патрону в Риме, или из боязни оскорбить его совершенным о Христе умолчанием. Еще иные представляют Иосифа ожесточенным врагом Христа, который старанием сгладить злобу Иудеев к приверженцам Мессии предохраняет Иудеев от преследований Римлян, не переставая быть вместе главным зачинщиком некоторого гонения, переносимого христианами. В преувеличении значения разбираемого места для христианского дела – один охотнее готов потерять всего Иосифа, чем это единственное место; другой видит в нем пер между доказательствами за истину христианской религии; третий досадует на христианскую критику, заподозривающую подлинность этого места, и боится в этом «знамени времени» опасной вражды вообще к христианской религии; наконец, четвертый допускает из приведенного места совершенно неожиданное употребление, доказывая им **естественное рождение Иисуса Назарянина!**⁹⁹⁸

Трудно представить более противоречивые характеристики одного и того же предмета, более различные и обильные воззрения на смысл одного и того же места.⁹⁹⁹ И уже одно это, по мнению некоторых, не мало располагает в пользу того, что свидетельство Иосифа в том самом виде, в каком оно дошло до нас ныне, ни в каком случае нельзя назвать подлинным, и можно только считаться с вопросом, что было на месте его ранее – совершенное ли молчание о Христе Иосифа, или какое-нибудь неблагоприятное о Нем свидетельство, интерполяция которого и дала нынешнее свидетельство, приписываемое самому Иосифу. К сожалению, и этот последний вопрос должно отнести к разряду безнадежно неразрешимых, и долг наш привести только те основания, по которым является **более безопасным** признание не подлинности Иосифовского свидетельства в настоящем его виде, и объяснение его появления в таком виде путем христианской интерполяции.

Внешняя достоверность свидетельства, по странной случайности, обладает с первого взгляда почти неприступной для нападения позицией: спорное место находится во **всех** рукописях Археологии, сколько их доселе известно, как видно из замечаний в изд. Hudson'a (1720), Haverkamp'a (1726), Pt. Lambeck'a (Bibliotheca Vindobonensis, t. VIII), из новейших – Dindorf'a (1845) и Im. Becker'a (1855) и др. Последнее издание заключает это место в скобки, хотя без подтверждения этого рукописями. Замечание Burmann'a в misc. annotatt. in auct. vet. et recent (1733) vol. II, t. 1, что просмотренные им отрывки рукописей X и XI стол. в библ. Марка Zu Venedig не знают этого свидетельства, не совсем точно, так как тот же Burmann констатирует факт, что древнейший кодекс «Иудейской войны» восполняет этот пробел, имея на последней странице несомненно сделанную одним и тем же переписчиком (те же чернила и тот же почерк) приписку с таким знаменательным оглавлением: ἐκ τοῦ ὀκτωκαιδεκάτου λόγου τῆς Ἰωσήφου ἀρχαιολογίας περὶ τοῦ Χριστοῦ μαρτυρίαι, после чего следует обычное свидетельство (ср. Graeca D. Marci Bibliothec. Codd. mss. ed. Ven. 1740 с пояснением Zanetti и Bugiovanni s. 183. Единственное полное в Маркианском рукописном отрывке Археологии (№ 380) от XV ст.), свидетельство – в обычном месте, как видно из Haverkamp'a. Правда, некоторые собиратели манускриптов Иосифа высказывали мысль о сомнительности и подозрительности места, но обыкновенно без указаний – почему? (Tob. Major в письме к Seb. Snell'ю о рукописи, найденной в Cambridge, срв. Arnold, XXX epist. и пр.; против Th. Reinesius там же; Baronius и Huetius, срв. Fabricius, bibl. Graec. lib. IV, c. 6). Наконец, попытки некоторых ученых – отыскать еврейскую рукопись Иосифа и в них найти основания для сомнений в подлинности разбираемого места – признаны, в конце концов, тщетными, Dr. Steinschneider. Vol. II, pg. 1545, 46... С другой стороны, место это почти **не имеет вариантов**, за исключением ничтожных уклонений в словорасположении и выражениях, не касающихся существенного смысла¹⁰⁰⁰; даже свод этого свидетельства по цитатам из Евсевия, Исидора, Григория Нисского, Евфимия Зигабена, Suidas'a и Cedrenus'a¹⁰⁰¹ и др. дает в общей сложности вариантов такое ничтожное различие от первоисточного (Haverkamp.) начертания свидетельства, что без всякого ущерба для дела всем им может быть предпочтено одно общепринятое чтение этого свидетельства, имеющееся в упомянутом авторитетном изд. Haverkamp'a.

Недостаточно прочная связь и некоторая едва уловимая фальшь свидетельства, наряду с неопределенностью его локализации, – первое, что ослабляет значительно неприступность позиции свидетельства со стороны внешней его достоверности. Известен случай (констатированный Burmann'ом), когда свидетельство это скромно снисходит со своего места до простой приписки к «Войне Иудейской»¹⁰⁰², хотя и не уступает еще своих притязаний на почтенное место в XVIII кн. Археологии (ἐκ τοῦ ὀκτωκαιδεκάτου λόγου τῆς Ἰωσήφου Ἀρχαιολογίας и т.д.). Не менее характерный случай можно привести здесь еще из редкого латинского издания Иосифа (Augsb. 1470), помещающего это свидетельство не в 3-ей, а в 8 главе XVIII книги; а также из манускрипта, бывшего под руками Александра Petavius'a, где это место приютилось в περὶ

ἀλ.Π, 9, 3.¹⁰⁰³ Еще более проигрывает свидетельство Иосифа, со стороны внешней достоверности, в виду того обстоятельства, что рукописи Археологии, дошедшие до нас, не восходят далее XI в.¹⁰⁰⁴, большинство же их относятся даже к XIV и XV в. Между тем, есть достаточные основания полагать, что еще в IX в. была рукопись, отнюдь не имевшая этого места. Это видно из Фотиевых († 891 г.) выписок из 279 христианских, иудейских и языческих сочинений в его μυροβιβλίον, где при длинных и кратких выписках из Иосифа (cod. 33, 47, 48, 76, 238), однако, он не помещает данного места. Это тем более важно, что Фотий **не не знал** о существовании спорного варианта, и если бы читал его в своей рукописи и верил в его законность, не преминул бы защитить и оправдать со свойственной ему компетентностью и энергией. Между тем, в cod. 48 он прямо говорит, что имел писание Иосифа περὶ τῆς τοῦ παντὸς αἰτίας, а также **читанное и прибавленное** περὶ τοῦ Χριστοῦ... однако, относительно этого последнего прибавления он позволяет себе «усомниться», чтобы «Иудей-Иосиф **мог** так писать» и склонен считать это делом римского пресвитера Каия, или – по другим – Иустина или Иринейя. Это сомнение ученейшего восточного архипастыря дает право нам к заключению, что его рукопись Археологии не имела названного места, как видно ясно и из его замечания в cod. 33, где Фотий, порицая Иуста Тивериадского, известного современника Иосифа¹⁰⁰⁵, за его важные пропуски, выражается таким образом: «как природный Иудей, он (т.е., Иуст) в общую погрешность своих единоверцев впал (ὡς τὰ Ἰουδαίων νοσῶν) о Христе и Его чудотворениях, не делая никакого важного упоминания (οὐδενὸς ὅλως μνήμην ἐποιήσατο).¹⁰⁰⁶ В лице Фотия мы имеем, таким образом, **древнейшего противника подлинности** Иосифовского свидетельства, притом без всякой уступки, вроде той, какая предлагается не столь безусловными противниками в гипотезе интерполяции: по Фотию – на месте нынешнего «свидетельства» Иосифа не было ничего, кроме tabula rasa (правильнее же сказать, обычное расстояние между 2 строками).

Более тщательные исследования показали, что в раннейшее время до Фотия прибавка спорного места выступает все более и более, как случайная редкость: полагают, что лишь со времени Евсевия, и именно по его инициативе¹⁰⁰⁷, эта прибавка получила впервые права гражданства, в виду того, что до Евсевия ни одной рукописи Иосифа и ни одного точного приведения этого места не имеется.¹⁰⁰⁸ Как бы то ни было, молчание церковных писателей до Евсевия сильно колеблет подлинность свидетельства, в виду особенно ясных слов об Иосифе, например, Оригена в comm. ad. Matth. pg. 223, ed. Huet. καὶ τὸ θαυμαστὸν ἐστίν, ὅτι τὸν Ἰησοῦν ἡμῶν οὐ καταδεξάμενος εἶναι Χριστόν, и с. Cels. lib. I, pg. 85, ed. Spencer: ὁ δ' αὐτὸς καίτοι γε ἀπίσιῶν τῷ Ἰησοῦ ὡς Χριστῷ – выражения совершенно непонятные при предположении, что автор читает оспариваемое нами место Иосифа о Христе.

Но главные основания против подлинности свидетельства заключаются в его **внутренней несостоятельности**, в противоречии его всему, что мы знаем об Иосифе и его труде. На эту сторону мы и должны обратить особенное внимание при оценке так называемого свидетельства о Христе. Нет

надобности, при этом, разбирать, т. ск., по костям все свидетельство Иосифа, как пытались сделать некоторые восстановители первоначального образа чтения, без всяких основ для того в рукописях. Достаточно обратить внимание на один только смысл, **дух** свидетельства и сопоставить его лицом к лицу с собственным судом Иосифа, на основании его собственных воззрений на этот предмет.

Центр тяжести всего свидетельства представляют слова: ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν, – передать точнее которые – непредубежденно рассуждая – можно не иначе как, что **Иисус был Мессия**. Попытки сгладить очевидную несвойственность этой фразы для Иосифа в усвоении ему намерения сказать только, подобно XX, 9, 1 Ἰησοῦ τοῦ λεγόμενου Χριστοῦ, что «οὗτος ἦν ὁ λεγόμενος Χριστός»¹⁰⁰⁹, – не только не поправляют дела, но усиливают недоумение относительно того, почему же Иосиф, в другом случае считавший нужным подобную оговорку λεγόμενος, не дает ей места там, где она по его мысли должна бы была быть всего нужнее. Не совсем удовлетворяет и то объяснение¹⁰¹⁰, что Иосиф выражается здесь приспособительно к пониманию Греков, которые, не зная догматического знаменования слова Χριστός, знали, однако **Христа**, как собственное **имя** Основателя секты Христиан, на ряду с именем **Иисус**: – не удовлетворяет в виду того, что Мессианские ожидания Иудеев вовсе не были неизвестны в Римском царстве, и именно известно было самое имя Христос, как имя **звания** Ожидаемого вместе с самыми ожиданиями. Уже LXX, в (Дан.9:25), могли достаточно посредствовать это ознакомление греко-римского читающего мира с тем убеждением, что **Χριστός**, как точное переложение имени כְּשִׁם, Помазанный, далеко не простое имя, и когда это имя в писании Иудея отличается даже нарочито определенным членом ὁ Χριστός, абсолютно, без всякого ограничительного пояснения, – ясное дело, что ни Иудеи, ни Греки не могли понимать этого выражения иначе, как что ὁ Χριστός == Помазанник, Мессия, не говоря уже о том, что и сам писавший так не мог не подозревать столь неосторожного уклонения в сторону признания Иисуса Обетованным Христом-Помазанником, надеждою Израиля, что не предполагается самими сторонниками разбираемой гипотезы. Наконец, что слово Χριστός, употребленное Иосифом, отнюдь не употреблено им в качестве простого имени Иисуса, не оставляют никакого сомнения – как предшествующее (εἶπε ἄνδρα αὐτὸν λέγειν χρή), так и дальнейшие выражения Иосифа, что этот Христос осуществил все написанное о Нем, и именно как о Мессии, пророками: ἐφάνη αὐτοῖς τρίτην ἔχων ἡμέραν πάλιν ζῶν τῶν θείων προφητῶν ταῦτά τε καὶ ἄλλα μυρία θαυμάσια περὶ αὐτοῦ εἰρηκότων.¹⁰¹¹

Итак, по мысли приведенного места, Иисус был Обетованный Мессия-Христос. Спрашивается, что значило это на языке Иосифа и к чему обязывало его? Какие данные представляет его Археология для обрисования звания Мессии более подробными чертами, и в каком отношении эти данные стоят к нашему свидетельству, выделяющемуся из всех трудов Иосифа своими обстоятельно-определенными чертами? Ответ на эти вопросы идет положительно вразрез всякому признанию подлинности рассматриваемого

свидетельства, и дело скажет само за себя, когда мы представим его так, как оно есть.

Как ни старается Иосиф маскировать свои Мессианские убеждения, как ни игнорирует ими при всяком случае, чуткому исследователю все же остается возможность уловить важнейшие оттенки этих убеждений, по которым – хотя бы с немалым трудом и риском «à la Кювье» можно восстановить характер самых убеждений в более или менее определенных положениях. Специальный исследователь Мессианских воззрений Иосифа – Gerlach, после усиленно-кропотливых экскурсий в область всего, имеющего связь с этими воззрениями, выносит то простое убеждение, что Мессианские воззрения Иосифа не могли быть иными, как те самые, которые в то время вообще разделялись всем Израилем. Ожидавшийся Иосифом Мессии – есть **светский** Царь, имеющий быть послан от Бога, чтобы освободить Иудеев от их свирепых притеснителей, отмстить разрушение города и храма, ниспровергнуть Римское владычество и на развалинах его воздвигнуть все пределы земли обнимающее Мессианское царство. Это «Святое-Святых» души Иосифа, разумеется, тщательно сокрыто от глаз Рима, но следы его для хорошо вооруженного глаза разглядываются ясно. Таковы прежде всего несколько глухих обмолвок Иосифа в его Археологии, в коих проглядывают неясные указания на сильно распространенные ко времени Иосифа¹⁰¹² «ожидания» Мессии. Gfrörer¹⁰¹³ находит эти указания уже в простой отсылке Иосифа¹⁰¹⁴ «удостовериться» во вдохновенности пророка Исаии по «его удивительным предсказаниям, о справедливости которых может судить потомство по самым их событиям», – разумея здесь именно Мессианские предсказания Исаии. Более основательно открывает подобные указания Gerlach в истории царствования Ирода, особенно в обстоятельствах перестройки им храма Иерусалимского. (Арх. XV, 11, 1). Испрашивая в особой речи к народу его соизволение на перестройку храма, Ирод между прочим говорит: «этот храм построили в честь Всесильного Бога наши отцы по возвращении из Вавилона; но ему недостает целых 60 локтей в вышину, чтобы сравняться с древним Соломоновым храмом..., а так как я теперь по милости Божией правлю благополучно, наслаждаясь полным миром, имея достаточно денег и большие доходы, а, главным образом, так как к нам расположены и дружелюбны Римляне, эти властители всего мира (πάντων κρατοῦντες), то я попытаюсь исправить ошибку прежних времен, и т.д.”... Gerlach небез- основательно видит в этих словах умышленно проведенную Иродом параллель к (Агг.2:7) и д.¹⁰¹⁵ То, что предсказано пророком здесь¹⁰¹⁶ и чего народ мог ожидать и как будто прямо тогда ожидал, все это царь представляет как **осуществляющееся** в его предприятия. В самом деле, эта тенденция сквозит уже в параллели пророческому выражению τὰ ἐκλεκτὰ πάντων τῶν ἐθνῶν соответствующего у Ирода πάντων κρατοῦντες – Римляне. Обетование в пророческой речи δώσω εἰρήνην не позволяет, по мысли Ирода, ждать лучшего времени для своего применения, как правление его, Ирода, который для обладавших всем миром Римлян был другом. Превосходство 2-го храма пред первым, обещанное пророком, Ирод хотел показать достаточно осуществляющимся в его усилиях «превзойти» в

украшении этого храма всех своих «предков» (§ 3, ἐδόκει ἐπικεκκοσμημέναι τὸν ναόν). Спрашивается, после всего этого, не ясно ли, что предприятие Ирода было много хуже, чем только погони за славой, за похвалой и признательностью народа, за умиротворением недовольных его язычско-строительной горячкой умов, как представляет дело Иосиф? Не ясно ли, что хитрый политик Ирод всем этим прежде всего посягал на заветнейшие чаяния своего народа, думал отвлечь его от ожиданий обетованного будущего, кощунственно подставлял себя и свои заслуги подо все то, что в особенности не мирило его с народом, как узурпатора престола Великого Царя от семени Давидова? С другой стороны, яснее становится и то знаменательное сопротивление народа Иродову предприятию, каковое сопротивление Иосиф так искусно маскирует простой боязнью, что Ирод, заводя такое важное дело, окажется «неспособным» закончить оное.¹⁰¹⁷ Такое ложное освещение факта, как то невольно внушающее подозрения своей неудовлетворительностью, вполне в интересах Иосифа, замаявшего в этой темной фразе, без сомнения, громкое дело с совсем другим оттенком, везде так старательно стушевываемым у Иосифа. Оттенок этот – вне всякого сомнения – живые надежды народа на близкое осуществление своих заветных чаяний, интенсивно возраставших в той мере, в какой старался устранять и подавлять их¹⁰¹⁸ царь-узурпатор, и, очевидно, начавших быть особенно беспокойными для Ирода (срв. Мф.2:3 и д.). Что все это далеко не плод нашей фантазии, достаточно припомнить знаменательные свидетельства Епифания и Тертуллиана, констатирующих в последующее время появление людей, которые действительно **самого Ирода и сочли за Мессию**.¹⁰¹⁹

Другой случай, еще ближе подтверждающий общенародные живые ожидания Мессии во времена уже Ирода, подтверждавший – если не допускать невозможного факта, что Иосиф до такой степени мог изменить себе – и ожидания самого Иосифа, поскольку также ожидания вообще людей с подобными его **фарисейскими** воззрениями, – следует указать в Арх. XVII, 2, 4. Мы читаем здесь, как оштрафованные Иродом фарисеи пророчески обещают супруге Фероры, за покрытие их штрафа, свою благодарность, ὥς Ἡρώδῃ μὲν καταπαύσεως ἀρχῆς ὑπὸ θεοῦ ἐψηφισμένης αὐτῷ τε καὶ γένοιτο τῷ ἀπ' αὐτῆς, τῆς τε βασιλείας εἰς τε ἐκείνην περιήξουσης καὶ Φερώραν παῖδάς τε οἱ εἶεν αὐτοῖς. Если игнорировать в этом пророчестве умышленно подпущенную благодетельнице (с ее супругом) лесть, то зерном события остается мысль об устранении Иродовского владычества и переход его к «другому» лицу. Из знаменательной характеристики этого имеющего, по пророчеству фарисеев, восстать Царя на место Ирода (ἐπικατασταθσομένου) открывается с очевидностью, что это «другое» лицо, к которому были обращены мысли фарисеев, должно быть **более, чем простой**, человек. Он будет иметь «сверхъестественную» власть, одно из проявлений коей фарисеи, применительно к данному случаю, указываю в том, что он возвратит евнуху Вагою (оказавшему неизвестную услугу фарисеям и казненному после этого пророчества Иродом вместе с некоторыми фарисеями и приближенными из своей свиты) способность к деторождению и отличит его наименованием отца

и благодетеля (παρέξοντος αὐτοῦ γάρου τε ἰσχυρὸν καὶ παιδῶσεως τέκνων γυναικῶν). Haverkamp вполне основательно видит в этом месте намек на Мессианское место (Ис.56:3–5)¹⁰²⁰, и, в таком случае, не остается никакого сомнения в том, что Имеющий заступить место Ирода и основать Свое собственное (земное) царство, по общим ожиданиям, должен быть никто иной, как обладающий Божественной силой Обетованный Царь-Мессия.

Итак, при всех своих искусных замаскировках, запутанностях, недомолвках и заведомо ложных освещениях, Иосиф не мог скрыть для мало-мальски пристального взора «искорки» столь привлекающего нас света – назовем так несомненно напряженную во времена Ирода надежду всего народа на близкое пришествие Обетованного Избавителя, – надежду, проглядывающую в столь многих объективных строках Евангелия, не говоря уже о дальнейшей истории борьбы с всемогущим Римом, безрассудной и едва возможной без той же надежды, как дает понять нам и сам Иосиф (Ин.4:25 и др.; срв. особенно Деян.26:7).

Будучи убежденным сторонником фарисейских воззрений¹⁰²¹, Иосиф, как мы сказали, не мог изменить себе, по крайней мере, в переживании прошлого, до такой степени, чтобы не разделять общих народных и фарисейских ожиданий. Да, он также **ждал** Утехи Израилевой, и мы оказали, **какой** именно. Теперь мы хотим склонить речь нашу к тому только, что эти ожидания, черты его, его дух, наконец, и его представления о законе Моисеевом и вообще об еврействе – находятся в диаметральной противоречии тому, что хотят сказать слова разбираемого свидетельства Иосифа ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν. Он ждал в Мессии – сильного светского Царя, и теперь – объявляет его в уничиженном Иисусе?? Он ждал в Мессии – Освободителя Израиля от его врагов, и теперь – видит Его в Распятом врагами на Кресте? – Правда, на примере Апостолов, мы видим, что вере и исповеданию их не помешало в первое время заражение теми же общими народными предрассудками в идее Мессии. Но того же по отношению к Иосифу не позволяет допустить он сам. В самом деле, он так тщательно избегал везде и во всем малейших отдаленнейших намеков на это опасное для него Имя, и теперь ли предлагает открытую апостольски-безбоязненную проповедь о Его пришествии?! И остановился ли бы он в таком случае на полдороге, ограничившись вскользь брошенной заметкой об этом затронувшем его сердце событии? Мог ли он закрыть свое сердце для разносившейся во ней концы вселенной проповеди о неслыханном учении и делах Иисуса? Мог ли умолчать о Его удивительных предсказаниях гибели Иерусалима и храма, к описанию которых вскоре затем приступает, не давая ни малейшего указания на то, что это, превосходящее все другие, несчастье его народа стоит в связи с умерщвлением его вдохновенного Предсказателя? Как бы ни быть малотребовательными по отношению к Иосифу, – нельзя, однако, к нему, как к историку и столь обстоятельному описателю последних судеб Иудейства, не предъявлять более серьезных требований в столь тесно связанном с этими судьбами случае, если б мы не знали обстоятельств, заставлявших его обо всем, касавшемся Иисуса, упорно замалчивать.

Сказанного, полагаем, достаточно, чтобы иметь право объяснить происхождение спорного свидетельства в настоящем его виде **помимо** Иосифа, которому его без глубоких оснований решаются приписывать. Спрашивается, теперь только, с чем же имеем мы здесь дело, с чистым ли **подлогом** какого-либо, м.б., мнившего оказать этим добрую услугу христианской истине, читателя Иосифова, или мы имеем здесь дело с интерполяцией, **переделкой другого** Иосифовского свидетельства, вызванной его нескромностью, несоответствием христианским убеждениям в этом единственном почти случае, за исключением которого Иосиф во всем остальном являлся столь поучительным и для христианина писателем? Находя по самому существу дела совершенно неразрешимыми эти вопросы и уважая мудрое правило – выбирать из нескольких зол меньшее, мы должны бы попытаться уяснить, что именно в особенности надлежит приписать в данном свидетельстве перу интерполятора, и почему.

Однако, все придумываемые исследователями поправки к свидетельству, с целью сгладить явно не – Иосифовские фразы, обречены заранее на неудачу. Собственно говоря, мы можем лишь уверять себя, что так-то и так-то **не мог** писать Иосиф, но как же он именно **мог** и действительно написал, если только еще написал, это всегда будет представлять обширное поле для произвола и всевозможных натяжек, навязываемых Иосифу силой. Остается в уяснение дела попытаться решить один не излишний вопрос, кто мог быть виновником подлога (или интерполяции), и как этот подлог мог быть учинен и укорениться?

Мы оказали уже, что место это впервые приведено у Евсевия. Но это значить не менее, как то, что до Евсевия это место в таком виде едва ли и читалось в тексте рукописей Иосифа. При всем интересе столь важного места для христианской апологетики, апологеты не утилизируют этого места, которое, вероятно, долгое время ютилось просто на поле обращавшейся среди христианских читателей рукописи, как объективная замена ad se, что на время, из которого Иосиф Арх.XVIII, 3 сообщал другие происшествия, падает жизнь и дела Иисуса, и только впоследствии, может быть, без всякой мысли о подлоге, по простому недосмотру переписчика, эта заметка попала в самый текст. Возможность того, что первоначально свидетельство было лишь на поле, подтверждается уже его различным местоположением; с другой стороны, нам кажется это именно одним из сильных доводов против подлинности. В самом деле, если бы свидетельство в Иосифовой рукописи было в тексте, как мог решиться переписчик впервые перенести его на поле? – почему ему могло это вздуматься? – не в силу простой же случайности, тем более не по каким-либо критическим побуждениям, который менее всего могли внушать перенесение подобного рода полевых заметок в текст, а не наоборот? Это последнее объяснение появления свидетельства более правдоподобно, чем намеренное искажение, или намеренный подлог с какою бы то ни было целью. Как ни сильно желание иметь столь важного союзника, как Иосиф, самодовлеющая христианская истина более проигрывает от таких средств для своей защиты, чем выигрывает! И если мог недостаточно понимать это сам

виновник намеренного подлога, то едва ли простительно не возвыситься до более лучшего понимания тем, которые боятся усомниться в подлинности этого свидетельства только ради того, что оно так заманчиво-вызывающе по своей, – однако, сомнительной – древности, ясности, важности и авторитетности. По нашему крайнему разумению, даже и абсолютное, в общей идее Археологии столь странное, непонятно-тенденциозное умолчание Иосифа о гремевшей в его время по всем концам вселенной проповеди Распятого¹⁰²² – гораздо более доказывает своей знаменательной удивительностью ее истину, заставившую замолчать все недоброжелательные ей рты с того самого времени, как эта Истина не могла быть запечатана «сребренниками довольными», данными единственным свидетелем Ее воссияния из-за печатей гроба! Говорим это для подтверждения не удивительности и того, что на месте нынешнего свидетельства Иосифа могло быть ранее совершенное **умолчание** и, так сказать, **нежелание** говорить о таком предмете, самая снисходительная речь о котором, помимо своей невнятности чувству гордого Рима и, значит, чувству Иосифа, скорее могла сослужить службу для его апологии, чем поддержать тлетворный огонь злословия, в духе характерных извращений личности и истории Христа Талмудом (Sanhedrin, 43 а, 103, 1 и др.; Лютостанский, «Талмуд и Евреи», ч. I, стр. 203) и разного рода раввинистическими о Нем бреднями.

Прежде чем – или для того, чтобы еще более – покончить с вопросом о подлинности Иосифовского свидетельства о непризнанном им Мессии, мы кстати остановимся еще на обсуждении двух мест Иосифа, которые кажутся стоящими в теснейшей связи с только что разобранными, и на этом основании нередко употребляются в качестве доводов за подлинность первого. Это – места об Иоанне Крестителе и Иакове, брате Господнем, на подлинность которых в настоящем их виде за редкими исключениями никто не дерзал набросить тень сомнения.

Первое из указанных мест (**об Иоанне Крестителе**) мы уже имели случай обсуждать выше, и говорили о несомненности подлинности, смысле и значении этого места (368–370 стр.). Здесь нам остается лишь воспользоваться, сообразно нашим намерениям, констатированным там способом представления Иосифа, описывающего личность и миссию (учение и крещение) Крестителя вне всякой связи со Христом, той тесной глубоко-знаменательной очевидной из Евангелия связи, по которой этот Пророк являлся «Предтечей» Мессии, уготовителем сердец народа к пришествию Его, так что «Иоанн-Предтеча» Христа неразделим от «Иоанна-Крестителя». Исходя из этой Евангельской точки зрения на миссию Крестителя и не вникая в иную точку зрения на Крестителя у Иосифа, многие с прямым нарушением всякого нрава заключают, что раз Иосиф имел столь доброе мнение «de praecursore Christi», то само собой должен был иметь и выразить подобное же доброе мнение и о Самом Христе. Находя достаточно опровергающими эту предвзятую аргументацию высказанные нами ранее соображения о столь строго выдержанном у Иосифа нейтралитете личности Крестителя, мы напомним к большему подтверждению этой мысли, что нейтралитетный по

отношению к Христу образ мыслей о Крестителе вовсе не есть что-либо новое, тенденциозно навязываемое Иосифу. По свидетельству Оригена, не только Иосиф, но и вообще «Иудеи мыслили Иоанна вне связи с Иисусом (οὐδὲ συνάπτουσι τὸν Ἰωάννην οἱ Ἰουδαῖοι τῷ Ἰησοῖ).¹⁰²³ Что в этом нет ничего невероятного, можно показать и на примерах самого Евангелия. В самом деле, у всех Евангелистов (как вместе и у Иосифа) мы читаем о чрезвычайном уважении, в каком был у всего народа Иоанн. Это уважение, по (Мф.14:5), долгое время одно было сильно заставлять Ирода опускать пред намеченной жертвой кровавый нож. Это уважение, по Мф.21:16 (ср. Мк.11:32; Лк.20:6), обезоруживает все завистнические подкопы под авторитет Иоанна, которого **все** почитали за пророка (у Луки: **весь народ был убежден...** πᾶς λαὸς πειθισμένος ἐστὶ).¹⁰²⁴ С другой стороны, Сам Спаситель, несомненно опираясь на это же общее уважение народа к Иоанну, так часто отсылает его к свидетельствам о Себе Крестителя. Но в таком случае, о чем же говорит тот бесспорный факт, что, несмотря на столь сильное уважение ко Крестителю, на столь, следовательно, благоприятную почву для влияния на народ в пользу Мессии, на столь, наконец, решительную нарочитую опору Спасителя на свидетельства уважаемого всем народом Пророка, – несмотря на все это, народ остается так неподатлив на Иоанновы свидетельства о Христе. Отдельные места, как например, у (Ин.10:41 и др. под.) подтверждения того, что «многие» по свидетельству Крестителя верили в Иисуса, не изменяют общего положения дела¹⁰²⁵, и, во всяком случае, то характерное явление, что народ **самого Иоанна** готов был считать за Мессию, и что по смерти Иоанна были ἐπιστάμενοι μόνον τὸ βάπτισμα Ἰωάννου (Деян.18:25; 19:3), красноречиво говорит за наше положение, что думать и писать хорошо о Крестителе еще далеко от того, чтобы **так же** думать и писать о Христе, в отношении к Которому далеко не всякий видел в Крестителе Его Предтечу.

Да наконец – хотя бы Иудеи и поставляли миссию Иоанна в связь с грядущим Мессией, это все так еще далеко от того, чтобы эта связь приурочивалась ими именно к Иисусу; идея политически могущественного Мессии так мало мирилась с осуществлявшейся в Иисусе идеей Мессии Уничиженного, что при самом торжественном, последнем ее завершении довереннейшие «друзья»¹⁰²⁶ этого Мессии не задумались любопытствовать: «**Господи, аще в лето сие устроиши царствие Израилево** (Деян.1:6)?».

Что касается, затем, другого места (**об Иакове, брате Господнем**), будто бы необходимо подтверждающего невозможность для Иосифа совершенно уклониться от упоминания о Христе – с одной стороны, и возможность именно настоящего свидетельства о Христе для Иосифа, с другой, – то доказательная сила этого, бесспорно, важного места, собственно говоря, значительно преувеличивается.¹⁰²⁷ Самая подлинность этого места далеко не принадлежит к числу неоспоримых, хотя бы в такой мере, как указанное ранее место о Крестителе. Clericus¹⁰²⁸, Lardner¹⁰²⁹, из новейших Creuzer¹⁰³⁰ более или менее основательно заподозривают его подлинность. Главное из оснований для такого подозрения Clericus видит в значительно отличных от нынешнего чтения цитатах этого места у Оригена¹⁰³¹, от которого потом в большой зависимости

это место находим у Евсевия¹⁰³² и Иеронима.¹⁰³³ Ориген говорит именно, что Иосиф, когда хотел представить основание великих несчастий народа, рассуждал таким образом: κατὰ μὴνιν θεοῦ ταῦτα αὐτοῖς ἀπηντηκέναι διὰ τὰ εἰς Ἰάκωβον, τὸν ἀδελφὸν Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ, ὑπ' αὐτῶν τετολμημένα, и присовокупляет: καὶ τὸ θαυμαστόν ἐστὶν ὅτι τὸν Ἰησοῦν ἡμῶν οὐ καταδεξάμενος εἶναι Χριστόν, οὐδὲν ἦτον Ἰακώβῳ δικαιοσύνην ἐμαρτύρησε τοσαύτην λέγει δὲ ὅτι καὶ ὁ λαὸς ταῦτα ἐνόμιζε διὰ τὸν Ἰάκωβον πεπονθέναι. Сопоставляя эту цитату с единственным об Иакове местом у Иосифа, не находим этой мысли Оригена. Предположение Spencer'a¹⁰³⁴, что упомянутое Оригеном место утрачено по небрежности переписчика – не привлекает своей произвольностью. Правдоподобнее было бы допустить здесь простую ошибку Оригена¹⁰³⁵, происшедшую от не совсем правильной параллелизации данного места с XX, 8, 5, где Иосиф описывает совершенное в храме кровопролитие, ради которого, по его мысли, Бог ускорил гибель города и храма. Возможно, что Ориген в числе жертв означенного кровопролития мыслил и Иакова, описание смерти которого дается в 9 гл. 2 §, или просто перемешал два отдельных события. Так или иначе, только – пока остается место для трудно устранимых сомнений в подлинности свидетельства об Иакове, хотя бы при отсутствии строго определенных данных и для признания его неподлинности, постановка этого свидетельства в связь со свидетельством о Христе по крайней мере наполовину лишена своей доказательной силы. – Весьма ослабляет эту доказательность (как в предшествующем месте о Крестителе) возможность для Иосифа совершенно – нейтралитетного по отношению к христианству упоминания об истории упомянутого праведника. Для такого упоминания для Иосифа достаточно было примерной ревности Иакова в соблюдении закона Моисеева (τὰ περὶ τοὺς νόμους ἀκριβεῖς), каковую Иосиф не пропускает нигде обращать в похвалу Иудеев, а самое посольство к Альбину с жалобой на Анана могло быть мотивировано Иосифом просто допущенным нарушением первосвященнических прав Ананом без всякого интереса к явившейся жертвой этого нарушения личности.

Не мало подрывает предполагаемую связь между обоими свидетельствами о Христе и Иакове также простое их сопоставление. В самом деле, в то время, как первое свидетельство позволяет себе объявлять без всякого колебания ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν (nomen dignitatis), в последнем месте этот ὁ Χριστὸς является лишь λεγόμενος (cognomen).¹⁰³⁶ Эта последняя характерная оговорка скорее свидетельствует о том, что и прежнее упоминание об Иисусе могло быть далеко не в духе настоящего свидетельства (один из доводов в пользу его Интерполяции) или – безопаснее предположить – и совсем не было никакого упоминания, как отметил еще Фотий этот всеобщий обычай иудейских писаний ничего не упоминать о Христе.

Таким образом, обычно повторяемое при защите подлинности настоящего свидетельства о Христе – обоснование Bosius'a: tam bene de istis, praecursore altero, altero fratre Christi, qui senserit..., eum utique de Christo quoque ipso honorifice sensisse (тот, кто так хорошо думал о тех, которые были – один предтечей, другой – братом Христа, не мог иначе думать о Христе, как с тем

же почтением) – это обоснование покоится на шаткой почве. И нам остается, только примкнуть к вескому слову Оригена, по которому Ἰώσηπος ἀπιστῶν τῷ Ἰησοῦ, ὡς Χριστῷ и распространить на Иосифа не менее веское суждение Фотия, заметившего об Иусте Тивериадском: ὡς δὲ τὰ Ἰουδαίων νοσῶν Ἰουδαῖος τε καὶ αὐτὸς ὑπάρχων τὸ γένος τῆς Χρίστοῦ παρουδίας καὶ τῶν περὶ αὐτὸν τελεσθέντων καὶ τῶν ὑπ’ αὐτοῦ τερατουργηθέντων οὐδενὸς ὅλως μνήμην ἐποίησατο.

Глава VIII. Археология – продолжение Евангелия

§ 40. После Пилата

6–7. После Пилата прокуратором над Иудеей был сделан Marcellus, о котором почти известно одно только имя (36–37). Настоящим вершителем всех важнейших дел по управлению Иудеей, вплоть до передачи ее Ироду Агриппе, Иосиф выставляет Сирийского наместника Вителлия, дружбе с которым Марцелл был обязан самым своим назначением. Прибытие в Иерусалим, около праздника Пасхи 36 г.¹⁰³⁷, Вителлия, вообще весьма симпатичного начальника, ознаменовалось, между прочим, сложением пошлин с продаваемых Иерусалимлянами плодов, и предоставлением Иудейским священникам самим хранить первосвященнические одежды, – право, насильственно отнятое у них некогда Иродом, присвоенное его преемником Архелаем, и удержанное после его смерти в ведении Римлян.¹⁰³⁸ В будущем 37 году, Вителлий показал новый случай своей разумной снисходительности и уважения к Иудеям, подобно указанному выше (стр. 371). В то время, как Вителлий умедлил в Иерусалиме, пришла к нему весть о кончине «друга человечества» Тиверия и вступления на престол Калигулы (37–41 г.). Иудеи прежде всего подверглись присяге новому императору, за которого также были принесены обычные жертвы.¹⁰³⁹ Первые 2 года правления Калигулы прошли спокойно для Иудеев¹⁰⁴⁰, но затем для них наступило время тяжкого гнета и неурядиц. Причиной такой перемены послужила особенная строгость Калигулы в распространении «культа Кесаря». Зазнавшись в своих мнимо-божественных достоинствах до полного забвения человеческих немощей и происхождения, этот маниакан божественности видел в строжайшем соблюдении своего культа наиболее обязательную форму почтения к своему «бож.» достоинству и во всяком ограничении этой обязательности усматривать доказательство преступно-недостаточного признания своей персоны. Как и следовало ожидать, несчастнее всего последствия этого самодурства Калигулы должны были вынести Иудеи. В Александрии, с ее иудеофобским населением, протестанты подверглись особенно сильному стеснению (подробности его читаем у Филона, in Flacc. § 5–6–8 и далее, и Legat. ad Cajum, § 19–20, и др.), которое было столько же в интересах населения, мнившего гонением Иудеев обеспечить для себя благоволение Кесаря, сколько и в интересах Сирийского наместника Флакка, прошлое которого (дружба с Тиверием 32–37) несколько компрометировалось в глазах Калигулы и также толкало его к тому, чтобы ревностной борьбой за интересы императора в деле Иудеев восстановить свой поколебленный престиж. См. Philo, in Flacc. § 3, init. ed. Mangey, II, 518 (ср. № 1–2) и дал.

Краткое упоминание Иосифа об этом не представляет почти ничего для его исправления. Упоминаемое Иосифом посольство Александрийских Иудеев к императору (во главе с Филоном), потерпевшее неудачу от контрпосольства, снаряженного остальными Александрийцами, во главе с Апионом, относится уже к 40 г.¹⁰⁴¹, и представляет прямой результат разделения Александрии на 2 кроваво-враждовавшие лагеря. Оба посольства состояли –

по Иосифу (Арх. XVIII, 8, 1) – каждое из 3 лиц, по Филону (Leg. ad. Cajum. § 46) – Иудейское состояло из 5. Отдельные обстоятельства истории этих посольств, по фрагментарным заметкам о них Филона в труде о Калигуле вносят несколько подробностей в судьбы этого процесса Иудеев. Александрийское посольство нашло себе сильную поддержку в лице некоего Helikon'a, которого потом (заметив его влияние на Калигулу) старались и Иудеи привлечь на свою сторону, – однако, тщетно. Потерпев эту неудачу, Иудеи решились обратиться с письменным ходатайством к Кесарю с изъяснением ему своих (насколько то позволяют их законы) верноподданныческих чувств, и после долгих мытарств депутатам Иудейским посчастливилось, наконец, выслушать в личной аудиенции только следующую снисходительно-презрительную резолюцию Римского владыки: «они более безумные, нежели злонамеренные люди, когда не хотят верить в его божество».¹⁰⁴² Одновременно с преследованием Иудеев в Александрии при Калигуле, того же несчастья не избежали они в собственном отечестве Палестине. Дело здесь началось тем, что Иудейские обитатели приморского филистимского города Иамнии¹⁰⁴³ не потерпели алтаря, воздвигнутого на зло Иудеям языческим населением во имя Кесаря, – и разрушили оный. Извещенный об этом прокуратором города, Гереннием Капитоном¹⁰⁴⁴, Кесарь пришел в страшное раздражение и тотчас отдал приказ, в отмщение этой выходки Иудеев, поставить свое изображение в самом храме Иерусалимском. Для подавления предусмотренного сопротивления Иудеев, Петроний, Сирийский наместник, только что сменивший Вителлия, получил полномочия передвинуть в Палестину половину Сирийской армии¹⁰⁴⁵, и с помощью этих войск во что бы то ни стало осуществить императорскую волю. Скрепя сердце, Петроний взял на себя это опасное неприятное полномочие (зимой 39–40)¹⁰⁴⁶ и, прежде принятия решительных мер, собрав к себе старейшин Иудейских, пытался мерами убеждения устранить препятствия со стороны Иудеев, но, конечно, напрасно. Лишь только разнеслись слухи о намерениях Петрония в народе, несметные толпы последнего устремились в Птолемаиду, где он зимовал в ожидании весны для открытия военных действий, и здесь устроили ему захватывающе-трогательную сцену. Старики, мужья, мальчишки, старухи, жены, девочки в 6 отдельных отрядах приходили к нему со слезными воплями и так разжалобили его, что он решил по крайней мере отсрочивать возможно долее свое жестокое поручение.¹⁰⁴⁷ Все-таки в особом отношении к Кесарю, он известил его о необходимости отсрочки, частью вызываемой будто бы затяжкой работ по изготовлению статуи, частью в виду предстоявшей жатвы, отвлечение от которой грозило большим разорением стране. Как ни резонны были оправдания уклончивости Петрония, он не обманулся в ожидании гнева Кесаря. Достаточно было для последнего, что его воля встречает какие-то препятствия, и это было уже слишком. Едва сдерживая гнев свой на медлительного наместника, он¹⁰⁴⁸ настаивает на скорейшем осуществлении своей воли и делает все более и более невозможным дальнейшие отсрочки. Не покидая, между тем, надежды примирить Иудеев с неизбежностью печальной для них развязки, Петроний до получения Кесарева ответа

нарочито ездил в Тивериаду зондировать настроение страны, и здесь, после новых трагических Манифестаций¹⁰⁴⁹, окончательно убедился в слабости своих нервов для такого кровавого дела, какое обещало ему исполнение нелепой затеи Кесаря. После этого, Петроний увел войска в Антиохию¹⁰⁵⁰ и отправил письмо к Кесарю на свой риск и страх, увещевая в необходимости отступить от его намерения, ради собственных же интересов и человеколюбия.¹⁰⁵¹

Прежде прибытия этого письма по его назначению, приехавший в Рим царь Агриппа I¹⁰⁵² успел по-видимому несколько повернуть дело в пользу Иудеев. Воспользовавшись дружественной близостью к Калигуле и запутав его в сетях своего гостеприимства (пирушки)¹⁰⁵³, Агриппа улучил минуту убедить кесаря отменить свое приказание, «подобного которому не издавал ни один из его предшественников».¹⁰⁵⁴ Петронию был тотчас же послан приказ – оставить храм Иерусалимский в том самом положении, в каком его этот приказ застанет, что означало, впрочем, оставить в нем также и статую, если бы она уже оказалась поставленной, и прямо, кажется, даже рассчитывало на это последнее. По крайней мере, не менее не годилась в уступку Агриппе подобная же оговорка в конце указа, что никто не должен препятствовать сооружениям алтарей и храмов кесарю вне Иерусалима. К счастью для Иудеев, только благодаря тому, что никто и не думал воспользоваться этим правом на нелепые сооружения, не возникло из сего новых опасностей стране. Наконец, что Калигула и не думал в сущности уступать даже и Агриппе, видно по Филону, свидетельствующему, что¹⁰⁵⁵ последствия нелепого самообоготворения Калигулы на этом не кончились. Он изготовил в самом Риме новую статую взамен неудавшейся Сидонской, и имел намерение, во время своего путешествия в Александрию, самолично присутствовать при выгрузке этой статуи в одной из пристаней Палестины, чтобы потом молчком водрузить её в Иерусалиме. К счастью, смерть Калигулы помешала на этот раз его новому безумию (24 янв. 41 г.).

Быть может, впрочем, умягченный винными парами на пирушках Агриппы, Калигула склонен был пойти на незначительные уступки в пользу Иудеев хотя бы для видимости. Но и это все испортил подоспевший в несчастливую минуту ответ Петрония. Прекословие чиновника, осмелившегося выступать со своими желаниями и советами, вновь привело в такое бешенство деспота, что он тотчас же послал Петронию смертный приговор. Предупредившая получение этого приговора весть о смерти Калигулы была, поэтому, желанным событием и для Петрония.¹⁰⁵⁶ О выполнении над ним смертного приговора теперь так же мало могло быть речи, как и о постановке кесаревой статуи в святилище Иеговы.

Преемником Калигулы был Клавдий, возведенный на трон своими солдатами. В признательность Агриппе, с изумительно жидовской изворотливостью не мало способствовавшему – воцарению нового императора, своего приятеля, последний утвердил его во всех владениях, подаренных ему Калигулой, и сверх того подарил ему также и Иудею с Самарией, объединив, таким образом, еще раз всю монархию Старшего Ирода

в руках его потомка.¹⁰⁵⁷ Этот новый подарок Рима Иудее подразнил ее всего 3 года (41–44), по истечении которых прежний порядок вещей водворился в стране со всей своей мрачной безотрадностью.

§ 41. Ирод Агриппа I, царь Иудеи, Самарии и Галилеи (41–44)

Арх. XVIII, 6; XIX, 5–9; περίάλωσ. II, 9–11. (Деян. 12), Равв. пред. у Derenb. 205–219

Прежде выпавшего на его долю счастья, судьба Ирода Агриппы¹⁰⁵⁸ была полна превратностей. Оставшись трехлетним ребенком (род. 10 г. до Хр. ум. 44 по Хр. Арх. XIX, 8, 2) после казненного Иродом отца (Аристовула) всецело на попечении матери (Вероники, дочери Саломии и Костовара – Арх. XVIII, 5, 4), Агриппа шести лет (незадолго до смерти деда Ирода) отправился с нею в Рим, где и воспитывался вместе с маленьким сыном Тиверия, Друзом, при дворе. Влияние Римского общества сказалось отрицательными чертами на характере мальчика, развил страсть к роскоши и расточительности, быстро доведшим его, после смерти матери, к безысходной нужде. Потеря со смертью Друза († 23 по Хр.) поддержки при дворе вынудила его оставить Рим и вернуться в Палестину¹⁰⁵⁹, где он избрал своим местожительством Малафу, крепость в Идумее. После римской роскоши, жизнь здесь до такой степени являлась невыносимой для Агриппы, что доводила его даже до мысли о самоубийстве. Лучший исход из затруднения придумала супруга его, Кипра, обратившись со слезной просьбой о помощи к своей золовке Иродиаде (сестре Агриппы), уже сожительствовавшей с Антипой. Последний, выручая своего сородича, назначил ему пособие, и дал место в звании «агоранома» (торгового старосты) в главном городе Тивериаде. После одной крупной размолвки обоих Иродиан на пирушке в Тире, Агриппа оставил свою должность и удалился к римскому наместнику Флакку, в Антиохию.¹⁰⁶⁰ Не ужившись и здесь, он вскоре едет отсюда вновь попытать счастья в Рим, добравшись куда (весной 36 г.)¹⁰⁶¹ после многих денежных приключений, успел втереться в службу при дворе, но вскоре же за подозрительные отношения с Каием попал в узы и томился в темнице до самой смерти Кесаря (½ года до 16 марта 37). Со вступлением на престол Калигулы, дружившего с Агриппой, счастье стало улыбаться дарственному авантюристу. В возмещение неприятностей темничного заключения он получил, с предложения Кесаря и согласия Сената, тогдашние тетрархии Филиппа и Лизания вместе с царским титулом и почетными нравами претора, пожалованными ему от сената¹⁰⁶², и вместо железной цепи, недавно сковывавшей его, получил в подарок лично от Кесаря такого же веса золотую. Через ½ года Агриппа (38 г.) оставил Рим, чтобы приступить к упорядочению своего царства¹⁰⁶³, которое вскоре же (около 40 г.) расширилось присоединением и тетрархии Ирода Антипы. Но уже осенью того же 40 года мы видим его опять в Риме небезуспешно влиявшим на Калигулу, в известном деле со статуей и игравшим не малую роль при воцарении, после гибели Каия (24 янв. 41 г.) нового императора Клавдия. Исполненный признательности Агриппе за нравственную поддержку¹⁰⁶⁴ в трудных обстоятельствах воцарения, Клавдий включил в его царские владения Иудею с Самарией, пожаловал ему консульское достоинство и,

увековечив все это по Римскому обычаю на медных досках¹⁰⁶⁵, поставленных в Капитолии, позволил выклянчить у себя не мало других милостей.

Итак, после 35 летнего (6–41) существования Иудеи на положении Римской провинции, она, вместе с другими частями Иродовой монархии, возвратила себе на время относительно самобытное политическое управление, в качестве царства¹⁰⁶⁶, просуществовав в этом новом виде около 4 лет. При самом вступлении своем на престол Старшего Ирода, новый царь Иудейский¹⁰⁶⁷ подавал большие надежды на прочность и благополучие своего правления. Он старался показать себя государем прежде всего набожным, строгим ревнителем законов своего народа и заботливым отцом своих подданных. Золотую цепь свою, подаренную ему Калигулой, он посвятил храму Иерусалимскому в память и в знак превратности судеб Человеческих и своего освобождения от несчастья.¹⁰⁶⁸ Вместе с тем, он принес Богу множество жертв благодарности, с соблюдением «всех предписаний закона», устраивал различные религиозные торжества (острижения Назореев власов), с высоты престола подавал пример благочестивого образа жизни и т.п. Характерной чертой правления Агриппы было также преобладание партии фарисейской, для которой теперь вернулась золотая эпоха Александры. Иосиф¹⁰⁶⁹ согласно с Талмудом¹⁰⁷⁰ отмечает это обстоятельство, восхваляя истинно-израильские доблести и благочестие Агриппы.

Ревность Агриппы за соблюдение Иудейства не ограничивалась пределами его собственного царства. Известен случай, как он, напр., вступился за Иудеев¹⁰⁷¹ Финикийского города Доры, молодежь которого дерзнула под видом благоговения к особе Кесаря поставить его изображение в местной Иудейской синагоге. Доведенный Агриппой до сведения Петрония, Сирийского наместника, этот инцидент повел к тому, что на будущее время подобные оскорбления Иудеев не только запрещались, но и угрожались строжайшими наказаниями. О том же ревностном отношении к Иудейству свидетельствует факт, что Агриппа в числе условий, на каких его дочь Друзилла обручалась Епифанию, царевичу Коммагенскому, ставит принятие женихом обрезания, и когда жених отказывается, он отдает невесту другому (Азизу, царю Емесскому) на тех же условиях. Все это весьма привлекало к царю любовь и расположение народа, особенно красноречиво выразившийся на празднике Кущей 41 г. Читая по древнему обычаю пред народом книги Второзакония, и дойдя до места XVII, 14–15, где Бог повелевает народу выбирать себе царя «из среды братьев своих», избегая «иноземцев», Агриппа вдруг залился слезами в сознании своего неудовлетворения этой Божественной заповеди. Тогда весь народ единодушно закричал: «будь беспечален, Агриппа! Ты – наш брат! Ты – наш брат!».¹⁰⁷²

Не одно тщательное уважение к фарисейским постановлениям и воззрениям (фарисейско-национальная политика) способствовало этой популярности Иудейского царя. Он заслуживал ее также своим необычайным благодушием¹⁰⁷³, мягкостью и безграничной щедростью¹⁰⁷⁴, в делах внутреннего управления. Благополучие последнего немало способствовала также и разумная внешняя политика Агриппы, направлявшаяся к незаметному

и возможному ослаблению зависимых отношений к Риму. Две робкие попытки в этом именно духе представляют его заботы об укреплении Иерусалима новыми массивными стенами, «непреодолимыми всякой человеческой силой» и попытки к тесному сближению с 5 другими римскими вассальными по отношению к Риму князьями (Антиох Коммагенский, Сампсигерам Емесский, Котис Мало-Армянский, Полемон Понтийский и Ирод Халкидский). Оба предприятия обратили на себя внимание проницательного Сирийского наместника Марса и разрушены им прежде, чем могли подавать надежды на какие-либо плоды: особым приказом из Рима, по доносу Марса, работы по возобновлению стен немедленно приостановились¹⁰⁷⁵, а дружба с другими союзными царями потеряла всякую опасность немедленным их разобщением и удалением каждого в свои владения.¹⁰⁷⁶

Благодушие и благочестие Агриппы беспрепятственно совмещались в нем с другими неприглядными чертами характера, бывшими, с одной стороны, в нем каким-то роковым наследием Идумейской фамилии, с другой – вызывавшимся его абсолютизмом в иудейской политике. То и другое повлекло неизбежно к тому, что заставляло Деяписателя выставить в таком неблагоприятном свете этого расхваленного Иосифом царя. Нет никакой нужды примирять эти по-видимому различные характеристики одного и того же лица у двух историков: оба по-своему правы, рассматривая личность Агриппы с двух различных сторон, и не отступая при том друг от друга в общем. В самом деле, очевидная из Иосифа крайность Иудейской политики Ирода совершенно объясняет то, что он выступает у Деяписателя жестоким преследователем юного христианского общества, силясь сокрушить особенно его «столпы» (мученич. кончина Иакова Зеведеева и заключение в темницу Петра, лишь чудесно избавившегося от той же участи). Сам Иосиф, при всей своей лестной характеристике Ирода, представляет данные не только для подтверждения естественности отношений Ирода к христианскому движению, но и для указания аналогичных последствий его строго-Иудейской политики. Эти данные показывают также, что Ирод был враг не одних христиан; для языческих городов своей области он также оставил по себе самую дурную память, о чем свидетельствует упоминаемая Иосифом¹⁰⁷⁷ дикая выходка Кесарийцев и Севастийцев, при первом известии о его смерти.

Любопытно, что самое его фарисейское благочестие, представлявшее такой контраст со всей его предшествовавшей жизнью, было более чем подозрительно в своей искренности. Нет нужды ссылаться при этом только на психологическую трудность того, чтобы после почти 50-летней распущенности и на закате дней своей жизни Ирод мог по внутреннему побуждению возложить на себя бездушное фарисейское иго. Мы имеем фактически доказательства в самом Иосифе того, что набожность царя ограничивалась только пределами св. Земли. Вне этих пределов Ирод не уступал ни в чем своему деду в угождении требованиям языческо-греческой культуры. Берит особенно обязан был ему за поддержание своего языческого блеска. Здесь щедротами его украсились и выстроились роскошные – театр, амфитеатр, бани и портики, процветали игры и забавы всех родов, не исключая

гладиаторства в наиболее гнусной и бесчеловечной его форме, о которой сам Иосиф почти готов отзываться с одобрением.¹⁰⁷⁸ Говорит Иосиф о процветании подобных же игр и зрелищ также в Кесарии¹⁰⁷⁹, где, между прочим, по его же свидетельству¹⁰⁸⁰, имелись и статуи дочерей Агриппы; даже монеты с именем Агриппы¹⁰⁸¹ менее воздержны на счет лицевых изображений, чем хотя бы его предшественников, не решавшихся нарушать эту уступку иудейскому воззрению. Только в самом Иерусалиме не позволял он никаких изображений, за то во многих других городах не редкостью было встретить статую его самого, или Кесаря. Все это в совокупности дает, понять, что самая склонность к фарисеизму¹⁰⁸² была в этом Иродианине простым заигрыванием, входившим в планы его политики, особенно нуждавшейся в подобных заигрываниях в виду столь легкой возможности, после сделанного опыта, перейти во всякое время к прокуратуре в управлении Иудеей, и что в общем этот Ирод был настоящий отголосок первого Ирода, только разве «немного поуступчивее и рассудительнее».¹⁰⁸³ Впрочем, и в склонности к фарисеизму мало оригинального было у Агриппы: известно, что и тот первый Ирод должен был допускать не мало прямых уступок фарисейству: Агриппа выступает только более последовательным в этом направлении, не видя других лучших средств оградить мир, во всецелой зависимости от коего был сам он.

Не долго наслаждалась страна своим относительным благополучием при новом строе правления.¹⁰⁸⁴ Неожданная смерть в Кесарии в 44 г.¹⁰⁸⁵ прервала вместе с жизнью Агриппы и привилегированное положение, возвращенное было Иудее. В описании обстоятельств этой смерти Иосиф имеет параллель в Деяниях (Деян.12:19–23), причем, при сходстве обоих повествований в главных пунктах, есть и некоторые между ними отличия. Общее то: место действия – Кесария, пышное облачение царя, льстивые хвалы, скоропостижная смерть. В частности отличия следующие: по свидетельству Деяний, в то время, как пышно разодетый царь в Кесарии, сидя на трибуне (βῆμα), держал речь к послам Тира и Сидона (неизвестно чем его разгневавших), народ приветствует его речь криками: «это Божий, а не человеческий голос!». Внезапно же поразило его Ангел Господень за то, что он не воздал славы Богу, и, будучи изъеден червями, испустил дух. По Иосифу, царь присутствовал в Кесарии на играх в честь Кесаря¹⁰⁸⁶; его великолепным, вытканым из нитей чистого серебра одежде блестели при этом на солнце ослепительным сиянием; это и давало льстецам повод к самым неумеренным похвалам, в которых они называли его богом и вверяли себя его милости (θεὸν προσκυροῦντες). Царю, по-видимому, была по сердцу такая низкая лесть, что тотчас же и не замедлило навлечь на него гнев Божий: увидев над собой филина¹⁰⁸⁷, он впал в суеверный страх и, вместе, почувствовал такую жестокую резь в животе, что на руках отнесен был немедленно во дворец, где после 5-дневных мучений и скончался. При трудности полного соглашения обоих этих вариантов, в виду того, что они вероятно сосредоточиваются около двух самостоятельных моментов, нет надобности ломать голову над тем, какой из этих моментов был ближе к почувствованию болезни Агриппы;

достаточно привести только в оправдание и пояснение Луки, что и у него «внезапное поражение Ангелом» не только не исключает пятидневного течения болезни Агриппы, а и предполагает прямо последнее пояснительным прибавлением: «быв изъеден червями, издше».

После Агриппы, кроме 3 дочерей (Вероника, Мариамма и Друзилла), остался только один 17-летний сын того же имени. Опасаясь вверить неопытному юноше царство его отца, Клавдий по совету своих вельмож объявил опять всю Палестину Римской провинцией, и, оставив юному наследнику (воспитывавшемуся, как все Иродиане, в Риме) приватное состояние, послал для управления Иудеей, под ближайшим надзором Сирийского наместника¹⁰⁸⁸, прокуратора **Куспия Фада**.¹⁰⁸⁹

Арх. XX кн.

II. Вторая седмица прокураторов

§ 42. До войны (44–66)

Арх.ХХ, 1 и 5-II; περὶ ἁλ. II, 11–14

Стремительно и неуклонно покатилась политическая жизнь народа Божьего к концу, сразу, как только угас на кресте Его обетованный, но им отвергнутый Царь. Дух злобы и тьмы до крайности развил свое тлетворное брожение, лишь только «Солнце Праведное» перестало сиять для ослепленных очей Израиля. Как электрический ток определенного наименования (положительный, отрицательный) моментально развивает в противовес себе противоположную энергию соответствующей интенсивности, так отчуждившийся от жизни Божьей народ, разлагаясь на объединявшиеся дотоле в нем части, дробится на множество отдельных токов (партий), из коих каждая, с силой и неудержимостью электричества, стремится найти себе жизнь в уничтожении и поглощении другой, способствуя в этом взаимоуничтожении общему концу всего целого, под последней блеснувшей молнией от грозы – Рима.

Две силы – хотим мы сказать – выступили в качестве исполнителя непреложных предначертаний суда Божьего Христоубийственному народу, и были, т. сказать, «ангелом его смерти». Одна из них – всепоглощающие стремления Рима, другая – всеуничтожающее и растлевающее отчуждение от жизни Божьей, которая в обетованиях и чаяниях Мессии, пока таковые имели для себя основание, была истинной живой «душой» Израиля, но которая фактически и юридически начала быть таковой «душой» лишь для нового Израиля, получившего с принятием Уничтоженного Мессии «область истинным чадом Божиим быти», и перестала служить таковой душой для коснеющего в своем ослеплении до сих пор Израиля ветхого. Было бы делом далеко не праздного увлечения для историка исследовать раздельно и насколько возможно самостоятельно оба эти фактора, принимавшие равномерное участие в уничтожении чуть не самого бытия Израиля, и бывшие также в числе мук рождения, в predetermined неизбежности которых появился новый христианский мир. По крайней мере, в дальнейших сообщениях мы постараемся иметь в виду эту раздельность и самостоятельность, в повествованиях нашего историка пореплетающиеся нередко до полного и неуловимого слияния.

Вся история 22-летнего пребывания Палестины и Иудеи (после Агриппы I, последнего царя Иудейского) под правлением второй седмерицы прокураторов – была как бы одним сплошным систематическим подготовлением и вызовом Иудеев к последнему усилию высвободиться из-под удушающего гнета железной Римской руки. Римские прокураторы за все это время точно по какому преднамеренному взаимному соглашению или наущенью будили в народе самые ненавистнические к Риму чувства, и самые лучшие, говоря относительно, из этих прокураторов обнаруживали крайнее непонимание и пожелание или неумение приспособиться к той простой истине, что такой народ, как Иудейский, более всякого другого нуждался в сохранении

своих индивидуальных свойств прежде всяких других уступок и благ цивилизации. Что же касается «не лучших» из числа прокураторов, то их придирчиво-неумолимая строгость, вместо мягкости и снисходительности в самых законных случаях, к связи с общим недостойным их доведением, была преступнейшей инициативой к величайшему из бедствий, каким подвергались народы под пресловутой сенью гордого Рима.

За весь 22-летний (до войны) период существования второй Иудейско-Палестинской провинции (как и первой) известно 7 прокураторов, следовавших в таком порядке: 1) **Куспий Фад** (44-?); 2) **Тиверий Александр** (до 48 г.); 3) **Вентидий Куман** (48–52); 4) **Феликс** (52–60); 5) **Порций Фест** (60–62); 6) **Альбин** (62–64); и 7) **Гессий Флор** (64–66).

1. **Куспий Фад** был первым прокуратором, отправленным в Иудею Клавдием после Агриппы. О нем, и еще о следовавшем, за ним Тиверии Александре, Иосифф отмечает, что они не трогали отеческих обычаев Иудейского народа и потому сохранили его мир.¹⁰⁹⁰ Однако, и по отношению к названным прокураторам эта похвала должна иметь лишь относительное значение. При самом вступлении в свою должность, Куспий Фад не преминул проявить характер задорный и самовластный. В гневе на Перейских Иудеев, дерзнувших до его прибытия прибегнуть к оружию при решении одного пограничного спора с городом Филадельфией¹⁰⁹¹, он строго расправляется с 3 главнейшими вожаками конфликта, одного казнив, других отправив в ссылку. О его самовластии и бесцеремонности, задевавших без всякой нужды самые тонкие чувства народа, свидетельствует, между прочим, изъятие снова во власть Рима, уступленного Вителлием права на хранение и выдачу первосвященнических облачений, перенесенных тогда опять в башню Антония. К счастью, Фад и прибывший по атому же делу в Иерусалим Сирийский наместник Кассий Лонгин были настолько благоразумны, что позволили особому Иудейскому посольству просить в Риме о возвращении Иудеям отнятой привилегии, что, действительно, и было уважено Клавдием, во внимание между прочим к ходатайству юного Агриппы, вступившегося также в это дело.

Ко времени К. Фада относится восстание Февды, давшее случай большим кровопролитным успехам прокуратора. Смутитель умов, лжепророк успел собрать большие массы народа кругом себя, обещая доказать им свою божественность чудесным разделением, силой своего слова, Иордана, и с переходом чрез него начать победоносную борьбу против Рима. Конница, посланная Фадом, часть легковерных перебила, других захватила живьем, в том числе самого Февду, отсеченная голова которого потом была принесена в Иерусалим в качестве победного трофея и для большего разочарования увлекавшихся безрассудным движением.¹⁰⁹²

2. Менее известен преемник Фада **Тиверий Александр** (до 48 г.), сын Александрийского алаварха¹⁰⁹³ Александра, племянника, философа Филона, след., принадлежавший к знатной Иудейской фамилии.¹⁰⁹⁴ Как ренегат, принесший в жертву обычаи и заветы отцов ради поступления в Римскую службу, он по обычной психологии ренегатства едва мог оставаться

хладнокровным и снисходительным по отношению к своим бывшим родичам.¹⁰⁹⁵ Миром и благоденствием за время правления такого прокуратора не могла наслаждаться Иудея уже потому, что это правление ознаменовалось для нее тяжким голодом¹⁰⁹⁶, упоминаемым также в книге Деяний.¹⁰⁹⁷ Есть основания полагать, что не было мира и от политических смут, как доказывает расправа Тиверия с детьми Иуды Галилеянина – Иаковом и Симоном, распятыми на крестах, вероятно, за свои наклонности к продолжению планов отца.

3. Но все это было ничто, в сравнении с решительным обострением отношений между обеими сторонами – Римом и Иудеей – при последующих прокураторах, начиная с **Вентидия Кумана** (Вентидий, по Tacit. Ann. XII, 54, по Иосифу – только Куман (48–52 г.).¹⁰⁹⁸

Как кажется, еще до непростительной выходки солдата, давшей повод к мятежу, беспокойное настроение умов уже настолько обнаруживалось, что могло давать для Кумана основания к принятию чрезвычайных мер для успокоения Иудейской столицы в особенности в виду наступавшего праздника Пасхи. Возможно, что обычная стража, поставлявшаяся и при прежних правителях в дни праздничных стечений народа у храмовых переходов¹⁰⁹⁹, была на этот раз усилена и, во всяком случае, давала чувствовать себя народу не совсем легко и по-праздничному. Но если дикая выходка солдата, дерзнувшего допустить умышленно-непристойное обнажение срамных частей тела, на самом виду молитвенно настроенного народа, действительно, извиняла всякое вступление последнего за столь дерзки-грубое оскорбление своего религиозного чувства, то не было никакой и тени разумности в поведении Кумана, который не попытался ничем достаточно удовлетворить возмущенный народ, и ради одного грубого негодяя, оставшегося, по-видимому, безнаказанным, допустил разгореться этому делу в целую «Ходынку», стоившую 20.000 погибших в отчаянной давке жизней.¹¹⁰⁰

Но менее нелепая жестокость мнила себя справедливостью в следующем инциденте, хотя бы и вызванном нарушением прав Рима. Один императорский служитель, по имени Стефан, подвергся на большой дороге близ Иерусалима ограблению неизвестными злоумышленниками. Этого было достаточно, чтобы все селения, имевшие несчастье лежать близ места столь заурядного происшествия, подверглись самому неистовому разграблению от посланных Куманом солдат, причем знатнейшие обыватели разграбленных местностей заключены в узы, – вопреки всякой справедливости. При этой расправе, по мере римского права, с несчастными ни в чем неповинными селениями, охранители общественной безопасности допустили себе новую гадкую выходку, могшую при недостаточно серьезном отношении к ней Кумана взорвать поголовный фанатизм Иудеев. Дело в том, что одному из солдат посчастливилось захватить во время грабежа свиток закона, который он тотчас и разорвал в клочья на глазах всех, с самой непристойной руганью. К счастью, или м.б., наоборот, не знаю, – страшное ожесточение Иудеев сохранило на сей раз настолько благоразумия и присутствия духа, чтобы поставить это дело прежде всего на вид самого Кумана, который, если бы и здесь требовал от

него строгой последовательности своему «римскому» праву, должен был бы, собственно говоря, разорвать подобно свитку закона не только ближайшего виновника сего неслыханного злодеяния, но и всех, имевших несчастье быть вместе с ним исполнителями одного и того же поручения, и который, однако, ограничился в данном случае казнью лишь одного виновника, да и то более по опасениям народного возмущения, и после уже советов своих приятелей. Что касается Иудеев, факт величайшего надругания над священнейшими чувствами которых чрез вынужденное наказание «одного из многих» отнюдь не терял своей возмутительности и оскорбительности, – то они, наоборот, остались и здесь верны своему крайнему терпению и благоразумию, и, не добиваясь дальнейших удовлетворений за свое оскорбление, мирно разошлись по своим домам.¹¹⁰¹

Вскоре, однако, не замедлила разыгаться новая кровавая сцена, кончившаяся низложением и самого Кумана. Сцена эта отлична от тех первых тем, что она разыгралась на почве собственного разложения народа Иудейского, каковое мы, по справедливости, отмечаем заслуживающим особенного и самостоятельного внимания в истории гибели Иудейства. Дело пошло с того, что Галилейские Иудеи, ходившие на Иерусалимские празднества обыкновенно чрез Самарию, подверглись нападению искони враждебных Самарян при одной Самарянской деревне, причем много Иудеев было побито. Когда жалоба Галилейских старейшин подкупленному Самарянами Куману на столь крайнее бесчиние осталась без последствий, Иудеи прибегли к помощи самосуда и сожгли несколько Самарянских селений. Вслед за этим пожаром, возгорелась ожесточенная борьба взаимно задетых сторон, в особенности, когда сторону зачинщиков принял Куман и, воочию всех изобличая свой подкуп, двинул целое войско на Иудеев, учинил настоящую резню между ними. Не удовлетворяясь этим, Самарине отправили особое посольство к Сирийскому наместнику Умиидию Квадрату с жалобой на самочиние Иудеев, одновременно с чем и Иудейское посольство успело представить дело в истинном свете, обвиняя Самарян как зачинщиков мятежа и Кумана в подкупе Самарянами. По строгом расследовании дела, Квадрат повесил пойманных Куманом главнейших, подстрекателей Иудеев в стычке с Самарянами, а также обезглавить пятерых Иудеев, уличенных в подстрекательстве к мятежу против Рима, и предписал уполномоченным обеих враждебных сторон и самого Кумана представить их дело на суд самого Кесаря. Благодаря поддержке Агриппы, дело приняло благоприятный для Иудеев оборот: как недостаточно отстоявшие **невиновность** Самарян в поднятии мятежа, Самарянские уполномоченные поплатились своими головами; Куман лишился должности и послан в ссылку (Арх. XX, 6, 1–3; τερὶ ἁλ. II, 12, 3–7). Сравнивая это повествование Иосифа с Тацит. Annal. XII, 54, мы находим несколько важных отличий. Прежде всего, по нему Куман является прокуратором только Галилеи, в то время как Самарией и Иудеей управляет Феликс (Felix... jam pridem Judaeae impositus... aemulo ad deterrima Ventidio Cumanus, cui pars praevinciae habebatur, ita divisae, ut huic Galilaeorum nation, Felicis Samaritae parerent.). Наравне с Куманом, участие в кровавом происшествии

принимает и Феликс, хотя судится Квадратом лишь Куман, Феликс же в качестве, судьи участвует в произнесении приговора. При таком противоречии между Тацитом и Иосифом, по которому Куман был прокуратором не Галилеи, а всей Палестины, и Феликс лишь его преемником, – нельзя ничего сделать для их соглашения. Остается поэтому предпочесть более детальное повествование Иосифа не столь отчетливому представлению дела у Тацита, как делают большинство исследователей.

4. На место Кумана, Клавдий, по ходатайству первосвященника Ионафана, бывшего в числе Иудейских вельмож, отосланных Квадратом в Рим¹¹⁰², отправил в Иудею своего (фаворита, **Феликса** (52–60).¹¹⁰³ Это был один из несноснейших олицетворителей власти Рима¹¹⁰⁴, обостривший антагонизм между двумя нациями до того состояния, которое с этого времени до конца войны не спускалось в сферы спокойного, способного рассуждать, чувства, начавшего проявляться не отдельными вспышками, а в одном сплошном не умолкавшем мятеже. Сами римские писатели¹¹⁰⁵ отмечают его особенную жестокость и жадность, столь естественные в этом бывшем рабе, которому посчастливилось добиться почти царских прав, и даже царского родства путем брака на трех принцессах¹¹⁰⁶, и все бесчестные поступки которого обещали полную безнаказанность в виду сильной протекции при Римском дворе.¹¹⁰⁷

Из повествования о состоянии Иудеев при этом прокураторе у Иосифа¹¹⁰⁸ выступает несколько первоначальных и в общем ходе всей борьбы с Римом важнейших моментов, прямо обуславливавшихся недостойным правлением Феликса и в великой в войне за свободу Иудеи игравших самую деятельную роль.

Таково прежде всего крайнее усиление **зилотизма**, – партия, фанатическая вражда которой к Риму стала заражать, наконец, все более и более самых миролюбивых граждан. Мы должны здесь решительно отказать Иосифу во всяком праве – характеризовать эту партию только как скопище разбойников и развратителей народа, уже в виду того, что их «образ действий» далеко не походил на «разбои» обыкновенного свойства, а что они преследовали особые политические цели, и при этом – нарушающими мир средствами, то в этом их образ действий так же мало можно винить, как всякую законную самозащиту от нестерпимейшего душегубства, которое только недоразумение могло оправдывать усилиями сохранить мир. В самых этих усилиях было нечто варварское, как, напр., доказывает мера Феликса против одного из вождей зилотизма – Елеазара, которого он коварно заманил к себе, обещая полную безопасность, и затем в узах отослал в Рим, распяв несметное множество его соумышленников и наказывая всякого, кого удавалось уличить в симпатиях им.¹¹⁰⁹

Подавив движение зилотизма почти до последних следов, Феликс нажил этим только новую беду.¹¹¹⁰ Открытый фанатизм зилотизма сменился потаенным и тем более опасным терроризмом **сикариев**, которые поставили своей задачей истребление по одиночке или отдельными массами всех своих политических противников и Римофилов.¹¹¹¹ Вооруженные маленькими

кинжалами (sicae, отсюда sicarii) и вмешиваясь в толпы народа особенно в дни больших стечений последнего, эти Иудейские «Большие Кулаки» безнаказанно успевали вырывать из среды живых намеченные ими жертвы, и в короткое время для каждого сделали опасным самое пребывание в Иерусалиме. В числе первых жертв кинжала сикариев был, между прочим, первосвященник Ионафан, протекции которого Феликс был обязан своим назначением. Достоин замечания, что такой несчастной участью Ионафан всецело обязан был самому неблагодарному прокуратору, недостойное поведение которого теперь сильно компрометировало первосвященника в глазах народа, и заставляло его назойливо апеллировать к совести забывавшегося правителя. Последний, однако, счел за лучшее устранить это непрошенное олицетворение совести, и путем разных коварных подходов воспользовался для этого услугами сикариев¹¹¹², – теми услугами, в которых более и прежде всякого другого нуждался сам. Наряду с взрывами крайнего политического фанатизма, соразмерно рос и вырывался подъем религиозного брожения в угнетаемом иноплеменниками народе, породивший религиозных фанатиков, у «которых руки были чище, но расположения нечестивее»: чем более крайних пределов достигали бедствия угнетаемого народа, тем живее чувствовалась близость заступничества Иеговы, надежда на ускорение какового была единственным утешением среди самых тяжких несчастий. Нет ничего удивительного, что усиленно работавшее в этом направлении воображение доводило многих до психопатических увлечений, действовавших на легковверные массы обещаниями чудесных знамений, (σπμεία ἔλευθερίας), имевших доказать близкое падение Римского ига и возвращение Иудеям свободы в наступлении нового Божественного царства.¹¹¹³ Как всякое сплочение на почве религиозного фанатизма, это движение отличалось наибольшей силой, заразительностью и беспокойством, и понятно, почему Иосиф видел и здесь тех же «злодеев», способствовавших гибели города, а Феликс употребил против них самые решительные кровавые меры. К этого рода увлечениям принадлежало восстание некоего Египетского Иудея, упоминаемого также в Деяниях¹¹¹⁴, который, выдав себя за пророка, увлек в пустыню огромные массы последователей (по Луке 4.000, по Иосифу 30.000), с вершины горы Елеонской обещал им, затем, одним своим словом ниспровергнуть Иерусалимские стены, и беспрепятственно овладеть городом и всей страной. Но еще прежде чем это чудо удивило мир, Феликс предупредил его кровопролитным столкновением, при котором все последователи лжепророка были рассеяны, и в значительной части перебиты, и сам лжепророк постыдно скрылся с поля битвы и исчез бесследно.¹¹¹⁵ Настолько, однако, наэлектризована была толпа этим пришельцем, что никто не хотел верить в его окончательное «фиаско», и долго не переставали надеяться на его возвращение¹¹¹⁶, после загадочного исчезновения.

Отдельные неудачи и кровавые подвиги Феликса только еще более спланивали различные римофобские партии. Религиозный и политический фанатизм (οἱ υἱντες καὶ λῃοτρικοί) объединился в одной общей работе сильнейшего возбуждения к отпадению от Рима и поголовной борьбе за

свободу, причем подстрекатели не останавливались даже перед насильственными мерами, угрожая смертью и объявляя справедливыми всевозможные насилия по отношению к тем, которые добровольное рабство способны продолжать терпеть вместо свободы. Это было уже равносильно формальному объявлению Иудеи на военном положении, не замедлили явиться и соответствующие этому положению симптомы, в виде целого ряда убийств, грабежей и поджогов в различных местах, обнаруживших неподатливость на рискованное предприятие. Размеры движения, однако, настолько были велики, что заставляли Иосифа сказать, что «вся Иудея переполнилась этого безумия»¹¹¹⁷, казавшегося таковым, конечно, более с предвзятой точки зрения Иосифа, чем оно было в действительности, как увидим ниже.

Здесь еще раз мы имеем благоприятный случай отметить, как позади всех перечисленных брожений неуклонно шла гибельная работа саморазложения Иудейства, обуславливавшая его политическое и индивидуальное вырождение, результатом которого только отчасти была столь несчастная война Иудейская. Как ни тенденциозен Иосиф в охарактеризовании антиримских движений, обобщаемых им в одном понятии «разбоя», все же остается неизбежным признать, что эти движения носили в своих проявлениях не мало ненормального даже для военного положения страны. Не объединяясь сколько-нибудь заслуженно в понятии «разбоя», они с не меньшими натяжками могут быть объединяемы и в единодушном, планообразном стремлении к свержению чуждого ига. Ничем не одравдывавшиеся жестокости по отношению к своим же единоплеменникам, безразборчивые и бесцельные нарушения хотя бы относительного спокойствия и порядка, недостаток единства в действиях и т.п., – все это было если и не положительным безумием, то и не совсем тактичностью, если и не безумием в принципе, одушевлявшей идее, то и недостаточно осмысленно обставленным предприятием. И во всяком случае, как мало походила эта последняя борьба за свободу на предшествующие, отличавшиеся далеко не меньшей серьезностью, какова, например, Маккавейская. Стоит только мысленно сопоставить ту и другую, чтобы не затрудниться, какая из них делает большую честь стойкости и жизненности народа.

Нижеследующий факт, не без основательной печали сообщаемый Иосифом, подтверждает значительно и, так сказать, дорисовывает картину духовного вырождения народа, не менее всего другого обуславливавшего политическую его гибель. Значение этого факта усугубляется тем обстоятельством, что он имел место среди высших представителей духовной силы Иудейства, – среди его первосвященников и высшей Иудейской аристократии. Между, первосвященником и их меньшими собратьями в последнее время царило крайнее недовольство и распущенность, доходившие до того, что слуги тех и других, опираясь на толпы уличных забияк и мятежников, вступали в драки, кончавшиеся зачастую убийствами, что было так возможно при безалаберном режиме Феликса в Палестине; верхом же развращена и нравственного вырождения было особенно то, что

первосвященники не задумывались приставлять своих рабов к жертвеннику, чтобы силой отнимать десятины, поступавшее другим священникам, из-за чего эти последние – случалось – даже гибли голодной смертью.¹¹¹⁸

При всем этом, справедливость требует заметить еще раз, что насколько тлетворные семена разложения не могли обещать успешных результатов от всеобщего хотя бы восстания за свободу, настолько выходящий за границы всякой умеренности и справедливости образ действий последующих прокураторов, в числе коих особенно Феликса, делал неизбежным и естественным это восстание, и прежде чем обвинять Иудеев вслед за Иосифом за этот единственно неизбежный исход, было бы целесообразнее не скрывать всей наготы деяний римской прокуратуры, и в ней, если не единственно, то преимущественно, искать объяснения всех последующих судебных злосчастного народа Иудейского.

Летопись недостойных деяний Феликса тонким намеком запечатлена в книге Деяний, приписывающей Апостолу языков по адресу Феликса и Друзиллы знаменательную обличительно-наставительную речь **«о правде, воздержании и грядущем суде»** (Деян.24:24 и д.). Во всем согласное с духом повествования Иосифа о Феликсе поведение этого прокуратора с великим Апостолом дополняет характеристику Феликса любопытным образчиком его продажности и взяточничества, – недостаток, очевидно, общий у него со всеми его предшественниками и преемниками (Деян.24:26). В продолжении целых 2-х лет он томит Павла в узах, ожидая от него взятки, неподатливость на которую единственно только и была «виной» Апостола, заслуживавшей столь несправедливого продолжительного лишения свободы, – столь драгоценной свободы, которая за эти два года сделала бы для насаждения веры Христовой много большее и лучшее, чем целые эпохи дальнейшего времени.

И передавая свои полномочия Фесту, своему преемнику, Феликс не лишает, однако себя, освобождением Апостола, всякой выгоды, и хочет по крайней мере извлечь эту выгоду если не со стороны узника – взяткой, то хотя со стороны Иудеев, ради угодничества им, оставив и после себя «Павла связана» (Деян.24:27).

Эта прощальная «побаловка» Иудеев тем более казалась не лишней, что ей только что предшествовало другое прощальное деяние Феликса, кровавого свойства в самой резиденции прокуратора – Кесарии. Между иудейскими и сирийскими обитателями этого города возник спор о преимуществах в правах гражданства (ἰσπολιτεία). Опираясь на факт реставрации города Иродом – «Иудеем», Иудеи хотели мнить себя первыми гражданами города. Ссылаясь же на предшествующую этой реставрации истории города под именем Стратоновой башни, когда в нем не было вовсе Иудеев, Сирийцы отказывали последним в упомянутых преимуществах, чем доводили их, доходя и сами, до «белого каления». В один из таких инцидентов, когда ежедневные уличные стычки стали походить на явную войну, Феликс врывался со своими воинами в толпу **Иудеев**, часть их избил, другую взял в плен, и предал дома богатейших из мятежников солдатам на разграбление. И только после того, как и эта

совсем поспешная и излишне-жестокая мера не могла подавить совершенно самые основы волнения, Феликс догадался предоставить спорящим сторонам чрез особых представителей предложить свое дело на суд Кесаря. (Арх.ХХ, 8, 7; п. ѡ.ІІ, 13, 7).

Но прежде чем дело вернулось от окончательного суда Кесарева, Феликс получил от Нерона приглашение в Рим, куда и отбыл около 60 года.¹¹¹⁹ Следом за ним направилась туда же депутации из знатнейших Иудеев Кесарии и принесла жалобы Кесарю на все обиды нанесенные Иудеям. Феликс выпутался из затруднения благодаря заступничеству своего брата (Παλλάς), любимца Нерона; вместе с тем, путем подкупа¹¹²⁰ сирийские вельможи выхлопотали у Нерона указ, не только решавший Кесарийскую распрю в пользу Сирийцев, уравнивание с правами которых Иудеи доселе не признавали, но и поставивший Иудеев ниже «Эллинов» (Сирийцев), объявленных главными господами города.

5. Отправленный Нероном на место Феликса **Порций Фест**¹¹²¹ (60–62) по своей натуре был честный благонастроенный муж, и если правление его не было безупречно, то более вследствие того, что политика его предшественника нанесла слишком чувствительные раны народу, которые уже трудно было лечить паллиативными мерами. С другой стороны, столь же мало отвечал за неблагополучие Иудеев Фест и потому еще, что независимо от него Иудеи еще раз были столь глубоко затронуты унижением в только что описанной тяжбе Кесарийской. Это унижение Иосиф вполне резонно полагает в основание всех злоключений последующего времени, вплоть до формального объявлением великой Иудейской войны (66 г.).¹¹²²

Бесчиние сикариев было одним из худших наследий перешедших к Фесту от Феликса. При нем выступил в роли пророка еще один «фигляр» как называет его Иосиф, который, однако, был способен увлечь за собой еще раз легковверные массы народа в пустыню, где он обещал своим последователям спасение и свободу от всяких зол. Настигнутый Фестом, пророк погиб со всеми, вверившимися его избавлению (Арх.ХХ, 8, 10).

В общем Иосиф представляет весьма мало данных для того, чтобы судить, насколько лучше или плохо жилось вообще Иудеям в недолгое правление Феста. История конфликта между священниками и Агриппой II, разыгравшаяся при Фесте, который стал на сторону Агриппы, может быть толкуема и против, и за корректность поведения прокуратора. С одной стороны, как будто нельзя одобрить того, что Фест поддерживает Агриппу, забывавшего, что священные церемонии храма не театральные зрелища, которыми можно любоваться из спальни высокого дворца¹¹²³, и напрасно отказывавшего Иудеям в праве, оградить свои святыни от нескромных взоров преградой. Но с другой, нельзя не признать, что Фест был и достаточно справедлив, когда внимательно отнесся к представлениям Иудейской депутации, прежде приведения в исполнение своих требований разрушить устроенную ими преграду, и позволил повергнуть им свое ходатайство на решение самого Кесаря. Трудно сказать, на что решились бы Иудеи, проиграв этот процесс; к счастью для них, дело их нашло себе сильного заступника в

лице набожной императрицы Поппеи, по ходатайству которой Нерон стал на их сторону, заставив, таким образом, и Агриппу перестать обращать богослужение Иудеев в зрелище, и Феста – удержав от напрасной ссоры с Иудеями.

По прошествии 2 лет сравнительно сносного для Иудеев правления, Фест скончался, и весь позор окончательного втравления Иудеев в пагубную для них войну падает, таким образом, всецело на двух его преемников, каковы были – **Альбин** и **Гессий Флор**.

6. Между кончиной Феста и приездом **Альбина** прошел небольшой промежуток ознаменовавшийся совершенной анархией в Иерусалиме. Этой анархией воспользовался недостойный первосвященник Анан, сын известного из Евангельской истории первосвященника того же имени (Анан, или Анна). Жестокий и дерзкий саддукей составил наскоро судилище, поставил пред ним некоторых из своих врагов и, обвинив их в нарушении закона, приговорил к побиению камнями. В числе жертв этого произвола был, как передается по крайней мере в нынешнем тексте Иосифа, и Иаков, ὁ ἄδελφὸς Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ (см. 405–407 стр.). Ретивый первосвященник настолько беззаконно злоупотреблял отсутствием подлежащей власти, что еще до прибытия нового прокуратора Агриппа низложил его, после 3-месячного служения, и возвел на его место Иисуса, «сына Дамниева». (Арх. XX, 9, 1)

Рекорд после этого не замедлил явиться и **Альбин** (62–64).¹¹²⁴ Что это было за личность, достаточно уже краткой характеристики ее у Иосифа: «не было злодеяния, которого бы он оставил неизведанным».¹¹²⁵ В своих подробностях эта характеристика способна заставить дрогнуть не столь отзывчиво-слабое сердце. Наивысшим принципом его деятельности было «брать деньги со всякого, с кого только есть что взять». Кроме этого принципа, для него не было интереса ни в чем другом, так что взятками откупались от него одинаково, как друзья Римлян (первосвящ. Анания), так и их противники (сикарии). Взятки оправдывали самые гнусные преступления, и, наоборот, в темницах томились, как злодеи, те только, которые ничего ему не давали. Поборы с народа достигли невыносимых размеров, прямые насилия и грабежи стали обычным явлением...

Успехам такой чудовищной безнравственности римского представителя, подготавливавшей всеобщее восстание за свободу, не уступала полная деморализация представителей Иудейства, обуславливавшая неуспех этого восстания не менее, чем численное превосходство и большее совершенство в воинском искусстве – неприятеля. Рассказ Иосифа из нравов за время Альбина дает достаточно материала для установления этого факта. Пользуясь слабостью Альбина, богатейшие из народа «покупали» у него право на всевозможные безнравственные деяния: появилась какая-то «потребность» мятежа, «недовольство» общим спокойствием, – злодействовали просто потому, что в противном случае грозила неминуемая опасность самому сделаться жертвой злодейств. Управы и суда искать было не у кого. Тот, кто поставлен был блюстителем их, сам был между всеми этими злодеями как бы «начальником злодеев», превосходя всех своими злодействами. И

замечательно, что высшие слои народа развращением своим не только не уступали ни в чем низшим, а, пожалуй, даже превосходили их. Сикариатство возросло и усилилось до небывалых размеров, благодаря открытию легчайшего способа возвращать свободу попавшим в темницы сикариям. Стоило только захватить кого-нибудь из близких ех-первосвященника Анании¹¹²⁶, как последний уже шел к Альбину и десятками выкупал у него освобождение сикариев.¹¹²⁷ Среди всех этих благоприятных условий зрела и «дерзость к замыслению новых порядков», как называет Иосиф усиление антиримской партии, остававшейся без всякого преследования. Это было время полной анархии в Иерусалиме, или как еще выражается Schürer: «война всех против всех».¹¹²⁸ К добру и миру некому и нечем было побуждать, от беспутства и зла некому и нечем было удерживать. У самого жертвенника свирепствовали неистовства, насилия и злоба, чинимые непотребнейшими негодьями – слугами ех-первосвящ. Анании, который не стыдился руками их отнимать священнические десятины, побивая сопротивлявшихся и оставляя многих умирать с голоду – XX, 9, 2; 8, 8. Из нескольких упоминаний об этом Анании у Иосифа получается путаница, в которой трудно разобраться. То он характеризуется как саддукей в высшей степени жестокого и дерзкого нрава (XX, 9, 1), то пользуется всеобщим почтением и уважением (9, 2), то это гнусный нахал, отличившийся безобразиями своими у жертвенника, от коих его собратья умирали голодной смертью (ib.), то, наконец, это знаменитейший из первосвященников, привлекавший всех своей щедростью (9, 4). Та же путаница поражает нас в его суждениях, касающихся Агриппы II. С одной стороны, читаем о безумной щедрости Агриппы на украшения города Вирита (театр, статуи, изображения, учреждения игр и зрелищ, и т.п.), возбуждавшей крайнюю ненависть его подданных (халкидян?); с другой о «великой любви народа (Иудеев?) не только к Агриппе, но и ради него ко всем его родственникам», хотя бы «достойным проклятия за свою жестокость и алчный грабеж беззащитных граждан» (XX, 9, 4).

После этого, можно только подивиться, как злоупотребляет этот «любимец» народа перешедшим к нему от Ирода Халкидского правом (XX, 1, 3) возведения первосвященников. По его капризам, устранено непрерывно 5 первосвященников. К довершению всеобщей безалаберщины, у первосвященнического места в одно время оказались два Иисуса (сын Дамнеов и сын Гамалиилов, возведенный Агриппой), из которых каждый не хотел уступить своего места другому, так что между соперниками и шайками их сторонников непрерывно шли драки, брань и всевозможные безобразия.

Вскоре, неизвестно почему, Альбин получил указ о смене его и приглашение явиться в Рим.¹¹²⁹ Оставляя Иудею, он до самых последних минут хотел быть вредным ей и злым даже в казавшихся добрыми предприятиях, ибо хотя дарование им «на прощание» свободы узникам казалось сделанным в угоду Иудеям, однако, с другой стороны, оно имело также и недостойную злонамеренность «подгадить» своему преемнику, что Иосиф дает понять замечанием: «тюрьмы очистились от узников, а страна наполнилась «разбойниками» (Арх. XX. 9, 5).

7. Преемник Альбина, **Гессий Флор**¹¹³⁰ (64–66) был «злодей», для охарактеризовали которого Иосиф не находит слов, говоря, что по сравнению с ним Альбин был еще «преизрядный (δικαιοτάτος) начальник и благодетель». В то время, как Альбин по крайней мере старался скрывать гнусность своих поступков, Флор даже бравировал ими. Систему грабежа он развил до такой степени, что разбойники, под условием делиться с ним своей добычей, могли совершенно безнаказанно заниматься своим ремеслом.¹¹³¹ Насколько это, так сказать, официальное признание злодейств стало невыносимо для страны, видно из того, что многие Иудеи стали искать единственного спасения в бегстве в другие страны, жизнь в которых при всех тяготах и лишениях казалась им все же более сносной. Нельзя не заметить здесь вообще, что слишком нелестные и зачастую столь неприятно режущие слух отзывы Иосифа и характеристики Римских прокураторов нет оснований заподозривать в верности действительности или каких-либо излишних преувеличениях. Хотя то действительно входило в расчеты Иосифа – по возможности выгородить свой народ от ответственности за жестокости и тяжесть восстания, но он чаще пользовался для этого другим приемом – стараясь представить возбуждение и ужасы волнений Иудейства делом отдельных недостойных личностей в среде Иудейства, которых он не называет иначе как «разбойниками». С другой стороны, имея в виду связи Иосифа с Римом и благодеяния последнего ему оказанные, за которые он даже через-чур старался быть ему признательным, можно судить, насколько действительно гадки были личности, свирепствовавшие в Иудее под именем прокураторов, если даже Иосиф не находил возможным ослаблять потрясающее впечатление от своей летописи о незаконных деяниях слуг Рима!

Наконец, мера народного терпения переполнилась... Веками копившийся горячий материал достиг чудовищных размеров, и достаточно было последней ничтожной искры, чтобы зловещее зарево восстания целым пожаром, охватило всю страну. Этому восстанию только рад был Флор: он желал его от всего сердца, нарочно старался ускорить его всеми мерами, так как в нем только одним его недостойное поведение могло стусеваться за большей ответственностью восставших. История бессильна измыслить термин для наименования подобного, мало сказать, преступления; точно так же, как она бесправна возложить хотя часть ответственности за беспримерную в ней войну на несчастный, до конца испивший чашу страданий, народ. Не показатель его слабости или неправоты то, что он не вышел целым из далеко неравной борьбы! Пусть гордый раб Римского орла – Тит, в упоении «счастьем» неслыханного кровопролития, с дымящихся развалин св. города величается пред сообщниками своего мирового преступления: «вы победили самый беспокойный народ и подчинили богам Капитолия Божество Солима!». Пусть в утешение побежденных не оставалось ничего, кроме похвалы их удивительному героизму, голосом твердого убеждения, заставляющего воскликнуть: «ни один народ не погибал столь достойным образом, как народ Иудейский!». Пусть к истреблению этого народа сделано все, что только лежало во власти человека! – Но – где теперь этот «победитель» Божества

Салима? (Рим)? Что осталось от всего его величия, славы, мощи? Не пережил ли его – опозоренный и задавленный им Израиль далеко-далеко, и не дороже ли нам доныне, не достоудивительнее ли его позор и жизнь в позоре – более, нежели все кровью народов впоенное величие Римской истории!

Глава IX. Конец истории народа Божьего

περί αλώσεως, I-VII кн.

§ 43. Начало конца (66 г.)

Казалось, не было такого политического бедствия, которое бы сильно было подвигнуть целый Иудейский народ к восстанию, – не было такой политической несправедливости и преступления, которым бы этот многострадальный народ удовлетворился, как законным поводом для поднятия орудия на своих притеснителей. Нужно было, чтобы беспримерная в истории человечества борьба за свободу началась по беспримерным и поводам. Нужно было, чтобы народ «не от мира того» выждал и поводы для восстания за свои истинные права и преимущества не из ряда обыкновенных. Нужно было, чтобы чувствительнейшие места этого религиознейшего из народов были задеты и встревожены, чтобы «Святое Святых» самого его духа подверглось дерзко-оскорбительному прикосновению, и... только тогда всего, чего вполне было достаточно для войны, являлось на лицо. Флор, для которого война эта была желанной, этот Флор, который «мучился» от ее замедления¹¹³² и от безуспешности своих усилий вызвать ее, как будто не сразу понял, где лежит освобождение от его жалких мучений, за то, как только он это понял, сумел тотчас же довести бедствия Иудеев до того кульминационного пункта, который один способен был вывести их из пределов терпения и пассивного переживания охвативших страну бедствий.

Описывая состояние Рима и Иудеи при самом начале войны, Иосиф представляет дело так, что **условия для войны** более благоприятствовали Иудеям: в то время, как они были и по силам, и по богатству в цветущем состоянии, Рим переживал беспокойное, смутное время: его тревожили и пограничные Галлы, и Кельты, и другие беспокойные элементы: «все было исполнено возмущений по смерти Нерона, и многие домогались царства, почитая это время на то удобным, и даже воины радели о переменах в надежде прибытка».¹¹³³ Таким образом, и Иудеи – по представлению Иосифа начали войну в преувеличенной надежде на свое «цветущее» состояние, и целью их предприятия было не больше, не меньше, как отложение «всего Востока», с одной стороны, пользуясь затруднениями в Риме, с другой – рассчитывая на помощь за-Евфратских своих единоплеменников¹¹³⁴ и всех недовольных владычеством Запада.

Что касается Рима, то Иосиф мог быть прав, характеризуя его состояние далеким от полного и могущественного покоя и не столь выгодным для ведения столь серьезной войны. Но когда он почему-то закрывает глаза на все описанные им в столь ярких красках предшествующие бедствия, уверенно навязывает какие-то неестественные обширные планы Иудейским восстанцам, то он грешит не только против истории, но и себя самого. Фальшь подобного утверждения так очевидна после уже сказанного, что не нуждается в особых подтверждениях еще здесь. Хорошо напомнить лишь знаменательную оговорку Иосифа, доказывающую крайнее неравенство противников, делающее совершенно безумным предприятие Иудеев, если только вместе с Иосифом придавать ему одну политическую окраску. Таково его замечание (в

опровержение чрезмерных хвалителей величия Рима), что победа «великих» над «малыми» вовсе не есть истинное величие (== победе 40.000 англичан над 3.000 буров). Да, наконец, если восстание Иудеев имело своей целью отложение всех восточных стран от римского орла, к чему же тогда усилия Иосифа – слагать всю вину за бедствия отечества на отдельных «тиранов» и их «разбойничества?».¹¹³⁵ Не служит ли это только еще к большому позору защищаемых Иосифом Римлян, что, ради недостойного кружка отдельных безобразников, они чинят столь варварскую расправу со всею страной, со всем народом, с красой земли – Св. городом, с его святыней и «чудом из чудес» – храмом!?...

Сама истина, таким образом, требует установить за несомненное, что восстание Иудейское было общенациональным движением, добивавшимся не больше не меньше, как только законного для всякого самобытного человеческого общества права на свободу политическую и духовную (Арх.ХХ, 6, 1 и мн. др.)¹¹³⁶, что оно подготовлено всей предшествующей историей отношений двух столь различных по культуре и задачам народов¹¹³⁷, и что, наконец, оно носило не столько политическую, сколько религиозную окраску, как и началось не столько по политическим, сколько по религиозным поводам.¹¹³⁸

Таких поводов было несколько, хотя каждый из них был достаточен сам по себе для возбуждения войны, несмотря на то, что Иосиф склонен представлять дело таким образом, что «в сравнении последовавших от войны великих несчастий начинать ее но было достаточной причины»¹¹³⁹, забывая, что проявленная народом энергия не только не теряет в сущности своей удивительности и морального значения от подавления ее превосходством грубой материальной силы, а напротив даже выигрывает, и во всяком случае история войны полна удивительных и достойнейших проявлений народного духа. Одним из первых *casus belli* было возмутительнейшее стеснение Кесарийских Иудеев в положении их синагоги. Бок о бок с последней лежали владения некоего Кесарийского Грека, за которые Иудеи неоднократно предлагали «бешеные деньги», лишь бы устранить крайне неудобное соседство с их молитвенным домом. Отказывая столь естественному и вполне «сходному» желанию Иудеев оградить место своих молитв неприкосновенностью, гордый Грек нарочно на зло стал громоздить возле самой синагоги всевозможные стройки (мастерские и пр.), оставляя к синагоге лишь крайне тесный и неудобный проход. Настроение Флора в этом деле было не в пользу Иудеев. Подкуп, к которому они прибегли (8 талантов серебра), разрешился лишь тою шуткою, что Флор серебро взял и преспокойно уехал (из Кесарии в Севастию), оставив «мятежников» делать что хотят, чем, по выражению Иосифа, «как бы продал Иудеям позволение начинать войну».¹¹⁴⁰

Этого было мало. Не далее, как «на следующий день»¹¹⁴¹ после этой выходки и отъезда Флора, нанесен был религиозному чувству религиознейшего из народов новый удар. У самого входа синагоги, переполненной молящимися (по случаю «седьмого» дня), один нарочно подосланный Кесарийцами негодяй расположился с глиняным сосудом и над

ним закалал птиц, пародируя Иудейские обряды при очищении прокаженных, каковыми он в этой насмешке представлял, как бы всех Иудеев. Дело тотчас же разрешилось уличной дракой, к которой были подготовлены уже достаточно обе стороны. Вмешательство Юкунда, начальника конницы, не могло остановить перешедших в наступление зачинщиков. И Бог знает, каковы были бы все последствия этой стычки, если бы Иудеи, игравшие более оборонительную роль, не предпочли оставить Кесарию, уйдя с книгами закона в «Нарваты» (60 стадий от Кесарии). К довершению несправедливости и унижения, депутация из 12 главнейших Иудеев к Флору с донесением о происшедшем и просьбой о защите, подверглась заключению в узы, и самое то, что Иудеи позволили вынести из Кесарии книги закона, спасая их от дерзкого поругания, вменено было им в вину, достойную упомянутого наказания.

Вслед за этим, последовал новый вызов терпению несчастных Иудеев. Флор приказывает вынуть из священного казнохранилища 17 талантов, «якобы для Кесаревых надобностей». Негодование народа, после бесполезных протестов, достигло своего апогея: пара отважных голов публично саркастировала жадность Флора, обходя с корзинами улицы и вымаливая подаяния «на бедного и убогого Флора». Наступление на Иерусалим с большим отрядом солдат было ответом на это приведенного в неистовство прокуратора, который не только не внял обнаруженной при этом готовности Иудеев к покорности и примирению, но немедленно предал лучшие части города солдатам на «разграбление», тысячами казнил знатных и богатых граждан, не щадя ни пола (жен), ни возраста (младенцев), ни положения (имевших чин «римского всадника»)¹¹⁴², так что цифра Иосифа – 3.600 избитых в один день¹¹⁴³ не представляет ничего невероятного.¹¹⁴⁴

Наглое издевательство Флора над готовым было и после этого смириться народом было последним толчком к поднятию знамени вооруженного бунта. На предложение Флора доказать готовность к покорности и спокойному расположению духа – встречей шедших из Кесарии 2 когорт солдат, народ, после убедительно-трогательных увещаний первосвященников, в праздничных одеждах встретил солдат, издав обычные приветственно-дружеские клики. К общему недовольству и смущению, солдаты, заранее наученные Флором, не ответили на это приветствие: тогда в толпе послышались вымученные резкости по адресу Флора, и это было заранее условленным сигналом для зверства солдат. Окруженные со всех сторон и преследуемые конницей, несчастные, тесня друг друга, гибли массами, в то время как изнутри города сам Флор шел на них со своей ротой. Впрочем, бессильные на открытой позиции, Иудеи успели настолько затруднить движение солдат чрез тесные, узкие, запруженные народом улицы, что те предпочли оставить борьбу и убрались в дворцовые казармы. Тем временем народ, впервые оказавший деятельное сопротивление римскому войску, поспешил разрушить переходы, соединявшие храм с башней Антония, что делало совершенно невозможным проникновение туда Флора за сокровищами храма. Находя себя слабым для того, чтобы сломить сопротивление единодушно восставших на защиту храма

масс, Флор, затаив новый план без поворотного вовлечения Иудеев в войну, ушел в Кесарию, оставив в Иерусалиме одну когорту и возложив ответственность за спокойствие народа на глав города.

Соппротивление, оказанное Иудеями римским войскам, дало Флору прекрасный повод обвинить Иудеев в отложении от Рима, что он тотчас и сделал в доносе на них Сирийскому наместнику Цестию. Последний, после своего поражения в стычке с Иудеями, сам блестяще **опроверг** эту клевету, донося Кесарю на Флора, как **единственного** виновника начатой войны (περί ἁλ. II, 20, 1). Одновременно с доносом Флора, Цестий получил также и объяснительные записки Иерусалимлян, поручив расследовать их дело особому уполномоченному (Неаполитану). На пути к столице, последний встретился в Иамнии с Агриппой, который был до сих пор в Александрии¹¹⁴⁵ и, услышав о беспорядках, спешил также в Иерусалим. Почтительно встретивши обоих, народ огласил их горькими воплями наболевшего сердца, объявляя преданность Риму, но жалуясь на уничтожающую всякое послушание Риму свирепость Флора и требуя немедленного разрешения отправить депутацию к самому Нерону. При этом вполне разумном и законном требовании народа, обнаружил всю мелочь своей человекоугоднической души жалкий царь Агриппа, который, избегая навлечь на себя ненависть Флора, не нашел в себе мужества пожертвовать его дружбой в пользу целого истерзанного им народа, а нашел возможным ограничиться лишь напыщенной увещательной к народу речью.¹¹⁴⁶

Несомненно прикрашенная самим Иосифом, речь эта замечательна для нас в том отношении, что Иосиф предусмотрительно тщательно постарался провести в ней свои взгляды на успехи и значение Римского владычества, обосновывая эти взгляды отчасти на официальных документах того времени (срв. Friedlaender, De tonte quo Josephus B. I. II, 10, 4 usus sit. Regimonti index lectionum, 1873). В тех местах этой речи, где Агриппа берется доказывать своими доводами маловажность предлогов для войны и утешить народ надеждой на благодеяния Рима, – что ни слово, то возмутительнейшая ложь. «Рассмотрите – говорит он, между прочим, – сколь маловажна (!) к возбуждению войны причина, а тем более ваши на правителей улики (**и это говорится при еще дымящейся крови тысяч о невинных жертв гнусного насилия прокуратора!**). Вам надлежит властей почитать, а не раздражать (!) (**т.е., выходит, что народ для властей, а не власти для блага народа**), но когда малейшие (**мы уже видели, каковы эти «малейшие» проступки**) проступки ставите им в великие (**какими они, конечно, и были!**) преступления, то против самих себя обличаете тех, кого обвинить стараетесь, и они вас уже не тайно и со стыдом озлобляют, но явно разоряют (**? Можешь ли быть что-нибудь бесстыднее столь циничной откровенности!**). Ничто так не облегчает ударов, как терпение (! – продолжает сладкой сиреной петь Иудеям Агриппа), и спокойствие обидимых приводит (?) обидящих в стыд и сожаление (! – **Да, подтвердим мы со своей стороны, на основании всей истории прокураторов: это удивительное терпение и спокойствие, преодолевшее всякие**

возможные границы, заслуживало бы сильнейшего стыда и раскаяния обидчиков, но последние не обнаруживали этих чувств даже и в слабейшей степени). Пусть так – плохо утешает далее Агриппа, – что служители Римлян нестерпимо люты (!), но не все Римляне (!) делают вам обиды, и не сам Кесарь, против которых вы поднимаете оружие. Римляне и Кесарь не повелевает нарочно посылать к вам непотребных правителей, и не могут **(? однако, когда хотели, могли же!)** от запада на восток проникнуть... Не всегда один правителем останется; может статься (!), имеющие заступить его место снисходительнее будут **(плохое утешение и несбыточная надежда!)**... Что же касается свободы, поздно уже ныне (!) желать ее, а надлежало прежде за ее сохранение мужественно подвизаться (!)¹¹⁴⁷... Кто однажды будучи покорен, после не станет повиноваться, тот раб непокорный, а не любитель свободы. Надлежало все меры к недопущению Римлян употребить тогда, как в первый раз вступил Помпей в Иудею (!)... Вы же, имея наследственную к повиновению обязанность (!),... сопротивляетесь целой державе Римлян!"... Далее, Агриппа приводит на память успехи римского оружия, смилившего и свободолюбивые Афины, и славный Лакедемон, и доблестную Македонию, и другие надменные народы до беспредельной Галлии и отдаленной Британии включительно (см. дальше), прибавляя: «вы только одни за бесчестие (!) ставите служить тем, которым все подвластны (!)», сила которых непобедима всей вселенной (!)».

Верх наглости и безумия в этой речи представляют, слова: (после того, как показана беспомощность и изолированность народа в восстании против Рима) «остается прибегнуть к Божьей помощи? Но и она находится при Римлянах (!)... ибо нельзя без Бога основать такую державу¹¹⁴⁸... Вы, принуждены будучи преступить то **(намек на то, что Иудеев погубит особенно свято соблюдаемый даже на войне покой субботнего дня, уже погубивший их раз при Помпее),** за что более надеетесь на Божью помощь, отвратите от себя Бога"... В заключение, Агриппа взывает к состраданию Иудеев по отношению к своим землякам, рассеянными по всей монархии Римской, которым в случае восстания Иерусалима и Иудеи угрожает, опасность быть избитыми во всех городах Римских в отмщение (!), за что, по представлению его, «Римлян и простить можно, если б они и в самом деле учинили сие кровопролитие. А тем более, если не учинять, представьте, сколь злостное дело поднимать оружие на столь милостивых благодетелей (!)». Такова эта нелепая, гнусно-льстивая речь, которою, как говорит Агриппа, «свидетельствуясь в том их святыми и священными Ангелами и общим отечеством, он ничего спасительного сказать для них не оставил!».

Не задаваясь в разрешение тщетного вопроса, что здесь может быть отнесено на долю Агриппы, и что на долю перлов Иосифовского красноречия, и находя лишь бесспорным отражение в ней Иосифовского понимания дела, не шедшего в разрез с пониманием Агриппы, мы отметили нарочито слабейшие ее стороны в особенности для показания того, как беззастенчиво-превратно и тенденциозно представляет Иосиф (или Агриппа, в данном случае безразлично) великое дело восстания Иудеев. Для полноты и вместе

обнаружения бесстыднейшей наготы этого представления остается сказать еще только, что и в устах Агриппы нашла себе обычное применение лживая мысль Иосифа о том, что восстание было делом не всего народа, а лишь отдельных злонамеренных личностей. «Ежели бы я видел, – так и начинает свою речь оратор, – что вы все (!) устремились воевать с Римлянами, не отважился бы подавать моих советов... Но как **иных** подстрекает возраст, не испытывший происходящих от войны злоключений, **иных** безрассудно восприятая к возвращению свободы надежда, и **некоторых** желание обогащения... и наживы: то – дабы и сами они, познав лучшее, раскаялись и от злого наущения немногих людей (!) не нажили себе беды, за должное себе почел собранию вашему представить то, что нахожу для вас полезным"... и т.д.

Насколько более или менее близко к Иосифовскому изложению была сказана эта пресловутая «слезная» речь, решить невозможно, только едва ли она не должна была отличаться большою сдержанностью, чтобы произвести сколько-нибудь умиротворяющее влияние на народ. Последний изъявил свою готовность продолжить покорность Кесарю, бросился тотчас же возобновлять разрушенные переходы храма, и мигом собрал приостановленную было Кесарю подать (40 талантов). Но едва только Агриппа заикнулся о повиновении и Флору, это, для пылавших непримиримой ненавистью к злодею и ставивших его немедленное удаление непременным условием мира – Иудеев, являлось столь оскорбительным насилием и наглостью, что они были положительно не в силах удержаться, чтобы не осыпать царя ругательствами и даже камнями, заставив его тотчас же удалиться в свое царство.¹¹⁴⁹

Этой решительной мерой народа, так сказать, отрезывались всякие пути к отступлению от предпринятого восстания за свободу, и официально начиналось дело самого восстания, тотчас же возбуждавшего спешные лихорадочные работы и приготовления к отражению имевшего нагрянуть для «усмирения непокорных» врага.

§ 44. Великая Иудейская война

I. Усиление и организация восстания

Нет ничего досаднее для обозревателя повествования Иосифа о дальнейших обстоятельствах борьбы Иудеев, как наталкиваться, с одной стороны, на каждом шагу на беззастенчиво-заведомую ложь Иосифа в описании деталей, хода и смысла событий, но, с другой – чувствовать, что почти нечем и уличить эту ложь, кроме как ссылкой на субъективную уверенность, что дело могло обстоять как бы то ни было иначе, только не так.

Спеша выиграть время до прибытия легионов Рима, борцы за свободу поспешили упрочить за собой сильную неприступную крепость Масаду¹¹⁵⁰, представлявшую издавна¹¹⁵¹ прочный оплот восточных границ Иудеи¹¹⁵², вырезав при этом стоявший здесь римский гарнизон. В Иерусалиме открытое провозглашение свободы по инициативе Елеазара, сына перв. Анании, выразилось также отменой ежедневных жертв за Кесаря и прекращением вообще жертвоприношений за не-иудеев. Мера эта вызвала было протест со стороны «знатнейших Иудеев», фарисеев и первосвященников.¹¹⁵³ когда она заключала в себе более напрасных доказательств ожесточения против Рима, чем ревности о законе и отеческих обычаях, которым не противно было в принципе принесение жертв иноплеменниками и за иноплеменников. Когда протест этот не был уважен, сторонники Рима решились прибегнуть к посредничеству Флора и Агриппы. Последний выслал отряд из 3.000 всадников¹¹⁵⁴, успевший засесть в так наз. верхнем городе с Римофилами, в то время как повстанцы удерживали за собой гору храма и т. н. нижний город. Семь дней после этого обе партии боролись и старались вытеснить одна другую; наконец, царские войска не устояли пред численностью и мужеством восставших (к которым присоединились и сикарии) и вынуждены были укрыться в укрепленном дворце Ирода, оставив верхний город, в котором тотчас же запылали подожженные негодовавшим народом дворцы первосвященника Анании, Агриппы и Вероники и др. здания; вскоре Иудеи взяли также приступом и гору с башней Антония, истребив ее защитников, а потом осадили и дворец, в котором скрылись войска Агриппы с важнейшими противниками восстания (перв. Анания, Езекия – брат его, и др.) и с римлянами. Замечательно, что войска Агриппы, не видя для себя никакого спасения, выпросили себе свободный пропуск, чего не удалось осажденной вместе с ними Римской когорте, которая вся тотчас же была истреблена Иудеями¹¹⁵⁵, причем погибли также Анания с Езекией – ясный показатель того, на что хотела направляться главным образом энергия восстания.

Одновременно с тем, как знамя революции торжествующе развевалось в Иерусалиме, во многих других городах, особенно на границах Палестины, со смешанным населением, Иудеи платились всеми ужасами кровавой резни за восстание сородичей. С одной стороны, это могло служить лишь к большому успеху и ожесточению восстания, заставляя гонимых волей-неволей поднимать в свою защиту оружие и стягиваться в определенные центры восстания; с другой – было и губительно для Иудеев, когда они, не успевая

спланиваться, падали массами от неистовствующего меча мстителей. Особенно ужасна была по своим размерам и последствиям Иудейская резня в Кесарии, где языческое население преобладало над иудейским, и где почти «не осталось вовсе Иудеев»¹¹⁵⁶; из других местностей Иосиф упоминает о подобных же свирепствах в Скифополе (13.000 убитых Иудеев), Птолемаиде (2.000), Аскалоне (1.500), Тире, и даже в отдаленной Александрии (50.000). Каждый город, каждая область разделялись на 2 лагеря, искавшие своего спасения в гибели другого. Одни только Антиохийцы (по словам Иосифа), Сидоняне, Апамийцы и Герасиняне совершенно не тронули живших у них Иудеев, не видя с их стороны никаких активных движений к возмущению. Это показывает, кажется, едва ли не то, что и в других городах инициатива свирепств лежала отнюдь не на совести Иудеев, и что последние поднимали оружие только там и тогда, где и когда их на то вынуждали. И те свирепства, которые со своей стороны они произвели в благоприятных для них условиях и местностях, во всяком случае были только закономерным ответом на подобную же жестокость в отношении к ним. Десятки городов и сел (в том числе – Филадельфия, Севонитида, Вераза, Пелла, Скифополь, Гадары, Иппон, Гавланитида, Кедиса Тирийская, Птолемаида, Гава, Кесария, Севастия, Аскалон, Анфидон, Газа и пр.) испытали на себе весь ужас их мщения, в чад которого они не забывали и обеспечения за собой наиболее выгодных позиций, на случай предстоящей войны, как показывает занятие ими сильной крепости – Махерунта, и уничтожение, вероятно, невыгодной для защиты крепости Кипра (выше Иерихона).

Вскоре, революционеры испытали первое столкновение с римскими легионами и вспомогательными к ним отрядами Агриппы, Антиоха, Архелая, Соема и некоторых союзных городов, под начальством самого Сирийского наместника Цестия Галла. Как ни старается Иосиф смягчить позор этого столкновения с Иудеями, как ни старается представить в маневрах Цестия обычное «отступление» по всем правилам, военного искусства, истина дела ярко проскальзывает даже между его строк, и – *volens nolens* – приходится констатировать, что первое столкновение Цестия с Иудеями сопровождалось **полным его поражением**, и его отступление после этого поражения было выполнено по всем правилам панически беспорядочного бегства. Вот вкратце обстоятельства этого столкновения. Двинувшись из Антиохии с указанными огромными силами, Цестий «огнем и мечем» прошел через Птолемаиду, Кессарию (где соединился с ним Галл, посланный для усмирения Галилеи и возвратившийся после того, как «не нашел мятежа» там), Антипатриду, Лидду (здесь он был в дни Кущей, след., == Октябрь, Tischri), Вефорон – к Гаваону, в 50 стадиях от Иерусалима, и здесь стал лагерем. В Иерусалиме, по случаю праздника Кущей, не была недостатка в отважных и способных к войне храбрецах, которые сразу же дали себя знать весьма удачной вылазкой с тылу, в то время, как густые толпы Иудеев, нарушая по необходимости покой праздника, прорвали самый фронт римских войск и нанесли ему большие потери.¹¹⁵⁷ Не взирая на это, Цестий рискнул подойти к самому Иерусалиму, поставил свой лагерь на т.н. Скопос, в 7 стадиях от города, и отсюда сделал

несколько безуспешных приступов к горе храма. В описании этих приступов у Иосифа и причин их безуспешности выступает на вид – странная какая-то скрытность. По его представлению, когда Римляне, сделав из своих щитов черепаху, без всякой для себя опасности подкапывали спокойно стены и готовы были зажечь ворота самого храма, «мятежники» в ужасе и отчаянии разбежались, так что, если бы хотя «немного» Римляне продолжили осаду, город был бы взят, отворенный для «благодетелей-Римлян» освободившимся от терроризма «мятежников» народом. Но если так, то чего же и в самом деле зевал Цестий? Он, видите ли, «не знал» об отчаянии осажденных и о **доброжелательстве** к нему «народа», и «сверх чаяния» отступил от города, не получив никакого урона, по которому бы можно было в надежде отчаиваться. А если справиться с судьбами Божиими, то «конечно, Бог для сих злодеев и святыми (то есть, теми, кто готов был отворить ворота-то врагу!) возгнушавшись, не допустил в сей день войны окончить».

Как бы то ни было, только Цестий не только прекратил свои приступы, но и пошел прочь от города, по тем же непонятным обстоятельствам, как и при неудачах приступов. Эти «непонятные» обстоятельства не замедлили дать понять себя тотчас же, как Цестий начал свое отступление: **следуя** по пятам за отступавшими, беспокоя их на каждом шагу неожиданными летучими нападениями, осыпая стрелами и камнями с мало доступных возвышенностей по обе стороны пути отступления, вырастая неожиданна густыми, как саранча, массами и с фронтов, и с тылу, и с боков отступавших, Иудеи достигли того, что несчастные войска Римлян, бессильные оказать всякое сопротивление непроницаемым массам налегавших отовсюду врагов – впали в полное изнеможение.¹¹⁵⁸ Тогда Цестий велел бросить весь свой обоз, с машинами и стенобитными приспособлениями¹¹⁵⁹ и пользуясь темной ночью – (Ноября, Marcheschwan), с трудом «бежал» с остатками войска от неминуемой гибели, преследуемый до самой Антипатриды и потеряв до 6.000 человек.

Торжествуя эту победу, значительно поднявшую дух победителей¹¹⁶⁰, последние не закрывали глаз от грядущих затруднений и опасностей. Восстание нуждалось прежде всего в правильной надежной организации и объединении, и это было сделано тотчас посредством избрания нескольких внушавших наиболее доверия военачальников, на которых и возложена была ответственная роль защищать отдельные участки восставшей страны. В высшей степени характерно, что – в отличие от повествования Иосифа о позднейших периодах войны – мы видим в рядах борцов за свободу лиц далее высших сословий города – первосвященников, видных фарисеев и т.п., и, наконец, его самого – принимающих деятельнейшее участие в организации восстания. Руководящая исполнительная роль восстания сосредоточивалась в τὸ κοινὸν τῶν Ἱεροσολυμιτῶν (βίος, 12, 13, 38, 49, 52, 60, 65, 70), по отношению к которому τὸ συνέδριον τῶν Ἱεροσολυμιτῶν (βίος, 12) был, так сказать, исполнительным комитетом. Каждая из 11 топархий, на которые была разделена Иудея, получила особого главнокомандующего. Оборона столицы возложена была на Иосифа, сына Гориона, и первосвященника (п. ѓ. II, 20, 3) Анана. В Идумею отправлен Иисус, сын Сапфии, и Елеазар, сын Анании, оба

из первосвященнического рода. «Злодеев» и «разбойников» Галилеи взялся отстаивать (или как он ухитряется сказать – «успокоить Галилею!») (βίος, 14) наш Иосиф, теряющий с этих особенно пор всякую застенчивость в охарактеризовании своей роли и в стараниях выгородить себя в глазах Рима.

Не подлежит сомнению то, что на юного вождя организаторами восстания возложена была одна из самых труднейших и ответственнейших задач. Здесь, в Галилее предстояло оказать самое первое сопротивление Римлянам, от которого в значительной степени зависела вся последующая компания; справедливость требует, заметить, что, не смотря на столь непосильную, по-видимому, задачу, как превращение мирного населения Галилеи в войско, способное побрататься с закаленными в боях римскими легионами, – молодой, хитрый и образованный раввин обнаружил в выполнении ее достаточно администраторских и организаторских способностей. Прежде всего, для удобнейшего и авторитетнейшего управления порученной ему областью, он привлек к участию в этом управлении лучшие силы ее, образовав из них, по образцу Иерусалимского), свой местный комитет из 70 лиц, решавший наиболее трудные дела, в то время как особые меньшие комитеты из 7 лиц в каждом городе ведали дела менее важные и удоборазрешимые без обращения в центральный комитет. Иосиф не говорит, какую собственно роль играли эти учреждения в деле приспособления страны к сопротивлению Римлянам, но нельзя не видеть, однако, что это молчание скрывает многое, и мы не погрешим, если припишем этим Галилейским комитетам ту же исполнительную в деле восстания роль, какую играл и их прототип – комитет Иерусалимский. Одной из первых и важных «мятежных» демонстраций Иосифа должно было быть разрушение Тивериадского дворца с его законопреступными фигурами зверей; странно, однако, что и это дело вполне почтенной ревности за закон предупреждается идумейскими революционерами¹¹⁶¹, и как бы случайно снимает с Иосифа всякую ответственность. Главная забота Иосифа состояла, затем, в том, чтобы укрепить и приспособить к защите все более или менее важные стратегические пункты, как-то: Галилейские города – Иотапату, Тарихею, Тивериаду, Сепфорис, Гисхалу, гору Фавор, также Гамалу Гавланитидскую, и др.¹¹⁶², и организовать войско. То и другое сделано было, по сознанию самого организатора, так, что не оставляло желать ничего лучшего. В самое короткое время не менее чем 100.000 выдрессированного «по-Римски» войска¹¹⁶³, ни в чем не уступавшего своему образцу, готово было противостоять «победителям вселенной».

Насколько Иосиф в данном случае нескромен в преувеличении своих заслуг, определить точно трудно. Едва ли, однако, будет слишком много риска везде при его рассказе держать в уме так невольно навязывающееся во многих его местах: «не любо не слушай, а врать не мешай!». Особенно это надо сказать о его подвигах в деле «успокоения Галилеи» от некоторых неприязненных к нему лиц, выступивших в самом начале против его образа действий сильной оппозицией. Уже один голый факт появления такой оппозиции в такое время, когда общая опасность должна была объединять

всех, бросает тень на нашего Иосифа и делает его тщеславие до приторности противным, и его «меры» к успокоению «мятежа» в «мятеже» до бесчеловечия террористичными и подозрительными.

Душой оппозиции Иосифу был Иоанн Гисхалинин, «дерзкий, сумасбродный партизан» (!?), который в своей пылкой ненависти к Риму и в борьбе с ним «превзошел всякие крайности». «Недовольный» назначением и деятельностью Иосифа и метя самого себя на его место, он составил план «извести» «тирана» и, поступая сам не лучше всякого «тирана» («едва терпимый собственными подчиненными»), «всячески противоборствовал» Иосифу и клеветал на него, перетолковывая его спокойное приготовление к войне «изменой» и «тайным» соглашением с Римом, и возмущая население Галилеи недоверием и непослушанием ему.¹¹⁶⁴ Сколько горькой правды помогает обнаруживать в этом нам сам Иосиф всей своей последующей жизнью! Но здесь видим, что эту правду видели его современники далеко ранее его решительных действий в пользу Рима. Он знал последний слишком хорошо, чтобы верить в окончательный успех восстания. Не заставляло ли его одно это влагать в дело ему вверенное только «половину сердца» – настроение, которое, даже без свойственных ему неосторожностей, должно было чувствоваться инстинктивно клокотавшими в пламени бунта сердцами и вносить неприятный, ничем неизгладимый диссонанс в общее одушевление. Одно случайное обстоятельство до крайности усилило подозрительное отношение к Иосифу и помогло последнему немало обнажить вообще мелочь и ненадежность своей натуры. Совершенно естественно и согласно с военным положением страны, один пограничный страж настиг придворного Агриппы царя, союзника Римлян, и отнял у него немало ценного багажа, препроводив последний на благоусмотрение высшего начальства в Тарихею. К удивлению, всех, «высшее начальство» (это был Иосиф), сделав внушительный «выговор» за насилие «царскому слуге», заявляет о своем намерении – возратить добычу царю (что не исключает очевидно и иного, более естественного и удобного употребления из этой добычи). Узнав об этом, народ, едва ли даже нуждаясь в подускиваниях Иоанна Гисхалы, возбуждает целое смятение, целью которого ставится не менее, как «сжечь» Иосифа (для чего уже несен был и огонь). То, что делает Иосиф для спасения своей жизни и о чем вспоминает не без тщеславного самодовольства – и смешно до крайности, и плутовато до глупости, и низко до отвратительной подлости. Он выбегает пред лицо народа в разодранной одежде, с посыпанной пеплом головой, с обращенными на спину руками и с навязанным мечом на шее, доказывая в этом комедиантстве готовность на полное признание и мольбу о пощаде.¹¹⁶⁵ Признание дополнило меру самого гнусного лицемерия и низости Иосифа. Вопреки объявленному ранее намерению возратить добычу царю, он, подкупая толпу мнимой свежестью разоблачаемой тайны, выдумывает совершенно другое употребление захваченных денег, заинтересовывающее непосредственно готовых растерзать его Тарихеян: он, видите ли, собственно намерен был на удержанные деньги оградить Тарихею так нужными ей стенами, а что не объявлял прямо этого намерения ранее, так просто для

того, чтобы не соблазнять Тивериаду и другие соседние города притязаниями на эту экстраординарную добычу. Кроме всех других низостей, эта хитрость удачно рассчитана была между прочим на то, чтобы задеть стоявших в толпе Тивериадцев и отвлечь внимание судей от подсудимого на соперничество и вражду между собой. Едва ли не только при этом благоприятном условии и могло удалиться это недостойное паясничество Иосифа, околпачившее целую толпу народа, ставшего тотчас же на защиту своего «благодетеля». А этот «благодетель», спеша воспользоваться благоприятным поворотом в его пользу, сейчас же из подсудимого преобразуется в судью и бьет в самую совесть подавшегося народа громкими укорами за его безрассудность. Но этого мало. 2.000 более проникательных и не поддававшихся околпачению голов пошли таки на расправу с Иосифом, но с этой изолированной кучкой врагов расправиться было ему уже гораздо легче. Стоило только для «лучшего расследования дела» пригласить к себе главнейших вожаков этой толпы и, исполосовав их «до обнажения внутренностей», выпустить в оробевшую от такой безбоязненно-властной расправы толпу! Нам не важно в данном случае пытаться расследовать, так ли действительно было дело, и как оно именно было: достаточно виден «секрет» успешной деятельности Иосифа в Галилее уже и из этих его собственных разоблачений; остальное все делается ясным само собой...

Более хлопот доставляла Иосифу тайная против него пропаганда, хотя, конечно, опять совершенно нельзя доверяться ему в рассказе чуть не о чудесных избавлениях¹¹⁶⁶ от грозивших ему опасностей и о легкой расправе его со своими врагами.¹¹⁶⁷ Широкие размеры этой пропаганды и целый ряд заговоров против него уже дают понять, что не напрасно – прежде чем подготовить Галилею к войне с Римлянами, ему надлежало «успокоить» ее от войны с самим собой.¹¹⁶⁸ Мы не будем приводить здесь новых примеров хитрости и жестокости Иосифа, с какими он обыкновенно расправлялся со своими врагами, какие естественны только в человеке со слишком шаткими – репутацией и положением, со слишком «нечистой» совестью, – не будем усиливаться выводить истину из этого лабиринта его панегириков по собственному адресу. Констатируем еще только факт, что Галилейские «подвиги» Иосифа доведены были до сведения Иерусалимского комитета, и последний уже сделал было распоряжение «отставить» Иосифа, хотя бы силой (для чего было послано целое войско в 2.500 человек при 4 видных начальниках). В высшей степени интересно бы знать действительную, освобожденную от всего подозрительного, «суть» этого дела, но так как кроме неясного и ненадежного рассказа об этом самого Иосифа, мы ничего не имеем, то остается, поэтому, лишь удовлетвориться самыми общими результатами предварительной Галилейской деятельности Иосифа, каковыми были: кроме формирования войска и забот по укреплению и управлению страны (положительная сторона) – подавление недовольства его деятельности, привлечение под знамя мятежа отлагавшихся¹¹⁶⁹ или неохотно становившихся и сопротивлявшихся городов¹¹⁷⁰ (отрицательная сторона).

Так или иначе, в передовой открытой наступлению врага части восставшей страны все было готово к борьбе. С неменьшим успехом должно было организоваться восстание и в других участках, хотя все, что удостоил Иосиф сказать по этому поводу, почти ограничивалось лишь свысока и вскользь брошенной заметкой, что «всяк по своему усердию и благоразумию исправлял дело ему порученное» (II, 20, 5). Противопоставительный характер перехода от этой фразы к рассказу о собственной деятельности («прочие так, а Иосиф... прежде всего старался» и т.д.), обнаруживает во всяком случае крайнее самообольщение нашего автора, выставляющего свою деятельность выходящей из ряда обыкновенных. После всего, что мы знаем об этой деятельности, мы должны разумеется скептически отнестись к его противопоставлению и признать его деятельность в деле организации восстания в Галилее – если и не бесполезной, то во всяком случае принесшей ничуть не более добрых плодов, чем сколько мог бы сделать на его месте всякий другой. А если иметь при этом в виду, что значительная часть времени за период пребывания Иосифа в Галилее ушла на поддержание¹¹⁷¹ своего авторитета, постоянно колеблемого подозрениями на счет надежности и правоспособности Иосифа, то кажется, что какой-нибудь Иоанн Гисхалинин, с его пылкой ненавистью к Риму, с его прямоотой, отвагой и подвижностью, был бы гораздо более Иосифа в состоянии объединить страну в решимости постоять за свою свободу.

Мы должны, затем, с признательностью воспользоваться благосклонным упоминанием Иосифа о приготовлениях, сделанных Иерусалимом. В нем кипела особенно живая и деятельная работа¹¹⁷²: стены быстро починивались; готовились в обилии военные орудия и запасы; происходило обучение воинскому искусству. Как и понятно, подобная суматоха сопряжена была с немалыми тревогами и затруднениями, которые, может быть, и давали Иосифу основание сказать, что вообще «город был в таком состоянии, что еще до нашествия Римлян казался погибающим».

В таких-то приготовлениях прошли осень и зима 66 г., а с весной 67-го открылись и военные действия свежими и специально мобилизованными для подавления мятежа Римскими силами.

II. Война в Галилее (67 г.)

Официальное донесение Цестия¹¹⁷³ о восстании Иудеев и о своем полном поражении, делавшем невозможным усмирение им бунта, застало Нерона в Ахаии.¹¹⁷⁴ Положение дел не могло не внушать значительных опасений, в виду того, что восстание Иудеи могло заразительно подействовать на многие другие – подчиненные Риму народы Востока; вполне понятно поэтому и правдоподобно смущение Нерона, с каким он выслушал неприятную весть. Выбирая наиболее способного и опытного человека, на которого бы можно было смело возложить исполнение нелегкой задачи подавления Иудейского мятежа, Нерон остановился¹¹⁷⁵ на Веспасиане, о славе оружия которого знала даже отдаленнейшая Британия. Проведя зиму в приготовлениях к походу, Веспасиан отправил прежде всего своего сына Тита в Александрию¹¹⁷⁶ за 15-м легионом¹¹⁷⁷, а затем и сам, прибыв в Аниохию, стал стягивать сюда из соседних стран вспомогательные войска. Лишь только время года стало позволять открытие кампании, Веспасиан передвинулся с этими войсками в Птолемаиду, где соединился с легионом Тита. Отсюда часть соединенных сил (6.000) Веспасиан отправил на занятие Сепфориса по просьбе его жителей¹¹⁷⁸, что, таким образом, дало возможность Римлянам без борьбы овладеть весьма важным и прочным пунктом, угрожавшим Галилее. Остававшееся за сим войско под начальством Веспасиана, состоявшее из 3 полных легионов (5, 10, 15)¹¹⁷⁹, 23 вспомогательных когорт, 6 отрядов конницы, включал также вспомогательные отряды Агриппы, Соема Емесского и Малха Аравийского, достигало внушительной цифры 60.000 человек, тотчас же и разбивших свой лагерь на границе Галилеи.¹¹⁸⁰

Войска Иосифа защитника Галилеи в это время стояли лагерем близ деревни Гарис (Гарисим)¹¹⁸¹, в 20 стадиях от Сепфориса, не замедлив обнаружить свою воинскую несостоятельность при первой же вести о близости Римлян: потеряв присутствие духа, они большими массами стали разбегаться, чему был, кажется, и не подражателем только, а и примером сам «военачальник» их Иосиф, «страха ради Римского» быстро отретировавшийся в Тивериаду, не поняв еще, так сказать, и «пороху» и до отчаяния переполошив бедных Тивериадцев.¹¹⁸² Этот милый маневр Галилейского главнокомандующего не преминули утилизировать со всеми его благими последствиями Римляне, для которых вся Галилейская равнина предоставлялась, без выстрела, в полное распоряжение, и только «крепости» Иосифа делали для них не излишними некоторые запасы военных снарядов. Впрочем, насколько было серьезно это препятствие для Римлян, можно судить уже по одному поведению нашего «доблестного вождя»: в совершенной растерянности и малодушии он только помогает Римлянам нагонять страх на всю Иудею и, не отчаиваясь пока лишь «в уповании получить себе прощение от Римлян»¹¹⁸³, спешить уже и других «преклонить» на лучшие намерения: пишет в Иерусалим, не «угодно ли им будет помириться с Римлянами», прикрывая свою трусость благовидною, но наверняка невыполнимой просьбой

– «прислать войско, могущее сражаться с Римлянами». Надо ли сомневаться после этого, что та же жалкая трусость только и могла заставить его сразу же «закопаться» с глаз долой¹¹⁸⁴ от страшных Римлян в наиболее надежную крепость Иотапату (**запомнил даже и число == 21 день м. Артемизия (== Ijjar, Май)**¹¹⁸⁵, не испробовав даже и слабой попытки затруднить движение врат сопротивлением с других позиций. Между тем, «победители» и «благодетели» вселенной бодро и беспрепятственно подвигались вперед, освещая (**как и следовало ожидать от этих благодетелей**) свой путь заревом пожара и обильно уливая его кровью хотя бы и не сопротивлявшегося населения.¹¹⁸⁶ Едва отыскав следы главнокомандующего Иудейской оборонительной армии посредством какого-то шпиона (если б дело кончилось плохо для Иосифа, конечно, он не вспомнил бы добром за эту услугу; но **теперь** это – «благоразумнейший из неприятелей» (т.е., Римлянам – III, 7, 3), и услуга его Риму – «дело Провидения»), Веспасиан великодушно соглашается подарить инициативу борьбы нерешительному Иудейскому генералу и, не брезгуя его слабостью и растерянностью, подвигается к Иотапате, снисходительно уступая честь задеть себя. До какой степени «не по себе» (было этому «доблестному» генералу, ясно из его откровенного признания: он перетрусился со своими сподвижниками до того, что «ни один из них не осмелился даже и показаться из-за стен крепости, когда к ней подступили враги».¹¹⁸⁷ Нечего и говорить, что подвиги обороны при таком главнокомандующем в лучшем случае не могли идти далее пассивного подчинения «необходимости» – отсиживаться в крепости, природные и искусственные укрепления которой, так счастливо восполнявшие друг друга¹¹⁸⁸, делали бы эту крепость в руках более опытного и отважного предводителя «могилой» Римлян, а не Иудеев, по милости Иосифа!...

Так как прочность и неприступность Иотапатских укреплений, даже и при не столь счастливой благоприятности (см. ранее) других условий, исключала возможность взятия этой крепости с первых же приступов, то Веспасиан решил повести правильную осаду, причем искусству и опытности осаждавших не без успеха противостояло «необходимостью» внушенное мужество осажденных и – если не положительные военные таланты¹¹⁸⁹, то, по крайней мере, чудовищная хитрость и жидовски изворотливая (до смешного) изобретательность их предводителя.¹¹⁹⁰ Но все это не могло надолго отсрочить судьбу города, тем более, когда тот самый, кому эта судьба была вверена, «первый» стал помышлять о «бегстве»¹¹⁹¹, едва уступая «трогательнейшим»¹¹⁹² мольбам горожан. У нас не хватает смелости объявить за решительное, что, показан этой (после стольких «ломаний» – положительно насильной) уступкой свою готовность биться до конца за город, Иосиф (– насколько не удивительно) предприняла втихомолку обеспечить целостность своей шкуры в виду неизбежности его падения, и что тот «переметчик», благодаря которому Веспасиан был извещен о лучшем моменте для решительного приступа¹¹⁹³, исполнил свою позорную роль не без поощрения Иосифа; но, по крайней мере, не будет излишней смелостью объявить это за «возможное» уже во внимание к тому, что Иосиф ни единым упреком не спохватился оклеить

эту позорную испортившую все его дело роль, говоря об этом так хладнокровно, как о самом заурядном явлении. Как бы то ни было, воспользовавшись указаниями переметчика, Римляне в глухое раннее утро прокрались в беспечно спавший (?) город и бесшумно перевели в него свои легионы, долго не замечаемые, благодаря нависшей «темной туче», пока, наконец, не засверкал их убийственный меч, не щадивший никого в этот злополучный день. По, что же Иосиф? Он, конечно, был в числе тех несчастных почти 40.000¹¹⁹⁴, которых безмятежный сон в эту ночь был последним? Или¹¹⁹⁵ он исчислялся в толпе тех 1.200 пленных, которым судьба готовила в этом состоянии более продолжительные страдания?? Нет, и нет! Он, «полагаясь на Божье покровительство»¹¹⁹⁶, прошел невредимо «через неприятелей» и как-то «случайно» попал в глубокую, хорошо замаскированную совне цистерну, в которую подобная же «случайность» уже привела 40 «знатных» горожан, да и не с признаками поспешности и случайности, а даже с «запасами» на несколько дней, что, очевидно, изобличает заранее обдуманый план – в течение нескольких ночей найти путь к дальнейшему побегу. Это, однако, не удалось Иосифу, не смотря на все его старания¹¹⁹⁷, а вскоре и его местопребывание стало известно Римлянам от одной женщины, которая скрывалась также в этой цистерне и, отыскивая подобно Иосифу пути для побега, попала в руки стражей Римских. Посланные Веспасианом тотчас же «тысяченачальники» (двое сразу) начинают убеждать «мужа храброго» выйти из ямы, что сначала плохо действовало на Иосифа, заключавшего о предстоявшей ему участи более от своего «сопротивления Риму», нежели от «кротости, им свойственной».(!) Наконец, третьему военачальнику, давнему «знакомому» (!) Иосифа и «другу» – Никанору, удается поколебать «мужа храброго» в решимости¹¹⁹⁸ отсиживаться, (подействовали особенно уверения Никанора, «сколь свойственно Римлянам поступать милостиво с теми, коих однажды они завоевали!»). Что может быть бесстыднее этого, после только что описанных свирепств?). В аккомпанемент раздававшимся над ним угрозам солдата, он припоминает свои «сны», в которых за прошлую ночь Бог предвозвестил ему не только «о грядущих на Иудею бедствиях», но даже и «о имеющих последовать с Римскими императорами переменах».(!) Этого мало. Благодаря хорошему (!) знанию пророчеств, находившихся в свящ. книгах, знаний, свойственному ему как «священнику» саном и родом, и, сопоставляя эти пророчества с своими «сновидениями», он вдруг подымается на неизъяснимую высоту какого-то озарения и «вдохновения Богом» (!), и из груди его исторгается следующий восторженный «перл»: «поелику все счастье перешло уже к Римлянам, и Тебе, о Боже, угодно явилось и самый Иудейский народ, созданный Тобой, повергнуть в напасти и **избрать меня в провозвестника будущих приключений** (!), я отдаюсь без принуждения Римлянам и продолжать жизни не отрицаюсь, однако – свидетельствуясь Тобой (!), что не как **предатель отечества**, но как **служитель Твоих повелений** (!) **перехожу к ним**». Нет надобности изобличать эту галиматью Иосифа; довольно сказать, что «не так» поняли его решимость уже его несчастные сотоварищи. Как один человек «они» принялись воодушевлять

своего «вождя» – «не посрамить отеческих законов», «не отдаваться из любви к жизни в подлое рабство» и т.п., и в заключение эти достойные борцы «славы отечества», приставив к нему мечи, поставили ему следующий ультиматум: ...«хотя счастье Римлян привело тебя в забвение самого себя, однако мы должны делать то, чего требует от нас слава отечества нашего. **Если у тебя самого не хватает на то духа, мы** подадим тебе и десницу, и меч. Ты же, если добровольно умрешь, умрешь вождем Иудейским. Если же заставишь прибегнуть к насильственному умерщвлению, скончаешься предателем отечества!». Мелкая душа Иосифа не вместила, однако, глубины этих золотых поистине слов. Он пускается на хитрости, обращается к этому столь отличающему его свойству, или – говоря его собственными словами – «почитаю за необходимость оказать перед ними «опыт» своего любомудрия», опасаясь не столько «смерти», сколько того, что «останется нарушителем Божьих повелений», «ежели умрет прежде, нежели возвестит ему открытое» **(какое ревностное отношение к пророческим обязанностям!! какое беззастенчиво-кощунственное обоснование предпочтения жизни, нелепое уже по одному тому, что сейчас же и опровергается предложением Иосифа на смерть по жребию. Делая такое предложение, разве не рисковал Иосиф как и все «умереть прежде чем возвестит ему открытое?»)**... «Опыт» Иосифовского «любомудрия» излился в длиннейшей речи к товарищам¹¹⁹⁹, в которой оратор слабо старается доказать, что обрекать себя на самовольную смерть там, где есть надежда избежать ее, великое преступление против Бога и признака, недостатка мужества, и что, следовательно, теперь, когда «Римляне ни на сражение против нас не выходят, ни нападают на жизнь нашу (?), – благоразумнее всего воспользоваться их обещаниями пощады» (Иосиф не доказал только, дано ли было такое обещание и другим его товарищам). Насколько мало это было убедительно, видно из того, что его слушатели сейчас же набросились на него с мечами, и только какой-то непонятно властный магнетизм его взора и гипнотизм его окриков – остановил и опустил простертые на его убийство руки (!). Но, по циничному сознанию самого предателя, ему «не доставало проворства на вымыслы» в столь тесных обстоятельствах. Препоручив себя Божьему покровительству и изменяя сейчас же проведенной в речи мысли о преступности самоубийства, предлагает по жребию всем погибнуть от руки друг друга, предоставляя совести последнего – возложить самому на себя руки. После всего, что нам передал Иосиф об общем настроении, отказываемся верить, что Иосиф именно этой только хитрости обязан спасением своей мелкой жизни, а не измыслил какую-либо еще другую, более гнусную, хотя бы, напр., подтасовкой жребиев. Впрочем, уже самое согласие на эту жеребьевку не может не казаться странным. В самом деле, для товарищей Иосифа не существовало вопроса, сдаваться или умирать? На последнее они вовсе не смотрели, как на греховное самоубийство, и готовы были хоть сейчас вонзить в себя мечи, в полной уверенности, что погибают благороднейшей смертью борцов за свободу. Для них был один вопрос – как удержать Иосифа от его бесчестного намерения и заставить его умереть

благородной смертью вождя Иудейского, а не пленника Риму? Если так, с какой стати **им** было прибегать к жребию и разрешать свой вопрос с конца, а не с начала? Иосиф говорит, что они охотно подклоняли свои выи под меч "**в надежде**, что такую же кончину получит немедленно и вождь их; **поскольку умирать вместе с Иосифом казалось всякому приятнее самой жизни (!?)**" Жалкая надежда! Слепотствующее доверие к человеку, лишенному веры! Наглое самохвальство, способное вызвать только горькую улыбку! Непонятная и едва ли «случайная» случайность (приписываемая Иосифом или **счастью** или **Божьему Провидению!**), что Иосиф, посредством этого жеребьево-ловкого устранения препятствий к своему предательству, остается в конце концов один с человеком, которого было так легко убедить к тому же предательству!...

Наиболее блестящего применения хитрость Иосифа достигла в момент представления его Веспасиану. Он принимает на себя вид вдохновенного провозвестника, предрекает «владычество над землей, морем и всем родом человеческим» Веспасиану и его сыну Титу, и – вместо все же не бесспорной казни на суде Нерона – обеспечивает себе своего рода позорный почет в лагере Веспасиана. Трудно согласиться, что только одно это (предсказание) могло переменить Веспасиана в отношении к Иосифу – до того, чтобы даже пользоваться его услугами в дальнейшем ведении войны. Нельзя отрицать самого факта «пророчествования Иосифа», о чем находим указания у Dio Cass. (LXVI, I), Sueton. Vesp. c. 5, и Appian'a, 22 кн. его Римск. Истории¹²⁰⁰, и даже в раввинских преданиях.¹²⁰¹ Можно и должно, однако, ограничить его прежде всего тем, что в момент произнесения пророчество Иосифа могло представлять из себя пару общих фраз, впоследствии округленных и развитых в формальное пророчество. Небесполезно, далее, спросить также, но было ли это «предсказание» настолько естественным, настолько подготовленным событиями и ходом вещей, что уже тогда мало-мальски опытному проницателю, хотя бы и не прорицателю, давало возможность «прорицать» неизбежное, не менее правдоподобно чем предсказание весной о наступлении лета, или ночью о дне, – все равно как и подобное же другое «предсказание» Иосифа о своем плене и падении крепости.¹²⁰² Нет ничего, наконец, невозможного в том, что «предсказание» очень удачно было рассчитано на самолюбие Веспасиана, и, в связи с какими-нибудь другими заверениями предательства и готовности на все услуги Риму¹²⁰³, – легко могло возыметь свое действие. Так или иначе, факт гнусного предательства благополучно совершился, и надо было только придумать все, что могло служить к его оправданию...

Судьба остальных борцов за свободу отечества кончилась самым плачевным образом: все население города погибло¹²⁰⁴, за исключением того лишь количества, какое нужно было для рабских услуг; самый город со всеми его укреплениями и стенами был выжжен и «сравнен с землей». Самого главного оплота Галилеи, таким образом, не стало. Без особенных усилий были затем, привлечены к повиновению города Тивериада и Тарихея, отложившиеся от Агриппы, причем в последнем из названных городов это

было произведено со всем неистовством Римского свирепства, так компрометирующего этих «победителей-благодетелей».¹²⁰⁵ Оставалось завоевать остальные более укрепленные Галилейские пункты, как-то – Гисхалу, гору Фавор (Итавирион) и важную Гавланитидскую крепость Гамалу.¹²⁰⁶ «Несравненно меньшая» сравнительно с Иотапатями горсть храбрецов¹²⁰⁷, засевшая в ее неприступных, подобно Иотапатам, твердынях, с геройским мужеством 7 месяцев отбивала все приступы неприятелей¹²⁰⁸, и завоевание ее (ускоренное лишь недостатком провианта) потребовало величайшего напряжения неприятельских сил, едва не доведенных до полного отчаяния, так что потребовалось личное участие Веспасиана, чтобы поднять упавший дух солдат. Беспощадные избиения Гамалитян (не исключая ни женщин, ни младенцев: из всего населения скрылись от гнева Римлян и спаслись только 2 женщины) нелишний раз можно взять в подтверждение того, насколько даже Иосиф не мог скрыть «оборотной стороны» Римской доблести, которой было совершенно чуждо правило – уважать храбрость и щадить невинность. Менее сопротивления Иудеи могли оказать на горе Фавор, и, будучи выбиты из этой позиции обманом, ушли в Иерусалим. Наконец, Гисхала была последним и уже самым слабым опорным пунктом восстания в Галилее. Заклятым врагом Римлян здесь был известный Иоанн Гисхалинин со своей партией – зилотов, конечно, с точки зрения Иосифа выступающей «предводителем разбойников», не более. Для взятия Гисхалы Веспасиан отправил под предводительством Тита 1.000 человек конницы. О серьезном сопротивлении Риму теперь нельзя было и думать. И город после двухдневного колебания отворил Титу ворота. Значение этой победы не мало умалилось тем, что Иоанн, защитник крепости, успел увести из города ночью большие партии сподвижников и с ними ускользнул¹²⁰⁹ в Иерусалим (понесши, впрочем, во время этого бегства немало потерь), где теперь стало централизоваться все восстание.¹²¹⁰

Между тем близился конец 67-го года, и Веспасиан вынужден был прекратить военные действия, устроив свои войска на зимних квартирах (5 и 15 легионы в Кесарии, 10 в Скифополисе). Всячески на севере Палестины мятежа более не существовало, и Веспасиан мог бы теперь двинуться прямо на центр восстания – Иерусалим; но по обстоятельствам, имеющим быть указанными ниже, он промедлил с этой решимостью целый год, и под стенами Иерусалима мы видим его лишь летом 69 года.

III. Иерусалимская революция (67–68)

Прежде чем неприятельские войска нанесли окончательный удар Иудейскому восстанию, последнее уязвило себя собственными смертельными ударами, породив в самых недрах своих все ужасы полной анархии и революционного терроризма. Это была та отчаяннейшая, кроваво-братоубийственная война всех против всех, которая должна была произвести «мерзость запустения» в народе Божьем (Мф.24:15). Это была, так сказать, последняя стадия развития того нравственного общественного разложения, тлетворное действие которого мы отмечали ранее, объясняя его ослеплением Израиля до убийства Мессии. По характеру и размерам бедствий это было несчастье, о каком может дать понятие не столь давняя французская революция.

Исходным пунктом всех этих несчастий Иерусалима или толчком к ним в значительной степени были неудачи восстания в Галилее. Фанатическая партия сторонников войны не уمدлила приписать эти неудачи – и не без основания – недостаточной энергии руководителей и организаторов мятежа и даже их изменническим замыслам. Упреки скоро породили явное неповиновение им и желание даже устранить их со столь ответственных постов, как подозрительных личностей. Эти последние в свою очередь добровольно не уступали своего положения, и восстанавливали поколебленный престиж под шумок общего раздора и анархии, царивших в Иерусалиме всю зиму 67–68 г.

Иоанн Гисхала, ушедший из рук Тита в Иерусалим из Гисхалы в Ноябре 67 г., стоял во главе названной фанатической партии, усвоившей себе имя зилотов и состоявшей преимущественно из Иерусалимской молодежи, обычно отличающейся наибольшей пылкостью. Продолжение борьбы за свободу до последней капли крови было девизом этой отчаяннейшей партии, не пренебрегавшей под условием верности своему девизу самыми завзятыми головорезами и дебоширами. Это последнее помогало приобрести и удерживать зилотам преобладающее значение над всей смятенной страной.¹²¹¹ Одним из средств для поддержания этого преобладания и для достижения своего девиза было устранение всех более или менее подозрительных своим тяготением к Риму личностей. В числе первых жертв зилотизма за это время пали многие из знатнейших граждан города, каковы – Антипа, родственник Иродианской фамилии, заведовавший общенародной казнью, а также Левия и Софа – оба царской же крови.¹²¹² Вообще предубежденные против аристократа города, зилоты простерли это предубеждение до того, что низложили самого первосвященника за попытку возбудить против них народ, и не задумались избрать посредством жребия нового, которым был Фанний, человек, по представлению Иосифа, совершенно недостойный этого звания.¹²¹³

Последнее обстоятельство в особенности послужило поводом к обострению отношений, в каких стояла к зилотам более умеренная партия

«людей порядка», во главе которой стояли – Горион сын Иосифа¹²¹⁴, влиятельный фарисей Симон сын Гамалиила¹²¹⁵, и оба ех-первосвященника – Анан сын Анана и Иисус сын Гамалиила, и которая имела не менее сильное влияние на остальной народ. Горькие жалобы Анана в собрании последнего на неслыханное нарушение законов священноначалия зилотами сильно наэлектризовали толпу против зилотизма и подвигнули ее на открытую расправу с законопреступными бесчинниками. Это в свою очередь сильно ожесточило зилотов и повело к новым не менее возмутительным бесчиниям: уступая своим противникам в числе, они, после многих кровавых свирепств, не задумались самый храм обратить в свою крепость: теснимые и здесь, они затворились даже во внутренних частях храма, и так как первосвященник не допускал неочищенному народу проникнуть в эти части для вытеснения засевших, то последние оказались в осаде, бдительно сторожимые со всех сторон особыми стражами.

Тогда на помощь себе зилоты призвали Идумеев, распалив их воинственное настроение сенсационным доносом, что первосвященническая партия, все более и более обольщая народ, обнаруживает попытку вступить на путь мирных переговоров с Римлянами и желание сдать им престольный город. Этого было достаточно, чтобы Идумеи тотчас же появились у стен столицы. Нетактичность первосвященника, закрывшего перед ними ворота города и выступившего к ним с столь же нетактичной речью, только усилила подозрительность Идумеев и их желание подать помощь зилотам, чтобы вместе с ними взять в руки защиту Иудейской столицы. В ближайшую грозную бурную ночь зилоты сделали удачную вылазку из своей позиции и отворили своим союзникам ворота города. Мстя за оскорбление и за подозреваемые изменнические планы¹²¹⁶, Идумеи исполнили весь город грабежа и убийства. В числе жертв (12.000 человек) был и Анан с Иисусом, которых Иосиф оплакивает как лучших из людей, о которых, по его словам, «сама добродетель стенала с рыданием, что она даже до того побеждена злобой!». Бесчинства закончились нарочито устроенной комедией, пародировавшей формальный суд 70-ти. Судьями были подставлены 70 «знатнейших мужей из простолюдинов»; в качестве подсудимого поставили перед этим судом Захарию, сына Варуха, обвиненного в сношениях с Римлянами. Суд не нашел мужества разыграть эту комедию в духе ее устроителей и в полном своем составе предпочел спастись бегством, а участь несчастного подсудимого решила пара отчаяннейших зилотов, которые пронзили его мечами со словами: «а вот тебе и наше оправдание!». ¹²¹⁷

При более глубоком проникновении в последние судьбы Иудейства нельзя не видеть, как постепенно ниспадает Иудейство со всех пьедесталов своего отжившего величия и очевидно осуществляется пророческое слово Спасителя о «мерзости запустения на месте святых», замечательно особенно то, что во всей этой печальной эпопее войны – не зилоты, не Анан, не Идумеи, не Римляне, а какой-то особый едва уловимый рок направляет общий ход событий к одной развязке, и простые случайности, вторгаясь в спокойное течение вещей, внезапно изменяют это направление в ту сторону, о какой до

того и подозревать было нельзя. За вспышкой кровопролитного неистовства Идумеев последовала реакция, во время которой одному из более умеренных зилотов удалось довести Идумеев до раскаяния в допущенных крайностях и даже до охлаждения к вовлекшим их на это дело зилотам и отступлению от города.¹²¹⁸ Это отступление между тем только еще более развязало руки избесчинившимся зилотам, тем более, что теперь уже в городе не было более лиц, способных обуздать их своеволие. При таких обстоятельствах, глава партии зилотов – Иоанн Гисхалинин сделался всемогущим обладателем города¹²¹⁹, присоединив к двум прежним величайшим бедствиям (война, мятеж) третье – самовластие, казавшееся столь большим злом по сравнению со всеми другими, что «многие по – словам Иосифа, – стали уходить к иноплеменникам¹²²⁰ и, отчаявшись в **спасении** у соотчичей, находили оное (?) у Римлян». ¹²²¹ Надо полагать, что если не это «массовое» обращение к «спасению» у Римлян¹²²², то во всяком случае слухи о крайних раздорах среди Иудеев были сильным мотивом для выжидательного образа действий Веспасиана, который в данном случае даже шел в разрез с мнением прочих Римских вождей, находивших данный момент особенно благоприятным для войны и настойчиво предлагавших воспользоваться им для немедленного наступления на взволнованную столицу. Веспасиан являлся более правым, полагая, что без излишних жертв с своей стороны надо дать своему противнику истощить свои силы и потом уже идти к нему с решительным ударом. Такова причина, по которой он решил предоставить пока главному центру восстания свободное время для самоуничтожения и занялся пока, так сказать, локализацией мятежа, уничтожая его в окрестных с Иерусалимом местностях, что было, действительно, целесообразнее при тех условиях, так как, хотя окольным путем, но за то гораздо вернее – вело к полному искоренению мятежа. Между тем, положение страны с каждым днем становилось хуже и хуже, действительно оправдывая расчеты Веспасиана. Сикарии, свившие себе гнездо под самым Иерусалимом в укрепленном замке Масаде, заявляли себя более, чем когда-либо, наводя страх на всех своими грабежами и безразборчивыми убийствами (IV, 7, 2). Подражая им, то там, то здесь группировались скопища любителей легкой наживы и под шумом всеобщего возбуждения обделывали безнаказанно свои темные дела. «Не было, по справедливому замечанию Иосифа, страны в Иудее, которая бы не погибала с главным и превосходнейшим оной городом».

Все предвещало конечную гибель. Таким образом, Иосиф во многом прав, проводя мысль, что благодаря раздорам Иудеи побеждены более ими, нежели оружием неприятелей (IV, 6, 2), столько же как прав в словах, изреченных чрез его перо самой истиной, что Бог предводительствовал «лучше» Веспасиана, предавая без труда Римлянам Иудеев, хотя, конечно, не по какому-либо пристрастному благорасположению к Веспасиану и Римлянам, как витийствует наш историк, но вернее – в силу Своего Божественного Правосудия над Христоубийственным и Пророкоубийственным народом. Эта мысль об оставлении жестоковыйного Израиля милостью Божественного Правосудия и обречения его на духовную гибель так оправдывает себя в захватывающих

душу сценах Иудейского мятежа; сколько бы эти последние ни были прикрашены, нельзя не согласиться с Иосифом, что дело в конце концов доходило до того, что в «увлечении мятежа восставшие попирали все права человеческие, ругались Божественным законам, посмеивались как ложно вымышленным басням – предсказаниям пророков» (IV, 6, 3).

Итак, Веспасиан тем временем не бездействовал, и не сопротивлением Иудеев объясняется его медлительность. Едва только наступило благоприятное время нового 68 года (4 Dystros == Adar, Март), как он уже повелел свои зимовавшие в Кесарии войска к центру Перее, Гадарам. Противодействие ревнителям восстания сторонников Римлян (не столько из желания мира, как говорит Иосиф, сколько из опасения за целостность своих имений) здесь носило тайно-заговорный характер, так что появление Веспасиана у этого города, встреченное с восторгом приглашавшими его Римофилами, было совершенной неожиданностью для революционеров; при всем том, несмотря на то, что они были застигнуты врасплох, они предпочли покорность врагам бегству, причем успели выразить свое негодование измене казнью знатнейшего Гадарянина Долеза. Поручив преследование беглецов и окончательное очищение страны от мятежа Плакиде¹²²³, Веспасиан спокойно грел руки в Кесарии над огоньком Иудейского пожара, выжидая момента, когда горючего материала оставалось так мало, что не обещалось больших хлопот для его затушения. Тем временем, Плакида (со своей 3.000 пехотой и 500 конницы) успешно водворял порядок порученного ему участка, так что к зиме 68–69 года не оставалось вовсе почвы для мятежа во всей Перее вплоть до Махера.¹²²⁴

Неожиданное обстоятельство заставило Веспасиана поспешить с окончанием войны. То были слухи о брожениях в Галлии и тревожное настроение самого Рима. В виду этого, Веспасиан с остальными войсками так же выступил из Кесарии, усмирил Антипатриду, взял Лидду и Иамнию, оставил в Еммаусе, один легион, отсюда совершил поход в Идумею, задав страху которой – вернулся опять в Еммаус; затем, пройдя к северу, чрез Самарию, до Неаполиса (Сихем), мимо Кореи, в июне (2 Daisios == Sivan) вступил в Иерихон, где с ним соединился Траян, только что усмиривший при-Иорданские области. Всеми этими передвижениями с достаточной быстротой сделано было то, что почти вся страна была обеспечена от мятежа, и единственно серьезным очагом его, теперь отовсюду изолированными оставался только Иерусалим, за необходимыми приготовлениями для осады которого потребовалось еще раз возвращение Веспасиана в Кесарию. Во время этих приготовлений еще раз была отсрочена участь св. города неожиданным известием о смерти Нерона († 9 июня 68 г.). Это известие, грозившее недостаточной устойчивостью будущему всей империи, по необходимости остановило все военные приготовления и заставляло выжидать дальнейшего выяснения дел и особых инструкций от нового Кесаря. Между тем, пока пришло известие о воцарении преемника Нерона (Гальба) и Тит уже отправился было в Рим для приветствия и за получением указанных инструкций, наступила зима (68–69) и распространилось известие о новой

перемене на престоле Кесарей (смерть Гальбы, 15 янв. 69 г.), принесенное в Кесарию Титом, дошедшим¹²²⁵ только до Коринфа.¹²²⁶ При таких обстоятельствах мысль о войне, разумеется, отошла на задний план. Это давало не мало времени Иудеям оправиться после нанесенных им поражений. Но к несчастью, за это время произошло только еще большее усиление междоусобий. Восстал – по крайностям свободолюбия и самовластия – другой «Иоанн», в лице Симона Вар-Гиоры¹²²⁷, который, пользуясь покоем Веспасиановского оружия, разгуливал со своей шайкой в южных областях Палестины (Идумея), грабя и опустошая страну и раздувая в ней снова только что начинавший улегаться мятеж. Когда этот новый революционер усилился настолько, что пред ним сложил свое оружие даже сильный Хеврон, Веспасиан нашел себя вынужденным обойти еще раз Иудею и принять меры к совершеннейшему ее умиротворению. После целого года покоя, он предпринял (5 Daisios == Sivan, июнь) снова поход, подчинил еще не посещенные округа – Гофнийский (Gophna) и Акрабатинский (Akribata), занял города Вефиль и Еффраим, оставив в них гарнизоны, и прошел мимо самого Иерусалима, между тем как его трибун Цереал (Cerealis) обошел Идумею и разнес попытавшийся ему воспротивиться сильный Хеврон. Когда, таким образом, вся Палестина была занята Римлянами, кроме Иерусалима и трех крепостей – Иродион, Масада и Махер, и свобода Симона сильно была стеснена, он возымел виды на Иерусалим, в котором под тиранией Иоанна царил страшная распущенность, доходившая до поразительных неистовств и противоестественностей. Возвышение Симона при таких крайностях подавало значительные надежды на улучшение положения дел, и по совету первосв. Матфии он был приглашен в город (вошел в м. Ксанфик, Nisan == Апрель 69 г.). На первых порах это повело к тому лишь, что вместо одного тирана город стал иметь двоих, из коих каждый видел в гражданах своих врагов (IV, 9, 11) и заботился только об утверждении собственной власти. К довершению всех бедствий, вскоре от зилотов отделился еще третий тиран, Елеазар сын Симонов, и город стал терзаться сразу тремя партиями, не уступавшими одна другой ни в силе, ни в бесчиниях, и превратившими столицу в три саморазрушающиеся крепости. Симон засел со своими в «верхнем» городе значительной части «нижнего», Иоанн – на горе храма, Елеазар – во внутренних дворах храма. В увлечении распрями мятежники были настолько безумны, что пустили сделаться жертвой пламени хлебным запасам, приготовленным на время осады города, чем ускорили его гибель (V, 1, 1–5. Tacit. Hist. V, 1, равв. пред. Derenbourg.). Храм сделался ареной кровавых столкновений между противниками; священные сосуды его были перекованы в воинские оружия; священная почва его пропиталась кровью, священные твердыни дрожали от управляемых Иудейской рукой осадных машин, и свист стрел и грохот метательных снарядов огласили священное место – задолго прежде, чем все это сделали Римляне. Ужасающее извращение порядка вещей! Трагичнейшая агония, избличающая полную вырожденность кончавшейся жизни!...

Новые непредвиденности послужили к тому, что решительный удар еще раз замедлил, и агония смерти не победила остатков жизни. В Риме вспыхнули свои междоусобия на почве престолонаследия. Гальбу (7 м. 7 дн.) убил Отон; Отон (3 м. 2 дн.) довел до того же Вителлий; Вителлию (8 м. 10 дн.) предстояла та же участь от Веспасиана, что можно было вывести уже из его недовольства, этим последним избранием и из больших симпатий к нему востока империи, вскоре же и провозгласившего императором Веспасиана (1 июля 69 г.).¹²²⁸ Это последнее провозглашение было для империи наиболее удачным, и покой ее после устранения Вителлия (20 дек. 69 г.) теперь казался восстановленным и хорошо упрóченным. Вместе с тем, и война Иудейская вступила в новый и последний свой фазис. Полномочие кончать эту войну получил, конечно, Тит, отборные войска которого¹²²⁹ как раз к празднику Пасхи 70 г. стали пред стенами Св. Города.¹²³⁰

§ 45. Осада и падение Иерусалима (70 г.)

Появление Тита под стенами города было своего рода «ковшом» воды, вплеснутым в костер огня: личные распри, тотчас отошли на задний план, и силы города пошли на более достойное употребление. При первой же вылазке к неосторожно разъезжавшему пред городом Титу – в целях ознакомления с его местоположением – Иудеи с таким отчаянным мужеством врезались в его небольшой тотчас дрогнувший отряд (600 всадн.), что едва не взяли в плен самого Тита, отрезанного от прочих. Вообще, Римляне на первых порах возлагали слишком много надежд на слабость междоусобствовавших Иудеев и плохо вразумлялись печальными опытами напрасности такого легковерия. Так, вскоре же после описанной не безудачной вылазки Иудеев последовала другая, жертвой которой едва не сделался целый легион (10-й), занимавшийся укреплением своего лагеря на Елеонской горе, и также сам Тит, двинувшийся на помощь к растерявшемуся легиону.¹²³¹ Наступившая Пасха на время отвлекла внимание осажденных от Римлян, что значительно помогло подвинуть вперед их осадные работы.¹²³² В городе за это время также произошла маленькая перемена к лучшему, хотя не без новых потерь для города. Вынужденные отворить храм народу для празднования Пасхи, затворники партии Елеазара были вытеснены Иоанном Гисхалой, и в городе стало меньше на одну враждебную партию, совершенно стушевавшуюся за другими двумя – Иоанна и Симона.¹²³³ Несмотря на продолжение вражды, осажденные не переставали отучать Римлян от излишней самонадеянности и беспечности новыми опытами своего единодушия и мужества, когда дело доходило до борьбы с внешним общим врагом. Один из ближайших таких опытов послужил Римлянам особенно прекрасным уроком, познакомив их с особой **силой**, бывшей у Иудеев в распоряжении против своего врага; это – их удивительная изобретательность и хитрость. Часть Иудеев, показывая себя как бы выгнанной из города за протесты «друзьям мира», в суетливой растерянности начала бегать между Римскими аванпостами и затворенным городом, в то время как мнимые «друзья мира» знаками и криками манили к себе насторожившихся Римлян, обещая отворить им ворота. Уловка удалась как нельзя лучше: отряды Римлян двинулись к городу; но едва только подошли к его стенам ближе, как были осыпаны страшным градом камней и стрел, причем и мнимые изгнанники, рассеявшиеся при первом движении врагов, оказались у них в тылу; в результате всего этого было страшное поражение и позорное бегство Римлян, весьма разгневавшее Тита.¹²³⁴

Чем более успевали Римляне в осадных работах, подвинув их наконец настолько, что являлась возможность доставать стены города стенобитными машинами, – и чем лучше, следовательно, город стал чувствовать свою опасность, тем сильнее возрастала энергия осажденных, тем более начинали они понимать, как дороги в эти минуты общее единодушие и пожертвование личными интересами. Откинув на время вражду, обе партии смешались во имя общей работы и устроили целый ряд удачных совместных вылазок, во

время которых им удалось сделать жертвой пламени значительную часть стенобитных сооружений, и только личная храбрость и присутствие Римского вождя помогли отстоять от полного уничтожения плоды многодневных усиленных работ и прогнать Иудеев в город. Трофеи Римлян, выразились при этом – кроме убитых одни Титом 12 человек¹²³⁵ – в пленении одного Иудеянина, которого «милостивые победители» сейчас же распяли в виду города, обращая эту жестокость в средство к ослаблению упорства непокорных.

Задав эту острастку¹²³⁶, Римляне принялись с особенной энергией громить стены и метать камни в осажденный город. Через 15 дней (7 Артемизия – Ijjar, май) непрерывного упорного труда им удалось пробить брешь в первой из трех стен города, которая, затем, была тотчас же оставлена Иудеями во владении Римлян, в надежде на две другие¹²³⁷; спустя пять дней пала и вторая стена. Занимая отрядами войск ограждаемую ею часть города, Тит сделал еще раз попытку подбить Иудеев на перемирие; ответом на это было объявление смерти всем, кто заикнется о сдаче, и отчаянный натиск на Римлян, наступавших на узкие улицы города. Когорты не выдержали этого натиска и с большими потерями попрятались опять за проломанную брешь. Три дня после этого Римляне возобновляли свои приступы и, столько же раз отбиваемые Иудеями, лишь на 4-й день вытеснили их и из этой части города.¹²³⁸ Дальнейшие заботы Тита состояли в том, чтобы провести штурмовые валы под «верхним» городом и особенно башней Антония, взятие которой делало неизбежным падение города столько же, сколько с другой стороны необладание ею и храмом делало затруднительным и владение городом. Это была и сама по себе одна из труднейших задач осады, значительно затруднявшаяся еще исключительным мужеством защищавших подлежавшие блокаде пункты (Верхний город – Симон Вар-Гиора, Антонию – Иоанн Гисхалиянин, V, 9, 2; ср. 11, 4). Соразмерно трудностям этой задачи, ожидалось сильнейшее и кровопролитие, предупреждая которое Тит обратился еще раз к услугам Иосифа, чтобы склонить осажденных к сдаче.¹²³⁹ Несмотря на начинавший уже давать себя чувствовать недостаток провианта, мужественные защитники города наотрез, однако же, отказались от всяких компромиссов, и – сколько бы не усиливался наш историк нет дифирамбы Римскому милосердию, приходится установить, что сам Тит в значительной мере своим далеко нетактичным образом действий лишал себя всякого права на другой, а не на такой ответ (не говоря уже о том, что отказ Иудеев по существу своему заслуживает, во всяком случае, безграничного уважения и удивления мужеству и стойкости боровшегося до последней капли крови за свою свободу народа). Ежедневно целыми сотнями голод выгонял осажденных из города, причем попадавшие в руки этих «милостивых победителей» и были тотчас же зверски мучимы и распинаемы на крестах на глазах осажденных, или – что еще хуже – с изуродованными членами прогонялись обратно в город.¹²⁴⁰ Бесчеловечно это было и потому, что практиковалось как средство к устрашению осажденных и сломиению их упорства, и потому, что было слишком жестоко для добровольных пленников,

и потому, наконец, что при многочисленности этих перебежчиков практиковалось во избежание слишком хлопотливого надзора ни попечения и специальной прикомандировки особой к ним стражи.

После 17-дневных усиленных работ (29 Аргемизия – Ijjar, май) остававшиеся в руках Иудеев позиции оказались за двойной чертой внушительного вида валов. Симон и Иоанн терпеливо выжидали их окончания, чтобы одним усилием сразу привести к нулю эти грандиозные работы. У башни Антония план этот удалось выполнить Иоанну очень удачно тем, что незаметно для Римлян он провел подкоп под чертой валов, поддерживая до времени их легкими подпорками, а потом, подложив огонь, в один миг обратил все в простые развалины. Не менее удачно покончил с сооружениями Римлян у своего убежища Симон. Здесь дело разрешилось совсем просто. Горсть смельчаков из осажденных прямо бросилась с факелами к пододвинутым машинам, и – прежде чем Римляне, ошеломленные столь отчаянным бесстрашием, оправились от своей растерянности, огонь успешно сделал свое дело, в то время как Иудеи били и гнали Римлян вплоть до самых укреплений лагеря.¹²⁴¹

Потеряв надежды взять город обычными осадными приспособлениями, Тит решил добиться его падения измором, отрезав всякую возможность провоза в город съестных припасов, недостаток которых уже давно стал бедственно ощущаться для осажденных. С этой целью весь город был обнесен сплошной стеной¹²⁴², которая в 3 дня высоким поясом опоясала окружность в 39 стадий и, снабженная 30 обширными, по 10 поприщ, башнями для стражи, прекращала всякое сообщение города с внешним миром.¹²⁴³ Бедствия голодовки с принятием этой чрезвычайной меры не замедлили тотчас же обнаружиться в городе со всеми ужасающими подробностями, и хотя бы только на половину было близко к истине то, что рисует нам много вещательное перо Иосифа, все таки положение порока на столько должно было быть безотрадным¹²⁴⁴, что лишь Иосиф и мог делать упрек Иоанну за употребление свящ. елей и свящ. вина для потребностей находившихся в столь тяжких обстоятельствах.¹²⁴⁵ С другой стороны, когда наш историк восхваляет Римлян за их соболезнавание крайним бедствием осажденных¹²⁴⁶ и слагает всю вину за эти действия на последних¹²⁴⁷, то вполне законно представить в противовес этому и в укоризну Римлян их злорадное поддразнивание голодавших обилием показываемой пищи, не говоря уже о бесчеловечнейшем обхождении их с предававшимися им перебежчиками.

Одновременно с тем, как голод делал свое ужасное дело, – на помощь ему, для ускорения гибели города, Тит снова велел рыть валы и бить стены новыми машинами, деревья для которых пришлось свозить за 90 стадий (4½ ч.) от Иерусалима.¹²⁴⁸ В 21 день новые работы были готовы для открытия штурмовых действий. Наступала минута, решительная не менее для самих Римлян, чем для осажденных, потому что, по сознанию Иосифа, и у Римлян, наконец чувствовался недостаток в припасах и крайний упадок духа. От судьбы новых машин зависела, т.о., во многом судьба города: Иудеи не сомневались, что он будет взят, если им не удастся их сжечь; Римляне не

сомневались, что он никогда взят не будет, если им не удастся пустить их в дело. Новая вылазка Иоанна к Римским сооружениям, охранявшимся усиленной стражей, не замедлила (1 Panemos == Tamnus, июль), но отличалась от прежних недостатком энергии и храбрости¹²⁴⁹ и не привела ни к чему. Не порадовало на первых порах особенной удачей и Римлян действие их новых машин, которые оказывались совершенно бессильными поколебать огромные скалообразные камни стены. К несчастью для Иудеев, для них оказался предательским тот самый подкоп, которым они так блестяще воспользовались для разрушения первых попыток Римлян и который в одну из ночей вдруг дал обвалы, увлекшие с собою часть стены. Прежде чем, однако, Римляне успели воспользоваться этим легким устранением непреодолимого препятствия, удивленному взору их предстала за развалинами новая стена, выстроенная предусмотрительно Иоанном, и хотя менее крепкая, но с большими опасностями для приступа. Эта опасность, впрочем, грозила собственно только тем немногим смельчакам, которые первыми осмелились бы взобраться на стену. На воодушевительный вызов Тита¹²⁵⁰, на этот подвиг вызвался (3 Панема == Tamnus, июль) сирийский солдат Сабин и его 11 товарищей, из коих только 8 удалось оттащить смертельно ранеными; остальные и сам Сабин поплатились жизнью. Два дня спустя (5 Panemos) две дюжины других смельчаков вызвались повторить опасную попытку, удавшуюся только потому, что для нее воспользовались глубокою ночью и преступным сном стражей. После этого, Римлянам удалось проникнуть в Антонию, тотчас оставленную Иудеями, которые особым подземным ходом перешли ко храму, отразив все попытки проникнуть туда же Римлян.¹²⁵¹

С падением Антонии, которая тотчас же занята была Римскими войсками¹²⁵², положение Иудеев сделалось еще более безвыходным и отчаянным. Знаменательно, что – несмотря на военную сутолоку и крайнюю голодовку, только теперь (17 Panemos == Tamnus, июль) прекращены были ежедневные утренние и вечерние жертвы, и при том не столько ради самого голода, сколько «по недостатку людей».¹²⁵³ Это печальное обстоятельство было поводом для Иосифа еще раз попытаться тронуть народ на добровольную сдачу¹²⁵⁴, а для Тита, после безуспешности Иосифовой попытки, поощрением на ночной решительный приступ к храмовой позиции, отбитый, впрочем, на всех пунктах.¹²⁵⁵

Неизбежным оказалось и здесь возведение предварительных работ для правильного штурма, что было весьма затруднительно по недостатку строевого материала, которого не оказывалось совершенно ближе 100 стадий (5 часов пути) от Иерусалима: настолько вся окрестность, изобиловавшая некогда садами и рощами, представляла жалкое зрелище.¹²⁵⁶ Не смотря на это, четыре вала скоро грозной стеной стали пред галереями, окаймлявшими храмовую площадь. Но и это еще не устраняло последнего препятствия к победе над Иудеями и не роняло их отчаянного мужества: в центр храмовой площади оставался еще окруженный крепкими стенами внутренний двор, который и после потери внешних галерей представлял надежное и способное для защиты убежище. Между тем, недешево обходилось Римлянам взятие и

внешних галерей, на который Тит прежде всего должен был обратить свои силы. Особенно тяжкие потери несли Римляне от беспрестанных вылазок и хитрости Иудеев. Один из таких приемов (27 Рапemos) стоил, жизни немалому числу Римлян, когда Иудеи заманили их в одну из галерей (западную), наполненную горючими веществами и потом зажженную. Пламя с такой быстротой охватило галерею, что несчастные сгорели прежде, чем успели оставить ее; многие гибли от отчаянных прыжков обратно за галерею или на площадь храма, где они массами гибли также и от меча Иудеев.¹²⁵⁷

Когда валы были совершенно кончены (8 Лоя == Ab, август) и тараны пододвинуты, закипела штурмовая работа. Результатов, впрочем, она давала слишком мало: шесть дней и прежде тараны громили и подкапывали одну из стен без всякого успеха, почему Тит приказал наконец прибегнуть к помощи огня, подложив его в воротах к храму и, таким образом, открыть путь на внешнюю площадь.¹²⁵⁸ Страшное пламя целые сутки (день и ночь) пожирало обширные великолепные храмовые портики, и к утру следующего дня этой преграды более не существовало. Перед тем, как сделать последний приступ на внутренний двор храма, в особом военном совете, созванном Титом (9 Ab), постановлено было самый храм щадить.¹²⁵⁹ Но это было во власти рока. Приступая к описанию гибели чудного здания, Иосиф спешит объявить «началом и причиной несчастья самих Иудеев». Из его рассказа, однако, виной Иудеев является только то, что они сделали 2 вылазки на занимавшихся тушением галерей солдата, да разве еще то, что во вторую из этих вылазок они не могли устоять, позволили гнаться за собой солдатам до самого святилища.¹²⁶⁰ Но, конечно, едва ли Иудеи виноваты в том, что «в сие время один воин, не ожидая ни от кого повеления и не боясь такого дела, Божьим неким побуждением схватил горящего вещества и, приподняв будучи другим воином, повергнул огонь чрез златую оконницу» внутрь храма. Впрочем, если трудно поверить, что величайшее из несчастий, позорнейшее из деяний, пятнающих честь Рима, объяснялось столь легко, то сам Иосиф помогает в этом затруднении, когда говорит, что попытка **одного** обратилась сейчас же в дело **многих**: «каждый поощрял ему предшествующего, чтобы зажигал... притворяясь, что не слышит Титовых повелений», а правильное рассуждая – «одолеваясь гневом и ненавистью к Иудеям и в пылу жаркой схватки с ними». Напрасно старается при этом Иосиф подчеркнуть энергичные усилия Тита («да не будет покоя его костям!» – вот обычное дополнение раввинистической литературы к упоминанию одного имени Тита) остановить пожар; как-то плохо вяжется это с тем, что, в то время как пожар усиливался, он «вошел с военачальниками во святилище», спокойно обзоревая все бывшее в оном, и затем, когда «один из воинов» – и именно «вошедших с Титом... подложил огонь в темноте под самые ворота», и этот огонь тотчас же показался во внутренности, «тогда военачальники с Кесарем пошли назад», и «никто вне находящимся зажигать не препятствовал». Все это вместо Иосифовского вывода: «таким образом сожжен храм противу воли Кесари», – вывода столь мало вытекающего из предшествующего, заставляет скорее сказать, что **храм был сожжен если не прямо с поощрения Кесаря**, то во

всяком случае по его не менее преступному **непротиводействию зажигателям**.¹²⁶¹ Надо сказать более: пусть Иосиф заставляет своего человеколюбивого Тита глубоко сожалеть о разрушении храма, объяснял последнее делом случая или воли Божьей. Но один из тогдашних поэтов, прославляя Тита, говорил, не опасаясь, что его слова не понравятся Титу: «почерневший от пыли Иерусалимского боя, **он бросает зажженную стрелу и истребляет все!**». Не менее ясное свидетельство о том же находим у другого известного писателя V в. Сульпиция Севера, прямо приписывающего разрушение храма самому Титу; вероятно, так говорил и сам Тацит, которому вообще следовал Сульпиций и рассказ которого о конце Иудейской войны не дошел до нас: «говорят, что Тит созвал военный совет и спрашивал, должно ли разрушать такое здание, как храм. Некоторые полагали, что не следует уничтожать посвященного Богу здания, превосходящего великолепием все другие человеческие сооружения, что сохранение храма будет свидетельством кротости Римлян, а его разрушение опозорит их неизгладимым пятном жестокости; но другие, **и в том числе сам Тит**, говорили, что **необходимее** всего разрушить **именно храм**, чтобы совершенно искоренить веру Иудеев и христиан, потому что эти два вида веры, хотя враждебны один другому, имеют одно и то же основание, что христиане произошли из Иудеев, и если истребить корень, то легко погибнет и ствол дерева. По Божественному внушению, этим воспламенились все умы, и таким образом храм был разрушен» (см. 2-е примечание к пред идущей 472 странице). Правда, Грец (Geschichte der Juden) силится подорвать значение этого свидетельства замечанием, что христианская община, очень малочисленная, едва ли была известна Титу хотя бы только по имени. Но стоит только припомнить, сколько много говорено было о христианах в Риме при царе Нероне, чтобы потеряло всякую силу это замечание Grätz'a (Вебер, Вст. Ист. 1892 г. IV, 242, 243).

Эта последняя гибель храма, по замечанию Иосифа (VI, 4, 5–8), совершилась в тот самый месяц и день, в который некогда сожжен он был и Вавилонянами (10 Лоя == Ab.).¹²⁶² По свирепствам, сопровождавшим это сожжение, последнее было горше всех прежних бедствий Иерусалима, так что не хотел да и не мог скрыть этого сам Иосиф. Все, что подверглось под руку – дети, старцы, мирские, священники – все погибало от меча победителей. Пламя, поддерживаемое варварами, свирепствовало так, что «казалось, пылал весь холм, на котором стоял храм!». ¹²⁶³ Последние напряжения защищавших доходили до того, что «священники ломали спицы, покрывавшие карнизы храма, и бросали ими во врагов; в них же летели свинцовые осколки священнических седалищ, разламываемых ими; наконец, защита увенчалась героически-трогательным поступком: **два знатнейших представителя священнического сословия**¹²⁶⁴ («вместо того, чтобы – по примеру малодушного Иосифа – спасти себя, перебежав к Римлянам, или – что, по крайней мере, не так бы кололо его больной глаз! – с прочими оставшись, ожидать одной участи») **бросились в огонь, и так сгорели вместе с храмом**, не хотя пережить его гибели и принося на его священном пламени последнюю жертву преданности и любви к своей святыне». Их

пример нашел себе многих и других подражателей. Какой тяжкий укор Иосифу, и как он плохо старается стушевать его!

Не менее плохо и без всякой надобности он старается несколько оправдать народ в вовсе непростительном упорстве, хотя и не обезвинить его вовсе, горько жалуясь на обольщавших его лжепророков и лжетолкователей, делавших его глухим и слепым к истинным знамениям и предречениям, в большом количестве предшествовавшим падению города. По его словам, эти «прелестники» были послушным орудием в руках «мятежников», чтобы действовать на народ. Нужно было удержать выселение из города? – сейчас является лжепророк и обнадеживает народ скорым избавлением. И несчастные верили, потому что в несчастьи особенно верится тому, чего хочется. И обманчивые речи этих обольстителей, выдававших себя за посланников Божьих, определяли собой поведение жителей Иерусалима. Истинных знамений, предвозвещавших гибель народа, никто не толковал, как следует, и никто даже им не верил. Ум оупел, глаза ослепли как будто нарочно, чтобы не понимать предвозвещений свыше. Иосиф приводит и некоторые из таких предвозвещений. В продолжение целого года над Иерусалимом виднелась комета в виде меча. За год до восстания Иудеев, когда народ собрался в храме на праздник опресноков, 1 Марта, в 9 часу ночи (3 ч. утра) алтарь и храм осветились вдруг сильным светом, светившим в продолжении получаса. Невежды объяснили это, как счастливое предзнаменование, но книжники тогда же говорили, что быть бедам. В тот же праздник телица, приведенная первосвященником к жертвеннику, отелилась ягненком (!?). Восточные медные ворота, отличавшиеся такою массивностью, что запирались не без труда 20-ю человеками, однажды в полночь вдруг с шумом распахнулись. Это хотели толковать как предзнаменование того, что Бог открывает народу врата своих благодеяний. Но ученые и книжники поняли это как знаменование опустошения после того, как врата храма отворятся для врагов без всяких усилий. В тот же год, вскоре после праздника опресноков (14 Апр. – «я бы счел это басней, говорит Иосиф, если бы самое событие не было свежо в памяти очевидцев»), после заката солнца в воздухе показался необыкновенный мираж: разъезжающие колесницы, бегущие сквозь облака войска и осажденные города. В праздник Пятидесятницы священники, входившие ночью в храм пред богослужением, слышали страшное смятение и шум, причем хорошо различался голос как бы множества народа: «уйдем отсюда!». Не менее удивительным было предзнаменование некоего простолюдина Иисуса, сына Ананова, который за 4 года до войны («когда народ наслаждался миром – это во времена-то **Альбина?** – и изобилием всего») на празднике Кущей вдруг стал ходить по всему городу с воплем: «Глас от Востока! Глас от Запада! Глас четырех ветров! Глас против Иерусалима и храма! Глас против мужей и жен! Глас против всего народа!». Немало наказаний претерпевал этот юродивый за свои угрозы и, несмотря на самые страшные пытки и допросы Альбина, не переставал вопить одно: «горе, горе Иерусалиму!». Семь с половиной лет раздавался этот вопль, который смолк при появлении Римского войска, как бы видя свое исполнение. Но вот в

один из дней осады, когда стены были усеяны защитниками, этот вопль еще раз зловеще огласил Иерусалимские стены: «Горе, горе городу! Горе храму! Горе народу!»... «Горе и мне!» – закончил свою печальную проповедь этот несчастный, которого в ту же минуту поразил пращный камень неприятелей, подтвердив его приговор над собой и уверяя всех в непреложности приговора его и над всем остальным.

«Кто захотел бы поразмыслить об этих событиях, добавляет Иосиф, имел бы достаточно данных убедиться, что Иудеи были сами виновны в своей гибели, стремясь в своей слепоте добровольно в разверзтую пред ними пучину. Так, например, когда была разрушена башня Антония, окружность храма сделалась 4-угольной, а в пророчествах, было написано (?), что город и храм будут разрушены, как только окружность храма сделается четырехугольной. Особенно возбуждало Иудеев к поддержанию войны «двусмысленное пророчество» священных книг о том, что **вышедший из их страны сделается владыкой вселенной**. Они применяли это пророчество к себе самим (являясь в данном случае не более невежественными своих книжников, так же толковавших это пророчество). Между тем, по убеждению нашего Иосифа, это предречение именно указывало на царство Веспасиана, провозглашенного императором действительно в их стране. И именно за недоверие этому-то предречению, Иудеи наказаны гибелью народа и отечества».

Если прав Иосиф отчасти, укоряя своих соотечественников в слепоте, то – о! в какой гораздо отчаяннейшей слепоте закоснел он сам! Мы не знаем ничего в священных книгах о четвероугольной форме храма, как пророчестве и признаке наступления гибели города и храма, которое он приурочивает к разрушению башни Антония – этого чуждого храму и даже враждебного ему здания, вдававшегося углом во двор храма и действительно нарушавшего 4-угольную форму храмовой площади. Что касается, затем, другого пророчества о «Царе из Иудеи как Владыке вселенной», то только гнуснейшая лесть к своему покровителю и ужаснейшая слепота могли заставить Иосифа применить это, несомненно, Мессиянское пророчество (Быт.49:10; Пс.2:6–8) к Веспасиану. Правда, только меньшинство из Иудеев, к которому не принадлежал Иосиф наравне с остальным большинством, постигли истинный смысл этот пророчества и уразумели самое его исполнение, с того времени как разрушение Иерусалима положило конец самостоятельной жизни Иудейского народа, и все народы начали покоряться вышедшему из Иудеев Царю Христу Спасителю; но Иосиф в своей слепоте превзошел всякое большинство, один дерзнув провозгласить сосредоточение священнейших надежд народа Божьего в царе-язычнике, о котором даже сами язычники были далеко не совсем лестных отзывов.¹²⁶⁵

Проследим дальнейшие данные Иосифа о судьбе Св. Города. Как только стало утихать пламя пожарища, римские легионы, пресытившись убийствами и утучнившись добычей, водрузили на обгорелых развалинах свои знамена и, принеся благодарственные жертвы, в громких приветствиях провозглашали Тита именем императора.¹²⁶⁶ Между тем, остатки защитников не теряли

мужества к отчаянному сопротивлению – по крайней мере, не хотели, не шли сдаваться. Несколько священников, перебравшись с крыши храма на стену его, пять дней сидели здесь в борьбе между жизнью и смертью. Поступок отсиживавшегося с ними мальчика, который вымолил у римских часовых позволения напиться воды и с наполненным ею кувшином успел опять ускользнуть на стену, оправдываясь на упреки солдат, что не злоупотребил милостью, так как приходил лишь напиться, а не сдаваться, – приближает к нашему пониманию состояние духа этих несчастных, которые – если б только это было в силах человеческих – готовы были – казалось – вечно сидеть подле своей поруганной святыни с единственной отрадой жизни, что они «видят» ее хотя бы в развалинах. Наконец, измученные духом и телом, они стали склоняться к мысли о сдаче. Несчастные, они понадеялись на лучшую участь? Но конечно, они предпочли бы никогда не прибегать к этой надежде, предпочли бы умереть хотя бы самой ужасной добровольной смертью, если бы только знали на свои просьбы о помиловании бесчеловечнейший ответ Тита: «время милости прошло; то, ради чего я охотно бы вас помиловал, погибло по вашей вине: справедливость требует, чтобы и священники понесли ту же участь, до какой они довели и свой храм!». Их, конечно, утерли.

Не мало героизма проявили Симон и Иоанн Гисхала. Раздираясь зрелищем объятых пламенем святилища, они с яростью умирающих львов бросались со своими сподвижниками на трепетавших в алчном разыскивании добычи – Римлян. Живые непроницаемые стены последних не могли выдержать напряженных отчаянием сил и раздались, открыв им путь отступления в верхний город, на гору Сион. Здесь, около его еще нетронутых грозно стоявших укреплений сплотились разъяренные сподвижники Симона и Иоанна, готовые отстаивать до последней капли крови последние остатки своего отечества, поработаемого его смертельными врагами. Была минута, когда в этой последней отчаянной решимости, по-видимому, заметно было колебание: вожди Иудеев «потребовали переговоров с Титом». Надеялся ли он, действительно, на большую сговорчивость Иудеев и на возможность спасти хотя остаток города¹²⁶⁷, только он дал свое согласие на переговоры, состоявшиеся на юго-западном углу храма, где мост чрез долину Тиропеон соединял храм с верхним городом. Это была торжественная знаменательная минута. Римляне стояли по одну сторону долины, Иудеи по другую, – и другие густой толпой. Те с едва сдерживаемым негодованием, эти в смиренной задумчивости и нерешительной покорности. Запретив своим всякое обнаружение гнева и враждебных попыток, Тит, через переводчика, первый по праву победителя возвысил голос. Вот главнейшие мысли его любопытной речи в передаче ее Иосифом, которые в интересах истины мы, где следует, должны снабдить не излишними замечаниями:

«Ну, насытились ли вы несчастьями вашего отечества?! Безумцы! вы не взвесили нашей силы и собственной слабости. Своим глупым увлечением и своей слепой яростью вы погубили свой народ, свой город и свой храм. Справедливо постигла вас эта гибель: с самого того времени, как вы были побеждены Помпеем, вы непрестанно находили поводы **(? а кто их давал?)**

Не Рим ли?) к возмущениям и покончили открытым бунтом и объявлением войны Римлянам. И что вас подбило к войне? Многочисленность? Но ведь пред вами только ничтожнейшая часть Римского войска... (Конечно, не многочисленность, а нестерпимый гнет: при том – только Римлянам свойственно считать многочисленность и силу правом для поглощения меньшинства и слабости. Иудеи бóльшего не желали, кроме свободы в своих национальных особенностях и на своей земле). Понадеялись вы на ваши физические силы? Но вы знали, что и Германцы сделали вашими рабами **(Пустое и бесполезное внушение! Борьба за свободу сильна нефизической силой, а своей идеей).** Слишком верили вы в прочность ваших стен? Но чего стоит какая бы то ни было стена в сравнении с морем-океаном? А Британцы, огражденные океаном, покорились Римскому оружию **(Пустое самохвальство! Не хуже всякого моря-океана Иерусалимские стены не уступили бы никогда Римскому оружию, если бы, к несчастью, междоусобия и недостаток единодушия в самый разгар войны не ослабили силы Иудеев).** Рассчитывали вы на твердость и хитрость ваших вождей? Но вы очень хорошо знали, что и сами Карфагеняне погибли под нашими ударами **(Да, но и при всем том едва ли бы погибли Иудеи, если б хоть немного среди их вождей поменьше было Иосифов, и побольше свободы – Симонов и Иоаннов).** Только одно снисхождение к вам Римлян восстановило вас против них **(Эту нелепость о снисхождении не стоит и опровергать).** Сначала мы сохранили независимость вашей страны **(да она и не искала сама Римского рабства!)**, дали вам царей из вашего же народа **(Иродов?)**, мы оставили вам ваши законы **(еще бы!)** и **дозволили (скажите, какая милость?)** вам жить по этим законам не только в своей стране, но и среди других народов, как вам было угодно; еще больше – мы дали вам право требовать дань во имя вашего Бога и принимать дары **(Как в самом деле неблагодарны Иудеи к Римлянам, когда им должен быть так благодарен Сам их Иегова!)**... И в благодарность за все эти благодеяния вы воздали нам одними неприятностями, вы, подобно ехиднам, изрыгали свой яд на ваших же благодетелей **(что может быть нелепее и смешнее этого?)**. Пусть так, в глупостях Нерона был повод для вас отнестись к нему с презрением; но мой отец явился в эту страну не наказывать вас за ваше поведение..., а просто для того чтобы дать вам внушение и принести успокоение **(и для этого надо было собирать легионы?)**; если бы он имел намерение уничтожить ваш народ, он бы разом истребил зло в его корне **(и однако ж, не посмел!)**; он бы, во-первых, уничтожил этот город **(если бы только его самого не уничтожили как Цестия!)**, а вместо этого он занялся усмирением Галилеи и окружающих областей, чтобы дать вам время одуматься **(а как же, однако, Иосиф (IV, 6, 2–3) в другом месте нам говорил, что это было сделано с целью дать время Иудеям самим истощить свои силы в междоусобиях?)**. Эту доброту с его стороны **(вернее – солдатскую расчетливость!)** вы приняли за слабость, и его снисхождение **(нет, это был целый жестокий замысел; чем раньше Веспасиан подступил бы к стенам города, тем**

гибельнее было бы это для него самого и тем больше сил сберег бы он в Иудеях для борьбы с врагом) только подогрело вашу дерзость. Умер Нерон; междоусобная война поставила империю в трудное положение. И вот в этом то и есть ваше величайшее преступление, что вы воспользовались именно этими затруднительными обстоятельствами империи для того, чтобы еще более увеличить их своими дерзкими притязаниями **(как же после этого назвать на язык Римлян вышеупомянутый прием Веспасиана, старавшегося поддерживать такие же затруднительные обстоятельства в Иудее, чтобы потом воспользоваться ими? И ужели отстаивание не утраченных вовсе прав на свободу – дерзкое притязание?)**... Вы не постыдились продолжать свой бунт против признанных императоров, когда они на опыте **(горький опыт!)** доказали себя самыми человеколюбивейшими вождями (!)... То печальное повеление, которое я пришел пополнить над вашим городом, отец мой дал нехотя (?). Поэтому, я возрадовался, услышав, что народ желает мира **(когда?)**. Еще до открытия военных действий я просил вас отказаться от войны **(на каких условиях? па прежних невыносимых?)** Долго я щадил вас в битвах (?). Я не отвергал перебежчиков и **(распинал их на крестах!)** верно (?) держал данное им мною слово... Против сердца употреблял я стенобиты против ваших стен, и всегда сдерживал моих солдат, жаждавших вашей крови. Когда я добрался до вашего святилища, я снова забыл военные законы: я умолял вас пощадить ваше святое место и сохранить храм для вас же самих...; если уже вам хотелось войны, я предлагал вам избрать для битвы другое место. Но вы все презрели! Вы сами зажгли храм собственными руками **(мы уже знаем, что Иудейским «Геростратом» был сам Тит, и значит – Иосиф здесь бессовестнейшим образом клеветает на своих соотечественников, отстаивая честь Кесаря в событии, которое тот даже и не способен был считать для себя позором!)**. И только теперь, злодеи, **(что должны были чувствовать бедные Иудеи при этой нетактичности Тита, на которого им хотелось теперь надеяться?)** вы, наконец, захотели вступить в переговоры. Что вы хотите теперь спасти? Какой милости вы достойны **(где уж милости, хотя бы простого уважения к удивительнейшей храбрости!?)** после разрушения храма? Вы доведены до последней крайности, а все еще стоите предо мною с оружием в руках; вы только притворяетесь умоляющими. Несчастные, чего вы ждете? Ведь ваш народ уничтожен; храм погиб, город в моих руках, все имущество ваше в моей власти **(слезы крокодила!)**. Кладите оружие, сдавайтесь, я сохраняю вам жизнь, как милостивый господин!». ¹²⁶⁸

Но – не того хотели до конца верные себе храбрецы! С ядовитой бранью простираемая милостыня Тита в виде жизни была для них в эти минуты оскорбительнее и несноснее самого позорного наказания и смерти, и – если бы они были готовы хотя на самый меньший позор, быть может приняли бы ее. Но они не нашли в себе сил даже и для этого, они не могли сдаться, после того как поклялись ни в каком случае не делать этого, и требовали от великодушия Тита лишь одного – позволить им со своими женами и детьми

свободно перейти противоокопы и удалиться в пустыню¹²⁶⁹ докортать там свою плачевную жизнь. Только не понимавшему этих удивительных героев идеи Титу, да не хотевшему сознаться в понимании их Иосифу – это классически-трогательное требование могло казаться нелепостью, компрометирующей честь победителя. Во всяком случае, Тит с негодованием отверг их просьбу, прозвучавшую для него прямой дерзостью, что эти люди, на деле уже пленные, осмеливаются предлагать ему условие как бы победители. Последовал классически-жестокий ответ – отказаться в таком случае от всякой надежды на помилование и принять меры к ограждению своей жизни, по отношению к которой Римляне желают воспользоваться всеми строгостями в духе войны. Вслед затем, по вандальскому повелению Тита, – Офла, архив, судилище, нижний город (до Силоама) отданы были в добычу пламени. Вся добыча, однако, какую могли при этом получить Римляне, уже была в руках Иудеев, захватившие с собой все, что поценнее, в верхний город. Здесь, запертые и сплотившиеся Иудеи решили стоять до последней крайности, соблюдая клятву не сдаваться и отсрочивая свою участь до полного уничтожения города и храма. Можно не видеть ничего жестокого в том, что при таком настроении Иудеи были не в силах сдержать свое презрение к нескольким заменившимся в их среду жизнелюбцам, обнаружившим попытку перебежать в лагерь Рима, и смертельными ударами предупреждали таковых в позорном малодушии.¹²⁷⁰

Для взятия верхнего города Тит еще раз должен был прибегнуть к проведению насыпей – этой весьма трудной и неудобной операции в особенности здесь, при крутизне окружавших со всех сторон эту часть города обрывов и при недостатке строительного материала. Более полумесяца (с 20 Лоя == Аб, август, до 7 Горпия == Елул, сент.) длились новые работы, и в результате их позиция Иудеев с двух сторон грозными насыпями была сделана доступной для уязвления (у северо-зап. угла верхнего города близ дворца Ирода, и у северо-восточного – близ, т.н., Ксистос). К несчастью, Иудеи, изнуренные продолжительными бедствиями осады и много разочарованные в своих надеждах, оказывались все менее и менее энергичными в противодействии Римлянам, и последние с меньшими, чем можно было ожидать от такой позиции, усилиями стали вытеснять из нее засевших. Уступая невозможности противостоять долее врагу, Иудеи начинали искать спасения, кто как мог, и беспомощно опускали утомившиеся в непосильной борьбе руки. Долее других не склонялись пред этой тяжелой необходимостью достойные вожди Иоанн и Симон, которые после геройской, но неудачной попытки пробиться сквозь цепь Римлян, скрылись в подземельях Силоамского оврага.¹²⁷¹ Не успевшие или не догадавшиеся сделать этого беспомощно повергались на землю, заглушая горькими воплями о своей участи – крики неистовствовавших и не щадивших никого и ничего Римлян. Впрочем, они и сами себя уже не хотели щадить после того, как приходилось переживать гибель отечества. И есть особенная трогательность в том беспримерном событии, что до 11.000 согнанных во «двор женщин» пленников добровольно уморили себя голодом, не принимая пищи из руки своих врагов. До 97.000

пленников продано в рабство или погибло от руки гладиатора или от зубов диких зверей, потешая зрителей. Наконец, до 1.100.000 погибло за время всей осады (возможность последней цифры Иосиф пытается подтвердить статистикой (число жертв 256.500*20). Все же цифра кажется преувеличенной.

Так, после 5-месячной осады, Св. Город, наконец, пал от меча Римлян и навсегда похоронил в пепле и развалинах величие Израиля!¹²⁷²

Падение Иерусалима, дававшее Титу право на триумф, не было, однако, окончательным подавлением восстания Иудейского.¹²⁷³ Шайки повстанцев занимали еще сильные крепости – Иродион, Махерунт и Масаду, взятие которых было поручено тогдашнему памятнику Сирии и Палестины, Люцилию Бассу (Lucilius Bassus). Первая из них пала без особенного сопротивления; вторая держалась несколько дольше и могла бы доставить слишком много хлопот Римлянам, если бы не пленение последними одного отважного юноши – Елеазара, который своей участью – приговор к распятию – возбудил такое сожаление Иудеев, что они «для спасения его сдали весь город»; наконец, третья – Масада, брать которую выпало на долю Флавия Сильвы (преемника умершего Л. Басса), стояла упорнее всех, защищаемая сильным отрядом зилотов, под предводительством Елеазара сына Таирова, потомка известного Иуды Галилеянина, подобно своему предку не хотевшего признавать над собой ничьей власти, кроме Иеговы. Расположенная на вершине чрезвычайно высокой и обрывистой скалы, обнесенная несокрушимыми стенами – крепость эта перешла в руки Римлян при совсем необычайных условиях: 43-саженный холм должны были насыпать Римляне, чтобы сравнять уровень скалы с уровнем крепости и иметь возможность подвести к ее стенам свои стенобиты. Честь этого подвига, несмотря на все его трудности, удалось стяжать Римлянам. Удалось... после, долгих тщетных ударов и пробить первую стену. За открывшимся проломом, однако, тотчас-же показалась другая, которая, состоя из двух рядов брусьев, наполненных в промежутке землею, только уплотнялась и укреплялась еще более от грузных ударов тарана. Но когда и для этой преграды Римляне придумали гибель, подложив огонь, опоясавший тотчас же огненным кольцом всю крепость, защитники поздней прибегли к героически-трагическому средству спасти свою жизнь от меча и постыдного рабства Римлянам. Собрав около себя своих достойных сподвижников (около 1.000 человек), Елеазар в сильной речи убедил их погибнуть вместе с пылавшим городом «истинными Израильтянами», незнающими рабства «ни Римлянам и никому другому, кроме единого Бога»¹²⁷⁴, и... собственный меч Иудея тотчас же начал свою работу, предупреждая вражеский меч Римлян. После трогательных слезных прощаний, отцы и мужья первые ответили на нежные объятия дорогих своих – детей и жен – ударами мечей, ни на минуту не дрогнув рукой, не расслабляясь сердцем. Затем, обнимая дорогие сердцу трупы, несчастные один за другим принимали смертельные удары меча избранных 10 палачей. Когда, наконец, и из этих последних остался только один, среди груды трупов и зажженных зданий, и сокровищ, он твердой рукой вонзил и себе в грудь меч, пав на трупы своих товарищей. При гробовом молчании, вошли победители в никем не защищаемый город, и только 2

женщины и пятеро детей, как-то успевших скрыться в подземелье, могли поведать им страшную судьбу героев, оспоривших у Римского меча последнюю честь – кончить беспримерную в истории войну за независимость.¹²⁷⁵

Так погиб народ, взлелеявший Утеху всего человечества! Погиб не бесславно, но так, что из глубины совести всякий поистине может провозгласить: «ни один народ не погибал столь великим и достойным образом, как народ Иудейский!»...

Вся территория Иудейская, как собственность государственной казны, распродана была частным собственникам. Население ее, уцелевшее от ужасов войны, представляло один нищий слабый пролетариат; Иудейское начальство более не существовало. Установленная ежегодная дань, платимая Иудеями в пользу храма, пошла на нужды капища Юпитера Капитолийского. К истреблению народа Иудейского было, таким образом, сделано все, что только лежало во власти человека. Единственным объединительным пунктом, остававшимся народу, был его закон, верный которому до сих пор – этот народ, рассеянный по всему лицу земному, не хочет примириться с несбыточностью своих религиозно-политических надежд, и – олицетворяя современное пришествию Мессии ослепление народа Божьего, пребудет величественным и достовернейшим памятником Христовой истины до того предопределенного «конца времен», когда и этот «останок» сынов Израилевых (Рим.9:27) олицетворит полноту спасения, не ограничиваемую непокорством немногих!...

Примечания

¹ - Первый год Калигулы шел от 16-го Марта 37 г. – Так как Иосиф в заключении Археологи связывает свой 56-й год жизни с 13 годом Домициана, который шел от 13-го Сентября 93 года, то он не мог родиться до 13-го Сентября 37 г. Его рождение, таким образом, падает на период между 13 Сент. и 16 Марта 37/38 г. См. Wieseler. Chronologie des apostolischen Zeitalters, 98 стр.

² - Фл. Ἰόδ. βίος. Изд. Weidmannus. 1691 г. стр. 998 и д. Пособиями для биографии Иосифа и сведений о его трудах служили: Em. Schürer. Geschichte d. Jud. Volkes... I, 57–72 стр. и д. Ersch und Grüber. Allg. Encyclopädie. Jos. Fl.; Gerzog. Real-Encycl. Jos. Fl.; R. Cellier. Histoire gener. Aut. Saer. Fl. Jos., и др.

³ - Schürer, I, 57.

⁴ - Ersch und Grüber. Allg. Knc. Joseph. Fl.

⁵ - Περὶ ἀλώσ. III, 8. 9; Sueton. Vusp. c. 5. Dio Cass. LXVI, 1.

⁶ - Eusebius, Hist. Ecclesiae, III, 9.

⁷ - Такой исход этой опасной жеребьевки, как и весь рассказ не без оснований заподозривается некоторыми. Возможно, что Иосиф воспользовался другими, более верными средствами для прикрытия своего малодушия. См. об этом в подлежащ. месте.

⁸ - Photius, Biblioth. cod. 33.

⁹ - Schürer, I, 60–72; Herzog. Real – Encycl. VII, 110–111.

¹⁰ - Schürer. I, 61: Ἀρχ. заключ.

¹¹ - Ἀρχ. XX, 11. заключение.

¹² - Уже полнота деталей (в достоверности коих иногда нет никаких оснований сомневаться) в этом труде Иосифа показывает, что он необходимо должен был иметь в качестве источника для истории войны несколько подробных записей, сделанных во время самых событий, в которых участвовал и он или как действующее лицо, или хотя только как очевидец. Это, по крайней мере, много обуславливало обстоятельность истории осады Иерусалима, материалом для описаний внутреннего состояния коего служили ему, между прочим, показания перебежчиков (см. его собственное свидетельство, κατὰ Ἀπιδωνος, I, 9 и βίος, 65). Schürer, I, 61. – Herzog. R. Enc. VII, 110.

¹³ - Ἀρχ. XX, конец: καὶ τὸ θεῖον ἐπιτρέπη, κατὰ περιδρομὴν ἐπομνήσω πάλιν τοῦ τε πολέμου καὶ τῶν συμβεβηκότων ἡμῖν μέχρι τῆς νῦν ἐνεστῶσης ἡμέρας.

¹⁴ - Schürer. I, 67.

¹⁵ - Euseb. Historia ecclesiae, III, 10, 8 и д.

¹⁶ - cod. 33.

¹⁷ - Em. Schürer, I, 68.

¹⁸ - См. Schürer, примеч. II т. 478 стр.

¹⁹ - Ersch und Grüber, Jos. Fl. 110 стр.

²⁰ - Schürer, II, 766–769; I, 69.

- ²¹ - Schürer. II, 846–854.
- ²² - προοίμ. 4; I, 1, 1; 10, 5; III, 5, 6; 6, 6; 8, 10; IV, 8, 4; 44.
- ²³ - Schürer, I, 72; Herzog. VII, 110; Ersch und Grüber, Jos. Flav. 104 стр., 108 и д.
- ²⁴ - ib. 111 стр.
- ²⁵ - Ersch und Grüber. Allg. Enc. 108 стр.
- ²⁶ - Обыкновенно отсылавших к этому автору, как общепризнанному авторитету, языческих полемистов.
- ²⁷ - Epist. 22 ad Eustochium, с. 35 «Josephus, Graecus Livius»...
- ²⁸ - Таков, напр., Isaacus Uossius. см. ниже, «Хронологическая система Иосифа».
- ²⁹ - Ersch und Grüber. Jos. Fl. 107. Schürer, I, 71.
- ³⁰ - Ersch und Grüber. Jos. Fl.
- ³¹ - περὶ ἀλώσεως, III, 8 и д.
- ³² - Применением пророчеств о Мессии к Веспасиану и римскому владычеству.
- ³³ - Подозрительно здесь уже то, что Иосиф осыпается милостями Рима задолго прежде, чем мог заслужить их своей литературной деятельностью во славу Рима.
- ³⁴ - Herzog. Real-Enc. VII, 110.
- ³⁵ - Gerlach, 30 стр.
- ³⁶ - Schürer, I, 72. Ersch und Grüber. III стр.
- ³⁷ - Свидетельства древних об Иосифе собраны в издании Havercamp'a, в заметках к I тому Schürer, I, 72.
- ³⁸ - См. особенно Ἀρχ. XVI, 6, 8.
- ³⁹ - Для правильности понимания этих выражений Иосифа, необходимо не забывать его собственных уверений, что его труд состоял в том особенно, чтобы μετερμηνεύειν, т.е. не столько переводить буквально, сколько перифразировать свящ. текст, сообразно с планом его труда и требованиями исторического повествования.
- ⁴⁰ - Ἀρχ. XVI, 6, 8.
- ⁴¹ - Руководясь этими соображениями, Иосиф уже самым наименованием своего труда привлекает внимание образованного мира, заимствуя нарочито это наименование (Ἰουδαϊκὴ) Ἀρχαιολογία от Дионисия Галикарнасского, который в свою очередь взял его из Варроновых Antiquitates. Никто не знал или, по крайней мере, не хотел знать Еврейскую Историю такой древней, какова она была, и в укор, прежде всего этому невежеству Иосиф титулуется так свой труд. Ranke. Weltgeschichte. III, 13–14.
- ⁴² - Phil. Chasles. De l'autorité historique de Fl. Jos. 80 стр.
- ⁴³ - Gerlach. 30 стр.; Ersch und Grüber. 112, 114.
- ⁴⁴ - В качестве образчика, ссылаются на слова Abarbanel'a, comm. in Dan. X, pg. 7 (vgl. Arnold, epist. etc. pg. 171 seq.). Gerlach, 30.

- ⁴⁵ - «semipaganus». Dale (de orip. ac progressu idololatriae, pg. 136).
- ⁴⁶ - Reland, not. ap. Hav. «tantum quia gentibus scribit, ut si liaec iis fidem superare videantur, suo fruuntur arbitrio nec propterea a legendis reliquis quae fraditurus est absterreantur"... (Арх. XVII, 13, 5). Gerlach. 32.
- ⁴⁷ - Philostorgius in Suidae collectaneis s. voce φλέγων, Gerlach. 32.
- ⁴⁸ - Напр., Арх. I, 3, 9, и множ. др.
- ⁴⁹ - περὶ ἀλώσεως, проοίμ. I, 1.
- ⁵⁰ - Die Weissagungen des Alten Testaments in schr. d. Fl. Jos. 33–34.
- ⁵¹ - Strabo, lib. XIV; Plutarch, Alex. pg. 673.
- ⁵² - Арх. II, 16, 5.
- ⁵³ - Gerlach, 33 стр. примечание.
- ⁵⁴ - Die Weissagungen... 34 стр.
- ⁵⁵ - Ср. также кат. Ἀπὼν. I, 31 ff. II, 21.
- ⁵⁶ - Плутарх, см. далее, в подлежащ. месте.
- ⁵⁷ - Ersch und Grüber. Jos. Fl. 112.
- ⁵⁸ - Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить рассказы Тита Ливия, или еще лучше – сочинение Плиния Старшего, с одинаковой важностью передающего и сокровища своей науки, и нелепые сказки народного суеверия.
- ⁵⁹ - Арх. IV, 8, 10; κατὰ Ἀπὼνος, II, 33. Подобное поведение Иосифа тем более странно, что уже вначале, когда Иосиф говорит о различии между Моисеем и др. законодателями, он указывает правильную точку зрения для обсуждения иудейского закона, высказывая соображение: φανεῖται γὰρ σκοπούμενοις οὕτως οὐδὲν αὐτοῖς (Арх. проοίμ. § 4). С этой точки зрения, очевидно, и история народа, и непосредственное действие (откровение) Божественного всемогущества в ней не является в каком-либо странном свете. И Иосиф вполне мог оставаться на этой точка зрения, не скрывая, как тяжело должно быть это для язычников.
- ⁶⁰ - Ersch und Grüber, Jos. Fl. 114 стр.
- ⁶¹ - Справ. Исх. 4:10, 14, 15, 16 стихи.
- ⁶² - 3Цар. 4:30–34 и др. м.
- ⁶³ - Срв. об ессеях, περὶ ἀλώσ. II, 8, 6; см. Graetz. 469 стр.
- ⁶⁴ - Выражение самого Иосифа.
- ⁶⁵ - Арх. XVII, 1, 5; XVI, 10.
- ⁶⁶ - Περὶ ἀλώσεως, II, 8, 6.
- ⁶⁷ - Ersch und Grüber. Jos. Fl.
- ⁶⁸ - Арх. XV. 6, 3.
- ⁶⁹ - Таково, напр., описание происшествия, свидетельствовавшего трогательную любовь Ирода к матери (Арх. XIV, 13, 8), и великодушное обращение (со своими спутниками при бегстве от Антигона, – носящее сильные следы мемуарных источников, а также описание путешествий Ирода в Рим и обратно, разного рода чудесные происшествия (XIV, 15, 11–13) и мн. др.

- 70 - Ἀρχ. XVI, 7, 1.
 71 - Ἀρχ. XVI, 7, 1.
 72 - Ἀρχ. XIV, 1, 2.
 73 - πλανᾷται – погрешает.
 74 - во II книге истории.
 75 - Ἀρχ. X, 1, 4.
 76 - Ἀρχ. XV, 9, 2.
 77 - Ἀρχ. XV, 7, 10; 5, 5.
 78 - Ἀρχ. XV, 10, 3; 5, 5.
 79 - Ἀρχ. XV, 10, 4.
 80 - Ἀρχ. XV, 5, 5; 6, 6–7; 9, 5; XIV, 13, 8 и др.
 81 - Ἀρχ. XVI, 11, 7; XV, 10, 4.
 82 - Ἀρχ. XVI, 10, 1; 11, 7, 17.
 83 - Ἀρχ. XVI, 11, 17; 8, 6.
 84 - Ἀρχ. XVI, 5, 4.
 85 - Schürer, I, 70–71.
 86 - Ersch und Grüber, Allg. Enc. Jos. Fl. 114 стр.
 87 - О происхождении значения этого слова см. Cartwrightus Anglus – ad cit.
 loc. Exod. и Servat. Gallaeus – ad Oracula Sibyll. t. I, p. 295 и д.
 88 - Carpzovii. Critica sacra. 949 стр.
 89 - Bloch, 14.
 90 - Срв. здесь Talmud Bab. Joma, 71, b, Jalkut, I, 380; Tachauer, 34 стр.
 91 - Ἀρχ. II, 16, 4; IV, 8, 45; VII, 12, 3. Ph. Chasles. 40 стр.
 92 - По невежеству – вместо חלבין וחלב от חלב опускает חלב. חלב
 93 - Ἀρχ. IX, 4, 5; 4Цар.7:6 == חלבי חתים.
 94 - Schürer, II, 713–715; Bloch, 69–79.
 95 - Carpzovii. Critica sacra, 945 стр.
 96 - Таких примеров одна VI книга Археологии может дать в изобилии.
 97 - Цитаты у Bloch'a, 12 стр. и д.
 98 - Carpzovii. Critica sacra 946 стр.
 99 - βίος, περὶ ἁλωσεως VII, 17, 19, p. 980.
 100 - Bloch, 11 стр.
 101 - Уместно напомнить здесь, что Иерусалимские школы и академии времени Иосифа стояли на достаточной высоте ученых занятий Свящ. Писанием, чтобы делать еще более несомненным знакомство Иосифа с еврейской речью. Пример Филона, не знавшего этой речи, здесь не идет. Как оторванный от Иерусалима с самого детства, этот Александрийский Еллинист не мог иначе знакомиться с иудейской литературой, как из вторых рук. См. Bloch, 11 стр.
 102 - Bloch, 18.
 103 - Carpzovii, Critica Sacra. 948 стр.

- ¹⁰⁴ - Isaac. Vossius. Chronologia sacra, и др.
- ¹⁰⁵ - Schürer, 86–120. I т.
- ¹⁰⁶ - Schürer, II, 270 и д.
- ¹⁰⁷ - Chasles, De l'autorité historique de Fl. Jos. 50 и д.; Schürer, I, 87.
- ¹⁰⁸ - Schürer, I, 97.
- ¹⁰⁹ - Под руками было издание Aug. Wünsche. «Der Babylonische Talmud in seinen haggadischen Bestandtheilen». Leipzig. 1889. – Schürer, I, 100.
- ¹¹⁰ - Издание этих Midraschim-Wünsche в Bibliotheca Rabbinica. Leipzig.
- ¹¹¹ - По одним – ученик и друг древнего Гамалиила (след. живш. в 1/2 первого столет. по Р. Х.), по другим – современник раввинов Елиезера и Иисуса (Josua – в I пол. II ст.). Одно несомненно, что это был прозелит.
- ¹¹² - Bloch, 52 стр.
- ¹¹³ - См. примечание 2-е к 70 стр. сего сочинения.
- ¹¹⁴ - Сколько подробно сообщаемся Иосифом история Ирода, столь недостаточна история его непосредственных преемников. Как будто видно, что Иосифу недоставало здесь всех письменных источников. Только о правлении Агриппы I (41–44 по Р.) повествования несколько обстоятельнее в деталях. Впрочем, здесь ему уже открывались устные источники, так как о правлении Агриппы I он мог знать от сына его Агриппы II. Наконец, в истории последнего десятилетия до войны ему приходили на помощь уже и его собственные воспоминания.
- ¹¹⁵ - Сам Иосиф сознается, что нет никакой возможности узнать всех писателей, которые нарочито писали о роде нашем, κατὰ Ἀπλῶν. I, 23.
- ¹¹⁶ - В Археологии, при рассказе об остатках ковчега (I, 3, 6), о долголетию, (I, 3, 9), об Аврааме (I, 7, 2), о Сеннахириме (X, 1, 4), (утраченное свидетельство), о Валадане Вавилонском (X, 2, 2), о Навуходоносоре (X, 11, 1); κατὰ Ἀπλῶνος – о том же и особенно о Навуходоносоре и его преемниках (I, 19, 20).
- ¹¹⁷ - Müller. II, 496. Есть извлечения фрагментов Бероза из Феофила Антиохийского (Ad Autolic. III, p. 139. ed. Par.) и др. авторов.
- ¹¹⁸ - В Археологии только раз при рассказе о долголетию (I, 3, 9), κατὰ Ἀπλῶν., – о египетских династиях (I, 14, 15), о евреях в Египте и о Моисее (I, 26, 27 и далее до конца, – II, 2).
- ¹¹⁹ - и др. труды, см. Müll. Fragm. 511. (сноска 7, далее поместил – в ориг. Стр.52, пдф-32 – отсутствует))!!!Труд этот, по Плутарху (De Iside § 6, 28, 49, 62, 73), не неизвестен Грекам.
- ¹²⁰ - Müller. Fr. II, 513.
- ¹²¹ - Fragm. II, 385 и д.
- ¹²² - к. Ἀπ. I, 22 (fr. 14) срв. также II, 4, и Origen. c. Cels. I, 15.
- ¹²³ - Ἀρχ. I, 7, 2; fr. 16.
- ¹²⁴ - Strom. V, с. 14, p. 257, 2; fr. 18.
- ¹²⁵ - Нельзя смешивать с ним другого – Ефора Куманского, к нам не относящегося.

¹²⁶ - Другой Иероним, Родосский перипатетик, оставивший между прочим ὑπομνήματα ἱστορικά, не имеет никакого отношения к нашему предмету.

¹²⁷ - Любопытно сопоставление этого места с параллельным ему в Ἀρχ. VIII, 5, 3, дающее понятие о той свободе, которую допускал Иосиф в приведении чужих слов. Срв. Также – слова Дия кат. Ап. I, 17 и Ἀρχ. VIII, 5, 3.

¹²⁸ - Разнообразие и содержательность его трудов (Müll. III, 207) поистине заслуживают удивления.

¹²⁹ - См. в подлж. месте настоящего сочинения.

¹³⁰ - Euseb. praep. ev. IX, 34 fin.

¹³¹ - Труд его συσκεβὴ κατὰ Ἰουδαίων из более древних (Sch. II, 772–775).

¹³² - Müllerus, III, 208–209. Большинство их, очевидно, кровные Греки; Иосиф отмечает их невежество по истории Иудеев и бичует их предрассудки, и вражду против Иудеев.

¹³³ - Вероятно, Φίλων Βύβλιος, γραμματικός, в труд которого φοινικικὴ ἱστορία входило, как часть, и περὶ Ἰουδαίων (Müll. III, 560–576; между 20 его отрывками есть заимствованные у Евсевия и Оригена).

¹³⁴ - Он называется при этом у Иосифа «Фалерейским», по Müllerus'у – совершенно несправедливо (II, 369).

¹³⁵ - Müll. fr. III, 506–516, 32 фрагм.

¹³⁶ - Müll. III, 495–499, до 7 отрывков.

¹³⁷ - Müll. III, 190–197. 29 отр.

¹³⁸ - Список этих «неизвестных» следует дополнить также не упоминаемыми Иосифом – Дамакритом (Müll. IV, fr. 377), Никархом (Müll. III, 335) и, может быть, еще другими.

¹³⁹ - Цитируемого Иосифом в Ἀρχ. I, 3, 6 (о пристанище ковчега); 3, 9 (о долголети); 7, 2 (об Аврааме); VII, 5, 2 (об Ададе, царе Дамасско-Сирийском, воевавшим с Давидом).

¹⁴⁰ - Bloch считает вообще весьма содержательным внебиблейский элемент в Иосифе, судя по тому, что уже в гаггадических прикрасах, столь обильно переполняющих первую половину Археологии, Иосиф не преимущественно черпал их из устного предания, но находил их в древнейшей эллинистической обработке священной истории или отдельных ее частей – у Димитрия, Артапана, Евполема, и др. Bloch, 53–62.

¹⁴¹ - Grimm. Exeget. Handb. zum. ersten Makkabäerbuch, s. XXVIII f.

¹⁴² - Разительный образчик подобной несоразмерности можно видеть в подробности, с какой он повествует о событиях в Риме при смерти Калигулы и воцарении Клавдия (41 г.), что совершенно не относилось к Иудейской истории (XIX, 1–4). Несомненно, этот отрывок должен быть взят из специального источника из рук современника, каковым мог быть, по мнению Mommsen'a (Hermes, IV, 1870, S. 322, 324) и по нем Schemann (Die Quelle der Fl. Jos.), Cluvius Rufus, очевидец (Ἀρχ. XIX, 1, 13). Впрочем, это не более как догадка, основанная на цитате из его труда, хотя относящейся ко времени Нерона – концу 69 года Schürer, 65, примеч.

¹⁴³ - κατὰ Ἀπιῶνος I, 7.

¹⁴⁴ - 1Езд.2:62.

¹⁴⁵ - Этому, напр., обычаю Матфей, Лука, а чрез них и весь христианский мир обязаны знанием непрерывного родословия Господа не только до времен возникновения первосвященства, но и выше, до последних, его пределов.

¹⁴⁶ - См. Katalog Ezech. Spanheimus. Whiston. 957 стр.

¹⁴⁷ - Ἀρχ. XIII, 9, 2; XIV, 8, 5; 10; 12; XVI, 6; XIX, 5; XX, 1, 2.

¹⁴⁸ - Ἀρχ. XIV, 10, 26, также XIV, 10, 1 см. Schürer, 66 стр.

¹⁴⁹ - Цит. авторов см. Schürer I, 66, прим.

¹⁵⁰ - Так как в речи, которую держит Николай Дамаскин пред М. Агриппой, при его остановке в Малой Азии, о благосклонности к тамошним иудеям (XVI, 2, 4), внушается сильная уверенность в благосклонности к Иудеям Римлян и чувствуется сильная опора на эту благосклонность, то – думает Niése (Hermes XI, 1876, 477–483), что уже тогда сообщаемые Иосифом документы собраны были Николаем, и из его труда уже взяты Иосифом. Однако, это не совсем вероятно, в виду того, что среди них находятся некоторые гораздо младшие (XVI, 6, 2 и 7; см. Niese, 480 стр.) и относящиеся к иудеям из Кирены, следовательно, для малоазиатских отношений совершенно неинтересные (XVI, 6, 5). Мы находим возможность примирить это неудобство предположением, что, к собранным у Николая Дам., Иосиф сам мог прибавить недостающие документы, дав им надлежащее место у себя вместе ст. теми.

¹⁵¹ - Egger. Etudes – стр. 163 и д.

¹⁵² - Пророки писали θεοῦ δεῖξαντος, Ἀρχ. X, 11, 7.

¹⁵³ - Канон Иосифа, срв. Graetz. 501 стр.

¹⁵⁴ - Gerlach. Die Weissagungen... 24 стр.

¹⁵⁵ - Gerlach. 24 стр.

¹⁵⁶ - κατὰ Ἀπιῶνος, I, 7; Ἀρχ. 7, 2: пророч. Иеремии и Иезекииля о плене Седекии.

¹⁵⁷ - Таким оправданием, только отчасти, для Иосифа может служить то его заблуждение, что он ее разделял, по значению, Писания от предания, – заблуждение, общее для всех иудеев, и, при том, для руководителей иудейства в особенности, как это видим из Евангельских обличений Спасителя. Известно, что уже в первые века по Р. Х. «хранители преданий» Иудейских (соферим и таннаим) увлеклись настолько, что позволяли свой авторитет и постановления считать выше библейских. Особое правило гласило, что «изречения ученых важнее самой Торы». Но воззрению талмудистов, Библия может быть сравнена с водой, Мишна с простым вином, Гемара – с вином ароматическим, и погрешающий против постановлений книжников заслуживает гораздо большего наказания, чем погрешающий против Писания, так как слова книжников имеют гораздо большее значение, чем слова самого Моисеева Закона (Sanh.110:1). «Пусть не ждет себе милости от Бога тот, кто определениям Талмуда предпочитает определения Библии (Schag.10:1).

¹⁵⁸ - Срв. Talmud Bechoroth 55. Tachauer, 34 и 49; Bloch, 24.

¹⁵⁹ - b. Joma, 39. b. Tachauer, 49.

¹⁶⁰ - Bloch, 24.

¹⁶¹ - Synkellos (с. Byz. ed. Bonn. p. 13) приводит это же самое по «λεπτή γένεσις»: τὰ θηρία καὶ τὰ τετράποδα καὶ τὰ ἐρπετά φησιν ὁ Ἰώσηπος καὶ ἡ λεπτή γένεσις ὁμόφωνα εἶναι πρὸ τῆς παραβάσεως τοῖς πρωτοπλάστοις διότι φησὶν, ὁ ὄφις ἀνθρωπίνῃ φωνῇ ἐλάλησε τῇ εἴᾳ, и т.д. Знаменательна в приведенной выдержке цитация Synkellos'a, указывающая на самостоятельность Иосифа от λεπτή γένεσις и подтверждающая наши суждения относительно связи или сходства его с Midraschim и другими произведениями раввинической литературы. Мы указывали именно, что подобная связь и сходство прежде всего обязаны знакомству Иосифа с традиционным толкованием Библии, прежде чем оно фиксировалось в определенных раввинических произведениях. При невозможности предположения, чтобы Иосиф мог пользоваться λεπτή γένεσις, можно сомневаться и наоборот, чтобы это последнее имело своим источником Иосифа. Одно и то же воззрение или толкование в обоих этих памятниках указывает скорее всего не на зависимость которого-либо из них от другого, а на простой параллелизм экзегетических памятников вавилоно-палестинского направления, совершенно независимо друг от друга исходивших из третьего общего источника, каковым было раввиническое, проникавшее в народ, и общенародное раввинизировавшееся предание.

¹⁶² - Кроме λεπτή γένεσις, место о лишении змия голоса и т.д. находим у Michael Glykas (Ann. I, p. 197, Bonn. corp. Byz.) в такой связи: οὐδὲ γὰρ ὡς πόδας κεκτημένου τὸ πρότερον, κατὰ Ἰώσηπός τε φησι καὶ ἡ λεγόμενη λεπτή γένεσις νῦν ἀποφανεῖται τὸν ἐπὶ τῇ κοιλίᾳ, περίπατον, и т.д.; то же, 20 b. Из обоих мест можно установить, что мы имеем здесь обычное для данного места толкование, в подобном же виде содержащееся в Midrasch. (Быт. r. с. 30: срв. b. Sota 9 b), и также у Филона (quaest. in Gen. sermo I, § 32).

¹⁶³ - В объяснение отличия от Быт.4:4, где Авель приносит в жертву Богу «тук», между тем как по Иосифу «молоко», – см. выше, 42 стр. прим. 1-е.

¹⁶⁴ - Срв. Midrasch. Jalkut, I, 38 и rab. Быт. § 23.

¹⁶⁵ - Тем, кто на основании V, 1 Быт. находил возможным видеть здесь другого Адама (по сравн. с I, 20–27) может быть поучительна заметка Иосифа, что Моисей обращается вторично к бытию Адама ради порядка истории.

¹⁶⁶ - В объяснение этого, неизвестно откуда заимствованного сообщения, Tachauer высказывает остроумное предположение, что оно произошло чрез производство Иосифом имени יר' от נר, в смысле «покупать», «приобретать выгоду» (κτῆσις) стр. 19.

¹⁶⁷ - Bloch., 26.

¹⁶⁸ - Jalk. I, 41, Rabbah Быт. § 24 и Talm. Bab. Synhedr. 38 b. Chagigah 5 a.

¹⁶⁹ - Midr. Jalk. I, 41 и 42, Pirke Rab. Elieser.

¹⁷⁰ - Dillmann, a. a. O. p. 249. Bloch., 28.

- ¹⁷¹ - Talm. Bab. Synhedrin. S. 108 ab; Midr. Jalk. II, 90 b, Midr. Tanchuma S. 10 a.
- ¹⁷² - О «четырёх палубах» вместо трех (Быт.6:16), – Midr. Jalk. I, 54, – rabah, Быт. 31.
- ¹⁷³ - Bloch, 29 стр.
- ¹⁷⁴ - Rosch. Hasch. 8 a, 11 b, 12 a, – Bab. Talm.
- ¹⁷⁵ - Подобное говорится в Талмуде при повествовании о смерти Сеннахирима: Synhedrin, 96 a.
- ¹⁷⁶ - Bloch, 29.
- ¹⁷⁷ - В истории проклятия его потомства Иосиф имеет оригинальную особенность, что Ной упивается вином не при возделке винограда, а пируя по принесении жертвы.
- ¹⁷⁸ - Babyl. Exeg. Chulin 89 a.
- ¹⁷⁹ - בני-עבר, עברים.
- ¹⁸⁰ - См. Kurtz, I, 73–74.
- ¹⁸¹ - Reihm. Zeitrechnung.
- ¹⁸² - В настоящее время известно, по крайней мере, что самая продолжительность года, как единицы времени, если и не могла быть столь малою, как иногда ее считают (до «месяца»), чтобы уменьшить невероятность долголетия патриархов, то плохо подходила также и в maximum'e своих предполагаемых размеров к настоящей постоянной годовой единице времени. Известно, что продолжительность года позднейших евреев колеблется между цифрами 353–354–355–383–384–385 дней. Количество месяцев у Иверийцев – 4 в году, Аркадиев – 3, Римлян времен Ромула – 10 и т.п. Вообще, до введения Юлианского летосчисления счет года у Римлян, считавших от основания Рима, и Греков – по Олимпиадам, настолько был запутанный, что весна нередко приходилась в другие времена года, и потому за 45 лет до Р. Х. Юлий Цезарь поставлен был в необходимость установить один из годов даже в 455 дней, который был как бы високосным из високосных, а по прозванию астрономов – бестолковым (Плутарх, о Цезаре).
- ¹⁸³ - I. Uossius. Chronol. sacra. 104 стр.
- ¹⁸⁴ - См. выше, примечание 2-е к 79 стр.
- ¹⁸⁵ - Нельзя по видеть здесь влияния Вироста, историка Халдеев, среди которых, как известно, процветали упомянутые науки и пользовались особым уважением, Bloch. 64 стр.
- ¹⁸⁶ - Carpzovii. Critica sacra, 954 стр.
- ¹⁸⁷ - Отсутствие детей у сыновей Ноя, при упоминании их жен, может быть объяснено тем, что все они поспешили женитьбою лишь в виду предсказанного Ноем потопа.
- ¹⁸⁸ - См. далее сравнит. хронологическую таблицу, стр. 83-я.
- ¹⁸⁹ - Кроме LXX – 3839 л. – дают близкие показания Евподем, Филон Старший, Димитрий Фалерейский и Александр Полигистор.
- ¹⁹⁰ - Арх. VIII, III, 1; X, 8, 5.

- ¹⁹¹ - 3Цар.6:1.
- ¹⁹² - Срв. Riehm, Zeitrechnung, 1800–1825 стр.
- ¹⁹³ - Hitzig, 10 стр.
- ¹⁹⁴ - Это число 7081/2 л. из περὶ ἀλώς. VI, 10 кон. выводится таким образом: Иерусалим, по словам Иосифа, основан за 2177 лет до взятия Титом, и через 14681/2 л. после первого основания разрушен Навуходоносором; остающиеся 2177 -- 14681/2 == 7081/2 означают, след., время его существования до Тита. Тоже самое достается еще и другой комбинацией.
- ¹⁹⁵ - Подобное, не совсем удачное исследование представляет «Chronologia Sacra» Isaaci Uossii, изд. Ulacg.
- ¹⁹⁶ - Hitzig, 11–13.
- ¹⁹⁷ - Из внебиблейских свидетелей исторической достоверности существования Авраама приводятся Вирост (не называющий его только по имени), Гекатей и Николай Дамаскин (выдержки).
- ¹⁹⁸ - b. Bechai, В. (по В. Beer), Leben Abrahams, Leipzig. 1859, р. 3.
- ¹⁹⁹ - Bole. Anhang I. Monotheismus Abrahams.
- ²⁰⁰ - κατὰ Ἀπὼνος.
- ²⁰¹ - Быт.12:15: «вельможи Фараона» увидели ее и «похвалили Фараону».
- ²⁰² - Тоже Ewald. Gesch. I, 73.
- ²⁰³ - J. Levy. Neuhebraisch. und Chald. Wort.
- ²⁰⁴ - Флавий различает 2 Иордана, т.е. 2 рукава реки – большой и малый, разделявшие Иордан в сев. части.
- ²⁰⁵ - Talm. Bab. Synhedr. 109 a, Midr. Jalk. I, 70, rab. Быт. § 41. Tanchuma § 22 b.
- ²⁰⁶ - как в Midrasch.
- ²⁰⁷ - Описания Мертвого моря.
- ²⁰⁸ - См. дальше, в хронологии исхода.
- ²⁰⁹ - Tachauer, 33.
- ²¹⁰ - По раввинским легендам, Сихем, оскорбившей Дину, выманил ее из отцовской хижины хитростью, подустив Сихемских девушек устроить игры на улицах и склонить на участие в них Дину (Jalk. I, 134 Pirke R. Elieser II, 544).
- ²¹¹ - Срв. Midrasch Jalk. I, 143, rab. Быт. § 81.
- ²¹² - Нечто подобное дает раввинское толкование к (Быт. 37:11). Объясняя слова: «и заметил его отец это обстоятельство», – раввинский экзегет заставляет Иакова даже взять перо и отметить, в какой день, час и в каком месте это случилось, ибо Дух сказал ему: заметь себе этот случай, ибо слова эти придут к исполнению (Быт. г. с. 84). Любопытно упоминание (вслед за Библией 37, 10) здесь еще о матери Иосифа, которая была уже умершей (Арх. I, 21, 3), Флавий самостоятельно повторяет это противоречивое показание, не объясняя его, несколько далее, в увещаниях Рувима по делу Иосифа, стараясь именно повлиять на братьев скорбью матери (II, 3, 1). То, что должен был сделать Флавий для разрушения кажущегося противоречия, делает Midr.

Jalk. I, 141, находя возможным, что здесь под матерью Иосифа должно разуметь служанку Рахили – Валлу, которая по смерти своей госпожи заменила мать для ее сына.

²¹³ - Подобно Талмуду – Sôta, 36, b, Tanchuma § 43 и Rab. G. r. c. 87.

²¹⁴ - Здесь, таким образом, предполагается, что Фараону открыто было во сне и толкование его снов, которое он, однако, забыл. Из Библии не видно, чтобы Фараон забыл (следов. видел) не только сон, но и толкование. Встречая подобное Флавиеву место в Midr. rab. Gen. § 89, Jalkut I, 147, Tanchuma § 44 b; Jalk. II 1060, – находим, что раввины объясняют происхождение этого предания смешением с однородным событием при Данииеле (Навуходоносор – забывающий и сон и толкование).

²¹⁵ - Срв. 6. Bala Mezia 39 b; 6. Kethuboth 27 b; Jebamoth 88 a; Midr. rab. Gen. r. 91, Jalk I, 148.

²¹⁶ - Смысл которого указывается согласно с сообщением Гемары – Bereschith Rabba, Boraitha de rabbi Elieser, Chronik' Моисея. Midrasch Vajis и т.д., (Zunz, Gottesdienstliche Vorträge), составляющих Sefer hajaschar (к Быт.44:12).

²¹⁷ - Midr. rab. Gen. § 94 и Jalk. I, 152.

²¹⁸ - Более или менее установившиеся иудейские предания о Моисее узнаем мы из Midraschim и Talmud. Для истории Моисея особенно важен трактат Sôta. Позднейшие иудейские саги о жизни Моисея собраны в так называемой «хронике Моисея» (Dibre Hajjamim Le-Mosche Rabbenu). Собранные Weil'ем мусульманские легенды о Моисее заключают в себе не только почти все содержащиеся в Talmud и Midraschim саги, но и Иосиф лежал в основании их. (Ranke. Weltgeschichte, III, 31).

²¹⁹ - Воззрение Rab' к ст. 8, I гл. Sôta, 11 a. Samuel думает, что это значит – просто последовало изменение законодательства. Согласно с Иосифом представляется дело у Артапана, см. Euseb. pr. ev. IX, с. 18.

²²⁰ - Все эти роды работ исчисляются у Артапана, Euseb. pr. ev. IX, 27.

²²¹ - Ей было в это время 7 лет. См. Fürst. 420 стр.

²²² - Вообще, ей усвоятся различные имена: Талмуд усвояет ей имя בְּהֵמָה (Megilla 13a), Артапан – Merris (Euseb. pr. ev. IX), которое по Lauth'y (Moses der Hebräer, p. 66) равнозначуще Isis. Synkellos (227, 3; 228, 1; 237, 1) называет ее Pharië. Ewald (Gesch. d. U. J. II2, 1172) считает имя Thermuthis или Tharmut более или очевиднее египетским, так как это прозвище одной египетской богини – Изиды и означает – «великая мать» (Brugsch. Geographische Inschriften, I, с. 237). Имя Фермуфы усвояет царевне и книга Юбилеев, с. 47 (Dillmann in Ewald's Jahrb. f. bibl. Wiss. III, с. 65). Наконец, как Thermuthis, египетская форма имени Meri или Merris – была, по памятникам, названием младшей дочери фараона Рамзеса II (Egypt. under the Pharaon by Brugsch-Bey, translated from the German by Henry Dauby Seymour II, p. 112, см. Brugsch. Gesch. Aegyptens unter den Pharaonen, Leipzig. 1877 г. 563 стр. Хотя Иосиф название Meröe производит от сестры Камбиза (II, 10, 2), но по Артапану это гораздо удобнее производится от дочери Фараона. Ranke.

- 223 - Библ. сама «увидала среди тростника и... ».
- 224 - Библ. «послала рабыню взять её».
- 225 - Ranke. Weltgeschichte; Leipzig, 1883 г. III, 15–18.
- 226 - Филон: διωρύχων ἀνατομάς. Иосиф: ποταμὸν εἰς διωρύχας πολλὰς διατεμεῖν. (Арх. II, 9, 1).
- 227 - II f. Ewald, 13, пр.; Samuel полагал, что последовало собственно изменение законов.
- 228 - II с. 9, 2.
- 229 - Из других оно повторено раввином Raschi, одним из авторитетнейших Библейских комментаторов.
- 230 - Ranke. Weltgeschichte, III, 26–27.
- 231 - Филон объявляет более согласно с Писанием, что опасения Фараону (и его распоряжение) внушены были просто быстрым размножением Израильтян.
- 232 - Срв. Talmud: partus sine dolore fuit (Sôta в Гемаре 1, 37; у Wagenseil, s. 263; Schemoth Rabba у Benedetti, с. 164).
- 233 - у Иосифа – γονῆς γνησίας οὐ μεμοιραμένη (с. 9, r) – в Писании нет.
- 234 - ἤδη τῆς ψυχῆς τετραμμένης αὐτῇ πρὸς μητρῶον πάθος, ὥς ἐπὶ γνησίῳ παιδί, р. 83.
- 235 - Мусульманское предание допускает дитяти отталкивать 3 египетских кормилиц, предлагавших ему свои груди. В таком именно виде сага перешла, затем, в Коран, где это тем более важно, что Магомет видел свой прообраз в Моисее; но он мог его знать только из позднейшего мифа иудеев.
- 236 - Sôta у Wagenseil, р. 281; Schemoth Rab. у Benedetti 159 стр. и Jelandenu des Tanchuma – Wagens. 382.
- 237 - Schemoth Rabba, Benedetti, 168 стр.
- 238 - Abr. Geiger. Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? 157 стр.
- 239 - Иосиф называет их «небезызвестными Грекам».
- 240 - Ranke. Weltgeschichte, III, 28 стр.
- 241 - 14 у Müller. в Fragm. Hist. Graec. т. II, 220 стр.
- 242 - Kreudenthal считает Артапана тождественным с псевдо-Аристеем, который по нему жил не позднее половины II-го столетия.*Freudenthal, стр. 162 и 129.**Αἰθίοπες... ἐμβαλύντες εἰς τὴν χώραν αὐτῶν (Αἰγυπτῶν) Αρχ. II, 10. καὶ δήποτε τῶν Αἰθιόπων ἐπιστρατευσαμένων τῇ Αἰγύπτῳ – Артапан. Эти две сноски в оригинале отсутствуют – ориг. 105, пдф 58.
- 243 - Midrasch и Talmud во многих местах повторяют это.
- 244 - Выражение Иосифа обнаруживает, при этом, точное сходство с относящимся сюда местом трагика Ezechiel'a, В. 92: ἄφνω βάτος μεν καίεται πολλῶ πυρὶ αὐτοῖ δε χλῶρον πᾶν μένει τὸ βλάστανον...
- 245 - Midrasch. rab. Исх. § 10, Tanchuma 67 а.

- ²⁴⁶ - Die Stellen aus Jelaḡdenu des Tanchuma und aus Schemoth Rabba (y Bened. 206 стр.).
- ²⁴⁷ - Артапан, Mos. II, с. 7 В. 17 ff.
- ²⁴⁸ - Срв. Berachot. 9b, Rab. Ami, и Jalk, I, 208, R. Isniael; Tanchuma p. 7b. (!!! Эта сноска отсутствует – ориг.109, пдф – 60)!!!
- ²⁴⁹ - Talmud, Sabbath 87b и Rabbah, Исх. § 25; ср. Jalkut, I, 257.
- ²⁵⁰ - См. выше, стр. 92-я.
- ²⁵¹ - Fürst, 420 стр.
- ²⁵² - Числ.16:1; 26:25 и д.; срв. Исх.6:16 и д. Левий жил 137 л., Каафа 133, Амрам – 137.
- ²⁵³ - ὑπο τῆς πληγῆς ἀνεκόπη.
- ²⁵⁴ - εἰς ἑαυτὴν ὑποχωρήσασα.
- ²⁵⁵ - γυμνὴν τὴν γῆν.
- ²⁵⁶ - ἐνέβαινεν αὐτῇ.
- ²⁵⁷ - срв. Jalkut, I, 235 и 246. Tanchuma 79b.
- ²⁵⁸ - Плутарх: «рассказывают, напр., будто море, обыкновенно заливающее здесь (в Памфилии) берега и только изредка обнажающее острые камни, разбросанные у подножья прибрежных утесов, само, волею богов, отступило перед Александром"... (Ал. Вел., стр. 45). Далее Плутарх называет это «чудом», и говорит: «сам Александр, в своих письмах, ничего не рассказывает об этом чуде, а говорит только, что из Фазелиса (Ликийского города) прошел местом, называемым Климакс, т.е. уступами"... ib. 46 стр.
- ²⁵⁹ - в большинстве случаев –
- ²⁶⁰ - Ranke. Weltgeschichte, III, 23.
- ²⁶¹ - φαίνεται, οὐν τοὺς μὴ κατακλυσθέντας τοῖς ἐκεῖνων ὄπλοις χρήσασθαι (Euseb. pr. ev. IX, с. 29).
- ²⁶² - Die Quelle des Fl. Jos. 56 стр.
- ²⁶³ - Tachauer, 67 стр.
- ²⁶⁴ - Mechilta, ed. Weiss, p. 53: Tanchuma 78; Jalkut I, 255.
- ²⁶⁵ - Все это совершенно согласно с новейшими исследованиями, между прочим, одной английской экспедиции, нарочито исследовавшей на несколько 1.000 миль кругом местность по пути Израиля и описывающей этот путь согласно во многом с замечаниями Флавия.
- ²⁶⁶ - Несколько раз Иосиф (как выше) отмечает такого рода влияние жен и детей на мужской элемент в минуты испытаний, – весьма правдивое и немаловажное указание.
- ²⁶⁷ - То же Mechilta, ed. Weiss. 55.
- ²⁶⁸ - Mechilta ed. Weiss, p. 62; Jalkut I, 262, R. Jose, ben Chlaphtha.
- ²⁶⁹ - Срв. также Midrasch Koheleth, I, 9; Jalkut (из Mechilta) 1, 309; Tanchuma 85 и 86 и Rabah Исх. § 30.
- ²⁷⁰ - Ranke. Weltg. III, II ч. 33 стр.
- ²⁷¹ - Midraschim R. Tanchuma к (Исх.38:21).

272 - Jalkut, I, 419 (R. Nehemia).

273 - В обряде возжжения этих светильников Иосиф, неизвестно из какого источника, хотя согласно с Sifri, p. 16a изд. Friedmann'a, но не в столь очевидном согласии с Библией, говорит, что 3 светильника горели в течении дня, а остальные возжигались к вечеру, и т.о., все 7 горели только по ночам (срв. Duschak, 4 стр. и Riehm, 901–902). Свод параллельных мест Библии и сопоставление их с Флавием не только не дает противоречия, по и способствует примирению этих самых мест, неясных для уразумения обряда светильников (Исх.27:20, 30:7; Лев.24:1–3; 2Пар.13:11; 1Цар.3:3 и др.).

274 - Tanchuma, p. 75 а. к (Числ.8).

275 - Расположение этих камней на нагруднике Иосиф дает сбивчивое, по сравнению с Библией (Исх.28:37–20; 39:10–13): Библия Иосиф1
ряд Рубин1 Сардоникс Топаз Топаз Изумруд Смарагд2
ряд Карбункул2 Анфракс Сапфир Иаспис Алмаз Сапфир3
ряд Яхонт3 Лигирий Агат Аметист Аметист Агат4
ряд Хрисолит4 Хрисолит Оникс Оникс Иаспис Вирилл

276 - do vit. Mos. III, 6. M. II, 148 ib. 9 p. 150. 12, p. 151 f.

277 - Исх. § 37; Лев. г. с. 11 и Tanchuma s. 139 b.

278 - Joma 73b; j. Joma 2Ob; Jalk. II, 76.

279 - Joma 73b; j. Joma 20b; Jalk. II, 76.

280 - Sôta 48b иа; Duschak, 7 стр.; со времени 2-го храма.

281 - Это согласно с Мидраш (Tanchuma, на Исх.40 кон.). Самуил, сын Нахмана, утверждает, что «в три месяца все было закончено (Tischri, Cheschwan и Kislew). В течении следующих месяцев (Tebeth, Schebath и Adar) оставалось только установить и приладить несобранные, но готовые ее части, что и сделано было к 1 Nissan'a.

282 - Ср. Tanchuma, к (Числ.8): Моисей вручил Веселеилу планы Скинии, и тот построил ним, тогда удивлялся Моисей и говорил: «мне так часто Бог открывал это, и все-таки я не мог бы принести этого в исполнение; но ты, даже не видя самого образца, превосходно воспроизвел по своему искусству». Срв. Исх.39 гл. последний стих: «и благослови я Моисей"...

283 - Срв. Talmud, Synhedrin 52 а и Jalk. I, 524 и 526.

284 - Сходно с Megilla, 26 а и Kethuboth 105 а.

285 - Указанием на их существование уже ко временам Рождества Христова служит важное свидетельство Иосифа (Арх.14, 9, 4: περί ἁλώσ. II, 21, 3: βίος 12, 13, 27, 34, 57, 61, 68, 74), что в каждом городе Палестины был свой совет, зависевший от главного совета в Иерусалиме.

286 - Schebuoth, 30, а.

287 - Makoth 22 а.

288 - Gittin 90 а.

289 - Nidda 13 а.

290 - R. Elieser ben Jakob. Nasir 59 а.

291 - Jalk. Rab. к Числ.16:2, Midr. Числ. г. с. 18; Jalk. I, 750 и Tanchuma.

- 292 - *ibid.* (Midr. Jalk.).
- 293 - Synhedrin 109b и 110 a.
- 294 - Чис.16:1 – «сына Фалефова – Авнана».
- 295 - Чис.16:49 и 35 ст.
- 296 - Kurtz, II, 211–212.
- 297 - Любопытно припомнить, что сам вождь народа Божьего, велика Моисей, назначенный к избавлению и освящению Израиля, удовлетворял этому назначению, только проходя ту же самую школу терпения среди напастей. Сколько раз и его должна была пустыня научить сознанию своей слабости. Сколько раз при ложном доверии к своей силе и мудрости, ему не доставало правого упования на силу и мудрость Божью, которая и слабое делает сильным и невозможное – возможным.
- 298 - Ranke. Weltgeschichte, III, 25 и 30.
- 299 - в Тарг. псевдо-Ионаф. – «пирожное»: (Чис.24): species panum dulciariorum.
- 300 - Synhedrin, Gemara. 106 a (у Coussejus, p. 412).
- 301 - а. а. О. с. 4, p. 136.
- 302 - (Чис.25:14) – Зимри. Иосиф согласен с Midrasch.
- 303 - срв. (Чис.25:4–5).
- 304 - в мес. Адар, согласно с Талмудом, в тракт. Kidduschin 38 a, Megilla 13 b.
- 305 - Ranke. Weltgeschichte, III, 23.
- 306 - Предсмертная беседа Моисея с народом происходила, по словам Иосифа (ср. 137 оп. 1, 3, 5), у Иордана, где ныне город Авила, окруженный пальмами (Арх. IV, 8, 1). У этого же места, известного также под именем Аве-Ситтим, или просто – Ситтим, был переход чрез Иордан.
- 307 - Повествование о светлом облаке, которое, ослепляя взоры близ стоявших сокрывало от них отходящего Моисея и место его погребения, приводится также у Zephyrus'a в «Catena in Pentateuchum latine versa» из «Codex apocryphus» (Fabricius. Cod pseudepigr. v. T. II, 122). Совершенно подобное место приводится в λειτή γένεσις (Könsch. Das Buch der Jubiläen, стр. 272). По повествованию Chronicon Samaritanum, cui titulus est liber Josua (ed. Juynboll, с. 6, p. 139), при Моисее оставались Иисус, Елеазар и старейшины до наступления ночи: затем, они были отделены огненным столбом от Моисея, и книга прибавляет: «никто да не выведывает чего-либо о нем, что ему после того случилось». (Ranke, 29 прим).
- 308 - Подобное этому мнение высказывает также R. Simeon, ссылаясь в подтверждение возможности для Моисея – самому сделать заметку о своей смерти (по Талмуду, автором последних 8 стихов Пятикнижия – Втор.34:5–12 мог быть Иисус Нав.) на то, что Моисей писал под диктовку Бога и писал именно все время, пока диктовал Бог, причем последние слова писал в слезах: Baba Bathra 15 a, Menachoth 30 a.
- 309 - Hamburger. Real-Encyklop. für Bibel und Talm. 990 стр.

³¹⁰ - собранных Fabricius'ом (ἀνάληψις Μωϋσέως) и Volkmar'ом (assumptio Mosis).

³¹¹ - 33:21.

³¹² - Wagenseil, Sôta, с. 320.

³¹³ - 9:1, 7.

³¹⁴ - Rabe, Überzetzung der Mischnah, III, с. 170; ср. Wagenseil, Sôta с. 57. – Гемара, с. 316.

³¹⁵ - Wagens. с. 322 (Гемара I, L1).

³¹⁶ - Deutoronom. с. 34 – Лон. Полигл. т. IV.

³¹⁷ - Hamburger, a. a. O. № 112.

³¹⁸ - Weil. Fragm. aus dem Talmud und den Rabb. II. с. 77.

³¹⁹ - Ср.: «Пророка восставляю из среды братьев твоих»...

³²⁰ - Характеристика его много напоминает Моисееву, что, кажется, делало Иисуса особенно достойным преемником Моисеевым в глазах Иосифа: Иисус Навин обладал высоким разумом и имел несравненный дар слова, когда говорил к народу: неутомим в трудах, неустрашим в опасностях, полезен во время войны мудрыми советами и украшен добродетелями, во всякое время подкреплять общество могущими"... Продолжительность жизни и деятельности его – 110 лет, из коих 40 сопутствовал Моисею и 25 управлял после него, – дается согласно с Seder Olam.

³²¹ - (Иис. Нав.10:11) – больше было тех, которые умерли от камней града, нежели... мечем.

³²² - Достоин замечания, говорить Ranke, что также в самой книге И. Навина последнее обстоятельство передается не просто как факт, но как бы приводится только имеющее его одно место из «книги Праведного»: «не так ли написано в книге Праведного?; и стояло солнце, остановившись посреди неба, и не спешило заходить в почти законченный день» (книга Праведного – *Sepher haJashar* еще цитируется во 2Цар.1:18).

³²³ - Срв. Nedarim, 25b и 27b.

³²⁴ - Nidda 55b.

³²⁵ - Так называет его и Midrasch, Jalk. II, 68.

³²⁶ - Илий, Финеес, Иохавед (у Иос. Иоахав), брать его – Ахитув, Ахия (1Ц.14:3), Ахимелех (1Ц.22:12), и Авиафар.

³²⁷ - За все время линии Ифамаровой, потомки Елеазара, по свидетельству Иосифа в другом месте (Арх.VIII, 3) жили в «приватном» состоянии; таковы именно: Иосиф, смененный Илием, Воккий, Иоафам, Мареоф, Арофей, Ахитов и Садок (вместо Иосифа 1Пар.6:4, 5, 50, 51; 1Езд.7: 7, 5 имеем Авишуа.

³²⁸ - Вероятно, однако, сам Иосиф считал эту цифру менее точной, чем в действительности. Едва ли при 70 только умерших он мог сказать, что «всякий (т.е. в городе) своего мертвеца оплакивал». Вообще, мнения о числе умерших разделяются. Представители этих мнений – R. Abuha и R. Elieser насчитывают – один 70 (как Иосиф), другой 5.000 павших, ср. Sôta, 35b. По свидетельству

ученого Кеникотта, число 70 он нашел еще в 2 манускриптах (Иуд. письма к Вольтеру II ч. стр. 120). Вообще, ошибка в данном месте евр. текста несомненна. Буквально это место там стоит так: «Бог поразил смертью 70 человек пятьдесят тысяч человек» – выражение, не имеющее смысла (ibid.).

³²⁹ - 1051–1034 г. Niebuhr, 46 стр.

³³⁰ - Образ войны, по Иосифу, – кроме засад (15:5), тайные подкопы, стенобитные орудия, томление голодом и жаждой и т.п.

³³¹ - Поощрил также Сикимитов за то, что они были в родстве Рагуилу, тестю Моисееву (15:6).

³³² - Место погребения Саула на Аруре, – Библ. «под дубом в Иависе» (1Ц.31:13).

³³³ - † 1034 г.

³³⁴ - В высшей степени психологично и потому не ненаучно замечание Иосифа, старающегося показать на примере Иоава, на какие преступления держат люди для снискания великих достоинств. Опасаясь потерять их, они творят гнуснейшие преступления, помышляя, что сноснее для их честолубия не достигнуть до такого величия, нежели, привыкнув к выгодам оного, напоследок его лишиться. Это сколько общечеловечно, столь же не непригодно, в частности, при обсуждении поступка Иоава.

³³⁵ - В обстоятельствах этого убиения особенность Иосифа в том, что привратник дома, очищавший пшеницу и уснувший, обращается в привратницу, погружение в сон которой Иосиф объясняет утомлением от бывшей в ее руках работы и от дневного жара (2Цар.4:6).

³³⁶ - Это «второе» взятие Иерусалима (Суд.1:8) поясняется лучше Флавием. В указанном месте «Судей» говорится, что, отвоевывая у Хананеян свои уделы, Иудино и Симеоново колена «взяли и Иерусалим», причем «поразили его мечем и предали огню». К этой краткой заметке Флавий делает прибавление, что город взят был лишь после осады, более или менее продолжительной (σύν χρόνῳ), но не весь, а только в нижней своей части; для верхнего же города, – по причине крепости его стен и свойств местности – Израильтяне не продолжали осады и отошли брать Хеврон.

³³⁷ - Ranke. Weltgeschichte, III, 34 стр.

³³⁸ - Иосиф прямо объясняет это тем, что Давид боялся, как бы не пострадать и ему, подобно Озе, если он приблизит к себе ковчег (срв. 1Пар.13:13). И последующее решение его возобновить попытку перенесения ковчега именно внушено было убеждением в неосновательности такой его боязни, при слухах о благословении дома Аведдара, ради ковчега.

³³⁹ - Объяснением этой не одноименности отчасти может служить то обстоятельство, что одно и то же лицо, по обычаю Евреев, могло носить несколько имен.

³⁴⁰ - В описании густоты его волос, Иосиф повторяет фабулезное предание, вошедшее в Талмуд (Nasir 4b), а именно, что волосы его, будучи острижены, принимали на 8-й день свои прежний роскошный вид; быть может,

впрочем, он хотел сказать о 8 месяцах, что ближе к Библии («каждый год» (2Цар.14:26)) и согласно с латинским переводом Иосифа.

³⁴¹ - Bloch, 49 стр.

³⁴² - В виду также нарочитого повеления Божьего об этом – чрез пророка Гада.

³⁴³ - 3Цар.5:15 и 16 – 70.000 носильщиков, 80.000 каменосечцев и 3.300 начальников; 2Пар.2:2 – надзирателей 3.600; 17 стих – «всех пришельцев» – 153.600.

³⁴⁴ - 1Пар.22:14 – 100.000 золота и тысяча тысяч серебра.

³⁴⁵ - Арх.VII, 14, 2; ib. 10; срв. 1Пар.29:4 и далее; 1Пар.22:14.

³⁴⁶ - 1Пар.23:3 – 38.000.

³⁴⁷ - См. далее, в соотв. месте.

³⁴⁸ - † 994 г.

³⁴⁹ - 994–954 г.

³⁵⁰ - О чудодейственной силе Соломона и его пророчественном прозрении в судьбы человеческие знает также Midrasch (Jalk. II, 177). Senior Sachs полагает, что упоминаемые здесь заклинательные формулы Соломона те самые, которые содержатся в liber coronularum == sepher tagin, составление которой должно быть отнесено уже ко времени Ессеев: – о ней говорит Талмуд, упоминает Chiskija.

³⁵¹ - 2Пар.2:13 – «Хирам-Авия».

³⁵² - 3Цар.7:14... Хирама, сына одной вдовы из колена Неффалимова; 2Пар.2:13–14:... Хирам-Авия, сына одной женщины из дочерей Дановых.

³⁵³ - 2Пар.14:2 и 3Цар.7:14 – «отец его Тирянин».

³⁵⁴ - выстроенный на северо-восточной стороне Сиона к западу от храма (ср. Арх.VIII, 5, 2; XX, 8, 11).

³⁵⁵ - Нарочито приходившая с подобною же, между прочим, целью царица Савская, по Иосифу – была царица Эфиопии и Египта.

³⁵⁶ - 953–931 г.

³⁵⁷ - ψευδομενος.

³⁵⁸ - 954–937 г.

³⁵⁹ - Имело значение и здесь также влияние жен, которых у Ровоама было – 18 законных и 30 наложниц (2Пар.11:21 – «18 жен и 60 наложниц».

³⁶⁰ - Иосиф поправляет этим именем упоминаемого в данном случае Геродотом «Сезостриса» и приводит важное свидетельство этого историка о покорении названным царем всей «Сирийской Палестины», причем, в посрамление сдавшихся ему без сопротивления, этот завоеватель оставил будто бы какие-то «столпы» с изображением αἰδοῖα γυναικῶν.

³⁶¹ - 900–868 г.

³⁶² - 872–850 г.

³⁶³ - κατὰ Ἀπὼνος, I, 18.

³⁶⁴ - 873–848 г.

- 365 - То же Midrasch. Jalk. II, 228.
- 366 - Библия – «в следующем году», 20 стих.
- 367 - 803–791 г.
- 368 - 803–789 г.
- 369 - Царствовал по Иосифу 40 лет; – 4Цар.14:23 – 41 год; на 27 году его воцарился в Иудее Азария (4Цар.15:1); по Иосифу – на 14-м году (791–750 г.).
- 370 - 789–737 г.
- 371 - Землетрясение это одно из наиболее замечательных, упоминаемых в Св. Писании (Амос.1:1 – оно только упомянуто – «слова Амоса... в видении... во дни Озии... за 2 года пред землетрясением»). В повествовании об этом царе (2Пар.26:16) и д. о землетрясении нет даже упоминания. Иосиф приурочивает его именно к происшествию с Озией.
- 372 - (2Пар.26:23) – «и похоронили его с отцами его на поле царских гробниц, ибо говорили: он прокаженный». (4Цар.15:7) – «и похоронили его с отцами его в городе Давидовом» – срв. Манасия (4Цар.21:18) и др. – ib. 26 ст.
- 373 - 737–736 г.
- 374 - 736–720 г.
- 375 - (4Цар.16:3) – «сына своего провел чрез огонь»; (2Пар.28:3) – проводил сыновей своих чрез огонь».
- 376 - (4Цар.27:24) – «из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Емафа, и из Сепарваима». Греческое название – Самаряне «по имени страны, в которой они поселились» (Арх. IX, 7).
- 377 - 4Цар.15 и, 27–28 «одним»; Вместо «львов» 4Ц.17:25, 26, – напавших на переселенцев и заставивших их просить научения законам Бога новой земли, Иосиф говорит о жестокой моровой язве, при чем мысль упомянутой просьбы внушается по нему «прорицателем».
- 378 - 722 г.
- 379 - См. ряд царей Ассирийских на след. стр.
- 380 - 720–691 г.
- 381 - «Ешьте в этот год выросшее от упавшего зерна и в другой год – самородное». (4Цар.19:29).
- 382 - Riehm, 1348 стр.; ср. Schrader, Kat. S. 162 ff. Для ясности предлагаем здесь ряд царей Ассиро-Вавилонской династии с 900 год. (Riehm, 103 стр.): Tiglath-Adar II, 889–884 г. Assurnâssir-habal, 883–859. Salmanassar II, 858–824. Samas-Bin, 823–811. Bin-Nirar, 810–782. Salmanassar III, 781–772. Asurdan – il, 771–754. Asur-Nirar, 753–746. Tiglath-Pileser II (Phul) 745–728. Salmanassar IV, 727–723. Sargon, 722–706. Sanherib, 705–682. Asarhaddon, 681–669. Asurbanipal (Sardanapal), 668–626. Asur – idil – ili, 625–?
- 383 - См. Ленорман. Ист. Вост. 288 стр.
- 384 - срв. Midrasch, Jalk. II, 242.
- 385 - срв. 4Цар.21:1 и 2Пар.33:1 с 4Цар.20:6.
- 386 - 691–641.

³⁸⁷ - 2Езд.1:25–32. Описание этой кончины у Иосифа дает весьма любопытное отношение трех текстов – Царств, Паралипоменон и Иосифа: Иосия падает в битве со вторгшимся в его пределы неприятелем, – несчастье для Иудеев тем более неожиданное, что это был Богобоязненнейший царь. Книга Царств передает это событие без дальнейшего мотивирования. Паралипоменон добавляет, что Нехао вообще не хотел сражаться с Израильтянами, имея намерение настигнуть собственного врага за Евфратом. Иосия не вразумился этим, хотя Нехао Именем и от Лица Самого Иеговы заверял его в дружбе (2Пар.35:22); поэтому он падает в битве. Понимание здесь сообразно теократическому и пророческому представлениям: египтяне взяты в защиту. Иосиф в общем дает то же самое, но у него дело представляется понятнее, когда он ясно говорит, что Нехао требовал пропуска, но Иосия отказал этой просьбе (X, 5, 1). Теократическая точка зрения отбрасывается, гораздо более выступает фаталистическая, при которой, конечно, по могло быть и места порицания царя, как это делает Паралипоменон, но воздерживается Иосиф.

³⁸⁸ - 609–598 г.

³⁸⁹ - 4Цар.24:1 и 2Пар.36:5.

³⁹⁰ - 2Пар.36:6 – оковал его оковами, чтобы отвести его в Вавилон.

³⁹¹ - 597–586 г.

³⁹² - Иер.32:4–5; Иез.17:12, 17.

³⁹³ - Таковую продолжительность осады Иосиф указывает согласно с (Иер.39:1–2), и следов., не в разрез (4Цар.25:5).

³⁹⁴ - Иер.32:1.

³⁹⁵ - «через 130 л. 6 м. и 10 дней» – показание, заимствованное у Димитрия, как вообще годы правления отдельных царей (Bloch, 58 стр.).

³⁹⁶ - πρὸς γὰρ τὴν τοιαύτην διαίταν αὐτοὺς κενῆσθαι (Арх. X кн. 10 гл. § 2).

³⁹⁷ - ибо «Камень этот был Христос».

³⁹⁸ - ὃ τρόπῳ τὸν Θεὸν προσκίνοῖσι.

³⁹⁹ - Дан.2:46: «пал на лицо свое и поклонился Даниилу и велел принести ему дары и благовонные курения».

⁴⁰⁰ - Дан.2:47 (срв. IV, 5; I, 7): «сказал Даниилу: истинно Бог ваш есть Бог богов и Владыка царей»...

⁴⁰¹ - Собственно, имя его Ἀβουβάσσαρος, κέκληται δὲ παρὰ Ἑβραῖοις Ναβουχοδονόσορ. Müller. Fragm. II, 508.

⁴⁰² - Weltgeschichte, I, 1, стр. 117.

⁴⁰³ - Отец Библейского Навуходоносора (Riehm, 1066 стр.).

⁴⁰⁴ - Riehm. 1069 стр.

⁴⁰⁵ - κατὰ Ἀπὼν. I, 20.

⁴⁰⁶ - Иосифово показание – в 18-й – объясняется зависимостью от Димитрия, который промежуток от Салманассара до Сеннахирима полагает в 7, вместо обычно насчитываемых 8 лет: с другой стороны, в этом отличии можно не видеть противоречия Библии, в виду того, что годы Седекии и

Навуходоносора начинались не с одного момента, и могло быть (и несомненно было) так, что год каждого из них входил как часть в годы другого.

⁴⁰⁷ - Ἀβιλμαρῶδαχος; Иер.52:31 и 4Цар.25:27 – Евилмеродах, по клинописям – Авил-Маруду.

⁴⁰⁸ - Νιγλίσαρος.

⁴⁰⁹ - Λαβοσόρδαχος.

⁴¹⁰ - Вот ряд царей Вавилонских: Asur-nadin-sum, 699–694.Regebel, 693.Mesesimordak, 692–689.Пустое место в Птолом. каноне 688–681.Asaridin, 680–668.Saosduchin (Samul-sum-Ukin) 667–648.Asurbanipal (Chiniladan) 647–626.Набополассар 625–604.Навуходоносор 604–561 и т.д. см. текст.

⁴¹¹ - Такого мнения держится Ленорман, Древн. Ист. Вост. I ч., гл. V, § 4, III примеч.

⁴¹² - Abygenus, frag. 9: Berossus fr. 14. В κατὰ Ἀπιδῶν. I, 20, годы царствования преемников Навуходоносора указываются вернее.

⁴¹³ - Геродот, I, 177 – Лабинетом.

⁴¹⁴ - О последней судьбе его см. далее.

⁴¹⁵ - Срв. Ленорман I, гл. V.

⁴¹⁶ - Или 2 года совместного правления Кира с Дарием, если принять, что 2-й год Валтассара, год падения Вавилона, совпадал с 17-м Набонида.

⁴¹⁷ - μέχρι δεῦρο μὲν ἐστὶ καὶ ὥζεται...

⁴¹⁸ - Schürer, II, 616.

⁴¹⁹ - Это не противоречит сообщению Ксенофонта, упоминающего при описании осады Вавилона об убиении царя, которого, впрочем, не именует. Тем лучше это дает нам право сказать с несомненностью, что убитый был именно Валтассар, соправитель Набонида. Сугор. I, VII, с. 5.

⁴²⁰ - по Иосифу, это было «после Дария» (Астиага, Дан.14:1). Этот Дарий, по (Дан.5:31) «принял царство 62 лет»; царем же Мидии он был 594–537 г., и после взятия Вавилона (539 г.) жил, таким образом, еще 2 года, что подтверждается, между прочим, и тем, что Библия говорит только о «первом» годе Дария (Дан.9:1; 11:1) Надо полагать поэтому, что на языке св. книг выражение «принял царство» означает собственно подчинение народа Израильского. срв. (Дан. 9:1; 10:1; 11:1). Также надо без сомнения понимать и «1-й год» Кира, т.е. как первый подчинения Иудеев и 1-й единоличного царствования, падающий на 537 г. до Р. Х. и на 27-й г. его владычества над Персией (560–529), срв. Hitzig, 276–277 стр.

⁴²¹ - Stade не без оснований стимулом к возвращению Иудеев выставляет и обыкновенные политические расчеты. Как государь не только великодушный и благочестивый, но и дальновидный политик, Кир с самых же первых шагов мог влиять, насколько полезным было бы – поставить себя дружественно к пленным иудеям и подкупить их милости возвращения в Палестину и восстановления их культа. Это служило столько же к упрочению его владычества, как и мягкое правление его покоренной Вавилонией. В то время, как на отдаленном юго-западе его царства образовывалось этим маленькое от

всех своих соседей упорно удалявшееся общество, которое столько обязывалось всеми своими благами, до самого существования включительно, персидскому правительству, – для последнего прибавлялся там один тесно связанный милостями общения и достаточно надежный союзник, обеспечивавший собою лучше всего спокойствие юго-западной границы обширной монархии. Подобная же догадка высказывается Вебером, по которому Кир ближе рассчитывал на поддержку со стороны Иудеев в войне, которую он замыслил против Египта (I, 154 изд. 1860). Все это вполне возможные, но отнюдь, однако, не единственные оправдания языческой политики, которая нашла целесообразным восстановление анти-языческого культа Иеговы и воссоздание Иудейства в Палестине. Не менее естественным для такого важного дела должно представляться соображение, что Кир мог быть возбужден к нему Даниилом, или же пророчеством Исаии, как у Иосифа, хотя дерзновенно будет конечно казаться в данном случае православнее самого Филарета, который придает этому соображению лишь значение «вероятности» или ставит принятие его в зависимость от неоспоримого авторитета Флавия. У того же Stade приводится, между прочим, и еще довольно правдоподобное объяснение чрезвычайной заботливости Кира в частности о восстановлении Иерусалимского храма. Он видит здесь акт не только политических соображений и выгод, но и вполне достойное великого царя желание – связать свое имя с восстановлением в прежнем величии древнейшего, по преимуществу царского храма, воздвигнутого и украшавшегося славнейшими царями древности; в пользу этого и не без основания выставляется самое то, что в царском указе принимаются в уважение даже размеры храма, и подтверждается, с другой стороны, возможность царской щедрости, обеспечивавшей восстановление Иудейского святилища на счет царской казны.

⁴²² - Филарет, Начертание Ц.-Б. И. 264 стр. 1 пр. Изд. 1897 г.

⁴²³ - 1Езд. (канонический текст указа) 2Езд. (апокриф. т.) Иосиф πάσας τὰς βασιλείας τῆς γῆς ἔδωχέ μοι Κύριος ὁ Θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ αὐτὸς ἐπεσκέψατο ἐπ' ἐμὲ τοῦ οἰκοδομῆσαι αὐτῷ οἶκον ἐν Ἱερουσαλὴμ... ἐμὲ ἀπέδειξε βασιλέα τῆς οἰκουμένης ὁ Κύριος ἐξοχώτατος... οἰκοδομῆσαι αὐτῷ οἶκον ἐν Ἱερουσαλὴμ τῇ ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ. ἐπεὶ με ὁ Θεός ὁ μέγιστος τῆς οἰκουμένης ἀπέδειξε βασιλέα, πείθομαι οὗτον εἶναι ὃν τὸ τῶν Ἰσραηλιτῶν ἔθνος προσκυνεῖ καὶ γὰρ τοῦμὸν προεῖπεν ὄνομα διὰ τῶν προφητῶν καὶ ὅτι τὸν ναὸν αὐτοῦ οἰκοδομήσω ἐν Ἱεροσολίμοις.

⁴²⁴ - Срв. наприм., описание размеров проектируемого храма с 1Езд.6:4 и 3Цар.6:36 (подробнее Riehm, II, 1661 и д. и Nowack, II, 71 и д.

⁴²⁵ - τὰ κτήματα καταλιπεῖν οὐ θέλοντες.

⁴²⁶ - Это известие о смерти Кира согласно с Геродотом, III, 201–214, и Диодором Сицилийским, но мы не должны игнорировать при этом и других сведений: таково сообщение Ктесия, по которому Кир умер будто бы от раны, полученной в борьбе с дербиками на берегах Окса.

⁴²⁷ - По Иосифу, царствовал 6 лет, точнее, по Геродоту, 7 л. и 5 месяц. (кн. III. гл. 64, срв. 65 гл.), по Виросту – 8 л., что не противоречит Геродоту, ибо лишние 7 месяцев образовались от прибавления времени Лжесмердиса, не

признанного официально. Справ. Евсевий (Chron. lib. II, Mygne, P. C. C. ser. gr. t. XIX, col. 467–470).

⁴²⁸ - Вот ряд царей Персидских: Астиаг, последний царь, Мидян 595–559. Cyrus 559–529. Cambyses 529–522. Маги-братья 522. Дарий I, Гистасп 521–485. Xerxes (Ahasverus) I, 485–465 (по Евс. † 1-й г. 79 Ол., == 464–463 г.). Artaxerxes I Longimanus (Artahsastah) 465–424. Xerxes (меньший) 424? Согдиак – 424? Дарий II 424–404. Artaxerxes Memor 404–361. Artaxerxes III Ochus 361–336. Дарий III Кодоман 336–330 (finis). Александр Великий (Макед. царь) 329–323.

⁴²⁹ - Есть основания допустить, что работы застигнуты были остановкой вскоре после начатия, едва только был заложен фундамент. Это в намеке можно видеть в (2Езд.6:20), и прямее высказано у Иосифа, в 4 гл. § 4, XI кн.

⁴³⁰ - Срв. также Hitzig. 271–274.

⁴³¹ - До настоящего времени нельзя без изумления видеть остатков, например, фундамента, сохранившегося, как полагают, от времен Ирода, и простирающегося в некоторых местах вглубь до 120 ф. под поверхностью земли, сверх не меньшего возвышения надо этой поверхностью. См. Св. г. Мориа, Нива № 42, 1900 г.

⁴³² - Когда у Köhler'a II/2 стр. 579 замечается напротив, что постройка храма в действительности стояла не 9, а 16 лет, с конца 536 г. до половины 520, то Иосиф прав постольку, поскольку ведет свой счет с Камбиза. Это и естественнее, ибо ни откуда не известно, чтобы происки врагов Иудеев остановили храм еще при Кире. Иосиф правдоподобно относит это ко времени Камбиза

⁴³³ - Сконч. 522 г. Meyer. Geschichte des Alterthums. B. I, s. 512.

⁴³⁴ - Срв. у Иосифа: «по избиении магов, овладевших после смерти Камбиза правлением над Персами и державших власть в своих руках в течение гола (Геродот «7 месяцев, которых недоставало к 8-ми годам Камбиза» (кн. III, гл. 65), семь персидских домов (т.е. в лице своих представителей), выбрали царем Дария (Арх. XI, 3, 1; срв. Герод. III, 68–88) Гистаспа.

⁴³⁵ - Не мало указать можно и других разительных образцов в данном отношении. Таковы, особенно, наименования вождей переселенцев Иосифа – φυλῶν ἄρχοντες; у 2Езд.2:8 – ἀρχίφυλοι; у 1Езд.1:6 – ἄρχοντες τῶν πατρίων (срв. Еще Арх. XI, 1, 32Езд.2:111Езд.1:82, 32:174:8–11ib.2:184:12и много других подобных мест, представляющих, между прочим, при большем сходстве Иосифа с Ездрой апокрифическим, – и радикальное отличие от Ездры канонического.

⁴³⁶ - 1Езд.5:13 Фафнай и Шефар-Бознай; 2Езд.6:3 – согласно с Иосифом.

⁴³⁷ - Знаменательно здесь то, что донощики не придумывают никаких тенденциозных освещений предприятия Иудеев, с целью вернее вооружить против них царя. И Иудеев они спрашивают, по Иосифу, не о том, какое они имеют право строить вообще, но лишь о том, зачем строят так, что из храма выходит скорее крепость. Очевидно, что такая форма запроса лучше идет к

повторению всей этой истории, почему и допускает ее Иосиф, подтверждал, что остановка, вопреки Stade, была, и прямо указывая, что представлял из себя неоконченный храм, (один «фундамент»). (Арх. XI, 4 гл. § 4).

⁴³⁸ - Иероним, ссылаясь на Хронику Евсевия, дает тоже показание, но в существующем теперь тексте Хроники это событие отнесено к 4 году 65 Ол. и 4 году Дария. (Mugne. P. C. C., ser. g., t. XIX, col. 469–470).

⁴³⁹ - В этой тяжбе Самарян с Евреями нельзя не отметить подтверждения факта вмешательства Самарян в дело построения храма. Stade, как мы видели, обходить этот факт и хочет знать только о препятствии со стороны Самарян построению Евреями стен. Данная подробность Флавия весьма годится для ослабления аргументами Stade, см. выше.

⁴⁴⁰ - Артаксеркс Ездры I и II, 8 гл. 1 и др.

⁴⁴¹ - Dynnkell, Chron. 251; Eichhorn, Einleit. III, 607; Bertholdt, Einleit. III, 989 и д. Winer, B. Reawört, I, 90; Bertheau, 398, «в 7-й год» (1Езд. VII, 8; Арх. XI, 5, § 2).

⁴⁴² - Настоящий, с правом полного законосообразного проявления своих потенций, первосвященник был в Иудее, и теперь это был Иоаким (Неем. XII, 26), сын Иисуса, а после него был Елиашив, сын его (Неем. III, 1).

⁴⁴³ - Kohler II/2, стр. 646, пр. 1. Ewald. IV, 213, № 1. Rosenzweig, Jahrh. S. 120, № 1. По Иосифу, смерть Ездры представляется происшедшей до прибытия и деятельности Неемии, срв. Арх. XI, 5 гл. §§ 5 и д.

⁴⁴⁴ - Иосиф называет этого царя Ксерксом, предшественником Асвира (или Ahasverus'a, греческого Артаксеркса). Мы видели уже, что это должен быть Артаксеркс Макрохейр, сын его.

⁴⁴⁵ - Все они усвоят себе наименование «Иудеев», ибо «колени Иудово первое прибыло в ту местность, откуда как народ, так и самая страна получили свое название (Иудея)». Нужно думать более: это произошло от того, что большинство возвратившихся принадлежало к бывшему царству Иудейскому, а также вследствие сосредоточения религиозных надежд народа в имени «Иуды»; последнее оправдывается тем, что не только все Евреи, возвратившиеся из Вавилова, приняли это название, но и оставшиеся в Вавилоне, как впоследствии рассеявшиеся по другим странам (Дан. 3:8, 12; 1Езд. 4:12, 23; Неем. 1:2; 2:16; 5:1; Есф. 3:4 и др.).

⁴⁴⁶ - «Великого», (Есф. 1:1) – предисловие. По более точным и подходящим признакам это событие из времен Ксеркса, сына Дария, известного под именем «Ага-свера» (Ahasverus) или что тоже «Асвира». См. Jastrow, 90 и д., срв. выше, цит. сочинения. (См. также Riehm и Theologische Stud. u. Krit 1857 г. 89 стр.). Тоже подтверждается обширности персидской монархии (Есф. 1:1), сходством характера, хронологическими и филологическими данными. Но другим, события относятся ко времени царствования Артаксеркса (Лонгимана 465–425, Неем. 2:1); то и другое показание, при положительных для себя подтверждениях, не чужды своих противоречия и трудностей, не всегда легко устранимых, срв. Ewald, IV, 136 стр. прим. 1.

⁴⁴⁷ - (Есф.3:1, 10; 8:3, 5) «Вугеянин», т.е. Агагит, от сл. «Агаг» – вероятно, нарицательное имя или титул Амаликитских царей, подобно египетскому «фараон» (от корня $\lambda\lambda\lambda$ жечь – $\text{A}\gamma\alpha\gamma$ и $\text{G}\acute{\omega}\gamma$).

⁴⁴⁸ - По Иосифу, Аман обещает уплату показанной суммы из «собственных своих средств», которые он «охотно жертвует, лишь бы избавить царство от этих негодяев"... Jastrow основательнее представляет дело таким образом, что Аман обещает царю от истребления евреев не убытки, которых он боялся, а скорее выгоду: по его подсчетам конфискация имущества убитых даст доход казне в размере указанной суммы и в этом смысле ожидаемый доход был «обещанием» Амана. Так или иначе, «собственные средства» Амана, очевидно» мало теряли с приведением в исполнение его варварского плана, отданного на полную свободу его изобретателя.

⁴⁴⁹ - Продолжительность его царствования вообще указывается различно: Diod. Sic., XV, 93 и XIII, 108 насчитывает 43 года; Euseb. 40, Астрон. Кан. – 46; Plutarch Artax. 42 года: срв. Wesseling к Diod. Sic. XIII. 108.

⁴⁵⁰ - Так называет его Иосиф в согласии с (Неем.12:22); ст. 11-й, напротив, называет его Ионафаном, хотя Иоанн стиха 23-го по (Езд.10:6) был один из сынов Елиашина.

⁴⁵¹ - Chron. II, 221.

⁴⁵² - Histor. III, 7, а также Abulfaradsch (Chron. p. 36).

⁴⁵³ - Colinus, Memor. 35, 4. Polihystor, с. 44. См. у Riehm'a 116 9 стр. и Keil, Comment. Buch. Makkab. 6 стр.

⁴⁵⁴ - Это восстание повело также к разрушению Сидона и завоеванию Египта (Diod. Sic. XVI, 40 и д.).

⁴⁵⁵ - Grätz, 446. Спустя 200 лет, храм этот был разрушен Иоанном Гирканом (Арх. XIII, 9, § 1; περὶ ἁλώσεω . I, 2, § 6). Но и после этого гора Гаризин оставалась для Самарян преимущественным местом молитвы (Ин. 4:23; Арх. XVIII, 4, 1; περὶ ἁλώσεω . III, 7, 32). Еще и ныне гора эта жителями Наплузы (библ. Сихем) именуется горой святой и благословенной, и к ней именно обращаются во время молитвы лицом (Eichhorn, Repert. IX, 9).

⁴⁵⁶ - срв. Hitzig. 303–310; Riehm, 1350 стр.

⁴⁵⁷ - Hitzig, 310, срв. 302; срв. Keil, стр. 7 примеч.

⁴⁵⁸ - Первый из этих историков – Квинт Курций оставил в свое время специальную историю об Александре Великом в X книгах, из коих две первые почти без остатка утрачены, 5, 6 и 10 сильно испорчены (Перев. в 2 томах Крашенинникова, СПб. 1800 г.). Время жизни Курция и далее личность его не установлены. По мнению Вебера (Вс. Ист. IV, 361 стр. изд. 1892 г.), автор этот был ритор и жил в первые десятилетия нашей эры. По Шлоссеру (II, 153 стр. изд. 1869 г.) он жил во время Веспасиана. – Арриан, малоазийский грек, правитель Каппадокий, знаменитый философ, полководец и писатель, жил во времена Римского имп. Адриана, оставил прекрасные рассказы о походах Александра (Anabasis). О других историках Александра см. далее, при обзоре источников после Маккавейского периода.

⁴⁵⁹ - Все так же точно Курций и др. летописцы Александра.

⁴⁶⁰ - Здесь некоторые понимают по собственно Аравию, а области Аравийских разбойнических племен в верхней части Галилеи, между Ливаном и Антиливаном.

⁴⁶¹ - Diodor. XVII, 48.

⁴⁶² - Дальнейшее сообщение Иосифа о том, что и Самаряне после этого пытались всячески добиться себе тех же милостей, для чего кроме лести к царю употребили обычное средство в подобных случаях – ссылку на свое еврейское происхождение от детей Иосифа – Ефрема и Манассии, отказавшись, однако, назвать себя Иудеями, почему и Александр отказался распространить на них вышедарованные милости, – это сообщение, в виду его недостаточно сдержанного партикуляризма и тенденциозно-проведенного недоброжелательства к раскольникам Самарянам, ставится также в упрек приведенной «легенде» и в основание для ее отвержения. Но поводу этого последнего обстоятельства, мы хотели бы заметить здесь, что, при полной естественности Иосифова рассказа о Самарянах, хотя бы и недоказуемого со стороны своей достоверности, ставит неугодность тенденции его в связь с предшествующим, и ради этой неугодности отвергать все – было бы, поистине, грубой и нимало не убедительной натяжкой.

⁴⁶³ - Факт, подтверждение которого можно видеть в сообщении Иосифа о любопытном инциденте, имевшем место при попытке Александра восстановить храм Вавилонского Бела, разрушенный Артаксерксом. Когда солдаты, по приказанию вождя, деятельно принялись за расчистку фундамента от заваленного мусора, в отряде оказалось не мало Иудеев, которые не нашли возможным исполнять это приказание своего вождя, и категорически отказались от всякого участия в построении святилища для идола. Нетерпимо-дерзкие нарушители солдатской дисциплины сначала были подвергнуты жестокому наказанию, которое стойко было перенесено, лишь бы остался ненарушенным основной закон их религии. Разведав ближе о причинах столь необычного упорства Иудейских солдат и найдя оное достаточно уважительным, Александр великодушно дарует прощение виновным, уже не принуждая более их к противной их совести работе (κατὰ Ἀπίων. I, 22).

⁴⁶⁴ - Renan называет рассказ Иосифа романом, выдумкой, Piepenbring – продуктом национального тщеславия Иудеев. Отрицают также его: Derenbourg, Hitzig, Schlosser, Иегер, Лоренц, Уиллер, хотя Лоренц не находит в нем ничего невероятного. Срв. Droysen, Ист. Еллин.

⁴⁶⁵ - срв. Hitzig, 324.

⁴⁶⁶ - Hitzig, 326 стр.

⁴⁶⁷ - В опровержение этого argumentum e silentio, Keil считает достаточным напомнить, что вообще из повествований древних об Александре до нас сохранилась ничтожная часть. Comm. и. В. Масс. примеч. 8 стр.

⁴⁶⁸ - По Курцию, после взятия Газы, Александр спешил в Египет; и, по свидетельству Арриана (III, 1, 1, ср. Курц. IV, 29 == 7, 2), на 7-й же день после взятия названного города уже прибыл в Пелузию, к пределам Египетской

земли. Примиряя эти известия с Иосифом, говорят, что Александр был в Иудее и др. местах Палестины по взятии Тира и прежде похода к городу Газе (Евсевий, Плиний, Ариан). Это возможно: в то время как «Александр Гефестиону приказал обойти флотом вокруг финикийской страны, сам он со всем войском пошел к Газе» (Курц. IV, 21), последнему городу из Финикии в Египет, стоявшему на окраине степи (Арриан), идущей отсюда до самого Египта, и представлявшему, т.о., как бы ворота в Египет. Как именно Александр шел от Тира до Газы, на это проливается достаточный свет у Курция же, IV, 33, где он, упомянув о сожжении взбунтовавшимися Самарянами оставленного в Сирии воеводы Андромаха, для отмщения смерти последнего, заставляет Александра тотчас же и «с великою поспешностью» отправиться в Сирию, для наказания бунтовщиков и восстановления порядка (на место убитого Андромаха ставится Мемнон). Если отсюда он уже продолжал надвигаться к Египту, то легко возможно, что путь его лежал чрез Иерусалим, и тот который «nullam urbem obsedit, quam non expugnauerit, nullam gentem adiit, quam non calcaverit» (Иуст. XII, 16) не мог, конечно, оставить в тылу у себя столь «беспокойный» город. Необходимость спешит в Египет и крепость Иерусалимских стен могла, конечно, охлаждать его воинский пыл, но тот, пред настойчивостью которого недавно уступали сердитые буруны моря (при Тире) мог не без основательной самонадеянности считать себя царем суши. К тому же он мог быть уверенным, что Иерусалим не затянет осады. Может быть, не это ли оправдание надежд Александра следует читать между строк Иустина, X, 11 гл.: inde (после покорения Тира) Rhodum Alexander, Aegyptum Ciliciamque sine certamine recipit? Наконец, как бы мог иначе Александр чувствовать себя свободным в своих действиях далее, при объявлении похода к Евфрату, на мечтавшего о реванше Дария? Спора быть не может, что Иерусалим из-под власти Дария перешел в руки Александра. Но как же именно? Об атом критике не возбраняется спорить, как не возбраняется оспаривать и предубежденный скептицизм к Иосифовой легенде.

⁴⁶⁹ - Курций IV, 5 § 13; Арриан говорит только: «после взятия Тира Александр двинулся в Газу"... и, затем, переходить круто к описанию похода Александра в Египет. Замечательно несогласие историков Александра даже вот в чем: по Курцию, Арриану, Диодору и Плутарху – Тир взять приступом, по Иустину изменой, по Елиану – военной хитростью.

⁴⁷⁰ - in Syriam profiscitur ubi obvios cum infulis multos Orientis reges habuit. Ex his pro meritis singulorum alios in societatem recepit: aliis regnum ademit, suffectis in loca eorum novis regibus... (Just. XI, 10).

⁴⁷¹ - Правда, об этом говорится еще до осады Тира, – однако, возможность того, что в данном случае мыслилось и последующее, ничем не исключается. Замечательно ЭТО место у Курция, которого мы позволим себе привести целиком. «При походе Ал-ра из Фазеля... другим благодеянием оказалось Божье к нему благоволение. Послана была от него часть войска чрез горы к Пергамскому городу, а с остальным шел он сам по морскому берегу, где Климакс гора прилегла к Памфилийскому морю, между которою горою и морем в тихую погоду остается для прохода узкий припаек (низкий

песчаный морской берег, во время приливов затопляемый, а при отливе обсыхающий)... До его прибытия беспрестанно были южные ветры, которые морскую воду вгоняют на этот берег и затопляют его (были и великие дожди), но к прибытию Ал-ра вдруг повеял сев. ветер, небо... очистилось, вода сбежала в море, и Македонянам учинился свободный путь, – однако... все таки надлежало целый день брести в воде почти по пояс (примени это к 112 стр. наст, сочинения примеч. 6-е). Сказывают, что еще в Македонии явилась А-ру во сне особа великолепием человечество превосходящая и приказывала немедленно следовать в Азию, для искоренения Перского владения; о каком сновидении вспомнил он будучи в Финикии, когда вышел к нему на встречу Иудейский священник, на котором опознал он убранство, какое за долго до того видел на явившейся во сне особе. Ибо, как во время Тирской осады приказал он ближним владельцам и народам покоряться и оказывать ему помощь, а Иудеи, жившие в славном городе Иерус-е, извиняясь союзом с Дарием, от Македонской дружбы отказались, то для отмщения за такое техупорство вступил он в Иудею в намерении неприятельском. Но Иерусалимские жители для укрощения царского гнева с женами и детьми раболепно вышли ему на встречу. Наперед шли свящ. в белом полотнян. облачении, за ними следовал народ в белом же одеянии, а предводитель был у них Иаддай – Архиерей в обыкнов. свящ. одеянии. А-р, удивляясь великолепию и благочинному обряду приближающихся навстречу, соскочил с коня и один пошел к ним, и поклонясь Имени Божьему, которое наперед архиер. шапки на золотой дске вырезано было, самого Архиерея со всякою учтивостью поздравил. Такое нечаянное дело всех бывших при нем привело в изумление. Иудеи, вместо чаянной скорой гибели получив надежду не только спасения своего, но и нечаянной царской милости, вокруг его обступили и начали приносить похвалы и поздравления. Напротив чего, Сирские владельцы, которые ради частых и великих ссор с Иудеями Александру последовали, надеясь страсть злобного своего сердца удовлетворить гибелью неприятелей, в изумлении находились... (и Македоняне) пока Парменион, подойдя к нему, спросить отважился: «для чего он воздаст чужестранным обрядам такую честь, которую от такого гнусного народа и принять едва б толь великому государю пристойно было» – и он сказал ему свое сновидение. Потом, войдя в город, в преславном храме учинил Господу Богу жертвоприношение по Иудейскому обычаю и храм одарил. Причем, читал он и свяш. Иуд. книги, где написаны были древние пророчества, явно предсказывавшие, что Тир будет в Макед. владении, и Персов некто Грек завоюет. Ал-р, почитая себя за указанного в пророчестве, позволил Иудеям «внутри и вне» отечества свободно содержать свой закон и обряды; и не вслед с них брать подать в субб. год, в который они пашни не пашут. Удивлялся же и свойству земли их..., над означенными странами начальником поставил Андромаха, которого вскоре после того Самаряне, всегдашние Иудейские неприятели, злою смертью погубили. Но сие происходило по взятии Тира и Газы, а мы здесь объявили по случаю (Курц. II, 11 гл.). Предварение этого рассказа у Курция оговоркой «сказывают» – отнимает не мало силы у настоящего свидетельства;

тем не менее нельзя не придавать ему вовсе никакого значения, даже и имея ввиду сравнительно позднейшее время жизни Курция.

⁴⁷² - Jahn, Archaeol. III 300; S-te Croix, Examen critique, etc. Thirwall. Hist. of Graece, VI, 206.

⁴⁷³ - Joma, f. 69 a; ap. Otho, Lex. Rabb. s. v. Alexander; Megillat-Taanih 3 и 9; Synhedrin 91 a, Gen. r. c. 61; Levit. r. 13; Jalkut 1, 110.

⁴⁷⁴ - S-te Croix pp. 209–212.

⁴⁷⁵ - Существование рассказа об Александре в Талмуде и вообще в предании во всяком случае показывает, что Иосиф не мог выдумать этот рассказ или даже только прикрасить его. Он передал его bona fide так, как нашел. Это много ослабляет подозрительность сообщения Иосифа.

⁴⁷⁶ - Срв. Hitzig. 310, 312 и 324 стр.

⁴⁷⁷ - Срв. Ленорман. Древ. Ист. Вост. I, гл. V, § 4, III, 414 стр. прим.

⁴⁷⁸ - Некоторые исследователи этого вопроса пытаются установить самые источники Иосифова рассказа об Александре. (См. перевод Флавия на русск. яз. Генкеля, о догадках Бюхлера, в его исслед. «La relation de Josèphe concernant Alexandre le Grand» в Revue des études juives (Janvier – Mars, 1898/ Для вопроса о подлинности события в чертах Иосифа, эти догадки значения большого не имеют.

⁴⁷⁹ - По любопытному свидетельству Павзаша (I, 6), ссылающегося на «Македонян», этот Птоломей был «сын Лага» лишь по имени: на самом же деле отцом его должно считать Филиппа Македонского, который выдал свою наложницу Арсеною за Лага, человека незнатного, уже в беременности ее Птолемею. Таким образом, Птоломей приходился братом Александра Македонского, лишь от другой матери. Этого-то Птолемея Павзаний называет виновником того, что монархия была поделена, а не перешла вся целиком к другому сыну Филиппа – Аридею.

⁴⁸⁰ - Иное деление монархии Александра указывает Павзаний (I, 6). Птоломей получил Египет, Антипатр – Македонию, Кассандр – Карию, Лисимах – Фракию. Антигон – Памфилию, Ликий и великую Фригию, Евмен – Пафлагонию и Каппадокию и пр.

⁴⁸¹ - Павзаний приписывает изобретение этого прозвища Родосянам.

⁴⁸² - По свидетельству Павзания (I, 6–7 гл.), Птоломей, по смерти Пердикки, захватившего было под именем Аридея, брата Александрова, самодержавное могущество, покорил немедленно своей державе Сирию и Финикию, принял под свой покров Селевка, Антихова сына, побежденного Антигоном и задумал отомстить последнему. На союз с собою для этого он склонил и Кассандра, Антипатрова сына, и Лисимаха. Антигон, пользуясь отлучкой Птолемея в Ливию, сначала напал на Сирию с Финикией, и отдал их сыну своему – юному, но храброму Димитрию. После одной неудачи, этот разбил Птолемея, а потом вместе с отцом своим напали на Египет, куда он бежал. Антигон скоро умер, разбитый соединенными силами Лисимаха, Кассандра и Селевка, а Птоломей опять вернул себе всю Сирию.

⁴⁸³ - Загадочно и темно дальнейшее замечание Иосифа о распрях, возникших в Египте между Судейскими и Самарянскими переселенцами, «вследствие желания первых сохранить издревле установленные обычаи в деле отсылки жертвоприношений». Иерусалимцы, считавшие единственно свой храм священным, требовали туда именно и отсылки жертвоприношений; Самаряне настаивали на требовании отправлять эти приношения на гору Гаризим»; дело доходило даже до кровавых схваток друг с другом. Что Иерусалимцы требовали отсылки «всех» вообще сборов в Иерусалим, это естественно. Относительно Самарян нельзя не признать за более достоверное, что они желали, и вполне законно, выделить себя из обязательных жертвователей на нужды Иерусалимского храма и «свои» сборы предпочитали отправлять на гору Гаризим. Непонятным после этого остается одно – имели ли основания и права Иерусалимцы насиловать религиозные чувства и свободу убеждений Самарянина?

⁴⁸⁴ - «Иудейское толкование Ветхого Завета» и «Перевод LXX». См. также «Чтения общ. люб. дух. просвещ. 1875 г.» ст. проф. Елеонского...

⁴⁸⁵ - Grätz'у это не нравится.

⁴⁸⁶ - Известно, что в гораздо более позднее время сознавался в крайней недостаточности свободы владения греческим языком такой щелкопер, как Иосиф Флавий, вынужденный для своего груга, писанного для Греков и на греческом языке, пользоваться услугами особых помощников (срв. Grätz. 437 стр.).

⁴⁸⁷ - По Павзанию, прозвище это (Филадельф) дано Птоломею в посмеяние за убийство 2-х братьев, а по другим – за женитьбу на родной сестре, см. Вебер I, 315. Другое его прозвище – Леонтиск.

⁴⁸⁸ - Этот Елеазар был, по Иосифу, заместитель малолетнего Онии, сына Симона пр. (310–291), (как брат последнего), который имел отцом в свою очередь тоже Онию, сына перв. Иаддая, современного Алекс. Макед. После него первосвященническое достоинство носили – Манассия, дядя его, и потом Ония II, сын Симона Праведного.

⁴⁸⁹ - Срв. Grätz, 436 и д.

⁴⁹⁰ - Hitzig, 344 стр. срв. Grätz, 436 и д.

⁴⁹¹ - Еще целесообразнее объяснить это участием Промысла Божьего в судьбах человечества. В таком случае описываемое событие выступает, как последняя подготовительная ступень к приобщению Царству Божьему язычников. Уже в выделении Израиля из среды всех остальных народов в народ избранный, Божий, это приобщение не только не исключается, но прямо подразумевается. Израиль не единорожденный, но только перворожденный сын Иеговы в многочисленной семье других чад Божьих, для коих Израиль предназначался быть «посредником» освящения. («благословятся в тебе все племена земные»). Партикуляризм, по которому Иегова представлялся всецело и исключительно Богом Израиля, имел известную односторонность и ограничение в воззрении на Божественное бытие и действия; но эта односторонность и ограничение, имевшие свой противовес в универсализме

обетования были необходимы и полезны на время в качестве сильной преграды угрожавшему слиянию и амальгамированию с язычеством. Только из отчетливого и вызревшего партикуляризма мог поводиться истинный универсализм. Исторически это оправдывалось шаг за шагом по мере того, как шло вперед развитие Иудейства. Период царей уже заметно сближает Иудеев с окружающим миром, и хотя это сближение было нередко несчастным для Израиля (влияние идолопоклонства), за то полезным для язычества, которое, так или иначе воспринимало и само плодотворные семена Иудейского развития. Вавилонский плен и рассеяние Иудеев было величайшею миссией Ветхого Завета, подобие какой может дать разве апостольство в Новом. И как в результате последнего (апостольства) «во всю землю изыде вещающе их», так в результате того является перевод LXX, объединивший весь мыслящий мир около одного центра и помогший это единство сплотить потом у подножия Креста!

⁴⁹² - «Есть предание, как говорит р. Иуда, что, когда наставники наши дозволили Свящ. Писание для перевода на речь Греков, то дозволили это только в отношении к книге закона, откуда затем и появился известный труд Птолемея царя».

⁴⁹³ - М. Licinius Crassus Mucianus, поставленный в Сирии Клавдием, срв. περὶ ἁλώσε. XI, 4, 4; Тацит, Hist. I, 10; II, 5.

⁴⁹⁴ - Похвалы, какие при сем щедро расточает Иосиф по адресу Веспасиана и Тита, понятно, много обязаны обычному ласкательству самого Иосифа, но все же приведенный факт не мог быть им сполна выдуман.

⁴⁹⁵ - Арх. XIV, 8, § 1–2.

⁴⁹⁶ - Арх. XIV, 10, § 13–14.

⁴⁹⁷ - Об этом взаимодополнении источников Иосифа и Маккав. кн. и вообще источников об этом периоде, см. Grimm, XXVI и д. (XXX).

⁴⁹⁸ - 2Мак. 3:3.

⁴⁹⁹ - Геогр. Страб. XI, 10, 2; XII, 8, 15; XIII, 4, 2.

⁵⁰⁰ - Дан. 11:6, 9.

⁵⁰¹ - Генеалогия Селевкидов такова:

⁵⁰² - Полиб. V, 31–34, 40 и др.

⁵⁰³ - Генеалогия Птолемея:

⁵⁰⁴ - Мотивами для измены Феодота послужила, по словам Полибия, с одной стороны – беспечная распутная жизнь царя, а с другой – его неблагодарность к Феодоту, важные услуги которого при отражении нападения на Келе-Сирию со стороны Антиоха нисколько ранее – остались без всякого внимания. Полиб. V, 40.

⁵⁰⁵ - Первое занятие этих местностей Антиох приписывает Антигону (Кривому), который был царем Азии 318–301 до Р. Этот Антигон – первый из полководцев Александра присвоил себе царское звание в Сирии и тем подал повод к основанию и других династий. После сражения при Ипсе, с согласия

прочих царей ему наследовал Селевк I, на что также ссылался Антиох Епифан (Полив. V, 67, срв. II, 41, 71).

⁵⁰⁶ - Легендарные сказания усвоят несчастные результаты этой затее царя; едва он вошел внутрь храма, как тотчас же пал и был вынесен оглушенным и разбитым. Впоследствии, он жестоко выместил на Иудеях свое фиаско.

⁵⁰⁷ - Срв. Polyb. XXI, 9, 13 и д. Diod. XXIX. Liv. XXXII, 19.

⁵⁰⁸ - Все это исчисляет Иосиф в форме письма, адресованного Антиохом на имя «Птолемея». Несколько выше этого замечается, что Антиох отправил своим военачальникам и приближенным послания, в которых свидетельствовал, как хорошо отнеслись к нему Иудеи, и указывал, какие награды он решил дать им за это. Затрудняясь признать уместность того, чтобы Антиох имел какие-то поводы писать такое письмо Птолемею, своему только что разбитому врагу, исследователи объясняют выражение Иосифа ошибкой или просто желанием привязать гуманность Антиоха к имени Птолемея Филадельфа, прославленного тою же гуманностью к Иудеям в эпоху LXX. Но нашему мнению, правдоподобным может служить также предположение, что в выражении письма «Царь Антиох посылает привет Птолемею»... нет надобности разумеать непременно Египетского Птолемея. И, странно прежде всего, почему бы в таком случае Антиох не назвал его «Царем». Если так, то здесь под Птолемеем можно, кажется, разумеать какого-либо из военачальников Антиоха, которые могли носить это имя, подобно как впоследствии с этим именем мы знаем зятя Симона Маккавея.

⁵⁰⁹ - Срв. Jastrow.

⁵¹⁰ - Hitzig констатирует его подлинность. 356 стр.

⁵¹¹ - Срв. Полив. V, 82 и д. XXVIII, 17; Иустин, XXX, 1.

⁵¹² - 2Мак.3:38 и ранее.

⁵¹³ - Срв. (2Мак.3:6).

⁵¹⁴ - Срв. Павв. I ч. IX гл.

⁵¹⁵ - Срв. Grimm.

⁵¹⁶ - Schür. I, 139, 186.

⁵¹⁷ - Арх. XII, 4, 10.

⁵¹⁸ - Hitzig, 346–347.

⁵¹⁹ - Срв. выше Schür.

⁵²⁰ - Polyb. 23:11, 12; 24:4; Ливий, 39, 35 ff. Pausan. VII, 9, 2.

⁵²¹ - Срв. отзыв об этой попытке Hitzig'a и подобной же Michaelis'a в Riehm, 1513 стр.

⁵²² - С главным городом «Патара» (ср. «Спарта»).

⁵²³ - Riehm. 84, Areus, 1512–1513 стр.

⁵²⁴ - Срв. Grimm.

⁵²⁵ - Срв. Freudenthal, Alex. Polyh. s. 29 Anm.

⁵²⁶ - !!!(этой сноски нет – ориг.стр.228, пдф – 120)!!!

⁵²⁷ - См. далее.

⁵²⁸ - (2Мак.3:4, срв. 4:23). У Иосифа Флавия здесь находим важное разногласие. По его представлению (Арх.ХII, 5, 1, срв. XX, 10), Менелай является братом низложенного Онии, и Иудейское имя его было также Ония. Это, однако, очевидная ошибка. С одной стороны, странно, что два брата носят одинаковые Иудейские имена (Онии), и с другой – непонятным представляется в устах Асидеев в (1Мак.7:14) заявление: «священник от племени Аарона пришел вместе с войском и не обидит нас!»... (срв. Bertheau, 1. с. р. 42 и д.) Естественно поэтому, считать Менелая узурпатором первосвященства в полном смысле слова, как ясно следует и из II Маккав. кн. ук. место.

⁵²⁹ - Иосиф далее дает понять, что Антиох воздвиг гонение на веру Иудеев по совету именно Менелая.

⁵³⁰ - Для характеристики римской политики, что носит особенный интерес для последующего, столько же как для характеристики Антиоха, любопытно воспроизвести самые обстоятельства свидания Антиоха с римским посольством. Во главе последнего стоял товарищ Антиоха по детству и школе – Попилий Лена, и Антиох, естественно, выходя на встречу Полилию, обнаруживает стремление обнять своего друга. Каково же было его удивление и разочарование, когда этот друг, вместо всяких любезностей, вложил в протянутую ему для объятия руку декрет сената, с предложением сейчас же прочесть и исполнить его. В первую минуту Антиох не потерял присутствия духа и не без твердости заявил, что желает обдумать это дело. Тогда надменный Римлянин обводит своею тростью на песке круг около Антиоха и заявляет, что, даже не выходя из этого круга, он должен решить вопрос о войне или мире и показать, желает ли он повиноваться сенату и остаться другом Римлян или хочет стать врагом их. После этого Антиоху выбирать долго было нечего. На Сирийском царстве еще не зажили раны, нанесенные во время войны отца его с Римлянами, которые как раз только что положили также конец Эллино-Македонскому царству, о чем сейчас узнал и Антиох. «Я сделаю то, что сенат считает за благо!», объявил он в виду всего указанного. И это было, очевидно, самым благоразумным со стороны Антиоха.

⁵³¹ - (2Мак.5:15, 20 и д).

⁵³² - (1Мак.1:29–64).

⁵³³ - Срв. Арх.ХII, 7, 2–3; ib. – 4; ib. – 8,1 с (1Мак.3:27 и 37;–4:15;–5:8). Арх.ХII, 9, 1 с (1Мак.6:1); Арх.ХII, 9, 2 с (1Мак.6:14); Арх.ХII, 9, 4 с (1Мак.6:43); Арх.ХIII, 1, 4; 4:4–5-9 и мн. др. с (1Мак.9:37; 10:74; 11:7; 26–59).

⁵³⁴ - השמנים

⁵³⁵ - Ἀσαμωναῖος, Арх.ХII, 6, 1, отсюда – ἡ Ἀσαμωναίων γενέα, Арх.ХIV, 16, 4, – οἱ Ἀσαμωναίου παῖδες, XX, 8, 1, οἱ τῶν Ἀσαμωναίου παίδων ἔκγονοι XX, 10; у Иосифа Гориона и в Талмуде השמונאים или בני השמונאים (1Цар.2:4). Производится это имя обыкновенно от השמן, plnquis, dives, (Пс.68:32), срв. Gesenius thes. p. 534. (Keil, 13).

⁵³⁶ - Название Маккавеев семейство это получило собственно от прозвища Иуды «Маккавей» (то же, что германское «Мартелл», т.е. молот), названного так за свое выдающееся геройство и успехи, благодаря чему и самое движение, вызванное и поддержанное братьями, носит наименование движения, борьбы, эпохи Маккавеев.

⁵³⁷ - Материал для истории Иуды дают также Megillath-Taanih, § 30, у Derenbourg, Histoire, p. 63. А образец обработки этого материала – Schürer, I, 210–222, и далее, а также Holtzmann.

⁵³⁸ - Повествование Иосифа об этом вожде идет в такой близкой точности к первоисточнику, как только могла позволять его память и внимание, если он преимущественно этот источник имел пред глазами. Маленькие неточности и другие особенности его рассказа, который при случае мы будем отмечать, почти только простые описки и просмотры, и едва ли могли быть обособываемы на каких-либо других, посторонних данных.

⁵³⁹ - В повествовании о последней судьбе Антиоха Иосиф делает весьма важное дополнение к (1Мак.6:2), называя по имени Елимаидский храм (Артемиды) и исправляя замечание историка Поливия относительно причин гибели Антиоха. Находя странным объяснение этого «в общем достоверного писателя-историка», что Антиох поплатился преждевременной гибелью за намерение, хотя и не осуществленное – ограбить упомянутый Артемидин храм, Иосиф считает более основательным отвести эту гибель за счет совершившегося разграбления Иерусалимского храма. О попытке разграбить названный храм читаем кроме Поливия (31, 11) у Иустина, Аппиана, Страбона и др. писателей. Местонахождение этого храма точнее не м.б. определено (см. Boettger, I. с. p. 110).

⁵⁴⁰ - По Иосифу, Горгий решил напасть на стан Иудейский ночью, воспользовавшись помощью переметчиков, но Иуда лучше провел этого полководца: дав заблаговременно отужинать своим воинам и оставив в стане своем великие огни, всю ночь шел к неприятельскому лагерю при Еммаунте.

⁵⁴¹ - Любопытна подробность Иосифа, что этот праздник обновления жертвенника, установленный Иудой, известен у Иудеев под названием «праздника сияния или света (פֶּסַח)», каковое название, по «его» мнению, дано этому празднику в соответствие как бы «благодатным лучам свободы», которыми Иудеи сверх всякого чаяния одарены были с того времени (ср. 2Мак.1:18; 10:3, где название праздника, по-видимому, объясняется из нововозжегшегося жертвенного огня, Hitzig, 395 стр.).

⁵⁴² - Во время одной из его экспедиций в Галаад, оставленные им военачальниками Иосиф, сын Захарии, и Азария, как известно, потерпели сильное поражение от Гергия. В объяснении причин этого поражения Иосифа и Азарии, поступивших вопреки повелению Иуды – не оставлять города и не дерзать на схватки с неприятелем, Иосиф не указывает ничего, кроме послушания, внушенного «честолюбием», и избегает повторять многозначительное замечание первоисточника, выставленное главным основанием напасти, что «они не были от семени тех мужей, рук которых предоставлено спасение Израиля».

⁵⁴³ - На поле битвы пал геройской смертью брат Иуды – Елеазар, который, пробившись к одному из наиболее величественных слонов, на котором – говорили – сидел сам царь, подлез под него и одним взмахом меча распорол ему чрево, чтобы свалить великана и с сидящим на нем. Седок, однако, уцелел, но сам Елеазар погиб под тяжестью рухнувшего на него слона. В объяснение того, почему сильный отряд неприятеля со своими слонами не одержал более решительной победы над Иудеями, Иосиф не излишне замечает, что, по причине узости места, слоны не могли действовать свободно, и выпускались на поле битвы один за другим.

⁵⁴⁴ - О мире Антиоха с Вефсурянами, после этого сражения, Иосиф дает нечто новое. Первоисточник в данном случае не только очень краток, но и очень оскрит: «и заключил он мир с бывшими в Вефсуре, которые вышли из города, ибо не было у них продовольствия, чтобы держаться в нем в осаде (1Мак. 6:49 ст.). Иосиф более подробен и более откровенен. Он говорит, что Вефсуряне, устранившись многочисленности неприятелей... сдали царю город, взяв клятву в сохранении их от всяких бед. Но Антиох, получив город, «не причинил другого зла жителям, как только повелел их нагими выгнать из города», иронически добавляет Иосиф.

⁵⁴⁵ - Иосиф имеет здесь важные особенности в сопоставлении с первоисточником. Антиох лишает жизни Менелая по совету Лисия, лишает как главного виновника восстания Иудеев, посовествовавшего его отцу принудить Иудеев к оставлению богослужения, и надеясь, таким образом, его смертью искупить ошибку против Иудеев и лучше расположить их к доверию и умиротворению. Преемником его Антиох посылает Алкима (Иакима). ד'ר'לח сокращ. ד'ר'. По (2Мак.14:3–7 он уже был раньше первосвященником, но за отступничество лишен был чести священноначалия, и теперь опять (срв. Арх. XX, 10, 1) пытается возратить свои права (1Мак.7:21). По Иосифу этот Алким (Арх. XII, 9, 7) οὐκ ἐκ τῆς τῶν ἀρχιερέων γενεᾶς, или как он яснее выражается в (XX, 10) – γενούς μὲν τοῦ Ἀαρῶνος, οὐκ ὄντα δὲ τῆς οἰκίας ταύτης, т.е. не из семьи умерщвленного Менелая, которого он производит от Аарона по Елеазаровой линии (см. выше). Таким образом, Алким делается первосвященником, по Иосифу, – обойдя ближайшего кандидата на первосвященство, каковым представляется Ония, сын также Онии (III), старшего из тех 3 братьев – детей Симона, которые один за другим перебыли все первосвященниками (Ония, Иисус (Иасон) и Ония – Менелай). Так или иначе, обойденный с прискорбием видя, что первосвященство отходит в другой род, бежал к Птоломею Египетскому и, выпросив в Леонтополе (Илиополитанской области) полуразрушенное Дианино капище, переделал его в храм, подобный Иерусалимскому. Иосиф видит здесь исполнение пророчества Исаии, бывшего более 600 лет пред сим, которое желал отнести к себе и сам Ония (Ис.19:19), положив, т.о., начало новому расколу в Иудействе (περὶ ἀλώσ. 288).

⁵⁴⁶ - Иосиф называет по имени «один из приморских городов», в котором, (по 1Мак.7:1), «воцарился» Димитрий (162–150), убежав из Рима с Никанором. Это был именно Триполис (2Мак.14:1). Об Антиохе (V Евпаторе, 164–162) и

Лисие он говорит, что их «привели» к Димитрию (велевшему потом убить их), между тем как по (Мак.7:3) он не желает даже «видеть» их и приговор свой произносить заочно («войско схватило А. и Л., чтобы привести к нему. Это стало известно ему, и он сказал: не показывайте мне лиц их! Тогда воины убили их!») (161 г. Срв. Justin. XXXIV, 3, 4).

⁵⁴⁷ - при Адасе Верее. Случайно или намеренно – быть может, с целью усилить впечатление от мужества Иуды, Иосиф уменьшает число воинов его до 1.000 человек (Мак.7:40; 9:5 – 3.000).

⁵⁴⁸ - Гибель эта исследовала по (1Мак.7:43) в самом начале битвы.

⁵⁴⁹ - Оспариваемое, впрочем, некоторыми учеными (Schürer), срв. Grätz, 17 прим.

⁵⁵⁰ - (Мак.9:54–56).

⁵⁵¹ - Иосиф Флавий объясняет это отступление просто тем, что Вакхид кончил все работы по возведению предположенных крепостей в Иудее, и потому мог возвратиться домой. Гораздо основательнее полагают, что Вакхид был вынужден уйти после того, как престиж его был подорван какой-нибудь неудачной попыткой в решении труднейшей задачи – замещения священного поста после Алкима.

⁵⁵² - (1Мак.9:54): «велел разорить стену внутреннего двора храма и разрушить дело пророков и уже начал разрушение».

⁵⁵³ - Позднейшие Иудейские предания (Targ. к Cantic. 6, 6, Joseph. Gorion. III, 7) даже Маттафию называют первосвященником, в объяснение чего другие указывают именно на переход первосвященнического достоинства в фамилии Маттафии при Ионафане (Kile, 56 стр.).

⁵⁵⁴ - Умыслом в данном случае могло быть просто одно только «подражание».

⁵⁵⁵ - Арх. XV, 6, 3 – τὶ ὑπομνήματα τοῦ βασιλέως Ἡρώδου.

⁵⁵⁶ - Т.е. при представлении после-Маккавейской истории Иудейства.

⁵⁵⁷ - κατὰ Ἀπὼν. I, 8. См. выше 68 и 70 стр.

⁵⁵⁸ - Schürer, впрочем, находит столь неочевидно и малоисчерпанным этот главный источник подлежащей эпохи у Иосифа, что готов оправдывать возможность сомнений, предлежала ли и в каком именно переводе книга Маккавеев Иосифу Schür. II, 581 стр. срав. Bloch, 80 и Grimm.

⁵⁵⁹ - К этому времени прекращаются для Иосифа и услуги Поливия, оканчивающегося, как известно, на 146 г. до Р. Хр.

⁵⁶⁰ - Влияние этого рода литературы во многих местах резко бросается в глаза по Олимпиадам, коими ведется счет событий. В отделах, где годы исчисляются по эре Селевкидов, можно считать несомненной его зависимость от Сирийских историков.

⁵⁶¹ - Особенно для первой половины указанного периода 135–85 до Хр. Сам Иосиф упоминает Посидония только однажды – κατὰ Ἀπὼν. II, 7.

⁵⁶² - Страбон II, § 102, XVI, § 753; Николай Дамаскин в Müller. Fragm. hist. Graec. III, 415, fr. 79.

- ⁵⁶³ - Срв. Иосифа Ἀρχ. XIII, 8, 23 == Diodor XXXIV, 1.
- ⁵⁶⁴ - Ἀρχ. XIII, 5, 11 == Иустин XXXVI, 1, 3.
- ⁵⁶⁵ - См. Bloch, 151. βίος Ἰώσ.65, κατὰ Ἀπιδῶν. 1, 9.
- ⁵⁶⁶ - Ἀρχ.XV, 6, 3; XIV, 13, 7 и 8; 15,11 и 13; XV, 6, 1; 7, 8. Срв. Bloch. 140–143 стр.
- ⁵⁶⁷ - Hirschfeld, p. 29, срв. Ewald, IV2, 602; Salvador, 1, 65. срв. Bloch, 90–91 и д. Ἀρχ.XIII, 8, 2, 10, 7 (περὶ ἄλ. 1, 2 кон.). По мнению Bloch'a, хроника Иоанна Гиркана более была главным источником Иосифа для последних эпох, чем даже Николай Дам. и Страбон; ссылки на последних у Иосифа имеют целью не указать свои главные источники (как думает Schürer), а лишь сообщить более весу и важности в глазах языческой читающей публики (Bloch, 92 и дал.).
- ⁵⁶⁸ - Материалы для истории первосвященства, которыми служили, по всему вероятно, священнические записки (κατὰ Ἀπιδῶν.1, 17; срв. Bloch, 147 и д. и Destinon, 29 и д. Schürer 65), а также значительная часть актов, которые Иосиф столь часто вводит в свое повествование (XIII, 9, 2; XIV, 8, 5; XIV, 10; XIV, 12 и д.) и которые касаются, главн. образом, прав Иудеев на свободу религии, данных Цезарем и Августом.
- ⁵⁶⁹ - Müller. Fragm. hist. Graec. III, 490–494.
- ⁵⁷⁰ - I, 22–23, § 13: διόπερ ἡμεῖς πεπονηχότες ὑπομνήματα ἱστορικὰ χρήσιμα, ὡς ὑπολαμβάνομεν, εἰς τὴν ἠθικὴν καὶ πολιτικὴν φιλοσοφίαν.
- ⁵⁷¹ - XI, 9, 3 § 515: εἰρηκότες δὲ πολλὰ περὶ τῶν Παρθικῶν νομίμων ἐν τῇ ἑκτῇ τῶν ἱστορικῶν ὑπομνημάτων βίβλῳ, δευτέρᾳ δὲ τῶν μετὰ Πολύβιον. Повторение говорит за то, что характер первых 4 книг был иной, чем книг μετὰ Πολύβιον; те много сжатее, эти – подробнее.
- ⁵⁷² - II, 1, 9 § 70: καὶ ἡμῖν δ' ὑπῆρξεν ἐπὶ πλεον κατιδεῖν ταῦτα ὑπομνηματιζομένοις τὰς Ἀλεξάνδρου πράξεις.
- ⁵⁷³ - Lex. под сл. Πολύβιος: ἔγραψε δὲ καὶ Στράβων Ἀμασεὺς τὰ μετὰ Πολύβιον ἐν βιβλίοις μυ'.
- ⁵⁷⁴ - См. также Страбон, География XV, 1, 72–73. p. 719, где он цитирует уже Николая Дамаскина, своего современника.
- ⁵⁷⁵ - Ἀρχ. XIII, 12, 6, и особенно XIV, 6, 4: περὶ δὲ τῆς Πομπίου καὶ Γαβινίου στρατείας ἐπὶ Ἰουδαίους γράφει Νικόλαος ὁ Δαμασκηνὸς καὶ Στράβων' Καππάδοξ οὐδὲν ἕτερός ἐτέρου καινότερον λέγων. По мнению Schürer'a, оба сопоставляемых автора не могли пользоваться друг другом и зависеть один от другого, так как оба писали свои труды почти одновременно. Если так, то это действительно ручается за небесплодность осторожности и критического метода Страбона.
- ⁵⁷⁶ - Кроме Иосифа Plutarch, Sulla, c. 26. Lucull. c. 28; Caesar, c. 63, и Tertullian, de anima c. 46.
- ⁵⁷⁷ - Вебер, IV, 76 стр. – 140 книг. Athenaeus VI, p. 249 == Müller. fr. 89: ἐν τῇ πολυβίβλῳ ἱστορίᾳ' ἑκατὸν γὰρ καὶ τεσσαράκοντὰ εἰσι πρὸς ταῖς τέσσαρσι (Sch. I,

43) – 144 книги. След., если Suidas (в Νικόλαος) говорит о 80 только книгах, то он или знал только о 80, или здесь надо допустить ошибку переписчика.

578 - Suidas, Lex. под сл. Νικόλαος.

579 - Photius, Biblioth. cod. 189.

580 - Собраны «Müllerus'ом, – Fragm. III, p. 343–464, с приб. IV, p. 661–668.

581 - Этот Император своего рода «Müllerus» X века (912–959) так много обязал нас своими извлечениями наиболее достойного знания из древних историков, которые он расположил в 53 рубриках, или книгах. До нас, впрочем, дошли и наиболее важны для нас 2 главы: de virtutibus et vitiis, известные также под именем Excerpta Peiresciana, и de insidiis, изданные Feder'ом под заглавием codex Escorialensis (Excerpta e Polybio, Diodoro, Dionysio Halicarnassensi atque Nicolao Damasceno и др., 3 части, Darmstadt 1848–1855.

582 - Ἀρχ. XII, 3, 2; срв. XVI, 2, 2–5.

583 - Ἀρχ. I, 3, 6; 3, 9; 7, 2.

584 - Ἀρχ. VII, 5, 2.

585 - Κατὰ Ἀπιῶν. II, 7.

586 - Ἀρχ. XIII, 8, 4; 12, 6; XIV, 4, 3; 6, 4.

587 - Ἀρχ. XVI, 7, 1; срв. также Ἀρχ. XII, 3, 2; XIV, 1, 3.

588 - См. свидетельства самого Иосифа.

589 - Ἀρχ. XIII, 11, 3; 12, 5, κατὰ Ἀπιῶν. II, 7.

590 - Ἀρχ. XIV, 8, 3.

591 - X, 1, 75.

592 - Suidas, Lex. «βιβλία πολλά».

593 - Ammian. Marcellin. XV, 9. Timagenes et diligentia Graecus et lingua.

594 - κατὰ Ἀπιῶν. II, 7..

595 - Ἀρχ. XIII, 11, 3.

596 - ib. XIII, 12, 5.

597 - Müller. – Fragm. III, 317–323.

598 - Pompejus, c. 72; Caesar c. 46.

599 - Civ. II, 82.

600 - VII, 4. 6, p. 311; XI, 5, 1, p. 504.

601 - Ἀρχ. XIV, 8, 3: ὁ δ' αὐτός Στρ ἄβων καὶ ἐν ἐτέρῳ παλιν ἐξ Ὑψικράτους ὀνόματος λέγει οὕτως...

602 - Müll. Fragm. III, 493 и д.

603 - Ἀρχ. XII, 3, 3 и 9, 1; также в κατὰ Ἀπιῶν. II, 7.

604 - Müller. Fr. III.

605 - и далее XXVIII, 18, 3; XXIX, 9, 13; XXXI, 3 и д.

606 - Suidas, Lex. Ποσειδώνιος – ἔγραψεν ἱστορίαν τὴν μετὶ Πολύβιον ἐν βιβλίῳ νβ'.

607 - См. соображения Schürer'a, стр. 35.

608 - II, 7.

⁶⁰⁹ - срв. напр., Müller. fr. 15 == Diodor. XXXIV, 2, 34; вообще Müller. Fragn. t. II p. XX, t. III, p. 251. Также Трог Помпей по Heeren, De Trogi Pompeji fontibus et auctoritate в Commentationes Societ. scient. Gotting, t. XV, 1804, classis hist. et phil. p. 185–245, особенно 233–241. И вообще у Teuffel, Gesch. der Röm. lit. § 258, 4 упом. литература.

⁶¹⁰ - Müller, Fragmenta. III, 245–296.

⁶¹¹ - Müller, Fragn. t. II, p. VII-XXVI.

⁶¹² - Вебер, Всеобщая История т. IV, 79 стр. Москва, изд. 1892 г.

⁶¹³ - Strabo, XI, 13, 3, p. 523. Plutarch, Anton, с. 59.

⁶¹⁴ - περὶ ἀλώς. I, 15, 3; Ἀρχ. XIV, 15, 1; XV, 2, 6.

⁶¹⁵ - Многие из нижеуказываемых авторов жили позже Иосифа, но в своих трудах, разумеется, они пользовались тем же, чем мог бы и Иосиф.

⁶¹⁶ - Bähr в Pauly. Real-Enc. I Aufl.

⁶¹⁷ - Дошедшие до нас 5 книг гражд. войны обыкновенно цитуются, как Appian. Civ. I, II, III, IV, V, остальные по их надписаниям и содержанию – Libysa (или Punica), Syriaca и т.д.

⁶¹⁸ - Так как история Палестины за это время развивалась в теснейшей связи, с общей историей Сирии, то историки, описывавшие эту, принадлежат, разумеется, к источникам и нашей истории.

⁶¹⁹ - Точно число их неизвестно. До нас дошли I-IV – в целости, V и VI частью, VII до ½ XI-ой утрачены вовсе, XI-XVI с изуродованными началами и концами. Хронологически они настолько упорядочены, что дают самую точную систему Хронологии.

⁶²⁰ - Sueton. Aug. 101: indicem rerum a se gestarum, quem vellet incidi in aeneis tabulis, quae ante Mausoleum statuerentur.

⁶²¹ - Издания этого памятника: 1) Perrot, Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie etc. [1862–] 1872, pl. 25–29; 2) Corp. Inscr. Lat., t. III, 1873, p. 769–799, 1054, 1064; 3) Bergk, Augusti rerum a se gestarum indicem ed. 1873; 4) Mommsen, Res gestae divi Augusti, ex monumentis Ancyranis et Apolloniensi iterum edidit; accedunt tabulae undecim, Berol. 1883 (с богатыми комментариями). Schürer. I, 85.

⁶²² - Известно, что этими предубеждениями вызывались особенно труды Иосифа.

⁶²³ - Мак. 10:51–66.

⁶²⁴ - Riehm, 944 стр.

⁶²⁵ - Прочные основания для хронологии Асмонеев, как и генеалогия, даны в Иосифе. Так, годы правления Иоанна Гиркана, кроме указанного места, он дает еще в 2 местах – Ἀρχ. XX, 10 и περὶ ἀλώς. I, 2–5. Правда, в обоих последних случаях он дает различные показания: в первом – 30 л., во втором 33. Но последнее, во всяком случае, если не ошибка переписчика, то д.б. отнесено к числу многого такого в περὶ ἀλώς., что исправляется чрез позднейшие даты Археологии. Различие же последней в существе дела только кажущееся, которое обуславливалось возможностью округления цифры (около

30–31 лет), или тем, что в исчислении 31 года Иосиф начинающийся год считает за целый. Из некоторых соображений на основании других мест Иосифа ясно следует последнее. Точнейшие хронологические его даты: 1) смерть Симона в месяце Schebât, 177 г. э. С. == Февр. 135 до Хр. (1Мак.16:14); и 2) начало братской войны между Аристовулом II и Гирканом II. вслед за смертью Александры, по Арх. XIV, 1, 2 в 3 году 177 Олимп. == летом 70–69 до Хр. (при консулах Q. Hortensius'e и Q. Metellus Creticus'e, время которых падает на 69 г.). Точность этой даты для начала братской войны и смерти Александры (первая ½ 69 г.) м.б. подтверждена также чрез Арх. XIII, 16, 4 и περὶ ἁλῶσ. 1, 5, 3, откуда видно, что Александра была еще жива при нападении Лукулла на Арминское царство, что было в 69 г. Таким образом, от смерти Симона до смерти Александры (135–69) получается период в 66 лет, между тем, как сложение показанных у Иосифа лет правления отдельных Асмонеев в сумме == 68 л. Ясно, что излишек образовался от манеры Иосифа считать продолжающегося год за полный и прибавлять его к сумме лет правления. Так именно должно быть у него в годах Иоанна Гиркана и Александра Ианнея, и список лет правления д. следов. измениться след. образом: Иоанн Гиркан вместо 31–30 лет слишком 135–104 Аристовул I – 1 год – 104–103 Александр Ианней вместо 27–26 л. сл. 103–76 Александра – 9 л. 76–67 Замечание Иосифа, XIII, 8, 2, что первый год Иоанна Гиркана падал на 162 Олимп. (== лета 132–128 г. до Хр.) очевидно ложно.

⁶²⁶ - Прозвание «Гиркан» Евсевий и другие объясняют из того, что Иоанн завоевал Гирканию (Euseb. Хрон. у Syncell. I, 548: Ὑρκανὸς νικήσας Ὑρκανὸς ὠνομάσθη; у Иеронима: adversum Hyrcanos bellum gerens Hyrcani nomen accepit; а за ним Sulpicius Severus II, 26: qui cum adversum Hyrcanos, gentem validissimam, egregie pugnasset, Hyrcani cognomen accepit). В пользу этого объяснения может быть приведено то что Иоанн действительно участвовал в походе Антиоха VII (Sidotes) на Парфян. Но с другой стороны, это много колеблется и тем обстоятельством, что имя Гиркан много прежде этого усвоялось Иоанну (Арх. XII, 4. 6–11; 2Мак.3:11). В виду этого Schürer находит более целесообразным объяснить это прозвание по аналогии от 'יו הבבלי' Baba mezia VII, 9, 'חמח סבב' Schabbath II, I, Nasir V, 4. Baba bathra V, 2. Один происшедший из Гиркании Иудей (куда они были поселены Артаксерксом Охом (II Sch. 496), возвратившись в Иудею, прозвал после этого себя ὁ Ὑρκανός, после чего это за ним и укоренилось.

⁶²⁷ - Schürer, I, 190–191.

⁶²⁸ - Schürer, I, 30 и раньше.

⁶²⁹ - Hist. V, 4.

⁶³⁰ - См. ниже.

⁶³¹ - Euseb. Chron. ed. Schoene I, 255: Judaeosque hic subegit, per obsidionem muros urbis evertibat, atque electissimos ipsorum trucidabat anno tertio CLXII Olympiadis.

⁶³² - Арх. XIII, 8, 2: δυομένης πλειάδος – Plinius, Hist. Nat. II, 47, 125: post id aequi noctium diebus fere quattuor et quadraginta vergiliarum occasus hiemem

inchoat, quod tempus in III iduus Novembres incidere consuevit.

⁶³³ - Срв. Clinton, Fasti Hellenici III, 333.

⁶³⁴ - Samaria (Арх.XIII, 10, 3), Gasa (Арх.XIII, 13, 3), Gadara (10 мес. Арх.XIII, 13, 3).

⁶³⁵ - Арх.XIII, 8, 2–3. Diodor. XXXIV, 1 ed. Müller. Porphyrius y Euseb. Chron. ed. Schoene I, 255. Justin. XXXVI, 1: Judaeos quoque, qui in Macedonico imperio sub Demetrio patre armis se in libertatem vindicaverant, subegit.

⁶³⁶ - RWB. I, 65, Anm.

⁶³⁷ - Gesch. III, 4, aufi. 67 стр. и д.

⁶³⁸ - Что здесь именно должен быть разумеет Антиох VII Sidetes, видно из того, что при ранних Иудеи вообще еще не владели городами Иоппией и Газарой, а из позднейших ни один не имел побуждений повторять дело сомнительной ценности. Sch. I, 206.

⁶³⁹ - Sch. I, 207 стр.

⁶⁴⁰ - Ср. Schürer, I, 207. Что во всяком случае в обоих документах под Антиохом разумеется одно и то же лицо, показывает форма выражения в последнем καὶ εἴ ἄλλο ἀφεῖλετο αὐτῶν.

⁶⁴¹ - талант == 1,175 p.

⁶⁴² - Отголосок того же события, если только оно не выдумка, Иосиф дает в истории Ирода Арх.XVI, 7, 1), причем неудача последнего увековечена будто бы в особом памятнике, о котором не мог умолчать даже приятель и биограф Ирода – Николай.

⁶⁴³ - Александр Ианней, побуждаемый внутренними междоусобиями, увеличивает число наемников до 6.200 человек. Арх.XIII, 13, 5; 14, 1; то же самое количество поддерживало и Александра. Ирод Великий довел свои наемные войска, (в числе коих встречаются даже Фракийцы и Галлы, Арх.XVII, 8, 3) до блестящего состояния, приблизив, дисциплину и организацию их к римским, заимствовав от последних даже названия воинских чинов.

⁶⁴⁴ - Любопытное свидетельство Николая Дамаскина приводит об этом походе Иосиф, как Антиох ради Иудеев, праздновавших однажды один из своих праздников, приостановил движение своих войск и пробыл на одном месте 2 дня. Кроме Николая, об этом походе и смерти Антиоха говорит Иустин. XXXVIII, 10; XXXIX, 1. Diodor. XXXIV, 15–17 ed. Müller. Livius Egit. 39, Appian. Syr. 68. Porphyrias y Euseb. Chron. ed Schoene, I, 255.

⁶⁴⁵ - О нем говорят Иустин. XXXVI, 1: XXXIX, 1; XXXVIII, 9–10; Appian. Syr. 67, 68; Porhyrius y Euseb. Chron. ed. Schoene I, 255. (Никатор † 125/124 г.).

⁶⁴⁶ - С этого времени, Иудайизированная страна Идумейская управлялась Иудейскими начальниками, сын одного из коих, Антипатра (родом Идумеянина), сделался впоследствии царем Иудейским. Самое иудайизирование не встретило со стороны Идумеев больших препятствий. Более того: обращенные заявляли себя даже особенной верностью повой религии, считая Иерусалим как бы матерью своих городов и требуя себе имя иудеев (Арх.XX, 7, 7: περὶ ἁλ. I, 10, 4; IV, 4, 4), в котором, впрочем, Иудейская

аристократия готова была им отказывать, соблаговолжая лишь на более скромное имя ἡμιουδαῖοι и зазирая особенно этим Ирода: Ἀρχ. XIV. 15, 2 Ἰρῶδῃ ἰδιώτῃ τε ὄντι καὶ Ἰδουμαίῳ τουτέστιν ἡμιουδαίῳ.

⁶⁴⁷ - Ненависть подданных и воинов к Димитрию II. Ходатайство первых пред Птолемеем VII Фисконом о его низложении и даровании другого Селевкида. Борьба Димитрия II с Птолемеевым претендентом – Александром Забиною, поражение и смерть. Смерть также Александра в сражении с сыном Димитрия – Антиохом VIII Гриппом. Междоусобная борьба его со самим братом по матери Антиохом IX, сыном Антиоха Сотера (Кизическим), о чем мы прямо и начинаем говорить в тексте, оставляя в стороне второстепенное для Иудеи.

⁶⁴⁸ - Ἀρχ. XIII, 10, 1; οὔτε ὡς ὑπήκοος οὔτε ὡς φίλος αὐτοῖς οὐδὲν ἔτι παρεῖχεν.

⁶⁴⁹ - 25 Marcheschwan (== Ноября) по Megillath Taanith. См. Graetz III, 4 aufl. стр. 566; Derenbourg. Histoire, p. 72 и д. Год разрушения устанавливается из того, что, с одной стороны, Антиох Кизический уже был в безмятежном обладании Кили-Сириею (с 111 г. до Хр.), с другой – Птолемея Лафур был уже соправителем своей матери Клеопатры (до 107 г.). Вероятно, падение Самарии ближе к этому второму пределу (около 107 г.), см. Schürer I, 211, прим. 22-е. Что касается перехода Скифополиса к Иудеям, то по Ἀρχ. XIII, 10, 2–3 он был передан им через измену, а по περὶ ἁλώσ. 1, 2, 7, был ими завоеван (срв. Schürer, II, 97–99). То и другое, впрочем, не совсем несоединимо.

⁶⁵⁰ - См. Tosephta, тр. Sôta, с. 13 и др. собранные у Derenbourg'a, p. 74 – раввинист. места.

⁶⁵¹ - Bloch. 91 стр.

⁶⁵² - Ἀρχ. XIII, 5, 9.

⁶⁵³ - Ἀρχ. XIII, 5, 9. Классическое место о всех этих партиях Gerlach видит в περὶ ἁλώσ. II, 8. Не менее достаточные сведения в Ἀρχ. XVIII, 1, 2–6.

⁶⁵⁴ - 1Мак.2:42; 7:13. 2Мак.14: 5. Скалигер, Серарий и Друзий – относят появление секты ко времени Маккавеев, Casaubon полагает начало секты за 200 л. до Хр. Basnage отказывается определить время появления Фарисеев вовсе, и называет это бесполезным изысканием, Иуд. Ист. II, 20.

⁶⁵⁵ - (1Мак.3:8; 6:21; 7:5).

⁶⁵⁶ - (1Мак.3:6; 9:23).

⁶⁵⁷ - Bet ha-Midrasch, I, 140.

⁶⁵⁸ - Graetz, 456 стр.

⁶⁵⁹ - Появление этой партии относят ко времени первосвящ. Онии. Основателями ее считают Антигона и Садока, по имени которого получила название и самая партия. Основной мыслью учения Антигона было положение, что Богу д. поклоняться из чистой любви к Нему, а не из чаяния награды. Отсюда, далее, произошли нелепые толки его учеников, что не д. верить бессмертию души и будущим воздаяниям. См. Basnage. Иуд. история.

⁶⁶⁰ - (XVIII, 1, 4).

⁶⁶¹ - Ἀρχ. XVIII, 1, 3.

⁶⁶² - Ἀρχ. XIII, 10, 6.

⁶⁶³ - Tosèphta, Nasir, с. 4. Babli Berachot 48 a.

⁶⁶⁴ - Сам Иосиф упоминает об особой фракции ессеев, которая с известными предосторожностями вполне позволяла брак и находила его почти необходимым, чтобы не прекратился человечески род (περὶ ἀλώσ. II, 8, 13).

⁶⁶⁵ - περὶ ἀλώσ. II, 8, 6: σπουδάζουσι δὲ ἐκτόπως τὰ τῶν παλαιῶν συγγράμματα μάλιστα τὰ πρὸς ἀφέλειαν ψυχῆς καὶ σώματος ἐκλέγοντες. Ἐνθεν αὐτοῖς πρὸς θεραπείαν παθῶν ρίζαι τε ἀλεξιτήριοι καὶ λίθων ιδιότητες ἀνερευνῶνται. См. выше стр. 29 и 154.

⁶⁶⁶ - Примеры сего у Иосифа можно видеть в Ἀρχ. XIII, 11, 2, где Иуда, ессей, предсказывает смерть Аптигона; в XV, 10, 5 Менахем подобным же образом предсказывает Ироду корону Иудейского царства; наконец, XVII, 13, 3 Симон толкует пророческое значение сна Архелая. Сюда же Graetz относит всех лжепророков и лжемессий, которые поджигали в народе упорство в борьбе с Римлянами (περὶ ἀλώσ. II, 13, 4: VI, 5, 2).

⁶⁶⁷ - περὶ ἀλώσ. II, 8, 12.

⁶⁶⁸ - περὶ ἀλώσ. I, 3, 5; Ἀρχ. XIII, 11, 2; XV, 10, 5 и т.д.

⁶⁶⁹ - historia naturalis, V, 17. Ab occidente litora (maris asphaltitis) Esseni fugiunt... Infra hos Engadda oppidum fuit. Свидетельства Плиния о нравах и организации ессеев почти не отличаются от Иосифа.

⁶⁷⁰ - Параллель в Talmud. Babyl., Kidduschin 66 a.

⁶⁷¹ - περὶ ἀλ. V, 6, 2; 7, 3; 9, 2; II, 4; -VI, 2, 10.

⁶⁷² - Важнейшим пособием и отчасти образцом при изложении последних отделов настоящего труда вообще служил капитальнейший труд Schürer'a, и указываемые в нем другие авторы; для нас более всего важно критическое и уяснительное отношение к Иосифу, достигаемое, при его последовательном изложении, (у всех историков одинаково близком к Археологии), главным образом, попутными вставками и примечаниями.

⁶⁷³ - XIII, 11, 1; περὶ ἀλ. I, 3, 1.

⁶⁷⁴ - XIII, 11, 1-3; περὶ ἀλ. I, 3, 1-6.

⁶⁷⁵ - χρηματίσας μὲν φιλέλλην. По связи речи – это нужно, кажется, понимать не в том смысле, что «он назывался φιλέλλην», но «он поступал как друг Греков».

⁶⁷⁶ - Еврейское имя Аристовула Иуда (Ἀρχ. XX, 10) встречается на монетах его времени, в соединении с его званием: «Иуда – первосвященник».

⁶⁷⁷ - Schürer I, 140; завоевания Гиркана простерлись к северу только до Самарии и Скифополя; с другой стороны, известно, что еще ко времени Иродиан области севернее и восточнее от Галилеи оставались языческими, и след., не могли быть иудаизированы Аристовулом. Таким образом, иудаизированная часть есть ничто иное как Галилея. И если Иосиф не

называет ее обычным именем, то потому только, что он пользовался неиудейскими источниками.

⁶⁷⁸ - Schürer, I, 219.

⁶⁷⁹ - Арх. XIII, 11, 3; περὶ ἀλώσ. I, 3, 6.

⁶⁸⁰ - География, 16, 2.

⁶⁸¹ - Арх. XIII, 11, 1. διάδημα πρῶτος ἐπιτίθεται Ἀριστόβουλος.

⁶⁸² - Арабская книга Маккавеев; Talmud. Kidduschin 66, а.

⁶⁸³ - Иосиф прямо не говорит об этом, но это совершенно ясно из того, что он называет Саломией Александрой как супругу Аристовула, так и Ианнея, и в тождестве лиц нельзя сомневаться (Арх. XIII; 12, I). Ср. Ewald, IV, 504; Hitzig, II, 476.

⁶⁸⁴ - Schürer, I, 219, 10 прим.

⁶⁸⁵ - В заметке о них Иосиф дает данные указания для генеалогии последних Селевкидов (XIII, 13, 4).

⁶⁸⁶ - при Ἀσωφῶν'е срв. Grätz, III, 124. Hitzig, II, 478.

⁶⁸⁷ - по Порфирию Ол. 171, 3 == 94–93 до Хр.

⁶⁸⁸ - Ими же убирались улицы и палатки Иудеев.

⁶⁸⁹ - Параллельное повествование этому в Талмуде (Sukka 48 Б) передает, как однажды Саддукей в праздник Кущей совершил водоизлияние не на алтарь, а на землю, и народ закидал его за это лимонами. Мотив события след., запутан, и имени Александра не названо, но в общности повествований можно не сомневаться (Wellhausen, 96, Grätz III, 4, aufi. 128, 704 (пр. 13), Derenbourg 98 и д. прим.

⁶⁹⁰ - Schürer I, 614. Арх. XIII, 15, 2. d. περὶ ἀλώσ. I, 4, 8.

⁶⁹¹ - XIII, 15, 4. Разрушительный характер Александровых завоеваний и направление их именно против греческой культуры выразительно видны только на Пелле, из ясного выражения Иосифа. О разрушении других известно также из последующего упоминания о восстановлении разрушенных городов Помпеем и Габинием Арх. XIV, 4, 4; 5, 3; περὶ ἀλώσ. I, 7, 7; 8, 4.

⁶⁹² - См. об этом Schürer, I, 228 и др., там указанные.

⁶⁹³ - Taanith 23 а. у Detenbourg р. 111. см Schürer, I, 232.

⁶⁹⁴ - Арх. XIV, 1, 2; περὶ ἀλώσ. I, 6, 1. По Арх. XV, 6, 4 Гиркан удерживал наследие 3 месяца. – Несправедливо, когда Grätz III, 154, Holtzmann, II, 212 и Derenbourg, р. 113 полагают, что Гиркан удержал, лишаясь царского, первосвященническое звание. Это ясно видно уже из Арх. XIV, 1, 2 и XV, 3, 1; XX, 10.

⁶⁹⁵ - Мнение Николая Дамаскина, что Антипатр происходил от знатных Иудеев, возвратившихся из Вавилона, Иосиф отвергает, как писанное в угоду Ироду, бывшему царем Иудейским. Сам Иосиф признает Антипатра идумеянином старинного рода (περὶ ἀλώσ. I, 6, 2); Иустин мученик напротив приводит, как утверждение Иудеев, что он был Аскалонитянин (Диал. с Триф. с. 52: Ἡράδην Ἀσκαλωνίτην γεγονέναι), Юлий Африкан (epist. ad Aristidem у Euseb. Hist. eccl. I, 7, 11, ср. I, 6, 2–3 и у Syncell. ed. Dindorf. I, 561) еще

определеннее устанавливает это сообщением, что отец Антипатра Ирод был жрецом Аполлона в Аскалоне и что Антипатр мальчиком был похищен Идумеянами при разграблении Аполлонова храма и у них идумеизирован. Мысль Юлия Африкана повторяется у Euseb. Chron. ed. Schoene I, 130; II, 134, 138. Chron. paschale ed. Dindorf. I, 351, 558. Sulpicius Severus II, 26. Epiphanius haer. 20, 1 и др.). Иосиф и Юлий согласны в установлении и идумейского происхождения Иродовой династии, только по Иосифу оно было знатно, по Африкану – низко и убого; затем, по Иосифу – отец Антипатра тоже Антипатр, по Африкану – Ирод. За Аскалонитское происхождение говорят некоторые отношения Ирода к этому городу (Schür. II, 67). Достойно также замечания, что имена Антипатра и Ирода обычно сопровождаются Аскалоном. «Антипатр из Аскалона» на гробничной надписи в Афинах (Corp. Inscr. Semit. 1, № 115), Ирод из Аскалона – на гробн. надп. в Путеолах, Corp. Inscr. Lat. X, № 1746.

⁶⁹⁶ - Grätz. 478.

⁶⁹⁷ - Имеющих, между прочим, значительную параллель в Талмуде, Sôta, конец, Monachoth 64 b и Baba Kama, 82 b.

⁶⁹⁸ - Это находим, между прочим, в Mischna, Taanith III, 8, где Ония назван $\text{וְהָיָה כְּמִשְׁכָּן הַקֹּדֶשׁ}$ == Kreiszieher, так как он молился стоя в кругу (окруженный). См. также Derenbourg. p. 112 и д.

⁶⁹⁹ - Это должна быть именно Пасха 65 до Хр., так как непосредственно за сим Саввр приходит в Иудею.

⁷⁰⁰ - Здесь Иосиф, как кажется, из застенчивости пред языческими читателями, или просто из желания выгородить Гирканистов от тяжкого обвинения – допускает скрытность, избличаемую Талмудом, где узнаем, что, по уплате денег, посаженные получили от осаждавших по совету одного старейшины свинью. Впрочем, Иосиф только не точен, и получение свиньи действительно не мешало сказать, что выговоренных покупок посаженные не получили.

⁷⁰¹ - срв. Derenbourg, p. 113 и д. раввинские предания.

⁷⁰² - Babyl. Talmud, и Dio Cassius 37, 11: τὰ γὰρ ἄλλὰ καὶ ὁ σεισμὸς μέγιστος δὴ τῶν πώποτε συνεχθεὶς αὐτοῖς πόλλας τῶν πόλεων ἔφθειρεν. Grätz, 480 стр.

⁷⁰³ - Арх. XIV, 3, 2, Diodor. XL, 2 ed. Müller.

⁷⁰⁴ - В этом соперничестве голосов – за и против братьев – претендентов на престол Иуды, раздававшихся по всем улицам Иерусалима, как ясно звучал голос Божественной правды, уже осудившей народ на политическое разрушение! (см. Капефиг, 16 стр.).

⁷⁰⁵ - Tacit, lib. V 9.

⁷⁰⁶ - περὶ τρίτον μῆνα – Арх. XIV, 4, 3; περὶ ἁλώσ. I, 7. 4: τρίτῳ γὰρ μηνὶ τῆς πολιορκίας. περὶ ἁλ. V, 9, 4; τρισὶ γοῦν μηνὶ πολιορκηθέντες.

⁷⁰⁷ - Dio Cass. XXXVII, 16 срв. также Страбон XVI, 2, 40 p. 762 и д. Livius, Epit. 102. Tacitus, Hist. V, 9. Appian. Syr. 50. Mithridat 106.

⁷⁰⁸ - Sancti de vulg. aer. emend. p. 265 и д. Cp. Langius de an. Chr. I, 18. Steph. Le Moine ad Barn. Epist. p. 62.

⁷⁰⁹ - Prideaux connect. an. 63. Основания против этого in. Talmud. Mas. Rosch. Haschanah. per. 4. pg. 18, и comment. к нему.

⁷¹⁰ - An. Pol. eccl. an. 37.

⁷¹¹ - Jost. II кн. Anh. 13.

⁷¹² - В Frankel, Monatsschr. für Gesch. und Wissensch. des Judenth. 1855, стр. 109–115.

⁷¹³ - Виной такой, между прочим, ошибки мог быть Страбон, у которого в Географии XVI, 2, 40 р. 763, читаем о завоевании Иерусалима так: καταλάβετο (т.е. Помпей) δ' ὡς φασι, τηρήσας τὴν τῆς νηστείας ἡμέραν, ἥνικα ἀπείχοντο οἱ Ἰουδαῖοι παντὸς ἔργου, и на исторические труды которого Иосиф тут ссылается XIV, 4, 3.

⁷¹⁴ - Sueton. Aug. 76.

⁷¹⁵ - Ἀρχ. XIV, 3, 2.

⁷¹⁶ - III, 162.

⁷¹⁷ - II, 498.

⁷¹⁸ - Ἀρχ. XIV, 4, 4; περὶ ἀλώσ. I, 7, 6. – Справ. Cicero pro Flacco 67: Cn. Pompejus captis Hierosolymis victor ex illo fano nihil effugit.

⁷¹⁹ - τῇ χώρᾳ καὶ τοῖς Ἱεροσολύμοις ἐπιτάττει φόρον, == XIV, 4, 4, περὶ ἀλ. I, 7, 6.

⁷²⁰ - В это именно время получило начало и Десятиградие, образованное из городов восточной части Иордана, см. Schürer, I, 240 стр. 24 прим.

⁷²¹ - De Rep. Hebr. IV, 4: Pompejus, dux Romanus, in provinciae formulam redegit.

⁷²² - XIV, 25. Pompejus, Judaeis domitis et Hierosolymis captis, in provinciarum speciem, rectori delata Jurisdictione formavit.

⁷²³ - pro Flacco: Quam cara (т.е. illa gens Iudaeorum) diis immortalibus esset, docuit, quod est victa, quod elocata, quod servata.

⁷²⁴ - Ἀρχ. XIV.

⁷²⁵ - Описания триумфа есть у Плутарха, Помп. 45. Appian. Mithridat. 117, причем последний ошибочно уверяет, что Аристовул был казнен после этого триумфа, тогда как он умер только в 49 году.

⁷²⁶ - См. Jost, II, 17 прим. Вся последующая история Иудеи дает, однако, понять несправедливость мнения некоторых, будто Иудея обращена была теперь же в Римскую провинцию (Sigon., de Rep. Hebr. IV, 4; Amm. Marc, XVI, 26 и др.).

⁷²⁷ - Дети его получили свободу от Сената, по ходатайству Габиния, Ἀρχ. XIV, 6, 1; περὶ ἀλώσ. I, 8, 6. Dio Cass. XXXIX, 56. Plutarch. Auton. 3.

⁷²⁸ - Dion Cass. XLI, 18. Это было после 49 г., когда Помпей сенатская партия были вытеснены Цезарем из Италии, и вполне входило в расчеты сего последнего, хотевшего чрез эту милость Аристовулу иметь его сильным защитником своих интересов у Сирии, куда теперь переносился центр борьбы. Это объясняет и отравление Аристовула Помпеевской партии и гибель Александра, который мог также выступить сторонником благодетеля своему

отцу и, под предлогом наказания за прежние преступления против Рима, предусмотрительно устранен со сцены.

⁷²⁹ - Битва при Фарсале (9 Авг. 48 г.) и вскоре же последовавшая после нее смерть Помпея (28 Сент. 48 г.).

⁷³⁰ - См. выше, стр. 303, пр. 2-е.

⁷³¹ - По свидетельству Страбона, приводимому Иосифом в качестве подтверждения того, о чем «многие говорят», – Гиркан самолично сопровождал Цезаря в Египетском походе, чем, быть может, не мало объяснилось то, что Антипатр везде имел такой успех, действуя «именем» первосвященника.

⁷³² - В декрете Цезаря, Арх. XIV, 10, 2 – число Иудейского вспомогательного войска указано только 1.500.

⁷³³ - ἐπίτροπος τῆς Ἰουδαίας. По некоторым данным можно принять, что Антипатр еще ранее, со времени Габиния, отправлял звание прокуратора Иудеи; по крайней мере, еще до похода Египетского (Арх. XIV, 8, 1) Антипатр упоминается в этом звании (ὁ τῶν Ἰουδαίων или τῆς Ἰουδαίας ἐπιμελητής, и не только Иосифом, но и Страбоном, который в свою очередь ссылается на Гипсикрата (XIV, 8, 3). Возможно, что это звание Антипатр получил в то время, когда Габиний «упорядочивал дела Иерусалима по желанию Антипатра» (XIV, 6, 4; περὶ ὁλώσ. I, 8, 7) в признательность за его заслуги Риму, тем более, что такое возвышение вызывалось и необходимостью назначения особого чиновника по податной части (ἐπιμελητής) и не противоречило положению Гиркана, сохранявшего только духовный авторитет. Возможно также, что в числе милостей Цезаря Гиркану было возвращение ему (и его потомству XIV, 10, 2) упраздненная Габинием титула ἐθνάρχης (как полагает Schürer, Арх. XIV, 8, 5) с соответствующими политическими полномочиями (Schür. I, 279–280), что, впрочем, не внесло, кажется, никаких изменений в епитропские полномочия Антипатра, подтвержденные Цезарем.

⁷³⁴ - Права гражданства Александрийским Иудеям, Schür. II, 534; свобода вероисповедания Иудеев Малой Азии (Арх. XIV, 10, 8 и 20–24 – собранные здесь декреты, по мнению Schürer'a, не прямо изданы Цезарем, но лишь подтверждены им, срав. Sch. II, 524). Насколько, действительно, благотворительно было для Иудеев время Цезаря, ясно из того замечания Светония (Caes. 84), что никто так не оплакивал гибель этого правителя, как Иудеи; In suuimo publico luctu exterarum gentium multitudo circulatim suo quaeque more lamentata est, praecipueque Judaei, qui etiam noctibus continuis bustum frequentarunt.

⁷³⁵ - Иосиф упоминает также в особом Авинейском определении, коим оказывались Гиркану высшие почести (золотой венец, медная статуя в храме Граций и т.п.). См. об этом Krebs, decreta Rom. pro Judaeis, а также Jost, B. II, Anh. 23.

⁷³⁶ - Арх. XIV, 8, 3.

⁷³⁷ - Dio, 42; Plut. in Caes.; Appian, I. c.; Caes. B. Civ. III, 112. Hirt. 9–25; Oros. VI, 15.

⁷³⁸ - Jost, II, pp. 25, срв. Grätz 151, pp. Дата Иосифа о летах Ирода при назначении в Галилею породила жаркие споры. Она казалась невероятной, с одной стороны, в виду недоразумения при сопоставлении с *Арх. XVII, С. 1* и *περὶ ἁλώσ. I, 33, 1*, где Иосиф допускает умереть Ироду 70-ти лет, с другой – в виду трудности допустить, чтобы 15-летний мальчишка мог играть такую роль, какую Иосиф приписывает Ироду. Исходя из этих недоразумений, Casaub. exerc. c. Bar. I, 34 объявляет прямо: «*sciat lector mendosum esse illum locum*», и, обвиняя переписчика, настаивает вместо *ιὲ* (15) читать *κὲ* (25). Замечание Иосифа о юности Ирода после такой поправки будто бы остается в полной силе, в подтверждение чего приводится масса примеров, когда слова *νεός νεανίσκος* прилагаются не только к 13-летнему Аристовулу (шурина Ирода), но и к выше чем 30-летнему возрасту (подробно собраны в фрагментах Филона). Соглашаясь на том же, многие ученые, приписывают ошибку самому Иосифу (Petav., см. Doctr. Temp. II, 1, 10, с. 65; и после него Pagi и др.; срв. Casaub. epist. 299. Montacutius exerc. 10. Lydiatus de emend. Temp. p. 114. Keplerus de an. nat. Chr., p. 52 Usser an. ad. an). Были, впрочем, и такие ученые, которые пытались обойтись без недоверия к дате Иосифа и принять ее в неизменности (Riccioli Chron. Reform. и Nolde, Hist. Idum. Num. 9), рискуя, с одной стороны, оставить ее в противоречии с вышеуказанными двумя датами Иосифа, или, с другой – понижая ее на 10 лет, законность чего вдвойне уменьшается ввиду того, что понижаемая дата, повторена Иосифом 2 раза. Мало дают положительного и другие гипотезы, старающиеся угадать действительный возраст Ирода на основании других моментов его жизни или путем сопоставления лет Ирода с предполагаемым возрастом Антипатра: (Peter Allix in Diatribe de an. et mens. nat J, Chr. c. II.) Можно бы, по нашему мнению, но видеть ничего странного в том, что полный отваги 15-летний парень, при протекции такого отца, мог играть такую роль, особенно если иметь ввиду возможность раннего, сверх вообще раннего, развития на Востоке, если бы противоречие Иосифа с другой стороны не побуждало усомниться в достоверности его даты. И только последнего рода побуждение должно иметь силу для того, чтобы искать для Ирода более высокого возраста, чем 15 лет, каковую дату кардинал Noris (С. Cenot. Pis. II, 6) объясняет лживым намерением первоисточника Иосифова – Николая Дамаскина – произвести в герои царя ранее, чем он был, что, по-видимому, оправдывается *περὶ ἁλ. I, 19*, где Ирод обличается в намерении скрывать свои года, (не отсюда ли объясняется и то, что Иосиф вообще не знает точного числа лет жизни Ирода, выражаясь, что он умер около 70 лет?) Как бы то ни было, верен в Иосифе лишь образ чтения, но не дата. Вопрос, как же именно должна быть исправлена эта дата, большинство ученых решают в духе Казобона, читая вместо 15–25. Это согласовалось с догадкой Casaub., что в данном случае имела место ошибка глаза. Признав, что образ чтения мог быть здесь верен и лишь не точна дата, мы избавляемся от необходимости изменять *ιὲ* именно на близкое по начертанию *κὲ*, и вместе с Jost'ом допускаем и не столь значительную поправку, тем более, что нельзя не согласиться с тем, как властолюбивый Антипатр мог оставлять в бездеятельности до такого возраста

(25) своего талантливового сына (Ирода), и тем более возмужалого Фасаила, бывшего уже отцом 4-летнего сына? (Срв. Арх. XIV. 14; περὶ ἁλ. I, 14). Принимая во внимание все это, можно находить достоверным, что Ирод, если только входило в его расчеты таить свои лета (проведение юношеских лет в иной стране давало все удобства для этого), убавил их не на 10 лет, а года на 4–5, и что, т.о., назначение его в Галилею последовало году на 20 или 21 его жизни.

⁷³⁹ - Арх. XIV, 9. 3.

⁷⁴⁰ - Борьба с Иудой сыном Езекии.

⁷⁴¹ - Об этой сцене знает раввинское предание, изменяя лишь имена – вместо Гиркана Jannai, вместо Ирода – раб Jannai'я, вместо Schemaja – Simon ben Schetach. См. Derenbourg, Hist. de la Palestine, p. 146–148.

⁷⁴² - Все это было, очевидно, устроено с целью – выразить свое презрение к этому национально-Иудейскому судилищу, обломку теократического строя еврейского государства, власть которого в глазах Ирода была доживающим последние дни анахронизмом.

⁷⁴³ - Иосиф характеризует его, несомненно поддавшись влиянию источника, как «мужа, прославившегося пред всеми благочестием, справедливостью и усердием к своему отечеству(?)».

⁷⁴⁴ - В то время как Антоний терял время около своей Клеопатры в Египте, а потом занять был Италийскими делами.

⁷⁴⁵ - Jost, II, 28 anh.

⁷⁴⁶ - Срв. Jost, II, 29 anh.

⁷⁴⁷ - Замечателен способ самоубийства этого Идумеянина (разбил себе голову о стену темницы), прекрасно выражающий какую-то демонически-дикую натуру Идумейской семьи, полное воплощение которой можно видеть в лице Ирода.

⁷⁴⁸ - Dio Cass. XLVIII, 26 ошибочно называет Аристовула вместо Антигона.

⁷⁴⁹ - Впрочем, тогда уже и не был этот престол «Давидовым», как престол, которым распоряжались Римляне. Это был скорее престол узурпатора, его собственный самодельный престол. (Богор. 502).

⁷⁵⁰ - Срв. Sanclemente. De vulgaris aerae emendatione, p. 360–366; vander Chijs. De Herode Magno p. 31–35. Несправедлива и та дата Gumpach'a в uber den altjudischen Kalender, 238–250, что провозглашение падало на осень 39 г.

⁷⁵¹ - Уместно припомнить здесь многозначительное замечание Иосифа, что сам Ирод, по-видимому, когда-то сознавал все это, сделавшись царем сверх его чаяния, ибо он не смел сего явно требовать в сенате, потому что не надеялся получить такой милости от Римлян, которые делали всегда царями происходивших от царского племени, но намерен был (или делал вид, что желал) просить сего достоинства брату жены своей, внуку Аристовулову и Гирканову – Александру, которого он потом умертвил, а сам будто бы намеревался ограничиться ролью первого сановника, при нем, как Антипатр при Гиркане. Это, однако, едва ли верно. Все предшествующие «подвиги» и злоключения Ирода могли окупаться лишь его затаенными надеждами на

нечто гораздо большее, чем «роль первого сановника» при ком-то другом, когда он уже и теперь представлял из себя настоящего правителя. С другой стороны, не может быть, чтобы не имело значения для Ирода некогда данное обещание Римского уполномоченного сделать царем Иудейским за верную службу. Возможность такого обещания для Ирода была несомненной возможностью и его исполнения. И никакой другой ролью он не мог удовлетвориться уже по самому своему характеру.

⁷⁵² - Наименование этого места в περὶ ἁλ. I, XVII, 5 – Канюю вместо Исаны должно быть признано порчей текста; см. Schür. I, 291. 9 прим. Исана тожд. с, пш', которая по (2Пар.13:19) лежала подле Вефиля (у Иосифа Арх.VIII, 11, 3 Ισανά).

⁷⁵³ - См. выше стр. 358. Это был уже 2-й брак Ирода. От первой своей супруги Доры, Ирод уже имел сына, Антипатра. По мнению Богородского, деятельную роль при сватовстве Ирода на Мариамме д. приписать Александре, ее матери. Честолюбивая и гордая, она не могла снести мысли, что с возвышением Ирода фамилия Маккавеев потеряет всякое значение, захудает и смешается с толпою обыкновенных подданных, и вот, приносит в жертву свою юную дочь – красавицу счастливому проходимцу, чтобы хотя этим способом оставаться вблизи трона и власти. Но эта цель – поддержать погибающее величие Маккавейского рода повлекла за собой в своем развитии всеконечное уничтожение этого славного рода. Не объясняется ли этим безобразное поведение ее пред казнью Мариаммы, на браке с которой Ирода она основывала все свои честолюбивые расчеты. И не хотела ли, наоборот, доказать своим благородно-гордым поведением Мариамма, что из нее нельзя было сделать бездушное орудие, что она имеет право на собственные чувства, как внучка Аристовула, столь же знающая себе цену, как и ее родители. (Богор. 502).

⁷⁵⁴ - Замечание это имеет свою особенную важность и не может быть оставлено Библейским историком без некоторой утилизации. Как попятно, определение времени хотя некоторых из этих субботних годов весьма много помогает определить по ним более точно и время многих других, из коих от времени Иисуса Навина до последних времен Библ. истории только немного упоминаются в Свящ. Писании, дополняясь в других случаях Иосифом. В Свящ. Писании определено и точно названы субботними года: 1) освящения Соломонова храма (1004 до Хр. начало LXIII субб. года, 2Пар.5:3; VII, 8–10; срав. 3Цар.8:2, 65); 2) следующий за поражением Сеннахерима (709 до Хр. – CV субботний, 4Цар.19:29; срв. Ис.37:30); 3) первый год трехлетней осады Иерусалима Навуходоносором (591/90 до Хр. Иер.34:14 – CXXII субботний) и 4) год осады Иерусалима Антиохом Евпатором (1Мак.6:49). Сверх этих указаний, еще 2 субботних года точно определяются у Иосифа; это – год смерти первосвящ. Симона Маккавея (163 до Хр. Арх. XII, 7, 4 – CLXXXIII субботний), и наконец – год взятия Иерусалима Иродом в последнем случае. Это последнее замечание дает возможность установить, что описываемое событие имело место в 717 году от основания Рима, т.е., за 37 л. до Христ. эры. Замечание Иосифа, что то было время консульства Агриппы и Галла

имеет вариацию в другом источнике, именование у Dio Cass. XLIX, 22, где консульство указывается более раннее – Клавдия и Норбана (38 г.). Однако, большая обстоятельность и детальность Иосифа представляет более шансов на достоверность пред кратким и сжатым очерком Диона, и все новейшие исследователи отдают предпочтение первому. В самом деле, мы знаем, что Пакор, военачальник Парфян, был побежден Вентидием, Римским полководцем, 9 июня 38 г. После этого Вентидий идет на Антиоха Комагенского и осаждает его в Самосатах (Plut. Anton. 34), во время каковой осады приходит к Самосатам и Антоний, навещаемый потом Иродом. Осада эта, как известно, затянулась (Plut. Anton. 34: τῆς δὲ πολιορκίας μῆκος λαμβανοῦσης) и только после нее Сосий получает приказание помочь Ироду (Арх. XIV, 15, 8–9). Эта помощь, т.о., могла прийти к Ироду не раньше осени 38 г., а повествование Иосифа, с другой стороны, не оставляет сомнения в том, что до падения Иерусалима после этой поддержки прошла еще зима (Арх. XIV, 15, 11: πολλοῦ χειμῶνος καταρράγυντος; 15, 12: χειμῶν ἐπέσχε βαθύς; потом 15, 14: λήξαντος δὲ τοῦ χειμῶνος, и наконец – 16, 2: θέρος τε γὰρ ἦν). Таким образом, завоевание Иерусалима, вопреки Gumpach'y, Caspari и др., произошло летом 37 г. (срв. Sanclemente, do vulg. 366–371. Ideler, Handb. II, 390; Ewald IV, 646; Burcklein и Kellner)...Мы должны остановиться здесь еще на замечании Иосифа, что Иродово завоевание Иерусалима было в тот же самый день, как и Помпеево. Выражение Иосифа τῇ ἑορτῇ τῆς νηστείας (XIV, 16, 4) допускает предположить, что это был день великого очищения, 10 окт. – Tischri, как и принимают Ewald, Kellner и др. Наоборот, Herzfeld (в Frankel'a Monatsschrift f. Gesch. und Wiss. des Jud. 1855, 104–115) пытается доказать, что завоевание Иер. Иродом должно было быть ранним летом, и небезосновательно. Начавшись тотчас с окончанием зимнего времени (λήξαντος τοῦ χειμῶνος), след. в феврале, или самое позднее – в марте, осада по περὶ ἀλ. I, 18, 2 длилась 5 мес., и след. никак не могла тянуться до октября: самый крайний ее предел – июль. Замечание Иосифа о ἑορτῇ τῆς νηστείας в таком случае должно счесть указанием на обыкновенную субботу, по известной уже нам рабской зависимости Иосифа от языческих источников, тем более, что и Dio Cassius выражается только, что город был взят ἐν τῇ τοῦ Κρόνου ἡμέρᾳ (XLIX, 22). Что касается, наконец, замечания τῷ τρίτῳ μηνί (Арх. XIV, 16, 4), то это м.б. или 3-ий месяц осады, или Иудейского календаря. Последнее принимают Grätz и Hitzig, относя конец осады к июню. Кажущимся подтверждением этого м. служить дата περὶ ἀλ., где говорится, что осада продолжалась 5 месяцев. Но это не будет противоречить и первому, когда допустим, и как кажется, с большею вероятностью, что третий месяц Иосиф считает от начала собственно самой осады (Арх. XIV, 6, 2), а пять месяцев – от начала приготовления к осаде и осадных работ (XIV, 15, 14).

⁷⁵⁵ - Dio, XLIX, 23; Plut. Ant. 36.

⁷⁵⁶ - Арх. XIV, 16, 4; XV, 1, 2; περὶ ἀλ. I, 18, 3. Dio Cass. XLIX, 22; Plut. Ant. 36.

⁷⁵⁷ - См. пр. I к III кн. Josta.

⁷⁵⁸ - περὶ ἀλ. I, 21, 13.

⁷⁵⁹ - ib. все военные неудачи Ирода Иосиф относит или к предательству других, или к безрассудным действиям воинов.

⁷⁶⁰ - Иосиф в своей характеристике Ирода (Арх. XVI, 5, 4) достаточно хорошо и психологически верно объясняет контраст и раздвоенность в наклонностях Ирода (щедрость и жестокость), объединяя их в одной основной черте – колоссальном любочестии Ирода, обуславливавшем и его чрезвычайную расточительность в связи с жадностью приобретений, и его беспредельную жестокость при стремлении быть признанным всеми за благодетеля и достойного царя своих подданных. Хорошо примиряются в этом и два другие, мало, по-видимому, совместимые качества в Ироде: его грубое пресмыкательство пред сильнейшими его, особенно Римлянами, и его неумеренная требовательность по отношению к подданным, которых он желал видеть такими же ласкателями в отношении к нему, каким был сам он в отношении к Римлянам.

⁷⁶¹ - Арх. XVI, 5, 4.

⁷⁶² - Догадка ученых, не следует ли понимать эпитет «μεγας» в смысле не «великий», а «старший», в отличие от других Иродов, имеет свою силу. См. Богородский, Прав. Соб. 1896 г. I, 497–522 стр. См. ниже, стр. 342, прим.

⁷⁶³ - Срв. Jost, III, anh. I.

⁷⁶⁴ - Ирод сделал это под предлогом признательности к 80-летнему старцу, не перестававшему быть в должном почтении Иудеев, а на самом деле, чтобы притворным оказанием ему чести (называя своим отцом) расположить к себе народ, и главное – чтобы иметь «в руках» этого маститого Асмонея, легко могущего оказаться виновником какой-либо опасной Ироду пересмены. Вот почему, в скором же времени, Ирод сам поспешил оклеветать его пред народом, и умертвил.

⁷⁶⁵ - Иосиф говорит, впрочем, что «предки» его были когда-то и первосвященниками.

⁷⁶⁶ - Иосиф насчитывает 3 случая такого нарушения: Ония, возведенный Антиохом Епифаном, вместо брата – Иисуса, 2) Аристовул, сменивший Гиркана и 3) Аристовул, поставленный Иродом вместо Ананела. Когда Иосиф говорит при этом, что закон о неприкосновенности первосвященнического сана «прежде всех» нарушил Антиох, то он имел в виду или последний период Еврейской истории, или беспричинные, самовольные смены первосвященника, так как случаев подобных смен вообще можно насчитать более 3-х.

⁷⁶⁷ - Лаодикия, южнее от Антиохии, на море, куда Антоний пристал, отправляясь (весной 34. г.) против Армянского царя Artavasdes'a.

⁷⁶⁸ - Сама Мариамма едва ли могла любить Ирода; в περὶ ἁλ. I, 22, 2, Иосиф прямо говорит о ее ненависти; он говорит, впрочем, так много и другого худого не только о Мариамме, но и вообще о Маккавеях, современниках Ироду. Но если все остальное и согласовалось с явно тенденциозным намерением из лести к Римлянам обелить Ирода, ставленника Римлян, и представить его как бы агнцем, страдавшим от порочности и злонравия Маккавеев, – то ненависть Мариаммы к Ироду понятна и без этой

тенденциозности. И что в этой ненависти не было еще ничего преступного – как старается представить Иосиф, всегда опровергающий свои похвалы Ироду выразительными фактами, – говорит простая человеческая справедливость, которая более оскорбляется не поведением Мариаммы, вполне натуральным, при данных условиях, а скорее наивными рассуждениями Иосифа и Ирода, что жена из-за чувственной ласки хотя бы изверга мужа должна подавлять в себе все душевные движения, и удовлетворяться ролью одалиски своего повелителя и быть рабой своей свекрови и золовки. (Богор. 510).

⁷⁶⁹ - Страб. XVI, 2, 41. p. 763; XVII, I, 15 p. 800; περὶ ἁλ.IV, 8, 3; мн. мест Иосифа об этом. см. Schür. I, 312; Trogus Pompejus, выд. из Justin'a XXXVI, 3. «Город пальм» Втор.34:3 עִיר הַתְּמָרִים – Суд.1: 16, 3:13; 2Пар.28:15. Diodorus Sicul. II, 48, 9; XIX, 98, 4; Plin Hist. nat. XIII, 4, 44; 4, 26; 4, 49, XII, 25, 111–123. Tacit. Hist. V, 6. Pausan. IX, 19, 8 и др.

⁷⁷⁰ - Арх.XV, 4, 1–2. περὶ ἁλ.I, 18, 5. – Plut. Ant. 36 и Dio Cass. XLIX, 32 относят этот подарок к более раннему времени, именно к 36 году – первый перед началом Парфянского похода, второй по возвращении из него. Иосиф полагает его в 34 г. при походе в Армению, который, после сопоставления с Dio Cass. XLIX, 39 – оказывается несомненно тождественным с походом Парфянским (Арх.XV, 4, 1–3; περὶ ἁλ.I, 18, 5) за исключением даты. Определение последней по Plutarch'у и Dio Cassio имеет некоторое подтверждение в Порфирии, у Euseb. Chron. ed Schoene I, 170, определяющем точнее время подарка Клеопатре Халкиды: τό δ' ἑκκαίδέκατον. ὡνομάσθη τὸ καὶ πρῶτον, ἐπεὶ δὲ τελευτήσαντος Λυσιμάχου (Λυσανίου) τῆς ἐν Συρίᾳ Χαλκίδος βασιλέως, Μάρκος Ἀντώνιος ὁ αὐτοκράτωρ τὴν τε Χαλκίδα καὶ τοὺς περὶ αὐτὴν τόπους παρέδωκε τῇ Κλεοπάτρᾳ, – в свою очередь подтверждаемое монетами и надписями от времен названной царицы. Даты эти не оставляют (см. Schürer, I, 296), по-видимому, сомнения в том, что подарок Халкиды сделан был царице в 36 г. до Хр. (точнее между осенью 37 и осенью 36 г. см. Letronne, II, 98). Эта заметка Порфирия не служить, однако, в пользу, при ближайшем рассмотрении, ни даты Плутарха и Dio Cass., ни даты Иосифа. Подарок Халкиды мог предварять подарок других областей, а вовсе не быть одновременным с ним. У Иосифа ясно это там, где он говорит (Арх.XV, 3, 8 кон.) о подарке Клеопатре Кили-Сирии, чем он хотел отвязаться от неотступной царицы. Просьбы ее продолжались и после этого и вызвали новые уступки... Таким образом, Plut. и Dio очевидно соединяют вместе несколько не одновременных эпизодов, которые у Иосифа изображаются в большей раздельности и обстоятельности. На основании всего сказанного, Schürer относит подарки (Арх.XV. 4, 1–2 и περὶ ἁλ.I, 18, 5) по времени немного после аудиенции Ирода в Лаодикии.

⁷⁷¹ - XV, 6, 3.

⁷⁷² - ib. Иродовы мемуары представляют очень интересно и характерно для Ирода дело Гиркана. Но Иосиф отказывается сам верить своему источнику и пытается дать истинное освещение этому новому гнусному злодеянию Ирода, утверждая, что Ирод просто сам «подвел» Гиркана и

придал своему злодеянию вид справедливого возмездия и охраны своей личности.

⁷⁷³ - Ἀρχ.XV, 6, 7, περὶ ἁλ.Ι, 20, 2. Dio Cass. LI, 7.

⁷⁷⁴ - Некоторые находят сомнительным, чтобы одно и тоже происшествие могло повториться 2 раза, и дают ему веру только в одном случае. (Schür. 1, 316 стр. пр. 50). За отсутствием твердых основ для подтверждения этого, трудно принять что-либо за определенное и более достоверное.

⁷⁷⁵ - Дальнейшее поведение Александры, выступающей вскоре с попыткой захватить власть в стране, как будто сильно говорит не в пользу этого предположения.

⁷⁷⁶ - Психологически правдоподобно и удобоприемлемо объясняет поведение и состояние души Александры в этом инциденте Я.А. Богородский: «Нужно думать говорит он, что Александра сознательно негодовала на свою дочь за то, что она не оправдала ее планов и честлюбивых надежд, что она не пожелала, хотя бы притвориться верной и любящей женой, чтобы приручить к себе зверя, что, поэтому, все вышло как раз наоборот тому, что она (Александра) задумала и к чему стремилась всей душой. Сердце ее было растерзано и ожесточено неожиданной гибелью сына, потом отца. Возможно, что в ее душе, уже давно охладевшей к дочери, нашла отголосок и гнусная сплетня про нее и что причину всех зол она и видела теперь в предполагаемом легкомыслии Мариаммы. Как бы то ни было, нельзя не признать, что в поведении Александры в тот момент было много и иступленного, ненормального"...

⁷⁷⁷ - Ἀρχ.XV, 8; XVII, 10, 2; περὶ ἁλ. II, 3, 1.

⁷⁷⁸ - См. обзор этих работ Schürer, I, 320 и д.

⁷⁷⁹ - Provinciarum pleraeque super templa et aras ludos quoque quinquennales paene oppidatim constituerunt. Reges amici atque socii et singuli in suo quisque regno Caesareas urbes condiderunt. (Sueton. Aug. 59–60).

⁷⁸⁰ - Schür. I, 322; Ἀρχ.XVI, 5, 3; 2, 2; περὶ ἁλ.Ι, 21, 11.

⁷⁸¹ - См. об этом ниже, в разборе свидетельства Иосифа о Христе.

⁷⁸² - Время, начатия постройке храма иначе указывается в περὶ ἁλ.Ι, 21, 1, именно в 15-й год Ирода, что или несправедливо, или касается первых приготовлений к работе. Что храм точно начат в 20/19 г. Ирода, совершенно ясно из того, что он начат в тот год, в начале которого Кесарь прибыл в Сирию, а это по Dio Cass. LXV, 7 падает на весну или лето 20 г.... Работы до возведения притворов продолжались 8 лет, самого храмового корпуса 11/2 года (не ясно, сверх ли 8 или всего 11/2). По (Ин.2:20), постройка длилась 46 лет.

⁷⁸³ - Ирод, впрочем, не дожил до полного окончания работ по перестройке храма. Они окончились лишь при Альбине (62–64 по Хр., Ἀρχ.XX, 9, 7), т.е., уже незадолго до его окончательной гибели вместе со св. городом, а по другим исследователям (Schick) даже и разрушение Римлянами застало его еще неоконченным: недоставало именно пирамидального купольчика или крыши над средней частью фасада. См. прилагаемые рисунки.

⁷⁸⁴ - История постройки и описание, см. Ἀρχ. XV, 11; περὶ ἀλ. I, 21, 1; V, 5. ср. Mischna, Middoth. и Phil. De monarchia, lib. II. § 2 (ed. Mangrey, II, 23 и д. Иудейские поговорки и другие равв. предания у Derenbourg, 152–154 стр.).

⁷⁸⁵ - Самым храмом Ирод не упустил из вида эту тенденцию, не только воспроизводя им архитектуру древнего храма Соломонова, но и придав ему характер более классический, см. рисунки.

⁷⁸⁶ - Судя по образу речи его в Ἀρχ. XVI, 2, 4, где он, защищая интересы и воззрения Иудеев, выражается в 1 л. мн. («мы», «нас») – τὴν τε ἐβδόμην τῶν ἡμερῶν ἀνιέμεν τῇ μαθήσει τῶν ἡμετέρων ἐθῶν καὶ νόμων и т.д.), можно считать его за Иудея. В таком случае заметка у Suidas (Lex. Ἀντίπατρος), что Антипатр, отец Николая, умирая завещал своим детям посвятить Зевсу, после своей смерти, фимиам, может быть понимаемо, как свидетельство о первоначальном настроении этих друзей Ирода и их прозелитских отношениях к Иудейству.

⁷⁸⁷ - Необходимость различать под этим именем 2 лиц очевидна из происшествий после смерти Ирода, когда именно один из Птолемеев выступает на стороне Антипы (Ἀρχ. XVII, 9, 4; περὶ ἀλ. II, 2, 3), а другой в тоже самое время поддерживает интересы Архелая (Ἀρχ. XVII, 8, 2 == περὶ ἀλ. I, 33, 8; XVII, 9, 3 и 5 == περὶ ἀλ. II, 2, 1 и 4). Срв. также Ἀρχ. XVI, 7, 2–3, (διοικητὴς τῶν τῆς βασιλείας πραγμάτων и περὶ ἀλ. I, 24, 2, а также Ἀρχ. XVI, 8, 5.

⁷⁸⁸ - Ἀρχ. XVII, 9, 4; περὶ ἀλ. II, 2, 3.

⁷⁸⁹ - Ἀρχ. XIX. 7, 3. ἔλλησι πλέον ἢ Ἰουδαίοις οἰκείως ἔχειν... о гуманистических задачах Ирода см. также любопытный фрагм. Николая Дам. у Müller'a. Fragm. Hist. Graec. III, 350 и д.

⁷⁹⁰ - Ἀρχ. XV, 11, 5–6.

⁷⁹¹ - Ἀρχ. XV, 8, 1–2.

⁷⁹² - Ἀρχ. XVI, 7, 6.

⁷⁹³ - Ἀρχ. XV, 1, 1; 10, 4.

⁷⁹⁴ - Ἀρχ. XVII, 6, 2; περὶ ἀλ. I, 33, 2.

⁷⁹⁵ - Schürer, I, 328 die von der Cultur beleckt.

⁷⁹⁶ - 1 Цар. 8:17–18 и ранее.

⁷⁹⁷ - Schür. II, 148 стр.

⁷⁹⁸ - И тем менее «великим», см. 343 стр. пр. 7.

⁷⁹⁹ - Иосиф упоминает 2 случая такого отказа – Ἀρχ. XV, 10, 4 и XVII, 2, 4, причем во втором случае, количество отказавшихся от присяги среди одних фарисеев выражается внушительной цифрой 6.000.

⁸⁰⁰ - Ἀρχ. XV, 8, 3–4 и д., и мн. др.

⁸⁰¹ - Важнейшие из них: Иродион, Александрион, Иркания, Махер, Масада – эти крепости были рассчитаны не столько на защиту от внешних врагов, сколько внутренних, т.е. народа.

⁸⁰² - В Гаве в Галилее, и Есвоне в Перее.

⁸⁰³ - Ἀρχ. XVII, 8, 3. περὶ ἀλ. I, 33, 9.

⁸⁰⁴ - Ἀρχ. XV, 10, 4.

⁸⁰⁵ - Еще нельзя назвать решенным вопрос, не имелось ли в виду этим термином «μέγας» обозначить собственно не величие, а лишь старшинство Ирода, в отличие от последующих царей того же имени, подобно тому как тот же термин, по словам Seinecke (Gesch. des Volkes Isr. 1884, Zw. Thl. 179), прилагаемый греч. писателями к победителю Ганнибала (Публий Корнилий Сципион ὁ μέγας) значит не Сципион великий, а Сц. старший, major natu. За такое же значение термина μέγας у Иосифа как будто ручается его различие 2-х Агрипп, отца и сына, из коих первого он называет ὁ μέγας, а второго νεώτερος. Очевидно, и Ирод ὁ μέγας имеет не другое значение, как старший, в отличие от последующих, младших. Этого мнения склонен держаться Богородский, и с достаточной основательностью (См. его прекр. статья «об Ироде, так назыв., Великом»). Что касается мнения, что возведение в «Великие» Ирода могло мотивироваться величием его отрицательным или относительным, то усвоение термина величия Ироду по таким побуждениям было бы ненужной иронией над истинным величием, излишней жертвой истины пред уродливейшим порождением духа злобы и лжи.

⁸⁰⁶ - Такова в 20 году скидка третьей части податей (по случаю недорода XV, 10, 4). Иосиф прямо развенчивает здесь в Ироде всякое великодушие, наставляя мотивом укрощение народной ненависти. В 14 – скидка 4-й части их. (XVI, 2, 5). На условиях «rex socius» зависели от Рима главным образом цари по сю сторону Евфрата. Одним из первых таких условий было то, что царь вступал в свои права и усвоял царский титул не прежде, как будучи признан Кесарем и утвержден Сенатом (Ирод владел своим царством δόσει Καίσαρος καὶ δούρατι Ῥωμαίων Ἀρχ. XV, 6, 7). При этом обыкновенно титул царя давался только правителям более значительных областей; в противном случае для них считалось достаточным звание тетрархов и т.п. Пожалование обычно простиралось только на одно лицо и прекращалось само собой с его смертью, после чего нередко случалось, что отеческая область или разделялась на несколько частей по числу сыновей с соответствующим титулом, или отдавалась другому лицу, или просто отходила под непосредственное римское управление в качестве провинции. История Иродианской династии знакомит со всеми разновидностями тактики Римлян в данном отношении. Высшим отличием, какого удостаивались немногие из союзных царей, был титул – socius et amicus populi Romani (φίλος καὶ σύμμαχος Ῥωμαίων). Не везде выразительно упоминаемой, но, по-видимому, с вероятностью везде предполагаемой принадлежностью союзных царей было звание римского гражданина, которое имел уже Антипатр, отец Ирода (Арх. XIV, 8, 3; περὶ ἁλ. I, 9, 5). А в последующее время (с Калигулы) союзные цари даже наделялись сенаторскими отличиями (преторское или консульское достоинство). Впервые преторское достоинство видим у Агриппы I (Philo in Flacc. § 6, Mang. II, 523), позднее консульское (Dio Cass. LX, 8). Ирод Халкидский имел преторское достоинство (Dio Cass. ibid.), Агриппа II – так же (Dio Cass. LXVI, 15). Власть союзных Царей ограничивалась обыкновенно следующими пунктами: 1) они не могли ни заключать союзов, ни вести воин самостоятельно с другими государствами и применяли государственные права

только в пределах своей земли; 2) они чеканили для потребностей своего государства только медные монеты, но не золотые или серебряные, которые должны были оставаться Римскими, за редкими исключениями. Если даже Ирод не был таким исключением, как полагает Schürer, не придавая значения некоторым намекам Иосифа (по нашему мнению, заслуживавшим тщательнейшего обсуждения, как напр. Арх. XV, 9, 1–2) и ссылаясь единственно на тот факт, что от всех Иродианских князей до нас дошли исключительно медные монеты, – то действительно приходится установить, что Ирод ни в чем не преимуществовал перед прочими «союзными царями», и что все извороты у Иосифа, имеющие эту тенденции, имеют право на скептическое к ним отношение; 3) в случае войны они участвовали в ней вспомогательными войсками и заграждали врагам Рима границы своего государства. Что касается дани, то, по мнению Schürer'a, правильного сбора ее вначале не было введено, как признается и Mommsen, Staatsrecht III, I, 683...). Только об Антонии имеется свидетельство, что он учредил царям ἐπὶ φόροις τεταγμένοις (Appian. Civ. V, 75). См. Schürer, более подробно I, 333, прим. 108). За исключением всех этих условий – ограничений, «союзные цари» сохраняли в полной мере государственные права, не испытывая особых стеснений от Римского протектората; власть в стране, право жизни и смерти своих подданных, наложение и сбор пошлин и податей, организация и содержание войска, – права, которые существенно отличали «союзные царства» от провинций.

⁸⁰⁷ - Sueton. Aug. 60: Reges amici atque socii... saepe regnis relictis, non Romae modo sed et provincias peragranti cotidiana officia togati ac sine regio insigni, more clientium praestiterunt.

⁸⁰⁸ - Иерихонская область, отнятая было Клеопатрой, и города: Гадара, Гиппос, Самария, Газа, Анфедон, Иоппия и Стратонова башня. XV, 7, 3; περὶ ἁλ. I, 20, 3.

⁸⁰⁹ - На этот раз отошли к Ироду владения Зенодора – Улафа и Паниада, лежавшие между Трахоном и Галилеею, и участие в Сирийском наместничестве. XV, 10, 3. Еще ранее, в 23 г. Ирод получил от Кесаря области Трахон, Батанею и Авринитиду, восточнее моря Генисаретского, Арх. XV, 10, 1; περὶ ἁλ. I, 20, 4.

⁸¹⁰ - Арх. XVI, 1, 2.

⁸¹¹ - Арх. XVI, 4, 1–5 и 9, 1, см. Schürer, I, 304 стр., примеч. о втором из этих путешествий.

⁸¹² - Арх. XV, 10, 2.

⁸¹³ - Арх. XVI, 2, 2–5. Ср. Николай Дам. У Müller. Fragm. Hist. Graec. III, 350.

⁸¹⁴ - Арх. XVI, 2, 1. Philo, Legat. ad Cajum, § 37 (ed. Mang. II, 589). См. также Schürer, 245.

⁸¹⁵ - Арх. XV, 10, 3; περὶ ἁλ. I, 20, 4.

⁸¹⁶ - Иосиф сохранил прекрасное свидетельство о том, до какой степени народ, ненавидевший Ирода, в то же время, и боялся его: Гадаряне попробовали однажды пожаловаться на Ирода Кесарю. Когда эта жалоба

осталась без последствий, несчастные, чтобы не быть выданными в руки Ирода – «иные сами себя ночью умертвили, иные низвергнулись сверху домов, иные побросались в реку и погибли». Не менее красноречиво выразилась и ненависть к Ироду в следующем факте: «Пробираясь в Идумею после неудачи с Парфянами, Ирод подвергся нападению Иудеев с целью уничтожить его. Отряд воинов Ирода, посланный им стеречь неприятеля и засевший в домах, Иудеи сожгли вместе с домами. Во время другого отчаянного покушения на жизнь царя, когда заговор был открыт одним доносчиком и заговорщики замучены, ярость народная обратилась на доносчика и разорвала его на куски"...

⁸¹⁷ - περὶ ἀλ.Ι, 24, 2 кон. Ἀρχ.ΧVII, 1, 2: πατριὸν γὰρ ἐν ταύτῳ πλείοσιν ἡμῖν συνοικεῖν. По Mischna Sanhedrin, II, 4, цари имели право на содержание 18 жен. До каких пределов могло простираться многоженство частного человека, показания различны: до 4 – Jebamoth, IV, 11; Kethuboth, X, 1–6; до 5: Kerithoth, III, 7, ср. также Kidduschin, II, 7; Bechoroth VIII, 4. Многозначительно также свидетельство в Иустиновом «диалоге с Трифоном», г. 134: βέλτιόν ἐστιν, ὑμᾶς τῷ θεῷ ἐπεσθαι ἢ τοῖς ἀσυνέτοις καὶ τυφλοῖς διδασκάλοις ὑμῶν, οἵτινες καὶ μέχρι νῦν καὶ πέντε ἔχειν ὑμᾶς γυναῖκας ἕκαστον συγχωροῦσι. Ср. также Otto, замеч. и Winer, Realwörterbuch, терм. «Uielweiberei». Если верить Иосифу, многоженство было освящено обычаем, и именно одновременное. Ἀρχ.ΧVII, 1, 2.

⁸¹⁸ - Ἀρχ. XVI, 3, 3; περὶ ἀλ.Ι, 22, 1. По Ἀρχ.ΧVII, 5, 2, Антипатр был женат на дочери последнего Асмонея – Антигона.

⁸¹⁹ - περὶ ἀλ.Ι, 22, 2.

⁸²⁰ - Ἀρχ.ΧV, 9, 3; περὶ ἀλ.Ι, 28, 4; Ἀρχ.ΧVII, 1, 2. В этот брак Ирод, по словам Иосифа, вступил «побуждаемый одной страстью, невзирая ни на какие законы, препятствовавшие исполнению его желания».

⁸²¹ - Ἀρχ.ΧV, 10, 1.

⁸²² - Ἀρχ.ΧVI, 1, 2; ΧVIII, 5, 4. Strabo, XVI, 2, 46. стр. 765. Архелай Каппадокийский царствовал 36–17 по Хр., как известно из Dio Cass. XLIX, 32; LVII, 17. Tacit Annal. II, 42, Clinton, Fasti Hellenici, III, 448 и др.

⁸²³ - Ἀρχ.ΧVI, 3, 3; περὶ ἀλ.Ι, 23, 1–2.

⁸²⁴ - Иосиф старается уверить, что у Ирода было родительское чувство. Охотно верим этому, но, во всяком случае это чувство было какое-то особенное, напоминающее его чувства к их матери. Там и здесь было мало человеческого, и столько чудовищного!...

⁸²⁵ - Время этого 3-го путешествия Ирода в Рим, с Александром и Антипатром, с целью обвинения пред Кесарем первого и приобретения благосклонности Кесаревой второму – неизвестно в точности. См. Schürer, I, 304 стр. прим.

⁸²⁶ - Ἀρχ.ΧVI, 9, 3. Справ. Николай Дамаскин у Müller. Fragm. Hist. Graec. III, 351.

⁸²⁷ - Этот город был главной Римской колонией и средоточием Римской жизни вблизи Палестины. См. Schürer, I, 340, прим. 150.

⁸²⁸ - Вероятно, в 7 г. срав. Арх. XVI, 11, 2–7; περὶ ἁλ. I, 27, 2–6. Nicol. Damasc. у Müller. Fragm. Hist. Graec. III, 351 и д. Вообще: Delitzsch. Judisches Handmerkezleben zur Zeit Jesu, 2 Aufl. 1875, 51–69 стр. О казни чрез удушение – у Иудеев. см. Mischna Sanhedrin, VII, 1, 3; Terumoth VII, 2; Kethuboth IV, 3; Sanhedrin, VI, 5 кон.; IX, 3, 6; XI, 1; у Римлян: Rein, Art. laqueus в Pauly' Real – Enc. IV, 771.

⁸²⁹ - Арх. XVII, 5, 3–7; περὶ ἁλ. I, 32, 1–5. Срав. вообще Nicol. Damasc. у Müller. III, 352 и д.

⁸³⁰ - Макроб. Saturn. II, 4. Говорят, Август был автором известной остроумной иронии при известии о казни Иродом своего третьего сына: «лучше быть Иродовой свиньей, чем сыном!». Как бы уместно было напомнить здесь державному иронисту, насколько – не преступнее бы, кажется, быть и самим Иродом, нежели таким Кесарем, по милости которого подобные Ироды только терпелись...

⁸³¹ - Renan (Евреи под владычеством Рима) называет инцидент с орлом вымыслом.

⁸³² - По новому завещанию Ирода, после осуждения Антипатра, назначен был наследником младший его сын Антипа, от Самаритянки Малфаки.

⁸³³ - В Талмуде подобное безумное распоряжение усвоится Ианнаю (Derenbourg, Palestine, 163–164; срав. περὶ ἁλ. I, 33, 2–7). В виду этого, новый переводчик Иосифа готов, отвергать достоверность последнего кровавого распоряжения Ирода. Однако, факт повторения свидетельств весьма недостаточное основание для произвольного выбора между ними. В пользу Иосифа может быть то, что он более ранний свидетель, что повторение факта вполне могло быть, особенно при некотором отличии между ними.

⁸³⁴ - Арх. XVII, 6, 5 и 8, 2; περὶ ἁλ. I, 33, 6 и 33, 8. Срав. Мег. Таан. XI, 1, раввинские предания у Derenbourg стр. 164 и д. См. литературу этого вопроса Schürer, I, 343. прим. 165.

⁸³⁵ - Мф. 2:14.

⁸³⁶ - Арх. XVII, 9, 3 и 8, 1; περὶ ἁλ. II, 1, 3 и 33, 8.

⁸³⁷ - Так, от завоевания Иерусалима Помпеем до завоевания Иродом он полагает 27 л. (Арх. XIV, 16, 4) тогда как на самом деле 26 (63–37); от завоевания Иродом до завоевания Титом – 107 л. (Арх. XX, 10) вместо 106 (717–823 а. У.); весну 31 г. называет 7-м годом Ирода, (Арх. XV, 5, 2; περὶ ἁλ. I, 19, 3) вместо 6-го (от июля 37) и т.д. Манера Иосифа считать излишек года за полный имеет свой прецедент также среди историков Египта (годы Птолмеев и Римско-Египетских императоров (Ideler, Handb. der Chronologie I, 117 и Mommsen, Römisches Staatsrecht, I, Aufl. II, 2, 758 и д., и др. стран (Mommsen I, 501 и д. II, 2, 756 и д.) срав. Gumpach 223–236).

⁸³⁸ - Срав. Mischna, Rosch haschana, I, 1...

⁸³⁹ - Срав. Schürer, I, 345 прим. 165.

⁸⁴⁰ - Арх. XVII, 13, 2 – в 10-й год, срав. βίος, г. I; но περὶ ἁλ. II, 7, 3 не без основания исправляет эту раннюю дату на 9-й г.

⁸⁴¹ - Cp. Schürer, I, 344, прим. 165.

⁸⁴² - Большинство новейших исследователей принимают эту именно дату, как то: Freret, Sanclemente, Ideler, Wieseler, Gumpach, van der Chijs, Lewin, Sevin, Schegg. Sattler, Memain. Более или менее приближаются к ним Wurm (4 или 3 г. до Хр.), Quandt и Kellner (3 до Хр.); отличаются: Caspari, Riess (1 до Хр.), и Seyffarth (1 по Хр.).

⁸⁴³ - Это сопоставление не означает, конечно, намерения приравнять по значению Евангельские события с данными Археологии, но только говорит, что дальнейшие события и данные Археологии, подлежащие нашему рассмотрению, как современных Евангельским событиям, заключают важные параллели их, служащие к взаимному уяснению и не излишнему подтверждению обоих источников.

⁸⁴⁴ - См. далее, при разборе свидетельства Флавия о Христе.

⁸⁴⁵ - Этот поход Вара зачисляется в список серьезнейших войн с Римлянами в κατὰ Ἀπὸν. 7 (в период от Помпея до Веспасиана). Имя Вара можно предполагать и в порченном месте Seder olam, кон., где говорится, что «от войны Asveros'a до войны Веспасиана 80 лет». См. Schürer, I, 349, прим. У. Grätz, III, 4 Aufl. 249 и 714 (зам. 18), Derenbourg, история 194 и др.

⁸⁴⁶ - Последнее обещано было ему, если покажет себя того заслуживающим; очевидно, звание ἑθνάρχος означало нечто большее или почетнейшее и более редкое, чем титул тетράρχης, означавший маленького зависимого князька. Из ἑθνάρχος известен почти только Гиркан II, получивший это звание от Цезаря; напротив, – тетрархов и тетрархий можно назвать бесчисленное множество, см. Schürer, I, 350, прим. 12-е.

⁸⁴⁷ - Мф.3:22.

⁸⁴⁸ - В различных местах Иосиф дает различное перечисление областей, входивших в тетрархию Филиппа Ἀρχ.XVII, 8,1; 11, 4: XVIII, 4, 6; περὶ ἁλ.ΙΙ, 6, 3. Упоминаемая в последнем случае Ἰάμνεια без сомнения есть Πανειάδα Ἀρχ.XVII, 8, 1; 11, 4. Местоположение этих областей см. Schürer, I, 353, прим. 3.

⁸⁴⁹ - На месте древней Панеи у истоков Иордана, с Авера от оз. Геннисаретского.

⁸⁵⁰ - Ἀρχ.XVIII, 2, 1; περὶ ἁλ.ΙΙ, 9, 1, при впадении Иордана в озеро Геннисар.

⁸⁵¹ - I Schürer, 356, прим. 5; II т. 120.

⁸⁵² - Ἀρχ.XVIII, 4, 6.

⁸⁵³ - Ἀρχ.XVIII. 6, 10; περὶ ἁλ.ΙΙ, 9, 6.

⁸⁵⁴ - Во всяком случае, с тем же титулом тетрарха, как (Мф.14:1, и Лк.3:19), а не царя (βασιλεύς), как (Мк. 6:14). Кроме Галилеи и Перее в тетрархию Антипы входили и лежавшие между ними города Декаполис (Мф.4:25; Мк.5:20, 7:31).

⁸⁵⁵ - Известный по монетам и в Новом Завете более подъ названием «Ирода».

⁸⁵⁶ - Ἀρχ.XVIII, 7, 2.

⁸⁵⁷ - Лк.13:32.

⁸⁵⁸ - Сепфорис, Ливия или Юлия (Бефарамфеа).

⁸⁵⁹ - στάδιον, βουαή, дворцы с лицеподобиями, наконец, население в значительной степени языческое.

⁸⁶⁰ - Sueton. Aug. c. 48: Reges socios etiam inter semet ipsos necessitudinibus mutuis Junxit, promptissimus affinitatis cujusque atque amicitiae conciliator et fautor.

⁸⁶¹ - Philo, Legat. ad Cajum § 38 (ed. Mang. II, 589), срв. Schürer I, 360 прим. 15.

⁸⁶² - Сын первосвященнической дочери Мариаммы 2-й, который по первому завещанию Ирода предназначался даже в престолонаследники.

⁸⁶³ - Иродиада – дочь Аристовула, одного из казненных Иродом сыновей.

⁸⁶⁴ - Мк.6:17. В паралл. месте (Мф.14:3) нет этого имени: в код. Д. и у Тишендорфа (ед. VIII) оно заключено в скобки; впрочем, согласие большинства рукописей обессиливают поправку в этих изданиях; (Лк.3:19) имя это выпрошено. Попытка Winer'a и многих комментаторов поправить неточное выражение Евангелистов предположением, что муж Иродиады, по Иосифу, Ирод мог носить имя Филиппа, усвояемое ему Евангелистами (Ирод Филипп) не возбуждает доверия, – с одной стороны, в виду странности, чтобы два источника могли разойтись в половинах двухсложного имени, – с другой стороны, ввиду не меньшей странности, чтобы два сына Ирода носили одно имя Филиппа... Остается поэтому одно – констатировать неточность в выражении Евангелия, вполне возможную при запутанности этой огромной фамилии.

⁸⁶⁵ - Дело осложнилось еще размежеванием земель в Галаадитисе, (а не Γαλαλιτς'е, находившемся в тогдашней тетрархии Филиппа). Порча текста очевидна (Арх. XVIII, 5, 1). См. Schürer, I, 370, прим. 36.

⁸⁶⁶ - XVIII, 5, 2.

⁸⁶⁷ - epist. bei Haverk. II, 259. Единственное основание, которое Blondel приводил не в пользу свидетельства, это то, что оно нарушает связь повествования. Но это одно из замечаний, менее всего имеющих права на уважение по его чисто субъективному характеру. При том § 2 вовсе и не вносит в связь никакого нарушения, ибо содержит одно из оснований не только поражения Ирода, но и низложения, в дальнейшем бывшего при Вителли. – Из внешних свидетельств подлинности места о Крестителе достаточно указать от II в. по Хр. на Оригена (прот. Цельса, pg. 35 ed. Spencer), опирающаяся на это место Иосифа в доказательство того, что и Иудеи знали Ἰωάννην βαπτιστὴν εἰς ἄφεςιν ἀμαρτημάτων βαπτίζοντα.

⁸⁶⁸ - βίος, § 76.

⁸⁶⁹ - См. его законы Моисеевы об этом предмете.

⁸⁷⁰ - Как полагает Keim (Gesch. Jesu, I, 622).

⁸⁷¹ - Арх. XVIII, 5, 1. См. Александр Ианней, Ирод Стар., περὶ ἁλ. VII, 6, 2. – Hitzig (567) не без натяжки называет заметку о принадлежности крепости Арете

или случайной вставкой или даже ошибкой самого Иосифа. Такое объяснение равносильно отказу от всякого объяснения, и мало удовлетворяет.

⁸⁷² - Имевшее силу лишь при наличии Кесаря, по римско-государственному праву. Mommsen, *Römisches Staatsrecht*, I Aufl. II, 1, 235; II, 2, 873.

⁸⁷³ - Tacit *Annal.* VI, 31–37; 41–44. Dio Cass. LVIII, 20. Ἀρχ. XVIII, 4, 4.

⁸⁷⁴ - По περὶ ἀλ. II, 9, 6 – Агриппа сам отправился по следам Антипы в Рим помешать его планам, а по Ἀρχ. XVIII, 7, 1–2 эту роль он возложил на своего отпущенника Фортуната; последнее вероятнее.

⁸⁷⁵ - Заметка Диона Кассия пытается как будто сказать, что он был и казнен Калигулой (LIX, 8) – «Καλιγούλα Ἀγρίππαν τὸν τοῦ Ἡρώδου ἑγγονον χύσας τε... καὶ τῇ τοῦ πάππου ἀρχῇ προστάσας, τὸν ἀδελφὸν ἧ καὶ τὸν υἱὸν οὐχ ὅτι τῶν πατρῶων ἀπεστέρησεν, ἀλλὶ καὶ κατέσφαξε. Вообще ссылка с целью казни была в обыкновении Калигулы. Suet. Calig. 28, Dio Casrf. LIX, 18. Philo, in Flaccum § 21 ed. Mang. II, 543 коп. По Иосифу, περὶ ἀλ. II, 9, 6, Ирод умер в ссылке в Испании, а по Ἀρχ. XVIII, 7, 2 местом ссылки указывается город Лугдунум, в Галлии. Из различных попыток проверить эти даты, лучшую предлагает Schiller, *Gesch. der Röm. Kaiserzeit*, I, 383. разумея под Лугдунумом нынешний Лион или, во всяком случае, к Галлии принадлежащий Lugdunum Convenarum на северном склоне Пиринеев.

⁸⁷⁶ - Наименование его βασιλεύς у (Мф. 2:22 и у самого Иосифа XVIII, 4, 3 суть неточности. См. выше, стр. 364-я.

⁸⁷⁷ - У Иосифа он нигде по носит этого имени, но за то у Dio Cass. LV, 27. Тоже самое и на монетах его времени мы читаем Ἡρώδου ἐθναρχοῦ. Достоин замечания, что эти монеты также не носят никакого лицеподобия. Schür. 375, прим. 4.

⁸⁷⁸ - Ἀρχ. XVII, 13, 1 и 4; περὶ ἀλ. II, 7, 4.

⁸⁷⁹ - Ἀρχ. XVII, 13, 2 «в десятый год Архелая»... περὶ ἀλ. II, 7, 3, в 9-й. По Dio Cass. LV, 27, это было в консульство Эмилия Лепида и Люция Аррунция == 6 г. по Хр.

⁸⁸⁰ - В Ἀρχ. XVII кон. и XVIII, 1, 1, Иудея представляется «приписанной» к Сирии, как ее «appendix» (προσθήκη τῆς Συρίας), а в περὶ ἀλ. II, 8, 1 представляет её прямо самостоятельной провинцией, как представляется это и у Тацита, *Annal.* II, 42: provinciae Syria atque Judaea, и Hist. V, 9: Claudius... Judaeam provinciam equitibus Romanis aut libertis permisit; тоже подтверждает Светоний: Claud. 28: felicem, quem cohortibus et alis provinciisque Judaeae praeposuit.

⁸⁸¹ - ἐπίτροπος. У Иосифа он называется также нередко ἑπαρχος или ἡγεμών, по предпочтительному употреблению Нового Завета и мн. другими тождественными наименованиями (цитаты см. Schür. I, 380, 23 и 24 пр.).

⁸⁸² - περὶ ἀλ. II, 8, 1; τῆς δὲ Ἀρχελάου χώρας εἰς ἐπαρχίαν περιγραφείσης ἐπίτροπός τις (τῆς) ἱππικῆς παρὰ Ῥωμαίοις τάξεως Κωπώνιος πέμπεται. срв. Ἀρχ. XVIII, 1, 1.

⁸⁸³ - Strabo, XVII, 3, 25, p. 840: εἰς ἃς μὲν πέμπει τοὺς ἐπιμελησομένους ὑπατικοῖς ἄνδρας, εἰς ἃς δὲ στρατηγικοῦς, εἰς ἃς δὲ καὶ ἵππικοῦς.

⁸⁸⁴ - Петроний, Ἀρχ.XVIII, 8, 2–9; περὶ Ἀλ.ΙΙ, 10, 1–5; Кассий Лонгин Ἀρχ.XX, 1,1; Цестий Галл, περὶ Ἀλ.ΙΙ, 14, 3; 16, 1; 18, 9 и д.

⁸⁸⁵ - Так Вителлий (Ἀρχ.XVIII, 4, 2) низлагает Пилата (срв. Тацит Annal. VI, 32: cunctis quae apud orientem parabantur L. Vitellium praefecit. Подобным образом Уммидий Квадрат отсылает в Рим Кумана (Ἀρχ.XX, 6, 2; περὶ Ἀλ.ΙΙ, 12, 6) срв. Tacit. Annal. 12, 54: Claudius... jus statuendi etiam de procuratoribus dederat.

⁸⁸⁶ - Ἀρχ. XVIII, 3, 1; περὶ Ἀλ.ΙΙ, 9, 2 (Пилат); XX, 5, 4; – ΙΙ, 12, 2 (Куман), 14, 4 кон., 15, 6 кон., 17, 1 (Флор); Деян. 23:23–33 (Феликс); 25:1–13 (Фест); Tacit. Hist. II, 78: Caesaream... Judaeae caput.

⁸⁸⁷ - περὶ Ἀλ.ΙΙ, 14, 8; 15, 5; Philo, legat, ad Caj., § 38 (Mang. II, 589).

⁸⁸⁸ - Ἀρχ.XVII, 10, 2–3; περὶ Ἀλ.ΙΙ, 3, 1–4: 17, 7–8. срв. (Мф.27:27; Мк.15:16).

⁸⁸⁹ - περὶ Ἀλ.ΙΙ, 8, 1; ΙΙ, 13, 2; Ἀρχ.XX, 1, 1; 5, 2. осуждение Пилатом Ι. Хр.

⁸⁹⁰ - Ἀρχ.XX, 6, 2; περὶ Ἀλ.ΙΙ, 12, 6; – XX, 8, 5, – ΙΙ, 13, 2. Βίος 3.

⁸⁹¹ - Ἀρχ.XIX, 6, 3; XX, 5, 4; περὶ Ἀλ.ΙΙ, 12, 2. Космополитическое течение, характеризующее языческую набожность того времени, делало даже возможным, что знатнейшие Римляне (и даже Кесари) приносили в Иерусалимском храме жертвы и посылали ему дары, περὶ Ἀλ.V, 13, 6; Philo, Legat. ad Caj. § 23 и 40, 37, Ἀρχ.XVI.2, 1; XVIII, 5, 3. Охранение ризницы и сокровищниц храма составляло особенную обязанность прокураторов Ἀρχ.XX, 1, 3; 9, 7; XVIII, 4,3; XX, 1, 1–2; XV, 11, 4.

⁸⁹² - Ἀρχ.XVIII, 5. 3. Наоборот, распространенный тогда по всей империи культ Кесаря не простирался на Иудею. Ограничивались двукратным ежедневным принесением жертвы «за Кесаря и Римский народ», по Филону, ἐκ τῶν ἰδίων προσόδων Августа, по Иосифу, по-видимому, и за счет самого народа (Philo, Legat. ad Caj. § 23 и 40; περὶ Ἀλ.ΙΙ, 10, 4; 17, 2–4; κατὰ Ἀπὸν.ΙΙ, 6, кон.

⁸⁹³ - «Достоит ли нам даяти дань Кесареви?» (Мф.22:17 и д. Мк.12:14 и д. Лк.20:22 и д.).

⁸⁹⁴ - περὶ Ἀλ.ΙΙ, 14, 4. (Лк. 19:1–2), Plin. Hist. nat. XII, 63–65. Strabo, 748. Ἀρχ.XII, 4, 3. Что касается сбора податей, то в последнее время римские императоры избегали отдачи на откуп и пользовались для того особыми собственными чиновниками, помощниками прокуратора.

⁸⁹⁵ - Tac. Annal. II, 42: provinciae Syria aetque Judaea, fessae oneribus, deminutionem tributi orabant.

⁸⁹⁶ - Срв. также Ἀρχ.XVIII, 3, I; 71 περὶ Ἀλ.ΙΙ, 9, 2–3; XVIII, 5, 3.

⁸⁹⁷ - Ни римский, ни иудейский способы переписи не требовали присутствия Девы Марии в Вифлееме; посему она сопровождала лишь Иосифа в Вифлеем случайно; могло быть также, что оба они были рады оставить Назарет и переселиться в Вифлеем... Это подтверждается после тем, что потребовалось далее особенное повеление Божие, чтобы заставить

Иосифа покинуть избранное им местопребывание и возвратиться в Галилею (Мф.2:22). Эдершейм, I, 233 стр.

⁸⁹⁸ - По Иосифу, он уплачивался не только деньгами, но и натурой, так «3-я часть света (т.е., сев. Африка без Египта) ежегодно удовлетворяла продовольствием Рим в течение 8 месяцев; Александрия – за 4 мес. περί ἄλλ. II, 16, 4.

⁸⁹⁹ - Digest. L, 15, 8, § 7 (из Paulus, нач. III в.): Divus Vespasianus Caesarienses colonos fecit, non adjecto, ut et juris Italici essent; sed tributum his remesit capitis: sed Divus Titus etiam solum immune factum interpretatus est, срв. Appian. Libyca, 135; τοῖς δὲ λοιποῖς φόρον ὥρισαν ἐπὶ τῇ γῇ καὶ ἐπὶ τοῖς σώμασιν. Dio Cass. LXII, 3. Tertull. Apolog 13: agri tributo onusti viliores, hominum capita stipendio censa ignobilia.

⁹⁰⁰ - Digest. L, 15, 3 pr. (из Ulpianus, нач. III стол.): aetatem in censendo significare necesse est, quia quibusdam aetas tribuit, ne tributo onerentur; veluti in Syriis a quatuordecim annis masculi, a duodecim feminae usque ad sexagesimum quintum annum tributo capitis obligantur, aetas autem spectatur censendi tempore.

⁹⁰¹ - Допускалось применение к обычаям страны, как видим на Иудее, где приходят давать показания «каждый во свой град». Впрочем, при неизвестности, какого рода была эта перепись, нельзя достоверно установить и того, можно ли это считать применением.

⁹⁰² - Digest. L, 15, 4 § 2 (из Ulpianus, нач. III ст.): Is vero, qui agrum in alia civitate habet, in ea civitate profiteri debet, in qua ager est; agri enim tributum in eam civitatem debet levare, in cuius territorio possidetur.

⁹⁰³ - С IV ст. по Хр. таким периодом был 15-летний индиктион (Marquardt Staatsverwaltung, II, 236–238).

⁹⁰⁴ - А на такую именно цель перепись, помимо самой связи ее с известным цензом Квирина, указывает необходимость для всех отправиться «каждо во свой град», (т.е., в центральные пункты переписных участков, вследствие чего и Иосиф отправляется из Галилеи в Вифлеем, чтобы записаться здесь с Марией (если сὺν Μαρίας относится к ἀπογράψασθαι).

⁹⁰⁵ - Подлинный текст выражения Евангелиста имеет 2 вариации, отличающиеся едва заметным оттенением мысли посредством члена ἢ пред ἀπόγραφῃ: αὕτη (ἡ) ἀπογραφὴ πρώτη ἐγένετο ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου. Обе вариации имеют для себя сильные основания в древнейших рукописях; существенного значения член в данном случае никакого не имеет, и в обоих случаях остается один и тот же смысл.

⁹⁰⁶ - Хотя при этом, конечно, остается не устранимым вопрос, не повторялась ли эта перепись позднее по прошествии узаконенного (5–10-летний) периода и чрез повременное исправление окладных листов.

⁹⁰⁷ - 11 и д.

⁹⁰⁸ - Synopse 82 и д. Beitrage, 52, 93.

⁹⁰⁹ - Opes publicae continebantur, quantum civium sociorumque in armis, quot classes, regna, provinciae, tributa aut vectigalia, etc necessitates ac largitiones.

Quae cuncta sua manu perscripserat Augustus addideratque consilium coercendi intra terminos imperii, incertum metu an per invidiam.

⁹¹⁰ - Geburtsjahr Christi, 154.

⁹¹¹ - Срв. Wieseler, Synopse 85–90. Beitrage 57. Zumpt, Geburtsjahr Chr. 126, 155.

⁹¹² - Synopse. 90–92; Beitrage 58–64.

⁹¹³ - Rom. Staatsverwaltung, II, 205.

⁹¹⁴ - Huschke, 3 и д. Wieseler, Synopse 77, Beitrage 53–56. Rodbertus. V, 241 и д. Zumpt, 149–155. Marquardt., II, 205 и д. Вот указанные свидетельства: Cassiodorus: Variarum, III, 52: Augusti siquidem temporibus orbis Romanus agris divisus censuque descriptus est, ut possessio sua nulli haberetur incerta, quam pro tributorum suscepserat quantitate solvenda. Hoc auctor Hyrummetricus redegit ad dogma conscriptum, quatenus studiosus legendo possit agnoscere, quod deberet oculis absolute monstrare. Срв. Mommsen, II, 177. Isidor: Etymologiarium, V, 36, 4. Era singulorum annorum constituta est a Caesare Augusto: quando primum censum exegit, ac romanum orbem descripsit. Dicta autem era ex eo, quod omnis orbis aes reddere professus est reipublicae. Срв. Wieseler, 78. Zumpt, 151. Suidas, Lex. ἀπογραφή: Ὁ δὲ Καῖσαρ Αὐγουστος ὁ μοναρχήσας εἴκοσιν ἄνδρας τοὺς ἀρίστους τὸν βίον καὶ τὸν τρόπον ἐπιλεξάμενος ἐπὶ πᾶσαν τὴν γῆν τῶν ὑπηκόων ἐξέπεμψε. δι' ὧν ἀπογραφὰς ἐποιήσατο τῶν τε ἀνθρώπων καὶ οὐβίων, αὐτάρκη τινὰ προστάξας τῷ δημοσίῳ μοῖραν ἐκ τούτων εἰσφέρεισθαι. Αὕτη ἡ ἀπογραφή πρώτη ἐγένετο τῶν πρὸ αὐτοῦ τοῖς κεκτημένοις τί μὴ ἀφαιρουμένων, ὡς εἶναι τοῖς εὐπόροις δημόσιον ἔγκλημα τὸν πλοῦτον. Orosius VI, 22, 6: Eodem quoque anno (752 a. U.) tunc primum idem Caesar... censum agi singularum ubique provinciarum et censi omnes homines iussit, quando et Deus homo videri et esse dignatus est. Tunc igitur natus est Christus, Romano censui statim adscriptus, ut natus est. Срв. Riess. Das Geburtsjahr Chr. 69 и д.

⁹¹⁵ - per idem tempus Clitarum natio Cappadoci Archelao subjecta, quia nostrum in modum deferre census pati tributa adigebatur, in juga Tauri montis abscessit locorumque ingenio sese contra imbelles regis copias tutabatur.

⁹¹⁶ - Напрасно также Schürer преувеличивает, наоборот, доказательную силу фактов, что, упоминая о сложении полатей Иродом в тяжкие годы, или о просьбах Иудеев за ослабление этих податей, Иосиф будто бы нигде не упоминает о возможности того же с податями римскими. Последние могли представлять более необходимое и неустранимое явление, чем подати Иродовы. Сам Schürer не устраняет спорности вопроса, существовала ли для союзных царей необходимость уплаты известной подати, и не отрицает спорности контрибуций, взимавшихся Римом с царей союзных. А это ведь не далеко от правильной подати. И едва ли можно сказать, что Иосиф не упоминает нигде об этом: достойно замечания особенно его упоминание о том, что Кесарь, утверждая завещание Ирода, сложил с Самарян ¼ годовых податей за неучастие в мятеже против Вара. Если Schürer произвольно подразумевает здесь подати туземных царей, а не римская, то уже одно вмешательство Кесаря в податные дела значит более, чем желал бы Schürer.

⁹¹⁷ - Правда, по Schürer'у, это была присяга не столько на подданство, как на союзничество, но ведь такой же присягой, по словам того же Schürer'а, обязывались Иудеи и по отношению к Ироду: почему же мог Ирод обращаться самовластно с Иудеями и пользоваться правом налагать на них подати, и не мог того же, в силу той же присяги, допускать Кесарь? Это во всяком случае было бы странно.

⁹¹⁸ - Нельзя безусловно отвергать попытку некоторых (Wieseler, 100–105) привязать к этому именно событию описываемое Иосифом восстание Иуды и Матвея. Правда, Иосиф дает ему другую подкладку, но мы уже имели случай убедиться, что Иосиф, помимо того, что не всегда понимал истинную подкладку происшествий, допускал и намеренное их перетолкование. Да и почему надо непременно допустить, что попытка переписи должна была сразу вызвать мятеж народный. Ненависть могла быть затаена и выждать более обильного накопления горючего материала, чтобы вспыхнуть во всенародном мятеже. Ведь и золотой орел не сразу слетел от злобы народа с отведенной ему Иродом позиции!...

⁹¹⁹ - По точному определению Иосифа, эта перепись была в 37 году после Актиумского сражения, решившего участь Антония, а последнее событие было 2 Сент. 732 а. У., след. 37-й год == осень 759/760 а. У. или 6/7 по Хр.

⁹²⁰ - Это обстоятельство упускает из виду Lutteroth, пытаясь показать, что дата Евангелиста ἐν ταῖς должна быть понимаема в неопределенном смысле, не требуя непременно приурочения ее ко временам Ирода.

⁹²¹ - 78 стр.

⁹²² - 116–121, Beitrage 26–32, Stud, und Kritik 1875, 546.

⁹²³ - V, 205.

⁹²⁴ - 31 стр. (Chronologie)...

⁹²⁵ - Примеры подобного явления Евангелию не чужды, как напр., (Ин.1:15, 30), впрочем, как не без основания замечает Schürer, такое значение πρῶτος имеет лишь между двумя параллельными или аналогичными сопоставлениями, тогда как здесь, по-видимому, сопоставление получается далеко не естественное (перепись при Ироде и наместничество Квирина).

⁹²⁶ - St. u. Kr. 1852, 666–669.

⁹²⁷ - 78 стр.

⁹²⁸ - Herzog, XIII, 463.

⁹²⁹ - 36 стр.

⁹³⁰ - VIII, 1, 49 стр. X, 64 и д.

⁹³¹ - К последней категории толкователей принадлежит также Ebrard (224–231), с тем лишь от первых различием, что он отделяет не указ о переписи от приведения его в исполнение и окончательное завершение, а расценочную перепись имений от основанного на ней распределения податных сборов. Schürer находим это невозможным в виду насильственного раздвоения смысла ἀπογραφή и ἀπογράφεσθαι, стоящих в столь близкой связи и едва ли допускающих неодинаковый смысл. Не оправдывает такого раздвоения и

предполагаемая вторая перепись, Квириниева, опиравшаяся, по описанию Иосифа, на самой себе и ни единым намеком не выдающая своего прецедента. Сам Лука знает, по-видимому, одну перепись, тождество коей с Иосифовой кажется очевидным из его упоминания об Иуде Галилеянине(Деян.5:37).

⁹³² - Adv. Marcion, IV, 19: sed et census constat actos sub Augusto nunc in Judaea per Sentium Saturninum, apud quos genus ejus inquirere potuissent.

⁹³³ - 189.

⁹³⁴ - IV, 6 (443–448 стр.).

⁹³⁵ - 33–35 стр.

⁹³⁶ - 18–25.

⁹³⁷ - Unger, 54 стр.

⁹³⁸ - Quartalschr. 1865, 129 стр. 1868, 29 и д.

⁹³⁹ - Schürer, I, 435. Plinius Hist. nat. III, 2, 17; Agrippam quidem in tanta viri diligentia praeterque in hoc opere cura, cum orbem terrarum orbî spectandum propositurus esset, errasse quis credat? et cum eo divum Augustum? Is namque complexam eum porticum ex destinatione et commentariis M. Agrippae a sorore ejus inchoatam peregit.

⁹⁴⁰ - Христ. чтение, 99 г. Joseph, Fl. und Lucas. Krenkel.

⁹⁴¹ - По словам Эдершейма (Жизнь и время И. Мессии, I, 231, пер. Фивейского), счета народа или перепись, начатая по приказанию языческого Императора и исполненная столь ненавистным для всех лицом, как Ирод, до нес plus ultra была отвратительна для Иудеев. (Арх. XVIII, 1. 1; ср. Деян.5:37). Если рассказ об обстоятельствах, которые привели Иосифа и Марию в Вифлеем, не имеет никакого фактической основания, но есть легенда, изобретенная с целью локализовать рождение Назарянина в царском городе Давидовом, то нужно сказать, что такая легенда слишком груба и абсолютно ничем нельзя объяснить ее происхождения... Зачем было поставлять в связь рождение Иуд. Мессии с такими обстоятельствами, которые были крайне отвратительны для Израиля, тем более если Спаситель родился не в самое время переписи, а лет за 10 до нее?

⁹⁴² - Schürer отождествляет Иуду Галилеянина с Иудой, сыном Езекии, который еще во времена Ирода заявил себя в столкновениях с ним, и, между прочим, был в числе первых героев восстания, охватившего Палестину вслед за смертью Ирода. Если так, то это нам на-руку, и совершенно избавляет от неловкой необходимости заподозривать в неточности Евангелиста. Скажем даже более: то, что считали столь сильным возражением против него, является одним из сильных доводов в пользу его.

⁹⁴³ - Лк.6:15; Деян.1:13.

⁹⁴⁴ - Эта напряженность только еще более возматала по мере бóльшего давления Римлян, а в последние минуты войны достигла высшего своего апогея, сообщив добровольной гибели отважных поборников Иудейской свободы столь беспримерно-трагический возвышенный характер.

⁹⁴⁵ - Ἀρχ. XVIII, 2, 2; 4, 2; 6, 10 кон. 2.

⁹⁴⁶ - Ἀρχ. XVIII, 2, 2.

⁹⁴⁷ - XVIII, 4, 2. Замечание Евсевия в Hist. eccl. I, 9, что Иосиф полагает вступление Пилата в 12 г. Тиверия (25/26 г. по Хр.), без сомнения, выведено путем подобного же сопоставления дат Иосифа.

⁹⁴⁸ - XVIII, 6, 10 кон.

⁹⁴⁹ - См. об этом кром Ἀρχ. XVIII, 6, 5, – Suetonius (Tiber. 32: praesidibus onerandas tributo provincias suadentibus rescipsit: boni pastoris esse tondere pecus, non deglubere.), а также Тацит – Annal. I, 80; IV, 6.

⁹⁵⁰ - Philo, De legatione ad Cajum § 38, ed. Mang. II, 590: τὰς δωροδοκίας, τὰς ἀρπαγὰς, τὰς αἰκίας, τὰς ἐπηρείας, τοὺς ἀκρίτους καὶ ἐπαλλήλους φόνους, τὴν ἀνήνυτον καὶ ἀργαλεωτάτην ὁμότητα.

⁹⁵¹ - См. выше – Вар.

⁹⁵² - Ἀρχ. XVIII, 3, 1; περὶ ἁλ. II, 9, 2–3 == Евсевий, Hist. eccl. II, 6, 4. По Евсевию, Demonstr. evang. VIII. р. 403 это событие читалось в недошедших до нас отрывках его труда о гонениях Иудеев при Тиверии и Калигуле (αὐτὰ δὲ ταῦτα καὶ ὁ Φίλων συμμαρτυρεῖ, τὰς σημαίας φάσκων τὰς βασιλικὰς τὸν Πιλάτον νύκτωρ ἐν τῷ ἱερῷ ἀναθεῖναι. См. П. Schür. 858 стр.

⁹⁵³ - Ἀρχ. XVIII, 3, 2; περὶ ἁλ. II, 9, 4 == Евсевий, Hist. eccl. II, 6, 6–7. Длину водопроводных путей Иосиф Ἀρχ. XVIII, 3, 2 измеряют в 200 стадий, а в περὶ ἁλ. II, 9, 4 – в 400, или даже 300, как имел текст Евсевия (Н. Е. II, 6, 6). Судя по этим измерениям, во всяком случае можно догадываться, что водопровод шел от т.н. прудов Соломона, южнее Вифлеема. Разница в показаниях расстояния могла произойти от того, что в древности вели от этих прудов два пути до Иерусалима, не одинакового направления, а потому и длины. См. 1. Schür. 410, прим. 135.

⁹⁵⁴ - О дальнейшей судьбе Пилата Иосиф не сообщает никаких сведений. Христианские легенды приписывают ему то самоубийство, то казнь от Нерона, или, как в других апокрифах, от Тиверия, вообще насильственную кончину. См. I Schür. 412, прим. 139.

⁹⁵⁵ - В это же время жил Иисус, мудрый муж, если только можно назвать его мужем: ибо он был творец удивительных дел, учитель людей, принимающих радостно истину. И многих Иудеев со многими Эллинами увлек Он за Собой. Это был Христос. И как Его, по доносу наших первых мужей, Пилат осудил на крест, последователи Его не успокоились: ибо Он явил им Себя на третий день снова живым, ибо и пророки божественные это и тысячи других чудес о Нем предсказывали. Еще и доныне общество христиан, наименованное от Него, не прекратилось.

⁹⁵⁶ - См. hist. eccl. I, 11, demonstr. evgl. III, 5.

⁹⁵⁷ - Срв. Veterum testimonia de Josepho в 1 т. изд. Гаверкампа.

⁹⁵⁸ - В Melch. Goldasti centuria epistolarum philologicarum № 61.

⁹⁵⁹ - epitome historiae eccles. cent. I lib., 2 cap. 7. (Tub. 1592).

⁹⁶⁰ - См. собрание этих исследований у Chr. Arnold'a в epist. XXX philol. et hist de Flav. Josephi testimonio. Nürnberg. 1661, и у Haverkamp, Thl. II, appendix pg. 233 и д.

⁹⁶¹ - В exercit. hist. crit. Jen. 1673, 4 (повторено в I.B. Ottii, Spicilegium sive excerpta ex Fl. Josepho ad N.T. illustr. ed. Haverkamp. 1741).

⁹⁶² - См. собрание и описание их у Fabricius, Bibliotheca Graeca, ed. Harless, t. Vinit и De veritate religionis christ 138 и д.

⁹⁶³ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁶⁴ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁶⁵ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁶⁶ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁶⁷ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁶⁸ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁶⁹ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁷⁰ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁷¹ - См. у Schürer'a названия трудов.

⁹⁷² - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁷³ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁷⁴ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁷⁵ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁷⁶ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁷⁷ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁷⁸ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁷⁹ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸⁰ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸¹ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸² - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸³ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸⁴ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸⁵ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸⁶ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸⁷ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸⁸ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁸⁹ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁹⁰ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁹¹ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁹² - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁹³ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁹⁴ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁹⁵ - у Schürer'a см. названия сочинений.

⁹⁹⁶ - δὲ... δὲ.

- 997 - Whiston, прим. в «der Ausgabe des Josephus. Loud. 1737».
- 998 - «historisch beurkundet durch Josephus"... читаем у Greise в 1823 г. Neustadt a. O. 1830. Gerlach, 4 стр.
- 999 - Cp. Oberthür, a. a. O. s. 18 и д.
- 1000 - Справ. lect. var: codd. mscr. в Haverkamp. изд.
- 1001 - В I кн. приведены у Haverk. в diss. sur le passage de Josèphe an faveur de Jesus – Christ par C. D. E. L. I. S. G. (Bibliothèque ancienne et moderne par Jean le Clerc t. VIII, pg. 157–288) см. Gerlach, 94 стр.
- 1002 - См. ниже.
- 1003 - Весьма странно, что в последнем манускрипте это свидетельство приводится в связи с другим заведомо псевдо-Флавиевским местом (о Бож. суде из соч. περὶ τῆς τοῦ παντὸς αἰτίας – от слов πάντες γὰρ δίκαιοι до παραμένει, у Haverk. II, 25 146) и хотя Схолиаст, критической правоспособности которого можно верить, зачеркивает последнее место, отмечая на поле: ἰστέον ὅτι τὸ τοῦτον ὠβέλιστα δίκαιως παρ' ἡμῶν, ἐπὶ μὴδὲ ἐν ἑτέροις ἀντιγράφοις τοῦτο ἔβρομεν и т.д., – однако, не делает того же по отношению к предыдущему свидетельству, на основании подлежавших его оценке рукописей. Возможно, как догадывается Gerlach, что эти последние рукописи имели наше свидетельство в этом именно месте, откуда потом оно могло перейти и в XVIII кн. Археологии, один из ранних примеров чего мог подать Евсевий.
- 1004 - Такова древнейшая Bibl. Paris, № 1419 Парижского каталога от XI ст.
- 1005 - Справ. его βίος §§ 9, 17, 37, 65, 74 и д.
- 1006 - Справ. Stud. und Kritik. 1853, I, 59 и д.
- 1007 - T. Faber. epist. у Haverk. II, s. 268 и д. и в новое время Heinichen – excurs. I s. 349 и д. Наоборот, справ. Uallesii annotatt. ad Euseb. VI, 21 и Schödel a. a. O. 17–21. Snellius, epist. у Hav. II, s. 242, констатирует внесение до Оригена; вероятно то только, что вставка явилась во время между Оригеном и Евсевием.
- 1008 - Fabricii, bibl. graec., lib. IV, c. 6: Ante Eusebium locum illum Macarius allegavit (cubiculi imperatorii praefectus), siquidem genuinus sit hujus ad Diocletianum sermo, quod refertur in actis sanctarum, Maji. t. V, pg. 149.
- 1009 - Bretschneider, s. cap. theol. Jud. dogm. Daubuz, a. a. O. s. 225; Vernet, traité de la vérité de la rel. chrét.
- 1010 - Справ. Uthusen, monum. antiqu. hist. evgl. ed. II, pg. 21.
- 1011 - Сюда же должно отнести явно выдающие христианского интерполятора места: ἥν παραδόξων ἔργων ποιητής; διδάσκαλος ἀνθρώπων τῶν ἡδονῇ τάληθῇ δεχομένων и т.п.
- 1012 - Мы не будем приводить здесь весьма ясных указаний всеобщего ожидания Мессии в то время из Евангелия. Для нас важно найти следы этих ожиданий у самого Иосифа.
- 1013 - Jahr. des Heils, I, s. 242.
- 1014 - Арх. X, 2, 2 кон.
- 1015 - Справ. Hengstenberg., Christol. III, s. 237.

¹⁰¹⁶ - Срв. слова пророка по LXX, (Агг.2:7) и д.: καὶ ἦξαι τὰ ἐκλεκτὰ πάντων τῶν ἐθνῶν καὶ ηλῆσω τὸν οἶκον τοῦτον δόξης... μίγаль ἔσται ἡ δόξα τοῦ οἴκου τούτου ἡ ἐσχάτη ὑπὲρ τὴν πρώτην... καὶ ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ δώσο εἰρήνην и т.д.

¹⁰¹⁷ - См. выше, стр. 335.

¹⁰¹⁸ - Срв. Calvinus замечание: conatus est diabolus larvam ipsis objicere, ut desinerent sperare in Christum.

¹⁰¹⁹ - Herodiani diem natalem Herodis observabant, ut etiam Sabbatha, quodie lucernas accensas et violis coronatas in fenestris ponunt (b. H. Grotius, de verit. relig. Christ., ed J. Clericus, Amst. 1709. pag. 247, not 4).

¹⁰²⁰ - LXX ст. 3: μὴ λεγέτω ὁ εὐ νοῦχος ὅτι ξύλον ἐγὼ εἰμι ξηρόν. ст. 5: ὄνομα αἰώνιον δάσω αὐτοῖς καὶ οὐκ ἔκλειψαι.

¹⁰²¹ - Некоторые, в том числе и Герлах, находят возможным на основании характера воззрений и духа сочинений Иосифа, ставить вопреки ясному свидетельству самого его вопрос, был ли он фарисей или ессей, и разрешать этот вопрос в смысле втором (ессей, 12 стр. и д.) Предпочитая его собственное свидетельство личным соображениям, мы находим путь к соглашению и с указанной гипотезой. Несомненно, Иосиф, побывавший и изучившей все толки, не мог быть чистым последователем какого бы то ни было одного из них. Для такой богатой восприимчивой натуры, какою мы знаем Иосифа, несомненно, эта побывка во всех сектах сделала то, что и должна была сделать – отразиться так или иначе – трояко – и на его воззрениях, иногда незаметно для него самого, особенно когда он не имел особенных побуждений намеренно оттенять свои истинные убеждения и религиозное понимание, или яснее – принадлежность к той или иной секте. Вот почему наряду с строго фарисейскими убеждениями мы находим у него чисто ессейские соображения о Боге (судьбе) и т.п.

¹⁰²² - Простертой и до дома Кесаря.

¹⁰²³ - lib c. Cels. I, pg. 38, ed. Spencer.

¹⁰²⁴ - Срв. у Иосифа; τὸ ἐπὶ τοσόνδε... πράζοντες, и д.

¹⁰²⁵ - Срв. Ин.5:35; – Мф.9:14; 11:2 и д.; Мк.2:18; 6:29; Лк.5:33; 7:18 и д.; Ин.3:25.

¹⁰²⁶ - Не ктому вас глаголю рабы, яко раб не вестъ, что творит Господь его; вас же рекох други, яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам (Ин.15:15).

¹⁰²⁷ - Место это находится в Арх.ХХ, 9, 1.

¹⁰²⁸ - ars crit. III, sect. I cap. 15, § 12 срв. dess. hist. eccl. pg. 415.

¹⁰²⁹ - Suppl. vol. III, cap. 16, sect. 5.

¹⁰³⁰ - Stud. u. Krit. 1853, I, s. 60.

¹⁰³¹ - Com. ad Matth. κ 13, 55. и с. Cels. I, ὁ δ' αὐτὸς... ζητῶν τὴν αἰτίαν τῆς τῶν Ἱεροσολύμων πτώσεως καὶ τῆς τοῦ ναοῦ καθαιρέσεως... φησὶ ταῦτα συμβεβηκέναι τοῖς Ἰουδαίοις κατ' ἐκδίκησιν Ἰακώβου τοῦ δικαίου, ὃς ἦν ἀδελφὸς Ἰηδοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ, ἐπειδὴ περ δικαιοτάτον αὐτὸν ὄντα ἀπέκτειναν. pg. 35, ed. Spencer, и с. Cels. II, 13, кон. Τίτος καθεῖλε τὴν Ἱερουσαλήμ. ὥς μὲν

Ἰώσηπος γράφει, διὰ Ἰάκωβον τὸν δίκαιον, τὸν ἀδελφὸν Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ.

¹⁰³² - hist. eccl. II, 23, 20 dem. evgl. III, 23.

¹⁰³³ - de viris illustr. 2 и 13, ap. Jovinian. I, 39.

¹⁰³⁴ - annot. in. Orig. pg. 30.

¹⁰³⁵ - Кроме Оригена, гибель Иерусалима ставится в тесную связь с казнью Иакова также у Гегезиппа. в переложении Евсевия (Hist. eccl. II, 23, 11–18). Сказав о свержении Иакова с крыла церковного, потом побиении камнями и, наконец, последнем ударе вальком (γναφεὺς), повествователь замечает: Καὶ εὐθὺς Οὐεσπασιανὸς πολιορκεῖ αὐτοῦς. Гегезиппу подражают затем: Климент. Алекс., у Евсевия же Н. Е. П., 1, 4 и Епифаний, haer. 78, 14, и сам Евсевий, III, 11, 1. μετὶ τὴν Ἰακώβου μαρτυρίαν καὶ τὴν αὐτίκα γενομένην ἄλωσιν τῆς Ἱερουσαλὶμ.

¹⁰³⁶ - ἀδελφὸς Ἰηδοῖ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ.

¹⁰³⁷ - XVIII, 4, 3. Год события выясняется частью из того, что Вителлий прибыл в Сирию летом или осенью 35 г. (Tacit. Annal. VI, 32), частью из того, что второе его прибытие в Иерусалим было незадолго до смерти Тиверия († 16 Марта 37 г.), как видно из Иосифа (Арх. XVIII, 5, 3). Срв. Keim, Gesch. Jesu. III, 485–487; Sevin. Chronologie des Lebens Jesu (2 Aufl. 1874, s. 75–80).

¹⁰³⁸ - Арх. XVIII, 4, 3; XV, 11, 4.

¹⁰³⁹ - Philo, legat. ad Cajum, § 32 (opp. ed. Mangey, II, 580; Γαίῳ παραλάβοντι τὴν ἡγεμονίαν πρῶτοι τῶν κατὰ Συρίαν ἀπάντων ἡμεῖς συνήσθημεν, Οὐπελλίου τότε ... ἐν τῇ πόλει διατρίβοντος, ὥς τὰ περὶ τούτων ἐκομίσθη γράμματα... πρῶτον το ἡμέτερον ἱερὸν ἐδέξατο τῶς υπέρ τῆς ἀρχῆς Γαίου θυσίας. Срв. Арх. XVIII, 5, 3. Формула присяги см. Schürer, I, 329 прим. 94.

¹⁰⁴⁰ - Арх. XVIII, 7, 2 кон.

¹⁰⁴¹ - Flacc в 38 г. был вызван в Рим и умер в ссылке. См Schür., I, 418, прим. 155. и 420 стр. прим. 161.

¹⁰⁴² - Philo, legat. ad Cajum. § 44–46, М. П., 597–600. Положение дел оставалось без перемены вероятно до самой смерти Калигулы, когда Клавдий, новый Кесарь, первым делом своим издал эдикт, утверждавший Иудеев во всех их прежних правах и привилегиях до полной свободы богослужения включительно.

¹⁰⁴³ - По Арх. XVIII, 6, 3 это была частная собственность Кесаря.

¹⁰⁴⁴ - Арх. XVIII, 6, 3 – о τῆς Ἰαμνείας ἐπίτροπος, по Филону φόρων ἐκλογεὺς τῶν τῆς Ἰουδαίας, последнее вместо τῆς Ἰαμνείας, как справедливо догадывается Schürer.

¹⁰⁴⁵ - По Иос. Арх. XVIII, 8, 2–2 легиона; по περὶ ἀλ. II, 10, 1 – три; первое вернее, так как всего в Сирии стояло 4 легиона, половина которых, двинутая, по Филону § 31, как раз и будет 2.

¹⁰⁴⁶ - Срв. Арх. XVIII, 8, 2 с предшеств. и послед.

¹⁰⁴⁷ - Просить об отмене его или доказывать его полную неосуществимость, он никак не осмеливался, ибо знал, что подобная

процедура не в характере Калигулы, и не предвещала ему самому ничего хорошего.

¹⁰⁴⁸ - Philo, § 33–34, М. П., 582–584. Нельзя отождествлять этот ответ с упоминаемым в Арх. XVIII, 8, 2, имевшим место ранее.

¹⁰⁴⁹ - Поддержанных также Аристовулом, братом Агриппы царя и другими влиятельными лицами.

¹⁰⁵⁰ - περὶ ἁλ. II, 10, 5.

¹⁰⁵¹ - Арх. XVIII, 8, 3–6. περὶ ἁλ. II, 10, 3–5.

¹⁰⁵² - Выбыл из Палестины 40 г. весной.

¹⁰⁵³ - Арх. XVIII, 6, 7–8.

¹⁰⁵⁴ - Philo, § 36–41.

¹⁰⁵⁵ - Philo, § 42–43. М. П., 594–595. Suet. Calig. с. 49.

¹⁰⁵⁶ - Арх. XVIII, 8, 8–9; περὶ ἁλ. II, 10, 5. Срв. Иуд. Пред. у Derenbourg'a p. 207 и д. См. Schür. I, 424, 174 прим. о хронологических трудностях показаний Филона.

¹⁰⁵⁷ - Арх. XVIII, 5, 1; περὶ ἁλ. II, 11, 5.

¹⁰⁵⁸ - Деян. 12 называет его неточно Иродом. У Иосифа и на монетах стоит «Агриппа».

¹⁰⁵⁹ - По Wieseler'у в 29 или 30 г., во всяком же случае уже после брака Иродиады с Антипой.

¹⁰⁶⁰ - Арх. XVIII, 6, 2.

¹⁰⁶¹ - Арх. XVIII, 5, 3.

¹⁰⁶² - Срв. Philo, in. Flacc. § 6. М. П., 523. Βασιλία καὶ φίλον Καίσαρος καὶ ὑπο τῆς Ρωμαίων βουλῆς τετιμημένον στρατηγικαῖς τιμαῖς.

¹⁰⁶³ - Арх. XVIII, 6, 11, Фил. in. Fl. § 5 М. П., 521.

¹⁰⁶⁴ - Арх. XIX, 1–4; περὶ ἁλ. II, 11.

¹⁰⁶⁵ - Арх. XIX, 5, 1; περὶ ἁλ. II, 11, 5. Dio Cass. LX, 8.

¹⁰⁶⁶ - На правах, конечно, союзничества (συνμαχία) с Римским сенатом и народом (σύγκλητος καὶ δῆμος Ῥωμαίων). Предоставление свободы самоуправления на этих правах вообще было в духе Клавдия, по свид. Suet. Claud. 25: cum regibus foedus in foro icit porca caesa ac vetere fetialium praefatione adhibita.

¹⁰⁶⁷ - Интересные свидетельства о его титуле сохранены для нас открытыми в Афинах надписями. По этим надписям, мы узнаем прежде всего, что он включается в gens Julia. Corp. inscr. Graec. N. 361 == Corp. Inscr. Atticar. III, 1 № 556 называет его дочь Веронику Ἰουλία Βερενεΐκη, βασίλισσα μεγάλη, Ἰουλίου Ἀγρίππᾶ, βασιλέως θυγατήρ. Следы этого у Иосифа (Арх. XIX, 9, 1 и κατὰ Ἀπ. I, 9 и др. памятники (Le Bas et Waddington, Inscriptions, t. III, n. 2112, и Hermes IV, 1870 s. 190 Wood, Discoveries at Ephesus Inscriptions from the Great Theatre, p. 50, n. 5. Schür. I. 468, 42 пр.). Титул царя βασιλεὺς μέγας φιλόκαισαρ εὐσεβὴς καὶ φιλορώμαιος найден Waddington'ом близ Kanawât, на западном склоне Haurân'a, (см. Le Bas et Waddington, Inscriptions Grecques et Latines t. III, n. 2365), причем части этого титула φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος, по многим

другим открытым надписям, позволяют, заключать о частом применении их к союзным царям того времени. См. напр. Index к Corp. inscr. Graec. p. 165.

¹⁰⁶⁸ - Ἀρχ.ΧΙΧ, 6, 1. срв. Mishna Middoth III, 8 (Derenb. p. 209).

¹⁰⁶⁹ - Ἀρχ.ΧΙΧ, 7, 3: Ἦδεῖα γοῦν αὐτῷ δίαῖτα καὶ συνεχῆς ἐν τοῖς Ἱεροσολύμοις ἦν, καὶ τὰ ἡάτρια καθαρῶς ἐτίρει. Διὰ πάσης, γοῦν αὐτὸν ἦγεν ἀγνεΐας οὐδὲ ἡμέρα τις παρώδευεν αὐτῷ χηρεύουσα θυσίας.

¹⁰⁷⁰ - Mishna Bikkurim, III, 4 приводит случай, как в день освящения начатков плодов взял каждый, и сам царь Агриппа, свой коробь на плечи и понес до самых преддверий храма, срв. Mishna Bikkurim, III, 1–9 (также Филон, de festo saphini, изд. Richter V, 48–50). По обыкновению раввинских преданий, в приведенном событии не отмечено, при каком Агриппе, I или II, оно имело место, но можно догадываться, что это был Агриппа I.

¹⁰⁷¹ - Стр. пдф 213, ориг. 414 – нет сноски 4 по тексту!

¹⁰⁷² - Sota VII, 8. Этот голос народа не был простой лестью, но согласовался и со строго фарисейскими воззрениями, в силу которых потомство Идумеянина, обращавшегося в Иудейство, уже в третьем поколении считалось за совершенных Израильтян (Втор.23:8–9). Некоторые исследователи (Hitzig. II, 571, Brann. и др.) относят это событие к Агриппе II, сыну I-го, но большинство находят более естественным все это относить к Агриппе I-му в виду его положительного и ясно выступающего фарисейского содружества.

¹⁰⁷³ - История с Силой Ἀρχ.ΧΙΧ. 7, 1; 6, 3, и с Симоном фарисеем Ἀρχ.ΧΙΧ, 7,4, подтверждает немало эту черту характера Агриппы.

¹⁰⁷⁴ - Ἀρχ.ΧΙΧ, 7, 3; Πραῦς ὁ τρόπος Ἀγρίππα, καὶ πρὸς πάντας τὸ εὐεργετικὸν ὄμοιον.

¹⁰⁷⁵ - Ἀρχ.ΧΙΧ, 7, 2; περὶ ἄλ. II, 11, 6; V, 4, 2. срв. у Derenb. p. 218 и д. Замечательно, что Tacit. Hist. V, 12, объясняет первоначальное снисхождение к построению стен подкупом римских чиновников Агриппой: per avaritiam Claudianorum temporum empto jure muniendi struxere muros in pace tamquam ad bellum.

¹⁰⁷⁶ - Ἀρχ.ΧΙΧ, 8, 1.

¹⁰⁷⁷ - Ἀρχ.ΧΙΧ. 9, 1. Под Севастийцами здесь разумеется Σεβαστηνοί, т.е. Самарийские солдаты, стоявшие гарнизоном в Кесарии.

¹⁰⁷⁸ - Одна из таких забав состояла в том, что собранные из тюрем преступники, составляя 2 огромные роты по 700 человек, были заставлены дать на сцене картину настоящего сражения, удавшуюся как нельзя лучше: забавляя других, эти несчастные и «сами получили чрез то казнь», погибли все до единого, и «ужас войны превратили в мирные увеселения» (Ἀρχ.ΧΙΧ, 7, 5).

¹⁰⁷⁹ - Ἀρχ.ΧΙΧ, 8, 2.

¹⁰⁸⁰ - ΧΙΧ, 9, 1.

¹⁰⁸¹ - Хотя трудно еще сказать, принадлежат ли таковые Агриппе I, или II. По крайней мере есть данные и за и против. См. Schürer I, 467 пр. 41.

¹⁰⁸² - 3 полных года: Ἀρχ.ΧΙΧ, 8, 2.

¹⁰⁸³ - Keim, Bibel lex. III, 55.

¹⁰⁸⁴ - 3 полных года: 'Арх. XIX, 8, 2.

¹⁰⁸⁵ - Вскоре после Пасхи (Деян. 12:3 и д.)

¹⁰⁸⁶ - По мнению Schürer'a, эти игры были не те, которые по установлению Ирода Старшего повторялись каждые 4 года, как думает Wieseler Chronol... 129–136, а особые экстраординарные, установленные повсеместно εἰς τὴν Καίσαρος τιμὴν ὑπὲρ τῆς ἐκείνου σωτηρίας о здравии Кесаря, благополучно возвратившегося из Британии весной 44 г. в Рим (Dio Cass. LX, 23).

¹⁰⁸⁷ - который (XVIII, 6, 7), по предсказанию одного Германца, быв однажды вестником перемены его состояния, должен был во второй раз предвещать его смерть чрез 5 дней. См. о филине, как птице несчастий, у Plinius'a Hist. nat. X, 12, 34–35.

¹⁰⁸⁸ - 'Арх. XIX, 9, 1–2; περὶ ἁλ. II, 11, 6. По мнению Bormann'a (De Syriae provinciae Romanae partibus capita nonnulla, 1863, p. 3–5), в зависимость от Сирийского наместника Иудея была поставлена собственно лишь с 49 г., управляясь до этого времени (с 44 г.) независимым от него прокуратором. Мнение это основано на неточном выражении Тацита, Ann. XII, 23, Ituraei et Judaei defunctis regibus, Sohaemo atque Agrippa, provinciae Syriae additi, имеющем суммаричное значение. Уже Кассий Лонгин, одновременно с К. Фадом назначенный легатом Сирийским, вмешивается в отношения Иудеи, что дает понять, что Иудейский прокуратор стоял в зависимых отношениях к Сирийскому наместнику с самых первых пор.

¹⁰⁸⁹ - В последующее время своего пребывания в Риме Агриппа II своим влиянием при дворе оказал немалую услугу Иудейству, когда поддержал его сторону, например, в споре о первосвященнических одеждах ('Арх. XX, 1, 2; XV, 11, 4) и в столкновении из времен прокуратора Кумана ('Арх. XX, 6, 3; см. ниже), подвергнувшегося наказанию за свои злодеяния преимущественно благодаря Агриппе. Придя в совершенный возраст, Агриппа успевает добиться некоторого реванша за отнятое отцовское наследство, получает около 50 г. (срв. περὶ ἁλ. II, 14, 4) от Клавдия в возмещение отеческого наследия маленькое царство Халкидское, после смерти его дяди Ирода Халкидского, и вместе также его право надзора за храмом и утверждения первосвященников ('Арх. XX, 5, 2; п. ἁ. II, 12, 1; срв. 'Арх. XX, 9, 7: ἐπεπίστευτο ὑπὸ Κλαυδίου Καίσαρος τὴν ἐπιμέλειαν τοῦ ἱεροῦ. В 53 году (13-й Клавдия) владения Агриппы были расширены пожалованием ему тетрархий Филипповой (Batanäa, Trachonitis, Gaulanitis) и Лизаниевой (Abila и также недалеко от него Helbon) и округа Вара (ἐπαρχία Οὐάρου, срв. βίος, 11, 'Арх. XX, 7, 1; п. ἁ. II, 12, 8); наконец, благоволением Нерона царство Агриппы было еще увеличено на счет значительных отрезков Галилеи и Переи (города Тивериада и Тарихея со своими округами и город Юлия с 14 окрестными деревнями) ('Арх. XX, 8, 4; п. ἁ. II, 13, 2), что, таким образом, делало «Марка Юлия Агриппу» (Μάρκος Ιούλιος Ἀγρίππa, на монетах и надписях см. Schür. I, 490, 1 прим.) вполне настоящим царем и наследником отца, подобно которому он также усвоил титул βασιλεὺς μέγας φιλόκαισαρ εὐσεβὴς καὶ φιλωρώμαιος (Waddington n. 2365, срв. n. 2552). Оставалось только и этому потомку Ирода оправдать свое

происхождение соответствующими чертами правления. И он это сделал не менее всякого из своих сородичей. О его кровосмешении с сестрой Вероникой (Арх. XX, 1, 3), оставшеюся вдовой после Ирода Халкидского – (матерью двух детей) говорили даже римские сатиры (Juvenal. Sat. VI, 156–160). О том же и о его безумной гордости (μετὰ πολλῆς φαντασίας) знает кн. (Деян. 25, 13, 23). Угодничество Риму подтверждает Тацит (Ann. XIII, 7); памятником его пристрастия к эллинизму и римской цивилизации остались города Neroniada (бывшая Кесария Филиппова) и Берит, в которых он поддерживал блеск, заведенный отцом. О его пренебрежении к Иудейским обычаям свидетельствуют монеты, носящие не только имена, но и портреты Нерона, Веспасиана, Тита и Домициана; вообще его индифферентизм виден достаточно из (Деян. 26:28). Есть свидетельство и о его жестокости, Derenbourg, 252–254. Grätz. Monatschr. 1881, 483–493. Наконец, что касается его заслуг собственно для Иудейства, то все это ограничивалось маловажными вещами (п. ѓ. V, 1, 5; Арх. XX, 9, 7), а иногда шло и прямо в разрез с Иудейскими обычаями, как напр. позволение певцам левитам носить по примеру священников льняную одежду – беззаконно, которое Иосиф готов считать также одним из оснований последующих бедствий Иудеев (Арх. XX, 9, 6 – срв. Grätz. Monatschr. 1886 стр. 97 и д.). По возбуждении Иудейской войны, Агриппа некоторое время, по вполне понятной естественной жалости, старался мерами убеждения подействовать и на волновавшийся народ, и на увлекавшихся обидчиков. Но это было уже и поздно, и сделано неумело, а потому и тщетно. В виду этого Агриппа счел за лучшее оставаться на стороне Рима, и помогал ему своими отрядами, за что, между прочим, народ спалил его дворцы (п. ѓ. II, 17, 6). После этого Агриппа еще решительнее начал действовать в союзе с Римом, и до конца войны позорил свое имя помощью палачам Иерусалима и даже не постыдился праздновать вместе с ними гибель родственного народа блестящим пиром в Кесарии Фил. (п. ѓ. VII, 2, 1). За такую «верность» Риму он до конца жизни († 100 г. по свид. Иуста Тивер. – в Photius Biblioth. cod. 33) оставался царем своих владений, не только нетронутых, но еще и увеличенных к северу. После же его смерти, так как он умер бездетным, его царство, конечно, отошло к провинции Сирийской. Более подробные сведения о всем этом попутно будут сообщаемы при исследовании Иосифовой истории войны.

¹⁰⁹⁰ - περὶ ἁλ. II, 11, 6.

¹⁰⁹¹ - Schür. II, s. 105–107.

¹⁰⁹² - Арх. XX, 5, 1 == Euseb. Hist. eccl. II, 11 и (Деян. 5:36). В последнем, Февда упоминается в речи Гамалиила, причем с двоякого рода недоумением: во-первых, речь эта относится ко времени до действительного выступления Февды; во-вторых, Февда этот выступает как будто раньше Иуды Галилеянина, восставшего «во дни написания» – «Февда... по сем... Иуда». Для примирения этих неточностей многие допускают двух бунтовщиков с именами Февды. Срв. о сем pro и contra: Sonntag, Zuschlag, Wieseler, Winer, Köhler, Schmidt.

¹⁰⁹³ - О должности алаварха см. Schür. II, 540 и д.

¹⁰⁹⁴ - Арх. XX, 5, 2; XVIII, 8, 1.

¹⁰⁹⁵ - Особенную достоверность получает это из дальнейшей судьбы Тиверия: после участия в войне против Парфян (Tacit. Ann. XV, 28) и его наместничества в Египте (п. α. II, 15, 1; 18, 7; IV, 10, 6; Tacit. Hist. I, 11; II, 74, 79. Sueton. Vesp. 6), мы видим его в числе сподвижников Тита при осаде Иерусалима (п. α. V, 1, 6; VI, 4, 3).

¹⁰⁹⁶ - Ἀρχ. XX, 5, 2; III, 15, 3; XX, 2, 6, – ἐπὶ τούτοις δὴ καὶ τὸν μέγαν λιμὸν κατὰ τὴν Ἰουδαίαν συνέβη γενέσθαι. Выражение ἐπὶ τούτοις (horum temporibus) показывает, что голод начался уже при предшественниках Тиверия, подтверждение чего дает как будто и книга Деяний, во время предшествующее смерти Агриппы (44 г). Местом, которое было охвачено голодовкой, Иосиф называет везде только Иудею: τὴν Ἰουδαίαν, τὴν χώραν ἡμῶν, τὴν πόλιν; а Деяния – конечно, не столь точно – ὅλην τὴν οἰκουμένην – весь мир. Замечательно, однако, что правление Клавдия весьма обиловало повсеместными неурожаями (assiduae sterilitates Suet. Claud. 18). Так, известен: 1) голод в Риме, при начале его правления (Dio Cass. LX, 11. Aurel. Victor Caes. 4); 2) голод в Греции в 8–9 год Клавдия (Euseb. Chron. ed. Schoene II, 152 и д.); 3) второй голод в Риме в 11 год Клавдия (Tacit. Annal. XII, 43; по Euseb. Chron. в 10 или 9 г.; за 10-й год также Орозий VII, 6, 17). Столь частые обширные по размерам бедствия могли заставлять действительно Деяния Иудейский голод обобщить в всеобщий, без того, как думает Schürer, чтобы допускать чересчур неисторическое обобщение (ungeschichtliche Generalisirung ist wie beim Census des Quirinius).

¹⁰⁹⁷ - Деян. 11:28–30.

¹⁰⁹⁸ - Время выступления его в должности прокуратора приблизительно определяется из одновременного упоминания Иосифом смерти Ирода Халкидского, в 8 г. Клавдия == 48 г. по Хр. Ἀρχ. XX, 5, 2.

¹⁰⁹⁹ - Срв. περὶ ἀλ. V, 5, 8; Ἀρχ. XX, 8, 11.

¹¹⁰⁰ - Ἀρχ. XX, 5, 3; περὶ ἀλ. II, 12, 1.

¹¹⁰¹ - Ἀρχ. XX, 5, 4; περὶ ἀλ. II, 12, 2.

¹¹⁰² - περὶ ἀλ. II, 12, 6; срв. Ἀρχ. XX, 8, 5; Αἰτησάμενος ἐκεῖνον παρὰ τοῦ Καίσαρος πεμφθῆναι τῆς Ἰουδαίας ἐπίτροπον.

¹¹⁰³ - Ἀρχ. XX, 7, 1; п. α. II, 12, 8; Suet. Claud. 28. Год назначения Феликса выясняется из того, что непосредственно после Иосиф упоминает о пожаловании Агриппе II Batane'йской и Trachonitis'кой тетрархий в 12 год Клавдия == 53 г. С другой стороны, Тацит (Annal. XII, 54) отложение Кумана помещает в события 52 года.

¹¹⁰⁴ - Надо заметить, что самое назначение его, вольноотпущенника императорского дома, в прокураторы с военным командованием (Tacit. Hist. V, 9, Suet. Claud. 28) было неслыханной новостью, объясняющеюся лишь из особого расположения к нему Клавдия.

¹¹⁰⁵ - Тацит, Hist. V, 9; per omnem saevitiam ac libidinem jus regium, servili ingenio exereuit.

¹¹⁰⁶ - Suet. Claud. 28, называет его trium reginarum maritum. Из трех его супруг – две, известно доподлинно, были царского рода – внучка Антония и

Клеопатры, чрез которую Феликс стоял в родстве с самим Клавдием (Tacit. Hist. V, 9), и известная Друзилла, юная иудейская царица, дочь Агриппы I и сестра II-го, имевшая всего 14 лет при назначении Феликса (Арх. XIX, 9, 1) и отдавшая ему руку (Деян. 24:24 == Арх. XX, 7, 2). вопреки запрещению отеческих законов (брак с язычником) и несмотря на принадлежность уже другому (Азизу, царю Емеескому). Так как Азиз умер в первый год Нерона (Арх. XX, 8, 4), то брак с Друзиллой относится к 53 или 54 г. Клавдия.

¹¹⁰⁷ - Tacit. Ann. XII, 54: cuncta malefacta sibi impune ratus tanta potentia subnixo.

¹¹⁰⁸ - Арх. XX, 8, 5–6, особенно же περὶ ἁλ. II, 13, 2–6.

¹¹⁰⁹ - περὶ ἁλ. II, 13, 2; Арх. XX, 8, 5.

¹¹¹⁰ - Tacit. Ann. XII, 54: intempestivis romedlis delicta accendebat.

¹¹¹¹ - Об этой партии знает также Дееписатель, (Деян. 21:38). Во время войны они заявили себя наиболее отчаянным сопротивлением п. ἁ. II, 17, 6; IV, 7, 2; 9, 5; VII, 8, 1 и д. 10, 1; 11, 1. Срв. Sch. I, 481.

¹¹¹² - περὶ ἁλ. II, 13, 3; Арх. XX, 8, 5.

¹¹¹³ - περὶ ἁλ. II, 13, 4; Арх. XX, 8, 6.

¹¹¹⁴ - Деян. 21:38.

¹¹¹⁵ - Арх. XX, 8, 7; περὶ ἁλ. II, 13, 7.

¹¹¹⁶ - Деян. 21:38; περὶ ἁλ. II, 13, 5; Арх. XX, 8, 6; Срв. также Euseb. Hist.

Eccl. II, 21

¹¹¹⁷ - περὶ ἁλ. II, 13, 6; Арх. XX, 8, 6.

¹¹¹⁸ - Арх. XX, 8, 8 Еще раз повторяет Иосиф то же XX, 9, 2 из эпохи Альбина, предпоследнего прокуратора.

¹¹¹⁹ - Точно это определение года отбытия Феликса дано быть не может. Новейшие исследования хронологии жизни Ап. Павла заставляют сказать вместе с Wurm'ом, о годе отбытия Феликса: самое раннее – 58 г., самое позднее – 61, вероятно же 60 г., см. Schür. I, 483, 38 прим. Несомненно, ошибочно показание хроник Евсевия – армянской и Иеронимовой, полагающих смену Феликса – первая в 54 г., вторая в 56 г. – в виду того, что большая часть правления Феликса, вне только по Иосифу, но и у самого Евсевия, продолжается в правление Нерона.

¹¹²⁰ - Подкупленным был, по всем рукописям, Beryllus, παιδαγωγὸς... του Νέρωνος, τάξιν τὴν ἐπὶ τῶν Ἑλληνικῶν ἐπιστολῶν πεπιστευμένος, вместо которого издания Hudson'a и Haverkamp'a ставят Burrus'a, известного praefectus praetorio, без разумных, однако, оснований, в виду точной характеристики Иосифа, который знал и Бурра настолько, чтобы не смешивать его с Beryll'ом (Арх. XX, 8, 2).

¹¹²¹ - Арх. XX, 8, 9; περὶ ἁλ. II, 14, 1.

¹¹²² - Арх. XX, 8, 9; п. ἁ. II, 14, 4. Из сопоставления обоих повествований Иосифа открываются следующие в них неточности и неясности. В то время, как по Археологии послы Кесарийских Иудеев отправляются с жалобой на Феликса уже по его отбытии, по п. ἁ. это были по-видимому не другие послы,

как те, которое были отправлены самим Феликсом по Кесарийскому делу от обеих заинтересованных сторон. Дело по-видимому происходило так, как имеет п. ѡ., причем жалоба на Феликса была не специальной целью Иудейского посольства, а принесена была им в виду последовавшей смены Феликса. Несомненно, неточно и представление дела в п. ѡ., где получение постановления Кесаря отодвигается по-видимому слишком далеко к возбуждению войны (при Флоре 66 г.); это видно из того, что в Риме был еще жив Паллас, защитник Феликса, а его, по Тациту, *Annal.* XIV, 65 уже с 62 г. не было в живых.

¹¹²³ - Это был дворец Асмонеев, господствовавший над позицией храма, и служивший (*Арх.* XX, 8, 11, и п. ѡ. II, 16, 3; VI, 6, 2) обычной резиденцией Агриппы во время поездок в Иерусалим. Агриппа надстроил его значительно в высоту, чтобы панорама города давала более приятных пейзажей.

¹¹²⁴ - Время его выступления определяется из п. ѡ. VI, 5, 3 – где Альбин, выставляется прокуратором за 4 года до возбуждения войны и за 7½ лет до разрушения храма.

¹¹²⁵ - *Περὶ ѡλ.* II, 14, 1.

¹¹²⁶ - *He Ἀνάνου*, но *Ἀνανίου*, срв. п. ѡ. II, 17, 2; 20, 4. Derenbourg, *Histoire de la Palestine*, p. 248, not. 1.

¹¹²⁷ - Так напр., было, когда сикарии захватили главного надзирателя храма Елеазара (сына Анании) и, послав сказать об этом Анании, требовали взамен его выкупа 10 своих товарищей. *Арх.* XX, 9, 3.

¹¹²⁸ - *Schür.* I, 489.

¹¹²⁹ - О дальнейшей судьбе Альбина (*Lucceius Albinus*) узнаем из Тацита *Hist.* II, 58–59: он был прокуратором Мавритании при Нероне, Гальбе и Отоне, и во время борьбы последнего с Вителлием кончил жизнь в 69 г.

¹¹³⁰ - Клазоменянин, пролезший в прокураторы благодаря близости своей жены Клеопатры с Поппеей, супругой Нерона, *Tacit. Hist.* V, 10. Годы его правления определяются из *Арх.* XX, 11, 1, где говорится, что война возгорелась во 2-й год правления.

¹¹³¹ - *Арх.* XX, 11, 1; п. ѡ. II, 14, 2.

¹¹³² - *περὶ ѡλ.* II, XV, 3.

¹¹³³ - *περὶ ѡλ.* I, 2.

¹¹³⁴ - *ib.*

¹¹³⁵ - *περὶ ѡλ.* I, 4.

¹¹³⁶ - Это, между прочим, и заставляет Иосифа как бы невольно выражаться большей частью о действующих лицах восстания так: «народ», (п. ѡ. II, 14, 7; 17, 1; и масса др., «все Иудеи» (II, 16, 3; и мн. под., особенно см. II, 18, 1, «рассвирепел весь народ Иудейский»).

¹¹³⁷ - Это, между прочим, заставляет, как бы по какому чутью, начать описание войны Иудейской издавека, с самого начала знакомства Иудеев с Римлянами.

¹¹³⁸ - II, 14, 4–17, 2. Следует отметить здесь несколько своеобразных обоснований войны и ее бедствий у Иосифа, не чуждых даже мистицизма, изобличающего во всяком случае более глубокий смысл восстания, чем случайный «разбой» отдельных элементов. В пяти нижеследующих местах Иосиф обосновывает неизбежность войны всякий раз по своему: 1) в XX, 8, 5 он ссылается на злодейство сикариев не только в городе, но и в самом храме, как на «причину», по которой «как думать надлежит, и Бог, возгнушавшись столь крайним их нечестием, отвратив лицо Свое от града и не почитая уже более чистым храма Своего, навел на нас Римлян, попавив град огнем, и предал нас в порабощение с женами и детьми, с тем намерением, чтобы мы, исправившись бедствием, обратились к здоровым мыслям». 2) В XX, 9, 1 Ориген читал подобную же мысль, приурочивая сатисфакцию несчастий к убиению Иакова, всем народом чтимого праведника. 3) В XX, 9, 6, – упомянув об уравнивании певцов левитов со священниками в праве ношения льняной одежды, дает понять, что война была возмездием именно за это вопиющее нарушение отеческих уставов, достойное всякого наказания. 4) В XX, 9, 4 – ведет бедствия «с того наиболее времени», как Костовар и Саул, набрав по полчищу развращенных людей, получили право безнаказанно обижать беспомощных граждан. Наконец, 5) в XX, 8, 9 – началом всех зол и последующих бедствий полагает указ Кесарийский, лишивший Кесарийских Иудеев прав гражданства, после чего будто бы Иудеи «дотоле не переставали поднимать смятений, пока не возгорелась война». После уже возбуждения этой войны, пред самым финалом ее – разрушением города и храма, Иосиф приводит еще несколько подобных, более или менее случайного характера, обоснований бедствий войны (VI, 3, 5 и д.). Не отрицая их такого или иного значения в общем, мы должны, однако, все их подчинить одному существенно важному основанию, которое мы видим в отвержении Мессии, этой души Израиля, без которой самая отчаянная борьба за свободу и убеждения являлась борьбой за фикцию.

¹¹³⁹ - περὶ ἁλώσ. II, 14, 4.

¹¹⁴⁰ - II, 14, 4.

¹¹⁴¹ - II, 14, 5.

¹¹⁴² - II, 14, 9.

¹¹⁴³ - π. ἁ. II, 15, 2–16 день Артемизия == Ijjar, Май 66 г. срв. π. ἁ. II, 14, 4; Арх. XX, 11, 1.

¹¹⁴⁴ - II, 14, 9. Насколько ужасна была вообще эта резня, достаточно свидетельствует факт, что даже сестра Агриппы – Вероника, находившаяся в это время в Иерусалиме для выполнения обетов назорейства, едва могла быть спасена своей стражей в собственном дворце, после того как тщетно пыталась упросить Флора о прекращении неистовств.

¹¹⁴⁵ - праздновал назначение в наместники Тиверия Александра (περὶ ἁλ. II, 15, 1).

¹¹⁴⁶ - на «Ксистос'е» – открытый плац пред дворцом Асмонеев, который занимал Агриппа.

¹¹⁴⁷ - Мысль эту до буквальности сходно выражает Иосиф в собственной речи Иудеям, говоренной при осаде Иерусалима (X, 9, 3).

¹¹⁴⁸ - Параллель к этому см. в той же речи Иосифа V, 9, 3.

¹¹⁴⁹ - II, 17, 1. Немного спустя, когда двинуты были на Иудеев первые римские силы Цестием, и Агриппа, по выражению Иосифа, заметил их «небезопасность», он «самоотверженно предложил еще раз свои услуги для увещания Иудеев» послав к ним для предварительных переговоров двух послов. Но последним не дали ни слова выговорить, и, одного убили, а другой успел бежать. Конечно, Иосиф, по обыкновению своему, объясняет это делом отдельных «мятежников», боявшихся, как бы «народ» действительно не склонился на увещание Агриппы и угрозы Римлян (п. α.II, 19, 3).

¹¹⁵⁰ - У Strabo XVI, 2, 44 p. 764 Μοασάδα.

¹¹⁵¹ - п. α.VII. 8, 3; Арх.XIV. 11, 7; п. α.I, 12, 1; Арх.XIV, 13, 8 и д.; 14, 6; 15, 1 и д.; п. α.I, 13, 7 и д.; 15, 1; 15, 3 и д.

¹¹⁵² - Недалеко от Мертвого моря (Plinius, Hist. nat. V, 17, 73; срв. п. α.IV, 7, 2 и VII, 8, 3), нынешнее Sebbeh, где и теперь еще можно видеть следы осадных работ Римлян от 73 г. (Schür. I, 536, прим. 133).

¹¹⁵³ - Под всеми ими, а особенно первыми, должно, очевидно, разуместь не более, как «приверженцев Иродианского дома». Они-то, без сомнения, и были во всей войне тем исключением, которое побуждало Иосифа говорить, что войну вел «не весь» народ.

¹¹⁵⁴ - ὑπὸ Δαρείῳ μὲν ἱππάρχῳ, στρατηγῷ δὲ τῷ Ἰακίμου Φιλίππῳ, п. α.II, 17, 4 кон.). Этот Филипп, главнокомандующий отрядом Агриппы, внук Вавилонянина Замарии (Zamaris), основателя Иудейской колонии в Bataṇāa (Арх.XVII, 2, 3) срв. п. α.II, 20, 1; IV, 1, 10; βίος, 11, 3, 5, 36, 74; – упоминаемый в одной из надписей у Waddington'a Δομήδης [Δ] ἀρχὴς ἐπαρχὸς βασιλέως μεγάλου Ἀγρίππᾳ очевидно тождественен с нашим Δάρειος. (Le Bas et Waddington, Inscriptions, t. III, № 2135).

¹¹⁵⁵ - По отношению в этой несчастной когорте допущено было не совсем похвальное вероломство победителей. Эта когорта так же выпросила было свободный пропуск под условием положения оружия и оставления всего, что было с ними. Едва только, однако, воины сложили мечи и щиты, как Иудеи напали на них и коварно перебили всех, за исключением Метилия, начальника когорты (слабодушно умолившего Иудеев пощадить его, готового на все, вплоть до «обрезания»). Срв. Megillath Taanith § 14: 17 Елула удалились Римляне из Иудеи и Иерусалима» (Derenbourg, p. 443, 445; Hitzig, II, 600).

¹¹⁵⁶ - Точные цифры Иосифа вообще всегда нелишне принимать с некоторым сомнением, как и в данном случае, когда он говорит, что в Кесарии за один только час погибло более 20.000 Иудеев. Это был, но его словам, тот самый «час и день» (суббота), когда в Иерусалиме революционеры расправлялись с римской когортой, так что Иосиф склонен видеть в этом совпадении чуть не чудо мести Иудеям за Римлян («как бы по Божьему Провидению»).

¹¹⁵⁷ - II, 19, 2.

¹¹⁵⁸ - Более того, позор их не скрыл сам Иосиф, говоря, что от недоумения они обратились к плачу и рыданию, как объятые совершенным отчаянием (II, 19, 8).

¹¹⁵⁹ - Последние сослужили потом большую службу Иудеям.

¹¹⁶⁰ - Так надо понимать мысль Иосифа: «преследователи» Цестия (не хочет даже сказать – «победители»!), возвратясь в Иерусалим, к себе присоединили державших еще сторону Римлян, отчасти силой, а отчасти ласканием (II, 20, 3) τοὺς μὲν βίᾳ τοὺς δὲ πειθοί. Были и такие, которые предпочли оставить город, не столько м.б. по боязни неудач, сколько по дружбе с Римом.

¹¹⁶¹ - Βίος, 12.

¹¹⁶² - περὶ ἁλ. II, 20, 6; βίος 37. Из этих местностей Сепфорис ограничился потом лавирующим участием в борьбе; Тарихея, Тивериада и Гамала хотя принадлежали к области царя Агриппы, но стояли за революцию.

¹¹⁶³ - περὶ ἁλ. II, 20, 6–8.

¹¹⁶⁴ - Περὶ ἁλ. II, 21, 1–2, βίος 13.

¹¹⁶⁵ - περὶ ἁλ. II, 21, 3–5. Βίος 26–30.

¹¹⁶⁶ - Такова π. ἁ. II, 21, 6; особенно βίος 16–18, 42 и мн. др.

¹¹⁶⁷ - II, 21, 7; 8; 9; 10.

¹¹⁶⁸ - περὶ ἁλ. II, 22, 1.

¹¹⁶⁹ - περὶ ἁλ. II, 21, 7. Βίος 38–64.

¹¹⁷⁰ - Немало хлопот подобного рода причинила Иосифу Тивериада с смешанным, частью римским, частью антиримским населением (Βίος 9), и в силу этого колебавшимся то в сторону Агриппы, то даже Иоанна Гисхалы, лишь бы только не Иосифа. Вообще о поведении этого города, в отдельности, представление Иосифа страдает крайними неясностями и тенденциозностью. Подчиненная хитростью и насилием Иосифа (II, 21, 8–10. Βίος, 32–34), Тивериада (πρῶτοι τῆς βουλῆς) впоследствии еще раз вступает в переговоры с Агриппой, прося его о помощи (Βίος, 68–69; вообще см. Sch. II, 129 и д.).

¹¹⁷¹ - Собственно, только II, 20, 5–8 г. прямо и положительно говорят о приготовлениях к войне с Римом. Все остальное, что передает Иосиф из своей Галилейской деятельности, не имеет прямого отношения к этим приготовлениям.

¹¹⁷² - II, 22, 1.

¹¹⁷³ - вскоре после этого умершего, Tacit. Hist. V, 10: fato aut taedio occidit, хотя зимой 66/67 еще имеются указания на его пребывание в провинции, см. Βίος, 8, 43, 65, 67, 71.

¹¹⁷⁴ - π. ἁ. II, 20, 1; III, 1, 1.

¹¹⁷⁵ - Иосиф не преминул здесь подпустить обычного фимиама своим Римским друзьям, находя, что этот выбор был сделан, «не без определения Божьего».

¹¹⁷⁶ - срв. Mommsen. Röm. Gesch. V, 533 и Schür. I, 511, пр. 31.

¹¹⁷⁷ - По обычному тексту п. ᾠ.ΙΙΙ, 1, 2–3 – Титу поручается собственно привести как будто 2 легиона, τὸ τε πέμπτον καὶ τὸ δέκατον. Между тем, в п. ᾠ.ΙΙΙ, 4, 2 читаем, что эти легионы были уже у его отца, когда он привел к нему Египетские силы, и что эти последствия составляли один 15-й легион (καὶ ἐκεῖ (в Птолемаиде) καταλαβὼν τὸν πατέρα, δυσὶ τοῖς ἅμα αὐτῷ τάγμασιν, ἧν δὲ τὰ ἐπισημώτατα τὸ πέμπτον καὶ τὸ δέκατον, ζεύγνυσι καὶ τὸ ἄχθὲν ὑπ' αὐτῷ πεντεκαίδεκατον). Имея в виду свидетельство Sueton. Tit. 4, по которому Тит во время войны был начальником одного легиона (legioni praepositus), мы должны признать более правильным последнее из указанных мест Иосифа, в первом же вместо τὸ τε πέμπτον καὶ τὸ δέκατον читать τὸ πεντεκαίδεκατον. (Renier, Memoires de l' Académie des inscr. et belles-lettres, t. XXVI, 1 p. 298, not. 8).

¹¹⁷⁸ - п. ᾠ.ΙΙΙ, 2, 4; βίος, 71. Сепфорийцы еще до прибытия Веспасиана просили Римской помощи, защищаясь от принуждения к мятежу со стороны Иудеев. Была ли она тогда или теперь только оказана, или усилена, не совсем ясно. Schür. II, 123.

¹¹⁷⁹ - Tacit. Hist. I, 10. «Флавий Веспасиан вел войну в Иудее (его назначил Нерон) с 3 легионами».

¹¹⁸⁰ - п. ᾠ.ΙΙΙ, 4, 2.

¹¹⁸¹ - Βίος, 71.

¹¹⁸² - περὶ ᾠ.ΙΙΙ, 6, 2–3.

¹¹⁸³ - περὶ ᾠ.ΙΙΙ, 7, 2.

¹¹⁸⁴ - Из дальнейшего узнаем, что силы Иосифа при взятии Иотапаты не уступали численностью силам Римлян (III, 7, 35). Тем более, значит, позорно его малодушие и отступление.

¹¹⁸⁵ - Хотя это не совсем мирится с III, 7, 33; 8, 9 – по которым осада длилась 47 дней и с III, 7, 36, где говорится, что она кончилась 1-го Панема.

¹¹⁸⁶ - «Не щадили возраста» и т.д. III, 7, 1.

¹¹⁸⁷ - III, 7, 4.

¹¹⁸⁸ - III, 7, 7.

¹¹⁸⁹ - Они также заявили себя не с особенно похвальной стороны вылазками, стоившими не малых непроизводительных затрат убитыми и ранеными (III, 7; 5, 6).

¹¹⁹⁰ - III, 7; 10, 13, 14, 20, 28, 29.

¹¹⁹¹ - III, 7, 15–16.

¹¹⁹² - «Юноши, старцы и жены с младенцами, – говорит Иосиф, – обливаясь слезами, повергались к ногам его (т.е. Иосифа) и, держа его в своих объятиях, с рыданием умоляли остаться разделить их общую судьбину"... (III, 7, 16). Если бы даже и пересолил здесь Иосиф в выражениях ему такой преданности населения (надо сознаться – неудивительной в такое время), то это только красноречивее говорит за то, какой дорогой ценой он давал покупать свои – собственно говоря – недорогие услуги, свое самоотвержение и медлительность в продаже своего дела Римлянам.

¹¹⁹³ - III, 7, 33.

¹¹⁹⁴ - Несколько меньше, ибо Иосиф включает в это число погибших ранее.

¹¹⁹⁵ - III, 7, 36.

¹¹⁹⁶ - III, 8, 1.

¹¹⁹⁷ - III, 8, 1.

¹¹⁹⁸ - Надо заметить, что эта решимость стала колебаться также от огня, который Римляне бросали в пещеру.

¹¹⁹⁹ - Конечно, речь эта в действительности не была такой.

¹²⁰⁰ - По Zonaras Annal. XI, 16,

¹²⁰¹ - В последних, впрочем, это пророчествование усвояется R.

Jochanan'y ben Skkai. Derenbourg, p. 282... Holwerda (Verslagen en Mededeelingen der koninkl. Akademie van Wetenschappen, Afdeling Letterkunde, Tweede Reeks deel, II, 1872, p. 137 и д.) обращает внимание, что подобные предсказания усвоятся о Тите и Веспасиане языческому жрецу. Так Sostratus, жрец Афродиты в Пафе, на Кипре, предсказывает вопрошавшему оракула Титу, на основании благих предзнаменований, хорошее будущее (Tacit. Hist. II, 4: *petito secreto futura aperit*. Еще яснее Светон. Тит. с. 5: *aditoque Paphiae Veneris oraculo, dum de navigatione consulit, etiam do imperii spe confirmatus est*). Жрец Василид (Basilides) на Кармиле делает подобное же предсказание Веспасиану на основании жертвенных предзнаменований (*quidquid est Vespasiane, quod paras, seu domum extruere seu prolatare agros sive ampliare servitia, datur tibi magna sedes, ingentes termini, multum hominum* (Tacit. Hist. II, 78, срв. Sueton. Vesp. с. 5: *apud Judaeam Carmeli dei oraculum consulentem ita confirmavere sortes, ut quidquid cogitaret voveretque animo quamlibet magnum, id esse proventurum pollicerentur*.) Обычно, эти языческие предсказания отождествляются с Иосифовым. Свидетельство Светония: (Весп. 5): «один знатный Иудейский пленник, именем Иосиф, когда по приказу Веспасианову посадили его в темницу, с великой твердостью уверял, что тот же, который его заключил, освободит его в скорости, однако уже будучи императором». Еще Тацит, I, 10: «после его (Веспасиана) возвышения мы поверили, что по сокровенному закону судьбы как знамениями, так и ответами (оракулов) Веспасиану и его детям была предназначена императорская власть».

¹²⁰² - III, 8, 9; в объяснение возможности подобной «выдумки» Иосифа достаточно припомнить его первые попытки к предательству, описываемые им III, 7, 15 и д. Достоин замечания образ речи Иосифа: «когда один из приятелей Веспасиана выразил ему (вполне основательное) удивление, почему Иосиф не предвидел своей участи и участи Иотапат, и на этом основании заподозривал его предсказания, то Иосиф отвечал, что он предсказывал Иотапатянам"... и т.д. Эта попытка ополчиться за свое пророчество – совершенно ясно изобличает, что оно имело в виду какой-то интерес, – очевидно шкурный.

¹²⁰³ - По дальнейшей деятельности Иосифа в качества парламентаря можно судить, что желание сохранить ему жизнь могло вызываться надеждами на это именно его посредничество. Независимо от того, эта непрерывная демонстрация «храброго вождя» в качестве пленника при Римском лагере

сама по себе могла казаться одним из сильных средств для колебания мужества восставших и для склонения их на лучшие чувства, хотя на деле и не оправдала таких надежд: один вид «предателя» заставлял только сильнее ожесточаться и клеймить печатью презрения не только пленника, но и пленителей.

¹²⁰⁴ - «Не осталось человека, который бы известил Иерусалим о несчастьи Иотапат» (III, 9, 5). Это образчик «милостивого отношения Римлян к побежденным». А вот образчик глупейшего самохвальства нашего автора: «между прочим разглашено было, что во время разорения Иотапат и Иосиф лишился жизни, что исполнило печалью весь Иерусалим. Каждый дом и фамилия оплакивали своих, кого лишились, но о военачальнике плач был всенародный. Одни проливали слезы о гостях, другие о сродниках, иные о друзьях, братьях, о Иосифе же все и т. д.

¹²⁰⁵ - Срв. особ. III, 10; 3, 5, 6, 9, 10. Не менте характерно, что часть побежденных, взятых в плен, Веспасиан подарил Агриппе, как их государю, а этот... продал своих «подданных». (III, 10, 10).

¹²⁰⁶ - Sueton. Tit. 4 ошибочно усваивает завоевание этой крепости не Веспасиану, а Титу. Последний во время ее завоевания был послан Веспасианом преследовать повстанцев (срв. п. ѡ.IV, 1, 5), ушедших от меча Римлян на своих кораблях в озеро. В этом преследовании Тита отличила в своем роде «victoria navalis», увековеченная на монетах и триумфированная на торжествах победы в Риме (п. ѡ.VII, 5, 5).

¹²⁰⁷ - п. ѡ.IV, 1, 2.

¹²⁰⁸ - Иосиф дает нам здесь право заключить, что если бы соразмерное сопротивление и храбрость были оказаны Римлянам в Иотапате, то продолжительность осады пришлось бы измерять не 47 днями, а также целыми месяцами или даже и годами.

¹²⁰⁹ - Иосиф склонен представлять этот маневр Иоанна пародией на честное отступление (п. ѡ.IV, 3, 1). Но ко всяком случае, то сочувствие, с каким встретило его все множество народа и интерес к его сообщениям, доказывает, что этот вождь имел значение большее, чем «предводитель разбойников», а его близость ко многим влиятельнейшим членам Иерусалимского комитета (IV, 3, 13) еще более опровергает эту клевету на него Иосифа.

¹²¹⁰ - Сюда, по словам Иосифа, «стекались все, бежавшие воины (IV, 2, 1).

¹²¹¹ - περὶ ѡλ.IV, 3, 1–3.

¹²¹² - п. ѡ.IV, 3, 4–5.

¹²¹³ - п. ѡλ.IV, 3, 6–8. Срв. Derenbourg p. 269.

¹²¹⁴ - Schürer отождествляет его с Иосифом сыном Гориона, II, 20, 3. Срв. также Derenbourg. p. 270.

¹²¹⁵ - βίος, 38, 39, 44, 60. Derenbourg, p. 270–272, 474 и д.

¹²¹⁶ - В своей речи Анан (IV, 4, 3), по-видимому, сам опровергает подобного рода подозрения; но Иосиф потом их и подтверждает, характеризуя первосвященника таким образом: «мир выше всего ставил, зная, что нельзя

победить Римлян, и предвидя, что Иудеи неминуемо от войны погибнут, ежели не заключат мира с Римлянами. Коротко говоря, ежели бы Анан был жив, без сомнения мир бы последовал" ... (IV, 5, 2). Срв. также IV, 5, 5, где мысль о предательстве называется «чистейшим вымыслом», и что «никто не ожидал прихода Римлян».

¹²¹⁷ - п. ѱ. IV, 5, 4. Пророческое указание на этого именно Захарию находят в словах Спасителя (Мф.23:35; Лк.11:51), хотя, по мнению других, можно разуместь здесь и более ранние происшествия.

¹²¹⁸ - IV, 5, 5; 6, 1.

¹²¹⁹ - IV, 6, 1.

¹²²⁰ - Здесь можно видеть намек на выселение христианского общества из Иерусалима в Пеллу (Перея), (Euscb. Hist. eccl. III, 5, 2–3. Eriph. haer. 29, 7; de mensuris et ponderibus § 15). Выселение это последовало κατὰ τὴν χρησὸν τοῖς αὐτοῖσι δοκίμοις δι' ἀποκαλύψεως ἐκδοθέντα и т.д.

¹²²¹ - IV, 7, 1.

¹²²² - Способному звучать только горькой иронией.

¹²²³ - IV, 7, 4–6.

¹²²⁴ - IV, 7, 6.

¹²²⁵ - Подробнее о путешествии Тита, см. Тац. Ист. II, 1–4.

¹²²⁶ - «По некоему Божьему побуждению» как догадывается Иосиф (IV, 9, 2).

¹²²⁷ - т.е. сын прозелита (υἱὸς Γῶρα). Βαργυοῦρᾶς, Bargiora имеют также Dio Cass LVII, 7 и Tacit. Hist. V, 12, который, впрочем, ошибочно усвоит это прозвище Иоанну.

¹²²⁸ - IV, 10, 2–6. Tacit. Hist. II, 79–81. Suet. Vesp. 6. Отметим маленькое различие в свидетельствах: по Тациту и Светонию, Веспасиана провозглашают первыми египетские легионы, по Иосифу – палестинские (по Тац. провозглашение в Палестине было «quintum Nonas Julias», по Светон. V Idus Jul.)». – Иосиф тотчас по провозглашении Веспасиана имп. получил от него свободу, причем произошла целая «церемония» освобождения от уз вестника «предсказаний божественных» и «служителя гласа Божьего». Узы его были при этом торжественно пересечены, «что обыкновенно делалось для безвинно заключенных» и вместе означало признание его быть «достойным того, чтобы верить предсказаниям его о будущем» (!) IV, 10, 7.

¹²²⁹ - Усиленные сверх прежних 5. 10 и 15-го еще 12-м легионом и большими вспомогательными отрядами союзных царей п. ѱ.V, 1, 6; Tacit. Hist. V, 1. Тиверий Юлий Александр, называемый у Иосифа τῶν στρατημάτων ἄρχων (V, 16), πάντων τῶν στρατημάτων ἐπάρχων ἱπάρχων (VI, 4, 3) – согласно, между прочим, с древними надписями, Mommsen, corp. Inscr. Graec. t. III, p. 1178, n. 4536 f. == Hermes t. XIX, 1884 г. с. 644 – по мнению Schürer'a, присутствовал при войске Тита в качестве, так сказать, шефа генерального штаба (Generalstabs-schef); подобного шефа со званием praefectus praetorio имели императорские войска. См. Schürer, I, 524, пр. 85.

¹²³⁰ - V, 3, 1; срв. V, 13, 7.

¹²³¹ - V, 2, 1–2; 2, 4–5.

¹²³² - Чтобы представить себе эти работы, необходимо иметь понятие о топографии древнего города, даемое Иосифом в V, 4, см. также Schürer, I, 525 и д. Во время этих работ, между прочим, погибли прекрасные леса в окрестностях Иерусалима, на 90–100 стадий (4½ ч. пути) во все стороны от него (V, 3, 2; V, 6, 8; V, 12, 4; VI, 1, 1; VI, 8, 1).

¹²³³ - V, 3, 1; Tacit. Hist. V, 12 кон.

¹²³⁴ - По Иосифу, он прозревал эту хитрость Иудеев и, не участвовав сам в этом эпизоде, готов был сильно наказать виновных. Но их оказалось так много, что он должен был подчиниться своему правилу: «казнь одного исполнить самым делом, а многих – только на словах!». Гнев на Иудеев выразился пока в угрозе показать им, что «у Римлян и победить без повеления предводителя бесчестно (V, 3, 3–4)». Знаменательно, что всего за день до этого Иосиф исполнял свою не низкую роль – увещателя осажденных к покорности Риму, повторяя это не раз и потом, без всякого успеха и с опасностью жизни. (Срв. V, 6, 2; V, 9, 3–4; V, 13, 3; VI, 2, 1–2; VI, 2, 3–4; VI, 7, 2).

¹²³⁵ - V, 6, 2–5. Sueton. Tit. 5: duodecim propugnatores totidem sagittarum confeci ictibus.

¹²³⁶ - за которую потом Иудеи отмстили не менее удачно (V, 7, 4).

¹²³⁷ - V, 7, 2.

¹²³⁸ - V, 7, 3–4; 8, 1–2.

¹²³⁹ - Сказанная по этому случаю речь Иосифа к Иудеям (V, 9, 3) во многом сходна с речью Агриппы (II, 16, 4), что доказывает, что в основе той и другой лежат убеждения самого Иосифа. В числе новых нелепейших доводов в пользу покорности Риму здесь находим и тот, что «и диким зверям и людям предписан ненарушимый закон, чтобы уступали сильнейшим, и чтобы те побеждали, у кого вся сила оружий (!)» – как видим: настоящее право кулака! Но возмутительнее всего попытка представить Бога всецело на стороне Римлян и привлечь к объяснению их успехов даже чудодейственную силу Божью (см. конец речи).

¹²⁴⁰ - V, 10, 2–5; 11, 1–2. Впоследствии, когда на некоторых из перебежчиков было замечено, что они глотали пред побегом золотые деньги, сохраняя их таким путем от ограбления, несчастных стали убивать всех до одного, отыскивая в их внутренностях спрятанное золото (V, 13, 4–5).

¹²⁴¹ - V, 11, 4–6.

¹²⁴² - Подобный способ покорения городов применен был и в других случаях, напр., Цезарем (Bell. Gall. VII, 69), а также при взятии Масады (περί ἁλ. VII, 8, 2). Следы этих работ можно замечать до настоящего времени.

¹²⁴³ - V, 12, 1–2, (Лк. 19:43).

¹²⁴⁴ - V, 12, 3; 13, 7; VI, 3, 3, срв. Aboth derabbi Nathan, с. 6 у Derenb. p. 285. Ужасающий случай с Марией из Beth-Esôb, сварившей себе в пищу

собственное дитя (VI, 3, 4) имеется также у Euseb. H. E. III, 6, Hieron. ad Ioel. I, 9 и д., и места в Талмуде и Midrasch у Grätz, B. III, 4 Aufl. s. 574 (2 Aufl. s. 401). Надлежит отметить здесь, что съедение собственного дитяти принадлежит к обычным декорациям при изображении ужасов войны, так в – угрозах: Лев. 26:29; Втор.23:53; Иер.19:9; Иез.5:10; а в истории: 4Цар.6:23–29; Плач.2:20; 4:10; Вар.2:3.

1245 - V, 13, 6.

1246 - V, 13, 7.

1247 - V, 12, 4.

1248 - V, 12, 4.

1249 - VI, 1, 1–3.

1250 - Речь, влагаемая Иосифом в уста Тита, по обычаю блещет риторическими несообразностями, доходящими до того, что Тит даже забывает о своих языческих богах и говорить об этом так, как мог только Иосиф. (VI, 1, 4).

1251 - VI, 1, 7–8.

1252 - Для чего она частью была разрушена VI, 2, 1.

1253 - VI, 2, 1. Mischna Taanith, IV, 6: בשבצה צשר בהמוז בסל התסיר

1254 - Речь Иосифа, которую он старается представить особенно трогательной (VI, 2, 1–2), по обычаю, была напрасным усилием «замалевать беса», направляясь вся к восхвалению справедливости «Боговспомоществуемых» Римлян и обещанию меньших несчастий в случае добровольной сдачи. Первое, конечно, являлось во очию всех не более как горькой иронией; второе совсем не шло к людям, готовым на все за свою честь и свободу. Наконец, главное, что не переставало одушевлять Иудеев до последних минут, высказано Иоанном: «никогда не должно страшиться разорения, ибо Иерусалим – град Божий». (VI, 2, 1). Пред этой мыслью бегут всякие ужасы и угрозы, и она-то именно придает столь торжественно-трогательный характер отчаянному сопротивлению Иудеев, без этой мысли совершенно нелепому и невозможному.

1255 - VI, 2, 5–6.

1256 - VI, 2, 7.

1257 - VI, 3, 1–2. Иосиф не забывает при этом подпустить фимиаму обаятельному Титу, который при этой катастрофе обнаруживал соболезнование несчастным и рвался оказать им хоть какую-нибудь помощь. Это видели сами погибавшие, и «принимая его слова и соболезнование как какое великолепное погребение, умирали с веселым духом».

1258 - VI, 4, 1–2.

1259 - VI, 4, 3. Отличное представление о сем имеет Sulpicius Severus, Chron. II, 30, где читаем, что действительно некоторые подавали эту мысль, но contra alii et Titus ipse overtendum in primis templum censebant, quo plenius Judaeorum et Christianorum religio tolleretur: quippe has religiones, licet contrarias sibi, isdem tamen ab auctoribus profectas; Christianos ex Judaeis extitisse: radice

sublata stirpem facile perituram. То же самое, лишь с иной мотивировкой, имеем у Орозия, VII, 9, 5–6. См. Schür. I, 530, 115 пр. Если бы разъяснить вопрос, не следовал ли Sulpicius в выраженном мнении Тациту столько же, как вообще он зависел от него (Bernays, Über Chronik des Sulp. Sev.), это было бы большим подспорьем достоверности его в противовес Иосифу. К несчастью, материал Тацита за данное время до нас не сохранился. Во всяком случае, должна быть доля правды в том, что Иосиф не даром старается освободить Тита от nota crudelitatis.

¹²⁶⁰ - VI, 4, 4–5.

¹²⁶¹ - VI, 1, 4, 6–7.

¹²⁶² - Раввинистические предания считают днем гибели храма 9-е Ab (Mischna Taanith IV, 6) и именно – навечерие его (b. Taanith 29a. Derenb. p. 291), т.е., по нашим и понятиям 8-е число. Следовательно, надо полагать, что разрушение здесь считается с того момента, как Тит подложил огонь к воротам храмовой площади, как это и естественно. По раввинским преданиям, день этот называется также «вечером субботы» (הבש יחמיו Derenb. p. 291), по Dio Cass. LXVI, 7 это было ἐν αὐτῇ τῇ τοῦ Κρόνου ἡμέρᾳ.

¹²⁶³ - VI, 5, 1.

¹²⁶⁴ - Меир, сын Белгин, и Иосиф, сын Далеев.

¹²⁶⁵ - Светоний. Весп., особ. 20, 21, 22 и др. То же и о Тите, 7.

¹²⁶⁶ - περὶ ἄλ. VI, 6, 1. Срв. Suet. Tit. 5, Dio Cass. LXVI, 7; Oros. VII, 9, 6 (По Светонию, Тит даже пришел к подозрению, что это означало его отложение от Веспасиана и призвание к самостоятельному обладанию Востоком).

¹²⁶⁷ - Что касается «природного человеколюбия» Тита, которое по Иосифу так же побуждало его согласиться на переговоры, то Иосиф сейчас же заставляет и заподозривать его, добавляя, что он только по совету друзей согласился на это, а друзья были способны на это – только сумев убедить Тита, что «разбойники приходят в раскаяние». (VI, 6, 2).

¹²⁶⁸ - VI, 6, 2.

¹²⁶⁹ - VI, 6, 3.

¹²⁷⁰ - п. ἄ. VI, 6, 3; 7, 2–3.

¹²⁷¹ - Оба они, впрочем, так же наконец положили оружие и позволили с собой делать Римлянам что угодно. Замечательно, что Иоанну Гисхале была оставлена жизнь. Если его поведение во время осады было действительно так ужасно, как его описывает Иосиф, не иначе называя его как разбойником, то такое снисхождение нельзя не назвать по меньшей мере странным, Симон сдался только уже в Октябре, выйдя из подземелья, в котором он пробивал с небольшой дружиной проход через противоокопы. Страдая от недостатка пищи, он также вышел к Римлянам и скончал жизнь в Риме от удушения (п. ἄ. VII, 5, 6; Dio Cass. LXVI, 7).

¹²⁷² - Весь город был сравнен с землею: только 3 башни Иродова дворца (Гиппик, Фасаилова и Мариаммова) и часть стен оставлены нетронутыми, первые – как показатель необычайной прочности города, последние – как защита для оставленного на пепелище гарнизона. Похвальной речью,

наградами отличившихся и жертвами, и празднествами ознаменовал Тит окончание этой трудной и стоившей стольких жертв осады.

¹²⁷³ - Последующие два года (71–73) были полны печальных отголосков Иудейских бедствий. Покончив с Иерусалимом, Тит отправился прежде всего в Кесарию, ведя с собой тысячи пленников. Потоками крови этих пленников, в борьбе со зверями и гладиаторами, отпраздновал он день рождения своего брата (Домициана) в Кесарии Филипповой (24 Окт. п. ̇.VII, 2, 1), а в Берите еще с большей «пышностью», т.е., кровопролитием – день рождения отца (17 Ноября). Такие же празднества ознаменовывали его прибытие в каждый другой, более или менее значительный город (Антиохия, Зевгма, Александрия). То, что происходило в Риме при возвращении победителя, превосходило все прежнее. Рассказ Иосифа о триумфе (71 г.) победителям Иудеи отличается достаточной подробностью, хотя едва ли можно назвать хорошо удавшуюся его попытку соединить в этом рассказе угодливость самолюбия Римского читателя с утешением самолюбия Иудеев, победе над которыми всесветные победители придавали такое важное значение. п. ̇.VII, 5, 3–7. Dio Cass. LXVI, 7, Светоний. Некоторые трофеи Иудейской войны, несенные в триумфальном шествии, доньше можно видеть на полустертых барельефах «Арки Тита» (семисвещник и стол с хлебами предложения), вторую евреи избегают доселе. Заметим здесь, что монеты Веспасиана, Тита и Домициана имеют надпись: *Ιουδαίας ἐαλωκυίας*, *Judaea devicta*, *Judaea capta*.

¹²⁷⁴ - Весьма важная мысль, указывающая на более глубокие причины Иудейского восстания, чем только недовольство Римским владычеством.

¹²⁷⁵ - VII, 8, 1–7; 9, 1–2. Это было уже в 4-й год Веспасиана (VII, 7, 1), т.е., (срв. Tacit. Hist. II, 79) весной 73 г. срв. Ewald, VI, 811.